ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Том 1

НИКИТА ХОНИАТ

История со времени царствования Иоанна Комнина

Том 1

(1118—1185)

«Александрия»
Рязань, 2003

...историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает, очевидно, не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не случившееся.
Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.)

Читая литературу о принятии христианства Владимиром Красное Солнышко, как правило, наталкиваешься на безапелляционные оценки и представления этого действительно чрезвычайно важного события. Почему-то чаще всего говорят, что христианизация Руси подняла нравственный потенциал русского народа, «столь необходимый для выполнения им его исторической миссии внутри многонационального государства и на международной арене. С введением христианства наша страна получила широкий доступ к накопленным человечеством знаниям, в том числе знаниям историческим, политическим, естественно-научным (не будем забывать, что Византия, откуда мы приняли христианство, была самой образованной страной того времени)»*. Отмечаются и другие положительные стороны отношений Руси и Византии, такие как: появление переводной и возникновение собственно русской литературы, распространение грамотности и образования, развитие русского церковного зодчества и иконописи и т. д.

Однако при внимательном взгляде на реалии (вещи, отвечающие действительности, а не воображаемые; подлинные процессы, а не придуманные) начинаешь поражаться фактическому материалу, который преподносит факты совершенно в другом аспекте. Одним словом, не все так просто и радостно, как кажется на первый взгляд. Я не стану говорить о язычестве как общественно-политической формации отсталой, дремучей, уродливой и никчемной, ибо это будет неверно. И до принятия христианства Русь имела все возможности приобщиться к тому великому, что достигло человечество на протяжении сотен лет своей истории. По этому вопросу можно провести дискуссию. Как и по утверждению, что Византия «была самой образованной страной того времени».

Александр Иванович Цепков
2 января 2003 г.
г. Рязань

---

* *Священник Игорь Экономцев.* Крещение Руси и внешняя политика Древнерусского государства / Тысячелетие крещения Руси. М., 1988. С. 103.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Том 1

НИКИТА ХОНИАТ

История со времени царствования Иоанна Комнина

Том 1

(1118—1185)

ББК 63.3(0)4
Ц 40

Об Антигоне, царе Македонском

Когда кто-то заявил: «Прекрасно и справедливо все то, что делают цари!» — он ответил: «У варваров — да, у нас прекрасно только прекрасное и справедливо только справедливое».

Плутарх (*ок. 46 — ок. 120 г.*)

Книга издана на средства
Цепкова Александра Ивановича

Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1. Подготовлена к изданию *Цепковым А. И.*
Текст подготовлен по изданию: **Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина.** Т. 1. СПб., 1860.

Труд Никиты Хониата открывает новую книжную серию «Византийская историческая библиотека». Начиная издавать работы византийских историков, мы надеемся, что они будут полезны не только исследователям, но и государственным мужам России.

ISBN 5-94460-003-9

Классификатор 95 3000
95 3150

К читателю

Общество устроено так, что одни созидают, другие разрушают. Такова логика борьбы противоположностей. Жаль только, что при разрушении гибнут великолепные здания, предметы искусства, книги. В череде бесконечных войн человечество потеряло непревзойденные труды ученых и путешественников, писателей и историков. В 1204 г. Константинополь захватили участники Четвертого крестового похода. Памятники культуры были разграблены, а многие и уничтожены. Картина повторилась, правда, в меньших масштабах при взятии Афин, Фив и других балканских городов. В частности, была опустошена библиотека митрополита Афинского Михаила, которую он с любовью собирал многие годы. В одном из писем Михаил с болью в душе пишет епископу Еврипскому Феодору: «Тебе известно, что я привез с собой немало книг из Константинополя в Афины, да и там еще приобретал новые. И не представлял я никогда, для кого собираю эти сокровища. Да и могло ли мне, несчастному, на ум прийти, что я делаю это не для своих соплеменников, а для италийских варваров: ведь они не в состоянии ни читать в подлиннике эти творения, ни разуметь их с помощью перевода. Скорее ослы постигнут гармонию музы и скорее навозные жуки станут наслаждаться благовонием мирт,

чем латиняне проникнутся очарованием красноречия»*. Митрополит Михаил был братом византийского историка Никиты Хониата (ок. 1155—1217). В отличие от книг из библиотеки брата, труд Хониата «История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина» дошел до нас. Никита, как истинный ученый, спас свое историческое произведение, бросив все остальное имущество при бегстве из Константинополя в 1204 г.

«История» Никиты Хониата повествует о правлении Иоанна II, Мануила и Андроника Комниных и императоров из династии Ангелов. В ней рассказывается и о полной приключений жизни самого историка, о его непростой судьбе, которая испытывала Хониата как благополучием, так и бедами и нищетой.

Над своим сочинением писатель работал много лет. Начал еще в молодом возрасте, а закончил зрелым мужем. Описал события византийской истории со смерти Алексея I Комнина до вступления на престол Генриха Генегауского (годы правления 1206—1216), брата латинского императора Балдуина, и его победы над валахами и скифами, вторгшимися во Фракию. Заканчивается сочинение благоговейным описанием памятников искусства Константинополя, пострадавших от варварского отношения: «А что лилейнораменная, дивнопрелестная, стройная станом Елена, восстановившая всех еллинов против Приамова града,— разорительница Трои... красота которой невольно порабощала всякого; хотя с своим пышным убранством она и в медном изображении казалась обворожительна! Все в ней располагало к любви,— и ее хитон более тонкий, чем паутина, и изящно наброшенное чудной работы покрывало, и облегавший чело венец, представлявший сделанным из золота и блестящих драгоценных камней, и пышные, распущенные, слегка развеваемые ветром волосы, стянутые сзади головы косою до самых колен. Ее полураскрытые, как почка розы, уста, казалось, что-то говорили; приятная улыбка, игравшая на них, вливала радость в сердце зрителя. Ее веселый взор, ее дугообразные брови, все прочие члены ее тела были так прелестны, что напрасна всякая

* Культура Византии. XIII — 1-я половина XV в. М., 1991. С. 18.

попытка изобразить их словом и передать потомству»*. Хониат с возмущением обличает вандализм разрушителей исторических памятников и культурных ценностей. По его словам, «с первого же, как говорится, шага, выказывая в себе языческое сребролюбие, они (латиняне. — *А. И. Цепков*) придумали новый род разбоя, не приходивший на ум никому из прежних грабителей Царьграда. Именно они вскрыли гробницы царей, стоявшие в погребальном приделе, пристроенном к главному храму Учеников Христовых, и среди ночи ограбили их все, святотатственно похитив все золотые украшения, жемчуга и блестящие драгоценные камни, которые доселе лежали в них сохранно. Тело царя Юстиниана оказалось после столь многих столетий неповрежденным. Хотя это явление поразило их, как чудо; однако не удержало от святотатственного грабежа. Таким образом западные пришельцы не щадили, можно сказать, ни живых, ни мертвых»**. Мы видим, с каким негодованием Хониат осуждает грубость и дикость завоевателей. Крестоносцы «обратили свои взоры на медные статуи и обрекли их на расплавку»***. Гениальные произведения были уничтожены.

Как и все историки, Никита Хониат использовал труды своих предшественников — Иоанна Киннама и Евстафия, но начиная с 80-х годов, когда он приступил к работе историографа, изложение повел от первого лица. Суждения историка самостоятельны, написаны живым красивым языком. Он не боится дать правдивую характеристику императорам, даже если его оценка развенчивает образ василевса. Не скрывает пороки власти: жестокость и зависть, своенравие и самоуправство, безрассудство и злоупотребления, корыстолюбие и алчность.

Немаловажную роль в историческом движении у Никиты Хониата играет судьба. Ей подвластны все, от императора до простого человека. От нее невозможно уклониться. Судьба — основа исторического мировосприятия.

* *Никита Хониат.* История, начинающаяся с **царствования Иоанна** Комнина. Т. 2 (1186—1206). СПб., 1862. С. 436—437.

** Там же. С. 428.

*** Там же. С. 429.

Никита Хониат отличался собственной точкой зрения на религию, гадания, знамения, астрологические предсказания и т. п. Она критически недоверчива, исполнена сомнения. Это свидетельствует о высокой степени интеллекта ученого.

Горизонт историка велик. Он охватывает церковных иерархов, обжор и стяжателей, чиновников-карьеристов, бездарных полководцев — провинциальных наместников, фаворитов императоров, развращенную и безнравственную городскую толпу, западное иерархическое устройство общества, храбрость, твердость, целеустремленность и верность рыцарства. Хониат — реалист. Он правдиво характеризует латинян, не умаляя их положительных качеств: «В самом деле, кто не знает, что, овладев каким-нибудь городом или местом, латиняне так крепко держатся за него, как будто бы это была их родина, и для того, чтобы прочно утвердиться в нем, не останавливаются ни перед какими затруднениями, повидимому, забывая даже о своей действительно родной стороне»*. В то же время иронично и зло пишет о своих соотечественниках: «Не так поступают римляне, которые готовы предоставить желающим свои последние одежонки! Покидая отечественные города, они охотно оттрясают прах от ног своих, не как евангельские ученики, но как ничтожные и низкие трусы, робеющие на войне хуже женщин... Глядя на этих людей, можно подивиться, как с течением времени они сами собой не извели друг друга: до такой степени они всегда уступчивы, слабы, бессильны в отношении к врагам и наглы, дерзки, заносчивы с своими соплеменниками»**.

Никите Хониату прекрасно удались исторические портреты действующих персонажей той эпохи. Они изображены подлинно и ярко, со всеми положительными и отрицательными качествами.

* * *

Начиная издание книжной серии «Византийская историческая библиотека», мы в первую очередь хотим выпустить в свет те труды византийских историков, которые исследователям, за малым исключением, недоступны. Это исторические произведения Никифора Григоры, Никиты Хониата, Дексиппа, Евнапия, Малха, Петра Патриция, Менандра, Кандида, Нонноса, Феофана Византийца, Георгия Акрополита, Георгия Пахимера, Михаила Панарета, Приска Панийского и Иоанна Киннама. Они не переиздавались с начала 60-х годов XIX в., и в настоящий момент являются раритетами. Как правило, в областных и университетских библиотеках они отсутствуют. Поколения региональных историков и краеведов их просто в глаза не видели. Такое положение дел в начале III тысячелетия недопустимо. Думаем, что наше издание «Византийская историческая библиотека» в какой-то мере поправит такое ненормальное положение. Правда, при осуществлении наших издательских планов мы встретились с немалыми трудностями в получении этих книг или хотя бы их копий. Но, как говорится, мир не без добрых людей. И такие люди нашлись в Вильнюсском университете, за что выражаем им сердечную благодарность.

24 февраля 2002 г.
Александр Иванович Цепков
г. Рязань

* *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 2 (1186—1206). СПб., 1862. С. 422.

** Там же. С. 422—423.

Краткое сведение о Никите Хониате и его «Истории»

Никита, по родовому имени Акоминат, а по месту рождения в фригийском городе Хонах (χωναι) обыкновенно называемый Хониатом, родился около половины XII века. На девятом году его возраста отец отправил его для воспитания в Константинополь, где в то время жил старший брат его Михаил, бывший впоследствии архиепископом афинским. Получив под руководством своего ученого брата отличное, по тогдашнему времени, образование и в особенности изучив красноречие и гражданское право, Никита, если не при Мануиле, то, по крайней мере, при Алексее Комнине был принят в число чиновников константинопольского двора и был одним из царских писцов. В этой должности он состоял и при Исааке Ангеле в его втором походе против валахов в 1188 году. Впоследствии, пользуясь всегда неизменным и вполне заслуженным расположением царей, он мало-помалу достиг высших государственных чинов и занимал весь-

ма важные должности как в столице, так и в провинциях*. В 1204 году, когда Константинополем овладели крестоносцы, он был одним из константинопольских сенаторов. Этот год, роковой для многих жителей Константинополя, был последним годом славы и счастья и для Никиты. Спасаясь от неистовства крестоносцев, истреблявших все огнем и мечом, он 17 апреля 1204 года оставил Константинополь и бедным странником удалился в Никею. Здесь, некогда богатый и знаменитый, он провел остальные годы своей недолгой жизни в бедности, терпя укоризны и поношения от прежних сограждан, подобно ему укрывшихся в Никее. Скончался после 1206 года, не дожив до старости.

Предлагаемая ныне в русском переводе история Никиты Хониата обнимает собою период времени от 1118 до 1206 года и служит как бы продолжением истории Анны Комниной. Начиная свое повествование о событиях в Византийской Империи смертью Алексея Комнина, Никита доводит его до начала царствования Генриха, брата Балдуинова, и, как сам говорит в предисловии, рассказывает или то, чему сам был очевидным свидетелем, или то, что слышал от очевидцев. Уже и это обстоятельство, рассматриваемое в связи с общественным положением Никиты, говорит весьма много в пользу его истории; но ее следует ценить тем выше, что в сочинителе всегда виден человек с умом светлым и образованным, с суждением свободным и неподкупным, с ха-

* Частью из текста его истории, частью из надписей над ней видно, что он был 1) секретологофетом (*ὁ Λογοθετης τῶν σεκρετων*), 2) великим логофетом (*ο μεγας Δογοθετης*), 3) чиновником, известным под именем *ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων*, 4) вилосудьей (*ὁ κριτὴς του βηλου*), 5) ефором (*ο εφορος*), 6) начальником над царской спальней (*ο προκαθημενος του κοιτῶνος*), 7) губернатором филиппопольским и 8) наконец, сенатором. Значение всех этих чинов и должностей объясняется в примечаниях к тексту истории.

рактером твердым и независимым. Вольф и Липс называют Никиту историком правдивым*, и нам кажется, этот приговор вполне справедлив. Если римско-католические писатели иногда и отзываются о Никите невыгодно, то причина этого очень понятна: Никита передал потомству печальную повесть о неистовствах латинян в Фессалонике, и особенно в Константинополе.

В предисловии к своей «Истории» Никита обещал рассказ ясный, простой и естественный; но, к сожалению, далеко не исполнил своего обещания. Начитавшись греческих поэтов, и в особенности Гомера, он явно старался подражать им, так что, по отзыву Вольфа, ему лучше было бы писать поэму, чем историю. Часто о самых простых вещах он говорит высокопарно, без нужды прибегает к метафорам, иногда совсем неуместным, и любит слова непонятные и малоупотребительные. Читать его трудно, а переводить — еще труднее. Наш перевод сделан с последнего издания его «Истории», вышедшего в Бонне под редакцией Беккера в 1835 году**.

* Hank. de Byzant. rerum scriptor. P. 537. Edit. Lips. 1677.

** Перевод выполнен в 1860 году под редакцией профессора В. И. Долоцкого.

Никиты Хониата
История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина

1. История[1] придумана на общую для всех пользу в жизни; из нее немало выгод могут извлечь люди, стремящиеся к совершенству. Зная события давно минувшие, она и объясняет свойства человеческие, и сообщает разнообразную опытность тем, кто имеет душу возвышенную и питает врожденную любовь к добру. Осмеивая порок и превознося добродетель, она людей, склонных к добру и злу, большей частью удерживает от зла и побуждает преуспевать в добре, если только они не от постыдной привычки и не от дурных наклонностей не радят о многолюбезной добродетели. К тому же люди, вошедшие в историю, становятся некоторым образом бессмертными, хотя они заплатили дань смерти и давно уже окончили свою жизнь; потому что о них хранится хорошая или дурная слава, смотря по тому, хорошо или худо они жили. Душа их перешла в другую жизнь, и тело разложилось на свои составные части, а о том, что они сделали в жизни, будут ли то дела святые и праведные

[1] Цифрами помечены в тексте примечания А. И. Цепкова (см. с. 362).

или беззаконные и ненавистные, жили ли они благополучно или испустили дух в несчастии, громко говорит история. Поэтому история справедливо может быть названа также и своего рода книгой живых, и звучной трубой, которая как бы из могил воскрешает давно уже умерших и выставляет их на вид всякому желающему. Таково-то, сколько я могу сказать вкратце, значение истории! А самим занимающимся ею она столько доставляет удовольствия, что, конечно, никто не будет столь безрассуден, что почтет что-нибудь другое более приятным, чем история. В самом деле, что могли бы знать и о чем могли бы рассказывать охотникам послушать лишь люди состарившиеся, и прожившие больше Тифона*, и трехсотлетние старики, если бы они, оставаясь еще в живых, расшевелили свою память и отрыли в ней дела давно минувшие, то самое расскажет и любитель истории, хотя бы он еще не вышел из возраста юноши. Посему-то и я не решился пройти молчанием столь многих и столь важных событий, которые совершились в мое время и несколько раньше и которые достойны памяти и повествования. И вот эти-то события я и делаю известными потомству в настоящей моей книге.

А так как и сам я очень хорошо понимаю, да и другие легко могут сообразить, что история чуждается, как несоответственного ей, повествования неясного, с выражениями околичными и периодами запутанными, а, напротив, любит изложение ясное, не только как сообразное со словами мудрого, но и как особенно ей приличное, то, надеюсь, мое сочинение не совсем будет чуждо и этого достоинства. Я вов-

* Тифон — сын Лаомедона, супруг Авроры, получивший от Юпитера дар бессмертия, но без вечной юности; после продолжительной и дряхлой старости просил у богов смерти и обращен был в стрекозу.

се не заботился о рассказе пышном, испещренном словами непонятными и выражениями высокопарными, хотя многие очень высоко ценят это или, вернее сказать, оставляют прошедшее и настоящее и долго упражняются в этом, как будто бы в каком-нибудь особенно важном деле. Напротив, я и в этом отношении всегда предпочитал поступать согласно с требованиями истории и не любил делать ей насилие или совсем выходить из ее пределов. Ей больше всего противна, как я уже сказал, речь искусственная и неудобопонятная, и напротив, она очень любит повествование простое, естественное и легкопонятное. Имея главной целью истину и совершенно чуждаясь ораторского красноречия и поэтического вымысла, она отвергает и то, что составляет их отличительный характер. Но так как, с другой стороны, при всей своей важности и достопочтенности история любит, чтобы ею занимались и землекопы, и кузнецы, и люди, покрытые сажей, желает, чтобы ее знали и лица, посвятившие себя военному искусству, не сердится и на женщин-поденщиц, когда они разбирают ее; то она охотно допускает речь изящную и любит наряжаться, но — в одежду слов простую и чистую, а отнюдь не пышную и иноземную.

Что касается нашей «Истории», она при ясности будет в то же время, сколько возможно, и кратка. Но мы просим снисхождения у благосклонных читателей, если по изложенным причинам она не будет отличаться пышной и великолепной отделкой, тем более, что мы первые приступаем к изложению настоящего предмета. Мы решаемся пройти путем пустынным и непроложенным, а это и сопряжено с трудностями, и требует гораздо больших усилий, чем следовать за другими или идти прямо и неуклонно широким и царским путем,— разумею «Историю» других. Начнем же мы свое повествование с того, что случилось сряду после смерти пер-

вого из семейства Комниных[2], императора Алексея*, так как этим государем ограничили свой рассказ все бывшие до нас известные историки. Через это наше повествование будет в связи с тем, что они сказали, и рассказ, продолжаясь таким образом, уподобится течению реки, выходящей из одного источника, или же будет походить на ряд связанных между собой колец, непрерывно тянущийся в бесконечность. Впрочем, жизнь самодержца Иоанна, который был преемником в правлении Алексею, мы расскажем в кратких и общих чертах и не будем говорить о нем с такой же подробностью, с какой скажем о последующих императорах, потому что мы и пишем о нем не то, что видели своими глазами и что поэтому могли бы рассказать подробно, но что слышали от тех из наших современников, которые видели этого царя, сопутствовали ему в походах против неприятелей и разделяли с ним битвы. Но во всяком случае лучше начать отсюда.

2. У императора Алексея Комнина было три сына и четыре дочери. Старший из сыновей был Иоанн, а старше всех детей у Алексея была дочь Анна[3], выданная замуж за Никифора Вриенния[4] и имевшая титул кесариссы**. Царь и отец Алексей больше всех детей любил Иоанна и потому-то, конечно, решившись оставить его наследником царства, дал ему право носить пурпуровые сапоги и дозволил, чтобы его провозглашали царем. Напротив, мать и царица Ирина, отдав всю свою любовь дочери Анне, непрестанно клеветала

* Это нужно разуметь о современных писателю императорах из семейства Комниных, потому что еще прежде Алексея один из Комниных занимал константинопольский престол, именно Исаак, преемник Михаила Стратиотика и предшественник Константина Дуки.

** Кесарисса — жена кесаря. В прежнее время кесарь был ближайшим лицом к царю, но при Кодине он занимал уже третье место. Codin. de offic. Palat. Edit Bon. P. 176.

на Иоанна перед своим мужем Алексеем, называла его человеком безрассудным, изнеженным, легкомысленным и явно глупым и постоянно больше всего заботилась о том, чтобы царь переменил свое о нем решение. Порою же, как будто бы к слову, назвав Вриенния, она превозносила его всякого рода похвалами и как человека весьма красноречивого и не менее способного к делам, и как человека, знакомого со свободными науками, которые образуют нравы и немало содействуют будущим правителям к непостыдному царствованию. Алексей, слушая это и зная расположение матери к Анне, иногда притворялся занятым важнейшими и нужнейшими делами и показывал вид, будто совсем не обращает внимания на ее слова, иногда уверял, что он подумает о ее словах и не пренебрежет ее просьбой, а однажды не мог сдержать себя и сказал нечто в таком роде: «Жена, участница моего ложа и царства! Ужели ты не перестанешь советовать мне того, что благоприятно твоей дочери, стараясь нарушить похвальный порядок, как будто бы ты с ума сошла? Оставь меня в покое! Или лучше давай рассмотрим вместе, кто из всех прежних римских императоров, имея сына, способного царствовать, пренебрег им и предпочел ему зятя? Если же когда-нибудь и были подобные случаи, не станем, жена, считать законом того, что бывало редко. А надо мною и особенно стали бы громко смеяться все римляне* и меня сочли бы за сумасшедшего, если бы я, получив царство не путем законным, но кровью родных и средствами, несогласными с христианскими постановлениями, при назначении наследника отверг своего родного сына и принял к себе македонянина»,— так он называл Вриенния, по его происхождению из

* Никита Хониат, подобно другим византийским историкам, под именем римлян везде разумеет греков, а римлян обыкновенно называет латинянами.

Орестии*, одного из счастливых и важнейших городов Македонии. Впрочем, и после таких слов, сказанных с твердостью, Алексей опять перед царицей Ириной показывал вид человека, отнюдь ей не отказывающего, и всегда успокаивал свою жену притворным уверением, что он о ее словах размышляет. Это был человек как нельзя более скрытный, крайнюю осторожность всегда считал делом мудрым и обыкновенно не любил рассказывать о том, что хотел делать. Когда же настал конец его жизни и он лежал при последнем издыхании в великолепных палатах, построенных в Манганском монастыре**[5], сын его Иоанн, видя, что отец приближается к смерти, и зная, что мать ненавидит его и заботится о предоставлении царства сестре, входит в сношение касательно плана своих действий с теми из родных, которые ему благоприятствовали и между которыми главным был брат Исаак. Вследствие этого, тайно от матери, входит в спальню к отцу и, припав к нему как бы для того, чтобы оплакать его, тихонько снимает с его руки перстень с изображением печати. Некоторые, впрочем, говорят, что он это сделал с согласия отца, как это и можно заключать из того, что мы спустя немного скажем. Вслед затем Иоанн тотчас же собрал своих соучастников и, рассказав им о случившемся, поспешно отправился верхом в сопровождении оруженосцев к большому дворцу***, причем как в самом Манганском монастыре, так равно и по городским улицам приверженная к нему толпа и жители города, собравшиеся по слуху об этом событии

* Нынешний Адрианополь.

** Это огромнейший мужской монастырь в Константинополе, построенный Константином Мономахом во имя великомученика Георгия. Здесь был и царский дворец, построенный Василием Македонянином. Corp. Script. Hist. Byzant. Edit. Paris. Vol. XX. Pag. 42.

*** Так называется главный дворец в отличие от прочих.

тии, приветствовали его царем-самодержцем. Царица Ирина, мать Иоанна, испугавшись этих происшествий, послав за сыном, звала его к себе и убеждала удержаться от его предприятия. Но так как Иоанн, вполне отдавшись своему делу, нисколько не обращал внимания на мать, то она побуждает Вриенния присвоить себе царство, обещая ему свое содействие. Когда же увидела, что и тут расчеты ее не удаются, приходит к мужу, распростертому на одре и лишь кратким дыханием обнаруживающему в себе жизнь, повергается на его тело и, проливая слезы, как источник черной воды, громко жалуется на сына за то, что он еще при жизни отца, затеяв заговор, похищает царство. Но муж ничего не ответил на ее слова, будучи, естественно, занят при конце жизни другими важнейшими делами, помышляя о наступающей кончине и обращая взоры к Ангелам — посмертным душеводителям. Когда же царица стала сильнее настаивать и крайне огорчалась поступками сына, Алексей принужденно улыбнулся и поднял руки к небу. Это он сделал, вероятно, от радости, которую испытал, узнав о случившемся и желая возблагодарить за то Бога, а может быть, этим он хотел выразить упрек и укоризну жене за то, что она заводит речь о царстве в минуты разлучения души с телом, или, наконец, через это он испрашивал у Бога прощения в своих согрешениях. Но жена подумала, что муж непременно радуется полученному от нее известию, и потому, как совершенно потерявшая все прежние надежды и обманувшаяся в обещаниях, с глубоким вздохом сказала: «Муж! Ты и при жизни отличался всевозможным коварством, любя говорить не то, что думал, и теперь, расставаясь с жизнью, не изменяешь тому, что любил прежде». Между тем Иоанн, прибыв к большому дворцу, нелегко нашел в него доступ, потому что стража не довольствовалась тем, что он показал перстень, но требовала еще и

другого доказательства на то, что он прибыл туда по приказанию отца. Вследствие этого дворцовые ворота, будучи несколько приподняты с одного конца широкими медными полосами, падают на землю, и таким образом и сам он легко вошел, и с ним вошли его оруженосцы и родственники. В то же время немало вторглось людей и из случайно сбежавшейся и сопровождавшей его толпы, которые и стали грабить все, что ни попало. Когда же ворота снова были заперты, то и бывшие вне дворца не могли больше входить в него, и те, которые вошли, не имея позволения выходить, в течение многих дней жили в нем вместе с царем. Это было в пятнадцатый день месяца августа. А в следующую ночь царь Алексей скончался, царствовав тридцать семь лет и четыре месяца с половиной. На другой день рано утром мать тотчас же посылает за Иоанном, приглашая его выйти к торжественному выносу отцовского тела, которое немедленно имеет быть поднято и отвезено в монастырь, воздвигнутый Алексеем во имя человеколюбца Христа. Но Иоанн не послушался матери и отказался от приглашения не потому, чтобы он пренебрегал властью матери или не хотел отдать честь отцу, но потому, что опасался за свою еще не утвердившуюся власть и боялся соперников, которые втайне горели еще желанием царствовать. Посему-то сам он не оставил дворца, держась его, как полипы держатся за камни, а большую часть бывших с ним родных отправил на вынос отца.

3. Когда же прошло много дней и он был уже в безопасности, то дозволил всякому желающему и входить во дворец, и выходить из него и стал распоряжаться государственными делами по своему усмотрению. С людьми, близкими к нему по родству и дружбе, он обходился сообразно с их достоинством и отдавал каждому соответственную ему честь. А к родному брату Исааку до того был привязан, что каза-

лось, сросся с ним и дышал одним с ним воздухом; отчасти потому, что и тот любил его больше всех, но особенно потому, что он исключительно или по крайней мере преимущественно помог ему получить царство. При самом начале царствования он разделил с ним свое седалище и трапезу и удостоил его провозглашения, соответствующего достоинству севастократора*, которым Исаак почтен был от отца своего Алексея. И надзирателями над общественными делами он также сделал людей, близких ему по крови, именно Иоанна Комнина, которого почтил и достоинством паракимомена**, и Григория Таронита[6], бывшего протовестиарием***. Но так как Иоанн хотел распоряжаться всем по своему произволу, вел себя надменно и был горд, как никто другой, то скоро сложил с себя звание надзирателя за общественными делами. Напротив, Григорий, исполняя обязанности своего звания, вел себя скромно и не выходил из пределов своей власти и потому пользовался ею постояннее. Впоследствии ему придан был в товарищи некто другой Григорий, по прозванию Каматир. Это был человек знаменитый, но рода незнатного и отнюдь не богатого. Будучи принят царем Алексеем в число секретарей, он объезжал провинции,

* Достоинство севастократора придумано Алексеем Комниным для старшего брата Исаака. Севастократор был выше кесаря, и имя его провозглашалось вслед за именем царя. По замечанию Кодина, со званием севастократора, равно как со званием деспота и кесаря, не было соединено никакой должности. Codin. Ed. Bon. P. 174.

** *Παρακοιμώμενος от παρακοιμάομαι* — возле сплю, лежу, стою на страже. Так называлось главное лицо, заведовавшее царской спальней и всей прислугой при спальне и имевшее в своем распоряжении начальника над спальней (*προκαθήμενος τοῦ κητῶνος*). Codin. Pp. 186 et 202.

*** *Πρωτοβεςιάριος* — так назывался главный начальник над царским гардеробом. По Кодину, он занимал шестое место в ряду придворных должностей. Codin. P. 178.

назначал им подати и, собрав через то огромное богатство, захотел через брак породниться с царем. И когда действительно женился на одной из его родственниц, сделан был секретологофетом*. Но больше всех имел силы при этом царе и пользовался первыми почестями Иоанн Аксух, родом персиянин. В то время, как Ваймунд на походе в Палестину освободил из-под власти персов главный город вифинский — Никею[7], вместе с городом взят был и Аксух и представлен в дар царю Алексею. Так как он был ровесником царю Иоанну, то принят был в товарищи ему по забавам и сделался самым любимым лицом между всеми служившими в комнатах и при спальне. А когда Иоанн взошел на царство, он, будучи почтен званием великого доместика**, получил такую силу, какой никто не имел при прежних царях, так что многие из знаменитых людей по своему родству с царским домом, случайно встретившись с ним, сходили с коня и отдавали ему поклон. Впрочем, руки этого человека были не только опытны в войне, но и скоры и готовы на благотворение нуждающимся. А такое его великодушие и благородство характера много прикрывали незнатность его рода и делали его любимым у всех.

Но царю не исполнилось еще и года, как уже родные, неизвестно каким образом, из ненависти и зависти устраивают против него заговор. Составив злой умысел и поклявшись друг другу в верности, все они пристают к стороне Вриен-

* *Λογοθέτης τῶν σεκρέτων*. По Дюканжу — начальник государственного казначейства, но, по мнению других толкователей, логофет *των σεκρέτων* был государственным канцлером и не отличался от великого логофета. Codin. Ed. Bonn. P. 182.

** Так назывался главный начальник, или вождь, сухопутного войска. У Кодина в списке должностей он следует за кесарем и занимает четвертое место. Codin. P. 176.

ния и предоставляют ему царство, как человеку, который знает словесные науки, одарен царской наружностью и имеет преимущество перед другими по родству с царем, потому что, как мы выше сказали, он был женат на сестре царя, кесариссе Анне, которая также занималась главной из всех наук, философией, и была сведуща во всем. И когда царь ночевал в филопатийском цирке, находящемся недалеко от земляных ворот, они, верно, ночью напали бы на него с оружием убийц, наперед подкупив богатыми дарами начальника над городскими воротами, если бы Вриенний не расстроил их замысла. По своей обычной беспечности и недостатку энергии, нужной для овладения царством, он и сам забыл об условии и спокойно оставался дома и был причиной охлаждения жара в заговорщиках. Говорят, что при этом случае кесарисса Анна, негодуя на такую беспечность своего мужа, от ярости скрежетала зубами, как жестоко обиженная, и горько жаловалась на природу, немало обвиняя ее в самых срамных выражениях за то, что ее она сделала женщиной, а Вриенния мужчиной. Когда же днем заговорщики были открыты, ни один из них не был ни изувечен, ни наказан бичами, но все были лишены имущества. А спустя немного времени и самое имущество было возвращено большей части из них, начиная с самой зачинщицы заговора кесариссы Анны, которой прежде всех царь оказал человеколюбие. Поводом к этому было вот какое обстоятельство. Когда царь Иоанн осматривал имущество кесариссы, сложенное в одном доме и состоявшее из золота, серебра, всякого рода сокровищ и разнообразных одежд, то при этом случае сказал: «Со мной случилось не то, чего бы следовало ожидать по обыкновенному порядку: родные оказались мне врагами, а чужие — друзьями; поэтому нужно, чтобы и богатство их перешло к друзьям»,— и действительно приказал великому доместику взять все себе. Но

тот, поблагодарив царя за столь великую щедрость, попросил у него дозволения сказать свое мнение и, когда получил это дозволение, сказал: «Хотя сестра твоя, царь, покусилась на дело беззаконное и крайне преступное и самим делом отреклась от родства с тобой, но с потерей естественного расположения не потеряла и природного названия; а оставаясь родной сестрой доброго царя, она через раскаяние, при пособии природы, опять может снискать ту любовь, которую теперь погубила по безумию. Пощади же, государь, однородную, оскорбившую твое державное величество, и накажи человеколюбием ту, которая уже открыто признает себя побежденной твоей благостью; отдай ей и это лежащее на глазах имущество, не как справедливый долг, но как добровольный дар. Ведь она с большим правом, чем я, будет владеть этим имуществом, так как оно составляет ее отцовское наследство и опять перейдет в ее потомство». Убежденный или, вернее сказать, тронутый этими словами, царь охотно согласился на представление Аксуха, сказав: «Я был бы недостоин царствовать, если бы ты, пренебрегши столь великим и столь легким приобретением, превзошел меня в человеколюбии к моему семейству». И действительно, он все возвратил кесариссе и примирился с ней. Что же касается матери и царицы Ирины, она отнюдь не была уличена в участии в заговоре против сына; а напротив, узнав впоследствии о заговоре, она, говорят, даже произнесла и это мудрое правило: «Надобно искать царя, когда его нет, и не трогать его с места, когда он есть» — и притом сказала: «Какое великое мучение готовили мне убийцы моего сына,— мучение, без сомнения, более тяжкое, чем муки, испытанные при его рождении! Эти последние вызывали, по крайней мере, на свет плод, носимый во чреве, а то, исходя из глубины ада и проходя сквозь мою утробу, причиняло бы мне непрестанную скорбь».

4. После сего царь, видя, что персы ни во что ставят договор, заключенный с его отцом, и во множестве нападают на города, расположенные во Фригии при реке Меандре[8], с началом весны выступил против них в поход и, после многократных побед над ними в сражениях, овладел Лаодикией и окружил ее стенами, изгнав Алпихара, которому вверена была ее защита. Затем, приведя в надлежащий порядок и все прочие дела, он возвратился домой; но, прожив в Византии недолго, он снова оставляет дворец и переселяется в лагерь для предотвращения варварских набегов, справедливо полагая, что, в случае неготовности отразить их, они легко могут нанести большой вред. Он охотно проводил время в походах, надеясь через это достичь двух весьма важных выгод: и охраны своих провинций, которая обеспечивается по большей части таким движением войск в открытом поле; и обучения военным делам и окреплости своих легионов, которые, живя не в домах, трудом и потом закаляются, как раскаленное железо от погружения в воду. Итак, он выступает в поход с намерением овладеть Созополем, городом Памфилии[9]. Но как нелегко было взять этот город силой и по причине находившегося в нем гарнизона, и по труднодоступной и скалистой местности, на которой он был расположен, то царь по божественному внушению употребляет следующую хитрость. Поручив конницу некоему Пактиарию, он приказывает ему как можно чаще появляться в виду Созополя и бросать на стены стрелы; если же неприятели выйдут — бежать назад и, не вступая в сражение, проходить узкие и лесистые тропы, находящиеся недалеко от города. Как царь приказал, так Пактиарий и делал. И как персы часто выходили из Созополя и далеко преследовали Пактиария, то он искусно вводит в обман неприятелей, поставив в узком месте засаду. При одном из таких нападений турки, не предполагая засады, особенно упорно и далеко преследовали римлян, так что неосторожно прошли и теснины. Тогда бывшие в засаде римляне, видя, что персы беззаботно во всю мочь гонятся за их товарищами и думают лишь о том, как бы догнать бегущих, тотчас же поднимаются из засады и идут прямо к Созополю. Когда же вскоре затем и бегущие обратились назад, то турки очутились в середине и, не имея возможности ни опять войти в город, потому что вышедшие из засады римляне заняли входы, ни убежать от тех, которые прежде бежали, а теперь теснили их сзади, частью были переловлены, частью легко побиты мечами, и лишь немногие спаслись благодаря отличному качеству своих лошадей. Таким-то образом Созополь взят был римлянами по одному благоразумному распоряжению царя. Вслед затем царь овладел крепостью, которая называлась Иеракокорифитис (Ястребиная Вершина), и покорил весьма многие другие города и укрепления, прежде платившие дань римлянам, а тогда бывшие в союзе с персами.

На пятом году своего царствования Иоанн выступает в поход против скифов, которые стали опустошать Фракию, уничтожая хуже саранчи все, что ни встречалось. Собрав римские войска, он вооружился сколько можно сильнее не только потому, что неприятелей было почти бесчисленное множество, но и потому, что варвары выказывали надменность и с хвастовством смело и сильно наступали. К тому же он, кажется, вспомнил, что потерпел прежде, когда римским скипетром владел Алексей Комнин и когда занята была Фракия и опустошена большая часть Македонии. Сначала, употребив военную хитрость, царь отправляет к скифам послов, которые говорили одним с ними языком, чтобы какнибудь склонить их к договору и отклонить от войны всех или по крайней мере некоторых из них, так как они разделялись на многие племена и отдельно раскидывали свои

шатры. Заманив к себе этим способом некоторых из их начальников, он оказал им всевозможную ласковость, предложил роскошное угощение, очаровал и обворожил их подарками, состоявшими из шелковых одежд и серебряных чаш и кастрюль. Отуманив и расстроив такими ласками умы скифов, он решился, нисколько не медля, вывести против них войско и вступить с ними в сражение, пока они находятся еще в нерешимости и склоняются то туда, то сюда, то есть и думают заключить с римлянами союз, вследствие сделанных им обещаний, и хотят отважиться на войну, как уже прежде привыкшие побеждать. Итак, поднявшись из пределов Верои, где стоял лагерем, он в сумерки нападает на скифов. Тогда происходит страшная свалка и завязывается ужаснейшая из когда-либо бывших битва. Ибо и скифы мужественно встретили наше войско, наводя ужас своими конными атаками, бросанием стрел и криками при нападениях, и римляне, однажды вступив в бой, решились сражаться с тем, чтобы победить или умереть. При этом и сам царь, имея при себе друзей и определенное число телохранителей, всегда как-то являлся на помощь там, где была опасность. Между тем скифы, руководимые одной нуждой, изобретательницей всего полезного, из предосторожности ухитрились во время этой битвы вот на что. Собрав все повозки, они расположили их в виде круга и, поставив на них немалое число своего войска, пользовались ими как валом. Вместе с тем, оставив между ними косые проходы, они, когда теснимы были римлянами и принуждены были бежать, уходили за повозки, как за крепкую стену, и оттого не подвергались невыгодам бегства, а потом, отдохнув, опять выходили оттуда как бы через отверстые ворота и мужественно сражались. Таким образом, эта битва была почти настоящим штурмом стен, внезапно воздвигнутых скифами среди открытого поля, и оттого рим-

ляне напрасно истощались в усилиях. Тогда-то Иоанн показал своим подданным образец мудрости, ибо он не только был умный и находчивый советник, но и первый исполнял на деле то, что предписывал военачальникам и войскам. То было дело необыкновенное и свидетельствовало о его великом благочестии. Когда неприятели всей массой напали на римлян и с особенной отвагой вступили в бой и когда римские фаланги изнемогали, он, став перед иконой Богоматери и с воплем и с умоляющим видом взирая на нее, проливал слезы, более горячие, чем пот воинов. И не бесплодно было это его действие; напротив, он тотчас же облекся силой свыше и прогнал войска скифские, как некогда Моисей простертием рук рассеял полчища амаликитян. Взяв телохранителей, которые защищаются длинными щитами и заостренными с одной стороны секирами, он несокрушимой стеной устремляется на скифов. И когда устроенное из повозок укрепление ими было разрушено и оттого бой сделался рукопашным, враги опрокидываются и обращаются в бесславное бегство, а римляне смело их преследуют. Тогда тысячами падают эти жители повозок, и лагери их разграбляются. Что же касается до военнопленных, то их оказывается бесчисленное множество, равно как и тех, которые добровольно отдались из любви к пленным единоземцам, так что из них в одной западной римской провинции составлены были целые селения, от которых небольшие остатки существуют еще и доселе. Немалое также число их включено было в союзные когорты, но еще более значительные толпы, взятые войском, были проданы.

5. Одержав столь знаменитую победу над скифами и достигнув такого великого торжества, Иоанн воздает благодарение Богу, учредив в память этого события и во свидетельство благодарности так называемый у нас Праздник

печенегов. Затем, спустя немного времени, он объявил поход и против трибаллов, которых другие называют сербами, за их неприязненные действия и за нарушение договоров. Сразившись с ними и одержав над ними полную победу, он принудил к миру и этих варваров, которые, впрочем, и не отличались воинскими доблестями и потому всегда находились под властью соседей. Вынесши отсюда огромную добычу и обогатив добычей войско, он взятых в плен людей перевел на Восток и, назначив им жилище в никомидийской области и наделив большим количеством земли, часть из них включил в войско, а часть обложил податью.

Когда у этого царя родились дети мужского пола, то старшему сыну, по имени Алексей, он дал право носить порфиру и обуваться в красные сапоги и дозволил вместе со своим именем провозглашать и его имя, когда народные толпы приветствуют его именем римского самодержца; а второго после него сына Андроника, и следующего за ним Исаака, и потом четвертого — Мануила почтил достоинством севастократорским. Рассказывают, что царь видел во сне, будто нововенчанный сын его Алексей сидит на льве и управляет им, держа его за уши, за неимением другого средства управлять этим животным. Смысл этого сновидения был тот, что Алексея будут только именовать и провозглашать царем, действительно же царской власти он не получит. Так и случилось, потому что спустя немного времени Алексей скончался.

Около летнего времени гунны, нарушив прежде заключенные дружественные договоры, перешли Дунай, опустошили Враницову[10], разрушив ее стены и перенесши камни в Зевгмин[11], и разграбили Сардику[12]. Тайной причиной этого неприязненного действия было то, что Алмуз[13], родной брат Стефана[14], начальствовавшего над гуннами[15], ушел

к царю и был принят им чрезвычайно ласково, а благовидным и открытым предлогом — то, будто жители Враницовы разбойнически нападают на приходящих к ним для торговли гуннов и поступают с ними весьма худо. Так как это несчастье случилось неожиданно, то царь благоразумно ограничил тогда свои оборонительные действия прибытием в Филиппополь и изгнанием из него гуннов. Но последующее затем время он употребил на то, чтобы все приготовить к обороне своих и отмщению врагам: собрал войско, устроил быстрые на ходу суда, ввел их через Понт в Дунай и таким образом водой и сушей предстал перед неприятелями. Переплыв реку на адмиральском корабле и переправив войско на противоположный берег, он конницей и копьями рассеял собравшуюся толпу гуннов. Затем, оставшись в неприятельской земле и пробыв в ней долее обыкновенного, он овладел Франгохорием, этой плодоноснейшей частью земли гуннов, которая расстилается обширными равнинами между реками Савой и Дунаем, принудил к сдаче Зевгмин и, достигнув самого Храма, овладел огромной добычей. Наконец, после нескольких новых сражений, заключив и с этим народом выгодный и прочный мирный договор и своими многократными успехами в войне заставив искать дружбы с собой и прочих варваров, сопредельных римлянам на Западе, он признал необходимым привлечь к себе каким-нибудь образом и племена отдаленные, и особенно те, которые, занимаясь торговлей и промыслами, приезжают на кораблях в Константинополь. И действительно, он склонил к дружбе с собой приморскую Италию, которая обыкновенно на всех парусах летела в царствующий город. Когда же таким образом водворен был мир с народами западными, он перевел войско на Восток и решился напасть на персо-армян, владевших Кастамоной[16]. С этой целью, пройдя Вифинией и Пафлаго-

нией[17], он приходит к тому месту и, при пособии множества лестниц и поставленных вокруг города осадных машин, овладевает Кастамоной, а начальствовавшего над ней персо-армянина заставляет в отчаянии бежать. Выведя отсюда значительную толпу взятых в плен персов, он возвратился в Византию и, назначив по поводу этой победы триумф, приказал соорудить колесницу и отделать ее серебром. Чудное произведение была эта колесница, украшенная по местам даже камнями, хотя и не самыми дорогими! Когда настал день, назначенный для торжественного шествия, улицы украсились всякого рода коврами, протканными золотом и пурпуром; были тут и изображения Христа и святых, которые художническая рука отпечатлела на покрывалах так, что их можно было принять за живые, а не вытканные. Стоили также удивления и деревянные подмостки, устроенные для зрителей по обеим сторонам дороги. Так была приготовлена и убрана та часть города, которая идет от восточных ворот до самого большого дворца. Великолепна была колесница, но и везли ее четыре прекрасные лошади, шерстью белее снега. Царь сам не взошел на колесницу, но поместил на ней икону Богоматери, так как она была причиной его радости и восторга, от которого он был вне себя, и ей, как непобедимой воеводе, вместе с ним начальствовавшей над войском, он приписывал победы. Назначив первым при себе вельможам вести за узду лошадей и поручив близким родным попечение о колеснице, он сам пешком шел впереди, неся крест. Войдя в храм, которого наименование взято от премудрости Божией, он перед лицом всего народа воздал благодарение Господу Богу за успешные дела свои и затем отправился во дворец.

Но немного прошло после того времени,— так что едва успел он показать себя своим подданным и насладиться зре-

лищами, да и солдаты после долгого отсутствия едва успели побывать в своих домах, дать отдохнуть лошадям и отточить копья,— как он опять выступил в поход против Кастамоны. Причиной было то, что владевший в то время каппадокийской страной[18] персо-армянин Таисманий, напав на этот город с большим войском, взял его силой и истребил мечом римский гарнизон. Прибыв на место, царь узнал, что Таисмания нет уже в живых, что Кастамоной правит какой-то Магомет, который находился во вражде с начальником города Иконии Массутом[19]. Пользуясь этим благоприятным обстоятельством для усиления своих средств, он заключает с Массутом союз и, получив от него вспомогательное войско, нападает на Магомета. Тогда Магомет, видя, что он не в состоянии бороться с двумя войсками, входит в тайное сношение со своим соплеменником Массутом и, забыв вражду, как многими другими представлениями, которые выставил ему на вид в письме, так особенно тем, что дела персов будут в дурном положении, если они не примирятся между собой и он останется в союзе с царем римским, убеждает иконийца Массута, оставив царя, соединиться с ним и подать ему помощь. Вследствие сего, когда спустя немного времени персы, высланные султаном на помощь царю, действительно ночью ушли от него, настоящий поход для римлян не был удачен. Поэтому царь отступил оттуда и расположился лагерем в городе, который им же был выстроен при реке Риндаке. Но потом он снова, с большей силой напал на Магомета и, возвратив римлянам Кастамону, захотел овладеть и Гангрой[20], одним из знаменитых и величайших городов понтийских, который не так давно подпал под власть персов.

6. С этой целью покорив сначала силой оружия окрестности города, он вслед затем стал укрепленным лагерем перед самым городом. Но как бывшие в городе персы ду-

мали о себе слишком много и ни на каком условии и договоре не соглашались впустить царя в город, то войска обложили городские стены и начали стенобитными машинами непрерывно поражать их в тех местах, где представлялась возможность овладеть ими. Когда же эти труды оказались безуспешными как по силе оборонительных укреплений, так и по упорному мужеству, с которым сражались осажденные, то царь положил, оставя стены, бросать камни в дома, видимые с внешних высот, на которых римляне стояли лагерем. Тогда управляющие машинами, пользуясь открытой местностью, стали бросать круглые и легкие камни сколько можно дальше, так что, казалось, камни летели, а не были бросаемы машинами. От этого дома стали падать, крыши их проваливались и давили жителей, так что наконец и ходить по улицам было опасно и сидеть спокойно дома совсем невозможно. Частью от этого, частью вследствие упорной осады со стороны царя, но особенно по причине смерти начальствовавшего над Гангрой Таисмания, жители и сами сдались, и сдали город императору. Тогда царь вошел в город, вывел из него множество персов, оставил в нем гарнизон из двух тысяч римлян и затем возвратился в столицу. Но и этот город недолго оставался в руках Константинополя в числе других подвластных ему городов. Персы в большем, против прежнего, числе и в гораздо превосходнейших силах напали на него, осадили и принудили к сдаче голодом, между тем как царь был занят другими важнейшими делами и на них обращал все свое внимание.

После сего царь объявил поход в Киликию[21], желая отомстить царю Армении Левуну (Леону)[22] за то, что он не только овладел несколькими подвластными римлянам городами, но и покушался занять Селевкию[23]. Собрав войска старые и присоединив к ним вновь набранные и взяв с

собой достаточное количество продовольственных запасов на долговременный поход, он является у врат Киликии* и, пройдя ими без боя, занимает Адану и овладевает Тарсом. Но неудовольствовавшись этим, он ведет борьбу из-за целой Армении и, после того как одними из важнейших крепостей овладел по договору, а другие покорил силой, действительно становится обладателем всей этой страны. В это время он, между прочим, приступил и к одной стоящей на крутизне крепости, по имени Вака́; и так как жители не только не просили пощады, но даже не соглашались ни на какой мирный договор, то он, окопавшись валом, окружил крепость всем войском и решительно объявил, что не отступит отсюда, пока не сделается обладателем города, хотя бы ему пришлось поседеть и много раз быть засыпанным снегом. В то же время он представлял осажденным, сколько они получат от него благодеяний, если сдадутся и передадут ему укрепление, и напротив, как худо будет с ними поступлено, если они будут взяты силой оружия и увидят войско ворвавшимся в город. Но оказалось, что это он напевал аспидам, которые нарочно закрывают уши, чтобы не слышать чар, произносимых волхвователем, и хотел вымыть эфиопа. Ибо и все вообще, кому вверено было начальство в крепости Вака́, нисколько не боялись сражения, и в особенности некто Константин, знаменитейший между армянами и превосходивший многих силой и храбростью. Этот человек не только возбуждал и одушевлял жителей к войне с римлянами, но и сам часто показывался из крепости и, стоя в вооружении на холме, который природа оградила скалой, а искусство окружило и укрепило стенами, осыпал царя бранью

* Так называется один из узких проходов, ведущих из Сирии в Киликию.

на греческом языке и нагло издевался в непристойных выражениях над его женой и дочерьми. Царю очень хотелось схватить и наказать этого нагло ругавшегося варвара; и так как он, надеясь на свою силу и чрезмерно хвастая крепостью своих мышц, смеялся и над царскими войсками и дерзко вызывал на единоборство с собой любого царского воина, то царь немедленно приказывает таксиархам* выбрать какого-нибудь сильного ратника, который мог бы сразиться с этим армянином. Когда выбран был из македонского легиона некто Евстратий, ему дали щит величиной в рост человека и вручили вновь отточенный меч. Вооружившись таким образом, Евстратий отделился от римских отрядов и, став у подножия холма, приглашал армянина сойти несколько ниже, чтобы они могли сразиться на ровном месте, если он действительно хочет вступить в единоборство, а не напрасно и не по крайней глупости, сверх всего другого величается и этим. Константин, будучи воином и огромного роста, и отважного духа, принял эти слова македонянина за личную обиду. Оградившись белым квадратным щитом, на середине которого было изображение креста, он, как ниспадающая молния или как горная серна, выскакивающая из кустов, бросается на Евстратия и, подняв вооруженную мечом руку, непрерывно с неистовством бьет вдоль и поперек по щиту македонянина, так что постоянно ожидали, что он нанесет ему тяжкий удар. Царь со своей стороны не только потерял всякую надежду на успех, но и явно говорил, что македонянин не останется в живых. Несмотря, однако же, на то, что Константин так стремительно нападал, римляне криками ободряли Евстратия и побуждали его в свою очередь

* *Ταξιάρχης* — начальник отряда, состоявшего большей частью из ста человек, по-нашему — ротный.

также поразить противника. Но Евстратий много раз поднимал руку и заставлял думать, что он ударит соперника, и, однако же, вопреки ожиданию, опускал ее, как будто бы какой-нибудь чародей отводил ее от удара и удерживал, когда она готова была поразить. Наконец, после долгого махания мечом, македонянин наносит такой удар, что рассекает пополам огромный и истинно гекторский щит[24] Константина. При этом римляне с величайшим изумлением подняли радостный крик, а армянин, потеряв так неожиданно охранное оружие и не имея возможности долее оставаться на месте битвы, искал спасения в бегстве и с чрезвычайной поспешностью, как в опасности жизни, взбежал на холм. С тех пор, оставаясь в крепости, он не величался уже над римлянами и перестал со своих дерзких уст, как с тетивы, бросать в царя и в его род стрелы поносных речей. Когда же царь спросил македонянина, для чего и с какой целью он несколько раз поднимал руку, как бы намереваясь поразить противника, и только однажды нанес удар, тот отвечал, что у него было намерение одним ударом меча рассечь и щит и щитоносца; но так как он не мог осуществить своего намерения, потому что противник держал щит не прижатым к телу, но вдали от себя, то решился не терять напрасно времени, но сначала решительным ударом сокрушить щит и затем уже напасть на неприятеля, когда он останется без щита. Царь подивился этим словам и наградил Евстратия весьма большими дарами.

7. Немного дней спустя после того крепость принуждена была сдаться царю. Тогда и Константин был взят в плен, заключен в оковы и посажен на корабль, который через несколько времени должен был сняться с якоря и доставить этого узника в Византию; но армянин, будучи человеком дерзким и отважным, напав ночью на стражей, весьма многих из них убил и, сняв с себя оковы при пособии бывших

с ним слуг, спасся бегством. Впрочем, прежде чем успел затеять новые дела, он опять был схвачен и выдан царю.

Но не только при взятии крепости Вака царь боролся с трудностями, а еще и прежде ему стоило весьма много трудов занятие Анаварзы*[25]. Этот город и сам по себе был многолюден, обнесен крепкими стенами и расположен на утесистых скалах, а тогда он сделался еще сильнее, потому что в нем, как в безопасном убежище, укрылись люди, вполне вооруженные и весьма храбрые, к нему прибавлены были новые укрепления и он снабжен был всякого рода машинами. Царь наперед послал к этому городу часть своего войска, и именно составленную из персидских отрядов, которые он взял прежде, при занятии Гангры, в намерении выведать через это расположения армян и с точностью узнать, что они имеют в виду. Но те, лишь только увидели персов, воспламенились против них гневом и, в уверенности, что они немедленно погибнут и не выдержат даже и первого их нападения, отворив ворота, выступили против них. В последовавшей затем битве они действительно одолевают персов и, обратив их в бегство, далеко преследуют. Но когда бегущие персы спустя немного времени остановились и обратились назад, потому что и римские легионы подоспели им на помощь, тогда битва принимает противоположный вид и армяне поневоле запираются в стенах. Вскоре затем к стенам подвозятся осадные машины и бросаемыми из них шаровидными камнями поражаются башни. Но и варвары не оставались при этом в бездействии: напротив, и они также, поставив на своих укреплениях машины, бросали в войско тяжелые камни и пускали раскаленные куски железа, и как в этом отношении имели решительный перевес над римлянами, то сначала весьма многие из римлян были ранены. Затем, одушевившись, армяне выходят из крепости и, произведя неожиданное и стремительное нападение, сжигают осадные машины, легко поджегши тростниковые циновки и плетенки, которыми для защиты покрыты были машины. Тут поднялся со стороны неприятелей громкий смех, начались радостные телодвижения, и многократные насмешки над римлянами, и бранные речи на царя, и продолжительная болтовня. Но это не надолго остановило военные действия и прекратило борьбу. Римляне наскоро исправили камнеметательные орудия, устроили для них покрышки и связи из глины и кирпичей и на следующий день снова начали поражать стены. Так как теперь бросаемые армянами раскаленные куски железа нисколько не вредили машинам, то все усилия неприятелей оказались бесплодными и прежний их смех и хохот обратились в плач. Ибо раскаленные куски железа, бросаемые из города, хотя и падали стремительно и производили жестокие удары, но, падая на мягкую, влажную, глинистую и рыхлую покрышку, оставались без действия: сила удара их мало-помалу ослабевала, пламя погасло, и потому они не производили ни одного из тех действий, для которых были бросаемы. Когда таким образом городская стена во многих местах была разрушена и доступ в город сделался удобным, многочисленные неприятели, прежде дерзкие и потрясавшие оружием, преклоняются перед царем и скорее по необходимости, чем по доброй воле, сдают ему город Анаварзу; да и то не тотчас, но после вторичной попытки защититься, после неоднократных сражений, после того как перешли за другую, смежную стену и опять отсюда также, как из-за первой стены, не без крови отражали и отбивали римлян.

Покорив подобным образом и лежащие около этого города крепости, царь отправляется в Келесирию и вступа-

* То же, что Аназарб.

ет в прекрасный город Антиохию[26], через который протекает Оронт и который освежает западный ветер с моря. Здесь он был принят с распростертыми объятиями и князем Раймундом, и всеми городскими жителями. Пробыв в этом городе довольно времени и сделав своим ленником князя, а вместе с ним и графа трипольского, он решился напасть на сопредельные с Антиохией города сирофиникийские, бывшие в то время под властью агарян. С этой целью приблизившись к реке Евфрату, он подходит к одному городу, который туземцы называют Пизой. Здесь неприятели выказали особенную храбрость в битве, и потому римляне отступили и были несколько времени преследуемы, так как передовая часть войска не могла устоять против бешеного и невероятно стремительного нападения врагов. Но когда потом вблизи показался царь, то его фаланга снова вступила в бой с неприятелями; и они, не выдержав натиска римлян, принуждены были укрыться за стенами, из-за которых с тех пор уже и не решались выходить. Этот город имел двойные стены и отчасти был опоясан глубоким рвом, отчасти огражден естественной скалой. Но когда многие из башен, не устояв под градом камней, рушились, агаряне потеряли мужество. Дерзкие и надменные, они теперь, когда укрепления не обещали им безопасности, обратившись к царю с просьбой, умоляют его о жизни и покупают ее ценой всего своего имущества. Отсюда царь отправил часть войска против городов и крепостей, лежащих за Евфратом, и собрал множество добычи. Затем, подарив Пизу графу едесскому и миновав Вемпеш как такой город, который нетрудно было взять, потому что он лежал на ровном месте, выступил по просьбе князя антиохийского, который также был с ним в походе, против Халепа[27] и Ферепа. Приблизившись к Халепу, который в древности назывался Верреей, он видит, что это город многолюдный и что в нем весьма много войска, которое тотчас же и вышло из-за стены, как только увидело римлян, и стремительно напало на царские войска, но, потерпев поражение, укрылось за стену. И не теперь только, но и после несколько раз неприятели производили вылазку, хотя ни в одной не имели успеха. А однажды, когда сам царь объезжал город и осматривал стену, они тайно направили против него далекометные машины, но и тут не успели в своем намерении. Впрочем, на этот раз царь ничего не мог сделать с городом, частью по прочности его укреплений, частью по многочисленности бывшего в нем пешего и конного войска, а не менее того и по недостатку жизненных припасов, равно как дров и воды. Выступив отсюда, он овладел при первом же нападении Ферепом и, подарив его одному графу антиохийскому, перешел к другому городу, называемому на местном наречии Кафарда, который повелевает обширной страной, гордится подвластными ему в окрестности немаловажными крепостями и славится крепостью своих стен.

8. Овладев в короткое время и этим городом, царь идет далее и, направляя путь к Сезеру, располагается лагерем около Истрия, города Месопотамии, недалеко отстоящего от Сезера и всем как нельзя лучше снабженного. Разрушив мимоходом этот город и отдав его на разграбление солдатам, и в особенности тем скифским легионам, которые его взяли, он поднимается отсюда и подходит к Сезеру. Между тем жители этого города собрали весьма много вооруженных ратников, так как сюда сошлись и соседние сатрапы. Соединившись в одно войско и составив один военный союз, они, перейдя протекающую там реку, выступили навстречу римлянам и, потрясая тростниковыми дротиками, на своих быстрых лошадях напали на царские фаланги. Но после многократных схваток царь одерживает победу, и тог-

да одни из неприятелей тонут в воде, а другие пронизываются копьями, так как тростниковые дротики, которые они бросали, отнюдь не оказали им нужной помощи, а доставили пособие слабое, ничтожное, одним словом, тростниковое. С этих пор, укрывшись за стены, они уже не делали вылазок, но, показываясь из-за земляных крыш, доставлявших им при этом важное пособие, действовали против римлян, предоставив им безнаказанно грабить и опустошать свою страну и брать крепости. И между тем как римляне это делали, царь, тщательно осмотрев фаланги и разделив их по нациям и племенам так, чтобы соплеменники помогали соплеменникам, одну часть их составляет из македонян, другую из так называемых избранников, третью из скифов и еще одну из персов, перешедших к римлянам во время прежних войн. Это соединение одноплеменников и это разделение войска на большое число отрядов, вооруженных различного рода оружием, еще больше устрашило неприятелей, и они, оставив упорное сопротивление, из-за внешних стен переходят за внутренние. Здесь, в течение многих дней, на близком расстоянии происходили схватки, стычки, и настоящие битвы, и единоборства храбрецов, и бегства, и отступления, и взаимное с той и другой стороны преследование. Хотя перевес всегда оказывался на стороне римлян, но и неприятели, несмотря на то, что во множестве падали от меча и засыпали сном смертным от стрел и были разрываемы на части камнями, бросаемыми из машин, несмотря на то, что и городские стены разрушались и падали,— все еще оставались непоколебимыми, так как их было бесчисленное множество, а притом они и сражались за свою жизнь, за своих жен и детей, да кроме того и за множество всякого рода богатства. Но, вероятно, и этот город был бы взят, покорился бы царю и потерял бы все свое богатство, и римляне больше

прежнего прославились бы через то, что овладели им, если бы не пришли дурные вести и не заставили царя поневоле выйти оттуда. Эти вести говорили, что Едесса[28] окружена персами и находится в опасности жестоко пострадать, если царь в самом скором времени не подаст ей помощи. Поэтому, получив от осажденных великолепные дары из драгоценнейшего вещества, и отличной породы лошадей, и шелковые материи, протканные золотом, и достопримечательный стол, но выше всего этого получив прекраснейший и необыкновенный крест, который был высечен из драгоценного светящегося камня и на котором искусство живо изобразило божественный лик несравненной красоты, на которую глаза не могут насмотреться,— царь снимает осаду и отправляется к Антиохии. Сезерские сарацины говорили, что между поднесенными царю дарами крест из лучезарного камня, равно как драгоценный и удивительный стол, давно уже приобретены их предками на войне, именно когда они взяли в плен бывшего римского самодержца Романа Диогена[29], разграбили его царскую палатку и, овладев лагерем, разделили между собой все, что в нем было. Во время отступления царя от Сезера на римлян нападают сзади персидские войска Заки и некоторых других знаменитых вождей на своих, почти как ветер, быстрых лошадях, наперед уже считая себя победителями и, по глупой варварской спеси, весьма мало ценя римлян. Но они обманулись в своих надеждах и не только не сделали ничего славного, а еще за свое хвастовство и надменность понесли от божественного правосудия достойное наказание да сверх того потеряли пленниками двух вождей, из которых один был сын Атапака, а другой — родной брат эмира Самуха. Когда царь подходил к знаменитому городу Антиохии, ему навстречу вышли все городские жители, так что даже наскоро устроили ему светлое входное торжество

со священными изображениями и с великолепным убранством улиц. Из Антиохии, сопровождаемый благожеланиями и похвалами, он прибыл в пределы Киликии и потом вступил на путь, ведущий к Византии. Подвигаясь таким образом вперед в боевом порядке и держась своих военачальнических правил, он посылает часть войска против иконийских персов, так как они в то время, как царь вступал в Сирию, воспользовавшись этим случаем, нападали на римлян. Победив и эту враждебную толпу, он опустошил неприятельскую землю и взял в плен много людей и разного рода скота, годного для работы и для езды. Таковы-то дела, совершенные этим самодержцем на Востоке в течение одного похода, продолжавшегося три года, заставившего всех говорить о себе и привлекшего к себе общее внимание.

9. В это же время возвратился к царю и родной брат, севастократор Исаак, который, как мы прежде сказали, больше всех помог ему получить царство. Разойдясь с братом вследствие ничтожного огорчения, он убежал из пределов римских. Вместе с ним бежал и странствовал и старший сын его Иоанн. Исаак был человек воинственный и храбрый, одаренный отличным ростом и прекрасной наружностью. Перебывав у многих других народов, он между прочим пришел и к сатрапу столичного города Иконии, постоянно имея в виду напасть на римские области и отомстить Иоанну. Но так как у него не было денег, а царь Иоанн всегда и везде славился своими военными действиями, то он не находил никого, кто бы сошелся с ним в его видах. Напротив, все даже отступали от него и, при первом слове о возмущении, изъявляли свое негодование и отказывались от его замыслов, как бесполезных и для него, и для них отнюдь не достижимых. Поэтому, обходя местных начальников, он хотя везде, где останавливался, принимаем был почтительно, как

человек, одаренный истинно царской наружностью и весьма знаменитый родом, однако же наконец понял, что напрасно, отделившись от родства, ведет бедственную жизнь, и возвратился к брату. Царь ласково принял и его и сына, виделся и говорил с ними и сердечно обнял их. Так-то сильна любовь, внушаемая родством. Хотя бы она на время и прекратилась, но опять скоро и легко восстанавливается. Потому-то и царь, сохранив вполне всю прежнюю привязанность, не скрывал в душе никакой тайной неприязни, как это любят делать люди, облеченные властью, которые до времени умеют скрывать свой гнев, а при случае со всей силой обнаруживают его. Вступив вместе с братом в Константинополь, он не больше радовался о победе, чем о возвращении брата. Да и подданные, со своей стороны, также прославляли эту внимательность царя: они не только гордились его трофеями и воссылали благодарения Богу за то, что Он сохранил его и возвратил победителем, но и радовались возвращению его брата.

Впрочем, царь недолго пробыл в Византии. Вследствие вторжения персов в открытые равнины, лежащие при реке Сангарии, он, несмотря на то, что был болен, немедленно выступил в поход. Устрашив неприятелей своим появлением и отняв множество разного рода скота, он возвратился в Лопадий. Спустя немного времени, когда и царица со своим домом выехала в этот город, он воздвиг укрепления, употребив свободное от военных действий время не без пользы для римлян. Предполагая пробыть в этих местах долгое время, он приказал собраться сюда войску. По приказанию царскому войско действительно стало собираться; однако же, вследствие этого распоряжения, воины больше чем когда-либо находили его безжалостным, не знающим меры в походах, как будто бы он забыл или вовсе не думал о том, что

римляне три года провели в восточной войне. Эта неприязнь к нему войска еще более усилилась оттого, что многие из воинов, бывших с ним в походе в Сирии, будучи задержаны на пути болезнью, недостатком продовольствия и потерей лошадей, не успели еще повидаться со своими домашними и между тем должны были идти не на родину, а отправляться прямо туда, где находился царь, быв к тому принуждаемы людьми, которые тщательно смотрели за дорогами и наблюдали за морскими переправами. Царь не мог не знать причины ропота, но показывал вид, будто не знает, чтобы не сказать — нисколько не обращает на то внимания. Он позволял войскам говорить пустые речи, а сам твердо держался своего решения, говоря, что он хочет иметь войска, которые соревновали бы ему, а отнюдь не тяготились и не скучали непрерывными походами. Предположив наказать варваров, тайно вторгшихся в область армениаков*, а вместе с тем захватить и Константина Гавра, который давно уже подчинил себе Трапезунт и управлял им в качестве тирана, он отправляется в поход через долину пафлагонскую для того, чтобы идти все прибрежными местами Понта. Это он сделал по двум причинам: частью для того, чтобы продовольствие доставлять войску из своих провинций, а частью для того, чтобы, в случае сражения, неприятели могли угрожать только с одной стороны, но не могли напасть с обеих сторон и через то легко окружить его. А этого он мог опасаться, потому что Кесарией в то время владел Магомет, о котором

* *Θέμα τῶν Αρμενιακῶν. Θέμα* от *τίϑημι* — полагаю, здесь означает местность, область, занятую известным отрядом войск. Эти области, или *ϑέματα*, разделялись на восточные и западные, тех и других было несколько, и каждая имела особенное название. Область армениаков была на Востоке и получила свое название оттого, что была сопредельна с Арменией. Du Cange Glos. Tom. 1. P. 487 et sqq. Cfr. Const. Porphyrog. Vol. 111. P. 17—19. Ed. Bonn.

мы сказали выше, человек чрезвычайно сильный, покоривший часть Иверии и подчинивший себе некоторые места в Месопотамии. Отдаленный род свой он сливал с Арзакидами, а ближайшим образом происходил от Танисманиев, а это были люди отважные и храбрые и между всеми тогдашними обладателями восточных римских городов особенно могущественные и наглые. Таким-то образом царь, выступив из Лопадия, когда весна стала приближаться к концу, и проведя в походе все лето и лучшую часть осени, около зимнего солнцестояния стал лагерем в понтийском городе Кинте. Вторгшись отсюда в неприятельскую землю, он перенес много несчастий. Страна каппадокийская и сама по себе холодна, климат ее суров, ветры пронзительны, а тогда наступила еще необыкновенная зима; оттого царь должен был бороться с разнообразными затруднениями. У него и продовольственные запасы совсем истощались, и лошади, как подъемные, так и боевые, погибали. Между тем неприятели, сделавшись от этого еще смелее,— так как нет ничего сокровенного и тайного, о чем молва не разгласила бы,— стали часто и неожиданно нападать на него. Нападая тайно, как разбойники, а иногда вступая в борьбу и явно, они всегда наносили вред римским фалангам, потому что, нападая внезапно густой, как туча, толпой, в надежде на быстроту своих коней, они исчезали с поля битвы, как будто бы уносимы были порывом ветра. Чтобы вознаградить потерю конницы, царь, со своей стороны, собирал со всего войска лучших лошадей и, раздавая их частью римлянам, которые умели сражаться пиками, но преимущественно тем из латинян, которые искусно владели копьями, противопоставлял этих всадников неприятелям, поручая им мужественно отражать нападения. Неприятели действительно не выдерживали атак этих копьеносцев и обращались в бегство. Этим-то средством, а равно

и тем, что весьма многие из пешего войска держали поднятые вверх знамена для того, чтобы представить, что у них еще много конницы, царь достаточно оградил себя от нападений со стороны персидских полчищ и таким образом достиг Неокесарии[30]. Но и здесь также много было схваток между персами и римлянами. Однажды младший сын царя, по имени Мануил, взяв копье и выступив довольно далеко вперед, без ведома отца напал на неприятелей. Этот поступок юноши заставил почти все войско вступить в неравный бой, так как некоторые увлеклись соревнованием, а все другие боялись за юношу и думали особенно угодить царю, если при их содействии он не потерпит от неприятелей никакого вреда. В виду всех царь похвалил за это сына; но потом, когда вошли в палатку, он нагнул его и слегка наказал за то, что он не столько храбро, сколько дерзко, и притом без его приказания, вступил в бой с неприятелями.

10. Впрочем, царь, может быть, овладел бы и Неокесарией, если бы, вследствие неожиданного обстоятельства, не помешала ему безрассудно-упрямая гордость и совершенно неукротимый нрав племянника Иоанна, сына севастократора Исаака. Однажды, перед наступлением сражения с персами, царь, увидев, что у знаменитого итальянского всадника нет лошади, приказал стоявшему подле него племяннику Иоанну сойти с арабского коня, на котором он сидел, и отдать его итальянцу, зная, что у племянника нет недостатка в лошадях. Но Иоанн, будучи человеком чрезвычайно гордым и надменным, воспротивился царскому приказанию, дав ответ очень грубый, чтобы не сказать — очень дерзкий. Ставя ни во что латинянина, он вызывал его на бой с тем, чтобы он по праву получил коня, если останется победителем. Но не имея возможности долго противиться дяде и царю, так как заметил, что тот начинает сердиться, он нехотя от-

дал своего коня. Потом с досадой и гневом сел на другого коня и, устремив вперед копье, понесся к неприятельскому строю. Когда же отъехал несколько вперед, то, откинув копье назад, кладет его на плечо, снимает с головы шлем и перебегает к персам. Варвары с удовольствием встречают и охотно принимают Иоанна, так как они уже и прежде знали его, когда он скитался вместе с отцом своим, да и теперь надеялись, что он своим присутствием будет содействовать успеху их дел. А сам Иоанн спустя немного времени отрекся и от веры христианской и женился на дочери иконийского перса. Это обстоятельство крайне встревожило царя, и он стал опасаться дурных последствий. Он знал, что племянник не станет молчать о стеснительном положении римского войска, но непременно и скоро расскажет о потере лошадей, о недостатке продовольствия и о всех других лишениях лагеря. Поэтому, желая скрыть свое отступление, от стал мало-помалу, как бы передвигаясь, удаляться оттуда, но и при таком отступлении не вполне успел укрыться от неприятелей, которые, настигши задние отряды войска, весьма далеко преследовали их и постоянно тревожили. По этой причине он взял направление к морскому берегу и, таким образом, поставил себя в безопасности, а неприятели, не имея уже возможности нападать на него, возвратились назад.

В Январские иды (13 января) царь Иоанн возвратился в столицу из тягостного персидского похода, а в конце весны он опять уже был препоясан мечом и прибыл в город, основанный при р. Риндаке. Но когда летнее время прошло, а наступившая зима, негодуя на живущих на открытом воздухе, стала устрашать их воем ветров и отнимала возможность бороться со стужей, он снова возвращается в Византию, уступив холоду, вооруженному снегами, как бы камнями, и морозами, как бы копьями. А при первой улыбке весны опять

дых и надменных латинян,— то по крайней мере привлечь к себе киликийцев и сириян. С этой целью он не преминул во время настоящего похода писать к антиохийцам и предуведомить их о своем прибытии, так что, прежде чем он вступил в пределы Сирии, они уже выслали к нему посольство, которое подавало ему весьма хорошие надежды в будущем. Но когда он приблизился к городу Антиоха[32], то встретил в итальянцах совсем иные мысли и расположения, так как молва уже разгласила о всех его тайных и тщательно скрываемых замыслах. Он не нашел в Антиохию доступа легкого и согласного с его видами, напротив, увидел, что ему дозволяют вступить только под условием клятвы, что, вступив в город, он пробудет в нем несколько дней, примет подобающие ему поздравления и почести и затем опять выступит, не делая никакого нововведения в гражданском управлении и не изменяя ничего в установившихся обычаях, т. е. совсем не так, как он предполагал. Раздраженный тем, что не сбылись его ожидания, он, хотя и не счел нужным войти в город силой, питая крайнее отвращение к войне с христианами, однако же, расположившись в предместьях города, дозволил войску опустошать их и забирать все, что только можно. Вследствие этого дозволения, данного под предлогом недостатка в необходимом продовольствии, даже фруктовые деревья не остались нетронутыми, но и они были сожжены для приготовления пищи. Тайно отомстивши таким образом за пренебрежение к себе, царь удалился к пределам киликийским и стал лагерем в обширнейшей долине, из которой высоко поднимаются к небу две вершины горы, называемые, как говорят, Гнездами Воронов. Здесь отправился он на охоту и, встретив дикого кабана, вонзил в грудь зверя острие копья. Кабан с такой силой напирал, что всадил в свои внутренности все железо. Оттого рука, державшая ко-

пье, начала мало-помалу цепенеть и уступать сильному напору зверя и, согнувшись, уперлась в колчан, косо висевший у царя сбоку и наполненный ядовитыми стрелами. Колчан от этого перевернулся, и одна из рассыпавшихся стрел ранила царя в руку между последними пальцами. Яд, разливаясь и распространяясь все далее и далее, поражает наконец и самые важные части тела, мало-помалу лишает их силы и жизненности, и оттого царь спустя немного времени умирает. Сначала он счел за ничто свою рану и для ее излечения наложил на нее снятую с подошвы ноги кожу, что называется ἐκδορὰ (excoriatio), стараясь этим сомнительным средством остановить выходящую из раны кровяную материю. Возвратившись вечером в лагерь, он поужинал и спокойно провел ночь. Но на другой день, когда рана стала пухнуть и воспаляться, он почувствовал сильную боль и поспешил рассказать врачам бывший с ним случай. Те, осмотрев опухоль руки и с любопытством посмотрев на приложенную к ране накладку, сняли ее с руки, как средство, принятое не по правилам медицины, и употребили другие лекарства, имеющие силу уничтожать воспаление ран. Но так как лекарства эти не принесли никакой пользы, то потомки эскулапа обратились к хирургии. Опухлое место было разрезано, но и это не принесло никакого облегчения и успокоения страждущему члену, напротив, опухоль все более увеличивалась, и боль переходила от пальца к пальцу, от ладони к ручной кисти, потом перешла в локоть, а отсюда дошла и до плеча, так что царь стал терять надежду на спасение. Врачи были в крайнем недоумении и полагали совсем отнять у царя руку, которая от опухоли сделалась толстой, как мужское бедро, хотя и в этом случае не признавали исцеления верным. Но царь, считая и прежнюю операцию причиной всего зла, не согласился на их предложение, не захотел допустить сомни-

тельного способа врачевания, но по-прежнему лежал больной и страдал. В пресветлый день Христова Воскресения он приобщился божественных Тайн и в вечернее время перед ужином открыл свою царскую палатку для всех, кто только желал войти и просить его о своих нуждах. То же самое по совету великого доместика Иоанна сделал он и в следующий день, разделив притом между присутствовавшими поставленные яства, и затем, оставшись один, стал думать о назначении себе преемника. Между тем пошел проливной дождь, и глубокая долина, в которой император стоял лагерем, покрылась водой. Когда по этому поводу царское ло́же переносимо было на незанятое водой место, на устах царя было следующее изречение оракула: «В местах водных и против ожидания падешь ты!» А те, которые особенно любят судить о преемстве и переменах царей, находили, что теперь сбылось и это предсказание: «Увы! Ты будешь пищей страшных воронов!» По их словам, это древнее изречение частью указывает на черные и шипящие железные инструменты, которыми прижигали руку царя, а частью объясняется названием гор, близ которых император стоял лагерем.

12. Потом царь собрал родных, друзей и все власти и высшие чины и, представив своего младшего сына Мануила, сказал такого рода речь: «Римляне! Не за тем, что вы видите, пришел я в Сирию — нет, я думал совершить дела славнее прежних, думал с полной безопасностью омыться в Евфрате и досыта напиться его струящейся воды, надеялся увидеть и реку Тигр и рассеять оружием всех врагов, какие только состоят в связи с киликийцами и соединились с сынами Агари, затем перелететь, подобно царям птиц (хотя это и может показаться преувеличенным), и в самую Палестину, где Христос своей смертью восстановил нашу падшую природу, распростерши руки на кресте и немногими каплями крови

соединивши весь мир,— думал взойти, как говорит Псалмопевец, и на гору Господню и стать на месте святом Его, и наказать по праву войны окрестных врагов, которые не раз вооруженной рукой овладевали гробом Господним, как некогда иноплеменники — кивотом. Но мои надежды не исполнились, а по каким причинам, о том знает Бог. Противиться этому совершенно невозможно, да и противоречить не должно. Ибо кто премудрее Бога? Или кто может уразуметь ум Господень и изменить суды его, убавив или прибавив что-нибудь? Шатки помыслы человеческие, но совет Господень тверд и неизменен. Между тем я получил от Бога, устроившего судьбу мою, так много благодеяний, что их и перечислить невозможно. Чтобы возблагодарить Его за все те милости, которые он *возвеличил сотворити* с нами (Пс. 125, 3), я теперь упомяну о них вам — моим слушателям и их свидетелям. Я родился от отца-императора, сделался преемником его власти, ничего не утратил из того, что передал он в мои руки. А умножил ли я, подобно благоразумному и верному рабу, врученный мне от Бога талант царства, об этом предоставляю другим судить и говорить. Но и сам я без стеснения могу сказать об этом, не с тем, чтобы похвалиться, но чтобы поведать чудеса Божии на мне. Меня видел сражающимся Восток и Запад, я делал походы против народов, живущих на том и другом материке. Немного пробыл я в царских чертогах, почти вся жизнь моя прошла в палатке, и всегдашней моей заботой было находиться в поле. Самая земля эта, на которой мы стоим лагерем, в другой раз уже увидела меня. Много времени прошло с тех пор, как персы и арабы и в глаза не видели римского войска, а теперь это самое войско под главным водительством Божиим и под моим служебным начальством привело их в трепет, и они уступили нам многие города, которые и доселе подвластны нам и

живут согласно нашим указам. Да даст же Господь Бог, чтобы я, столько потрудившийся ради христианского народа, сподобился тамошнего жребия и того вечного наследия, которое получат кроткие и угодные Богу! А ваши руки да утвердит и укрепит Он еще более против народов, которые жаждут брани и между которыми совсем не призывается всесвятейшее имя Бога нашего! И это будет, если и вы свои успехи станете поставлять в зависимость от десницы Вышнего и от Его высокой мышцы и вождем над вами будет поставлен от Бога не грабитель народа, не человек, который нисколько не соответствовал бы своему званию или был бы с дурными свойствами души, сидел бы только за столом и не выпускал чаши из рук, и никогда не отрывался бы от царских чертогов, подобно лицам, изображенным мозаикой и красками на стенах. Ведь обыкновенно все дела так или иначе устраиваются и идут соответственно качествам правителя, потому что прежде всего от него зависят. Если он худ — и они расстраиваются, а если хорош — и они приходят в цветущее состояние. Это потому, что Бог, по слову Давида, *ублажает благия и правыя сердцем, уклоняющияся же в развращения отведет с делающими беззаконие* (Пс. 124, 4—5). А как я хочу теперь сказать нечто и о преемнике моей власти после моей кончины, которая неизбежно и скоро наступит, то вам следует обратить особенное внимание на мои слова. Что царская власть перешла ко мне, как отцовское наследие, об этом мне нет нужды говорить, точно так же, как всякому другому — доказывать, что солнце — светило дня. Я вижу также, что вы усердно желаете, чтобы сохраненное во мне от отца преемство перешло и на тех, которые произошли от моих чресл, что вы искренне хотите быть под властью одного из моих сыновей, которые остаются еще в живых, то есть Исаака или Мануила, и самое избрание пре-

доставляете не самим себе, а моему решению. Поэтому я должен сказать, что хотя природа, верная порядку, обыкновенно отдает преимущество старшим детям, но у Бога при важнейших назначениях почти всегда бывает не так. Вспомните об Исааке, который по порядку рождения занимал второе место за Исмаилом, об Иакове, который вышел из утробы матери после Исава, о Моисее, который был моложе Аарона, о Давиде, самом младшем между братьями и юнейшем в дому отца и о весьма многих других. Бог не смотрит, подобно человеку, на лица и не отдает предпочтения долголетию, сединам и возрасту, но ценит добрые свойства души и с благоволением взирает на кроткого, смиренного и хранящего Его заповеди. Потому-то и я не очень благоприятствую поврежденной природе, но в делах важных отвергаю ее правила, как советы малодушной жены, и лучше хочу подражать Богу, который выше всякого лицеприятия. Если бы верховная власть бесспорно переходила к старшему моему сыну Исааку, мне вовсе не было бы нужды говорить что-нибудь для изображения свойств обоих моих сыновей. Но так как она должна перейти на сторону младшего сына Мануила, то, чтобы отклонить подозрение народа и чтобы кто-нибудь не подумал, будто я из пристрастия, а не по достоинству предпочел младшего сына старшему, необходимо сказать об этом, что следует. Не одним путем идут человеческие пожелания, но расходятся по множеству тропинок, точно так же, как и наши тела неодинаковы по виду, хотя все мы равно люди и имеем одну и ту же природу. Одни из нас стремятся к одному, другие — к другому, и не все мы равно находим наслаждение в одном и том же. А если бы было иначе, то мы, как необходимо увлекающиеся одними и теми же удовольствиями, одними и теми же расположениями, не были бы виновны ни перед Богом, ни друг перед другом. Так и двое моих

сыновей, хотя произошли от одного отца, но имеют различные душевные качества. Правда, оба они хороши, оба отличаются и телесной силой, и величественным видом, и глубоким умом, но в отношении к управлению царством мне представляется несравненно лучшим младший Мануил. Исаака я часто видел вспыльчивым и раздражающимся от самой ничтожной причины, потому что он крайне гневлив, а это губит и мудрых и доводит большую часть людей до необдуманных поступков. Между тем Мануил с целым рядом других достоинств, которых не чужд и Исаак, соединяет и это прекрасное качество — кротость, легко уступает другим, когда это нужно и полезно, и слушается внушений рассудка. А как мы, люди, скорее любим подчиняться незлобию сердца, которым украшен был и Давид, царь и пророк, чем руке, держащей меч, и воле, не оставляющей без исследования и малейших проступков подвластных, то я по этой причине и решил назначить царем Мануила. Итак, примите этого юношу как царя, и Богом помазанного, и по моему избранию вступающего на престол. А что и Бог действительно предызбрал и предопределил его в царя, доказательство этому — многие благочестивых мужей предсказания и предвещания, которые все провозглашали, что Мануил будет царем римлян. Да как иначе объяснить и то, что умерли мои сыновья, которых я прежде предназначал к верховной власти, и что теперь нет при мне Исаака, которому после них принадлежит царство по праву рождения? Не очевидно ли, что и это мы должны признать за совершенно ясные знаки воли Божией на то, чтобы не другой кто, а Мануил держал в руках скипетр римский? А кто захочет внимательно всмотреться в дело, тот увидит, что и я, отец, не совсем даром вручаю сыну царство, единственно потому, что хочу сохранить преемство рода, но этим назначением награждаю его и

за доблести. Ведь вы, без сомнения, знаете, сколько не по возрасту геройских подвигов совершил он при Неокесарии и в то отважное нападение на персов, которое, с одной стороны, так много беспокоило меня, как отца, крайне боявшегося за возлюбленного сына, а с другой — так много возвысило дела римлян». Когда царь Иоанн сказал это, собрание, рыдавшее при его словах, охотно признало Мануила царем, как бы он избран был по жребию или по большинству голосов. Затем отец обратился со словом к сыну и, давши ему полезные советы, украсил его царской диадемой и облек в порфиру. Потом и собравшиеся по приказанию войска провозгласили Мануила римским императором, причем каждый из главных военачальников стоял отдельно со своим отрядом и ясным голосом говорил приветствие новому царю. Наконец предложено было Евангелие, и перед ним все поклялись в преданности и верности Мануилу. Распорядителем и вместе виновником всего этого был великий доместик. Он думал через это обессилить и подавить стремление честолюбцев к возвышению и мятежу и не допустить партиям содействовать некоторым из царских родственников, которые, выставляя на вид старшинство лет как нечто великое и достойное уважения и преувеличивая свое царское родство, считали самих себя более достойными царствовать.

Через несколько дней после того, как все это совершилось, царь Иоанн скончался, царствовав двадцать четыре года и восемь месяцев. Это был человек, который и царством управлял прекрасно, и жил богоугодно, и по нравственности не был ни распутен, ни невоздержан, и в дарах и издержках любил великолепие, как об этом ясно говорят и частые раздачи золота константинопольским жителям, и столько прекрасных и громадных храмов, воздвигнутых им с самого основания. В то же время страстно любя сла-

стантинополь, действительно задерживает Исаака, который еще ничего не знал о случившемся, и заключает его в монастырь Вседержителя, построенный царем Иоанном; так что, когда тот, находясь уже в заключении, узнал о смерти отца и услышал о провозглашении брата, то ничего уже не мог сделать и только жаловался, что его обижают, и обижают сверх всякой меры, и превозносил тот порядок, которому все в мире подчиняется. «Скончался,— говорил он,— Алексей, первородный из братьев и наследник отеческой власти; за ним последовал Андроник, второй после первого; и он вскоре после того, как привез тело покойного брата из-за моря, также окончил жизнь. Значит, ко мне теперь должен перейти римский скипетр и по праву мне принадлежит власть». Но между тем как он тщетно высказывал такие жалобы и, как пойманная птичка, напрасно истощался в усилиях, великий доместик, заботясь об охранении дворца и стараясь, чтобы граждане провозгласили Мануила царем, выдает духовенству великого храма грамоту, писанную красными чернилами и скрепленную золотой печатью и шелковым красным шнурком, в которой назначалось ему ежегодно по 200 мин серебряных монет*. Говорили, впрочем, что Аксух привез с собой и другую подобную же царскую грамоту, в которой назначалось столько же золотых монет. Император не без основания опасался, чтобы или сам Исаак, имевший больше права на престол по рождению, услышав о смерти отца и о провозглашении младшего брата, не возмутил города, или происки каких-нибудь беспокойных и склонных к возмущениям людей, обыкновенно сопровождающие восшествие на престол и перемену императоров, не сделали чего-либо неблагоприятного новому царю и опасного для его царствования. Поэтому, при таком сомнительном положении дел, он и вручил Иоанну две милостивые грамоты. Но дела посольства пошли так благоприятно, что ни пославшему, ни посланному нельзя было ничего лучшего ни представить, ни желать, и потому Иоанн, удержав грамоту, назначавшую золото, выдал только грамоту, назначавшую серебро.

* Мина (μνᾶ) — греческий фунт, или монета в 100 аттических драхм. 10 серебряных мин составляют одну золотую. 60 мин составляют один талант.

Между тем как посланные подготовили таким образом прибытие царя, сам царь, воздав последний долг отцу, поставил тело его на одном из кораблей, стоявших в реке Пираме, которая, орошая Мопсуестию[33], впадает в море, и, устроив, сколько позволяло время, дела в Антиохии, выступил из Киликии и отправился в путь через так называемую верхнюю Фригию. На пути были захвачены персами и отведены к тогдашнему правителю Иконии, Масуту, двоюродный по отцу брат Мануила, Андроник Комнин, бывший впоследствии тираном над римлянами, и Феодор Дасиот, за которым была в замужестве Мария, дочь родного брата Мануилова, севастократора Андроника. Находясь на охоте и уклонившись от пути, по которому шло войско, они нечаянно попали в руки неприятелей и таким образом, думая ловить зверей, сами были пойманы ловцами людей. В то время царь не мог обращать внимания ни на что постороннее, будучи всецело занят предстоявшим ему делом и считая небезопасным хоть сколько-нибудь медлить его исполнением, и потому не позаботился, как следовало, и об этих лицах и не оказал им царской помощи, но впоследствии освободил их без выкупа и возвратил римлянам небольшой город Праку, основанный в соседстве с Селевкией и разоренный персами. По прибытии в столицу Мануил был радостно принят ее жителями как потому, что он наследовал отеческий престол, так и потому, что его все любили. В возрасте нежного

юноши он превосходил уже благоразумием людей, состарившихся в делах, был воинствен и смел, в опасностях неустрашим и мужествен, в битвах решителен и храбр. Юношеское лицо его отличалось приятностью, и улыбающийся взор заключал в себе много привлекательного. Ростом он был высок, хотя несколько и сутуловат. Цвет тела его был не такой белоснежный, как бывает у воспитанных в тени, но и не такой смуглый, как у людей, которые долго были на солнце и подвергались действию пламенных лучей его; отличаясь от белого, он хотя и приближался к черноватому, но не отнимал тем красоты. По всем этим причинам граждане стеклись ему навстречу с распростертыми объятиями, и он радостно вступил в царские чертоги при громких восклицаниях и сильных рукоплесканиях народа. При вступлении его во дворец на стройном арабском коне, когда нужно было проходить воротами, за которыми сходить с седла дозволяется одним только императорам, конь, на котором ехал царь, громко заржал и стал сильно бить копытами в помост, потом спокойно пошел вперед и, гордо описав несколько кругов, переступил наконец порог. Это обстоятельство показалось счастливым предзнаменованием для бывших тут болтунов, и особенно для тех, которые глазеют на небо, но едва умеют различать то, что у них под ногами; по этим движениям и многократным кружениям коня они предсказывали самодержцу продолжительную жизнь.

2. Воздав благодарение Богу за свое провозглашение и вступление на царство, царь стал думать о назначении преемника на патриарший престол для управления делами церкви и для возложения на него самого во храме Господнем императорского венца, так как Лев Стиппиот тогда скончался. По этому поводу он совещался с важнейшими из своих августейших родственников, с сенаторами и служителями ал-

таря. Многие были предлагаемы к избранию на высочайший иерархический престол, но большинство голосов и почти общее мнение склонилось в пользу Михаила, инока монастыря оксийского, потому что он и славился добродетелями, и был не чужд нашего образования. Михаил, возведенный на патриарший престол, немедленно во святом храме помазал того, кто как бы помазал его самого, избрав в патриархи. Между тем с царем примирился и брат его Исаак, и, вопреки ожиданию народа, оба брата оказывали друг другу взаимную благосклонность. Но Исаака не любил народ за его крайнюю раздражительность и за склонность к жестоким наказаниям, часто по маловажным причинам. К тому же, несмотря на свой огромный рост, он страдал недостойной и несвойственной мужу боязливостью, так что пугался всякого шума. Поэтому все ублажали и считали достойным вечной доброй памяти августейшего отца его, Иоанна, между прочим и за то, что он предпочел ему Мануила при назначении преемника власти и царства.

Так как Масут нападал на восточные области и опустошал их, то Мануил выступил против него в поход и, достигши Мелангий*, отомстил тамошним персам. Затем, сделав распоряжения о восстановлении и охранении Мелангий, он возвратился в столицу, заболев колотьем в боках. Считая долгом отомстить и князю антиохийскому Раймунду за то, что тот нападал на киликийские города, подвластные римлянам, он выслал против него войско под начальством своих племянников по сестре, Иоанна и Андроника Контостефанов, и некоего Просуха, опытного в военном деле. Вместе с тем он отправил и длинные корабли, которыми начальствовал Димитрий Врана. Как скоро тамошние крепости и города,

* *Τὰ Μελάγγεια* — город близ Олимпа в **Мизии**.

терпевшие нападения, были надлежащим образом обезопашены, он решился идти войной против персов, так как они домогались овладеть пификанскими укреплениями и, вторгшись в область фракисийцев*, опустошали все, встречавшееся на пути. С этой целью он прошел Лидию[34] и, приблизившись к городам, лежавшим во Фригии и при реке Меандре, избавил эти города от угрожавших им опасностей, прогнав устрашенных персов. Достигнув Филомилия[35], он и здесь имел стычку с турками, где и был ранен в подошву ноги одним персом: царь поверг его копьем на землю, а он во время падения пустил стрелу в его пятку. Так как неприятели считали его человеком страшным в делах, решительным и более отважным, чем отец его Иоанн, то он не хотел пойти назад и не слушался тех, которые советовали ему возвратиться домой, дабы персы не были наконец доведены до отчаяния и, собравшись, не причинили зла его войску, но с особенной поспешностью пошел против самой Иконии. В это время сам Масут, выступив из города, расположился лагерем в Таксарах, которые прежде назывались Колонией; а одна из его дочерей, бывшая, говорят, в замужестве за двоюродным братом царя, сыном севастократора Исаака, Иоанном Комниным, который по поводу небольшого оскорбления убежал от дяди и царя Иоанна Комнина к Масуту,— стоя на стенах города, сказала при этом случае убедительную речь в защиту отца и султана. Между тем царь приблизился уже к укреплениям Иконии, окружил ее стены войском, дал позволение юношам бросать стрелы в крепость, не дозволив только оскорблять гробницы мертвых, но вынужден был отступить оттуда и идти назад. При этом отступлении — так как неприятели сделали засады и наперед заняли тесные проходы — происходили схватки сильнее прежних; но он преодолел, хотя и не без труда, все препятствия и возвратился в царствующий город.

* *Τῷ θέματι Θρακησίων.* Это одна из восточных областей, названная так от выселенных сюда фракийцев. Constant. Porphyrog. Vol. III. Pag. 22—24. Ed. Bonn.

Этот царь взял себе жену из славного и царственного рода алеманнов. Она не столько заботилась о красоте телесной, сколько о внутренней и душевной. Отказавшись от притираний порошками, от подкрашивания глаз, от щегольства, от искусственного, но не от природного румянца и предоставив все это женщинам безумным, она занималась и украшалась добродетелями. При том имела свойственный ее роду характер непреклонный и была упряма. Поэтому и царь не много любил ее и, хотя не лишал ее чести, великолепных тронов, оруженосцев и прочего, чего требовало царское величие, но не соблюдал супружеской верности. Будучи молод и влюбчив, Мануил предавался рассеянной и роскошной жизни, любил пировать с веселыми и разгульными товарищами и делал все, к чему склонен цветущий возраст и чему учит всесветная любовь.

3. Впрочем, Мануил заботился и об общественных делах. Блюстителем за государственными доходами и главным контролером он, подобно своему отцу и царю, сделал Иоанна Пуцинского, который прежде был протонотарием почтового ведомства*; а ближайшим своим посредником и исполнителем собственных распоряжений назначил Иоанна Агиофеодорита, который сам постоянно находился при лице императора и принимал его приказания, как бы изречения оракула, а для приведения их в исполнение письменно и словесно

* *Πρωτονοτάριος του δρόμου.* Протонотарий — первый между писцами, заведующий письменной частью. Протонотарий *τοῦ δρόμου* — заведующий письменной частью по почтовому ведомству. Codin. Ed. Bonn. P. 201; Cfr. Du Cange Glossar. Tom. I. P. 822.

имел при себе немало помощников из образованных людей, которыми богат был императорский двор, и преимущественно перед всеми Феодора Стиппиота, о котором скажем ниже. Иоанн Пуцинский был человек весьма сведущий по части финансовой, в высшей степени искусный и опытный в деле взимания податей, чрезвычайно строгий во взыскании прежних налогов и необыкновенно находчивый в изобретении новых. По характеру он был крайне жесток и неумолим, так что легче можно было бы смягчить твердый и жесткий камень, чем преклонить его к тому, чего он не хотел. И, что еще удивительнее, он не только не трогался слезами, не смягчался жалобным видом, не преклонялся перед тяжестью серебра и не обольщался приманкой золота, но и был недоступен до бесчеловечия. Он никогда не входил в подробные объяснения с людьми, которые являлись к нему с какими-либо предложениями, но любя большей частью молчание, иногда не удостаивал их и приветствия, что для современников было крайне прискорбно и почти невыносимо. А от царя он был обличен такой силой и властью, что по своему усмотрению иные из царских указов отвергал и разрывал, а другие вносил в государственные кодексы. По представлению этого человека, царь Иоанн безрассудно уничтожил одно общеполезное учреждение, спасительное для всех островов и соблюдавшееся неприкосновенным при прежних царях. Корабельные пошлины, употреблявшиеся прежде на содержание флота, он присоветовал царю обратить в государственную казну, а трииры*, по закону поставляемые островами вместо ратников, он убедил царя чуть не потопить в море. Он представил, что трииры не всегда нужны для государства и общества, а употребляемые на них ежегодно издержки огромны, и потому лучше сберегать эти суммы в государственной казне, а в случае нужды снаряжать флот насчет царских сокровищниц. Предложив такую мысль, достойную морского разбойника, он, однако же, принят был за человека отличного и вполне понимающего сущность дел. Чтобы склонить к этому царя, он, с одной стороны, пугал его чрезмерными издержками, а с другой — радовал умеренностью расходов. А между тем, вследствие этой дурной меры или этого скряжничества, теперь господствуют на морях разбойники и опустошают, как хотят, прибрежные римские области. Конечно, мы приписываем плоды тому, кто посеял семя, но не оправдываем и того, кто собирал их; обвиняем в пожаре того, кто подложил огонь, но не оправдываем и того, кто мог погасить его, но решительно не хотел сделать этого. Впрочем, Иоанн только до тех пор был преданным пользам казны контролером, искусным и бережливым распорядителем и до крайности строгим во взыскании податей, пока имел полную власть и свободу делать все, что только было непротивно его мнению или что было ему угодно и возможно. А когда увидел, что его власть изменяется, свобода действовать по своему усмотрению ограничивается и значение мало-помалу уменьшается, потому что и другие начали усиливаться у царя, отстраняя его и лишая чрезмерного веса, тогда он изменил свои правила и стал всеми силами приспосабливаться ко времени и приноравливаться к обстоятельствам. Сказав одному из своих приближенных: «Ну, теперь и мы будем богаты», он действительно сделался совсем другим человеком, женился на женщине из благородного, но падшего и забытого дома и, сделавшись отцом семейства, оставил своим детям огромное и достаточное для роскошной жизни богатство. Будучи человеком до крайности скупым и не-

* Это трехгребные корабли, с тремя **рядами скамей для гребцов, устроенных ярусами.**

податливым, так что не решался даже поднять ресниц, чтобы взглянуть на бедных, он не распускал своего богатства, но, связав его неразрешимыми и нерасторжимыми узами, держал взаперти, как некогда Акрисий Данаю[36]. Его скряжничество простиралось до того, что даже съестные припасы, присылаемые ему, он часто отсылал для продажи на рынок, а большие и жирные рыбы, как, например, сиаксы и лавраксы, присланные ему кем-нибудь, трижды продавал и столько же раз купленные вновь принимал от других, имевших до него нужду. Таким образом, эти рыбы обращались у него в рыбаков: выставляя свою величину, как уду, а жир, как приманку, они привлекали к себе проходящих и побуждали их к покупке.

Важное также значение по своим советам имел и Иоанн Агиофеодорит, но, по превратности дел человеческих, ему скоро назначен был хитрый товарищ Феодор Стиппиот. Этот человек то соглашался с Иоанном, то противоречил ему и, занимая по красноречию первое место, а по чину — второе, не довольствовался предоставленными ему почестями, но, крайне желая большего и стремясь к высшему, всеми силами домогался первенства. Воспользовавшись случаем, когда произошли немаловажные разногласия между благородным мужем Михаилом Палеологом и Иосифом Вальсамоном, зятем Агиофеодорита по сестре, он решительнее приступил к исполнению своего намерения и, употребив все усилия, успел вытеснить Иоанна из столицы, как бы с высоты небесной, и забросить в самый отдаленный угол, на должность претора Эллады и Пелопоннеса, с тем, чтобы он привел в порядок тамошние дела и разрешил споры между упомянутыми лицами. Иоанн еще готовился к отъезду, а судьба, даже не дождавшись его удаления, перешла на сторону Стиппиота и, как говорится, обняв его ласково и радушно, стала ук-

рашать всеми почестями и возвышать от славы к славе. Наконец одного она возвела в великолепный сан каниклия*, сделала самым приближенным лицом к царю и возвеличила другими, еще большими преимуществами; а другого возненавидела и лишила куска хлеба, и, что всего удивительнее, не изменила своего решения и не отменила его, но до конца осталась при нем. С того времени Стиппиот стал управлять делами, как хотел. Это был человек с умом глубоким и обширным, с характером любезным и с быстрым соображением. Он исполнял все, что приказывал царь, а царь приказывал то, чего хотел он. Впрочем, и царь не был тогда заражен постыдным корыстолюбием, был морем щедрости, бездной милости, доступен по приветливости своего обращения, неподражаем в царских добродетелях, имея душу еще простую и сердце бесхитростное. Старики рассказывали нам, что тогда люди жили как бы в золотой век, воспеваемый стихотворцами. Приходившие в царское казнохранилище за получением какой-либо милости походили на рой пчел, с шумом вылетающих из расщелины скалы, или на толпу людей, собравшихся на площади так, что сталкивались между собой в дверях и теснили друг друга: одни — торопясь войти, а другие — спеша выйти. Впрочем, об этом мы только слышали. А с другой стороны, и государственная казна в то время отличалась щедростью, разливалась, подобно переполнившемуся собранию вод, и, как чрево, близкое ко времени рождения и удрученное избытком бремени, охотно извергала из себя пособие нуждающимся. Ибо от доходов царя, отца Мануила,

* *Τοῦ ἐπὶ τοῦ κανικλέιου. Κανικλεῖον* назывался сосуд с пурпуровой или красной жидкостью, которой императоры подписывали грамоты. *Ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλέιου* — каниклий, лицо, заведовавшее этим сосудом, хранитель его. Должность его состояла, между прочим, в том, что он скреплял царскую подпись. Codin. Ed. Bonn. Pag. 206.

из которых часть уделялась на дела богоугодные и которые не подвергались беспутной и безрассудной трате, скопились груды денег и лежали, как кучи камней. К тому же, кажется, и Бог благословлял и умножал сокровища согласно со своим непреложным обетованием, указывающим и на вечную награду, и на временное стократное воздаяние. Впрочем, недолго продолжалось это доброе настроение царя Мануила, но скоро прошло и миновало. Достигнув мужского возраста, он стал самовластнее управлять делами, с подчиненными начал обращаться не как с людьми свободными, а как с наемными рабами; стал сокращать, если не совсем прерывать потоки благотворительности, и даже отменил такие выдачи, которые сам назначил. Думаю, что он делал это не столько по недостатку доброты (при объяснении дел сомнительных, всегда нужно быть снисходительным), сколько потому, что не котила*, а целое тирсинское море золота нужно было ему на покрытие его огромных расходов, как это будет видно из дальнейшего моего рассказа.

4. Но между тем как император так управлял империей, страшная и опасная туча врагов, с шумом поднявшись с Запада, надвинулась на пределы римского государства: говорю о движении алеманнов и других, поднявшихся с ними и единоплеменных им народов. Между ними были и женщины, ездившие на конях подобно мужчинам, смело сидевшие в седлах, не опустив ног в одну сторону, но верхом. Они также, как и мужчины, были вооружены копьями и щитами, носили мужскую одежду, имели совершенно воинский вид и действовали смелее амазонок. В особенности отличалась одна из них, как бы вторая Пенфесилия**[37]: по одежде

* *Κοτύλη* — мера жидкостей, $7^{1}/_{2}$ унций весу.

** Это знаменитая царица амазонок, принимавшая участие в троянской войне.

своей, украшенной по краям и подолу золотом, она прозывалась Златоногой. Причиной своего движения эти народы выставляли посещение гроба Господня и желание устроить прямые и безопасные пути для своих единоплеменников, отправляющихся в Иерусалим. Они говорили, что не везут с собой в дорогу ничего лишнего, но берут единственно то, что необходимо для уравнения путей, а под этим разумели не лопаты, молоты и заступы, но щиты, латы, мечи и все другое, потребное для войны. Такую они представляли причину своего движения, подтверждая это клятвой, и, как оказалось впоследствии, слова их не были ложны. Прислав послов, как друзья, они просили царя дозволить им пройти через римские области и открывать им на пути рынки, на которых они могли бы покупать пищу для людей и корм для лошадей. Царь, как и естественно, сначала испугался этого неожиданного и доселе еще никогда не бывавшего дела, однако же не преминул сделать все, что могло быть полезным. Послам он отвечал благосклонно и, как требовали обстоятельства, показал вид, что он чрезвычайно одобряет их действия, притворно восхищался их благочестивым намерением, обещал немедленно приготовить все необходимое для их перехода и уверял, что съестные припасы будут заготовлены в изобилии и что они будут получать их так, как будто бы проходили не по чужой, а по своей земле, если только дадут верную клятву, что их проход будет истинно благочестивый и что они выйдут из римских пределов, не причинив вреда. Устроив это, как следовало, он действительно посылает повсюду царские указы, чтобы жизненные потребности были выставляемы на дорогах, по которым будут проходить западные воины. За словом последовало и дело. Но опасаясь и подозревая, чтобы в овечьей коже не пришли волки или, в противоположность басне, чтобы под видом ослов не скры-

вались львы, или вместе с лисьей шкурой не имели они и львиной, он собирает римские войска и публично совещается об общественном деле. При этом исчисляет множество имеющих проходить воинов, показывает количество конницы, объявляет число тяжеловооруженных ратников, говорит о бесчисленном множестве пехоты, описывает, как они покрыты медью и жаждут убийства, как у всех них глаза огнем горят и как они восхищаются кровопролитием более, нежели другие окроплением водой. И не только это объявляет сенату, высшим сановникам и войскам, но говорит и о том, как тиран сицилийский, подобно морскому зверю, разоряет приморские области, как он, переплывая море и приставая к большим римским селениям, опустошает все, встречающееся на пути, без всякого сопротивления. Потом исправляет городские башни и укрепляет стены по всему их протяжению, дает солдатам латы, вооружает их медными копьями, снабжает быстрыми конями и воодушевляет раздачей денег, которые кто-то из древних прекрасно назвал нервами всех дел. Таким образом, при помощи Божией и при содействии покровительницы города Матери-Девы, приготовив как можно лучше войска к отражению неприятеля, одну часть их он удерживает для защиты прекрасного города и помещает на стенах его, а другой приказывает следовать не в дальнем расстоянии за войском алеманнов и удерживать тех из них, которые будут выходить на грабежи и разбои, впрочем — средствами мирными, а не враждебными. Пока алеманны были далеко, не случилось ничего достопримечательного между обоими войсками; да когда они остановились и у Филиппополя, и на этой стоянке не произошло между отрядами столкновения. Архиереем этой области в то время был Михаил италийский, человек отлично красноречивый и всесторонне образованный, в разговоре до того приятный,

что всех привлекал к себе, подобно магниту. Он до такой степени увлек короля прелестью своих слов и очаровал сладостью речей (имея, однако же, в мыслях совсем не то, что говорил, а выгоды римлян, и искусно превращаясь, подобно Протею фаросскому[38]), что гордый король не мог оторваться от него, бывал у него на обедах и разделял с ним завтраки. За то и сам, из угождения ему, подвергал самым жестоким наказаниям тех, которые приносили откуда-нибудь съестные припасы, не заплатив за них денег.

5. Когда же король выступил оттуда и отправился далее, то между задними отрядами алеманнов и римлянами сначала происходит спор по поводу каких-то обид; за спором следует шумная распря толпы, усиливаемая криками; к крикам присоединяется брань и ссоры, а отсюда дело доходит до драки. Затем является богиня войны — завязывается вооруженная схватка и поднимается открытое сражение. Возрастая и усиливаясь более и более, оно едва было не подняло свою голову до небес, хотя вначале было незначительно и незаметно; но вышеупомянутый архиерей успел своими убеждениями смягчить и сверх чаяния успокоить короля, который уже возвращался назад и дышал войной, как кровожадный лев, свирепо машущий хвостом и готовящийся к нападению. Когда войска достигли укрепленного Адрианополя, то король, пройдя через этот город, отправился далее, а один из его родственников по причине болезни остался в Адрианополе. Здесь некоторые негодные римляне, которых руки были привычны не к оружию, а к грабежу, подошедши ночью, подкладывают огонь под тот дом, где находился этот человек, и сжигают как его самого, так и все, что при нем было. Узнав об этом, Конрад[39] — так назывался король — поручает племяннику своему Фридерику отомстить за то жителям. Фридерик, человек и без того жестокий, а те-

перь еще воспламененный гневом, возвратившись в город, предает огню монастырь, в котором жил алеманин, производит исследование о пропавших деньгах и осуждает на смерть виновных. Это обстоятельство могло бы подать повод к войне, но дело опять окончилось вожделенным миром при содействии некоторых знатных римлян, погасивших войну, и в особенности Прасуха, который уладил все. Переехавши на коне три реки, которые все вместе протекают под тамошним каменным мостом, он прибыл к разгневанному Фридерику, укротил его и отклонил от его намерения. Тогда стоянки алеманнов опять сделались спокойными, переходы мирными и дальнейший путь благополучным. Через несколько дней они раскинули лагерь на всей равнине Хировакхов*, но не оградили его валом; так они поступали и на всех стоянках, доверяя клятвам и договорам римлян. По тамошним полям протекает река, не широкая и не глубокая, называемая Мелас (Черная). Летом, высыхая, она обращается в тинистый ручей, потому что протекает не по песчаной почве, но по земле весьма тучной, по которой пахари проводят глубокие борозды. А зимой и при проливных дождях из ничтожной она делается очень большой, из дрянного и грязного потока постепенно превращается в глубокую реку, даже, не довольствуясь быть рекой, хочет сравниться с морем, бежит стремительно и шумно и, разливаясь широко, из легко переходимой становится судоходной. Воздымаемая ветром, она тогда жестоко волнуется, выбрасывает на берега пенистые волны и, сильно ударяясь о соседнюю землю, уносит труды земледельцев, останавливает путников и вообще производит всякого рода опустошения. Эта-то небольшая река, и в то время от дождей необыкновенно увеличившись и сделавшись многовод-

* Между Адрианополем и Константинополем.

ной, внезапно выступает ночью из берегов, как будто бы над ней отверзлись хляби небесные, и уносит из лагеря алеманнов не только оружие, конскую сбрую, одежды и все другие вещи, которые они везли с собой, но и лошадей, и мулов, и самих всадников. Жалкое то было зрелище и поистине достойное слез: алеманны падали без борьбы, гибли без врага! И ни огромный и необыкновенный рост, ни привычные к войне руки не помогли им спастись от беды: они падали, как трава, уносились, как сухое сено и легкий пух, и лишь река, говоря словами Псалмопевца, воздвигала гласы их, когда они по-варварски кричали и своими дикими и страшными воплями, нисколько не похожими на сладкозвучные песни пастухов, оглашали горы и холмы, мимо которых проносились. Те, которые видели это событие, поневоле приходили к мысли, что гнев Божий явно постиг лагерь алеманнов, если они столь внезапно поглощены были водой, что не могли спасти даже своих тел. Из спавших в ту ночь, действительно, одни заснули сном смертным, а другие лишились всего своего имущества. Король, крайне опечаленный этим событием, несколько посбавил своей спеси и, подивившись, что и стихии повинуются римлянам и исполняют их желания и что самые времена года, как послушные рабы, в угодность им переменяют свои свойства, снялся оттуда и отправился далее. Когда же приблизился к царствующему городу, то принужден был тотчас же переправить свое войско на ту сторону пролива, хотя прежде, в бытность свою в Перее, называемой пикридийской, не соглашался на это и с чванством отказывался от переправы, говоря, что от его воли зависит — переправиться или нет. По этому случаю все гребцы, все суда, все рыбачьи лодки и перевозные корабли заняты были переправой алеманнов. Царь приказал было записать число этого огромного войска, назначив счетчиков на каждую переправу с тем,

чтобы они замечали каждого переправляющегося человека; но количество войска оказалось выше исчисления, и потому приставленные к этому делу, потеряв всякую надежду на успех, возвратились, не исполнив поручения. Когда таким образом король, как зловещее небесное знамение, перешел, согласно с желанием римлян, на Восток, а за ним спустя немного времени последовали и бывшие в одном с ним походе франки, царь опять обратился к прежним своим заботам о собственных областях. Не пренебрегал он также и тем, чтобы эти чужеземцы имели необходимую пищу, для чего на пути опять были выставлены на продажу съестные припасы. Впрочем, в удобных местах и в тесных проходах по распоряжению Мануила сделаны были римлянами засады, от которых немало того войска погибло. А жители городов, запирая городские ворота, не допускали алеманнов на рынок, но, спуская со стены веревки, сначала притягивали к себе деньги, следующие за продаваемые вещи, а потом спускали, сколько хотели, хлеба или других каких-нибудь съестных припасов. При этом они дозволяли себе несправедливости, так что алеманны призывали на них мщение всевидящего Ока за то, что те их обманывали неправильными весами, не оказывали им сострадания, как пришельцам, и не только от себя ничего не прибавляли им, как единоверцам, а напротив, как бы из их рта вырывали необходимую пищу. Негоднейшие же из городских жителей и люди особенно бесчеловечные не опускали даже ни крошки; но притянув к себе золото или подняв серебро и спрятав за пазуху, исчезали и больше уже не показывались на городских стенах. А были и такие, которые примешивали к муке известь и через то делали пищу вредной. Точно ли это делалось по императорскому, как говорили, приказанию, верно не знаю; но во всяком случае эти беззаконные и преступные дела действительно были. А то

несомненно и совершенно верно, что по приказанию царя была вычеканена монета из фальшивого серебра и что она выдавалась в уплату тем из итальянских ратников, которые хотели что-нибудь продать. Кратко сказать, царь и сам всячески старался вредить им и другим приказывал наносить им всевозможное зло для того, чтобы и позднейшие потомки их неизгладимо помнили это и страшились вторгаться в области римлян.

6. Подобным же образом вздумали поступать с алеманнами и турки, быв наущены и побуждены к войне письмами Мануила. Близ реки Вафиса (глубокой), под предводительством некоего Паблана, они даже одержали над алеманнами победу и многих из них истребили. Но когда напали на ту часть войска, которая проходила через Фригию, то ошиблись в своих расчетах и добровольно навлекли на свою голову погибель, безрассудно подвергшись опасности, которая была от них далеко, и попав в яму, которую вырыли собственными руками. Им бы не следовало огорчать людей, которые не причиняли им никакого зла, не следовало будить свирепого зверя, пока он спит, и побуждать его к убийству; а они, построившись в густые фаланги и заняв берега реки,— то была река Меандр,— решительно не дозволяли латинским войскам переправиться через нее. Эта река и во всякое время не везде бывает удобна для переправы, представляя множество водоворотов и пучин, а тогда была совершенно непроходима. Здесь-то западные войска самым делом доказали, что только по их снисхождению фаланги римлян не были истреблены, города их не были разрушены и граждане не были перебиты, подобно кормному скоту. Когда король приблизился к берегу реки, он не нашел здесь ни речных судов, ни моста для переправы, а между тем турки, и пешие и конные, явившись на противоположном берегу, стали бросать стрелы, и их

стрелы, перелетая реку, попадали в передние ряды фаланги. Поэтому он отступает несколько от берега и, расположившись лагерем так, чтобы быть вне бросаемых стрел, приказывает всем, подкрепившись пищей, снарядить к битве коней и осмотреть свое оружие, чтобы на следующий день рано утром вступить в бой с турками. И действительно, когда было еще темно и когда солнце не впрягло еще своих коней в колесницу, он и сам встал и снарядился как следует к сражению, и все войско облеклось в оружие. То же сделали и варвары: они также выстроились, поставили стрельцов вдоль берега, расположили всадников как находили нужным и тотчас же начинали бросать стрелы, когда итальянцы подходили близко к реке. Между тем король, обходя отряды и желая воодушевить своих воинов, говорил им следующее: «Соратники! Каждый из вас, конечно, хорошо знает, что настоящий поход мы предприняли ради Христа и ищем славы не человеческой, а Божией. Да и кто может подумать иначе, когда из-за этого мы отказались от покойной домашней жизни, добровольно оставили своих родных и, проходя по чужой земле, испытываем бедствия, подвергаемся опасностям, истаиваем от голода, зябнем от холода, изнуряемся от жары, имеем ложем для себя землю, а покровом — небо, мы, люди благородные, знаменитые, славные, богатые и владычествующие над многими народами, когда мы постоянно носим воинские доспехи, как добровольные узы, и страдаем под тяжестью их, подобно величайшему из слуг Христовых Петру, который некогда отягчен был двойными узами и находился под стражей четырех четвериц воинов? С другой стороны, никто не станет спорить и против того, что эти отделенные от нас рекой варвары — враги Креста Христова, с которыми мы давно хотели сразиться и в крови которых, по выражению Давида, обещали омыться; никто, если то не бу-

дет человек совершенно безумный, который видя не видит и слыша не слышит. Итак, если вы хотите идти прямым путем в бессмертные обители — потому что Бог не столь неправеден, чтобы не видеть причины настоящего похода и не воздать нетленными радостями и прохладными едемскими обителями нам, которые, оставив свои дома, решились лучше умереть за Него, нежели жить,— если вы сколько-нибудь помните те обиды, какие эти не обрезанные сердцем люди постоянно причиняют нашим соплеменникам, если представляете в уме своем те раны, какие они наносят им, и сколько-нибудь сожалеете о невинно пролитой крови, то станьте твердо, подвизайтесь мужественно, и никакой страх да не удержит вас от справедливого мщения. Пусть иноплеменники истинно познают, что сколько Христос, наш Наставник и Учитель, выше их пророка, обольстителя и изобретателя нечестивого учения, столько же и мы превосходим их во всем. Мы — святое ополчение и богоизбранное воинство, не будем же малодушно привязываться к жизни и бояться приснопамятной смерти из любви ко Христу. Если Христос умер за нас, то не гораздо ли справедливее нам умереть за Него? Пусть же нашему честному походу будет положен и добрый конец. Будем сражаться с надеждой на Христа и с уверенностью, что мы обратим врагов в бегство и что для нас не трудна будет победа; потому что никто, как мы надеемся, не выдержит нашего нападения, но все отступят при самом первом натиске. Если же, чего не дай Бог, мы падем, достославна будет могила умерших за Христа. Пусть персидский стрелок поразит меня за Христа: лучше мне с благими надеждами уснуть сном смерти и на стреле, как бы на колеснице, перенестись к тамошнему покою, чем быть похищенным смертью, может быть, бесславной и грешной. Отомстим же, наконец, этим варварам, которых нечистыми

ногами попраны наши единокровные и единоверные братья и от которых они низошли в то общее священное место, в котором был с мертвыми Христос, собечный и сопрестольный Отцу. Мы — те сильные, вооруженные мечами, которые охраняют животворный и божественный гроб, как ложе Соломоново: уничтожим же, как люди свободные, этих сынов рабыни Агари и удалим их, как камень претыкания, с пути Христова. Римляне, не знаю почему, питают их, как волков, на собственную гибель и бесчестно утучняют своей кровью, тогда как следовало бы, одушевившись мужеством и последовав внушению здравого разума, отогнать их от селений и городов, как диких зверей от стада овец. Но как вы видите, что эту реку можно перейти только необыкновенным способом, то я научу вас, как это сделать, и сам первый подам пример. Составив одну густую массу и взяв в руки копья, бросимся стремительно в эту реку и быстро перейдем ее на конях. Я уверен, что вода, отхлынув, остановится и, как бы возвратившись назад, удержится от дальнейшего прямого течения, как некогда река Иордан, когда проходил через нее Израиль. И будет это придуманное нами дело приснопамятно позднейшим потомкам, не изгладится ни временем, ни потоком забвения, к великому бесчестью персов, которых трупы, падшие при этой реке, будут лежать высоким холмом и составлять как бы трофей бессмертной нашей славы». Сказав эту речь и подав знак к сражению, король сам, сильно пришпорив коня, стремительно бросился в реку, а за ним и все другие, сомкнувшись на конях в густую и сплошную массу и сотворив молитву, с обычными криками устремились туда же. От этого вода в реке частью отхлынула на берег от лошадиных копыт, частью прервала и остановила дальнейшее течение, как будто бы сверхъестественно обратилась назад к своему источнику или была задержана вверху,

и алеманны, перейдя воду, как сушу, неожиданно напали на персов. Тогда эти варвары не могли ни спастись бегством, потому что их преследовали и ловили, несмотря на быстроту их коней, которые чуть не носились по вершинам стеблей, ни устоять против алеманнов в рукопашном бою. Умерщвляемые различным образом, они, как колосья, падали друг на друга или, как гроздья, проливали живую кровь свою, будучи давимы копьеносцами. Одни были пронзаемы копьями, другие на бегу пополам рассекаемы длинными мечами, особенно легковооруженная часть войска, а иные на близком расстоянии поражаемы кинжалами, исторгавшими их внутренности, так что падшие персы совершенно покрыли тамошние равнины своими трупами и затопили лощины своей кровью. Что же касается итальянцев, то хотя многие из них были ранены стрелами, но пали и убиты немногие. О множестве падших и доселе свидетельствуют часто встречающиеся здесь огромные груды костей, которые возвышаются наподобие холмов и удивляют всех, проходивших по этому пути, равно как удивили и меня, пишущего эти строки. Сколь велики были размеры ограды, сделанной из костей кимвров вокруг массилийских виноградников, когда Марий, военачальник римский, поразил этих варваров, о том, конечно, могли верно знать люди, видевшие своими глазами это необыкновенное дело и рассказавшие о нем другим. Но настоящее дело, без сомнения, было бы выше и того, если бы только все, что касается до кимвров, не было преувеличено историей, так что выходит из пределов естественных и походит на басню. С тех пор алеманны продолжали путь без битв и никто из варваров не показывался на пути и не препятствовал им.

Царствование Мануила Комнина

Книга 2

1. После таких-то трудов и подвигов итальянцы достигли Келесирии. Но между тем как они шли к Иерусалиму и, выступив из пределов Римской империи, проходили верхнюю Фригию, Ликаонию и Писидию — области, прежде подвластные римлянам, а теперь принадлежащие варварам, которые завладели ими, конечно, по нерадению и беспечности прежних римских императоров, не считавших слишком нужным и обязательным трудиться и подвергаться опасностям для блага своих подданных, самодержец Мануил стал помышлять, как бы отомстить сицилийцам за их бесчеловечные поступки с римлянами и выгнать их гарнизон с острова Керкиры[40], который ныне называется Корифо*. Действительно, одновременно с движением алеманнов Рожер, тогдашний владетель Сицилии[41], или по предварительному соглашению с королем алеманнов, как иные говорили, или по собственному своему побуждению стал нападать на мелких

* Нынешний остров Корфу.

судах на прибрежные римские области. Флот его, выехавший из Врентисия*, прибыл к Керкире и без сражения, при первом появлении, овладел ею. Причиной этого были жители острова, и в особенности глупейшие из них, по прозванию Гимны. Под тем предлогом, что не могут более терпеть тяжелого, как они говорили, и несносного сборщика податей и переносить его обид, они составили коварный замысел; но как сами собой не в состоянии были осуществить его, то теперь, воспользовавшись благоприятным случаем, обратились к предводителю флота и, обольщенные его ласковыми словами и хитрыми обещаниями, приняли к себе на известных условиях сицилийский гарнизон, состоящий из тысячи вооруженных ратников. Таким образом спасаясь от дыма уплаты податей, они, по своей глупости, попали в пламя рабства; а римлян эти безумцы заставили вести продолжительную и крайне тяжкую войну. Начальник флота, обезопасив крепость и сделав ее сколько можно недоступнее и неодолимее, отправился оттуда и пристал к Монемвасии**[42], льстясь надеждой взять и этот мыс точно также без боя, как недавно взял Керкиру. Но встретив здесь людей умных и знающих цену свободы, он был отбит так, как бы напал на несокрушимую скалу, и, не достигнув цели, медленно удалился оттуда. Миновав Малею[43], где постоянно дуют противные ветры, так что есть даже пословица: «Повернув к Малее, забудь о домашних», он вошел в глубокий залив и, обойдя ту и другую его сторону, не только ограбил селения беззащитные, но и достаточно огражденные и не легко доступные частью принудил сдаться на условиях, частью покорил силой. Потом, опустошив Акарнанию и Этолию[44], называемую ныне

* Город в Италии. Нынешнее название его — Бриндизи.

** Нынешняя Мальвазия. Hofm. Lex. Tom. 3. P. 199.

Артинией, и весь приморский берег, приплыл в залив коринфский и, остановившись в криссейской пристани, отважился напасть на жителей внутренних областей, потому что не было никого, кто бы мог ему противиться. С этой целью, будучи только начальником флота, он разделил войско на отряды тяжело- и легковооруженных воинов и, зная доселе одно море, появился и на суше, подобно тем морским чудовищам, которые ищут себе пищи в воде и на суше, и вторгся в Кадмову землю*. Здесь, опустошив мимоходом лежавшие на пути большие селения, он напал на семивратные Фивы и, овладев ими, поступил бесчеловечно с тамошними жителями. Так как издревле была молва, что в этом городе живут граждане богатые, то он, побуждаемый страстью к деньгам, не мог довольно насытить своего корыстолюбия и желал наполнить деньгами все или большую часть кораблей так, чтобы они погрузились до третьего пояса. Поэтому и ремесленникам он делал насилия, стараясь отыскать последнюю жалкую копейку, и мужей, сильных и славных по происхождению, почтенных по летам и знаменитых по заслугам, подвергал различным притеснениям; не стыдился и не щадил никого, не склонялся ни на какие просьбы, не боялся, что когда-нибудь подпадет под власть богини мщения, и не гнушался так называемой кадмовой победы**. Наконец, предложив священные книги, принуждал каждого с препоясанными чреслами подходить к ним, с клятвой перед ними объявлять свое состояние и, отказавшись от него, уходить. И после того, как обобрал таким образом все золото и все серебро и нагрузил корабли златотканными одеждами, он не

* То есть Беотию.

** Кадм, сын финикийского царя Агенора, основатель города Фив. Кадмова победа — это победа с пагубными последствиями. Henr. Steph. Thesaur. 1. qr. Vol. V. P. 1110.

оставил в покое и лиц, им ограбленных. И из них он взял с собой людей, занимавших первое место по своим достоинствам, а из женщин выбрал особенно красивых и нарядных, которые часто умывались водой прекрасной Дирки*, хорошо убирали свои волосы и отлично знали ткацкое искусство,— и затем уже удалился оттуда. Пользуясь столь благоприятным для него течением дел и не встречая никакого сопротивления ни на суше, ни на море, он отправляется на судах к богатому городу Коринфу[45]. Этот город лежит на перешейке, славится двумя пристанями, из которых одна принимает плывущих из Азии, а другая — приезжающих из Италии, и представляет большое удобство с обеих сторон для ввоза и вывоза и взаимного обмена товаров. Не найдя ничего в торговой части города, которая называется нижним городом, потому что все жители удалились в Акрокоринф и собрали туда все съестные припасы и все имущество, как принадлежащее частным людям, так и посвященное Богу, он решился напасть и на самый Акрокоринф и, если можно, взять его. Акрокоринф — это акрополь древнего города Коринфа, а ныне сильная крепость, стоящая на высокой горе, которая оканчивается острой вершиной, представляющей гладкую поверхность в виде стола, и ограждена твердой стеной. В самой крепости находится немало колодцев вкусной и чистой воды и источник Пирина, о котором упоминает Гомер в одной из рапсодий. Несмотря на такую твердость и неприступность Акрокоринфа, который и природа, и местоположение, и крепкая ограда обезопасили так, что его трудно или совсем невозможно взять, сицилийцы почти без труда вошли в него, употребив немного времени на покорение

* Фивский источник, получивший название от имени Дирки, жены фивского царя Лика. Hofm. Lex. Tom. 3. P. 82.

крепости. И в этом нет ничего необыкновенного или удивительного. Крепость, хотя сама по себе и неодолимая, конечно, не могла защищать сама себя, не могла отразить нападения врагов, когда в ней не было доблестного гарнизона и достойных защитников. Числом их было, правда, немало, но все они не стоили и одного мужественного защитника города. Тут, именно, находились и царские войска со своим вождем Никифором Халуфом, и коринфские вельможи, и немалое число жителей из окрестных селений, которые собрались в Акрокоринф как в самое безопасное от врагов убежище. Оттого-то предводитель флота, вступив в крепость и увидев, что она по естественному своему положению со всех сторон неприступна, сказал: «Мы сражались с Божией помощью, и Бог попустил нам овладеть таким местом», а о находившихся в крепости отозвался дурно и осыпал их упреками, как низких трусов, и особенно Халуфа, которого назвал даже хуже женщины и не способным ни к чему, кроме веретена и прялки. Затем сложил на корабли и здешнее имущество, обратил в рабство знаменитейших по происхождению коринфян, взял в плен и женщин, которые были особенно красивы и полногруды, не пощадил даже иконы великомученика и чудотворца Феодора Стратилата, но и ее похитил из посвященного имени его храма и, воспользовавшись попутным и благоприятным ветром, удалился оттуда со всем имуществом и на обратном пути еще более укрепил и обезопасил Керкиру. Если бы кто увидел в это время трехгребные сицилийские корабли, то совершенно справедливо мог бы сказать, что это не разбойничьи корабли, а огромные транспортные суда,— так они были переполнены множеством дорогих вещей, погружаясь в воду почти до самого верхнего яруса!

2. Когда все это дошло до слуха императора Мануила, он опечалился и стал походить на Гомерова Юпитера, который постоянно разбирал в уме своем, что ему делать, или на Фемистокла Неоклейского, который всегда казался озабоченным, проводил без сна ночи и, когда его о том спрашивали, отвечал, что ему не дает спать трофей Милтиадов[46]. По этому поводу он созвал на совет всех опытных в военном деле и знаменитых по красноречию мужей. Из многих предложенных мнений было найдено лучшим и одобрено императором то, чтобы идти войной против сицилийцев в одно время и с суши, и с моря, так как и борьба эта отнюдь не обещала верного успеха, представляла немало препятствий, и прежним римским императорам казалась очень тяжкой и невозможной. И вот собираются легионы восточные и западные; трехгребные корабли частью починиваются, частью вновь строятся и приготовляются к походу; огненосные суда снабжаются жидким огнем, который дотоле оставался без употребления; снаряжаются суда пятидесятивесельные, собираются мелкие, перемазываются смолой транспортные для лошадей, наполняются съестными припасами провиантские, приводятся в порядок скороходные — и все, снабженные парусами, выходят из гавани, в которой доселе стояли. Таким образом составился флот почти из тысячи судов, а пехотного войска собралось бесчисленное множество. Самые гиганты, если бы они при этом были, устрашились бы такой армии, потому что в то время и все римские войска вмещали в себя много мужей доблестных и людей с геройской храбростью, и тяжеловооруженная пехота не потеряла своей славы, но отличалась львиной и несокрушимой отвагой. Этим были обязаны Иоанну, отцу Мануила, императору истинно великому и полководцу в высшей степени опытному. Не пренебрегая ничем другим, что содействовало общественной пользе, он преимущественно заботился о войсках, ободряя их частыми подарками и приучая к воинским делам постоянными

упражнениями. Сделав такие отличные, как казалось, приготовления к войне с сицилийцами, царь приказывает гребцам и их начальникам, развязав канаты, выходить с флотом в море, назначив главным над ним вождем своего зятя по сестре Стефана Контостефана. В то же время дает приказание и сухопутному войску отправляться в поход под начальством, кроме других вождей, великого доместика Иоанна Аксуха, о котором мы уже много раз говорили прежде. По прибытии флота к берегу феакийскому* вспомогательные корабли венецианские и корабли римские отделились одни от других и стали в разных местах для того, чтобы два различных племени не смешивались между собой во время стоянки и от такого смешения не произошло несогласия. Между тем и сам царь спустя немного времени отправился в поход с войском. На пути, при первой же встрече, он прогнал скифов, которые, перейдя Дунай, опустошали области при горе Эмосе, и, выступив из Филиппополя, пошел прямо на Керкиру. Мыс керкирский составляет огромную сплошную возвышенность, досягающую почти до облаков, с изгибами и высокоподымающимися вершинами, вдавшуюся в большую глубину морскую. Вокруг него разбросаны утесистые и обрывистые скалы, которые высотой превосходят воспетый поэтами Аорн. Самый город со всех сторон обнесен крепкими стенами и огражден высокими башнями, от чего овладеть им становится еще труднее. Царские морские войска, окружив этот мыс, как бы обвили его медным оружием, но царь, прежде чем начать осаду, решился через людей, знавших язык тамошних жителей, испытать, не сдадут ли ему неприятели крепость без сражения. Когда же они, выслушав предложение, нисколько не склонились на него, но решительно его отвергли, затворили ворота и загородили их запорами, поставили на стенах ратников, вооруженных стрелами и луками, и, разместив всякого рода машины, явно открыли сражение, тогда царь приказал и своим войскам также вступить в бой и всевозможно мстить неприятелям. И вот римляне стали бросать копья как бы на небо, а те сверху сыпали стрелы, как снег. Римляне, бросая камни из метательных орудий, кидали или, точнее сказать, поднимали их кверху; а те бросали их вниз, словно град. Одни, пуская стрелы с высокой и выгодной местности, очевидно, бросали их легко и успешно, а другие, сражаясь снизу с неприятелем, находившимся на огромной высоте, вредили ему мало или не вредили нисколько. Это повторялось несколько раз и продолжалось долгое время, но не приносило римлянам никакой пользы, напротив, явно клонилось к их гибели, а для осажденных, которые не терпели никакого вреда, было выгодно. При таком бедственном положении римляне постоянно придумывали что-нибудь новое, старались отличиться в глазах императора, выказывали и чудеса храбрости, и терпение в страданиях, и находчивость в затруднениях, которая свидетельствовала об их глубоком уме и опытности в военном деле. Но все было напрасно: они явно стремились к недостижимому и покушались на невозможное и своими усилиями скорее помогали и содействовали неприятелям, потому что, сражаясь с ними, все равно что спорили с самим небом или состязались с птицами, основавшими свои гнезда на какой-нибудь скале, и пускали стрелы в облака. К довершению всего пал и сам главный вождь флота, быв поражен в бедро осколком камня, брошенного с высоты метательным орудием. Склонив голову на сторону, он лежал чуть живой, а вскоре потом и скончался.

3. Таким образом исполнилось на нем предсказание патриарха Космы Аттика, управлявшего кормилом Церкви пос-

* Феакия — древнейшее название о. Корфу.

ле Михаила оксийского[47], который, добровольно отказавшись от верховной кафедры, возвратился на остров Оксию, где он из детства проводил подвижническую безмятежную жизнь, и, простершись на земле, при входе в преддверие храма, отдал выю свою на попрание всякому входящему монаху, сознавая, что он напрасно оставлял давнишнее и любезное ему спокойствие и без всякой пользы восходил на верховный престол. Косьма был прежде в числе диаконов, происходил родом из Эгины[48], был человек весьма ученый, но особенно славился различными добродетелями, больше же всего отличался великим милосердием, которое в разнообразном сонме его добродетелей, как бы в прекрасном и драгоценном ожерелье, сияло, подобно лучезарному камню. Он был до того сострадателен к людям, что и верхнюю и нижнюю одежду со своего тела, и льняное покрывало со своей головы отдавал бедным, и не только сам раздавал свое имущество, но и других побуждал помогать нуждающимся. За то он и был у всех в почтении, а севастократор Исаак, брат императора Мануила, чуть не боготворил его, считая богоугодным и прекрасным то, что советовал патриарх, и, напротив, богопротивным и пагубным то, чего он не одобрял. Но общество тогдашних архиереев, не терпевших добродетели, и партия, враждебная этому благочестивейшему мужу, оклеветали его перед царем, будто он замышляет предоставить царство брату его Исааку. Открытые его посещения севастократора в царском дворце они представили скрытными и то, что говорилось между ними не в потаенном месте и не скрытно, а днем и явно, выдали за тайные совещания. Мануил, как человек еще молодой и самолюбивый, которого притом клеветникам патриарха легко было расположить к подозрению брата в домогательстве царской власти, решился свергнуть его с престола. И так как для клеветы, как мы знаем, нет ничего неприкос-

новенного, и всякий, как тоже известно, скорее склонен сделать какое-нибудь зло, то патриарх осуждается на низвержение, как человек, будто бы разделяющий еретические мысли одного монаха Нифонта. Этот Нифонт был близок к патриарху, часто обедал за его столом и проживал у него в доме, а между тем был обвинен в неправомыслии по вере, расстрижен и заключен в темницу патриархом Михаилом. Поэтому и Косму стали обвинять в единомыслии и соучастии с ним. Воспользовавшись этим благовидным предлогом, враги патриарха собрались и открыто напали на него, решившись насильно и общим голосом низвергнуть его с престола. Когда его призвали на суд или, лучше сказать, на осуждение, стали допрашивать о том, чего он не знал, и за это присуждали к низвержению с престола, он исполнился негодования и, обозрев собрание, произнес заклятие на утробу царицы, чтобы она не рождала детей мужского пола, подверг отлучению некоторых из близких к царю людей и осудил собравшийся на низвержение его собор за то, что бывшие на нем лица обивают пороги царского дворца, судят лицеприятно, а не по церковным правилам и беззаконно лишают его и престола и паствы. В это время Контостефан, человек, принадлежащий к числу лиц, которые окружают императорский престол и пользуются особенной близостью к царю и правом свободно говорить с ним, показал вид, будто он крайне оскорблен заклятием утробы императрицы и, некстати притворившись негодующим более всех присутствующих, с гневом приступил к патриарху и хотел было ударить его кулаком, но удержался от своего порыва. Такого поступка, как дела безумного, не одобрил и царь и своим негодованием показал, как он недоволен случившимся. Да и родственники императора, и весь сенат порицали Контостефана за то, что он посягнул на это нечестивое дело и не убоялся земной пропасти,

поглощающей таких преступников. А сам патриарх кротким голосом сказал: «Оставьте его: он сам скоро получит удар камнем», чем предуказывал на тот род смерти, который его постигнет. Что же касается до царицы, вследствие ли этого заклятия отца она не была матерью детей мужского пола, т. е. потому что Богу угодно было прославить слугу своего и оставить ее во всю жизнь рождать детей женского пола,— я достоверно не знаю. Но император, человек, видимо, здравомыслящий, будучи упрекаем совестью за то, что лишил власти мужа праведного и благочестивого, безукоризненного и не сделавшего ничего, достойного низвержения, признавал это, а не другое что-либо причиной, почему он не имел детей мужского пола.

Когда пал, как мы сказали, Контостефан, начальство над морскими силами поручено было великому доместику Иоанну, впрочем, так, что он не получил вместе с тем названия великого вождя*, а только мог командовать флотом и управлять делами, как человек весьма опытный в звании военачальника, храбрый и одаренный отличными предводительскими способностями. Между тем царь, досадуя, что время проходит напрасно, и не желая губить дни без пользы, как некогда кефалинский царь Улисс[49] не хотел губить быков солнца, взошел на предводительский корабль и, объехав кругом всю Керкиру, тщательно осматривал, с которой бы стороны можно было напасть на нее. А осада действительно тянулась три месяца, потому что не мог же он притащить Оссу, или придвинуть Афон, или нагромоздить горы на горы, чтобы таким образом легче взять крепость — все эти дела баснословные и невероятные.

* *Μέγας δούξ* — титул главного начальника над флотом, то же, что великий доместик в сухопутном войске. Codin. Edit. Bonn. Pag. 178—179.

4. Но в то время, как он совсем не знал, что делать, ему пришло на мысль перекинуть в одном легкодоступном по своему внутреннему положению ущелье деревянную лестницу, построенную в виде круглой башни. С этой целью сплотили корабельные леса, сколотили мачты больших кораблей, сделали наставки к тем, которых высота была недостаточна, и наконец устроили лестницу в виде башни. Когда ее подняли и приставили к крепости, вершина ее доходила до края и неровной оконечности скалы, с которой начинается городская стена, так что тут можно было сойти с лестницы и вступить в бой с бывшими на стене неприятелями; а ее основание, твердо сплоченное и крепко прибитое, неподвижно лежало на кораблях. Затем были вызываемы охотники взойти по этой лестнице, люди самые храбрые и отважные на войне, и сам царь провозглашал: «Кто любит царя и не боится опасностей, пусть идет вверх». Однако никто не являлся на вызов, напротив, все отказывались идти, страшась великой опасности, пока четыре родных брата Петралифы, происходившие из племени франков и жившие в Дидимотихе, не послушались императора и первые не взошли на лестницу. А лишь только отважились они, и еще прежде их — Пупаки, оруженосец великого доместика, с одушевлением бросившийся на это дело, за ними из соревнования последовало немало и других. Царь, похвалив всех их за усердие и скорую решимость и отделив из них до четырехсот человек, которые были известны ему многократными воинскими подвигами и особенной храбростью, приказал им идти вверх, сказав наперед длинную речь для возбуждения их мужества и обещав как им, так и детям их великие награды и свое благоволение. «Если вы,— говорил он,— останетесь в живых, избежав угрожающей опасности и доблестно совершив предстоящий подвиг,— вы найдете во мне вместо государя и

царя самого нежного, как и не ожидаете, отца. Если же лишитесь жизни, стараясь заслужить честь отечеству и славу себе, я и тогда не откажусь воздать вам все почести по смерти и сделаю столько добра вашим домашним, детям и женам, что и живые будут им завидовать и ублажать их, и вы сами, перейдя в другую жизнь, будете радоваться, если только есть в умерших какое-нибудь чувство и если не только дела минувшие не изглаживаются из их памяти забвением, но и то, что совершается после в этой жизни, достигает до них и бывает известно умершим». Итак, первый, как я сказал, стал подниматься, сотворив на себе крестное знамение, Пупаки, за ним последовали братья Петралифы, а потом и другие, пока все не взошли на лестницу. Из бывших при этом зрителей не было ни одного, чье бы сердце не стеснилось от скорби при столь необыкновенном зрелище, кто бы не зарыдал и, заливаясь слезами и ударяя себя в грудь, не обратился с молитвой к Богу. И действительно, зрелище было поразительное. Одни шли вверх с поднятыми для безопасности над головой щитами и обнаженными мечами и, приблизившись к находившимся на стенах неприятелям, отважно вступали в бой; а другие сыпали на них всякого рода снаряды и бросали тяжелые камни. Но все усилия врагов были напрасны: римляне, поражаемые всякими орудиями, как наковальни молотками, были неутомимы, непоколебимы, непреклонны и, несмотря на опасности, неустрашимы. И верно эта борьба имела бы прекрасный исход и доставила бы славу римлянам, если бы негодный случай, примешивающийся и к величайшим предприятиям и всегда как-то вредящий им, доставив этому делу отличное начало и польстив надеждой на успех, в конце не изменил ему. В то время как Пупаки сошел уже с лестницы и, став твердой ногой на скалу, вступил в бой с бывшими на стенах неприятелями, вдруг лестница обрушилась. Наступило жалкое и невообразимое зрелище: все бывшие на лестнице стали опрокидываться, падали вниз головой и плечами и жалко погибали, уносимые волнами моря, разбиваясь о скалы и палубы кораблей и поражаемые камнями сверху, так что из многих весьма немногие избегли опасности. А Пупаки, рассеяв бывших на стенах неприятелей и нашедши отпертые небольшие воротца, возвратился через них к своему войску. Это не только поразило римлян и императора, но было чудом и для самих врагов, и они, устыдившись бесчеловечия и жестокости, в которых упрекали их за то, что они бросали сверху камни на упавших с лестницы, перестали бросать их из уважения к храбрости павших.

5. Еще не успели римляне совершенно оплакать этой неудачи, еще все уничтожающее время не утешило печали царя о ней, как уже присоединяется новое несчастье, худшее прежнего, неожиданно постигает другое плачевное бедствие. Среди площади произошло враждебное столкновение между римлянами и венецианцами; и это столкновение состояло не в одних насмешках, которыми перекидывались оба народа, не в бранных только словах, которые равно сыпались с той и другой стороны, не в том, что противники трунили и колко острили друг над другом, осыпали друг друга бранью и ругательствами, нет,— они взялись за оружие и завязали настоящий бой. По слуху об этом несчастье с той и другой стороны сбежалось много вооруженных людей на помощь своим соплеменникам; явились также многие и безоружные люди, знаменитые по своему родству с царем и по своим достоинствам; пришли и старейшины венецианские с тем, чтобы усмирить мятеж и восстановить мир. Но никто не слушал слов, никто не обращал внимания на собравшихся знаменитых мужей. Марс страшно неистовствовал и, жаждая кровопролития, сильно подстрекал к битве тяжко

вооруженных воинов, и в особенности — из отряда венецианцев, так что ничто не обуздывало и не вразумляло их. Чем успешнее великий доместик сдерживал порывы римлян и не допускал их до места боя, тем сильнее разгорались гневом и неистовствовали венецианцы и тем в большем числе высыпали из своих триир. Видя всю безуспешность своих усилий примирить оба народа и необходимость разнять их силой, великий доместик вызывает своих телохранителей, которые служили ему во время сражения как отличные тяжеловооруженные воины, и высылает их против венецианцев. В то же время выводит и часть войска. Венецианцы после недолгого сопротивления, обративши тыл, побежали без оглядки и, поражаемые стрелами и мечами, поневоле должны были беспорядочной толпой уйти на корабли. Но и при этом не оставили своего варварства и после поражения не положили оружия, но, подобно медленно умирающим диким зверям, все еще продолжали производить нападения и сильно досадовали, что не одолели самих римлян. И так как не могли больше сражаться на суше, то, приготовив корабли к выходу в море, выводят их из пристани и, отправившись к одному острову, окруженному со всех сторон морем,— думаю, что это Астерис, который древние полагают между Итакой и Тетраполем кефалинским,— нападают, как неприятели, на стоявшие там римские суда из Евбеи и, поступив неприязненно с матросами, между которыми большей частью были евбейцы, наконец сжигают и самые корабли. К этому преступному делу они присоединяют еще другое, более гнусное. Похитив царский корабль и взяв его с собой, сначала убрали находившиеся в нем царские комнаты вытканными из золота занавесами и пурпуровыми коврами, потом ввели туда одного черного ефиоплянина, человека самого ничтожного и, украсив его блистательным венцом, торжественно сопровож-

дали его и приветствовали как римского императора. Через это они издевались над царским достоинством и осмеивали императора Мануила, так как у него волоса не были золотисты, как зрелые колосья, а напротив, лицо его было черновато, как у невесты в Песни Песней, которая говорит о себе: «Черна я и хороша, потому что опалило меня солнце» (Песн. Песн. 1, 4—5). Царь, конечно, мог тотчас же достойно наказать этих варваров, но, опасаясь, чтобы не произошло еще более зла, если возникнет междоусобная война, и видя, что мщение небезопасно в то время, когда все внимание должно быть обращено на другие предметы, он через некоторых своих родственников объявляет прощение венецианцам как в преступлениях против него самого, так и во враждебных и коварных действиях против римлян. Впрочем, хотя в то время он и удержал гнев свой, но все же таил в душе злобу, как огонь в куче золы, до тех пор, пока обстоятельства не дозволили во всей силе открыть ее, как об этом будет сказано в свое время.

Когда же таким образом снова помирились оба войска, он выводит фаланги на осаду города и, обложив его, сколько было возможно, с моря, употребляет всевозможные усилия, как бы стараясь превзойти самого себя, чтобы как-нибудь покорить и завоевать город. С этой целью беспрестанно бросаемы были огромные камни из камнеметных орудий, постоянно стрелки прижимали к груди своей луки и, сильно натягивая тетиву, сыпали стрелы на стоявших на стене неприятелей, словно хлопья зимнего снега. Во многих местах крепости некоторые по ущельям взбирались даже на крутизны, подобно диким козам. Но все это не доставляло никакой пользы и служило разве к тому, чтобы войско не оставалось в бездействии. Ибо и находившиеся в крепости со своей стороны защищались мужественно и, отнюдь не счи-

тая нужным спускаться вниз и вступать в рукопашный бой с римлянами, всячески оборонялись со стен и наносили вред неприятелям, бросая в них стрелы и камни. Царь увидел, что он домогается невозможного, но не считал необходимым уходить оттуда и оставить осаду не увенчанной успехом. Он полагал, что для него будет бесславием, если он, после многих трудов и потери нескольких отрядов войска, не успеет взять одну крепость, и притом такую, которая недавно еще платила дань римлянам, и что он даст притон в своих владениях тысячам разбойников, если оставит за сицилийцами Керкиру, которая в таком случае будет безопасным убежищем для их тририр и сделается военным арсеналом против римлян. Итак, он решился ждать, потому что не оставалось никакой надежды на что-нибудь другое, более лестное; а между тем долговременность осады, думал он, побудит начальников гарнизона сдать ему крепость и вверить самих себя. И не обманулся он в своем ожидании, не ошибся в расчете. По прошествии нескольких дней неприятели действительно отправляют к нему послов и просят, чтобы им дозволено было выйти из крепости с оружием и со всем прочим, что при них было. Они решились на это, потому что увидели, что царь не дозволит им оставаться тут и что они напрасно питали себя лестными надеждами, ежечасно ожидая помощи от короля, а вместе с тем и потому, что между ними стал мало-помалу появляться голод. К этому в особенности побуждал их кастеллан* Феодор, главный начальник гарнизона, человек, не столько любивший кровь, сколько стадо Христово, предпочитавший мир вражде и расположенный к римлянам, как это доказал впоследствии. Царь, с радостью выслушав об этом предложении, тотчас же хотел

* *Καζελλάνος* — начальник крепости. Du Cang. Glossar. Tom 1. P. 602.

видеть и его исполнение. Но прежде чем дал благоприятный ответ, представил из себя человека жестокого и страшно грозил неприятелям, если не исполнят того, что обещает посольство. Когда же наконец они вышли из крепости — а вышли они не все вместе, но небольшими отрядами, когда наперед вышедшие удостоверили собой остававшихся, что царь не горд и ничего особенного против них не замышляет, но принимает их благосклонно,— он обошелся с ними очень ласково и приветливо и предоставил им полную свободу делать, что хотят и что сочтут полезным. Не в моих, говорил он, правилах, да я и не считаю делом царским и благородным прогонять желающих остаться или задерживать тех, которые хотят удалиться. Поэтому многие решились остаться при царе, и прежде всех кастеллан Феодор, а остальные возвратились в отечество — Сицилию.

6. Войдя в город и подивившись силе крепости, которую не было никакой возможности покорить оружием, царь оставил в ней весьма сильный гарнизон из германцев и затем, снявшись оттуда со всем войском, переправился в Авлон*. Пробыв здесь довольно времени, он назначил поход в Сицилию, полагая, что спокоен только тот, кто сражается, что война служит залогом мира и что счастливы только те города, которые защищаются не стенами, а мечами. Люди, говорил он, избегающие войны ради мира, не замечают, что через то наживают себе больше врагов, которые тогда родятся точно на плодоносной земле, что они ослабляют свое царство и никогда не наслаждаются прочным миром. Но «суетны,— говорит Давид,— помышления людей, и неверны расчеты их, а совет Господен тверд и неизменен, и никто не может противиться ему». Так и Мануил, когда направил

* Приморский город на берегу Адриатического залива.

свой путь в Сицилию и пристал к острову, так называемому Аиронисию, остановлен был в своем предприятии сильными ветрами и страшной бурей, взволновавшей море и сопровождавшейся грозными раскатами грома и необыкновенно сильным и ужасающим сверканием молнии. И когда он в другой раз пустился в путь и спешил переправой, море опять не лежало спокойно под его кораблями, но стало кипеть и сильно волноваться. От поднявшихся противных ветров суда рассеялись при наступившем глубоком мраке и едва лишь некоторые пристали к твердой земле, так что и сам царь с трудом избежал опасности, а все прочие разметаны были в разные стороны и сделались добычей волн. Тогда царь отказался от намерения лично идти в Сицилию, так как этот поход был для него несчастен, и, выступив из Авлона с бывшими при нем силами, прибыл в Пелагонию. Устроив здесь дела, как ему казалось, лучше, он решил обратить свои силы против сербов. Ибо сербы, пока у самодержца в царстве все было спокойно, показывали вид доброжелателей и расточали речи, несогласные с тем, что у них было втайне на сердце; а когда случилось на суше и на море то, о чем я вкратце рассказал, они, воспользовавшись этим временем, необыкновенно ободрились, подняли против римлян оружие и неприязненно напали на смежные с ними римские области. Итак, царь, взяв отлично вооруженную часть войска и оставив все, что могло связывать ее в движении, вступает в Сербию. От сербского сатрапа не укрылось движение на него императора, хотя последний и старался сделать это скрытно. Не зная, что делать, и сознавая, что он не в состоянии бороться с римскими легионами, он оставляет равнины и устремляется в горы в надежде там найти себе спасение. А своих подданных, словно стада животных, пасущихся на лугах, он отдал на расхищение и истребление неприятелям, предо-

ставив каждому, по его собственному примеру, искать спасения в бегстве. Но между тем как так думал и действовал правитель Сербии и давал такие советы своим подданным, царь, словно лев, уверенный в своей силе, рассеял скопища варваров, как стада быков и коз, сжег много принадлежащего им имущества, захватил немалое количество рабов и затем, выступив оттуда, тотчас же написал грамоту, которой уведомлял городских жителей об этих новых успехах. Эту грамоту привез туда великий доместик; а спустя немного времени прибыл в столицу и сам виновник военных подвигов и совершил по этому поводу блистательный триумф. Насладившись радостными восклицаниями и громом рукоплесканий всего народа и сената, он вслед затем занялся конскими скачками и зрелищами.

А лишь только наступила весна, он опять занял Пелагонию[50] и, так как ему самому не посчастливилось в сицилийской экспедиции, то он выслал туда одного из знатных и благородных людей, человека предприимчивого, именно Михаила Палеолога, снабдив его большой суммой денег и вверив ему достаточное количество войска. Палеолог, по мысли царя, сначала отправился в Венецию и там нанял войско, а также и из итальянских провинций набрал сильный отряд копьеносцев и затем уже, имея огромные силы, отплыл в Лонгобардию. Здесь, сражаясь с королевскими войсками, он торжествует над ними и венчается блистательными победами, пользуясь во всех случаях помощью и содействием некоего графа Александра, кровного родственника королевского, который недавно передался на сторону римлян за оскорбление, нанесенное ему королем. Вообще, Палеолог постоянно расширял свои завоевания и, щедро рассыпая и раздавая деньги, крайне беспокоил короля и, казалось, готов был нанести ему окончательный удар, когда взял весьма многие из

тамошних городов, одни на капитуляцию, а другие приступом. Между прочим он переправил отсюда множество камней и, отославши к царю несколько пленных, укрепил на берегу Егейского моря город, доселе известный под именем Бары и Авлонии.

7. А сам царь, узнав, что владетель Сербии снова на границах злодействует и поступает хуже прежнего, так что даже заключил союз против римлян с соседними пэонийцами, с пренебрежением выступает против них с небольшой частью войска, полагая, что они не в состоянии с ним бороться. Но они выказали неожиданное сопротивление и мужественно встретили предстоящую войну, получив весьма сильное вспомогательное войско от гуннов. В это-то время и Иоанн Кантакузин, вступив в бой с варварами и сражаясь до того, что и сам наносил и принимал удары, потерял пальцы на руках, подвергшись нападению целой толпы сербов. Да и сам царь имел единоборство с архижупаном* Вакхином[51], человеком богатырского телосложения и с сильно развитыми ручными мышцами. Вакхин ударил царя в лицо и разбил вдребезги опущенную со шлема железную сетку, закрывавшую глаза его, а царь пронзил мечом его руку и, через то отняв у него возможность сражаться, взял его живым в плен. Когда же наконец и здесь римлян озарил блеск победы, и варвары рассеялись, подобно тучам, и после неблагополучного начала война окончилась весьма счастливо,— император, еще не стерши с лица пыли после прежнего сражения и еще покрытый горячим потом, идет войной против венгров. Он ставил им в вину то, что они помогали сербам, и хотел воспользоваться отсутствием их защитника, так как король венгерский был тогда вне отечества и сражался с соседними россами. Перейдя реку Саву и вторгшись в Франгохорий (это не ничтожная, но довольно многолюдная часть Венгрии, расстилающаяся между реками Дунаем и Савою, где и построена чрезвычайно сильная крепость Зевгмин, ныне называемая Сирмием), он страшно опустошил тамошние места. Здесь-то один из пэонийцев, при огромнейшем росте отличавшийся и неустрашимостью духа, отделившись от товарищей, стремительно нападает на самого царя; но царь, выдержав его нападение, вонзает ему меч между глаз и лишает его жизни. Взявши множество пленных и захвативши немалую добычу, император возвратился наконец в царственный город. Устроив торжественный въезд и растянув его на огромное пространство, он шел по улицам города в великолепнейшем триумфе. Пышность этого торжества возвышали пленные венгры и сербы, одетые не так, как обыкновенно бывают одеты пленники, а в великолепные одежды, которые раздал им царь, чтобы тем славнее казалась победа и тем более дивились ей и сами граждане, и все иностранцы, полагая, будто в самом деле взяты были на войне люди рода знаменитого, на которых стоит посмотреть. Чудным казалось это торжественное шествие еще и потому, что пленники шли не все вместе, а по частям, отделенные друг от друга промежутками, так что зрители легко обманывались и воображали гораздо большее число их, чем какое было на самом деле.

В это же время и скифы, переправившись через Дунай, стали разорять римские крепости, лежащие на этой реке. Против них был выслан некто Каламан. Но он неудачно повел войну против скифов и потерпел совершенное поражение; полки его были разбиты и потеряли много храбрых людей, да и сам он умер от полученных им смертельных ран. А скифы, разграбив по своему обыкновению все, что попадалось им на пути, и навьючив лошадей добычей, отправи-

* Это древний титул владетеля Сербии.

лись в обратный путь. Для них ничего не стоит переправа через Дунай, они легко выходят на грабеж и без труда возвращаются назад. Оружие их составляют: колчан, повешенный сбоку на чреслах, кривой лук и стрелы. Некоторые, впрочем, употребляют и копья и ими действуют на войне. Один и тот же конь и носит скифа во время тягостной войны, и доставляет пищу, когда разрезают его жилу, а если то кобылица, то, говорят, удовлетворяет и скотской похоти варвара. Для переправы через реку скифы употребляют кожаные мешки, наполненные соломой и так хорошо сшитые, что в них не проникает ни малейшая капля воды. Скиф садится верхом на такой мешок, привязав его к конскому хвосту, кладет на него седло и все военные принадлежности и таким образом, пользуясь при переправе конем, как судно парусом, легко переплывает через всю ширину Дуная.

Между тем Палеолог, которого обвиняли за его беспокойный характер и за бесполезную для римлян расточительность, лишь только вступил в Калабрию[52] — лишен был начальства над войском. На его место послан был Алексей Комнин, сын кесаря Вриенния, двоюродный брат царя по матери, только что возведенный в сан великого вождя. А вместе с ним отправлен был и Иоанн Дука, человек, посвятивший себя и Меркурию и Марсу, так как он тщательно изучил свободные науки, происходил из благородного рода и был хорошо знаком с военным искусством. Прибыв в Сицилию, они сражались с силами короля и много раз одерживали над ними победу в больших морских сражениях, так что корабли королевские развалились и самый Врентисий почти что был в осаде. Но счастье не вполне улыбнулось этим блистательным подвигам, и царь не успел порадоваться как бы следовало приятным известиям. Король, собрав еще большее количество войска и наняв немалое число ино-

странцев, снова выступил против римлян, желая вознаградить себя за понесенное поражение. Вступив в бой, он действительно одерживает над ними победу, берет в плен обоих военачальников, заключает их в оковы и таким образом в самое короткое время уничтожает все, что римляне приобрели трудом и величайшими усилиями. Слухи и вести об этом уничтожили недавнюю радость Мануила и, как полынное питье, отравили его душу горечью. Естественно, что он не мог перенести этого равнодушно и довольно сильно скорбел. Но он был неробкого характера и не унывал в бедствиях, не увлекался сверх меры благоприятным течением дел, но зато и не склонялся малодушно под ударами несчастья. Поэтому и теперь он мужественно вступил в борьбу с неприязненной ему судьбой, снарядил другой флот и вверил начальство над ним Константину Ангелу, который происходил из Филадельфии[53] от простых и незнатных родителей, но, имея отличный рост и прекрасную наружность, при содействии сватьи-красоты женился на дочери царя Алексея, деда Мануилова, Феодоре. А так как все почти сильные люди и прежнего и нынешнего времени верят, будто на обстоятельства и приключения человеческой жизни имеют влияние разные движения звезд и самое их положение, равно как различные виды планет, их приближение и удаление и вообще все, что говорят болтуны астрологи во вред Божественному промыслу, незаметно вводя судьбу с ее неизбежными и неизменными определениями, то и Мануил употребил всевозможное старание на то, чтобы Ангел выступил в счастливый час, и наконец действительно назначил ему время для выхода. Но что же? Не успело еще солнце склониться к западу, как Константин по приказанию царя возвращается назад. И это потому, что выход был неблаговременный и что Ангел отправился в путь не вследствие действительно благоприятного

положения звезд и даже не вследствие точного исследования законов звездного неба, а по указанию пустословов, которые болтают вздор и не умеют приняться за дело как следует и оттого ошибаются в определении счастливого часа. Поэтому стали снова и самым тщательным образом рассматривать звезды, чтобы по ним составить предсказание. Наконец, после долгого над ними наблюдения, исследования и переследования Ангел отправляется в поход, напутствуемый движениями благодетельных звезд. Но это определение благоприятного времени настолько содействовало счастливому обороту дел римлян, исправило ошибки прежних военачальников и вознаградило за понесенные неудачи, что Константин тотчас же попал в руки неприятелей. В то время как он без всякой осмотрительности плыл в Сицилию, его захватили сторожевые сицилийские трииры и привели пленником к королю. А король, похвалив тех, которые захватили такую добычу, и назвав ее прекраснейшей из прекрасных, отдал и его в оковах под стражу.

8. Царь и после этого второго поражения изыскивал средства к борьбе. Но видя, что война ведется трудно и неудачно, и замечая, что огромные и непрерывные издержки, как антонов огонь, мало-помалу истощают казну, так как уже издержано было около трехсот центенариев* золота, счел за нужное примириться с королем. Поэтому не неохотно, а напротив, с большим удовольствием принял послов первосвященника древнего Рима, присланных с этой целью, приветствовал их как ангелов-благовестников и послал в Анкону протостратора** Алексея, старшего сына великого доместика, дав ему двоякое поручение, именно — и

* Центенарий — вес ста фунтов.

** *Πρωτοςτράτωρ* — начальствующий над страторами, т. е. над лицами, которым вверено было попечение о царских лошадях. У Кодина в списке

приготовить оружие, и набрать наемное войско в западных странах, если это понадобится, и заключить дружбу с королем, если переговоры будут успешны. Алексей был человек предприимчивый и вполне изучивший все военное дело, владел языком, нисколько не уступавшим уму, и при распорядительности, вполне соответствовавшей его начальническим способностям, был одарен величественной наружностью. Прибыв на место, он тотчас же занялся набором войска, желая молвой об этом испугать короля, и собрал большое количество конницы, как бы с целью вторгнуться в Калабрию. В то же время он не упускал из виду и переговоров о мире, стараясь прекратить вражду между царем и королем, и с этой целью вел переписку с Маием, который тогда начальствовал над сицилийским флотом. И когда, по его стараниям, к нему отправлено было посольство из Сицилии, он препровождает его к императору и просит выслушать, что будут говорить послы, так как их требования, сколько ему известно, не чрезмерны и не тягостны. Вместе с тем, в случае успешного хода и окончания переговоров, просит дать ему знать о том прежде, чем узнают многие, чтобы в противном случае не вышло для него какой-нибудь неприятности, так как он находится среди людей, которых приманил к себе лестными надеждами из союзных царю алеманскому провинций и которых прежнее, большей частью враждебное расположение к римлянам, обратил, по возможности, на короля сицилийского. Когда же действительно явился от царя к Алексею человек с вестью о заключении мира, он, тайно от окружавших его, вынимает из ящиков деньги и отправляет их с преданными ему людьми, а пустые ящики оставля-

придворных должностей протостратор занимает восьмое место. На нем вместе с хартулярием лежала, между прочим, обязанность подводить к царю коня. Du Cang. Glossar. Tom. 2. P. 1463—1464.

ет на месте и, наложив на них печати, отдает на сохранение местным вельможам с тем, чтобы ничто в них не пропало, чтобы никто не любопытствовал узнать, что в них находится, и чтобы в том только случае сломать печати, если он, отправившись к царю, не возвратится оттуда. Таким-то образом Алексей возвратился из Анконы, а император и король, склонившись к миру, заключили мирный договор, хотя, вернее сказать, они не примирились чистосердечно, а только показали вид волчьей дружбы. Но каково бы ни было их примирение, а им воспользовались пленники, получив свободу без выкупа, и не только пленники знатного происхождения и царской крови, но и простые ратники, кроме тех, которые происходили из Коринфа и Фив, притом были незнатного рода и умели ткать тонкие полотна, и кроме красивых и нарядных женщин, знавших также ремесло своих мужей. Поэтому и теперь можно видеть, как в Сицилии потомки фивян и коринфян ткут драгоценные и испещренные золотом одежды, подобно древним еретрийцам, обращенным в рабство персами[54] за то, что они первые воспротивились Дарию, когда он шел войной против Эллады.

Впрочем, немного прошло времени, как опять царь и король поднялись и устремились на битвы, точно бурные морские отливы и сирти, воздымающие огромные волны. Император возбудил против короля соседних ему сильных владетелей, склонив их к тому обещанием денег. А король приказывает начальнику флота Маию вывести из пристаней сорок кораблей, самых скорых на ходу, и, снарядив их заново, отправиться в Константинополь и там в слух городских жителей провозгласить его владыкой и царем Сицилии и Акилии*,

* Под именем Акилии нужно разуметь или Аквилею, или, что вероятнее,— Апулию.

Капуи и Калабрии и всех стран и островов, лежащих между ними, а римского императора унизить и очернить и затем возвратиться. Исполняя это приказание, Маий обогнул Малею, переплыл Эгейский залив и, пройдя Геллеспонт, подошел к столице. Здесь он переплыл сначала вдающийся в материк залив и, подступив к царским палатам во Влахернах[55], бросил на них стрелы с серебряными вызолоченными остриями, а потом, на возвратном пути оттуда, опустивши весла напротив большого дворца, начал превозносить похвалами своего короля, при громких и шумных восклицаниях всех бывших на кораблях матросов. Затем, дав быстрый ход кораблям и поплыв скорее воспеваемого древле корабля аргонавтов, он проскользнул между Систом и Авидом*, как бы между другими Симплигадами**[56], а между тем в городе произошло большое смятение, так как императора не было дома. Для короля сицилийского это было поводом к большому хвастовству, и он считал это за величайшую победу. А Мануил смотрел на этот случай как на шутку и, смеясь тому, что король добивается таких почестей или, вернее сказать — разбойничает, предоставил ему по-пустому хвастаться и гордиться ничтожным и бесполезным успехом.

* Это два города, расположенные на противоположных берегах Геллеспонта, в самом узком его месте: Сист — на берегу европейском и Авид — азиатском.

** Так назывались два острова в Черном море при устье Босфора фракийского, о которых думали, будто они часто сталкивались между собой и сокрушали попавшийся между ними корабль.

Царствование Мануила Комнина

Книга 3

Так кончилась борьба императора Мануила в Сицилии и Калабрии. Она была блистательна и стоила весьма больших издержек, но не принесла никакой пользы римлянам и не оставила ничего, что бы могло возбудить соревнование в последующих самодержцах. Но кто станет говорить что-либо против человека, который так усердно подвизался для того, чтобы лучше устроить дела государства и покорить иноплеменников, хотя и не имел в том успеха? Вслед за сим Мануил опять объявил поход против пэонийцев, которых называют также венграми и гуннами, и приказал воинам, живущим на западе, привезти с собой в лагерь повозки для того, чтобы они могли самих себя снабжать в дороге жизненными припасами и доставлять их прочему войску, у которого не будет подобных повозок. Войска собрались, и сам царь прибыл в город Сардику, называемый ныне Триадицей. Но здесь он пробыл немного времени, так как от пэонийцев явилось посольство с просьбой о мире. Отсюда он отправился против сатрапа сербского и, без труда устрашив его, убедил от-

казаться от союза с гуннами и только его одного признавать царем и бояться. Затем распустил большую часть войска по домам, а сам отправился в область фессалийцев и, пробывши там сколько находил нужным, возвратился в столицу.

Но лишь только солнце совершило зимний поворот, он снова выступает в Пелагонию, находя ее пунктом удобным как для расположения войска, потому что она расстилается обширными равнинами, так и для собрания известий о том, что делалось у народов, с которыми он был во вражде. Его еще занимали и беспокоили дела сицилийские, потому что они не совсем еще затихли. Да и предводитель гуннов, как оказалось из его действий, также замышлял войну. Когда Андроник Комнин, бывший впоследствии римским тираном, лишен был управления Враницовой и Велеградом[57], по слуху о том, что он тайно соединился с пэонийцами против римлян и условился с их вождем лишить Мануила власти и присвоить ее себе, и когда вслед затем немедленно был выслан в Пелагонию, а отсюда, уличенный в кознях против двоюродного брата и царя, препровожден в оковах в Константинополь и заключен в одной из темниц большого дворца; тогда, действительно, предводитель гуннов тотчас же выступает войной против римлян, осаждает Враницову и опустошает все тамошние места, грабя и расхищая все по своему произволу. Вследствие этого царь высылает против него военачальником хартулярия Василия Цинцилука. Цинцилук, приняв начальство над собранными войсками, построил их в когорты и фаланги и, думая, что имеет непобедимое войско, вступил в бой с венграми и на несколько времени действительно одержал над ними победу. Но так как римляне без всякого порядка преследовали неприятелей, то они, обратившись назад, вознаградили себя за понесенное поражение еще более славной победой. Услышав об этом, царь сам отправ-

ляется туда в том предположении, что пэонийцы испугаются его прибытия и удалятся из тамошних областей. Пэонийцы так и сделали, заключив с царем мир, какой можно было по тогдашним обстоятельствам. А сам царь, устроив по возможности дела в Враницове и Велеграде, возвратился в столицу.

Когда же на западе вследствие договоров и соглашений враги несколько успокоились и с этой стороны не представлялось пока ни одного опасного соперника, царь назначает поход в Армению. Отправившись в Тарс, он доходит до Аданы и до других городов, сопредельных с нижней Арменией, избавляет их от страданий, которые они терпели от Торуса, и ограждает надлежащей безопасностью. Наведя ужас своим появлением на этого армянина, человека не прямого и открытого, но хитрого и лукавого, царь, однако же, не пошел далее и не стал, по примеру своего отца, сражаться из-за обладания целой Арменией. Даже те крепости, которые тот покорил силой, он не потребовал и не отнял у властителя армян, как вырывает пастух из горла волка куски печени. Обманутый хитрыми и коварными речами Торуса, увлеченный обольстительными условиями союза, он повернул в сторону и прибыл в Антиохию, прекраснейший и главнейший город во всей Сирии.

2. В то время как царь Мануил находился в Тарсе, до него доходит известие о бегстве из заключения двоюродного его брата Андроника. Причиной заключения Андроника было частью то, что мы выше сказали, не менее того и его всегдашняя вольность в речах, его сила, которой он превосходил многих, его прекрасная наружность, достойная царского сана, и его неукротимый характер — все такие качества, на которые государи, из опасения лишиться царства, обыкновенно смотрят подозрительно, которые тревожат их и колят в самое сердце. Вот поэтому-то, равно как и потому,

что он был искусный воин и происходил из знатного рода,— так как от одного отца, Алексея, деда Мануилова, происходили и отец Мануила, царь Иоанн, и отец Андроника, севастократор Исаак,— следили за ним и смотрели на него очень подозрительно. К этому присоединилось и другое обстоятельство, по которому Мануил держал его в темнице. У этого царя было три брата: Алексей, Андроник и часто упоминаемый нами Исаак. Из них двое скончались еще при жизни своего отца, царя Иоанна Комнина. Алексей оставил по себе потомство в одной дочери, которую и взял в замужество, как мы уже выше сказали, Алексей, сын великого доместика Иоанна. А у Андроника было три дочери: Мария, Феодора и Евдокия — и два сына: Иоанн и Алексей. Из дочерей Евдокия, лишившись мужа, жила в преступной связи с Андроником, и жила не тайно, но явно. И когда Андроника упрекали за эту незаконную связь, он в оправдание всегда ссылался на подражание своим родным и шутя говорил, что подданные любят подражать государю и что люди одной и той же крови всегда как-то бывают похожи одни на других. Этим он намекал на своего двоюродного брата, царя Мануила, который был подвержен подобной же или еще и худшей страсти, потому что тот жил с дочерью своего родного брата, а Андроник — с дочерью двоюродного. Подобные шутки Мануилу не нравились, а ближайших родственников Евдокии просто бесили и воспламеняли страшным гневом против Андроника, в особенности же ее родного брата Иоанна, который был почтен достоинством протосеваста* и протовестиария, и его зятя по сестре Марии Иоанна Кантакузина. Естественно по-

* Достоинство протосеваста введено при константинопольском дворе Алексеем Комниным. У Кодина, в списке придворных чинов, протосеваст занимает тринадцатое место. Со званием протосеваста не соединялось никаких обязанностей. Codin Ed. Bonn. P. 33 et 183.

этому, что против Андроника затевали и строили много ков и тайно и явно; но он уничтожал их, как нити паутины, и рассевал, как детские забавы на песке, благодаря своему мужеству и уму, которым настолько превосходил своих противников, насколько бессловесные животные ниже существ разумных. Не раз случалось, что они нападали на него силой, но он обращал их в бегство, находя для себя награду в любви Евдокии. Однажды, когда он, находясь в Пелагонии, в палатке наслаждался в объятиях этой женщины, близкие родственники Евдокии, узнав об этом, окружили палатку и со множеством вооруженных стерегли его выход в намерении тотчас же убить его. Но это не укрылось от Евдокии, хотя мысль ее и была занята другим. Была ли она извещена кем-либо из своих родственников или как иначе узнала о засаде, устроенной ее обольстителю,— потому что и она была наделена умом острым и уж никак не женской проницательностью,— только она объявляет об этом Андронику в то время, как он лежал вместе с ней. Андроник испугался, тотчас же вскочил с постели и, опоясавшись длинным мечом, размышлял, что ему делать. Евдокия советовала своему любовнику надеть женское платье и, как только она прикажет одной из бывших на страже прислужниц при спальне принести в палатку светильник, назвав ее по имени, и притом так громко, чтобы ее голос слышали подстерегающие, тотчас же выйти и скрыться. Но этот совет на понравился Андронику: он боялся, что его поймают и, взяв за волосы, в бесчестном виде приведут к царю, и страшился смерти бесславной и свойственной лишь женщинам. Поэтому, обнажив меч и взяв его в правую руку, он косым ударом рассекает палатку, выскакивает вон и одним огромным прыжком перескакивает и плетень, случайно примыкавший к палатке, и все пространство, которое занимали колья и веревки. Сторо-

жившие его разинули рты от удивления и считали чудом и чем-то необыкновенным этот побег пойманной добычи. Слухи об этом беспокоили самодержца Мануила, а непрестанно доходившие до него клеветы, как непрерывно падающие капли, приготовляли в душе его место для принятия всего, что говорили против Андроника, мало-помалу погашали в нем остаток любви к этому человеку и побуждали принимать за истину все, что взносили на него. Не совсем же напрасно, думал он, ходит молва и недаром, распустив крылья, всюду распространяет об Андронике слух как о человеке надменном и домогающемся царства. Поистине нет в людях зла, которое было бы хуже, чем язык клеветника, и справедливо песнопевец и псалмопевец Давид во многих местах своих божественных и сладкоречивых песней поносит и позорит его, выставляя напоказ его пагубную силу и молясь об избавлении от его ухищрений. Таким-то образом и Мануил, как сетями, уловлен был частыми наговорами родственников Андроника и волей-неволей сажает его в темницу и заключает в самые крепкие и несокрушимые железные оковы. Андроник довольно долгое время бедствовал в темнице. Но как он был человек смелый, чрезвычайно изворотливый и в трудных обстоятельствах весьма находчивый, то, открыв в своей темнице (это была башня, построенная из обожженного кирпича) старинный подземный ход, он руками, как веником и заступом, прочищает в нем отверстие для входа и выхода так, чтобы это было незаметно, застилает его кое-какими домашними вещами и затем прячется в нем. Когда настал час обеда, стражи отворили двери темницы и принесли обычное кушанье, но гостя к столу нигде не видели. Стали осматривать, не разломана ли или не раскопана ли где темница и не ушел ли хитрый Андроник. Но нигде не было никакого повреждения: ни дверные петли, ни дверные косяки,

ни порог у дверей, ни потолок, ни задняя часть дома, ни железные решетки в окнах — словом, ничто не было испорчено. Тогда стражи подняли громкий вопль и стали терзать себе лицо ногтями, так как у них не стало того, кого они стерегли, и они не знали, как и где он ушел. Доводят об этом до сведения царицы, главных сановников и придворных вельмож. И вот одни были отправлены стеречь приморские ворота, а другим приказано наблюдать за воротами земляными, одни осматривали пристани, а другие отыскивали в какой-либо другой открытой части города скрывшегося Андроника. Ни улицы, ни перекрестки не были оставлены без осмотра и наблюдения. В то же время и по всем провинциям непрестанно рассылались царские грамоты, в которых объявлялось о бегстве Андроника и постоянно предписывалось искать его и, как только будет пойман, представить в Константинополь. А между тем схватили и его жену как участницу в его побеге и посадили в ту темницу, в которой был заключен Андроник, для того, чтобы она там же, где содержался ее муж, понесла наказание за свою любовь к нему и за то, что склонила его к побегу. Очевидно, эти люди не знали, что Андроник по-прежнему остается их узником, что они напрасно изливают свой гнев на несчастную женщину и через то благоприятствуют Андронику. Выбравшись из подземелья через подземный проход и встретившись с женой, Андроник сначала был принят ей за демона из преисподней или за тень из царства мертвых и неожиданностью своего появления привел ее в страх. Потом он обнял ее и заплакал, хотя и не так громко, как требовали несчастья и тогдашние бедственные обстоятельства, остерегаясь, чтобы плач его не дошел до слуха темничных сторожей. Прожив таким образом довольно долгое время в темнице с женой и, вследствие супружеских связей, сделав ее беременной, — от чего у него

родился сын Иоанн, которому он и передал впоследствии свое царство, как об этом будет сказано в свое время,— Андроник наконец уходит из темницы, так как теперь, когда в темнице была женщина, стражи уже не так бдительно охраняли ее, как было при нем. Но когда он прибыл в Мелангии, то был пойман одним солдатом, по имени Никей, и опять посажен под стражу и заключен в темницу в двойных железных кандалах, при строжайшем против прежнего надзоре. Когда об этом донесено было Мануилу, стоявшему еще лагерем в Армении, он посылает в столицу дромологофета* Иоанна Каматира с тем, чтобы он возвестил о скором прибытии туда императора и, точнее исследовав этот случай, обстоятельнее донес ему.

3. Между тем антиохийцы, узнав о прибытии к ним императора, сначала не были рады ему, даже очень тяготились им и старались отклонить его приезд. Но так как не могли воспрепятствовать ему и изменить его решения, то не только, высыпав за ворота, в рабском виде и с покорной душой встречали его, но и устроили ему торжественный вход, украсив улицы и перекрестки коврами и другими домашними вещами, устлав их свежими древесными ветвями и перенесши в город красу полей и лугов. И никто не уклонился от этой великолепной процессии, но в ней участвовали решительно все жители, так что тут был и прожорливый сириец, и разбойник исавриец, и пират киликиец; даже всадник копьеносец-италиец, и тот, оставив статного коня и отложив свою гордость, шел пешком в этой торжественной процес-

* *Λογοθέτης τοῦ δρόμου* — дромологофет. Так назывался главный начальник почтового ведомства. Впоследствии он скреплял своей подписью царские указы и золотые буллы. При Кодине он занимал 27 место в ряду придворных чинов, но уже не имел никакой должности. Du Cange Glossar. P. 822. Codin. P. 36 et 191.

сии. Заметив, что здешнее латинское войско очень гордится своим копьем и хвастает искусством обращаться с ним, император назначает день для потешного сражения на копьях. И когда настал определенный день, он, выбрав из римских легионов и между своими родственниками людей, особенно искусных в обращении с копьем, выводит их на место. Выезжает и сам, с веселым видом и со всегдашней своей улыбкой, на обширную равнину, где удобно могли расположиться и действовать конные фаланги, разделившись на две половины. Держа поднятое вверх копье и одетый в великолепнейшую хламиду, которая, стягиваясь пряжкой на правом плече, оставляла руку свободной, он ехал на прекрасном и златосбруйном боевом коне, который, сгибая несколько шею и подпрыгивая, словно просился на бег и как будто спорил с блеском седока. И каждому из своих родственников, а равно и всем, кто был выбран сражаться с итальянцами, он приказал одеться сколько можно великолепнее. Выехал также и князь Герард, сидя на коне белее снега, одетый в разрезную тунику, спускающуюся до пят, и имея на голове шляпу, наклоненную наподобие тиары и покрытую золотом. С ним выехали и бывшие при нем всадники, все люди отважные духом и высокие ростом. Когда начался этот бескровавый бой, многие с той и другой стороны стремительно нападали друг на друга, бросая в противников копья и отклоняя от себя удары. Тут можно было видеть, как одни опрокидывались и падали вниз головой и плечами, а другие, словно мячик, вылетали из конского седла; одни повергались вниз лицом, другие падали навзничь, а иные, давши тыл, бежали без оглядки; одни бледнели, боясь подпасть под удары копья, и совсем закрывались щитом, а другие пламенели от восторга, видя, что противник прячется от страха. Воздух, рассекаемый быстрым бегом коней, волновал и со свистом колебал

знамена. Всякий, кто посмотрел бы на это увеселение, без преувеличения сказал бы, что здесь сошлись Венера с Марсом и Беллона с Грациями: столько в этих играх было разнообразия и красоты. Римлян одушевляло необыкновенной ревностью желание превзойти латинян в искусстве владеть копьем и то, что они сражались в глазах царя — ценителя их действий; а итальянцев воспламеняло их всегдашнее высокомерие и непомерная гордость, а к тому же и мысль — как бы не уступить в войне на копьях первенства римлянам. Сам же император при этом поверг на землю зараз двоих всадников: наскакавши на коне на одного из них, он ударил его копьем с такой силой, что тот ниспроверг вместе с собой и своего соседа.

Удивив своим мужеством антиохийцев, которые теперь своими глазами увидели то, о чем прежде только слышали, царь решился предпринять обратный путь в Константинополь. Он предполагал идти без неприязненных действий и потому распустил войско, предоставив каждому отправляться, куда хочет. Но поступив в этом случае не так, как следовало предводителю и как сам поступал прежде, он потерял весьма много войска вследствие поражения, понесенного задними отрядами. Поспешность, с которой солдаты выступали в путь, и ничем не сдерживаемое и беспорядочное их отправление в свои дома были причиной погибели немалого числа распущенных легионов при неожиданном нападении на них турков. Тогда многие на самом деле узнали, сколько добра заключается в предусмотрительности и как бесплодно и бесполезно позднее раскаяние, во сколько раз лучше спасительное и славное завтра, чем гибельное сегодня, хотя бы оно и льстило сначала доброй надеждой. И это жалкое поражение, может быть, было бы еще хуже, если бы царь, воротившись, не удержал напора турков и не повел войско в том

порядке, в каком бы следовало вести его прежде. Когда он пришел на место, где лежали тела падших, и увидел множество убитых, то от скорби, говорят, ударял себя рукой по бедрам, часто испускал звуки сквозь губы, глубоко вздыхал и плакал, как обыкновенно поступают люди, когда они бывают поражены скорбью, увидев жалкое зрелище или услышав печальную весть. Ему сильно хотелось вознаградить себя за понесенное поражение и бесчестие; но как в эту минуту он не мог сделать ничего славного, то снова отправился в предположенный путь.

4. Не на одних только высоких властителей народов и городов всегда косо смотрит зависть и постоянно поддерживает вблизи их злоумышленников,— нет, она не оставляет в покое и людей, не столь высоко поставленных. Так, не миновала она и Феодора Стиппиота, пользовавшегося большой доверенностью у царя. Воздвигнув против него бурю и ветры, неодолимая, она стала часто потрясать этого сильного человека, пока наконец не низвергла его и не довела до самого жалкого падения. Я включаю рассказ и об этом в историю, чтобы показать читателям, как трудно разгадать лукавство людское и как мудрено уберечься от него, как поэтому нужно всевозможно остерегаться соперников, которые при душе неблагородной и при скрытном характере наделены языком, говорящим не то, что у них на сердце, а главное — как нужно охранять уста и не давать языку опрометчиво вырываться за ограду зубов и укрепление губ, которыми природа окружила его, как бы двойной стеной. Тогдашний дромологофет не мог равнодушно смотреть на благосклонность судьбы к Стиппиоту и на чрезвычайное к нему благоволение царя. Ему несносно было, что Стиппиот мог во всякое время являться к самодержцу и свободно говорить с ним, мог все приводить в движение своим указанием и мановением, тогда как для него открывались двери к царю только в определенные часы, а о том, что делалось по одному лишь желанию Стиппиота, ему не удавалось грезить и во сне. Все это разжигало в нем зависть, кололо его до глубины сердца, и вследствие того он поступает со Стиппиотом самым коварным и самым гнусным образом. Владея в высшей степени искусством строить козни, наделенный языком раздвоенным, как у змея-клеветника, бывшего первым виновником зла, он вкрался в дружбу этого человека, прикрыв низкие замыслы личиной доброго расположения и стакан с ядом подмазав по краям медом любви. Таким-то образом, говоря одно и думая другое, на устах выражая почтение, а в сердце чувствуя далеко не то, он обманул Стиппиота, в одном лишь этом случае простого и неосторожного. Оклеветав его перед царем как обманщика и злоумышленника он обвиняет его в предательстве, уверяя, что он расстраивает дела сицилийские. Когда же царь, бывший в то время еще в Киликии, потребовал от него доказательства, он ставит его за занавес, берет Стиппиота, как будто бы ему нужно было поговорить с ним о чем-то наедине, и приводит туда, где скрытно стоял царь. Начав разговор о предметах посторонних, он хитро сводит речь на дела сицилийские, сам же подает Стиппиоту повод порицать и охуждать распоряжения царя по делам Сицилии и затем прерывает разговор. Заронив в душу царя такую искру против Стиппиота и предоставив ей тлеть, он стал приискивать и хворост других обвинений, чтобы через то скорее ее разжечь. К тому же он получил в сердце новый жестокий удар: Стиппиоту вверен был золотой, украшенный дорогими каменьями сосуд с красной жидкостью*

* То есть он получил должность каниклия — хранителя царской чернильницы.

и было поручено распоряжение в храме влахернском присягой, которой утверждалось преемство престола за венгерцем Алексеем и дочерью царя Марией,— обязанность, собственно относившаяся к должности логофета. По этому-то случаю он, говорят, составил глупейшее письмо от имени Стиппиота к королю сицилийскому и, подбросив его между книгами и бумагами Стиппиота, убедил царя послать в палатку Стиппиота нарочных, чтобы они отыскали его письмо к королю. Когда оно было найдено, царь вспыхнул гневом, как молнией, и Стиппиоту тогда же несправедливо выкололи глаза, и он стал слеп и уже не видел солнца. О всевидящее, право̂судное Око! Для чего Ты часто терпишь такие преступления или даже более тяжкие злодеяния людей и не бросаешь тотчас же громов и молний, но медлишь наказанием! Неисследим суд твой и недоступен для помыслов человеческих. Но Ты поистине премудр и точно знаешь, что полезно нам, хотя мы малодушные и не постигаем судов твоих. Так-то, завидев змея ядовитого или заслышав в горах льва косматого, тотчас же можно убежать; всякого злодея можно умолить, слезами и мольбами тронуть; но чтобы укрыться от человека, который злоумышляет втайне против ближнего и в душе таит одно, а говорит другое, для этого нужно много мудрости и необходимо содействие свыше.

Логофет, о котором мы говорим,— я прерву и еще на несколько времени связь моего повествования,— был человек недалекий в высших науках, не большой любитель и не усердный читатель священной философии. Но он имел превосходную осанку, владел даром говорить без приготовления и речью, которая лилась подобно прекрасному потоку, падающему с возвышения, и через то приобрел себе большую славу. Не имея себе соперников в обжорстве и превосходя всех в питье вина, он умел подпевать под лиру, играл на

арфе и плясал кордакс*, быстро перебирая ногами. Жадно наливая себя вином и часто насасываясь им, как губка, он не потоплял, однако же, своего ума в вине, не шатался, как пьяные, не склонял головы на сторону, как бывает от хмеля, но говорил умно, так как питье лишь прибавляло живости и силы его уму, и становился еще одушевленнее в разговоре. Любя пиры, он не только весьма нравился царю, но приобрел большую любовь и у других владетельных лиц, которые жаловали веселый разгул. Приезжая к ним послом, одних он одолевал питьем и доводил до того, что им долго приходилось отрезвляться и освежать голову, а с другими равнялся. А это были люди, которые вливали в свое брюхо по целым бочонкам, держали амфоры в руках, как стаканы, и всегда употребляли за столом геркулесовскую чашу. Так как зашла уже однажды речь об этом человеке, то да позволено будет рассказать и о следующих обстоятельствах, достойных памяти и повествования. Однажды он объявил царю Мануилу, что на известных условиях готов выпить наполненную водой порфировую чашу, которая прежде стояла во дворце перед китоном в открытом преддверии царя Никифора Фоки, обращенном к Вуколеону**, а теперь находилась в огромном раззолоченном андроне***, построенном царем, о котором мы повествуем. Царь, удивленный его словами, сказал: «Хорошо, логофет» — и положил условием дать ему большое

* Так называлась комическая пляска с неблагопристойными телодвижениями.

** Вуколеоном (*βουκολεών*) называлась одна площадь в Константинополе с прилегающими к ней зданиями, не в дальнем расстоянии от морского берега, и называлась так потому, что на ней стояла высеченная из камня группа, представляющая быка (*βοῦκος*) в борьбе со львом (*λέων*). Bandur. Comment. in antiquit. Constantinop. P. 363.

*** Андрон (*ἀδρών*) — часть дома, занимаемая мужчинами; зала, куда собирались мужчины для пиршества, беседы и проч.

количество дорогих цветных материй и золота, если сделает как сказал; если же нет — получит от него такую же плату. Логофет с удовольствием принял это условие и, когда чаша, вмещавшая в себя около двух хой*, была наполнена доверху водой,— нагнувшись к сосуду, осушил ее, как бык, сделавши одну только остановку, чтобы немного перевести дух,— и тотчас же получил от царя, что следовало по условию. Большой также охотник был он до зеленых бобов и ел их, как говорится, походя. Целые их полосы он истреблял и уничтожал не хуже чекалки. Однажды, стоя лагерем близ реки, завидел он на другом берегу полосу бобов. Тотчас же раздевшись донага и переплыв на другую сторону, он поел большую часть их, но и тем не удовольствовался. Связав остатки в пучки и положив на спину, он перетащил их через реку и, расположившись на полу в палатке, с наслаждением вышелушивал бобы, как будто долгое время постился и ничего не ел. При атлетическом сложении и при высоком росте он не был трусом, но глядел человеком храбрым и достойным той крови, от которой происходил по матери. При конце жизни, чувствуя угрызение совести за то, что оклеветал Стиппиота, он позвал к себе этого человека и со слезами просил прощения. Тот, не помня обиды, охотно простил его и вдобавок еще молился о спасении его души. Вот что я хотел сказать об этом и думаю, что мой рассказ не лишен для многих пользы, назидательности и занимательности.

5. Между тем у Мануила скончалась супруга, взятая из родов алеманнов. Терзаясь скорбью, он громко рыдал по ней, как будто бы с ее смертью лишился части собственного тела, почтил ее великолепным погребением и схоронил в

* Хоя (χοέυς) — мера жидкости, вмещавшая в себя 12 котил, по весу 90 унций.

отцовской обители Пантократора. Затем, прожив во вдовстве и одиночестве столько времени, сколько считал приличным, решился вступить во второй брак, желая сделаться отцом детей мужского пола. Из многих мест приходили к нему и письма и предложения невест от царей, и королей, и владетелей земли; но всем невестам он предпочел одну из дочерей правителя Антиохии Петевина — разумею Антиохию, которая находится в Келесирии и которую напаяет Оронт и освежает западный ветер с моря. Этот Петевин, родом итальянец, был отличный всадник и владел ясеневым копьем лучше известного Приама. Отправив к нему знаменитых по своему происхождению сенаторов, царь через них ввел к себе в дом эту девицу и совершил брачное торжество. Это была женщина красивая, и очень красивая, и даже чрезвычайно красивая,— словом, необыкновенная красавица. В сравнении с ней решительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и белокурая и волоокая Юнона, и знаменитая своей высокой шеей и прекрасными ногами Елена, которых древние за красоту обоготворили, да и вообще все женщины, которых книги и повести выдают за красавиц.

Теперь, намереваясь продолжать рассказ о турках, мы для ясности повествования изложим некоторые из событий предшествовавших. У государя турков Масута было много сыновей, но не меньше и дочерей. При конце жизни, перед переходом туда, где его, как нечестивого, ожидали муки, он разделил между своими детьми некогда принадлежавшие римлянам, а в это время ему подвластные города и области. Одним оставил он в наследие одни города, другим — другие, а митрополию Иконию и что было в зависимости от нее выделил сыну своему Клицасфлану[58]. Из зятьев же Ягупасану назначил Амасию, Анкиру[59] и плодоносную область каппадокийскую со смежными им городами; а Дадуну предоста-

вил богатые и огромные города Кесарию и Севастию[60]. Но доколе, Господи, Ты будешь оставлять свое наследие на разграбление, и расхищение, и посмеяние народу глупому и немудрому, совершенно чуждому благочестивого исповедания и истинной веры в Тебя? Доколе будешь отвращать от нас лицо твое, Человеколюбче, доколе будешь забывать убожество наше и не внимать нашим воплям и рыданиям, Ты, скоро внемлющий угнетаемым? Доколе не отомстишь Ты, Господь мщений? Доколе будет продолжаться эта несообразность, что потомки рабыни Агари господствуют над нами — свободными? Доколе они будут истреблять и убивать твой святой народ, который призывает пресвятое имя твое, а между тем терпит такое продолжительное рабство и несет поношения и заушения от этих презренных пришлецов? Призри, любвеобильный Владыко, на тесноту содержимых в узах. Да возопиет к Тебе и ныне проливаемая кровь твоих рабов, как некогда — кровь Авеля. Возьми оружие и щит, восстань на помощь нашу, укрепи мужа, которого сам изберешь и о котором благоволишь. Воздай седмерицею злым соседям нашим за все то зло, которое они сделали твоему наследию. Возврати нам твоей крепостью города и области, которые отняли иноплеменники, и поставь пределами для именующихся твоим именем восток с первыми лучами солнца и запад с лучами солнца последними.

Но неуместно, кажется, и не напрасно мы высказали это в своем кратком обращении к Богу и тем несколько облегчили душу, отягченную скорбью. Между тем дети Масута, разделив на три части полученные по наследству важнейшие отцовские владения или, точнее сказать, римские области, немного жили в мире и как прилично родственникам, но большей частью ссорились и враждовали между собой. Султан иконийский тотчас же стал дико и враждебно смотреть

на топарха каппадокийского, а тот в свою очередь бросал неприязненные взгляды на него. И злые их замыслы друг против друга составлялись не во мраке и не тайно, но были явны и ими же самими открыты царю. Царь, желая погибели обоим, хотел, чтобы их неприязнь не ограничивалась одной только ссорой, но чтобы они, взявшись за оружие, открыто вступили в борьбу друг с другом и через то дали бы ему возможность спокойно наслаждаться их бедствиями, так как они были и иноплеменники, и люди нечестивые. С этой целью он через тайных агентов и того и другого возбуждал к войне друг против друга. Но явно склонялся на сторону Ягупасана и ему оказывал пособие своими подарками, потому что терпеть не мог султана, как человека скрытного, коварного и двоедушного, который не только замышлял погибель своим кровным родственникам, но и постоянно, как разбойник, грабил соседние римские земли. Вследствие этого Ягупасан, полагаясь на императора, выступает войной против султана, а тот в свою очередь выходит против него. Много раз они сходились и сражались; наконец, после большого пролития крови с той и другой стороны, победа склонилась на сторону Ягупасана, и они на время положили оружие. Ягупасан остался в своей стране, а султан отправился к царю, который в то время только что возвратился в столицу из западных стран, и, принятый дружески и с почетом, столько же обрадовал своим посещением царя, сколько рад был сам радушному гостеприимству. Мануил вследствие посещения султана не только льстился надеждой хорошо устроить дела восточные, рассчитывая радушным приемом очаровать сребролюбивого варвара, но и считал это событие славой для своего царствования. Поэтому, вступив вместе с султаном в Константинополь, он приказывает устроить триумф. И триумф был приготовлен великолепный: везде раз-

вешены были прекраснейшие и дорогие ковры, и все сияло разнообразными украшениями. Предполагалось, что царь будет шествовать в триумфе, при радостных кликах и рукоплесканиях граждан и что вместе с ним пойдет и султан в этой великолепной процессии и будет разделять торжество и восклицания в честь императора. Но Бог упразднил торжество этого дня. Случилось землетрясение, от которого обрушилось много великолепнейших зданий; состояние воздуха было довольно неестественное и ненормальное: это и другие грозные явления, занимая и волнуя душу, не позволяли думать о триумфах. Притом же служители церкви божией и алтаря, да и сам царь, видели в этом недоброе предзнаменование и говорили, что Бог гневается и отнюдь не хочет допустить, чтобы человек, чуждый истинного благочестия, смотрел на триумф, который должен быть украшен священными вещами и изображениями и освящен крестом Христовым. Таким образом, триумф был устроен напрасно: царь не обратил на него никакого внимания, так что даже не исполнил того, что следовало по обычаю. Между тем султан пробыл довольно долго у царя, наслаждаясь зрелищем конских скачек в цирке. В это-то время один из потомков Агари, которого сначала принимали за чудодея, но который впоследствии оказался самым жалким человеком и явным самоубийцей, вызвался перелететь с находящейся в цирке башни все пространство ристалища. Поднявшись на эту башню, под которой внизу параллельными арками устроены отверстия, откуда пускаются лошади в бег, и над которой вверху стоят четыре медных вызолоченных коня, с выгнутыми шеями, головами, обращенные друг к другу и готовые пуститься в бег,— он стал на ней как бы за барьером, из-за которого выходят состязающиеся. Он был одет в весьма длинный и широкий хитон белого цвета, кру-

гом перетянутый обручами, отчего в этой одежде образовалось много широких складок. Агарянин рассчитывал, что, как корабль летит на парусах, так он полетит при пособии своей одежды, коль скоро ветер надует ее складки. Глаза всех устремились на него, в театре поднялся смех и зрители беспрерывно кричали: «Лети, лети; долго ли, сарацин, ты будешь томить души наши, взвешивая ветер с башни?» Между тем царь посылал людей отговорить его от его затеи; а султан, бывший также в числе зрителей, вследствие сомнительности успеха, в беспокойстве вскакивал с места от страха и боязни за своего соплеменника. Агарянин долго обманывал надежды зрителей, хотя постоянно следил за воздухом и наблюдал за ветром. Много раз распростирал руки и приводил их в движение, как распускаются и движутся на лету крылья, чтобы набрать более ветра, но всякий раз удерживался от полета. Наконец, когда ему показалось, что подул благоприятный и нужный для него ветер, он распростирается наподобие птицы, полагая, что пойдет по воздуху. Но на деле он вышел воздухоплавателем хуже Икара. Как тяжелое тело, он стремительно полетел вниз, а не держался в воздухе, как что-нибудь легкое, и наконец упал и испустил дух, переломав себе и руки, и ноги, и все кости. Этот полет сделался для городских жителей предметом постоянных насмешек и шуток над турками, бывшими в свите султана. Турки не могли даже пройти по площади без того, чтобы не быть осмеянными: бывшие на площади серебряники обыкновенно при этом стучали по железным частям столов. Когда дошло это до сведения царя, он рассмеялся, зная, как любит острить и шутить уличная толпа. Но так как эти выходки несколько уязвляли сердце варвара, то в угоду султану он принимал, по-видимому, меры к обузданию вольных шуток толпы.

6. Кроме удивительного угощения со стороны царя, султан получил еще из царских кладовых множество богатых даров, которые до того изумили его, что он недоумевал, оставил ли царь самому себе столько же и таких же сокровищ, и затем с радостью и со множеством дорогих вещей отправился домой. Император, зная, что всякий варвар падок на подарки, но в особенности желая блеснуть перед Клицасфланом и поразить его множеством сокровищ, которыми изобиловало римское царство, приказал в одном из великолепнейших покоев дворца разложить в порядке все, что предположил дать ему в подарок. Тут было золото и серебро в монете, драгоценное платье, серебряные чаши и золотые фириклеи*, богатейшие ткани и другие отличные вещи, у римлян очень обыкновенные, но у варваров редкие и большей частью даже совсем невиданные. Войдя в этот покой и пригласив туда и султана, царь спросил его, что бы он хотел получить в подарок из находящихся здесь сокровищ. Когда же тот сказал, что будет доволен всем, что подарит ему царь, он снова спросил, мог ли бы хотя один из римских неприятелей выдержать нападение римлян, если бы он употребил эти сокровища на наемное и туземное войско. Султан с удивлением отвечал, что, если бы он владел таким богатством, то давно покорил бы себе всех окрестных врагов. Тогда царь сказал: «Отдаю тебе все это, чтобы ты знал, как я люблю дарить и как велики мои подарки, и чтобы понял, каким богатством владеет тот, кто дарит одному столько дорогих вещей». Ослепленный корыстью, султан и обрадовался и изумился этой подачке и обещал предоставить царю Севастию с ее областью. А Мануил, радостно приняв это обещание, обязался дать ему и еще сокровищ, если он оправдает свои слова на деле. И точно, еще прежде, чем варвар исполнил свое обещание, Мануил, желая предупредить его непостоянство и держась пословицы: куй железо, пока оно горячо,— сделал так, как сказал, отправив вновь к султану через Константина Гавру много драгоценных вещей и всякого рода оружия. Но тот, человек фальшивый и решительно никогда не знавший верности в обещаниях, лишь только прибыл в Иконию, забыл об условии и, опустошив Севастию и покорив смежные с ней земли, все это обратил в собственное владение. Когда же лишил Дадуна принадлежавшей ему области и, присвоив себе Кесарию, принудил его бежать и скитаться, обратился и против остального родственника — разумею Ягупасана,— пламенея желанием овладеть и его страной и умертвить его самого. Ягупасан, со своей стороны, также стал собирать войско и готовился к борьбе с ним как уже более сильным соперником; но смерть скоро прервала его заботы. Тогда Дадун тайно вошел было в амасийскую сатрапию, как оставшуюся без властителя, но, быв выгнан оттуда, сделался причиной смерти для пригласившей его супруги Ягупасановой. Амасийцы возмутились и отомстили ей смертью за то, что она тайно хотела предоставить власть Дадуну, а Дадуна далеко прогнали, потому что не хотели иметь его своим властителем. Но не могли они точно так же одолеть и Клицасфлана, напротив, он одержал над ними верх и, как прежде овладел Каппадокией, так теперь взял и Амасию. У этого человека все дела шли скоро и необыкновенно счастливо, хотя тело его не было хорошо сложено и развито, но было уродливо во многих главных членах. Так, прежде всего, руки у него были будто вывихнутые, ноги прихрамывали, отчего он большей частью ездил в повозке. Эти-то недостатки подали повод Андронику, любив-

* Так назывались особенного рода чаши от имени коринфского художника Фириклия. Hoffm. Lexic. Tom. IV. P. 421.

шему подтрунить, как едва ли кто другой, необыкновенно колкому остряку, умевшему ловким словцом навсегда осмеять дурное дело или недостатки тела, подали повод в насмешку называть его Куцасфланом*. Но каков бы ни был султан по устройству своего тела,— а был он, конечно, таков, каким создала его природа,— только, сделавшись обладателем обширной страны и имея в своем распоряжении множество войска, он не захотел жить в покое. Склонный по природе к мятежу и смутам, вечно волнующийся, как какой-нибудь морской залив, он неожиданно нападал на римлян, когда мог им вредить, и часто безвинно начинал с ними войну, нарушая условия и пренебрегая договорами без всякой причины — единственно потому, что так ему хотелось. Не оставил он в покое даже и Мелитину[61], но, имея возможность низвергнуть и ее эмира, он, несмотря на то, что этот человек был одной с ним веры и не сделал ему никакой обиды, бесстыдно сам выдумал и составил против него обвинение и за то выгнал его из Мелитины. Потом, тайно подкравшись и к своему родному брату, он и его заставил бежать. Все эти беглецы пришли к императору. Но это случилось после. А тогда, приобретши большую силу, он отложил почтительность к царю и стал требовать от него того уважения, которое сам прежде оказывал ему, когда был стесняем неудачами в делах. Изменяясь, по обычаю варваров, с обстоятельствами, он вообще и унижался до крайности, когда был в нужде, и опять тотчас же возносился, как скоро счастье склонялось в другую сторону и награждало его благоприятным ходом дел. А как, по пословице, клин клином выгоняется, то по временам он ласкался к царю и оказывал ему уважение и, хотя больше походил на дикого зверя, чем на сына, но воздавая царю славу

* *Κοῦτζος* — значит «хромоногий». Du Cang. Glossar. P. 745.

отца, сам пользовался от него честью сына. Таким образом, в письмах, которые они писали друг другу, царь назывался отцом, а султан — сыном. Но и это не могло соединить их искренней дружбой и даже не предохранило от нарушения мирных договоров. Султан, словно выступающий из берегов поток, потоплял и уносил все, что ни попадалось на пути, или, как ядовитый змей, пожирал много наших городов, извергая на них яд своей злобы. А царь или воздвигал несокрушимую плотину войска и тем останавливал его разливы и давал ему обратное течение, или чарами золота наводил сон мира на его веки, заставлял его склонить голову, когда она была уже поднята на добычу, и останавливал его, когда он уже полз и тащил за собой войско. А однажды, чтобы остановить турков, которые, как огромные стада овец, разбрелись по римским пределам, он напал на пентапольцев. Персы не посмели вступить с ним в бой, и он, захватив множество людей и скота, с торжеством возвратился домой. В это-то время Солиман, главнейший между вельможами султана, явился к царю и много говорил в защиту султана, стараясь доказать, что турки действуют без его воли и согласия. Он искусно выставлял в благоприятном виде все, что рассказывал; но дела противоречили его словам и явно обличали его во лжи. Несмотря, однако же, и на это, Солиман не потерпел от царя никакой неприятности. По обычаю варваров он безмерно льстил императору и, всячески стараясь обмануть его, предложил ему со своей конюшни быстроногих коней. Царь принял коней и, похвалив Солимана за его доброе расположение и покорность,— хотя это расположение происходило не от души, но зависело от обстоятельств,— отпустил его в надежде, что он расскажет султану обо всем, что ему было небезызвестно, и укорит его за непостоянство, вероломство и лукавство. Но нельзя было думать, чтобы

после этого султан остался в покое или хоть на короткое время отложил свое мщение римлянам. И действительно, он по-прежнему, как вор, продолжал свои грабежи. Между прочим, выслав и отборные фаланги во Фригию, опустошил Лаодикию, которая тогда не была еще заселена так, как ныне, и не была ограждена прочными стенами, но, подобно селениям, была разбросана по склонам тамошних возвышенностей. Выведя отсюда множество пленников и огромное количество скота, он немало людей и казнил, в том числе и архиерея Соломона, который, хотя и был скопцом, но имел любезный характер и по своим добродетелям близок был к Богу. Своим приближенным султан в насмешку говаривал, что чем более будет он делать зла римлянам, тем больше должен ожидать себе добра от царя. На чьей стороне, говорил он, победа, к тому обыкновенно приходят в гости и дары, чтобы остановить дальнейшие победы, подобно тому, как за больными воспалительной болезнью ходят с особенной заботливостью, для того чтобы отвлечь и остановить дальнейшее распространение болезни. Впрочем, и Мануил после этого не остался в покое, но сначала через Цикандила Гуделия, а потом через Михаила Ангела напал на тех турков, которые, будучи богаты стадами, нуждаются в лугах и пастбищах и поэтому оставляют свои жилища и со всеми семействами переходят в римские пределы. Эти вожди, взяв легкое войско и распределив его по отрядам, выступили с ним против турков. Считая ночь более удобным временем для нападения на неприятелей, они раздали войску пароль, приказав кричать во время ночного сражения с турками: «Железо»,— чтобы таким образом можно было по этому слову узнавать и пропускать соотечественников и убивать, как иноплеменников, тех, кто будет проходить молча. Этот пароль, раздававшийся в продолжение всего сражения, различал племена, и

таким образом железо, как говорит Давид, пронзало души персов. Наконец, после продолжительного уже кровопролития, турки, поняв значение произносимого римлянами слова, вместе с ними и сами стали кричать до тех пор, пока наступивший рассвет не разлучил войска. Много было в то время и других набегов, как со стороны этого царя на турков, так и со стороны турков на римлян. Но я опустил все те, в которые не случилось ничего замечательного и рассказ о которых навел бы только скуку на читателя; потому что большей частью пришлось бы повторять одно и то же, не привнося в рассказ ничего нового.

Царствование Мануила Комнина

Книга 4

1. Намереваясь опять говорить о делах пэонийских, для ясности рассказа скажу наперед вот что. У тогдашнего правителя гуннов Яцы* было два родных брата, Стефан и Владисфлав, и двое сыновей, Стефан и Вела[62]. Один из братьев, Стефан, вырвавшись из родственных рук, готовых погубить его, убежал в Константинополь и, ласково принятый самодержцем Мануилом, не только нашел у него самое радушное гостеприимство, но и женился на племяннице его Марии, дочери севастократора Исаака. Немного спустя и третий брат, Владисфлав, по следам Стефана, также явился к Мануилу, не столько оттого, что не был любим Яцей, как бы следовало, или боялся его козней, сколько увлеченный слухом о счастливой жизни брата Стефана и желанием побывать у него. Не обманулся в своих надеждах и Владисфлав: и он был принят царем сообразно с достоинством его происхождения, и вообще нашел все так, как предполагал. Он мог

* Это король Гейза.

бы и жениться на любой женщине, и даже женщине царской крови; но удержался от брака, опасаясь, что, привязанный ласками жены, он забудет о возвращении в отечество и через то повредит своим делам. Что же потом? Умирает король гуннов Яца, и умирает смертью спокойной: сама природа расстроила гармонию настроенного ею инструмента и разобрала его на составные части. Власть его переходит к сыну его Стефану. Царь между тем, обрадовавшись этому неожиданному случаю, сообразил, что если сатрапия гуннов перейдет к зятю его по племяннице Стефану,— так как он действительно имел на то право,— то, во-первых, это ему самому доставит славу, а во-вторых, и римское царство через это, может быть, будет получать оттуда часть доходов и уж во всяком случае будет бесспорно владеть Зевгмином и Франгохорием. Вследствие этого он стал стараться о приведении в исполнение своих соображений. Тотчас же отправлены были в страну гуннов послы с тем, чтобы они условились с гуннами о предоставлении царского венца Стефану; а спустя немного времени прибыл и сам царь в Сардику. Но гунны при первом слухе о Стефане отказались от него, даже не хотели слышать его имени, ссылаясь как на другие причины, почему отвергают его, так особенно на то, что он женился у римлян. Они находили совершенно невыгодным для себя допустить к правлению человека, который по браку состоит в родстве с римским царем, опасаясь, как бы не вышло того, что, тогда как гунны будут находиться под его управлением, сам он будет под властью и в зависимости у римского царя. Поэтому они и к Стефану, отправившемуся было туда, не оказали никакого расположения, и бывших с ним царских послов отпустили ни с чем. Тогда царь, признав необходимым оказать Стефану более действительную помощь, и сам выступает из Сардики и приходит к берегам Дуная, именно в Враницо-

ву и Велеград, и в то же время вместе со Стефаном высылает с войском племянника своего Алексея Контостефана. Эти, прибыв в Храм*, делали все, что только было можно, для того, чтобы добиться царства: подкупали вельмож пэонийских дарами, обольщали ласками, увлекали большими обещаниями, но успели только в том, что гунны признали своим правителем Владисфлава — родного брата Стефана. Когда же и Владисфлав спустя немного времени после получения власти скончался, они опять склонились на сторону Стефана, сына Яцы. Царь не мог перенести этого равнодушно; да и Стефан, брат Яцы, при содействии царя, стал употреблять всевозможные усилия, чтобы как-нибудь добиться власти. Это было причиной многих войн. Когда же царь просватал дочь свою Марию за сына Яцы Велу, которого предполагал даже сделать наследником своего царства, то противники Стефана из гуннов, чтобы пресечь и уничтожить всякую надежду на успех и избавить самих себя от хлопот, оставив прежний образ противодействия окольными и дальними путями, решились обманом извести ненавистного им Стефана. Яд показался им самым лучшим средством для того, чтобы лишить его жизни. Они стали искать человека, который согласился бы поднести Стефану смертоносную чашу, и когда нашли одного из слуг Стефана, по имени Фома, предложили ему награду. Этот Фома всегда готов был из-за низкой прибыли лишить человека жизни, разлучить душу с телом, и такой был мастер на это дело, что даже сам от себя придумал другой способ, как поскорее отправить Стефана в царство мертвых. Когда Стефан нечаянно порезал себе жилу до крови, Фома накладывает ему на рану повязку, намазанную ядом. Яд распространился и разлился по всему телу и, ког-

* Храм — крепость при Дунае.

да проник в самые важные части организма, лишил Стефана жизни. Смерть этого человека ясно показала, как неверны и ничтожны замыслы людские, как тщетно люди стремятся к тому, что для них недостижимо, и как напрасно трудятся над своими предприятиями, если Божественная десница свыше не содействует им, не поддерживает их и не руководит ими в их советах и действиях. И между тем как Стефан лежал убитым таким образом, и труп его, поруганный, оставался без должного погребения, Зевгмин принужден был сдаться гуннам на капитуляцию. Царь, услышав об этом, объявляет войну против гуннов.

2. В это же время возвратился в отечество и Андроник, снова бежавший из заключения и проживавший в Галице[63]. Галица — это одна из топархий, принадлежащих россам, которых называют также иперборейскими скифами. А убежал Андроник вот каким образом. Он притворился больным, и ему назначен был в услужение молодой комнатный слуга из иностранцев, и притом плохо знавший наш язык. Этому слуге — так как ему только одному и доступен был вход в тюрьму — Андроник поручает унести потихоньку ключи от дверей башни в то время, когда стражи, порядочно подвыпив, уснут после обеда, и с этих ключей сделать из воска точный снимок, так чтобы он во всем соответствовал подлиннику и вполне походил на него. Невольник исполняет приказание и приносит Андронику слепки ключей. Андроник поручает ему показать их сыну своему Мануилу и сказать, чтобы он как можно скорее приказал сделать из меди такие же ключи и, кроме того, чтобы в амфоры, в которых приносится ему к обеду вино, положил льняные веревочки, клубки ниток и тонкие снурки. Когда все это приведено было в исполнение, замки ночью отпираются, темница без труда отворяется и Андроник, при содействии невольни-

ка, который помогал ему в этом деле, получив от него подарок, выходит с веревками в руках. Остаток этой ночи он проводит в густой и высокой траве, которой поросли некоторые места дворцового двора, куда обыкновенно никто не ходил. И второй и третий день он скрывался от поисков в траве. Когда же искавшие утомились розысками по разным местам дворца, Андроник устраивает из палок лестницу и, спустившись со стены между двумя башнями, входит в лодку, ожидавшую его, по уговору, у скалистого морского берега, которым окружена выходящая на море городская стена и о который разбиваются бурные волны. Человек, который принял Андроника в лодку, прозывался Хрисохоопулом. Но едва успели они отплыть от берега, как уже их задерживают стражи вуколеонские, которые всю ночь смотрят, чтобы ни одна лодка не проходила близ царского дворца. Этот надзор начался с того времени, как Иоанн Цимисхий, поднятый в корзине, напал ночью на Никифора Фоку. Таким образом, Андроник чуть было опять не попал под стражу и в более тяжкие оковы, или даже едва было меч не прекратил его жизни и не пресек многих дальнейших его похождений. Но и тут собственная изобретательность избавила от опасности этого находчивого человека, доставив из своего сада нужное по обстоятельствам лекарство, подобно тому, как некогда Давида в Гефе спасли перемена в лице, звук тимпана и неистовое движение ногами. Притворившись домашним слугой, убежавшим из долговременного заключения, Андроник стал просить поймавших пощадить его, так как он уже и прежде немало потерпел от господина своего да и теперь должен будет расплатиться за побег. А своим господином он называл Хрисохоопула, причем нарочно переменял язык греческий на варварский и притворялся, будто весьма мало его понимает. И сам Хрисохоопул также просил стражей отдать ему Андроника, как его беглого раба и, подкупив их дарами, успел освободить его. Таким образом Андроник сверх чаяния пришел в свой дом, называемый Вланга, снял с ног своих оковы и, увидевшись со своими домашними, в одно и то же время и приветствовал их, как человек, только что вошедший, и простился с ними, как отъезжающий на чужую сторону. Достигши Меливота, он садится здесь на приготовленных для него лошадей и бежит прямо в Анхиал*. По прибытии сюда открывается Пупаке, который первый, как я уже сказал, взошел на лестницу на острове Корифо, и, получив от него съестные припасы на дорогу и проводников, отправляется в Галицу. Но когда Андроник считал уже себя вне опасности, так как уже скрылся от преследований и достиг пределов Галицы, куда стремился, как в спасительное убежище, тогда-то именно он и попадается в сети ловцов. Влахи, предупрежденные молвой о его бегстве, схватили его и опять повели назад к царю. Не имея для себя ни в ком ни спасителя и избавителя, ни друга-защитника, без оруженосца, без слуги, этот изобретательный человек опять нашел себе пособие в своей хитрости. Чтобы обмануть тех, которые вели его, он притворился, будто страдает поносом, часто сходил с лошади и, отойдя в сторону, готовился к отправлению естественной нужды, отделялся от спутников и оставался один, как будто его действительно беспокоил понос. Много раз он делал так и днем и ночью и наконец обманул своих спутников. Однажды, поднявшись в темноте, он воткнул в землю палку, на которую опирался в дороге, как человек больной, надел на нее хламиду, наложил сверху шляпу и, таким образом сделав нечто похожее на человека, присевшего для

* Город во Фракии, на берегу Черного моря, ныне известный у греков под именем Анхиало и Ахело, а у турков — под именем Кенхис.

отправления естественной нужды, предоставил стражам наблюдать вместо себя за этим чучелом, а сам, тайно пробравшись в росший там лес, полетел, как серна, освободившаяся от тенет, или птица, вырвавшаяся из западни. Когда стражи увидели наконец его проделку, они бросились бежать вперед, полагая, что Андроник следует тому же направлению, по которому шел прежде. Но он обратился назад и другим путем направился в Галицу. Пупаки между тем по приказанию царя был взят и всенародно наказан многими ударами плети по плечам и спине. Потом глашатай публично водил его привязанным веревкой за шею и громко провозглашал: «Так наказывается бичами и всенародно водится всякий, кто принимает к себе в дом приходящего к нему врага царева, дает ему необходимое на дорогу и отпускает его». А Пупаки, пристально и с веселым лицом смотря на собравшийся народ, говорил: «Пусть кто хочет бесчестит меня так за то, что я не выдал пришедшего ко мне благодетеля и не выгнал его с жестокостью, но сколько можно было услужил ему и проводил его в радости!». Что же касается Андроника, он принят был правителем Галицы[64] с распростертыми объятиями, пробыл у него довольно долго и до того привязал его к себе, что вместе с ним и охотился, и заседал в совете, и жил в одном с ним доме, и вместе обедал.

Между тем царь Мануил считал бегство двоюродного брата и удаление его из отечества личным для себя бесчестием. К тому же ему казалось и подозрительным долговременное его отсутствие, так как ходили уже слухи, что он собирает многочисленную скифскую конницу с намерением вторгнуться в римские пределы. Поэтому он признал делом, как говорят, первой важности возвратить Андроника. **3.** С этой целью он приглашает его оттуда и, после дружеских уверений с той и другой стороны, действительно принимает странника в свои объятия. Это было, как я сказал, в то самое время, когда пэонийцы, нарушив мирные договоры, опустошали придунайские области римлян. Варвары вступили даже в бой с вождями Михаилом Гаврой и Михаилом Враной и, принудив их бежать, овладели огромной добычей. Гавра только что недавно отпраздновал свадьбу с Евдокией Комниной, с которой, как мы уже выше сказали, был в связи Андроник. Поэтому родственники Евдокии, желая отрекомендовать его самодержцу, чрезвычайно хвалили и превозносили его перед царем, говорили даже, что он храбро сражался в битве с гуннами и в свидетели своих слов приводили Михаила Врану, который вместе с ним начальствовал над войском. Царь приказал Бране поклясться головой императора и сказать по правде, знает ли он какой-либо мужественный подвиг Гавры. Но тот, прежде чем дать ответ, обратился к Гавре и спросил его о самом себе: показал ли сам он сколько-нибудь достохвального мужества и так ли действовал, как прилично вождю, когда они сражались с венграми, предводимыми Дионисием. Когда же Гавра отвечал на это утвердительно и засвидетельствовал, что он точно сражался мужественно, как никто другой, тогда Врана присовокупил, что он не может искажать истины перед царем, который заставил его поклясться своей головой, что Гавра нисколько не выдержал натиска врагов, но при первом их нападении со страха бежал, несмотря на то, что он (Врана) много раз просил его возвратиться и громко кричал ему: «Друг, остановись!». Царь между тем, торопясь возвратить римлянам Зевгмин и отомстить гуннам за смерть и поругание Стефана, вступил в те места с войском. Варвары, расположившись на возвышенных берегах реки Дуная и приготовившись к бою, старались было воспрепятствовать переправе войска, метая всевозможные стрелы и наперед за-

нимая все проходы, но нисколько в том не успели. Римские стрельцы, искусные в дальней стрельбе, да и все вообще тяжеловооруженное войско отбросили и выбили их из прибрежных мест. Тогда царь, прибыв со всем войском к Зевгмину, раскидывает там лагерь. Зевгмин недоступен с юга, так как с этой стороны он огражден близлежащим холмом и течением реки. Царь надеялся без боя овладеть этим городом, рассчитывая на то, что жители испугаются даже первого его появления, отопрут ему ворота и впустят его в город. Когда же они заперли для него решительно все входы, усилили стены всякого рода оружием и метательными орудиями, а сами, показываясь наверху, точили, словно змеи, языки, не только с рук пуская стрелы смертоносные, но из-за ограды зубов бросая стрелы позорных речей, смазанные ядом аспидов, тогда и римляне стали не с пустыми руками подходить к ним, но, отбросив ругательства, как оружие женское и неблагородное, преимущественно вредили им мечом. Император, чтобы возбудить в подчиненных ревность к подражанию, первый направил коня своего к городским воротам и вонзил в середину их копье. Потом, наполнив ров, по недостатку камней, мусором и поставив кругом камнеметные машины (их было четыре), велел разрушать стены. Машины все действовали успешно, и бросаемые из них огромные камни ослабляли связи стен. Преимущественно же одна из них, устроенная Андроником, который сам прикрепил к ней ремень, и рукоятку, и винт, с особенной силой потрясала стены, так что середина стены между двумя башнями, на которую упадали тяжелые камни и под которую притом подведен был подкоп, уже поколебалась и склонилась на сторону. При этом-то случае некоторые из пэонийских вельмож однажды ночью вошли в одну из прикрепленных к стене и выходящих наружу башен, которые на простом народном

языке обыкновенно называются арклами, обнажили мечи и, потрясая ими, с величайшим хвастовством грозили римлянам, а пока, за неимением возможности обагрить мечи кровью, примерно поражали ими воздух и наполняли его восклицаниями, крича во все горло. Но месть гналась уже за ними по пятам. Андроник, направив метательное орудие против поддерживавшей их башни, выстрелил из него так удачно, что эта деревянная постройка, снаружи прикрепленная к стене, тотчас же отделилась от нее, а вместе с тем и они полетели с ней в адское отверстие, опрокинувшись головой вниз, жалко кувыркаясь и бедственно переплывая Ахерон. А спустя немного времени пала и сама стена. Римляне взошли на нее по лестницам и проникли в город. Тогда многие пали и погибли от меча; немалое, впрочем, число и спаслось, покорясь победителям, а были и такие, которые нашли спасение в бегстве. У одного из жителей этого города, человека, принадлежавшего не к толпе и черни, но к числу людей, знаменитых богатством и знатностью рода, была миловидная и весьма красивая жена — предмет его гордости. Видя, что ее насильно тянет один римлянин на поругание, и не имея возможности защитить ее от насилия или отразить силу силой и остановить бесчестного любовника, он решается на дело, столько же благородное и сообразное с обстоятельствами, сколько беззаконное и дерзкое, именно — пронзает сердце своей возлюбленной бывшей при нем короткой саблей. Таким образом, преступный любовник, увлекаемый безумной страстью, погасил свое страстное желание, потому что уже не стало предмета его страсти, а истинно несчастная любовница не видала уже более дней веселья. О роковое сплетение дел человеческих! О какие трагедии разыгрываются на многолюдном театре мира коварным и завистливым Телхином! Вот две противоположные любви, спорящие из-за

одной награды: любовь бесчестная и целомудренная. Одна хочет спасти ради преступных наслаждений, другая предупреждает позор насильственной смертью и искореняет страсть страстью. А покорить Зевгмин немало помогли римлянам и некоторые из тамошних жителей, благоприятствовавшие римлянам и по возможности ободрявшие их. Они привязывали записочки к стрелам, не обложенным железом, бросали ночью эти стрелы в римский лагерь и таким образом извещали о силе их войска. В это же время шел однажды пленный пэониец, имея еще на голове туземную шляпу и вообще одетый в свое отечественное платье. С ним встречается один римлянин, поражает его мечом и убивает. Затем, надев себе на голову его шляпу, римлянин продолжал путь. Но мщение незаметно следовало за ним по пятам, и то же самое зло, которое он причинил другому, постигает и его самого. На него нападает сзади другой римлянин, вооруженный еще более острым мечом, наносит ему, как бы пленному пэонийцу, смертельный удар в шею и тут же лишает жизни.

Таким-то образом — сколько я могу сказать вкратце, не пускаясь в подробности повествования,— взят был Зевгмин. Царь, выступив оттуда, отправился в пределы римские, а своего дядю Константина Ангела филадельфийского и с ним Василия Трипсиха оставил на месте для возобновления и укрепления Зевгмина. Эти, исполняя данное им поручение, не только возобновили Зевгмин, исправив упавшие его башни, и снабдили его вообще всем, что нужно для охраны, но с особенным старанием позаботились и о городах Велеградских. Они и самый Нис обнесли стеной, и Враницову заселили, и, устроив вообще все надлежащим образом, возвратились к царю.

4. Царь между тем, намереваясь отомстить Десе, который к своим прежним делам присоединил еще худшие, спешил отправиться в Сербию. Но Десе, издали внимательно следя за ходом дела, и в особенности справедливо опасаясь, чтобы не потерпеть ему, в случае вторжения царя в его страну, какого-нибудь вреда и неприятностей, через послов усильно просит царя о позволении безбоязненно явиться к нему. Получив это позволение, он действительно приезжает, окруженный свитой сатрапов, и является к царю; но царь осыпает его упреками за его коварство и высылает от себя, отказав в мире. Он даже подвергался опасности быть задержанным, однако же ему позволили возвратиться домой после того, как он обязался страшными клятвами переменить свое поведение и вперед не делать ничего противного царю. Но невозможно было, чтобы хамелеон изменил свой цвет на белый цвет истины, хотя он и легко принимает на себя всякий другой цвет. Когда Десе вышел от царя, душу его в одно и то же время волновали разные страсти. Он стыдился, что приходил к царю, сердился, что с ним так дурно обошлись, жалел, что оградой клятв стеснил себя в выборе решений. Наконец, пренебрегши всем, что обещал и в чем клялся царю против собственного убеждения, этот варвар снова облекается в обычную кожу барса, явно одобрив слова трагика и сказав: «Язык клялся, но душа не связана клятвой».

Так происходило это. Между тем у Мануила не было еще сына, и преемство рода держалось на дочери Марии, которую родила ему жена из рода алеманнов. Поэтому он обязал всех клятвой признавать после его кончины эту самую Марию и жениха ее Алексея, происходившего, как мы сказали, из Венгрии, наследниками его власти, повиноваться им и чтить их, как римских императоров. Все подчинились этому приказанию и дали клятву, как приказывал царь; не покорился один Андроник. Он говорил: «Так как царь вступил во второй брак, то очень может статься, что у него будут

дети мужского пола, и если мы должны будем впоследствии предоставить царство и присягнуть этому будущему рождению царя, то, очевидно давая теперь клятву дочери, мы будем клясться несправедливо. Да притом, что за сумасбродство у царя, что он всякого римлянина считает недостойным женихом для своей дочери, а избрал этого иноземца и человека приписного и, к поношению римлян, ему предоставляет царство над римлянами и ставит его над всеми господином!». Но эти дельные слова не убедили царя, который не обращал внимания на слова Андроника, как на пустые речи человека, несогласного с ним во мнении и упрямого. Некоторые, впрочем, и после того как дали клятву, одобрили мысли Андроника, и одни тотчас же объявили свое мнение, а другие хотя его и не высказали, но упорно стояли на том, что решительно нет никакой выгоды ни для царской дочери, ни для римского государства к плодовитой маслине прививать ветвь от иноплеменного дерева и чужеземца предпочтительно перед всеми облекать властью.

Теперь мы расскажем в своей истории и еще нечто такое, о чем несправедливо было бы умолчать. Мануил как-то особенно много заботился о городах и крепостях киликийских, между которыми главное место, как столица, занимает славный и знаменитый город Тарс. Поэтому, после многих славных и благородных мужей, бывших там правителями, туда наконец назначен был Андроник Комнин, как человек и знаменитый родом, и замечательно храбрый. А чтобы ему было чем покрывать тамошние расходы, ему предоставлено было собирать подати и с острова Кипра. Прибыв на место и питая вражду к Торусу, а равно и им ненавидимый, он часто вступал с ним в борьбу и объявлял ему войну, но никогда не совершил ничего славного и даже не сделал ничего достойного той многообразной военной опытности и того искусства, которыми славился. Наконец, когда Торус постыдно разбил его и восторжествовал над ним, он решается на отчаянно дерзкое дело, о котором мы сейчас расскажем. В то время как оба они вывели друг против друга свои войска, Андроник расположил свое войско так, что оно походило на животное и имело голову, и хвост, и все прочие части, а Торус, напротив, разделил свою армию на несколько отдельных частей, на небольшие отряды и партии, засевшие в засаде. Когда войска сошлись и вступили в бой, победа, и притом блистательная, опять досталась Торусу: фаланги Андроника не устояли против армян, постоянно получавших свежие подкрепления и мало-помалу выходивших из засад, и обратились в постыдное бегство. Это крайне опечалило Андроника, и он, не зная, как вознаградить себя за поражение, и желая хоть чем-нибудь теперь же отомстить торжествующим уже победу неприятелям, решается на дело почти совершенно невозможное. Увидев, что Торус, окруженный свитой телохранителей, сидит еще на лошади, ожидая возвращения своих воинов, отправленных для преследования неприятелей, Андроник, пустив во всю прыть своего коня, бросает в него копье и, ударив его в щит, сбрасывает с лошади и затем, пробившись сквозь толпу окружавших его отборных воинов, ускользает из рук всех, как крылатый всадник или как скользкий угорь. Но в этом только и состояло все достоинство поступка Андроника: от дальнейшего вреда предохранили Торуса железные латы, которые он имел на себе, и длинный щит, покрывавший его сбоку, по одну сторону лошади.

5. Не прошло немного времени после этого случая, и уже для Андроника становится делом второстепенным и посторонним и убийства, и сражения, и войны, и звук бранной трубы, и страх, и ужас, и Арей — губитель людей: отбросив занятия военные, он посвящает себя служению Аф-

родиты. А она не подставляет ему Елену и не выставляет на глаза живущую в Элладе и среди Аргоса, чтобы разнежить его красотой и свести с ума от любви, не строит судна и не вверяет управления им Ферeклу, но описывает наружные прелести живущей по соседству Филиппы и как сводня сватает ее страстно влюбленному Андронику. Влюбившись по слуху, Андроник кидает щит, отвергает шлем, сбрасывает с себя все воинские принадлежности и уходит к возлюбленной, жившей в городе Антиохии. Прибыв сюда и переменив доспехи Марса на украшения Эротов, он только что не ткал и не прял, служа Филиппе, как некогда Геркулес служил Омфале[65]. А Филиппа была родная сестра той дочери Петевина, на которой не так давно женился двоюродный брат Андроника, царь Мануил. Итак, прибыв, говорю, в Антиохию, Андроник с увлечением предался роскоши, доходил до безумия в нарядах, с торжеством ходил по улицам со свитой телохранителей, вооруженных серебряными луками, отличавшихся высоким ростом, едва покрытых первым пухом на бороде и блиставших светло-русыми волосами. Этим он старался пленить ту, которая его пленила, и, точно, успел очаровать ее и завлечь в любовную связь, возбудив в ней страсть еще сильнее той, какой сам страдал. К тому же он и сам был дивно хорош собой, высок и строен, как пальма, страстно любил иноземные одежды, и в особенности те из них, которые, опускаясь до чресл, раздваиваются и так плотно обнимают тело, что как будто пристают к нему, и которые он первый ввел в употребление. А свой суровый и всегда пасмурный вид этот дикий зверь постарался развеселить, свой тяжелый и беспокойный характер смягчил и свою гордость отложил. И так как он решительно очаровал Филиппу, то она склонилась на брачное ложе, забыла и дом и отечество и последовала за своим любовником. Когда царь услы-

шал об этом, он, словно пораженный громом, едва не онемел, и им овладели два чувства: и ненависть к Андронику за его беззаконную и преступную любовь, и желание схватить и наказать его за то, что он обманул его надежды на Армению. Поэтому он отправляет севаста* Константина Каламана, человека, исполненного и разумной отваги, и твердого мужества, с тем, чтобы он принял начальство над делами в Армении и попытался вступить в брак с Филиппой. Каламан сначала наряжается женихом и, разодевшись как следовало и как находил нужным, чтобы привлечь к себе возлюбленную, приходит в Антиохию. Но Филиппа не только не обратила на него внимания и не изменила своей прежней любви, но даже не взглянула на него и не удостоила его приветствия. Напротив, она еще посмеялась над ним за его небольшой рост и издевалась над самим самодержцем Мануилом за то, что он мог считать ее столько простой и глупой, что она оставит славного и знаменитого родом героя Андроника и отдастся человеку, который происходит от незнатного рода и если стал известен, то разве вчера или третьего дня. Тогда Константин, увидев, что Эроты Филиппы пренебрегают им и направляют свой полет к другому, бросают яблоки и предносят факелы Андронику, удаляется оттуда. Прибыв в Тарс, он вступил в войну с враждебными римлянам армянами; но когда неприятели напали на него всей массой, он был взят в плен и заключен в оковы. Царь освободил его, дав значительный выкуп. Между тем Андроник, страшась угроз Мануила и опасаясь, как бы его не задержали и как

* Титул севаста (σεβαςὸς) принадлежал прежде одним императорам. Никифор Вотаниат в первый раз украсил этим титулом и неимператора Алексея Комнина. В чем состояло достоинство севаста — неизвестно. Алексей Комнин, сделавшись императором, к достоинству севастов присоединил еще пансевастов, паниперсевастов и проч. Uid. Ducang. Glossar. Pp. 1339—1341.

бы из объятий Филиппы не попасть ему в прежнюю тюрьму и не подвергнуться долговременному страданию, ушел из Антиохии и отправился в Иерусалим, вспомнив, как кошка о мясе, о прежних своих побегах и занявшись прежними проделками. А как он на все в жизни смотрел безразлично и, до безумия любя женщин, без разбора, как конь, удовлетворял свои похоти, то и здесь вступает в преступную плотскую связь с Феодорой. Это была дочь его старшего двоюродного брата, т. е. севастократора Исаака, родного брата царя Мануила, которая недавно лишилась своего мужа, незадолго перед тем управлявшего Палестиной,— славного Балдуина, родом итальянца. Царь Мануил, получив этот новый удар, изобретал и употреблял всевозможные средства, как бы поймать Андроника в свои сети. С этой целью он послал к правителям Келесирии написанную красными чернилами грамоту, поручая им задержать Андроника, как злоумышленника и кровосмесника, и лишить его зрения. И верно глаза Андроника обагрились бы кровью и щеки его покрылись бы бледностью в узах и заключении, или даже он крестился бы кровавой смертью, если бы та грамота, писанная царской краской, попала в руки других. Но, видно, Бог хранил его на день гнева и берег для тех будущих зол, которые он и несправедливо причинил своим подданным, когда тиранствовал над римлянами, и которым сам впоследствии безжалостно подвергся,— та грамота отдана была в руки Феодоры. Феодора, прочитав ее и узнав, что готовится Андронику, тотчас же передает ему эту хартию. Андроник понял, что ему нельзя долее оставаться здесь, но надобно поспешно уходить; им овладел страх, и он стал готовиться к побегу. Но, как человек хитрый и лукавый, он к тому же совращает и Феодору; и как некогда Зевс, отвлекши Европу от круга девушек, унес ее на своем хребте, преобразившись в прекрасного быка, так и он, отдалив эту женщину от ее домашних и упросив недалеко пройтись с ним, чтобы проводить его и проститься с ним перед отъездом, волей-неволей увел ее и заставил вместе с собой странствовать. Переходя из страны в страну, он в своем продолжительном странствии перебывал у разных правителей и властителей и везде, где останавливался, принимаем был с почетом и уважением, находил самое роскошное угощение и получал богатые подарки. Наконец, после долгого странствования, он останавливается у Салтуха, который владел Колонией* и пограничными с ней местами и собирал дань с областей, смежных и сопредельных с Халдеей. Здесь-то, живя вместе с Феодорой и с двумя прижитыми от нее детьми, Алексеем и Ириной, и еще с сыном Иоанном, который у него родился от прежнего законного брака и которого он увез с собой из Византии, оставался он до самого возвращения своего к императору Мануилу — событие, о котором мы скажем в истории в свое время и в приличном месте, для того чтобы представить и последующие деяния Андроника, и свой рассказ о них в связи и совокупности. Много раз и часто Мануил покушался поймать Андроника и старался погубить его, но все его попытки оставались безуспешными. Долго странствовавший и много перенесший Андроник без труда отклонял от себя все удары и, легко избегая сетей, которые часто ему расставлялись и перед ним раскидывались, оставался неуловимым.

6. Теперь нельзя пройти молчанием следующего обстоятельства. Большая часть государей бывают крайне боязливы и чрезвычайно подозрительны, и, подобно смерти, хаосу и эреву, находят удовольствие в умерщвлении людей благородных и в погибели всякого человека, высокого и великого.

* Город в Каппадокии, на границах Малой Армении.

Они совершенно походят на высокие сосны, вверху покрытые зеленью. Как эти сосны и при небольшом веянии ветра колеблют и шелестят иглами ветвей своих, так точно и они и человека, знаменитого богатством, подозревают и отличного мужеством боятся. Будет ли кто красив собой, как статуя, прославится ли кто столько красноречием, что достоин быть предводителем муз, явится ли кто с любезным и милым характером — все это не дает венценосцам спать и покоиться, но отнимает у них сон, отравляет их удовольствия, лишает их радостей и не позволяет ни о чем думать. Они и самую природу-создательницу порицают за то, что она образовала и других людей способными царствовать, а не их первых и последних создала прекраснейшими людьми. Таким образом, они часто идут вопреки воле Провидения и часто восстают против Бога, истребляя из среды людей и закалая, как жертву, всякого человека отличного. И все это для того, чтобы им можно было спокойно тратить и, как отцовское наследство, расточать государственные доходы единственно на свои прихоти, чтобы с людьми свободными можно было поступать как с рабами и с теми, которые иногда достойнее их царствовать, обращаться как с невольниками. Облеченные властью, они совершенно теряют здравый разум и глупо забывают то, что было за три дня. Так было и с Мануилом. Он ни в чем не мог обвинять протостратора Алексея, так как Алексей ничем решительно не огорчил и не обеспокоил его, ни насколько не изменил должной верности и расположенности и вполне заслужил полученные от него благодеяния. Тем не менее, увлекшись, как человек, наговорами нескольких негодных людей, он по одному лишь подозрению, оттого, что видел, что Алексея любят и военачальники и солдаты, что он ко всем щедр и великодушен, а может быть, и потому, что втайне сгорал желанием воспользоваться его богатством,

во время пребывания своего в Сардике захватывает Алексея еще прежде наступления рассвета, когда тот еще почивал на ложе вместе со своей супругой, и не только лишает его всего имущества, но и постригает в монахи и заключает в одном из монастырей на горе Папикии*. А чтобы этот поступок царя не оставался с его стороны без всякого предлога, не казался явной и гнусной несправедливостью — наготове были доносчики-клеветники, послушные тем, от кого были подставлены. Они обвиняли Алексея в колдовстве против царя, уж, конечно, столько сильном и действительном, что оно делало человека летающим и совершенно невидимым для того, на кого он вздумал бы напасть с мечом в руках, и в других пошлых и для здравых ушей несносных нелепостях, подобных тем, которые некогда выдумали и возвели на Персея эллины. Главным между клеветниками был, как говорили, некто Аарон Исаак, родом коринфянин, отлично изучивший латинский язык в то время, как вместе с другими соотечественниками отведен был пленником в Сицилию, и состоявший теперь при царе толмачом этого языка. Жена Алексея — дочь порфирородного Алексея, перворродного между братьями Мануила, любившая своего мужа и ценившая целомудрие как ни одна из женщин, красавица и светлое украшение женщин в своем царском роде, любимый предмет разговора у всех — порывалась было лишить себя жизни. Но когда это ей не удалось, она припала к ногам дяди и царя и, рыдая сильнее и жалостнее орла, печальнее змеи и болезненнее алкиона, умоляла его возвратить ей мужа, свидетельствуясь Богом и всем, что есть страшного и святого у людей благочестивых, что ее муж верный слу-

* Это гора близ реки Стримона, как видно из описания Киннама (цар. Мануила кн. 6. 6), и след. в Македонии.

га царю и совершенно невинен. Но она не могла переменить мыслей императора и уничтожить того, что у него было уже определено и решено, хотя и до слез тронула его своим печальным видом, умоляющими телодвижениями и жалобными словами. С тех пор, проводя жизнь в слезах, она, подобно целомудренной горлице, ворковала по своей прежней доле и, поднимая жалобный крик, оплакивала свое одиночество. От этого-то, поглощенная чрезмерной скорбью, она сошла с ума и, истаивая мало-помалу, наконец совсем увяла, оставив по себе двух сыновей. А Алексей, облекшись в черную мантию, находил для себя утешение в Божественной любви, стремясь к высочайшему благу и, подобно орлу, парящему под облаками, презирая все земное. Когда он был окружен большим богатством и наслаждался мирскими удовольствиями, он был большой охотник до мясной пищи, любил лакомые блюда и роскошные пиры, так что даже в постные дни, т. е. в среду и пятницу, ему подавали мясную пищу, если в эти дни случался праздник господский или совершалась память славного мученика или какого-нибудь слуги Христова. А теперь он употреблял пищу из зелени, питался плодами, с наслаждением ел кушанья самые простые, любил и совсем ничего не есть и только изредка, в дни праздничные, с особым удовольствием употреблял пищу рыбную. При этом, вспоминая о прежних изысканных кушаньях и об искусном приготовлении мяса, он все, что говорят люди прожорливые и любящие есть мясо, ссылаясь на то, что они не могут воздерживаться, называл притворством чрева и обманом сластолюбия. «Всякого рода пища,— говорил он,— может поддерживать наше тело и способствовать к его благосостоянию».

Что же любезная богиня правосудия? Ужели она, многоногая и многорукая, остроглазая и всевидящая, наделенная ушами чуть не до пят, ужели или не замечает, или не

обращает внимания, или и совсем оставляет без наказания бесстыдные клеветы и обвинения, взносимые на честных людей? О нет! Она и теперь показала, что видит все, что совершается в самом отдаленном уголке земли, и слышит все, что говорится шепотом. Разгневалась ли она и на царя за его беззаконный поступок, об этом теперь не время говорить. Во всяком случае, Мануилу, как человеку умному и образованному, а не безграмотному, не следовало слишком много беспокоиться буквой А и заключать по ней, что Алексей будет его преемником и отнимет у него власть. Напротив, ему надлежало предоставить бразды правления Тому, Который говорит о себе, что Он есть А и ω, и начало и конец, как об этом учит евангелист Иоанн Богослов в Апокалипсисе; ибо у Бога нет недостатка в А. (7). Что же касается клеветников, они не избежали мщения правосудия: каждому из них оно назначило своего рода наказание, а Аарона подвергло особенно тяжкой казни, опутав его собственными его сетями. Спустя немного времени дознано было, что он занимается волшебством; у него было открыто изображение черепахи, вмещавшей в себе человеческую фигуру, у которой обе ноги были в кандалах, а грудь насквозь пронзена гвоздем. Кроме того, он уличен в перелистывании книги Соломоновой, а раскрытие и чтение этой книги вызывает и собирает легионы демонов, которые беспрестанно спрашивают, зачем они призваны, быстро приводят к концу данные им поручения и усердно исполняют приказания. Но не за одно это Аарон был задержан: была и другая причина. Однажды он передавал царю вести, принесенные послами, прибывшими от народов западных. Заметив, что эти вести не противны воле царя, он при одном из вопросов стал укорять послов за то, что они легко и скоро на все соглашаются, и подучал их воспротивиться предложенному теперь требованию и не так

легко и не тотчас на него соглашаться, представляя, что через это они и у царя приобретут большую дружбу, и у своих соотечественников получат больше чести. Когда разговор кончился, эти наставления и противозаконные советы Аарона, прикрытые незнакомым для царя языком, оставались ему неизвестными. Но царица, будучи родом латинянка и вполне понимавшая латинскую речь, оставшись наедине, стала перебирать в своем уме предложенные вопросы и открыла все императору. Царь, услышав об этом, сильно разгневался на Аарона, приказал ослепить его и лишить всего имущества. Этот Аарон, как человек злой и от самой природы получивший несчастную наклонность к злодеяниям, впоследствии советовал Андронику, когда тот насильно овладел властью, чтобы он не довольствовался ослеплением своих противников, но или осуждал всех на смерть, или подвергал более тяжким наказаниям. И для подтверждения своих слов указывал на свой собственный пример, говоря, что вот он и живет, и движется, и дышит, и говорит, и может быть хорошим советником и что не только руками, но и одним языком, точно так же, как и острым мечом, может отсечь голову врагу. Подавал он Андронику еще и другие глупые и бесчеловечные советы и через то побуждал этого крайне раздражительного и капризного старикашку более и более находить наслаждение в убийствах. Но эти советы и наставления принесли горький плод виновнику их Аарону: в награду за них Исаак Ангел, тот самый, который впоследствии лишил власти Андроника, отрезал у него язык, спеша истребить и уничтожить изливавшийся из него яд.

А царь Мануил гневно взглянул и справедливо вознегодовал на Сифа Склира и на Михаила Сикидита, и вследствие того приказал выколоть им глаза раскаленным железом за то, что эти два человека, под предлогом занятия астрономией, занимались на самом деле магией и другими дьявольскими обманами. Так, Склир влюбился в одну взрослую девушку и явно соблазнял ее; но, встречая с ее стороны пренебрежение и презрение, он через одну сводню посылает ей персик. Девица, положив персик за пазуху, начинает с ума сходить от любви, разгорается неистовым страстным пожеланием и наконец растлевается Склиром. Тогда родственники девушки, негодуя на такое ее унижение, стали громко кричать против Склира, как человека, который вооружает против девиц демонов и, подобно змею — первому виновнику зла, обольщает их плодом дерева и, как из Эдема, удаляет от жизни целомудренной. Вследствие этого Склир поневоле сделался несчастным супругом и с тех пор совсем уже не видел ту, на которую преступно взглянул. А Сикидит какими-то таинственными средствами омрачал и зрячих людей, не давая им видеть предметов действительных, и вводил в обман глаза зрителей, насылая целые фаланги демонов на тех, кого хотел устрашить. Так, однажды случилось ему смотреть с высокого во дворце места на море в то время, как проходила лодка, нагруженная глиняными блюдами и чашками. Обратясь к бывшим с ним зрителям, Сикидит спросил, какую бы они дали ему награду, если бы он сделал, что лодочник вдруг сойдет с ума, встанет со скамейки, бросит греблю и перебьет вдребезги всю посуду? Когда те изъявили согласие на все, чего он от них просил, хозяин лодки спустя немного времени действительно встал со своего места и, взявши в руки весло, начал колотить посуду и не прекратил этого занятия до тех пор, пока не обратил ее в прах. Смотревшие на это сверху надрывались от смеха и считали случившееся за чудо; а лодочник вскоре после того, взявшись обеими руками за бороду, горько зарыдал и, очнувшись от омрачения, стал еще более оплакивать себя как человека сумасшедше-

го. Когда же у него спрашивали, отчего он так поступил со своим товаром, он с горестью рассказывал, что в то время, как все его внимание было обращено на весла, он вдруг увидел страшного, кровавого цвета и с огненным гребнем змея, который, растянувшись над сосудами, пристально устремил на него глаза, наподобие неумолимых драконов, и собирался проглотить его; и что этот змей не прежде перестал извиваться, как когда уничтожена была вся посуда, а потом вдруг исчез из виду и как будто вылетел у него из глаз. Таков этот случай, а вот еще и другой. Однажды Сикидит, мывшись в бане, поссорился с бывшими там вместе с ним другими людьми и вышел в предбанник. Спустя немного времени, в сильном испуге и сбивая друг друга с ног, выбежали оттуда и все прочие и, едва переводя дух, рассказывали, что из крана, через который проходит горячая вода, выскочили какие-то люди чернее смолы и пинками по задним частям тела вытолкали их из бани. За эти-то и за другие, более преступные дела оба они были лишены зрения, но сами оставались в живых. Из них Сиф опять обратился к прежним занятиям, а другой, постригшись в монахи, написал впоследствии сочинение о святых таинствах, в котором изблевал, как человек, недостойный Божественных даров, все свои мерзости.

Славным также делом этого царя было и следующее. Азиатские города Хлиара, Пергам[66] и Атрамитий много страдали от персов, так как пограничные области прежде мало были заселены, обитаемы были лишь по деревням и оттого легко подвергались грабежу неприятелей. Император и эти города укрепил стенами, и открытые соседние равнины оградил крепостями. Оттого теперь эти маленькие города так славятся многочисленностью жителей и всеми удобствами к покойной жизни, что даже превосходят многие цветущие города. Возделанные поля стали приносить теперь обиль-

ные плоды, и рука вертоградаря везде насадила всякого рода плодоносные деревья, так что пустыня, скажем вместе с Давидом, преобразилась в пристанище вод и земля, прежде необитаемая, сделалась местом многолюдным. Если есть между делами, задуманными и совершенными Мануилом во все время его царствования над римлянами, если есть дела особенно великие и для государей выгодные, то, конечно, это его дело нужно признать самым славным и самым общеполезным. Да и кто, в самом деле, проходя теми местами и зная, как дика была эта страна и каких людей укрывала она,— людей, более беспощадных, чем вооруженный дубиной Перифит, более жестоких, чем сгибавший сосны Синнис и Скирон*, которых некогда умертвил Тезей,— кто не возденет к небу рук за этого императора и не пожелает ему вечного наследия в Эдеме и места злачного и покойного? Эти крепости получили и свое, приличное им название: они называются Νεοκάστρα, т. е. новые крепости, имеют своего правителя, посылаемого из Византии, и доставляют царскому казнохранилищу ежегодный доход.

* Перифит, Синнис и Скирон — это имена прославленных в древности разбойников.

Царствование Мануила Комнина

Книга 5

1. Так как пэонийцы снова нарушили свою клятву, то против них опять начинается война; и теперь эта война, на время прекратившаяся и, казалось, совсем погасшая, разрослась, как плодоносная нива счастливца богача, требующая особенно сильных жнецов. Лишь только наступило время, удобное для похода, царь отправляется в Сардику, куда приказано было собраться и войскам, назначенным в поход против пэонийцев. Войска собирались, а между тем царь слышит, что над аркой, устроенной в западной части Константиновой площади, издавна стояли две медные статуи, изображающие женщин, из которых одна называлась римлянкой, а другая венгеркой, но что теперь от все изменяющего времени статуя, получившая свое название от имени римлян, упала со своего основания, а другая стоит на прежнем месте. Подивившись этому рассказу, император тотчас приказал первую статую восстановить, а другую свергнуть и опрокинуть, полагая, что таким изменением в положении статуй он изменит и преобразует и сам ход дел, именно дела римлян возвысит, а дела

пэонийцев приведет в упадок. Когда войска собрались, царь предложил на обсуждение, следует ли ему самому участвовать в походе против пэонийцев или лучше поручить начальство над войсками какому-нибудь вождю и таким образом отомстить неприятелю. Все подали мнение, чтобы царь оставался в Сардике, предоставив главное начальство на войне вождям из своих родственников для того, чтобы, при неизвестном исходе дел, и стыд поражения был менее чувствителен, и победа была тем славнее и блистательнее, так как и то и другое случится в отсутствие императора. Вследствие этого предводителем всего войска назначается начальник флота Андроник Контостефан. Когда же войска готовились выступить из Сардики, царь, став на таком месте, откуда его легко могли слышать, произнес прекрасную, сильную и убедительную речь. Самого Контостефана он ободрял на предлежащий ему подвиг военачальника и с этой целью не только изложил правила тактики, но указал и время нападения, и роды вооружения, и виды боевого порядка. А второстепенных по нем начальников, плархов и все вообще войско воодушевлял к бою, приводя на память их прежние подвиги и убеждая примерами спешить и мужественно идти на предстоящие опасности, положить всему, при помощи Божией, счастливый конец и возвратиться с блистательными трофеями. А за то, что они так прославят его и, несмотря на его отсутствие, доставят ему победу над варварами, обещал и со своей стороны щедро наградить их. Войско и тогда, как еще говорил император, своим вниманием и молчанием показывало уже, что оно охотно слушает и с удовольствием принимает его слова. А когда он перестал говорить, оно еще яснее обнаружило свое сердечное расположение и душевный восторг и, очарованное сладостью его речей, казалось, совершенно забыло о всех тягостях, которые оставались на памяти от прежних

войн. Оно приветствовало императора восторженными восклицаниями, высказывало готовность подвизаться до последних сил и громко кричало, чтобы предводитель, нисколько не медля, вел его против врагов. Во время этого восторженного состояния войск вдруг поднимается в лагере неясный шум: кто-то из пэонийцев, гнавши изо всех сил лошадь и несшись во всю прыть, упал вместе с лошадью и повергся лицом на землю. Узнавши об этом, царь и сам обрадовался, и всем другим внушал бодрость, принимая этот случай за благоприятное предзнаменование и побуждая всех радоваться, как бы о счастливом уже окончании войны. Таким образом, царь остался на месте и молил Бога Спасителя, чтобы Он был вождем его войск, а Андроник, приняв начальство над войском, выступил оттуда со всеми силами и спустя несколько дней, переправившись через Саву и Дунай, вступил в Зевгмин. Пэонийцы, однако, не испугались этого. Созвав свои отряды, набрав немало и вспомогательного войска у соседственных народов, и даже, как слышно было, у самих алеманов, они назначили полновластным вождем над войском Дионисия, человека храброго и неоднократно уже разбивавшего неприятельские фаланги, и затем с гордой самонадеянностью и хвастовством двинулись в поход. А Дионисий, надменный прежними победами, одержанными над римлянами, лишь только услышал, что римское войско перешло Дунай, велеречиво говорил, что он опять навалит холм из костей падших на войне римлян и, как прежде, из них воздвигнет себе трофей, так как и действительно он, как варвар, сделал нечто подобное, когда победил Гавру и Врану, о чем мной уже сказано.

2. Когда наступил праздник мученика Прокопия*, Контостефан выводит войска на сражение. Сам надевши панцирь и полное вооружение, он приказывает и всем другим сделать то же. Тогда каждый вывел свой отряд и построил его в боевой порядок. Чело фаланги предводитель предоставил самому себе, правое крыло занял Андроник Лапарда, а левое — другие таксиархи, которых предводитель взял с собой на войну. В небольшом расстоянии от того и другого крыла он расположил в боевом порядке и другие фаланги для того, чтобы они могли вовремя поспеть на помощь утомленным легионам. Но между тем как Андроник располагал таким образом войско и приготовлял его к бою, вдруг является посланный от царя с грамотой, в которой предписывалось отложить сражение в этот день, как несчастный для дел воинских, и перенести его на другой, который и был назначен в той же грамоте. Взяв грамоту, предводитель положил ее к себе за пазуху, не обратил внимания на то, что в ней писалось, и не открыл бывшим с ним военачальникам полученных приказаний, но искусно ввел их в обман, заведя разговор о предметах посторонних. Отменялся же назначенный день, как предзнаменующий несчастье и решительно невыгодный для сражения, потому, что Мануил все важнейшие и величайшие дела, в которых счастливый и несчастный исход зависел от Бога,— не знаю почему,— поставлял в зависимость от взаимного соотношения звезд, от известного их положения и движения и слова астрологов принимал за изречения оракулов. Но Андроник нисколько не обратил внимания на это предписание и, зная, как много пользы не раз приносило борцу и небольшое ободрение со стороны того, кто натирает его маслом, обратился к войску, чтобы одушевить его к наступающей битве, со следующей речью: «Римляне! Помните о воинской доблести, помните и не допускайте ни одной мысли, недостойной славы и настоящего случая. Вы хорошо знаете, что и дикие звери боятся нападать и в

* Память великомученика Прокопия празднуется 8 июля.

испуге бегут, когда кто отважно наступает на них; а кто боится смело стать против них, тех легко и заживо пожирают, как лакомую пищу. Так и с этими звероподобными варварами нужно быть неустрашимым, чтобы в противном случае, заболев бесславным недугом трусости, не подвергнуться их игу: трусость не спасает, а губит,— это обыкновенное следствие пороков, которые противоположны добродетелям, хотя близки к ним и как бы смежны с ними. К тому же не мы одни подвержены ранам и смерти — и враги наши сделаны не из меди. Не они только покрыты железными бронями и сидят на быстроногих конях — и у нас все то же, и мы сражаемся не с обнаженными телами. Пусть неприятели опытны в войне, но и мы не потеряли способности сражаться. У них и у нас одно и то же устройство тела, одна и та же опытность в войне и одинаковое вооружение; я не хочу теперь говорить о том, что насколько мы превосходим варваров красноречием и образованностью, как люди искусные в слове и не имеющие недостатка в умственных способностях, настолько же выше их и по военному искусству, и по воинской дисциплине. Да мы уже и состязались в бою с пэонийцами, нападали на их землю и опустошали ее. Сразимся же и теперь с ними, как уже привыкшие к победам, и тогда,— верьте, мужи, верьте, соратники, вы увидите ваших жен и детей. Тогда этот глубокий Дунай воздвигнет гласы гибнущих варваров и поглотит их в своих пучинах, а кровавые волны его, катясь далее по странам, через которые он протекает, изумив жителей своей необычайностью, громко расскажут о поражении пэонийцев и возвестят о победе римлян. Но надобно также иметь в виду и то, что пославший нас на эту брань совершенно положился на нас и, ласкаясь приятными надеждами, которые мы внушили ему, дав обещание подвизаться до последних сил, едва ли уже не считает

пленных и не мечтает о величии победы. Не посрамим же и его да не сделаем зла и самим себе, упав духом перед лицом опасности, которая не может кончиться ничем, хуже смерти! Великие бедствия не любят отступать назад: здесь и немного уступить — значит все погубить».

3. Сказав такую речь, Андроник повел войска в открытое поле. Против него выступает со своим войском и Дионисий, с веселым лицом, с рукоплесканиями и радостью, как будто бы шел на игры. От этого он даже не знал, что ему следует теперь делать, не разделил своей армии на правое и левое крыло и не распределил ее на отряды и фаланги, но, стянув в одну сплошную массу, сомкнутую твердой стеной, наступал, как черное облако, полный дерзкого высокомерия. Его знамя, прикрепленное к толстому и высокому бревну, которое возили на колесах четыре пары волов, высоко развевалось в воздухе. Эта сплошная масса врагов, вся конная и вооруженная копьями, поистине представляла страшное, ужасающее зрелище; и не только в ней люди с ног до головы были превосходно вооружены, но и на самих лошадях видны были диадемы на голове, кожаные ремни на плечах, налобники и нагрудники, защищавшие их от стрел. Когда войска стали сближаться, ржание коней и блеск сиявшего на солнце оружия производили еще более поразительное впечатление, возбуждая страх и удивление в том и другом войске. Около полудня войска сошлись почти на середину. Время казалось благоприятным для сражения, и Контостефан дал знак ближайшим отрядам из правого и левого крыла ударить на задние ряды неприятелей, в особенности же приказывал конным лучникам непрерывно бросать стрелы. Этим он думал поколебать и расстроить сплошные фаланги пэонийцев; потому что и теперь, как в Гомеровом строю, «щит смыкался со щитом, шлем со шлемом, муж с мужем» и ло-

шади несли ровно свои головы. Тогда поднялось убийственное сражение на дротиках и войска стали волноваться, подобно движущемуся и воздымающему чешую дракону. Но Дионисий, как несокрушимая стена, шел вперед, метая дротики и в самого Контостефана, и в ближайшее к нему войско. Когда же римляне встретили его, то сначала несколько времени бой продолжался на копьях, с той и другой стороны производили нападения и давали отпоры. Потом, когда копья были поломаны и на промежутке между войсками из груды сломанных рукоятей вдруг образовалась как бы изгородь, с обеих сторон обнажили длинные мечи и, снова устремившись в бой, продолжали сражаться. Когда же и это оружие притупилось, потому что и те и другие войска закованы были в медь и железо, пэонийцы, оставшись без всяких средств к защите, никак не воображали, что римляне выдержат их новое нападение. Но римляне, схватив железные булавы, которые они обыкновенно всякий раз брали с собой на войну, стали поражать ими пэонийцев. И эти удары, наносимые в голову и лицо, были очень удачны. Многие, отуманенные ими, падали с лошадей, а другие истекали кровью от ран. Таким образом, этот несокрушимый строй был наконец разорван, и тогда не было ни одного римлянина, который бы не поражал и не повергал пэонийца, или не обирал бы поверженного, или не надевал бы на себя другого вооружения, или не садился бы на коня, убив всадника. Когда же день склонился к вечеру, послышались громкие звуки трубы, подававшей условный знак к отступлению; высоко развевавшееся на воздухе знамя Дионисия было уничтожено, в Дунай введены были транспортные суда, и войско стало переправляться на другую сторону. Причиной была молва, разнесшаяся в римском лагере и встревожившая военачальника, что пэонийцы на другой день ожидают к себе

значительное вспомогательное войско. Вследствие этого-то слуха, возникшего не совсем без основания, Андроник после счастливого окончания сражения тотчас же выступил оттуда.

Так побеждены были пэонийцы. Царь, услышав об этой блистательной победе, в радости и восторге приносит благодарение Богу и, желая известить жителей царственного города о столь радостном событии, тотчас же посылает грамоты, громко провозглашающие победу. А через несколько дней и сам с торжеством вступает в столицу, идя в триумфе от восточных ворот, которыми входили в Акрополь. Предположив совершить по этому случаю блистательный триумф как по случаю величайшего торжества и решительной победы, он приказал заготовить все для триумфального шествия в самом великолепном виде. И точно, всюду развешены были дорогие ткани, обшитые порфирой и испещренные золотом, и граждане, словно ниспадающий с высоты поток, со всех сторон стеклись на эту церемонию, покинув площади, дома, храмы, фабрики и все вообще места обширного города. Не было недостатка при этом торжестве и в отряде пленных: многие из них проходили в триумфе, занимая собой зрителей и возвышая великолепие процессии. Общее удивление возбуждали и самые подмостки, устроенные вдоль по обеим сторонам улицы, по которой должен был проходить триумф, и возвышавшиеся в два и три этажа, равно как и крыши, наполненные чрезвычайным множеством свесившихся зрителей. Когда наступило время проходить и самому императору, впереди его ехала серебреная, вызолоченная колесница, запряженная конями, белыми как хлопья снега, а на ней стояла икона Богоматери, непобедимой защитницы и неодолимой соратницы царя. И не трещала ось под этой колесницей, потому что она везла не мнимую девственницу богиню Минер-

ву*, но истинную Деву, паче слова Слово по слову родшую. Затем следовали знаменитые царские родственники, сенаторы, занимавшие государственные должности, и лица, славные своими достоинствами и почтенные особенным царским благоволением. Наконец ехал сам император, сидя на гордом коне, во всей славе и величии, облеченный во все царские украшения. А подле него ехал и виновник триумфа Контостефан, которого прославляли за победу, ублажали за счастливый бой. Вступив в великий храм и перед всем народом воздав хвалу Господу, царь отсюда направил шествие во дворец и затем, чтобы дать себе отдых после чрезмерного напряжения, стал забавляться конскими скачками.

4. И следующую весну царь посвятил также отдохновению. Когда же солнце миновало созвездие Рака и прошло созвездие Льва, когда Сириус стал мало-помалу сбавлять жар и уже печально проглядывала зима, он выступает в западные провинции и поселяется в городе Филиппа. До него дошел слух, что сербский сатрап — то был Стефан Неман[67] — сделался чересчур дерзким, что, как человек беспокойный, он с излишней заботливостью занимается тем, что до него вовсе не касается, что, питая ненасытное честолюбие и желая прибрать в тех краях все к рукам своим, он теснит своих соплеменников и мечом истребляет свой род и даже, не зная себе меры, старается захватить Хорватию и присвоить себе власть над Каттарами. Поэтому, желая на самом деле удостовериться в намерениях Неемана, император посылает с войском Феодора Падиата. Но у топарха Неемана столько было вражды и гордости, что он тотчас же начал войну и, не объявляя о ней, напал на римлян. Когда же

* Указание на Илиаду (V, 835), где говорится, что, когда Минерва вступила на Диомедову колесницу, громко затрещала ось под ее тяжестью.

царь положил наказать его, он, показавшись ненадолго на поле битвы, скрылся и снова искал себе убежище в горах и спасения на утесах. Затем, мало-помалу смиряясь и уменьшая прежнюю гордость, он наконец преклонил свою голову к ногам императора, растянувшись во всю длину своего огромного роста, и молил о помиловании. Он опасался, как бы ему не лишиться владычества над сербами и как бы его власть не перешла к другим, которые более его достойны начальствовать и которых он низверг, после того как сам сделался верховным правителем. Вообще, император так легко управлялся с этим человеком и так легко заставлял его обратиться к прежней покорности, когда замечал, что он уклоняется от прямого пути и смотрит человеком независимым, или предается на сторону короля алеманнов, или пристает к гуннам и вместе с ними выходит на добычу,— как не управляется и пастух с небольшим стадом. А Нееман так боялся его, как не боятся и дикие звери своего царя — льва. Часто император с одной даже конницей и со своей охранной стражей оставлял римские пределы и, лишь только устремлялся против него, тотчас же изменял положение тамошних дел согласно со своим желанием.

Что же потом? Полюбился Мануилу дальний поход. Услышав о необыкновенном плодородии Египта и о всем, что производит Нил, этот податель плодов и обильной жатвы, локтями измеряющий благополучие*, он решил положить на море руку свою и на реках десницу свою, чтобы увидеть собственными глазами и осязать руками те блага египетские,

* Очевидное указание на разлитие Нила, которое измеряется локтями и от которого зависит урожай или неурожай в Египте. По словам Плиния, самая лучшая мера возвышения воды в Ниле — 16 локтей. При 12 локтях бывает голод, при 13 — недостаток, 14 развеселяют, 15 обеспечивают, а 16 производят общую радость. Hofm. Lex. Univers. Tom. 3. P. 326.

в которые влюбился по слуху. И это замыслил он, не обращая внимания на то, что все по соседству с ним было еще в волнении, и, хотя эти волнения подавлялись и погашались, но не уничтожались и не прекращались, а, подобно гидре, вновь возникали. А побудило его к тому неуместное славолюбие и желание сравняться со знаменитыми царями, которых владения некогда простирались не от моря только и до моря, но от пределов восточных до столпов западных. Сообщив о своем намерении иерусалимскому королю Америгу* и не встретив с его стороны неодобрения своему замыслу, а напротив получив даже обещание, что он будет помогать ему в этом предприятии, царь снаряжает против Тамиафа** огромный флот более чем в двести длинных кораблей, в числе которых десять пришли из Епидамна, а шесть, и все быстрых на ходу, поставлены были евбейцами. Назначив главным начальником над всеми кораблями великого вождя Андроника Контостефана, он шестьдесят триир поручил Феодору Маврозуму и выслал его к королю с тем, чтобы предуведомить его о скором прибытии остального флота и самого Контостефана, побудить его к скорейшему заготовлению всего нужного для похода, а вместе с тем препроводить к нему и жалованье иерусалимским всадникам, которые предполагали вместе с королем идти в поход на египтян, против которых собран был и римский флот[68]. А спустя немного времени, именно в восьмой день месяца июля, выступает и сам Контостефан. Приплыв к Меливоту и здесь получив от царя, прибывшего осмотреть флот, нужные относительно своего дела наставления, он спустя два дня выходит в море, приезжает в Килы, находящиеся около Систа и Авида, и сажает на

* Америг — Альмарих I, король Иерусалима.

** Это город Дамиетта на западном берегу Нила.

трииры назначенное ему войско, составленное из римских и иноземных отрядов. А отсюда, когда подул благоприятный и попутный ветер, он, отвязав причалы и распустив паруса, направил путь к Кипру. На этом пути встретив шесть кораблей, высланных египетским эмиром для наблюдения, он два из них взял, а остальные, которые и плыли не близко от него, ускорив бег, ушли.

5. Пристав к Кипру, Контостефан доносит о своем прибытии королю и спрашивает у него, угодно ли будет ему самому прибыть на Кипр, или он должен отправиться в Иерусалим. Между тем король, подобно Епиметею*, который, говорят, думал о деле не прежде, но после дела, крайне жалел, что дал согласие непременно помогать царю, и даже подстрекнул его, когда он замышлял поход против египтян. Поэтому он медлил и не раз обдумывал, что ему делать. Наконец он приглашает Андроника прибыть в Иерусалим, чтобы здесь вместе рассмотреть, как им действовать общими силами. Контостефан прибыл в Палестину, но Америг опять стал медлить, и овладевшее им сильное раскаяние смущало его душу. Он представлял много и других пустых извинений, но, между прочим, ссылался также и на сбор своего войска. Андроник огорчался этим уже и потому, что таким образом напрасно проходило благоприятное время, которого ничем нельзя было воротить. Но особенно его беспокоила напрасная трата продовольствия на морской экипаж, так как царь назначил флоту содержание на три месяца, начиная с месяца августа,— а тогда был на исходе сентябрь. Когда же решено было выступить в путь, король предпочел сухопутную дорогу морской и советовал также поступить и Андронику. Он говорил, что эта дорога гораздо удобнее и безопаснее и что

* Епиметей — брат Прометея.

в то же время, идя этим путем, они легко и мимоходом овладеют Тунием и Тенесием — небольшими крепостями, признающими над собой власть египетского эмира. Это крепости легкодоступные, и в них нетрудно проникнуть; они лежат на плоской равнине, и их жители большей частью исповедуют имя Христово. Андроник согласился с благоразумными представлениями короля и отправился той дорогой, которую он избрал. Благополучно совершив промежуточный путь, они напали на крепости, о которых мы сказали, и, овладев ими без боя,— так как в них не было ни значительного гарнизона, ни войска, достаточного для вступления в борьбу с неприятелями,— продолжали путь далее. Соединившись с флотом, который уже сложил весла и стоял у Тамиафа на якоре, они имели здесь стычку с сарацинами, которые тотчас же высыпали из города и явились перед ними с оружием. Но римляне своим неустрашимым сопротивлением привели их в такой ужас и смятение, что они с криком и шумом в беспорядке убежали в ворота и не могли даже прямо взглянуть на римлян. Это было в тот самый день, когда и трииры вошли в Нил, и король прибыл сухим путем. На следующий день сарацины опять собрались в намерении сразиться с римлянами на неровном и несколько покатом к стене поле, которое находилось перед городом. Но и теперь они не устояли против римлян. Они обыкновенно держались от ворот на расстоянии сколько можно близком, никогда не удаляясь от передовых укреплений, и тут сражались. А как только римляне нападали на них, они, чтобы не потерпеть урона, предавались бегству и уходили в ворота, не осмеливаясь прямо вести на врагов свою фалангу. Такой образ войны, очевидно, направлен был единственно к тому, чтобы римляне вдались в обман и, обольщаясь несбыточными надеждами, напрасно потратили время. Поэтому спустя несколько

времени Андроник придвинул осадные машины и стал ими разбивать стену. Это было не без труда и опасности, потому что варвары поражали сверху и не допускали до работы тех, которые пытались привести машины в действие, сыпали на них стрелы гуще снега и изобретали разные средства к спасению стены. При всем том он успел разрушить верхнюю часть стены, на которой сооружен был знаменитый храм, посвященный Богоматери. Жители города рассказывали, что тут остановилась и жила Матерь-Дева с Иосифом-обручником в то время, как они бежали в Египет, укрываясь от детоубийцы Ирода. Поэтому сарацины смеялись над римлянами и осыпали ругательствами Андроника за то, что он не пощадил храма, в котором христиане, собираясь, совершают свои таинства, возносят молитвы и воспевают благодарственные песни. Но так как и при этом Андроник не достигал того, что имел в виду, то решился испытать заключившихся внутри города сильнейшим приступом. Придя к королю для совещания, он настоятельно убеждал и его вывести войско, обложить всю стену и, если дело пойдет удачно, воспользоваться лестницами и влезть наверх. Король одобрял слова Андроника и боготворил его за мудрые планы, но, клянясь гробом Христовым, утверждал и уверял, что приступит к делу только тогда, когда будут построены и придвинуты к стенам деревянные башни. И объявив это, он приказал рубить пальмы, росшие около города, и выравнивать их в вышину башен. И точно, повалились высокие, покрытые вверху листьями, пальмы, опустошались рощи дерев, и весь лес истреблялся; но ни отделка брусьев для башен, ни их связь и полное устройство нигде не приходили к концу. Король тянул делом, постоянно откладывая его на завтра и не исполняя того, что было решено. Видя это, Андроник скорбел, что ему только и оставалось, и сожалел о войске. Оно уже терпе-

ло недостаток в съестных припасах и подвергалось опасности умереть с голоду. У одних не было и овола на покупку необходимого для жизни, а другие негодовали на то, что, не имея собственного рынка, они за большие деньги, платимые королевским поставщикам, получали мало съестных припасов. К тому же войско жаловалось и роптало оттого, что условленное время похода давно прошло. Но больше всего оно тяготилось напрасной и бесполезной осадой, продолжавшейся более пятидесяти дней.

6. Андроник, не имея возможности предпринять что-либо, так как царские грамоты решительно ничего не дозволяли ему начинать без одобрения короля, оставался в бездействии и ожидал приказаний от короля. Но с течением времени он понял из его действий, что этот человек не замышляет ничего доброго и хорошего, что он отнюдь не помогает и не содействует ему. Он увидел, что войско находится в опасности испытать тяжкие и безвыходные бедствия, потому что голод усиливается и страшно свирепствует, так что некоторые принялись за негодную к употреблению пищу, а все вообще ели корни, срывали с пальмы листья и, сварив их, приготовляли для себя стол. Недобрые к тому же присоединялись и вести, именно, что к осаждаемым скоро придет вспомогательное войско от египетского султана и от восточных арабов и что близка уже огромная ассирийская конница, нанятая за большую цену. Вследствие всего этого Андроник не стал более говорить на ухо мертвому, пренебрег латинской спесью и решился один выступить на состязание и испытать жребий войны. Собрав войско, он сказал: «И здесь долго оставаться невыносимо тяжело, и возвращаться отсюда с пустыми руками крайне стыдно, не нанесши никакого поражения тем, против которых мы пришли. Но хуже того и другого и дело явно безумное — повиноваться человеку, ко-

торый не только ни в чем не сочувствует римлянам, но и расположен к ним не лучше врагов. Не видите ли, что король, наш соратник и союзник, поставив свой лагерь вдали от нашего, отнюдь не выходит оттуда, как будто бы он был приглашен нами на праздничное отдохновение и в зрители, а не для того, чтобы сражаться? Не так ли поступают и наши враги, когда избегают битвы и не выходят из-за ворот для сражения? Поэтому я начинаю теперь бояться не того, что мы уйдем отсюда, не сделав ничего хорошего, но того, как бы не лишиться возможности спасти наши души. И не о том дума и забота теперь у меня, чтобы с нами сражался король, но о том, как бы избежать его козней, потому что он уже не таит и не скрывает своих тайных замыслов, как бы отвратить угрожающую опасность и уйти отсюда, не испытав несчастья. Быть может, у египтян изобретены теперь и новые составы, которые сильнее прежних и могут не только утешать печали и врачевать раны души нежданными восторгами, каков был некогда состав, прогоняющий печаль и наводящий забвение всех зол, который дала Елене жена Фона[69], но и людей воинственных могут делать женоподобными и не помнящими мужества. И может быть, с таким-то составом чашу египтяне предложили Америгу, и он, очарованный, как нужно полагать, напитком и упившись им до опьянения, погрузился в глубокий и долгий сон. И вот щит у него на гвозде, меч спит в ножнах, копье воткнуто острием в землю. Или если не это, так он отравлен серебром и оттого переменил свои мысли; уши у него заложены золотом, и он, ласкаемый приятным его щекотанием, превратился в глухого. Пропал теперь договор о вспомоществовании римлянам, который он заключил с царем, чтя его одними лишь устами, а сердцем будучи далек от него. А мы окружены столькими бедствиями и умираем от войны и от голода; слава римлян

в нас погибает, и блистательные подвиги померкли. Лучше бы нам было не войти в здешние пристани, переплыв безбрежные и беспредельные моря, чем уходить отсюда, ничего не сделав. Ведь теперь придется нам окрылить корабли не белыми парусами, с какими мы приплыли из Византии, а совсем черными, ради мрачности нашего позора. Но, соплеменники и соратники, и вы все, присутствующие здесь иноземцы,— отделимся от палестинских всадников, этих гордых и высокомерных людей, оказавшихся неверными римлянам, и нападем на варваров; сделаем приступ к стенам, будем сражаться так, как будто бы мы состязались друг с другом из-за овладения этим городом, и употребим все усилия, как будто бы уже в руках у нас было его богатство. Если стена служит варварам оплотом и они сверху бросают все, чем можно оборониться, то и у нас есть щиты, которые не легко поднимаются мужами,— они больше знаменитого щита Аяксова, сделанного из семи бычачьих кож, и выставляются вперед как башни-щиты, которых не только не прорвешь стрелами и не рассечешь мечами, но и не сокрушишь всеми снарядами, какие только бросаются из машин. Противопоставив их, как крепкую ограду, мы немного будем думать о стене и о тех, которые с высоты ее сражаются. Итак, если хотите исполнить долг, то следуйте теперь за мной, потому что и сам я вместе с вами охотно подвергнусь всему, что ни будет. Я не попущу, чтобы мог кто-нибудь сказать, что Андроник — большой мастер увлекать словами и возбуждать мужество, но вождь робкий и не умеющий отразить врага. Нет, впереди вас враги увидят чело моего шлема. И сражаясь, как и следует, впереди, я буду вашим вождем и назади, если и этого потребуют обстоятельства. Бог же да совершит наши намерения и да обратит все беды на главу тех, которых страну мы опустошаем».

7. Сказав это, он и сам вооружился, и все прочие, оставив собрание, облеклись во всеоружие. Около третьего часа дня полки стали выступать, и Андроник, поднявшись с места, в стройном порядке повел их вперед, идя сам отдельно впереди всего войска. А сарацины, обложив ворота замками и запорами и выставив для защиты их какие-то машины, стоя на стенах, всякого рода оружием отбивали нападающих так, что по всему пространству на полет стрелы не было проходу от снарядов, бросаемых из-за стенных брустверов, и от стрел, пускаемых из луков. Несмотря, однако же, на такую оборону со стороны бывших в городе, и сам Андроник, понудив коня, направлял копье на ворота, и стрельцы, да и все вообще выказывали мужество. Трубы непрестанно звучали, призывая к бою, кимвалы гремели, так что находившиеся на стенах и башнях были приведены в ужас общим нападением и приступом римлян и действием разнородных орудий. Но между тем, как уже придвигались во многих местах и приставлялись к стене лестницы, весть об этом событии доходит до короля и жестоко поражает его. Словно сам потерпев какое-либо тяжкое и невознаградимое несчастье или как пораженный молнией, он довольно долго оставался нем. Наконец, едва оправившись от потрясения, он потребовал коня, вскочил на него, явился перед римским войском со своими отборными полками и, остановив всех нападающих, убеждал их не сражаться с людьми, которые давно объявили ему, что без кровопролития сдадут и себя, и город царю. Это слово, подобно рыбе гнюсу, связало руки у римлян и остановило их, когда они уже были близки к тому, чтобы овладеть городом. Сам же король, вступив в переговоры, заключил мир, более выгодный для потомков Агари, чем славный для римлян. Но солдаты не обратили нисколько внимания на то, каковы условия этого мира, но при одном слухе о нем, вспом-

нив о возвращении на родину, самим делом показали, что необузданность моряков хуже огня, и тотчас уничтожили в лагерях всякий порядок. Без приказания полководца они сожгли осадные машины, сложили с себя большую часть оружия, взялись за весла, устремили взоры на неизмеримое море, с каким-то неистовством бросались на корабли и не помышляли о зимнем и неудобном для плавания времени — тогда был четвертый день декабря. Теперь можно было видеть, как этот многокорабельный флот зараз входил в пристань и как опять из нее выходил, разделившись на тысячи частей, потому что одни хотели плыть в одну сторону, другие — в другую, и все направляли корабли к своей родине, так что в пристани едва еще осталось шесть триир, которые должны были перевести Андроника. Но он отправился вместе с королем в Иерусалим, взял здесь надлежащий конвой и через Иконию прибыл в Византию. А из того множества кораблей одни, встретив противные ветры, потонули вместе с людьми, а другие, рассеянные морским волнением, лишь с наступлением весны были введены в городские гавани. Немало кораблей и совсем были покинуты своими пассажирами, как скоро они достигли суши, и, подобно хароновым ладьям, предоставлены произволу непостоянных волн. Вообще, немногие из них уцелели, спасшись и от волнения морского, и от нерадения мореплавателей. Что же касается сарацин, они, как оказалось, устрашились нашествия на них римлян и, желая на будущее время отвратить их плавания, отправили к царю послов, послали высоко ценимые у них дары и утвердили мир.

8. Когда царица уже страдала и была близка к родам, для нее убрали покои и тщательно приготовили все, что нужно для рождения младенца и принятия матери; а когда Илифии приступили к родильнице, ее поместили в пор-

фировой комнате. Тут находился и царь; беспокоясь о своей супруге, он своим присутствием облегчал ее страдания, но более всего обращал взоры на того, кто наблюдал звезды и смотрел на небо. Когда же младенец вышел из утробы, и то был мальчик, а наука объявила, что он будет счастлив, благополучен и наследует отцовскую власть, тогда принесены были Богу благодарственные молитвы и весь народ рукоплескал и ликовал. Чтобы возвысить торжественность дня рождения и наречения младенца, Мануил, по обыкновению римских царей, позвал на пиршество почетнейших граждан с масличными ветвями и наименовал младенца Алексеем. Он избрал это имя не просто и не по желанию почтить дитя именем прадеда, но имея в виду предсказание, сделанное по поводу вопроса о том, сколько продолжится ряд царей из фамилии Алексея Комнина. Предсказание же состояло в слове αἷμα, которое, когда его разделяли на части и читали по буквам, ясно обозначало буквой А — Алексея, буквой И — Иоанна, двумя же последующими — Мануила и того, кто примет власть после него. Когда дитя стало подрастать и, подобно цветущему и сочному растению, подниматься, царь переменил свое прежнее намерение и присягу, которая прежде дана была дочери Марии и ее жениху, пэонийцу Алексею, перенес на сына. По этому поводу и сам царь, и тот, кому присягали, и все дававшие присягу собирались в великом и славном храме Богоматери во Влахернах. Передав, как полагал, через совершение присяги скипетр сыну, царь спустя немного времени разлучает дочь свою с ее женихом Алексеем и обручает его на родной сестре жены своей, незадолго перед тем прибывшей из Антиохии с братом Балдуином. Между тем около этого времени венгерский король умер. Мануил, считая его смерть счастливым случаем, тотчас же посылает Алексея с блистательной свитой и

огромным царским багажом принять власть над Пэонией и царствовать над своими единоплеменниками. И Алексей без труда надел на себя королевскую корону и без всякого сопротивления стал господствовать над всем народом. А царь начал опять ревностно отыскивать мужа своей дочери. Не обращая нисколько внимания на знаменитых по роду римлян, он старался узнать о владетелях других народов, кто из них не женат и у кого есть сыновья, которые по смерти родителей наследуют отцовскую власть. Преимущество перед всеми оказалось на стороне Вильгельма, владетеля Сицилии. Поэтому царь стал посылать к нему одного за другим послов, на что и тот, желая этого брака, отвечал со своей стороны непрерывными посольствами, так что довольно долго шли пустые переговоры об условиях брака. Но расположение царя к этому супружеству и с самого начала было нерешительное, мысли его колебались и подвергались многим переменам и превращениям; а наконец он и совсем отступил от своего намерения, признав супружество с сицилийским королем невыгодным для римлян. Таким образом, девица-царевна, хотя была сватана многими женихами, но, подобно Агамемновой Илектре, долго грустила в одиночестве среди царских чертогов и, высокая ростом, как водяная тополь, тосковала по брачному ложу. Однако же, после долгих размышлений со стороны царя, она наконец вышла замуж за одного из сыновей маркиза монферратского, юношу, красивого с лица и очень миловидного, с прекрасными светло-русыми волосами и еще безбородого, тогда как ей самой было уже за тридцать лет и она владела мужской силой.

9. Достигши этого места истории, я присоединю к сказанному и следующее. Есть на западе один морской залив, называемый Адриатическим; находясь вдали от моря Сицилийского и составляя как бы рукав Ионийского, он лежит отдельно и сильно волнуется при северном ветре. В самом дальнем его углублении живут енеты, которых иные, по свойству языка, называют и венетиками,— люди, взросшие на море, скитальцы-промышленники, подобно финикиянам, одаренные хитрым умом. Принятые некогда римлянами по нужде в людях, способных к морской войне, они целыми толпами и семьями променяли свой отечественный город на Константинополь, а отсюда рассеялись и по всем римским областям. Удерживая за собой только свое родовое имя, а во всем прочем породнившись с римлянами и сделавшись для них своими, они размножились и усилились, приобрели огромное богатство и стали выказывать гордость и дерзость, так что не только враждовали с римлянами, но не обращали внимания и на царские угрозы и повеления. Поэтому царь переменил свое к ним расположение и, частью вспоминая о Керкирском оскорблении, частью вновь узнавая то о том их наглом поступке, то о другом, еще худшем преступлении, раздражавшем его душу, взволновался гневом, как бурное и неукротимое море, когда дует северо-восточный или северный ветер. И как их наглости, по его мнению, превзошли всякое терпение, то разосланы были по всей Римской империи грамоты, в которых повелевалось задержать венециан и назначался день, в который должно было сделать это, а равно и конфисковать их имущество. В назначенный день действительно все они были схвачены, а их имущество частью отовсюду было внесено в царскую сокровищехранительницу, большей же частью присвоено себе местными начальниками. Между тем венециане, жившие в столице и преимущественно неженатые, задумали бежать, и, так как в городской пристани стоял трехпарусный корабль, вместительнее и более которого, говорят, не было никогда в пристани, то они ночью взошли на него, подняли якоря и, распустив пару-

са, ушли. За ними погнались суда, снабженные горючими веществами, и царские трииры, наполненные людьми, носящими на плечах заостренные с одной стороны секиры. Хотя эти суда и приблизились к кораблю, но не могли ничего сделать уже и потому, что ветер нес корабль так, что он, казалось, летел, а не плыл; главным же образом они должны были отказаться от своего предприятия по причине огромной высоты корабля и отчаянной решимости пловцов. Тогда венецианцы поплыли прямо в свое отечество Венецию; на следующий же год, снарядив большой флот, стали нападать на острова. Приплыв к Евбее, они осадили Еврип и, успев овладеть одной его частью, подожгли здания, а с наступлением весны ушли отсюда и пристали к острову Хиосу[70]. Узнав об этом, царь Мануил высылает великого вождя Андроника Контостефана с триирами, числом около ста пятидесяти, потому что и венецианский флот был не слабее числом, да и в других отношениях снаряжен был с особенной заботливостью и весьма тщательно. Приготовившись к великой борьбе и имея противниками римлян, венециане во всех отношениях хорошо вооружились и привели с собой немало союзных кораблей, прибывших к ним из славянской земли. Но при первом слухе об отплытии римских кораблей, они оробели, взялись все за весла и стали думать о бегстве. Оставив Хиос, они переходили к другим островам, потом уходили и отсюда и, всегда убегая, приплывали к третьим, так что и сами они утруждались этой переменой островов, и римляне досадовали, что им не удавался их поход и что они не могли сразиться с венецианами. Дошедши до самой Малеи, Андроник увидел, что он преследует то, чего, очевидно, никак нельзя достичь, что он гонится за кораблем аргонавтов и потому, повернув корму, прибыл в городскую гавань. А венециане, видя, что силой оружия они не могут с успехом защищать

себя, заключили договор с сицилийским королем, чтобы через то увеличить свои средства к обороне и иметь себе помощника в случае, если римляне нападут на них. Царь не оставил без внимания слухов об этом. Он знал, что и ничтожное обстоятельство, случайно встретившись, часто производило перемену во многих делах и порождало неизмеримые бедствия, и потому решился возобновить прежний союз с венецианами. Он старался было сколько мог уничтожить их договор с королем сицилийским, но как они не соглашались на это, то и без этого принял их и, когда они обратились к нему с просьбой, даровал им прощение и дружбу. Восстановив все права, которыми они пользовались прежде как граждане, во всем равные с римлянами, он не отказался отдать им и ту часть их имущества, которая внесена была в царское казнохранилище, но они, как купцы, имея в виду выгоду и удобство как для себя, так и для царя, придумали нечто умное и дельное: отказавшись от обратного получения своего имущества, они единодушно согласились взять за все утраченное ими имущество пятнадцать центенариев золота. Эта сумма и была им уплачена, но не вдруг, а в несколько разновременных выдач.

Царствование Мануила Комнина

Книга 6

1. Таким образом, и это дело у царя Мануила кончилось. Наше же повествование пусть идет далее и рассказывает о последующих событиях сообразно со временем и значением каждого из них. Так как султан не хотел остаться в покое, признав раз и навсегда постоянные набеги на римские пределы делом, полезным для себя и вполне выгодным для турков, то царь и еще раз выступает против него. Очень часто, впрочем, царь и сам не давал покоя персидскому государю, но дразнил и сердил его, словно спящего дикого зверя, поднимал его с ложа и вызывал на бой. И ни условные прекращения военных действий, ни перемирия во время битвы, ни союзы и договоры, ни переговоры и отправления послов не задерживали и не останавливали их нападений друг на друга. Оба они были горячи и падки на войну, а потому иногда и по незначительной причине нападали друг на друга. Для них было делом особенно любезным надевать всеоружие, собирать полки, водить их в бой и сражаться. Отличались же они друг от друга тем, что султан всегда был как-то

предусмотрителен и рассудителен, действовал обдуманно и давал битвы осторожно, посредством своих военачальников; его никогда не видели стоящим во главе фаланги или разделяющим труды с воинами; а царь, как человек с душой благородной, был пылок в сражениях, любил выказывать дела личной храбрости и часто, при разнесшемся слухе о вторжении где-нибудь неприятеля и о страдании его подданных, первым садился на коня и смело выступал в поход. Так как теперь царь вознамерился восстановить Дорилей, то тем еще более раздражил и возбудил варвара к войне. Султан, показывая вид, будто доселе не знал о прибытии царя в Дорилей, через послов спрашивал его о причине появления в тех местах и просил удалиться. А царь, замечая нечто колкое и насмешливое в письме султана, со своей стороны признавал немалым чудом, что султан не знал о его походе до самого прибытия его в Дорилей и что будто бы доселе он не знает причины этого похода. Приступив к возобновлению города, царь сам начал носить камни на своих плечах и этим так воодушевил других, что чрезвычайно скоро была воздвигнута стена и снаружи обнесена валом, внутри во многих местах вырыты были колодцы для того, чтобы можно было черпать воду. Персы считали для себя несчастьем, если они принуждены будут оставить дорилейские поля, на которых проводили лето принадлежащие им стада коз и быков, гуляя по луговым пастбищам, если будет построен город и в нем для стражи поставлена римская фаланга. Поэтому они на всех удилах неслись против римлян, и, подстерегая, когда те выходили за съестными припасами, препятствовали фуражировке, и убивая всех, кто попадался им в руки. Но скоро царь уврачевал это зло. Назначив определенное время для выходов из лагеря на фуражировку, он сам подавал трубой знак, первым выходил из лагеря, и, предводительствуя вышедшим

отрядом, ни на минуту не оставлял тех, которые отыскивали съестные припасы, и возвращался в лагерь иногда в сумерки, а иногда и поздно вечером. Персы со своей стороны, чтобы противодействовать этому, частью употребляли и силу оружия и производили частые нападения на римлян, а частью сжигали плоды и предавали огню жилища, чтобы лишить римлян достаточных средств к пропитанию. Однажды, когда царь собирался кушать и очищал ножом персик, ему сказали, что персы сделали нападение на собирающих съестные припасы. Бросив плод, он тотчас же опоясался саблей, надел панцирь и, вскочив на коня, выступил против врагов. Варвары стояли, построившись в фаланги; но спустя немного после того, как явился царь, они оставили этот строй и, притворно обратившись в бегство, поражали нападающих, частью снова поворачиваясь назад, частью во время самого бегства бросая стрелы и повергая тех, кто их преследовал. Обыкновенно персы непрестанно пришпоривают коня и между тем, как конь часто бьет копытами по земле и быстро несется, перс, имея в руках стрелу, пускает ее назад и таким образом наперед убивает того, кто торопился сам убить его, и, внезапно обратившись из преследуемого в преследующего, берет в плен того, кто собирался уже сам взять его. Возобновив Дорилей и тщательно снабдив его всем нужным для его охранения, царь выступил из тамошних стран и прибыл в Сувлей, восстановил и этот город и поставил в нем гарнизон. Затем, устроив и все прочее, по своему убеждению, наилучшим образом, возвратился в царственный город.

Но прошло немного времени, как между царем и султаном опять возгорелась вражда. Они оба обвиняли и упрекали друг друга: царь приписывал султану неблагодарность к благодетелю и забвение прежде оказанных ему благодеяний и всевозможной помощи для получения власти над единоплеменниками; а султан упрекал царя в легкомысленном пренебрежении договорами, в готовности всегда расторгнуть дружбу, в нарушении только что заключенных условий мира, а равно и в том, что он много раз обольщал его обещанием щедрых даров, высказывая это в царских красных грамотах, а давал мало. Поэтому царь стал собирать и бывшие у него прежде войска и набирать новые; вместе с тем он нанял немало и иноземного войска, преимущественно из латинян и из скифов, обитающих около Дуная. Доведя свое войско до огромного числа, он готовился к войне так, что, казалось, хотел истребить персидский народ, уничтожить Иконию с самими ее стенами, подчинить себе султана и наступить ему на шею, подложив ее под свои ноги вместо скамьи. И когда все было готово к походу, он входит в великий храм, носящий название по имени Божественной и неизреченной Премудрости, призывает Божественную помощь и просит свыше победы, но, как показал исход войны, не получает ее: по неисследованным судьбам Божиим она дарована была врагу. Затем, выступив из царственного города и пройдя Фригию и Лаодикию, он прибыл в Хоны, древние Колассы, город богатый и обширный, где родился я — сочинитель сей истории. Посетив здесь храм Архангела, по обширности величайший и по красоте прекраснейший, где все было делом чудной руки, он, вышедши отсюда, прибыл в Лампу и город Келены, где находится исток Меандра и протекает река Марсиас, впадающая в Меандр. Здесь, рассказывают, Аполлон содрал кожу с Марсиаса, который в безумной ярости, как сильно ужаленный оводом, начал состязаться с Аполлоном в искусстве пения. Отсюда царь отправился в Хомы и остановился у Мириокефала. Это древняя и необитаемая крепость, получившая, как думаю, свое название оттого, что при ней происходило, или оправдавшая тем свое название, ибо око-

ло нее смерть часто повергала на землю тысячи римских голов*, как об этом я скоро скажу. На походе царь всегда сохранял стройный боевой порядок, во время остановок укреплял лагерь валом и выступал в путь осторожно, согласно со стратегическими правилами. Шел он, впрочем, довольно медленно, чему причиной были животные, которые везли машины, и множество приставленных к ним людей, неспособных к бою. Да и персы, появляясь там и сям, постоянно тревожили его небольшими схватками и, заезжая вперед, истребляли по дороге траву, чтобы у римских коней не было корма, и портили воду, чтобы римляне не пили чистой воды. А сами римляне жестоко страдали от болезни желудка, и эта болезнь сильно губила войско.

2. Между тем султан, хотя и принял меры к войне и нашел себе довольно союзников в Месопотамии и между другими соплеменными варварами, однако же, отправив к царю послов, просил мира и соглашался на исполнение всех его желаний, каковы бы они ни были. Поэтому все, кто только не был неопытен в войне, и особенно в войне с персами, и кто был постарше возрастом, умоляли Мануила с радостью принять посольство перса и не вверять все надежды жребию войны. Они обращали его внимание на чрезвычайную трудность борьбы и на неудобопроходимые местности, в которых враги наперед устроят засады, выставляли также на вид и самое цветущее состояние всей турецкой конницы, указывали и на болезнь, терзающую греческое войско. Но царь нисколько не обратил внимания на слова почтенных старцев и, открыв весь свой слух своим родственникам, и особенно тем, которые никогда не слыхали военной трубы, людям с

* Греческое название крепости Мириокефала — *Μυριοκέφαλος* — означает того, кто имеет десять тысяч или вообще множество голов.

прекрасными волосами и с веселыми лицами, носившим на шеях золотые цепи и сияющие ожерелья из блестящих камней и драгоценных перлов, отпустил послов ни с чем. Султан, однако же, и после того не перестал говорить о мире. Когда же увидел, что его мирные предложения не имеют успеха и что царь даже хвалится тем, что будет отвечать ему в Иконии, то поспешил занять теснины, которые называются Иврицкими дефилеями[71] и через которые должны были проходить римляне по выходе из Мириокефала, и скрытно поставил здесь свои фаланги с тем, чтобы они напали на римлян, как скоро те будут проходить. Это место есть продолговатая долина, идущая между высоких гор, которая на северной стороне мало-помалу понижается в виде холмов и перерезана широкими ущельями, а на другой стороне замыкается обрывистыми скалами и вся усеяна отдельными крутыми возвышениями. Намереваясь идти такой дорогой, царь заранее не позаботился ни о чем, что могло бы облегчить для войска трудность пути: не освободился от большого обоза, не оставил в стороне повозки, на которых везлись стенобитные машины, и не попытался с легким отрядом выгнать наперед персов из этих обширных горных теснин и таким образом очистить для войска проход. Напротив, как шел он по равнинам, так вздумал пройти и этими теснинами, хотя перед этим слышал, а спустя немного и собственными глазами удостоверился, что варвары, заняв вершины гор, решились опорожнить все колчаны, выпустить все стрелы и употребить все средства, чтобы остановить римлян и не дозволить им идти вперед. А вел царь фаланги — то было в месяце сентябре — в таком порядке. Впереди войска шли со своими отрядами два сына Константина Ангела, Иоанн и Андроник, а за ними следовали Константин Макродука и Андроник Лапарда. Затем правое крыло занимал брат цар-

ской жены Балдуин, а левое — Феодор Маврозом. Далее следовали обоз, войсковая прислуга, повозки с осадными машинами, потом сам царь со своим отборным отрядом, а позади всех — начальник арьергарда Андроник Контостефан. Когда войска вступили на трудную дорогу, полки сыновей Ангела, Макродуки и Лапарды прошли благополучно, потому что пехота, бросившись вперед, опрокинула варваров, которые сражались, стоя на холмах, идущих от горы, и, обратив их в бегство, отбросила назад в гору. Быть может, и следующие за ними войска прошли бы невредимо мимо персидских засад, если бы римляне, тесно сомкнувшись, тотчас же последовали за идущими впереди войсками, нисколько не отделяясь от них и посредством стрельцов отражая нападения налегающих на них персов. Но они не позаботились о неразрывной взаимной связи, а между тем персы, спустившись с высоты вниз и с холмов в долины, большой массой напали на них, отважно вступили с ними в бой и, разорвав их ряды, обратили в бегство войско Балдуина, многих ранили и немало убили. Тогда Балдуин, видя, что его дела дурны и что его войска не в силах пробиться сквозь ряды врагов, теснимый отовсюду, взяв несколько всадников, врывается в персидские фаланги; но, окруженный врагами, он и сам был убит, и все бывшие с ним пали, совершив дела мужества и показав пример храбрости. Это еще более ободрило варваров, и они, заградив для римлян все пути и став в тесный строй, не давали им прохода. А римляне, захваченные в тесном месте и перемешавшись между собой, не только не могли нанести врагам никакого вреда, но, загораживая собой дорогу приходящим вновь, отнимали и у них возможность оказать им помощь. Поэтому враги легко умерщвляли их, а они не могли ни получить какое-либо вспоможение от задних полков и от самого царя, ни отступить, ни уклониться в сторону. По-

возки, ехавшие в середине, отнимали всякую возможность возвратиться назад и перестроиться более выгодным образом, а войскам самодержца заграждали путь вперед, стоя против них, как стена. И вот падал вол от персидской стрелы, а подле него испускал дух и погонщик. Конь и всадник вместе низвергались на землю. Лощины загромоздились трупами, и рощи наполнились телами падших. С шумом текли ручьи крови. Кровь мешалась с кровью, кровь людей — с кровью животных. Ужасны и выше всякого описания бедствия, постигшие здесь римлян. Нельзя было ни идти вперед, ни возвратиться назад, потому что персы были и позади, и заграждали путь спереди. Оттого римляне, как стада овец в стойлах, были убиваемы в этих теснинах. И если в них было еще сколько-нибудь мужества, если осталась искра храбрости против врагов, то и она погасла и исчезла, и мужество совершенно оставило их, когда враги представили их взорам новый эпизод бедствия — воткнутую на копье голову Андроника Ватацы. То был племянник царю Мануилу, отправленный с войском, собранным в Пафлагонии и Понтийской Ираклии, против амасийских турков. Такие печальные вести и эти ужасные зрелища привели царя в смятение; видя выставленную напоказ голову племянника и чувствуя великость опасности, в которой находился, он был уныл и, прикрывая печаль молчанием и изливая скорбь в глухих, как говорят, слезах, ожидал будущего и не знал на что решиться. А шедшие впереди римские полки, пройдя невредимо эту опасную дорогу, остановились и окопались валом, заняв холм, на котором представлялось несколько безопаснее.

3. Между тем персы всячески старались одержать верх над полками, бывшими под начальством царя, рассчитывая легко разбить и остальные войска, когда будет побеждено войско главное и самое сильное. Так обыкновенно бы-

вает и со змеей, у которой коль скоро разбита голова, то вместе с тем теряет жизнь и остальная часть тела, и с городом, потому что, когда покорен акрополь, то и остальной город, как будто бы весь был взят, испытывает самую жалкую участь. Царь несколько раз пытался выбить варваров из тамошних теснин и употреблял много усилий, чтобы очистить проход своим воинам. Но видя, что его старания остаются без успеха и что он все равно погибнет, если останется и на месте, так как персы, сражаясь сверху, постоянно оставались победителями, он бросается прямо на врагов с немногими бывшими при нем воинами, а всем прочим предоставляет спасать себя как кто может, потому что не ожидал ничего хорошего от того, что видел. Варварская фаланга со всех сторон обхватила его, но он успел вырваться из нее, как из западни, покрытый многими ранами и шрамами, которые нанесли ему окружившие его персы, поражая его мечами и железными палицами. И до того он был изранен по всему телу, что в его щит вонзилось около тридцати стрел, жаждущих крови, а сам он не мог даже поправить спавшего с головы шлема. При всем том сам он, сверх чаяния, избежал варварских рук, сохраненный Богом, который и древле в день битвы прикрывал голову Давида, как говорит сам псалмолюбец. Прочие же римские полки страдали все более и более: они со всех сторон были поражаемы копьями с железными остриями, насквозь пронзаемы стрелами на близком расстоянии и при падении сами давили друг друга. Если некоторые и прошли невредимо это ущелье и разогнали стоявших тут персов, зато на дальнейшем пути, вступив в следующий овраг, они погибли от находившихся здесь врагов. Этот проход перерезан семью смежными ущельями, которые все похожи на рвы, и то немного расширяется, то опять суживается. И все эти ущелья тщательно охраняемы

были приставленными к ним турками. Да и остальное пространство не было свободно от врагов, но все было наполнено ими. Тут же случилось, что во время сражения подул ветер и, подняв со здешней песчаной почвы множество песка, с яростью бросал его на сражающихся. Устремляясь друг против друга, войска сражались как бы в ночной битве и в совершенной темноте и наряду с врагами убивали и друзей. Нельзя было различить единоплеменника от иноплеменника. И как персы, так и римляне в этой свалке обнажали мечи и против единокровных и убивали, как врага, всякого встречного, так что ущелья сделались одной могилой, смешанным кладбищем и общей последней обителью и римлян, и варваров, и лошадей, и быков, и ослов, носящих тяжести. Римлян, впрочем, пало более, чем врагов; особенно много погибло царских родственников, и притом знаменитейших. Когда пыль улеглась и мгла и тьма рассеялись, увидели людей (какое ужасное событие и зрелище!), которые до пояса и шеи были завалены трупами, простирали с мольбами руки и жалобными телодвижениями и плачевными голосами звали проходящих на помощь, но не находили никого, кто бы помог им и спас их. Все, измеряя их страданиями свое собственное бедствие, бежали, как в опасности жизни, поневоле были безжалостны и старались сколько можно скорее спасать себя.

Между тем царь Мануил, подошедши под тень грушевого дерева, отдыхал от утомления и собирался с силами, не имея при себе ни щитоносца, ни копьеносца, ни телохранителя. Его увидел один воин из конного отряда и из незнатных и простых римлян и, сжалившись, добровольно, по своему усердию, подошел к нему, предложил какие мог услуги и надел ему как следует на голову шлем, склонившийся на сторону. Когда царь стоял, как мы сказали, под де-

ревом, прибежал один перс и потащил его за собой, взяв за узду коня, так как не было никого, кто бы мог ему воспрепятствовать. Но царь, ударив его по голове осколком копья, который оставался еще у него в руках, поверг его на землю. Спустя немного на него нападают другие персы, желая взять его живым, но их царь легко обратил в бегство. Взяв у находившегося подле него всадника копье, он пронзил им одного из нападающих так, что тот лишился жизни, а сам всадник, обнажив меч, отрубил голову другому. Затем около царя собралось десять других вооруженных римлян, и он удалился отсюда, желая соединиться с полками, которые ушли вперед. Но когда он прошел небольшое пространство, турки опять стали заграждать ему дальнейший путь, а не менее того мешали идти и трупы падших, которые лежали под открытым небом грудами и заграждали собой дорогу.

4. С трудом пробравшись наконец сквозь неудобопроходимые места и переправившись через протекающую вблизи реку, причем в иных местах приходилось шагать и ехать по трупам, царь собрал и еще отряд сбежавшихся при виде его римлян. В это-то время он своими глазами видел, как муж его племянницы Иоанн Кантакузин один бился со многими и мужественно нападал на них, как он кругом осматривался, не придет ли кто ему на помощь, и как спустя немного он пал и был ограблен, потому что никто не явился пособить ему. А убившие его персы, лишь только увидели проходящего самодержца,— так как он не мог скрыться,— соединившись в когорту, погнались за ним, как за богатой добычей, надеясь тотчас же или взять его в плен, или убить. Все они сидели на арабских конях и по виду были не из простых людей: у них было отличное оружие, и их лошади кроме разной блестящей сбруи имели на шеях уборы, сплетенные из конских волос, которые опускались довольно низко и были

обвешаны звенящими колокольчиками. Царь, одушевив сердца окружавших его, легко отразил нападение врагов и затем продолжал понемногу подвигаться вперед, то пролагая себе дорогу по закону войны, то проезжая и без пролития крови мимо персов, которые непрерывно появлялись одни за другими, и все старались схватить его. Наконец он прибыл к полкам, которые прошли вперед, и был принят с величайшей радостью и удовольствием, так как они более беспокоились о том, что не является он, чем печалились о себе. Но прежде чем он соединился с ними и когда был еще там, где, как я сказал, протекает река, он почувствовал жажду и приказал одному из бывших при нем, взяв сосуд, почерпнуть воды и принести пить. Хлебнув воды столько, что едва смочил небо во рту, он остальное вылил, потому что гортань неохотно принимала ее. Рассмотрев эту воду и заметив, что она смешана с кровью, царь заплакал и сказал, что, по несчастью, отведал христианской крови. При этом один из бывших тут, человек, очевидно дерзкий и наглый, превосходивший своей жестокостью самое тогдашнее время, бесстыдно заметил: «Ну нет, царь, это неправда. Не теперь только и не в первый раз, но давно, и часто, и до опьянения, и без примеси ты пьешь чашу с христианской кровью, обирая и ощипывая подданных, как обирают поле или ощипывают виноградную лозу». Царь снес хулу и оскорбление этого человека так равнодушно, как будто ничего не слышал и как будто не был оскорблен. Увидев, что персы разрывают мешки с деньгами и что золото и серебро, перечеканенное в монету, рассыпается по земле и расхищается, царь стал убеждать бывших с ним римлян напасть на варваров и взять себе деньги, на которые они имеют больше права, чем персы. Тогда тот же безумный пустомеля опять начал бесстыдно поносить царя за такое приказание. «Следовало бы,— гово-

рил он,— добровольно и раньше отдать эти деньги римлянам, а отнюдь не теперь, когда приобретение их трудно и сопряжено с кровопролитием. Если царь человек храбрый, как он хвалится, или, по крайней мере, если он носит шаровары, то пусть сам сразится с грабителями персами и, мужественно разбив их, отнимет награбленное золото и возвратит его римлянам». Царь молчал и при этих словах и не ворчал ни сквозь зубы, ни под нос, перенося дерзость обидчика, как некогда Давид сносил наглость Семея. Наконец прибыл невредимым и Андроник Контостефан, командовавший задними полками, и собралось несколько других человек, особенно сильных у Мануила, которые также уцелели от ран.

Когда наступила ночь и тьма, преемница дня, прекратила битву, все печально сидели, склонив голову на ладонь руки, и, представляя настоящую опасность, не считали себя в числе живых. Особенно пугало римлян то, что варвары, объезжая кругом лагерь, громко кричали своим единоплеменникам, которые ради выгоды или вследствие перемены веры давно уже перешли к римлянам, убеждая их в ту же ночь выйти из лагеря, так как все находящиеся в нем с рассветом непременно погибнут. Поэтому римляне провели ночь собравшись в дружеские кружки, одноплеменники с одноплеменниками, бледные от страха, подобно тому, как бледнеют листья деревьев в то время, когда опадают. **5.** Сам же державный задумал самое неблагородное дело; именно он замыслил тайно убежать и предать плену и смерти столько душ. Высказав свой замысел бывшим с ним, он привел в ужас слушателей, и особенно Контостефана, как человек, говорящий слова, приличные только безумному и явно помешанному. И не только люди, собравшиеся на совещание о том, что должно делать, были огорчены его словами, но и один неизвестный и простой воин, стоявший вне палатки,

как скоро услышал царскую мысль, возвысив голос и громко вздохнув, сказал: «Увы, какая мысль пришла на ум римскому царю». Потом, с горячностью обратившись к нему, продолжал: «Не ты ли толкнул нас на этот пустынный и узкий путь и довел до погибели или, лучше, истолок нас, как бы в какой ступе, в этих сталкивающихся между собой скалах и горах, явно готовых задавить нас? Какое было нам дело до этой долины плача и истинно адского жерла и для чего нам было идти по этим неровным и утесистым тропам? И в чем особенном мы можем обвинять варваров, если они, заняв эти тесные, трудные и извилистые места, поймали нас в сеть? И как же ты теперь предаешь нас врагам, как овец, назначенных на заклание?» Смягченный или, лучше, уязвленный этими словами до глубины души, царь изменил свое намерение и решился идти тем путем, который указывали настоящие обстоятельства.

Но Тот, Кто некогда оставил семя Израилю, чтобы вконец не уничтожилось Его наследие, подобно Содому и Гоморре, Кто наказывает и опять исцеляет, поражает и дает жизнь, не дозволяет жезлу грешников до конца тяготеть над частью праведных,— Тот и теперь умилосердился над святым народом и, не восхотев совершенно отвергнуть его, склонил сердце султана к необыкновенной и не сродной ему милости, так что султан, который прежде чтил доблесть царя, теперь был тронут и его несчастьем. Или, лучше, Кто через Хусия разрушил совет Ахитофела и изменил мысли Авессалома так, что он последовал гибельным для него самого советам, Тот и теперь отклонил государя персов от надлежащего образа действий. Склонившись на убеждения своих вельмож, которые во время мира черпали у царя деньги обеими руками, султан, отправив посольство, предлагает царю мир и опять, как прежде, просит о заключении договора.

Он предупреждает царя, по необходимости старавшегося о примирении, как бы по своей воле, между тем как побуждал его к тому Сильнейший. А так как персам не были еще известны намерения султана, то они вместе с зарей поскакали к римскому лагерю с тем, чтобы окружить римлян и заraз, подобно зверям, пожрать их, как лакомую пищу, или расхитить, как покинутые яйца и пустое гнездо. Окружив лагерь, они поражали стрелами находящихся в нем, скакали кругом и кричали по-варварски. Царь приказывает Иоанну, сыну Константина Ангела, с бывшим у него легионом напасть на персов; тот по царскому приказанию пытается прогнать турков, но, не сделав ничего славного, возвращается назад. После него Константин Макродука выводит свое войско, составленное из восточных легионов; но и он, показавшись ненадолго, возвратился в лагерь. Между тем султан посылает к царю Гавру, первого и особенно почтенного между своими сатрапами. Тогда турки по его приказанию прекратили свое нападение на лагерь, а римляне перестали потихоньку уходить из него. Представляясь царю, Гавра воздал ему по варварскому обычаю глубокую честь и поклонение и в то же время представил в дар нисейского* среброуздого коня из разряда тех, которых откармливают для торжественных церемоний, и длинный обоюдоострый меч. Затем начал речь о заключении мира, смягчив наперед льстивыми словами скорбь царя, видимо опечаленного понесенным поражением, и облегчив жестокость страдания как бы какими заклинаниями — словами, которые прошептал ему на ухо. Увидев, что на царе поверх панциря была одежда золотистого цвета, он сказал: «Этот цвет, царь, служит недобрым знаком, а во время войны он даже много противодействует счастью». Царь, слегка и насильно засмеявшись при этих словах, снял подпанцирную одежду, вышитую пурпуром и золотом, и отдал ее Гавре. Приняв меч и коня, он повелел написать условия мира и приложил к ним руку. В договоре, между прочими условиями, которые время не дозволило тщательно обследовать, находилось и то, чтобы крепости Дорилей и Сувлей были разрушены.

Удостоверясь, таким образом, что варвар искренно говорил о мире и что он не замышляет по злобе обмана, царь решился идти домой другим путем, а не тем, которым шел прежде, чтобы не видеть павших. Но путеводители поэтому-то самому особенно и старались вести его прежним путем, чтобы он своими глазами увидел там печальную картину. Ибо истинно достойно было слез представлявшееся здесь зрелище, или, справедливее сказать, великость зла превосходила всякий плач. Глубокие лощины от множества павших сделались равнинами, долины поднимались холмами, и рощи были покрыты трупами. У всех, которые лежали здесь, содрана была с головы кожа, а у многих отрезаны и детородные уды. Персы сделали это, говорят, для того, чтобы необрезанный не отличался от обрезанного и чтобы, таким образом, победа не была сомнительной и спорной, так как из обоих войск пали многие. Оттого никто не прошел здесь без слез и стенаний, но все громко рыдали, называя по именам погибших друзей и товарищей.

Здесь я могу кстати заметить, что нам, людям, трудно предохранить себя от будущего и что нелегко человеку избежать угрожающего бедствия, если само Божество, умилостивленное неотступными мольбами, не устранит от него зол или не изменит и не ослабит их по своему человеколюбию.

* Нисейские лошади славились в древности огромным ростом и отличными качествами и обыкновенно употреблялись царями. По замечанию Геродота, они получили свое название от нисейской равнины, на которой паслись, в пределах Мидии. Hofman Lex. univers. T. 3. P. 331.

Когда царь решился выступить в поход против персов, ему снилось, что он, взошедши на адмиральский корабль, со многими приближенными плыл по Пропонтиде, но что вдруг горы Азии и Европы опрокинулись, так что корабль разрушился, и все бывшие на нем погибли, сам же он едва спасся, приплыв на руках к берегу. А в тот день, когда он вступал в опасный проход, один человек, владевший двумя языками, родом римлянин, по прозванию Мавропул, пришел к нему и объявил, что он видел во сне, будто вошел в храм, называемый Кировым, и, молясь иконе Богоматери, услышал исходящий от нее голос, который говорил: «Теперь царь в величайшей опасности; кто пойдет к нему на помощь?». Чей-то невидимый голос сказал: «Пусть пойдет Георгий»; но Богоматерь отвечала: «Он нескоро решится идти». Тогда опять тот же голос произнес: «Пусть идет Феодор»; но Богоматерь отказалась и от него и наконец с великой скорбью сказала, что никто не предохранит царя от угрожающего ему бедствия. Так это было.

6. Когда же римляне прошли теснины, персы, появившись сзади, снова стали нападать на них. Персом овладело, говорят, раскаяние, что упустил бывшую в руках добычу, и потому он дозволил своим преследовать римлян и делать с ними все, что можно было делать и до заключения мира. Впрочем, турки преследовали римлян не всей массой, как было тогда, когда римляне проходили трудные места, но отдельными отрядами. Ибо очень многие и лучшие из них, обремененные добычей, отправились домой. Но и те, которые преследовали, убили многих, особенно же раненых и неспособных к войне, хотя царь и назначил в арьергард воинственных и храбрых вождей. Прибыв в Хоны, римляне с радостью здесь остановились в надежде, что уже не увидят более врагов. А царь позаботился и о том, чтобы дать каж-

дому больному по серебряному статиру на излечение болезни. Отправившись отсюда в Филаделфию, он провел здесь несколько дней для поправления здоровья, расстроенного военными трудами и ранами, и, послав наперед вестников, известил константинопольцев о всем случившемся. То говорил он, что с ним случилось то же, что и с Романом Диогеном,— так как и этот царь, вступив в войну с турками, потерял много войска и сам был взят и отведен в плен,— то превозносил договор с султаном и хвалился тем, что, несмотря на свою неудачу, успел заключить его, так как его войско бесстрашно смотрело в лицо врагов и наводило на них страх и трепет. Тем не менее, однако же, проходя мимо Сувлея, он разрушил его по воле султана, а Дорилей оставил совершенно целым. Поэтому султан, отправив посольство, напоминал ему об условиях мира и говорил, что удивляется, почему доселе не разрушен Дорилей. Но царь отвечал, что он мало обращает внимания на сделанное по необходимости, и решительно не хотел и слышать о разрушении Дорилея. Он явно одобрил только следующие слова из изречения Пифии, сказанного Эпикидиду: «Клянись, потому что смерть ожидает и человека, соблюдающего клятвы»; но не обратил внимания на слова дальнейшие, которые говорят вот что: «Но у клятвы есть безымянное дитя; нет у него ни рук ни ног, но оно быстро и неутомимо преследует, доколе не погубит всего рода и всего дома. Род же человека, соблюдающего клятвы, благоденствует после него еще более». Тогда перс, отделив лучшую часть из всего своего войска, числом в двадцать четыре тысячи человек, и поставив над ней начальником Атапака, послал его опустошать города и села до самого моря с тем, чтобы он никому не давал никакой пощады и принес ему морской воды, весло и песку. Тот, исполняя данное ему повеление, внезапно и неожиданно напал на меандр-

ские города и ужасно опустошил их. Кроме того, он взял на капитуляцию город Траллы и Фригийскую Антиохию, а Лумы, Пентахир[72] и некоторые другие крепости взял с боя и ограбил. Затем, идя далее, опустошил и приморские страны.

7. Царь, услышав об этом, употребил много и других средств к обузданию персов, но вместе с тем и вышел из палатки без труб и рогов. «Теперь,— говорил он,— нужны не эти вещи, а луки и копья, чтобы из римских областей выгнать ненавидящих нас, которые, говоря с Давидом, восшумели и воздвигли главы». Сам он, впрочем, не заблагорассудил идти против врагов, но послал племянника Иоанна Ватацу, человека отважного и вместе осторожного, и Константина Дуку, юношу, у которого недавно начала расти борода, но который, подобно плодовитому растению, обещал до срока принести хорошие плоды, да еще Михаила Аспиэта. Царь много убеждал их действовать во всех случаях благоразумно и как должно, но больше всего — отнюдь не нападать на варваров, точно не узнав наперед об их численности и не уверившись, что в случае битвы будут победителями. Между тем персы, положив море пределом своего похода, с огромной добычей возвращались назад и опустошали на пути то, чего не тронули прежде. А Ватаца и бывшие при нем вожди со всеми силами, какие дал им царь и какие они собрали на пути, пошли прямо к небольшим городам Гиэлию и Лиммохиру, где некогда через реку Меандр проходил мост. Когда соглядатаи, которых Ватаца поставил на всех решительно дорогах, дали ему знать, что турки идут назад и находятся невдалеке, он, разделив войско на две части, большую часть посадил в засады около дорог, по которым должны были проходить враги, а остальной приказал, рассеявшись по другому берегу реки около старого моста, ожидать, когда будет переправляться какая-либо часть турков с пленниками, и тогда без всякой робости и со всей смелостью напасть на нее. Так он распорядился своим войском, считая такое распоряжение самым лучшим. Турки начали переправляться. Но так как, поражаемые сверху стрелами, они беспорядочной толпой теснились в реку и утопали, то Атапак, поставив в густой боевой строй бывших при нем отлично вооруженных воинов, мужественно вступает в битву с римлянами. Он хотел таким образом и нанести урон врагам, и дать единоплеменникам время спокойно переправиться через реку для того, чтобы, при старании каждого опередить другого, переход не замедлялся и чтобы сбившиеся с брода не подвергались ужасной гибели. Довольно долго он отважно сражался и совершал подвиги, свидетельствовавшие о мужестве его сердца и твердости руки. Но узнав, что римляне стоят и на другом берегу реки и умерщвляют всякого переходящего персидского воина, он теряет бодрость духа и, утратив прежнюю отвагу, начинает думать о своем спасении, оставляет избранный прежде путь и идет вверх по реке, отыскивая другую переправу. А как на реке нигде не было места, удобного для перехода, то он, опасаясь преследования, положил на воду щит и употребил его вместо лодки, мужественно противостояв суровости судьбы. Левой рукой он придерживал коня, плывшего около него, а в правой держал обнаженный меч, обратив его на этот случай в руль, и таким образом подвигаясь понемногу вперед, переплывал глубину реки. Но все же наконец он не избежал смерти. Когда он был уже на другом берегу и, взойдя на холм, громко и с величайшим хвастовством провозглашал, кто он, чтобы собрать около себя и других турков, его убил обоюдоострым мечом не кто-либо из знатных и знавших его римлян, а один наемный Алан, прибежавший к тому месту, где он рассчитывал прекратить свою необыкновенную греблю. После

этого все персы предались беспорядочному бегству, и многих из них принял в себя Меандр, так что из стольких тысяч спаслись очень немногие. Это событие как нельзя более поправило дела римлян и унизило гордость персов, так как они с торжеством шли на римлян, полагая, что римляне не выдержат их нападения, и надеясь опустошить и разрушить чуть не всю Фригию, по которой проходит излучистый Меандр до своего впадения в море. В этом сражении пал Аспиэт следующим образом. Один перс, вступивший с ним в бой, не имея возможности поразить его самого,— так как у него был крепкий панцирь и щит, простиравшийся до ног,— стремительно бросился на коня, на котором сидел Аспиэт. Получив жестокий удар в голову, конь отпрянул назад и, став на дыбы, опрокинул всадника в реку.

8. Предположив после этого удачного дела совершить и другое, царь дважды выступал против персов, кочевавших около Лакерия и Панасия. Сначала он разогнал панасийских персов, а потом напал на лакерийских. Но прежде чем вступил в места, на которых кочевали враги, он послал к ним лаодикийца Катида для того, чтобы тот осмотрел, в каком положении находятся дела турков, и немедленно известил его о том, что увидит. Катид, желая устрашить персов именем царя, объявил им о его присутствии в войске и через то разогнал персов, на которых царь шел, как на готовую и весьма легкую добычу. Рассердившись и сильно разгневавшись, царь в наказание обрезал у него нос, а сам нисколько не медля и со всей поспешностью погнал вперед, но и при этом не настиг врагов. Был и еще случай, когда он напал на турков, выслав против них Андроника Ангела, хотя и в этот раз война у него кончилась не совсем удачно. Вверив этому человеку лучшую часть восточных легионов и дав ему в товарищи Мануила Кантакузина, человека искусного в делах и храброго, и других знатных римлян, царь послал его против турков, обитающих в Хараксе. Этот Харакс лежит между Лампой и Граосгалой. Андроник, приняв войска, сначала вступил в Граосгалу, а потом, оставив здесь вьючных животных и весь прочий обоз, пошел к Хараксу с легковооруженным войском. Но не сделав ничего славного и достойного того множества войска, которое тогда было при нем, а ограничив свои подвиги угоном скота и взятием в плен немногих турецких пастухов, он в великом страхе возвратился назад. Когда варвары ночью появились позади и начали кричать, он не подумал разведать, как многочисленны нападающие, и не поставил своих воинов в боевой порядок, а пустил во всю прыть своего быстрого коня и, побуждая его и руками, и ногами, и голосом нестись скорее, направил путь не в лагерь, но прямо в город Хоны. Увидев же, что конь может бежать и далее, не остановился и здесь, но со всей поспешностью понесся во Фригийскую Лаодикию. Тогда войско, испуганное внезапным исчезновением вождя, оставило строй и обратилось в беспорядочное бегство, бросив животных и пленников. Быть может, даже римляне схватились бы и стали бы сражаться друг с другом, так как была еще ночь, если бы Мануил Кантакузин, выступив против них и обнажив меч, не начал бить беглецов плоской его стороной, говоря: «Стойте, куда вы несетесь, когда вас никто не преследует?». Таким образом он мало-помалу остановил это бессмысленное отступление и стремительное бегство по горам, и долам, и холмам. Царь, тяжко прогневавшись на Андроника за это бесславное бегство, чуть было не приказал с позором провести его по улицам города в женской одежде; но, из любви к своим и по всегдашней снисходительности к родным, оставил свой гнев, тем более что в эту войну, как он узнал, пало весьма немного римлян. Вообще, в этот по-

ход не было сделано ничего хорошего: выступление против варваров было поспешное, а возвращение назад еще скорее. В это время один перс, заняв высокое место и засев в нем, убивал много проходящих римлян. Все пускаемые им стрелы были смертельны и низводили в преисподнюю; они проходили сквозь щит и панцирь и были страшным злом. Многие, слывшие за людей доблестных, выступали против него и, подойдя на весьма близкое расстояние, с большой отвагой бросали в него стрелы и направляли копья. Но он, ловко меняя место, точно в военной пляске, избегал всех направляемых на него ударов и, увернувшись, убивал нападающих. Наконец соскочил с коня Мануил Ксир и, выставив наперед щит, с мечом в руках напал на перса; приняв на щит все стрелы, он нанес ему решительный удар в голову и умертвил его. Перс просил Ксира не убивать его, но тот был до того далек от мысли о пощаде и, несмотря на его просьбу, так непреклонен, тверд и неумолим, что за первым ударом нанес ему и второй. Да напрасно он и умолял о человеколюбии тех, которым сам причинил столько гибельного зла.

Тут был и мой родственник, принадлежащий к клиру города Хон, саном диакон, человек весьма отважный и мужественный. Отправившись вместе с войском в Харакс в костюме воина и захватив здесь что попало под руку в турецких палатках, он и в самое опасное время не бросил награбленной добычи,— а добычу составляли персидские платья, которые были у него в суме, и овца с густой шерстью,— но вместе с ней шел потихоньку, обращая на себя взоры всех. Одни хвалили его, как человека, неустрашимого в трудных обстоятельствах, и признавали решительно первым из всех, кто только сражался в то время, а другие смеялись над ним, как над человеком, подвергающим опасности жизнь из-за какой-нибудь овцы. Но он, несмотря и на это, шел себе как

мог своей дорогой, осыпая беглецов бранью за то, что они постыдно бежали, тогда как их никто не преследовал.

Через несколько времени турки обложили город, называемый по имени кесаря Клавдия, и сначала отняли у римлян, которым вверено было его охранение, всякую возможность к отступлению, а потом приступили и к осаде. Жители города грозили сдать и самих себя, и город, если не получат помощи со стороны, так как они не в состоянии были долго выдерживать голод и решительно не имели возможности отразить врагов. Мануил, получив известие о бедственном их положении, нисколько не медля, на другой же день со всевозможной поспешностью двинулся к Клавдиополю через Никомидию. Он не повез с собой ни царской палатки, ни кровати, ни каких-либо других вещей, служащих для царской роскоши, а взял только то, что можно везти верхом на коне, и доспехи, сделанные из железных блях. Поэтому он делал длинные переходы и так сильно желал поспеть прежде, чем жители города потерпят какое-либо зло от осаждающих, что даже и не изобразить словами. Он целые ночи проводил без сна и, проходя Вифинию, пользовался в своих переходах искусственным светом, так как эта страна повсюду усеяна ущельями и во многих местах непроходима по причине густых лесов. Если же где по нужде он и должен был останавливаться, в таком случае вместо кресла ему служила земля, а постелью была разостланная солома или подложенное сено. И когда, бывало, пойдет дождь во время стоянки на болотистой долине, на него и сверху лили дождевые капли, и снизу под постель текли ручьи воды и прерывали его сон. И в этих-то случаях к нему питали больше уважения и любви, чем когда он украшался диадемой, надевал порфиру и садился на коня в золотой сбруе. Когда он приблизился к тому месту, куда шел, так что его могли видеть варвары, располо-

жившиеся около Клавдиополя лагерем, они тотчас же обратились в бегство, узнав о его появлении по знаменам полков и по блеску оружия, а он их преследовал на весьма дальнее расстояние, пока было возможно продолжать битву. Его приход так обрадовал римлян, которые находились в этом городе и уже начали было приходить в отчаяние от турецких замыслов, как не радует ни попутный ветер мореплавателей, утомившихся и проливавших много пота над веслами, ни приятнейшая весна после зимней скуки и ничто другое, что составляет переход к лучшему после печального начала.

Царствование Мануила Комнина

Книга 7

Теперь надобно рассказать и о следующих событиях. Этот царь не имел возможности идти войной против народов, которые живут около Ионийского залива, а напротив, сам постоянно боялся их нашествия на римлян и считал его страшным и опасным, так как знал, что римские войска не в силах устоять против войск западных и то же в сравнении с ними, что горшки в сравнении с котлами. Ему казалось очень возможным, что все западные народы составят союз против римлян, сговорятся между собой и войдут в одно общее против них соглашение, а потому он всячески старался заблаговременно обезопасить себя. Он говаривал, что восточных варваров он может деньгами склонить к миру и силой оружия принудить не выступать из своих границ, но что многочисленных народов западных он очень боится. Это, говорил он, люди высокомерные, неукротимые и вечно кровожадные; они не только обладают огромным богатством и все выходят на войну с железным оружием, но и питают непримиримую неприязнь к римлянам, всег-

да враждебны к ним, смотрят на них косо и сильно против них вооружаются. Поэтому жителей Венеции, Генуи, Пизы и Анконы[73], а равно и все другие народы, рассеянные около моря, он располагал к дружбе с римлянами, заключал с ними клятвенные договоры, старался привлечь их к себе всевозможными знаками дружелюбия и с предупредительностью давал им приют в царственном городе. А чтобы кто-нибудь из так называемых у них королей не усилился и потом не напал на римлян, он тот народ, которому угрожала опасность подпасть под владычество государя более сильного, поддерживал денежными подарками, приучал к войне и возбуждал к сопротивлению. Так, он часто вооружал итальянцев против алеманского короля Фридерика[74]. Этот последний считал весьма важным для себя, чтобы они подчинились ему и вверили ему управление своими делами, а Мануил через послов поддерживал их, советовал противиться и убеждал остерегаться коварных замыслов короля. Точно так же он помешал королю, несмотря на многократные его покушения, войти в старый Рим и здесь короноваться. «Не давай славы своей другому,— писал он папе,— и не прелагай отеческих пределов, чтобы впоследствии не испытать на деле, что значит непредусмотрительность, и за пренебрежение необходимых мер предосторожности не терзаться раскаянием тогда, когда зло сделается совершенно неисцельным». Вследствие этого славный Рим был заперт для него, как для человека безоружного, тогда как он гордился десятками тысяч своих солдат. Было также время, когда стены Медиолана[75] были разрушены алеманами; но жители этого города перехитрили своих победителей, которые вынудили было у них клятвенное обещание никогда не восстанавливать стен: сначала они жили, окружив себя глубоким рвом, ссылаясь на то, что этим они вовсе не на-

рушают клятвы, а потом возобновили и стену в прежнем виде при содействии того же царя. Кроме того, он и маркиза монферратского, известного по своему высокому происхождению и счастью в детях и имевшего большую силу, склонил к дружбе с римлянами, частью посредством богатых даров, а частью посредством брака его младшего сына со своей дочерью Марией, как об этом мы сказали немного прежде,— и через то еще более противодействовал замыслам государя алеманов. Тот, выслав с огромными силами своего, как говорится по латыни, канцелярия, или, как говорят греки, логофета, именно епископа майнцкого, начал было подчинять под свою власть италийские города, отторгая их от папы и с безграничной самоуверенностью присваивая себе. Но царь умел увлечь маркиза обещанием денег и убедил его выслать против майнцкого епископа своего сына Конрада, человека весьма видного и красивого собой, который отличался необыкновенным мужеством и умом и был в самом цвете телесных сил. В произошедшем между ними сражении Конрад разбил алеманнов, обратив их в бегство при помощи своей кавалерии, и взял несколько человек в плен, в том числе и майнцкого епископа. Последний, быть может, был бы даже отослан в Византию, если бы царь в то время не скончался. Вообще, между итальянскими и даже более отдаленными городами не было ни одного, в котором бы этот царь не имел своего приверженца и вполне преданного ему человека. Поэтому он слышал и знал все, что только задумывали и затевали тамошние недоброжелатели римлян самым секретным образом, в уединении своих кабинетов. Раз как-то прибыли в Анкону несколько человек, присланные от царя по каким-то делам. Они успешно достигали своей цели и приводили к концу данное им поручение, было ли то привлечение к дружбе с царем так

называемых лизиев*, или что другое, выгодное для римлян. Алеманский король по этому поводу исполнился гнева и послал разрушить Анкону, отомстить здешним жителям и наказать их за то, что они заключают договоры с римлянами и принимают в свой город послов, которые, очевидно, действуют во вред ему и отвращают здешние города от расположенности и верности в отношении к нему. Посланное королем войско напало на анконцев, как на врагов, и, окружив город, требовало выдачи римских послов. Но анконцы так равнодушно слушали угрозы, так мало испугались раскинутого перед ними вражеского лагеря, так бесстрашно смотрели на окружавшие их полчища, что не только не выдали тех, кого настоятельно требовали алеманны, но и с пренебрежением отвергли их требование и мужественно переносили постигшую их опасность. Так как осада продолжалась довольно долго и враги оставались на месте, то они начали употреблять в пищу то, что обыкновенно в пищу не употребляется и что неестественно есть человеку, привыкшему питаться хлебом. Царские послы, собрав народ, спрашивали, нельзя ли достать вспомогательного войска. Когда жители отвечали, что можно, но что сами они не богаты деньгами, послы, призвав в свидетели Бога, уверяли, что царь заплатит за все военные издержки, убеждали их не медлить и предсказывали, что в противном случае они испытают со стороны врагов, окружавших город, самые тяжелые бедствия, так как дети и жены их будут уведены в плен, а деньги и вещи расхищены. Вследствие этого анконцы призывают к себе одного графа, по имени Вильгельм, и одну благородную женщину, которая незадолго перед тем лишилась мужа и получила в наследство родовое его имущест-

* Этим именем называются ленники, вассалы.

во и власть. Предложив им богатую плату, они без всякого труда при их помощи отразили врагов, спасли свою свободу и по этому случаю радовались так, как будто бы извлекли свой город из глубины морской. Царь, обрадованный этим событием, как и следовало ожидать, наградил анконцев за все совершенное ими похвалами, присвоил им права гражданские наравне с природными римлянами и обещал им все, что только он мог безукоризненно дать и чего они были вправе просить. А кроме того, он послал им и гораздо больше золота, чем сколько они издержали. Так окончились Анконские дела. Анконцы, как видно, народ по природе верный и не меняют своих мыслей с переменой обстоятельств. Иначе как объяснить, что они отвергли повеление соседнего и весьма достойного властителя, каков был король алеманский, и предпочли ему римского царя, которого видели как бы в тени за многими землями и горами, если бы в них не было врожденного сознания добра и такого стремления к нему, которое не страшится опасностей и при всех обстоятельствах всегда остается твердым и непоколебимым. Но, с другой стороны, в укор им можно сказать то, что они из корыстолюбия, по привычке нищенствовать и протягивать руку за подаянием, оставили того, кого вчера и третьего дня признавали своим властителем, и последовали за другим, кто польстил их алчности и удовлетворил их корыстолюбию и торгашеским расчетам.

2. Между тем как царь так вел эти дела, римляне осыпали его насмешками за то, что он, по самолюбию, питает несбыточные желания, простирает взоры на края земли, делает то, на что может отважиться только горячая, на все готовая голова, далеко выходит из границ, установленных прежними царями, и без всякой пользы тратит деньги, которые собирает, изнуряя и истощая своих подданных необыкновенны-

ми податями и поборами. Такие насмешки падали на него совершенно несправедливо, потому что его действия вовсе не были какой-либо безрассудной затеей. Он, как я сказал, опасался, чтобы латинские племена, обладающие неодолимой силой, соединившись между собой, не затопили нашего государства, подобно потоку, который, из малого сделавшись великим, опустошает нивы земледельцев. Он видел, что и малая искра бывает причиной огня, а иногда переходит и в величайшее пламя и пожар, если ей попадется удобосгораемое вещество; а потому и при появлении одного только подозрения принимал меры к устранению опасности в самом ее начале, подражая лучшим земледельцам, которые вырывают негодные, портящие ниву растения, пока они еще молоды, и истребляют только что расцветающие побеги дикорастущих деревьев. И это ясно доказали последующие события, когда он оставил здешнюю жизнь, и ладья царства, лишившись мудрого кормчего, едва не потонула. Я и сам не скрою, что он любил увеличивать подати; не умолчу, что начальственные должности у него отдавались откупщикам, что он любил вновь распаханную землю на полях и сам своим плугом прорезывал борозды, из которых выходили у него колосья в рост человека. Но собираемые деньги не столько слагались в казнохранилища или зарывались в недра земли, сколько были рассыпаемы обеими руками: их щедро раздавали монастырям, церквам и недостаточным римлянам, большей же частью они переходили к разным племенам других народов, а по преимуществу текли к латинским толпам. Стараясь прославиться щедростью, царь без всякой меры раздавал и расточал то, что собирал обеими руками, назначая попечителями своих доходов людей чрезвычайно строгих. Важную статью в расходе составляли и издержки на людей, соединенных с царем узами

крови и близких к нему по другим отношениям. Так, прежде всего, племянница царя Феодора, с которой, как мы сказали, он был в связи, имела совершенно царскую свиту, хотя и не носила диадемы; женщина по характеру гордая, надменная и высокомерная, она не хотела и входить во дворец, если то не был дворец великолепный. И родившийся от нее царю сын, а потом и другие дети также переводили на себя целые моря денег. А так как царь был человек добродушный и легко отдавался в руки постельничим и евнухам, находившимся при женских покоях, а равно и слугам из иноземных народов, полуварваров, у которых сначала является слюна, а потом уже слова, то и этих людей он делал богачами, большей частью без труда склоняясь на их желания и безотказно исполняя их просьбы. Некоторые из них владели таким богатством, что у них были кучи денег и множество всякого рода блестящих украшений, все равно как у вельмож самых больших народов. И это были люди, не имевшие никакого образования и произносившие греческие слова точно так же, как горы и скалы повторяют последний звук пастушеских песен. Совершенно полагаясь на них, как на своих вернейших и преданных слуг, царь не только поручал им важнейшие должности, но и вверял судебные исследования, к которым не вдруг бывают способны и опытные законоведы. Если нужно было в каких-нибудь провинциях произвести перепись,— а это бывало часто,— такого рода люди предпочитались людям почтенным. Если же когда и присоединяли к ним какого-нибудь благородного римлянина, который обладал обширным умом и благоразумием, то его посылали только для того, чтобы он сделал перепись и указал предметы, с которых должно было собирать подати, а варвар был главным распорядителем сбора и прикладывал свою печать к мешкам, которые следовало доставить царю. Но на

деле большей частью выходило совсем не то, чего ожидал царь, и его намерения не исполнялись. Подозревая и удаляя от себя римлян, как воров, он, сам того не замечая, осчастливливал корыстолюбивых варваров и благодетельствовал жалким и презренным людям, а в туземцах вместо честности и верности, полученных от природы и воспитания, возбуждал противоположные расположения. Римляне понимали, что царь не доверяет им, что они прикомандировываются к иностранцам и посылаются в провинции по двое, скорее как слуги и споспешники при поборах, чем как люди, на верность которых вполне можно положиться, что во всяком случае их считают только за пристяжных в колеснице правительства. Поэтому они делали только то, что им было приказано, только жали, как колосья, деньги, вязали их в снопы и носили, как на ток, к варвару, который начальствовал над многими и один считался стоящим весьма многих римлян, а на все другое не обращали никакого внимания. Нечего и говорить, что царю они доставляли самую малую часть сбора и как бы остатки после других, а большую часть присваивали себе, потому что добрый и верный раб у царя из муки, хотя бы то и золотой, сперва замешивает хлеб себе, а потом еще делится и с товарищем.

3. Делом этого царя была и та башня, которая стоит невдалеке от берега среди моря, омывающего сушу, известную прежде под именем Дамалиса, а ныне называемую Арклой, а равно и башня, построенная на берегу насупротив первой, близ Манганского монастыря. Император соорудил их с той целью, чтобы во время нападения варварских кораблей протягивать из каждой башни железную цепь, и таким образом сделать недоступными те части города, которые лежат около Акрополиса и вдаются внутрь залива до самого влахернского дворца. О любви этого царя к изящному свидетельствуют

огромные андроны с колоннами, которые он устроил в обоих дворцах: они горят золотой мозаикой, и в них разноцветными красками с удивительным искусством изображены все его подвиги против варваров, а равно и другие деяния, совершенные им ко благу римлян. Он же воздвиг и отлично украсил большую часть и тех великолепных зданий, которые стоят по берегам Пропонтиды и в которых римские цари ищут отдохновения, проводя здесь лето, как древние персидские властители в Сузах и Экватане. Когда время вызывало на труд, он с необыкновенным терпением выносил и труды, терпел холод, выдерживал зной, отказывал себе во сне, а когда был свободен от войны, любил пожить в свое удовольствие и с наслаждением предавался отдыху. Если бы кто с особенным вниманием посмотрел на него в свободное время и увидел, какое наслаждение доставляют ему вкусные блюда, как он рад послушать и игроков на лире или цитре, и стройное пение, тот сказал бы, что он всю свою молодость провел в одних этих удовольствиях и что наслаждение он считает целью жизни. А если бы, напротив, увидел, как он чуждается в трудные времена всякого наслаждения и презирает житейские удовольствия, то подивился бы его равнодушию к тому и другому. Он предполагал восстановить на берегу моря храм св. Ирины, который некогда был построен знаменитым Маркианом и представлял собой здание, огромнейшее по величине и превосходнейшее по красоте, впоследствии истребленное огнем. Некоторые части этого храма были уже выведены, начиная с основания, но потом работы были прекращены. Он устроил также священную обитель около устьев Понта, на месте, называемом Катаскепой, во имя Архистратига Михаила. Собрав сюда самых знаменитых и самых лучших того времени монахов, он позаботился устроить для них жизнь совершенно уединенную. Зная, что владение иму-

ществом и соединенные с ним разные хлопоты отнимают у людей, избравших для себя пустынную жизнь, много покоя и отклоняют их от жизни для Бога,— а между тем в этом и состоит их обет,— он не уделил им никакого имущества, не назначил монастырю ни полей, ни виноградников, а положил производить монахам из царской казны столько жалованья, сколько нужно для полного их содержания. Это он сделал, по моему мнению, для того, чтобы пресечь непомерную страсть к построению монастырей, которой одержимы были очень многие, и подать потомкам пример того, как должно созидать храмы и какую нужно приготовлять трапезу пустынникам, людям бедным и отрешившимся от земного. Он был очень далек от мысли одобрять нынешний порядок вещей, когда люди дают обет монашества, а между тем бывают и богаче и больше развлечены хлопотами, чем даже те, которые любят удовольствия здешней жизни. Поэтому он возобновил закон, который дан был истинно достойнейшим царем Никифором Фокой[76], человеком с богатырской силой и с большим умом,— закон, которым запрещалось увеличивать монастырское имущество. Этот закон от времени превратился было в мертвую букву и потерял силу, но он воскресил его, согрев, как бы кровью, красными царскими чернилами. Он не переставал упрекать и отца, и деда, и прочих своих родственников, которые, построив монастыри, приписали к ним целые десятины плодородной земли и зеленые луга; он осуждал этих людей и изливал на них колкие насмешки не за то, что они часть своего имущества уделили Богу, а за то, что хорошее дело сделали нехорошо. Им бы следовало назначить жилище для монашествующих в неизвестных местах и пустынных странах, в углублении пещер и на возвышенностях гор, а от этого красивого города близ Гелеспонта бежать, как бежал Одиссей от обольстительных звуков и песен сирен.

Но они, добиваясь похвалы от людей, стараясь выставить напоказ входящим в храмы свои выбеленные и разукрашенные разноцветными камнями гробы, желая и по смерти являться в венцах, со светлыми и блистающими лицами, воздвигли священные обители на площадях и перекрестках и в них заперли не доблестных подвижников, но людей, которые только потому и монахи, что остригли волосы, переменили платье и отпустили себе бороду. Вследствие этого, по желанию ли поддержать погибавшую и падавшую честь монашества или из опасения быть обличенным в сочувствии к тому, что сам же в других порицал, Мануил избрал для себя другой путь, а не тот, которым шли его родственники.

4. У римлян принято за правило — да, я думаю, что это правило имеет силу и у самих варваров,— давать на содержание солдатам жалованье и делать им частые смотры, чтобы видеть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли надлежащим образом о лошадях, а людей, вновь вступающих в военную службу, наперед испытывать, здоровы ли и сильны ли они телом, умеют ли стрелять, знают ли владеть копьем, и потом уже вносить в списки. Но этот царь все деньги, какие должны были идти на содержание солдат, собирал к себе в казнохранилище, как воду в пруд, а жажду войск утолял так называемыми даровыми приношениями обывателей, воспользовавшись делом, придуманным прежними царями и только изредка допускавшимся для таких солдат, которые часто разбивали врагов. Через это он, и сам того не замечая, и ослабил войско, и перевел бездну денег в праздные утробы, и привел в дурное положение римские провинции. При таком порядке вещей лучшие воины утратили соревнование в опасностях, так как то, что побуждало их выказывать воинскую доблесть, не было уже, как прежде, чем-то особенным, что предоставляется только им одним, а сделалось до-

ступным для всех. И жители провинций, которые прежде имели дело с одним лишь государственным казначейством, терпели величайшие притеснения от ненасытной жадности солдат, которые не только отнимали у них серебро и оволы, но и снимали с них последнюю рубашку, а иногда и разлучали их с самыми дорогими для них предметами. Оттого всякому хотелось попасть в число солдат, и одни, простившись с иголкой, потому что она с трудом доставляла скудные средства к содержанию, другие, бросивши ходить за лошадями, иные, отмыв кирпичную грязь, а иные, очистив с себя кузнечную сажу, являлись к вербовщикам и, подарив им персидского коня или несколько золотых монет, зачислялись без всякого испытания в полки, тотчас же снабжались царской грамотой и получали в удел десятины хорошо орошенной земли, плодоносные нивы и податных римлян, которые должны были служить им в качестве рабов. Случалось даже, что римлянин платил подать презренному полуварвару, который никогда не видел боевого строя, между тем как сам он был человек почтенной наружности, так хорошо знал военное дело и имел такие преимущества перед тем, кто брал с него подать, что казался перед ним Ахиллесом или был по отношению к нему то же, что человек, у которого вооружены обе руки, в сравнении с человеком, который от болезни не может протянуть и одной. Положение римских провинций, естественно, было вполне достойно таких беспорядков в войсках; одни из них страдали от иноплеменников, которые на наших глазах грабили их и покоряли своей власти, а другие были опустошаемы и разоряемы своими, словно чужие. О Господи! Доколе Ты будешь забывать Твое наследие и, отвращая от нас лицо Свое, доколе будешь открывать стезю гневу Твоему! Когда Ты, призрев из святого жилища Твоего, видением увидишь нашу тесноту и озлобление и, освободив нас от зол окружающих, пошлешь избавление и от более тяжких зол, которые угрожают нам?!

5. К сказанному нужно присовокупить еще и вот что. Для большей части римских царей решительно невыносимо только повелевать, ходить в золоте, пользоваться общественным достоянием как своим, раздавать его как и кому угодно и обращаться с людьми свободными как с рабами. Они считают для себя крайней обидой, если их не признают мудрецами, людьми, подобными богам по виду, героями по силе, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вернейшим правилом из правил — одним словом, непогрешимыми судьями дел Божеских и человеческих. Поэтому-то, вместо того, чтобы обличать, как бы следовало, людей неразумных и дерзких, вводящих новое и неизвестное Церкви учение, или даже предоставить это тем, кто по своему призванию должен знать и проповедовать о Боге, они, отнюдь не желая и в этом случае занимать второе место, сами бывают в одно и то же время и провозвестниками догматов, и их судьями, и установителями, а часто и карателями тех, кто с ними не соглашается. Таким образом, и этот царь, владевший красноречием и богато наделенный от природы приятным даром слова, не только писал красноречивые послания, но и сочинял огласительные слова, которые называют селенциями (σελέντια*), и читал их вслух всем. А впоследствии, продолжая идти этим путем, он мало-помалу дошел и до божественных догматов и начал рассуждать о Боге. Часто, прикрываясь недоумением, он предла-

* *Σελεντιον* от латинского silentium — «молчание». У латинских и греческих писателей средних веков этим именем называются и частные собрания для рассуждения о гражданских, и особенно о церковных, делах, и самые эти рассуждения, и речь, которую говорил император в этих собраниях. Ducang. Glossar. Graecit. P. 1370. et latinitat. Vol. VI. P. 256.

гал вопросы из Писания, доискивался их решения, собирая и спрашивая всех, кто отличался ученостью. Но и за это его еще можно было бы похвалить, если бы, простирая так далеко свою пытливость, он вовсе не касался непостижимых догматов или, даже и касаясь их, не был упорен в своих мыслях и не перетолковывал во многих случаях смысла Писаний применительно к своим целям, постановляя и привнося свои толкования там, где правильное разумение определено уже отцами, как будто бы он всецело обнял своим умом Самого Христа и от Него Самого и яснее и совершеннее наставлен во всем, что до Него касается. Так, когда возник вопрос об изречении Писания, в котором говорится, что воплотившийся Бог и приносит и вместе приносится, и ученые того времени разделились на противные стороны, исследования продолжались довольно долго, и с обеих сторон сыпались положения и возражения. Но когда вопрос был решен надлежащим образом и царь пристал к тому мнению, которое было богоугодным и лучшим, за разномыслие подверглись низложению Сатирих Пантевген, нареченный епископ града Божия великой Антиохии, Евстафий диррахийский, Михаил фессалоникийский, который украшал собой кафедру Ритора*, а также всходил и на амвон для евангельской проповеди, Никифор Василак, толковавший послания Павла к церквам и блеском своего красноречия проливавший свет на те апостольские изречения, которые затемнены неясностью и преисполнены духовной глубины. Говорят, что когда рассуждали об этом догмате и положено было предло-

* У Кодина в списке чинов и должностей Великой Церкви ритор, учитель Евангелия и учитель Апостола занимают место в четвертом пятке. Обязанностью ритора было вообще объяснять св. Писание. Учитель Евангелия объяснял в частности Евангелие, а учитель Апостола — Апостол. Codin. de offic. Pag. 5.

жить его на общее рассмотрение, вдруг в необычное время раздался страшный удар грома и до того оглушил всех бывших с царем, который жил тогда в Пелагонии, что многие от этого удара попадали на землю; а один из питомцев наук, по имени Илья, стратофилакс*, человек, превосходивший счастьем многих, раскрыв книгу, в которой рассуждалось о громах и землетрясениях, и прочитав, что говорилось в ней относительно того времени, когда прогремел гром, встретил эти слова: «Падение мудрых». И точно, тогда не только упомянутые мужи, умнейшие того времени люди, были извержены из Церкви и подпали под запрещение совершать какое бы то ни было богослужение, но вместе с ними были исключены и изгнаны из священной и божественной ограды и другие лица. А спустя несколько лет царь предложил на обсуждение слова Богочеловека: «Отец Мой болий Мене есть». Не обратив должного внимания на толкование отцов, хотя они и были разнообразны и достаточно определяли и разъясняли смысл этих слов, он представил собственное объяснение и упорно держался однажды принятого мнения, истолковывая сообразно со своим желанием и с тем мнением, которое предположил утвердить, изречения блаженных учителей Вселенной, нисколько не вредящие истине, но сказанные богомудро. Так, одни из отцов говорят, что «болий» сказано об Отце, как виновнике Сына, другие понимают эти слова в отношении к человечеству, относя их к воспринятой плоти, а не к Слову, как и слова о том, что Он идет к Отцу, и о том, что грядет князь мира, но решительно ничего не может найти в Нем; некоторые же принимали слово «болий» и о Слове, но не просто и не по существу, а по отношению

* Стратофилакс — хранитель, страж войска и лагеря. По Кодину, на нем лежала обязанность выбирать место для лагеря во время похода. Codin. de offic. P. 83 et 193.

к крайнему истощению и уничижению в вочеловечении, а иные объясняли и иным, но всегда благочестивым образом. Но царь, не знаю почему, не удовольствовался этими объяснениями, как будто в них недостаточно сказано о предмете, а потому предложил и свое, особенное истолкование. Составив собор и созвав всех, кто любил заниматься божественными догматами, он убедил постановить и подписать такое определение: «Принимаю и изречения богоносных отцов касательно слов: „Отец Мой болий Мене есть", но утверждаю, что это сказано и по отношению к созданной и подлежащей страданию Его плоти». Это определение, не знаю как, приписывает умаление перед Отцом воплотившемуся Сыну, как будто бы Он через восприятие человеческого естества и явление к нам потерял равенство с Отцом и не сохранил в этом состоянии принадлежащей Ему славы, но остался в пределах уничижения и не обожил, и не возвысил уничиженного человеческого естества, и не сделал его соучастником в собственной славе через самое соединение с ним, а напротив, Сам был уничижен им, что нелепо. Утвердив это определение, как пламенным мечом, красной грамотой, угрожавшей смертью и отлучением от веры тому, кто осмелится даже сам про себя вникнуть в этот предмет и только подумать о нем,— не говорю уже о том, кто стал бы явно противоречить и роптать,— царь вслед затем по совету некоторых своих приверженцев и льстецов вырезал его на каменных досках и поставил их в Великой церкви. Эти люди опасались, чтобы не отменили их определения, так как оно переносит умаление через посредство плоти на самое Слово, особенно потому, что они упустили из внимания состояние уничижения и все мыслимое по человечеству.

6. Нечто в таком же роде сделал этот человек и при конце своей жизни. В чине оглашения между другими оп-

ределениями находится и анафема Богу Магомета, о котором последний говорит, что он «и не родил и не рожден» и что он есть олосфирос*. Царь предположил уничтожить эту анафему во всех книгах, в которых содержится чин оглашения, начиная с книжки, находящейся в Великой церкви. Повод к этому был весьма благовиден. Царь говорил, что всякая вообще хула против Бога служит соблазном для агарян, обращающихся в нашу богоугодную веру. Поэтому, пригласив к себе великого Феодосия, который в то время занимал и украшал самый первый престол, и тех из бывших в городе архиереев, которые отличались умом и добродетельной жизнью, он после напыщенного вступления сообщил им свое намерение. Но они все не согласились с ним и не хотели даже и слышать о его предложении, как не ведущем ни к чему доброму и удаляющем от истинного понятия о Боге. Они истолковывали богоугодно слова, которые будто бы служат к соблазну и претыканию, и объясняли, что подвергается анафеме не Бог вообще, Творец неба и земли, а измышленный безумными бреднями Магомета бог-олосфирос, который и не рожден и не родил, так как христиане прославляют Бога Отца, а те презренные бредни Магомета совсем это отвергают. Да притом, говорили они, мы не совсем хорошо понимаем, что значит слово «ὁλόσφυρος». Тогда царь, упорно оставаясь при своем мнении, предоставил им сокрушаться в глубине своих сердец и, воспользовавшись услугами придворных, которые были известны ему ученостью и угодничеством, издал сам от себя определение, которым

[1] *Ολοσφυρος*, собственно, значит «весь скованный молотком» или, как переведено у нас в чине оглашения магометан, «всекованный». Сильбургий замечает, что Магомет этим названием хотел, кажется, выразить единоличность Бога, в противоположность учению христиан о св. Троице. Ducang. Glossar. Graecit. P. 1039.

защищалось буесловие — не могу же я сказать богословие — Магомета и явно осуждались прежние цари и лица из священного списка как люди, по невежеству и неосмотрительности дозволявшие подвергать анафеме истинного Бога. Это определение он отдал для публичного прочтения в царских палатах и вместе с тем послал туда главнейших членов сената и совета и своих родственников, отличавшихся образованием, чтобы они, так сказать, подготовили путь этому определению и рукоплескали тому, что было написано. И хотя это сочинение не было богато поучительными словами Св. Духа, но, приправленное красноречивыми доводами человеческой мудрости, имело такую силу убеждения, что едва могли оторвать свой слух от него не только люди, обращавшие внимание на его изящную внешность и приятную оболочку, но даже и те, которые вникали в смысл написанного. И быть может, стали бы славить, как истинного Бога, какого-то бога-олосфироса, которого придумал Магомет, если бы этому решительно не воспротивился патриарх. Он не только сам не согласился с этим сочинением, как опасным и вводящим новые догматы, но и других убеждал остерегаться его, как яда. Царь оскорбился этим, как будто бы получил жестокую обиду, осыпал архиереев бранью и называл их всесветными дураками. Он был тогда особенно раздражителен, потому что боролся со страшной болезнью, от которой и скончался. Затем, изложив сокращеннее то, о чем в прежнем определении говорилось пространно, со всем искусством красноречия и с ораторскими украшениями, и снова представив свой догмат в обольстительных чертах, он издал другое определение. И так как теперь он жил во дворце, находящемся в Дамалисе и называемом Скутари, желая воспользоваться благорастворенным воздухом и избегая многолюдья, и был совершенно занят врачеванием своей болезни,

то туда же по царскому повелению отправляются и сонм архиереев, и все, отличавшиеся ученостью. Но не успели они еще совсем выйти из лодок, как к ним является секретарь, который был особенно близок к царю и имел весьма большую силу. Это был Феодор Мацук. Обратившись с речью к патриарху и собранию архиереев, он сказал, что доступ к царю теперь невозможен вследствие встретившегося от болезни препятствия, но что они должны выслушать то, что он будет читать; тут он показал им бумаги, которые держал в руках. В одной из них рассуждалось об упомянутом догмате, который, как мы сказали, самодержцу очень хотелось утвердить подписью собравшихся архиереев, а в другой, написанной от царского лица к архипастырю Феодосию[77] и собору, не только не было никакой скромности и не содержалось ничего приятного, а напротив, в ней царь порицал настойчивость патриарха и бывших с ним архиереев как безрассудное упорство, грозил созвать большой собор и уверял с клятвой, что пригласит для рассуждения о предложенном вопросе самого папу старого Рима. «Я был бы,— говорил царь,— неблагодарен и безрассуден, если бы не воздал моему Владыке и Царю всяческих — Богу хоть самую малую часть за все те благодеяния, которые я от Него получил, употребив со своей стороны все старание для того, чтобы Его, истинного Бога, не подвергали анафеме». Но слушатели так мало были испуганы этим напыщенным велеречием, что предстоятель фессалоникийский Евстафий, человек с обширной ученостью и с большим даром красноречия, исполнившись ревностью против того, что было прочитано, не потерпел, чтобы прославлялся, как истинный Бог, какой-то олосфирос — вымысел жалкого ума. «Мозг в моей голове,— сказал он,— был бы попран ногами, и я был бы вовсе недостоин этой одежды,— тут он указал на мантию, которая была у него на пле-

чах,— если бы признал истинным Богом скотоподобного деторастлителя, учителя и наставника на все гнусные дела». Слушатели едва не оцепенели при этих словах, потому что он сказал их громко и ясно показал, что горит ревностью по благочестию. А тот, кто читал грамоту, немного постояв в онемении и с сжатыми губами, отправился назад к самодержцу. Царь, услышав эти слова и как бы оглушенный ими, начал представлять различные оправдания и выказал долготерпение, какого никогда в нем не было. Чтобы избежать упреков и насмешек, он и причислял себя к православнейшим христианам, и говорил, что произошел от самых благочестивых родителей, и настоятельно требовал себе суда с архиепископом фессалоникийским. «Или я оправдаюсь,— говорил он,— и докажу, что не верую в бога-деторастлителя и не ввожу извращения в веру, и тогда подвергну заслуженному наказанию того, кто изрыгает хулу на помазанника Господня, или я буду обвинен в том, что прославляю иного Бога, а не того, которого чтут носящие имя христиане, и тогда я узнаю наконец истину и принесу немалую благодарность тому, кто отвратил меня от ложного мнения и научил истине». Когда же спустя немного времени патриарх явился к нему на лицо и уговорил его, объяснив, что было нужно, он смягчил свой гнев, дозволил Евстафию оправдываться сколько угодно и наконец простил ему сказанные им слова, присовокупив: «Тебе, как человеку умному, не должно вдаваться в срамословие и дерзко говорить то, что совершенно неуместно». После этого определение о догмате было прочитано вслух, все его одобрили как определение благочестивое, обещали с удовольствием подписаться под ним, и собрание было распущено. Собранные удалились, восхищаясь тем, что своей настойчивостью победили царя, а царь радовался, что склонил их на свое желание и посредством немногих слов до-

стиг того, чего прежде никак не мог добиться при помощи длинного сочинения. На следующий день они собрались в доме патриарха, чтобы поступить так, как согласились, потому что еще на заре явились к ним посланные от царя, чтобы собрать их в одно место. Но они были уже не тем, чем были вчера, а напротив, все опять отказывались и отступались от своего обещания на том основании, что в прочитанной грамоте все еще есть некоторые слова, которые следовало бы выпустить; они хотели, чтобы и эти слова были изглажены и заменены другими, нисколько не противными православному учению. Государь опять рассердился и жестоко поносил их, как чистых дураков, за непостоянство и изменчивость их мнений. Наконец кое-как согласились изгладить в огласительных чинах анафему Богу магометову и написать анафему Магомету и всему его учению и всем его последователям. Постановив и утвердив это определение, они окончили свои многочисленные собрания и совещания.

7. Достигши этого места повествования, не умолчу и о другом событии, достойном замечания. Был один евнух, архиерействовавший в городе Хонах, по имени Никита, украшенный всеми добродетелями. Он в такой мере обладал даром пророчества и прозрения в будущее, что его причисляли к величайшим прозорливцам, и все, знавшие этого человека, дивились, каким образом наш нечестивый и развращенный век сподобился иметь такое благо. Когда Мануил, только что получив венец и сделавшись преемником отцовской власти, проходил из Армении через Хоны, он вошел здесь в храм Архангела и принял благословение от руки этого архиерея, как от человека, который своими добродетелями приобрел известность и о котором все говорили. Некоторые из питающихся от алтаря, и притом люди очень умные, недоумевали, будет ли Мануил, бывший в это время моло-

дым человеком и имевший на бороде только пух, в состоянии управлять всем царством, которое нуждается в муже, поседевшем в думах и обросшем бородой, и одержит ли он еще верх над братом Исааком, который имеет больше прав на власть и заседает в столице. Чтобы разрешить их недоумение и открыть им то, о чем они сомневались, этот великий муж и поистине Божий человек сказал: «Поверьте, этот юноша и царством управит и брат ему покорится, потому что так определено и предустановлено Богом. А чтобы вы знали и то, о чем вовсе меня не спрашивали, я скажу, что он проживет несколько больше, чем его дед, разумею его прародителя, римского императора Алексея, но при конце своей жизни впадет в безумие». Это предсказание было известно как многим другим, так и мне, историку Никите, потому что предсказатель был моим воспреемником от божественного крещения. А какое будет безумие и в чем будет состоять, этого никто из знавших пророчество не мог точно отгадать. Одни относили предсказание к помешательству на деньгах, а другие привязывали к какой-либо другой телесной слабости. Когда же был поднят спор о только что упомянутом догмате и царь сначала безрассудно настаивал на том, чтобы был признан истинным Богом Магометов бог-олосфирос, и не рожденный и не родивший, все начали говорить, что предсказание исполнилось, потому что это мнение, как совершенно противоположное истине, бесспорно, есть настоящее и самое худшее безумие.

Припадки болезни начались у царя перед месяцем мартом, в 1-й индиктион, когда происходили споры относительно догмата. Эти споры прекратились в месяце мае, а император скончался в сентябре, не устроив ничего как следует относительно царства. Он медлил распоряжением и указанием того, что должно быть после его смерти, потому

что никак не хотел верить близости кончины и утверждал, будто хорошо знает, что ему остается прожить еще четырнадцать лет. Это он сказал даже самому патриарху, мудрому и блаженнейшему Феодосию, когда тот советовал ему отечески позаботиться о делах царства, пока еще есть время и силы подумать о том, и избрать человека, который бы имел усердное попечение о наследнике власти, мальчике, еще не пришедшем в возраст, верно охранял царицу и заботился о ней, как о матери. Но зловреднейшие обманщики звездочеты не боялись уверять, что царь скоро от болезни оправится и займется, говоря их языком, любовными делами, и бесстыдно утверждали, что он обратит в развалины иноплеменные города. Что еще страннее, эти люди, любящие болтать и привыкшие лгать, скорее чревовещатели, чем звездонаблюдатели, предсказывали еще сотрясение Вселенной, сближение и столкновение величайших звезд, порывы страшных ветров и почти всеобщее изменение стихий. И не только они исчисляли годы и месяцы, высчитывали недели, в которые это будет, и определительно объявляли о том царю, но точно определяли самые дни и, не стыдясь, указывали час и минуту, как будто бы ясно знали то, что Отец положил в своей власти и о чем Спаситель запретил спрашивать ученикам. Поэтому не только сам царь отыскивал и приготовлял для житья пещеры и убежища, недоступные для ветров, и приказывал вынуть стекла в царских дворцах, чтобы предохранить их от разрушительного действия ветров, но и все те, которые принадлежали к числу его слуг и родственников и старались польстить ему, ревностно занимались тем же; одни, подобно муравьям, рыли землю, другие приготовляли палатки, натягивали втрое скрученные веревки и заостряли колья длиной в локоть, чтобы непоколебимо утвердить палатки. Между

тем болезнь царя, как я сказал, усиливалась, и он, неблагоразумно употребив ванну, еще более после этого удостоверился, что его надежды на продолжение жизни исчезают, словно буквы на воде, и что приближается неизбежный предел жизни. Тогда он поговорил немного с окружавшими его о сыне Алексее, прерывая слова рыданиями, потому что предвидел, что случится после его смерти. Затем по предложению патриарха подписал краткую грамоту, в которой свидетельствовал, что он совершенно переменил свое мнение касательно звездочетства. Наконец, приложив руку к артерии и испытав биение пульса, он глубоко вздохнул и, ударив себя рукой по лядвее, потребовал монашеского платья. При этом слове поднялась, как обыкновенно бывает, суматоха; и так как готовой духовной одежды не было, то окружавшие царя, отыскав где-то черную ветхую мантию, снимают с самодержца роскошные царские одежды, одевают его в грубое платье подвижников Божиих и, надев на него божественный шлем и честные латы, преображают в духовного воина и сопричисляют к воинству небесного вождя. Мантия, не достигая до ног и не покрывая всего его богатырского тела, оставляла открытыми голени, так что никто из зрителей не мог удержаться от слез, помышляя о человеческой немощи и о ничтожестве при конце жизни нашего тела, которое у нас, как раковина, обнимает душу и срастается с ней. Так он оставил жизнь и царство, процарствовав тридцать восемь лет без трех месяцев. На это продолжение его царствования, я думаю, намекало одно древнейшее предсказание, которое читается так: «Но попадешь ты в ловушку, которая поставлена на самом конце слова», потому что последний слог имени Мануила (ηλ) означает число тридцать восемь. Царь был погребен сбоку при входе в храм монастыря Пантократора, не в самом храме, но в

Ирое*, около него. Стена храма здесь выведена аркой, и около гробницы открывается широкий вход. Гробница сделана из камня, который отливает черным цветом и представляет собой что-то унылое; камень разделяется на семь возвышений. Недалеко от гробницы лежит на пьедестале и принимает поклонение красный камень величиной в рост человеческий, прежде находившийся в храме города Ефеса. Говорят, что это тот самый камень, на котором Христос по снятии с креста был повит плащаницей и умащен смирной. Царь перевез его оттуда и, возложив на свой хребет,— так как то был камень, на котором лежало божественное тело, соделавшееся тем же, чем был помазавший,— перенес его от Вуколеоновой пристани до самого храма, находящегося в башне большого дворца. Но потом, спустя немного времени после кончины царя, и этот камень был взят из дворца и перенесен сюда, думаю, для того, чтобы громко и ясно провозглашал, сколько деяний совершил и как трудился тот, кто лежит теперь безмолвно в могиле.

* *Ἡρῷον*, собственно, значит «храм, памятник в честь героя». У византийских писателей этим именем называются места погребения царей. Обыкновенно это были особые приделы при церквах.

Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила

1. Так-то кончилась жизнь царя Мануила Комнина. После него начинает царствовать сын его Алексей, еще не вполне достигший юношеского возраста, но имевший еще нужду в дядьках и няньке. Поэтому дела римлян шли дурно и не так как должно, даже хуже, чем когда Фаэтон, взошедши на отцовскую обложенную золотом колесницу, взялся пройти между небесными звездами[78]. Сам государь, по незрелости возраста и по недостатку благоразумия, не обращал никакого внимания на свои обязанности; занятый единственно пустыми удовольствиями и не совсем еще умевший отличать горе от радости, он забавлялся только травлями и конскими скачками, проводя время с молодыми товарищами своих игр и развивая в себе самые дурные привычки. А те, которые при отце были ему друзьями или находились в каком-нибудь родстве с ним, занятые другими делами, нисколько не заботились о том, чтобы дать ему возможно лучшее воспитание и образование, и не обращали никакого внимания на расстройство общественных дел. Одни из них были влюблены в царицу и очень явно ухаживали за ней; добиваясь взаимной любви от нее, они с искусством Венеры завивали себе волосы, ребячески намащались благовониями, подобно женщинам, украшались ожерельями из дорогих камней и смотрели на нее во все глаза. Другие, люди жадные до денег и народные грабители, обкрадывали казну; они без всякой бережливости тратили назначенные в расход суммы и придумывали новые расходы, чтобы через то мешок, вчера пустой и тощий, сегодня наполнить и битком набить. А иные, имея виды на царство, все направляли к этой своей цели. Как бы в отсутствие бдительного и строгого наставника, все пришло в беспорядок, потому что каждый преследовал свою цель и все друг другу противодействовали, или, как бы по отнятии прочного и твердого столпа, все пошатнулось в противоположную сторону. Люди, которые имели тогда особенно большую силу и находились в родственных связях с царем, не признавали равенства прав на должности и почести, и потому заботы об общественных делах были покинуты, собрания и советы прекратились. Между тем протосеваст и протовестиарий Алексей Комнин, который по отцу был племянником царя Мануила, совершенно овладел матерью царя-отрока, часто проводил с ней время и усилился больше всех других. Все это возбуждало крайнюю досаду в людях, которые принадлежали к тому же дому, пользовались при царе Мануиле одинаковой с Алексеем властью и были украшены величайшими почестями. Некоторые же из них видели уже и зарождение тирании и смотрели с подозрением на протосеваста, опасаясь не столько того, чтобы не потерпел чего-нибудь неприятного царь Алексей, сколько того, чтобы их самих не схватили. Потому, выжидая, что будет, они заботились лишь о своей безопасности, не думая о других. Действительно, молва уже ходила и громко говорила, что Алексей, сде-

лавшись почти неразлучным и согласившись с матерью царя, привлекает к себе многих дружбой и деньгами, замышляет свергнуть царя с престола и рассчитывает сам сделаться обладателем как его царства, так и родительницы. А когда, таким образом, все в царском дворце было исполнено смут и всякого рода тревог, то и в самих государственных делах можно было видеть то, что говорится в сказке о драконе, который бедствовал оттого, что управлялся в своих движениях глухой и слепой частью — хвостом[79]. Теперь исполнялось и предзнаменование, которое случилось при конце жизни самодержца Мануила. Одна женщина, жившая близ Пропонтиды, родила дитя мужского пола, у которого все члены были чрезвычайно малы, а голова на плечах необыкновенно велика и огромна. Полагали, что это было предзнаменованием многоначалия, от которого рождается безначалие.

2. Между тем Андроник Комнин, двоюродный брат царя Мануила, о котором приходилось весьма часто говорить в истории этого царя и который жил тогда в Энее*, услышав о смерти Мануила и узнав о придворных смутах, возымел прежнюю страсть к тирании. Но мы пока не будем говорить об этом, а, следуя порядку, начнем историю этого человека с того, с чего приличнее ее начать по связи событий, чтобы не опустить ничего, достойного внимания. Этот Андроник, чтобы не попасть в руки Мануила, обрек себя на постоянное бегство и, побывав во многих городах и увидев много иноземных крепостей, остановился наконец, как мы сказали, у Салтуха: это был топарх, владевший соседней с Халдеей страной, которая в старину платила дань римлянам, а тогда находилась во власти у турков и усвоила себе их нравы. Заняв с согласия Салтуха одну крепость и присоединив к тем средствам защиты, которые даны ей от природы, и искусственные укрепления, он жил здесь вместе с Феодорой Комниной, которая сопутствовала ему в странствованиях и в изгнании и незаконно разделяла с ним ложе. Она была дочерью севастократора Исаака, а Исаак и Андроник — оба родились от родных братьев. Так как самодержец Мануил не мог схватить Андроника, который постоянно ускользал от него, как Юнона от Иксиона, то он стал стараться захватить, как Облако*, по крайней мере племянницу Феодору. А достигши этой цели при помощи тогдашнего владетеля над Трапезунтом Никифора Палеолога, он спустя немного времени привлекает к себе и самого Андроника, которого, как приманка, притягивала Феодора. Увлекаемый страстной любовью к ней и немало также снедаемый пламенной привязанностью к детям, рожденным от Феодоры, Андроник, отправив к царю послов, просит прощения во всех своих дурных поступках и удостоверения того, что по своем прибытии не потерпит никакой неприятности. Царь согласился на то и другое без всякой коварной мысли, и через несколько времени Андроник является. Как человек ловкий и способный на все плутовские проделки, он надел себе на шею тяжелую железную цепь, которая опускалась до самых пят, и скрыл ее под одеждой, чтобы до времени не заметили ее ни царь, ни окружавшие престол его. Получив дозволение войти и представиться самодержцу, он, как только показался ему на глаза, тотчас же растянулся на полу во всю длину своего огромного роста, выставил напоказ цепь и, со слезами на глазах, пламенно и трогательно просил прощения во всем, чем оскорбил царя. Царь, изумленный этим зрелищем, про-

* Город в Малой Азии, близ Пафлагонии.

* Указание на рассказ, по которому Юпитер по жалобе Юноны на преследования Иксиона подставил ему в виде Юноны Нефелу, что значит «облако».

слезился сам и приказал поднять Андроника, но он уверял, что не встанет с пола, пока кто-нибудь из предстоящих по приказанию царя не протащит его за цепь по ступеням престола и не повергнет перед царским седалищем. Как просил Андроник, так и было сделано. А исполнил это дело Исаак Ангел, который впоследствии лишил Андроника власти,— событие, которому нельзя не удивляться и которое едва ли можно объяснить бессмысленным стечением обстоятельств или простым случаем. Вследствие этого Андроник был тогда принят блистательнейшим образом и удостоился великолепного угощения, какое прилично такому человеку, возвратившемуся после долговременного отсутствия. Потом его препроводили в Эней с тем, чтобы он, поселившись там на жительство, успокоился от долговременного странствования и отдохнул после многолетней бродячей жизни. И Мануил и Андроник знали, что пребывание в одном и том же месте снова приведет их к прежним столкновениям, потому что никогда не утихнет зависть и не успокоятся люди, у которых вся забота состоит в том, чтобы доносами заискивать милости у властителей и клеветами на других увеличивать свою собственную силу и достигать бóльших почестей.

3. Таким образом, Андроник находился вдали от Зевса и его громов и только в том отношении влачил не прежнюю бедственную жизнь, что не скитался за римскими границами и обильно пользовался царскими дарами. Здесь-то проживая, услышал он, что царь Алексей забавляется конскими скачками и исключительно занят детскими играми, а его знатные воспитатели, одни, подобно пчелам, часто летают в провинции и, как мед, собирают деньги; другие, подобно козлам, охотникам до молодых ветвей, скрытно желают царского скипетра и непрерывно его домогаются, а иные, подобно свиньям, тучнеют от самых грязных доходов, о славе и пользе общего отечества не хотят и подумать, но валяются в грязи нечистых дел и, как свиньи, склоняются ко всякой гадости. Поэтому он стал придумывать и тщательно изыскивать средства, как бы под благовидным предлогом захватить себе царство. Перебрав множество планов и обдумав все способы, он наконец хватается за присяжный лист, по которому он клялся Мануилу и сыну его Алексею. Здесь он нашел, между прочим, и следующие слова, которые нужно привести буквально, так, как они читались, без всякой перемены — именно: «И если я увижу, или узнаю, или услышу что-либо такое, что клонится к вашему бесчестию и ко вреду для вашего венца, то и вам дам о том знать, и сам, сколь мне возможно, буду тому противодействовать». Эти слова вполне годились для присвоения власти, которой он давно сильно домогался, как человек с гордым характером и с душой властолюбивой. Поэтому он привязался к ним, как мухи привязываются к ранам, и стал посылать письма за письмами и к племяннику и царю Алексею, и к Феодосию, который украшал собой самую высокую святительскую кафедру, и ко всем другим лицам, в которых оставалась еще искра любви к умершему царю Мануилу. В своих письмах он преувеличивал дурные слухи, распространяемые молвой, и выказывал притворное негодование на то, что протосеваст не лишен власти и не поставлен в более скромное положение как по той причине, что отсюда возникает и уже явно грозит царю Алексею очевидная гибель, так и по причине крайне непристойных и неприятных слухов, которые разглашаются уже со стен, рассказываются при дверях народных властителей и распространяются по всему миру. И обо всем этом он говорил и писал с необыкновенной убедительностью и увлекательностью: он был как едва ли кто другой опытен в словесных науках, и послания духовного витии Павла были у

него постоянно на устах. Оттого все соглашались с его мыслями и склонялись на его сторону, считая его единственным человеком, который предан интересам римлян и, вследствие долговременной и многолетней опытности, соединяет в себе лучшие качества. Сам он между тем, оставив Эней, направляется к столице, разглашая всюду, куда ни приходил, о своей присяге и рассказывая всем, кто ни спрашивал, о причине своего движения. Около него стали собираться и без умолку кричали, как галки около парящего в облаках орла с кривыми когтями, все, желавшие нового порядка вещей, и охотно верили давнишней молве, которая предвещала, что Андроник будет некогда царствовать. Таким образом, он вступил в пределы Пафлагонии и всюду был принимаем с величайшими почестями как спаситель, идущий по внушению Божию.

4. Что же касается протосеваста Алексея, он,— гордясь своей силой и злоупотребляя властью государыни, распространял свое влияние, подобно ядовитому и страшному дракону, на все вообще дела. Без него не делалось ничего. Если же кому и случалось сделать что-нибудь тайно от него, или упросив царицу, или испросив что-либо при благоприятном случае у царя, когда тот играл в орехи или забавлялся бросанием камешков, то и это не проходило мимо его глаз. Он нашел средство достичь того, что и все, сделанное другими, приходило к нему же, подобно волнам в водороте,— испросив у царя повеление, чтобы грамоты, подписанные царской рукой, не иначе считались имеющими силу, как только в том случае, если наперед они будут представлены Алексею и он своей рукой сделает на них надпись темно-зелеными чернилами: «Смотрено». Поэтому он всем управлял и распоряжался по своему произволу, и те деньги, которые собрали прежние цари из рода Комниных, и собрали с большим трудом и, даже можно сказать, отнимая последнее у нищих, эти

деньги достались на расточение протосевасту и царице. Теперь явно сбывалось изречение Архилоха, который говорит, что в утробу развратной женщины часто течет то, что собрано долговременным и тяжким трудом. Поэтому весь город обращал взоры к Андронику и его прибытия ожидали, как светильника во мраке и как лучезарной звезды. Тогдашние вельможи, через тайно посылаемые письма, убеждали его поспешить прибытием, уверяя, что никто не будет противодействовать ему, никто не станет противиться даже тени его, но все примут его с распростертыми объятиями и радостно раскроют перед ним свои сердца. Особенно же его ободряли и побуждали смело идти к ним порфирородная Мария, сестра царя Алексея по отцу, но от другой матери, и ее муж, кесарь, происходивший из Италии. Она крайне досадовала, что отцовское царство присваивает себе протосеваст; к тому же она была женщина смелая и мужественная, питавшая естественную ненависть к мачехе и не терпевшая, что кто-нибудь был выше ее и чтобы ее считали за соперницу. Поэтому она письмами, словно шпорами, раздражала Андроника, как коня, который стоит за оградой и рвется на ристалище, хотя через это делала зло себе и ускоряла собственную гибель. В то же время, не имея сил скрыть свою ненависть к протосевасту, она явно ему противодействовала и не упускала ничего, что клонилось к его гибели. Склонив на свою сторону тех из своих родственников, о которых верно знала, что они расположены к Андронику и питают неприязнь к протосевасту, именно: Алексея Комнина, незаконнорожденного сына царя Мануила; Андроника Лапарду; двух сыновей Андроника, Иоанна и Мануила; городского епарха* Иоанна Кама-

* Именем городского епарха назывался начальник города Константинополя.

тира и многих других — она составила заговор и, утвердив клятвой верность к царю и брату, определила смерть протосевасту и только выжидала благоприятного случая умертвить его. Полагая, что задуманное дело удобно исполнить во время выхода протосеваста вместе с царем в Вафириакс для празднования памяти мученика Феодора в субботу на первой неделе Великого поста, она подготовила все для исполнения своего замысла и подговорила убийц, которые должны были обнажить смертоносное оружие против врага; но по какому-то случаю не успела в своем намерении. И замысел и заговор спустя немного времени были открыты. Тогда все заговорщики были представлены перед царским судилищем, сделано исследование их преступления,— впрочем, только для вида, но не на деле, потому что тотчас же последовало осуждение,— и они, как безгласные рыбы, отведены были в тюрьму, не получив даже позволения защитить свои намерения.

5. А сама порфирородная с мужем кесарем прибегает в Великую церковь и объявляет, что ищет убежища от мачехи, которая питает к ней непримиримую вражду, и от ее жестокого любовника. Этим она не только возбудила жалость в патриархе и во всех, служащих внутри священной ограды, но и многих из собравшегося народа и черни так расположила к себе и тронула, что они чуть не плакали о ней. Ободренная участием народа, а частью и сама возбудив к восстанию бедную толпу раздачей медных статиров, она пренебрегла тем, что обыкновенно даруется ищущим спасения в убежищах, и когда ей предлагали прощение в преступлениях, в которых она была уличена, не только не хотела ничего слушать, но требовала, чтобы ее соумышленники были подвергнуты вторичному суду и освобождены из заключения. Не соглашаясь ни под каким видом на то, чтобы протосе-

васт управлял общественными делами, она всячески унижала его и говорила, что он заходит за пределы дозволенного, отваживается на дела, совершенно беззаконные, и тем кладет пятно на ее род. Затем, мало-помалу увеличивая свои требования, она стала настаивать, чтобы Алексей был выгнан и из дворца и, как терние, выросшее около благородного растения, был исторгнут с корнем и истреблен, потому что это терние, разросшись, задушит, как пшеницу, самодержца. Очевидно, она желала того, что не могло исполниться: Алексей, однажды приросши к царским чертогам, как полип к камням, и распустив кругом свои цепкие волокна, отнюдь не думал отсюда выходить. Между тем царь и брат — говоря о царе, я разумею приказания протосеваста и царицы матери — грозил сестре кесариссе, что, если она добровольно не оставит святилища, ее возьмут и выведут из храма насильно. Но она отвечала, что никогда не выйдет по доброй воле, и, опасаясь, чтобы ее не схватили, приставила к храму стражей, заняла все входы часовыми и обратила дом молитвы в пещеру разбойников или в сильную, неприступную и неодолимую крепость. Затем, простираясь все далее и далее по своему дурному и предосудительному пути, она собирает себе на помощь и войско и обращает божественную ограду в лагерь. Именно она созвала тяжеловооруженных итальянцев, вооружила мужественных восточных ивиров, прибывших в город по делам торговым, и привлекла на свою сторону вооруженную римскую фалангу. Она не слушала никого, кто склонял ее к миру, не уважив и самого патриарха, который с жаром на том настаивал и предлагал весьма дельные советы, как ей поступить, и часто даже с гневом бранил ее. И во всех других городах народная толпа бывает неразумна и чрезвычайно необузданна в своих стремлениях; но в Константинополе больше чем где-нибудь эта толпа склонна к возмущениям,

отличается дерзостью и любовью к кривым путям, и это потому, что она состоит из разноплеменных народов и от занятия разного рода ремеслами теряет, можно сказать, здравый смысл. И так как худшее обыкновенно и всегда берет перевес и между многими незрелыми ягодами с трудом можно найти и одну спелую, то эта толпа и не по разумному убеждению домогается чего-либо, и неохотно отступает от своих незаконных требований. Иногда возбужденная к восстанию одним лишь слухом, она бывает яростнее огня, с радостью идет на мечи и упорно противится, подобно скалам и утесам; а иногда бывает крайне боязлива, трепещет при всяком шуме и дозволяет всякому желающему попирать себя ногами, так что справедливо упрекают ее в непостоянстве и крайней переменчивости. Оттого-то сброд людей, населяющих город Константина, ни сам для себя никогда не придумал и не сделал ничего хорошего, ни других не слушал, когда кто и хотел ввести какую-нибудь общеполезную и благотворительную меру. Всегда действуя противоположно тем городам, которые наслаждаются благоденствием, эти люди все, что приносит им земля и море, без всякой пользы для себя передают и пересылают в другие, иноплеменные города. А неуважение к властям они удержали за собой, как врожденное им зло; ибо, кого сегодня превозносят, как законного властителя, того на другой день поносят, как злодея, в том и другом случае, очевидно, действуя не по разумному убеждению, а по глупости и легкомыслию.

6. Поэтому-то и теперь начались у них сходки и стали составляться собрания. Первоначально они дозволяли себе только свободные речи, именно жалели о порфирородной Марии, говоря, что она страдает незаслуженно, кричали против протосеваста, как против человека, который благоденствует не по достоинству и злоупотребляет своим счастьем,

и негодовали на мать царя. Но потом, мало-помалу увлекаясь далее, они дошли до явного возмущения, и когда один священник вынес на площадь изображение Христа Спасителя, другой явился с крестом, носимым на плечах, еще один с развевающимся священным знаменем,— к ним, как к молоку мухи, налетели мятежники. Все, как бы условившись заранее, выражали шумные благожелания царю и в то же время — как это обыкновенно бывает у мятежников, которые начинают всегда прекрасно, но оканчивают бунтом,— протосеваста и государыню осыпали проклятиями. И это делали они, собираясь не в одном только Милионе*, но они приходили и в самый цирк и здесь, заняв полукружие и став в виду императорского дворца, дозволяли себе те же мерзости. Все это, продолжаясь несколько дней, волновало народ и побуждало его к мятежу. Наконец чернь взбунтовалась и бросилась грабить и разрушать прекраснейшие дома, принадлежавшие людям, к которым особенно расположены были протосеваст и государыня. В том числе был и чрезвычайно красивый дом Феодора Пантехна, городского епарха и начальника над царским казнохранилищем, облеченного высшей судебной властью. Сам он только бегством спас свою жизнь, а все его имение было разграблено. Мятежники не пощадили даже публичных актов, в которых изложены были права граждан, утвержденные прежними царями, и которые в обществе были полезны для всех или по крайней мере для весьма многих, между тем как прибыль от присвоения их была ничтожна и не простиралась даже и настолько, чтобы эта пьяная чернь могла за них напиться. Протосеваст и

* Милионом или Милием — *Μίλιον* — называлось обширное здание со сводами и арками, украшенное статуями и разными фигурами. Оно было устроено и названо по примеру римского Миллиария (Milliare), от которого начинались все римские дороги. Bandur. Antiqu. Constant. Tom. 2. P. 366.

его приверженцы, видя, что зло постоянно увеличивается, собрали совет и рассуждали о мерах к прекращению мятежа. И так как они видели, что кесарисса Мария ни в коем случае не думает отказаться от своих намерений и нисколько не уменьшает своих чрезмерных притязаний, то решились идти против нее войной и выгнать ее из божественного храма, как бы из какой-нибудь крепости. Созвав поэтому немалое количество войска из восточных и западных легионов и собрав его в большой дворец, как бы в один лагерь, они стали выбирать место, с которого удобнее можно было бы напасть на находившихся в храме. Ибо и кесарисса приготовилась уже к отпору, желая борьбой решить свою участь. Защитники ее разрушили с этой целью все здания, которые по Августеону* примыкали к Великому храму, и взошли на большую арку, находившуюся в Милионе, чтобы отсюда отражать царские войска. Равным образом они заняли и охраняли и храм, посвященный Алексию и соединенный с площадью Августеона. А царские войска, поспешно выступив из большого дворца на рассвете в субботу, второго числа месяца мая, 15-го индиктиона, сначала вступили в храм Иоанна Богослова, так называемый Дииппиев**, под начальством некоего армянина Савватия; потом взошли на крышу храма и подняли шумные восклицания. Когда наступило время сражения,— было око-

* Августеоном — *Αυγουςᾶιων* — называлась обширная площадь между Софийским храмом и большим, или главным, дворцом. Ее устроил и назвал Константин Великий в честь своей матери Елены, которую провозгласил Августой и которой статую поставил на этой площади. Она со всех четырех сторон обнесена была портиками и обставлена великолепными зданиями. Вход в нее был с разных сторон сквозь ворота. Bandur. libr. cit. Pag. 359—360. conf. Ducang. Descript. S. Sophiae. P. 81—82. Edit. Bonn.

** Такое название получил этот храм оттого, что находился близ места, на котором стояли статуи двух лошадей (*δυο* и *ὑππος*), воздвигнутые императором Фокой. Bandur. l. cit. P. 367.

ло третьего часа дня, и Августеонская площадь была чрезвычайно набита народом,— эти воины, сражаясь с высоты и бросая стрелы сверху вниз, как бы молнии, наносили немалый вред защитникам кесариссы, которые сражались с высоты Милионской арки и из храма Алексия. Когда же вышли из дворца еще другие отряды хорошо вооруженного войска и заняли дороги и все узкие проходы, ведущие к Великому храму, то и народ не мог уже более стекаться на помощь кесариссе, так как для всех доступ прегражден был оружием, и те из ее защитников, которые вышли из храма и, пройдя площадь Августеона, вступили в бой с царскими войсками на улицах, принужденные сражаться против превосходящего числа, явно стали утомляться и мало-помалу теряли отвагу. Таким-то образом началось открытое сражение и завязался жестокий бой: то бросали стрелы, то начиналась рукопашная схватка, и с обеих сторон слышны были и стоны падающих, и восклицания поражающих. До самого полдня сражение было нерешительно и победа оставалась сомнительной, колебля весы счастья равномерно на стороны обоих войск и то склоняя перевес на одну сторону, то опять на другую. Но после полудня победа очевидно склонилась на сторону царских войск. Отразив своих противников, вышедших из храма, и вытеснив из улиц, они заперли их внутри Августеона. Когда же эти были таким образом стеснены, тогда обратились в бегство и стоявшие на арках Милиона, а равно и те, которые сражались из храма Алексия. Заняв эти места, царское войско водрузило на верху арок знамена с изображением царей, а ворота Августеона разрушило секирами и молотками. Теперь защитники кесариссы не могли уже сопротивляться: поражаемые сверху теми, которые взошли на арки, они в то же время жестоко страдали и в рукопашных схватках с солдатами, которые ворвались на площадь. Они стали мало-по-

малу уходить, пользуясь небольшим прикрытием со стороны римлян, которые, заняв выходящий на Августеон андрон, называемый Макроном, и смежный с Августеоном дом Фомаита, бросали в защиту их сверху камни и пускали стрелы. Наконец, теснимые со всех сторон, они оставляют Августеонскую площадь и входят в преддверие храма св. Софии, где искусной мозаической работой изображен во весь рост первейший и славнейший из предстоящих Богу Архангелов Михаил, с обнаженным мечом, как бы приставленный страж святилища. После сего ни царские войска не могли идти далее, опасаясь тесных проходов храма, ни усердные защитники кесариссы не выходили оттуда на сражение.

7. Между тем кесарь и сам патриарх были в тревоге: один боялся за себя и свою супругу, чтобы не попасть бесславно в руки неприятелей, другой опасался, как бы враги не ворвались внутрь самого святилища, как бы скверными ногами не попрали священного помоста и нечистыми руками, с которых каплет еще не застывшая кровь, не разграбили всесвятых приношений. Облачившись в святительскую одежду и взяв в руки Евангелие, патриарх сошел в притвор храма, в который собрались бежавшие защитники кесариссы и который называется протекдикием. А кесарь, созвав тяжеловооруженных воинов, которые охраняли церковные входы, и всех, окружавших его и бывших еще со свежими силами латинских копьеносцев, а равно и домашних слуг своей жены, всего числом до полутораста человек, стал на одном возвышенном подножии, какое отыскалось в Макроне, и, окружив себя этими готовыми к битве людьми, сказал следующую речь: «Не против единоплеменников и единоверных, а против врагов креста следовало бы снаряжаться в эти воинские доспехи и вооружать руки мечами. Но так как люди, дурно управляющие римским царством, отняли у нас к этому возможность и заставили нас невольно, против нашего желания, изощрить наши копья против них, то выступим без страха против нападающих на нас, не будем думать, что они единоверцы нам и наши соотечественники, но отомстим им, во-первых, как врагам Бога, во святилище которого они бесстыдно врываются, а потом и как нашим собственным неприятелям. Это мщение совершенно безукоризненно. Ибо мы решительно ничего не сделали против них и отнюдь не поднимали против них оружия, а они бессовестно преследуют нас, как каких-нибудь уголовных преступников и негодяев, бесчестно нападают на лежащих и, между тем как мы ищем защиты у Бога, хотят исторгнуть нас из этого храма. Не так следовало поступать им как потому, что они не могут упрекнуть нас ни в чем недостойном, так и потому, что крайнее безумие — решительно осуждать или преследовать с оружием в руках, словно злодеев, тех, которые прибегают к Богу, призывая его в посредники и решители споров. Итак, не должно считать делом беззаконным, когда кто сражается, чтобы защитить самого себя, и наносимый удар старается обратить на того, кто поражает его; не должно щадить и единоплеменника, когда он нападает с мечом в руках и покушается на жизнь; нет, всякий враждующий должен считаться врагом и всякий, предпринимающий убийство, должен пасть. Притом мы угодим и Богу, если отразим скверноубийц от сего святилища, если противостанем этим алчным, как видите, грабителям святыни, готовым расхитить ее. Если бы это было не так, если бы они полагали различие между обыкновенным и священным, то, конечно, давно уже, как победители, оставили бы желание ворваться во внутреннейшую часть храма. Но они до того бесстыдны, что не только задумали ограбить наше имущество, но, как безумные, хотят присвоить и Божие. Но, клянусь Распятым на кресте и этим

некогда обложивший Иерусалим лагерем, так щадил Соломонов храм и столько заботился о его сохранении, что лучше решился подвергаться нападению и терпеть урон в собственном войске со стороны иудейского ополчения, которое производило вылазки из храма, чем предпринять что-либо богопротивное в отношении к этому великолепному и чудному зданию; если так, говорю, поступил человек, не знавший того Бога, храм которого он уважал, но неразумно воздававший почтение богам, не сотворившим неба, то какой чести не должны были бы оказать богобоязненные христиане этому прекраснейшему, этому божественному храму, по истине созданию рук Божиих, делу неподражаемому и первому и последнему по красоте, представляющему собой на земле точно свод небесный!

Протосеваст питал непримиримую злобу на патриарха Феодосия за то, что тот явно противился его замыслам и мешал его намерениям. Поэтому он еще и прежде вооружил против него многих епископов, подкупив их золотом и угощениями, и, несмотря на его отсутствие, присудил его к низложению за то, что будто бы он принял сторону кесариссы во время ее восстания против царя и дозволил ей из храма, как бы из какого укрепления, бунтовать с оружием в руках, возбуждать безумный и безрассудный мятеж. Может быть даже, он успел бы с бесчестьем и низложить его с патриаршего престола, если бы всеми мерами не противодействовала этому кесарисса. С одной стороны, она не давала протосевасту времени заняться низведением этого патриарха и возведением на его место нового, а с другой — тщательно стерегла и самого святейшего отца, чтобы он, отказавшись от дел, тайно не удалился на покой в построенный им монастырь на острове Теревинфе и через то не сделался виновником ее погибели, так как ее тотчас же исторгли бы из храма и подвергли бы жестокой казни. Точно так же и теперь, воспользовавшись благоприятным временем для удовлетворения своего гнева, протосеваст выгнал преподобного отца из его священных палат и послал в заточение в Пантепоптов монастырь. И много придумывал он средств, много составлял планов, совещался с самыми негодными людьми между тогдашними членами сената, советовался с теми из служителей алтаря, которые не боятся ни кары Божией, ни суда человеческого,— чтобы под благовидным и приличным предлогом свергнуть сего святителя. Но он не мог достигнуть своей цели сколько потому, что в патриархе не нашлось решительно ничего, что дало бы основательный повод к низложению, столько же и потому, что государыня и очень многие, или даже почти все царские родственники, чрезвычайно уважали этого мужа. Тогда этот коварный змей поневоле перестал извиваться и, проглотив назад яд, который приготовил изрыгнуть на святого мужа, согласился и сам возвратить патриарха на прежний престол. Когда наступил день, назначенный для возвращения, все государственные сановники, все к добру расположенные служители алтаря и все городское народонаселение, стекшись к святой обители, составили для патриарха блистательную процессию, окропляя улицы духами и наполняя воздух благовонием индийских растений и душистых ароматов. Процессия была до того многолюдна, что тот, для кого она была устроена, едва только глубоким вечером вступил в великий храм Премудрости Божией, тогда как из Пантепоптова монастыря вышел на рассвете. И такой стыд покрыл лица архиереев, признавших его виновным, что они не только избегали многолюдных дорог, сознавая свою несправедливость к архипастырю и вследствие того свое крайне смешное положение, но даже рады были бы и смерти. Так это было.

9. Между тем Андроник, которому так пламенно хотелось власти и которого надежды поддерживались частыми письмами, издалека прилетавшими к нему, как уже мной сказано, от знаменитых особ, получил наконец самые верные сведения обо всем, что делается во дворце, от дочери своей Марии, которая бежала к нему, гордясь быть дочерью такого отца. Приятные вести, которые он услышал от нее, подстрекнули его, как подстрекают шпоры бегового коня. Оставив пределы пафлагонские, он приходит в понтийскую Ираклию, а оттуда отправляется далее и всюду разного рода хитростями, притворством и изворотливым умом склоняет на свою сторону и привлекает всех, встречающихся на пути. Да и кто мог родиться таким твердокаменным или заковать свое сердце, как железную наковальню, чтобы не тронуться ручьями слез Андроника, чтобы не очароваться вкрадчивостью речей, которые лились у него, как мутный поток, и которые он расточал с такой же хитростью, как и увлекательностью, выставляя на вид ревность свою ко благу и притворно вступаясь за свободу царя? Впрочем, и протосеваст со своей стороны не оставлял этого совершенно без внимания, хотя и был человек крайне женоподобный. Он не только утро проводил в беспробудном сне, но и большую часть дня употреблял на то же и, чтобы вожделенный для других свет солнца не заставил его открыть свои глаза, завешивал спальню плотными занавесами и скрывался во тьме. Если надобно сказать всю правду, он любил ночные пирушки и разгонял ночной мрак искусственным светом, а когда солнце появлялось на востоке горизонта, подобно диким зверям, ложился в постель и укрывался от света коврами и покрывалами. Он занимался чисткой гнилых своих зубов, замазывал смолой те из них, которые искрошились от времени, был изнежен и ленив и при всем том умел привязать к себе большую часть тогдашних благороднейших мужей. В этом случае помогло ему и покровительство или, вернее сказать, непобедимое посредничество матери царя, которая своими светлыми взглядами, жемчужной белизной своего лица, любезным характером, открытой душой и очаровательной прелестью в речах привлекала к себе всех, точно цепью. Но большей частью он обольстил деньгами и усыпил дарами тех, которые считали для себя обидой занимать второе по нем место. Вот почему ни один их тех, кому поручено было противостать Андронику, не перешел на его сторону, несмотря на то, что Андроник явно уже достигал власти, никто не изменил протосевасту и не обольстился Андрониковой маской тираноненавистника. Так, Никея, главный и обширнейший город Вифинии[80], решительно не приняла Андроника, и Иоанн Дука, на которого была возложена ее охрана, остался непреклонным, несмотря на письма Андроника, в которых он громил доводами убедительнее осадных орудий и сильнее всякой стенобитной машины. Равным образом и великий доместик Иоанн Комнин, управлявший областью фракисийцев, не только заткнул уши от обольщений Андроника, но и посрамил его как тирана, приникнув к его словам, как бы к чистому и блестящему зеркалу, и заметив, что в них отражается Андроник, как многоличный Протей и тиран. Когда же Андроник приблизился к Тарсии и большая часть никомидийцев передалась на его сторону, против него выслан был с достаточными силами Андроник Ангел, которого сыновья Исаак и Алексей впоследствии заняли престол после Андроника. Ангел, вступив в бой с неприятелем около небольшой крепости Харакса, был блистательно разбит, хотя и имел дело не с равносильным войском и встретился не с воинственным противником, а сражался с каким-то скопцом, который набрал в свои ряды дрянных поселян и, кро-

ме того, привел с собой часть пафлагонских воинов. Так как вслед за этим поражением он тотчас же бесславно возвратился в Константинополь, то от него потребовали возврата денег, которые были ему отпущены для военных издержек. Видя, что его подвергают отчету за то, что он, будто бы по дружбе к Андронику, не только не исправил дел, как надеялись, но привел их еще в худшее положение, Ангел по внушению сыновей, которых у него было шесть и все — люди с воинственным духом и с сильными мышцами, вздумал было укрепить и привести в оборонительное положение свой дом, находившийся в Екзокионии*, и привлек к себе на помощь несколько граждан. Но так как сознавал, что он не в силах бороться с превосходным по числу царским войском и не в состоянии одолеть противников, то изменил свое намерение и решился бежать. Выведя из дома и взяв с собой шестерых сыновей и жену, он сел на корабль и отправился к Андронику, который, увидев Ангела, говорят, сказал при его приближении: «Се аз посылаю Ангела моего пред лицом твоим, иже уготовит путь твой пред тобою». Ободрившись прибытием двоюродного брата и видя успех в своем предприятии, Андроник покинул окольные дороги, оставил без внимания города Никею и Никомидию[81], не стал сворачивать туда или сюда, но пошел прямо и неуклонно по дороге, ведущей к Константинополю. Остановившись на ночлег в Певкиях — так называется одно место, лежащее выше Халкидона[82],— и поддерживая в продолжение целой той ночи множество сторожевых огней, не по нужде для бывшего с ним войска, а для того, чтобы представить его в преувеличенном виде, он до того увлек и привязал к себе византийцев, что они, оставив обычные дела, бросились смотреть на противоположный берег и, бродя по прибрежью и холмам города, знаками как бы тянули к себе еще вдали бывшего Андроника. Так-то шли дела у плешивого и седого Андроника!

* Так называлась местность в Константинополе за земляной стеной, построенной Константином, и называлась потому, что здесь стояла статуя (*κιονιον*) Константина. Bandur. Antiquit. Constan. T. 2. P. 563. Ed. Venet.

10. Между тем протосеваст Алексей, не имея возможности отразить наступающего неприятеля сухопутными силами,— так как одни, для кого не совсем еще безопасно было явно переходить к Андронику, тайно в своих мыслях склонялись уже на его сторону, а другие думали, что для верности императору довольно оставаться дома и не приставать ни к той, ни к другой стороне, как привык народ думать и говорить об этом, частью по корыстному расчету, а частью и потому, что большая часть римских государей всегда достигала власти убийством и кровопролитием,— пытался отвратить угрожающую опасность битвой на море. С этой целью трииры покрыли Пропонтиду. На одних из них были гребцами и должны были сражаться с палуб римляне, а на других — бывшие в городе различных наций латиняне, самая лучшая и воинственная часть войска, которой деньги лились рекой, потому что протосеваст, в случае нападения, гораздо более надеялся на ее защиту, чем на самих римлян. Ему очень хотелось сделать начальниками триир людей, особенно ему преданных, и вверить управление флотом своим родственникам. Но так как великий вождь Контостефан воспротивился этому и никак не хотел отказаться от начальства над флотом, как по всем правам принадлежащего ему, а не кому-либо другому, то протосеваст по необходимости должен был переменить свое намерение. Таким образом, начальником над всем флотом назначен был Андроник Контостефан, хотя при нем и состояло несколько родственников и друзей протосеваста,— и всякая переправа с восточного берега была прервана. Спустя немного времени со стороны

царя отправляется послом к Андронику один из служителей алтаря, именно Георгий Ксифилин. Представ перед лицом тирана, он вручил ему письмо и сказал все, что было наказано; а ему наказано было обещать Андронику множество даров, возведение на высшую степень почестей и милость от миролюбивого Бога, если он оставит свой замысел, от которого должны произойти междоусобные войны, и возвратится к прежнему месту жительства. Андроник отверг это предложение, потому что посол Ксифилин, как говорят, изменил своему долгу и убеждал его отнюдь не соглашаться и не делать ни малейшей уступки. Обратившись с надменной речью к послам, он с гневом отвечал, что если хотят, чтобы Андроник возвратился туда, откуда пришел, то пусть протосеваст будет свергнут со своего места и даст отчет в своих беззаконных делах, пусть мать царя удалится в уединение, навсегда остригши свои мирские волосы, а царь правит по отеческому завещанию и не будет стесняем соправителями, как колос, заглушаемый плевелами. Между тем прошло еще несколько дней, и великий вождь Андроник также переходит на сторону Андроника и уводит с собой все длинные корабли, на которых было войско, состоявшее из римлян. Это обстоятельство более всего другого одушевило мятежного Андроника и совершенно сокрушило протосеваста, так что он потерял всякую надежду и упал духом. Теперь уже не тайно собирались приверженцы Андроника; напротив, люди, радующиеся общественным переворотам, теперь явно издевались над протосевастом и переплывали в Халкидон. Являясь толпами к Андронику, они удивлялись его росту, величественной красоте и почтенной старости, упивались медоточивостью его речей, принимали все, что он обещал им, как полевая трава принимает дождь или горы Сионские — росу Ермонскую, и возвращались в величайшем восторге, как

будто бы отыскали воспеваемый золотой век и упились соком прелестных плодов или насытились так называемой трапезой Солнца. Иные, впрочем, с первого же взгляда тотчас же узнали в нем волка, покрывшегося овечьей кожей, и змею, которая, как скоро отогреется, немедленно уязвит того, кто носит ее на своей груди.

11. Вслед затем освобождаются из тюрьмы дети Андроника, Иоанн и Мануил, а равно и все другие заключенные протосевастом; на место же их заключаются люди, к которым он благоволил, и вообще все его приверженцы и родственники. Да и сам протосеваст, захваченный в царских чертогах, окружен был стражей из германцев, с заостренными с одной стороны секирами на плечах, и не имел свободы выхода. А в полночь его тайно вывели из царских палат и отвели в темницу при патриаршем дворце, построенную патриархом Михаилом, под надзором той же или еще более сильной стражи. О, как превратны дела человеческие и как иногда изменяются они быстрее слова! Тот, кто вчера шел непримиримой войной против Церкви, как человек, знатный родом и крайне надменный счастьем, кто противозаконно исторгал из храма искавших в нем убежища, вокруг кого раздавались голоса тысячей народа, тот сегодня в узах и бесприютен, не имеет ни спутника, ни помощника, ни спасителя, ни избавителя. Протосевасту крайне тяжко было и это, но он еще более сердился на то, что сторожа не давали ему спать, нападая на него всякий раз, как только он обращался ко сну, и заставляя его держать глаза напряженными, как лук или стрелу. Патриарх, со своей стороны, не помня зла и соболезнуя о такой перемене судьбы, прилагал о нем немалое попечение, облегчал его печаль своим присутствием и увещевал сторожей обращаться с ним кротче и не увеличивать своей жестокостью настоящего его несчастья. Но едва

прошло несколько дней, как в одно раннее утро выводят его из храма, сажают на крошечного коня, несут впереди его привешенное к трости знамя и с таким посмеянием отвозят к морю. Здесь бросают его в рыбачью лодку и отправляют на другой берег к Андронику; а наконец, согласно с общим приговором высших сановников, по приказанию Андроника выкалывают ему глаза. Таков был конец соцарствования или, лучше, еще не вполне утвердившейся тирании протосеваста и его управления общественными делами. У него были руки, способные к бою, и персты его были научены на брань. Если бы он лучше приготовился к борьбе и произвел более стремительное нападение, он, может быть, заградил бы Андронику доступ к городу и предохранил бы себя от постигшего несчастья, потому что он мог распоряжаться царскими сокровищами как хотел и для отражения противника мог воспользоваться теми триирами, на которых было войско из латинян, лучшее во всем римском флоте, все залитое медью и закаленное в кровавых боях. Но под влиянием, как кажется, враждебной ему судьбы, он не выказал всей энергии и ослабил свою деятельность, а Андроник напряг все силы и потому, напав на своего противника, опрокинул его и одержал над ним блистательную победу. Находясь еще по ту сторону пролива, Андроник объявил войну находившимся в Константинополе латинянам, выслав против них трииры, которые перешли к нему вместе с великим вождем, а равно и отборнейшую часть воинских отрядов, которые присоединились к нему на пути. А так как и жители города поднялись против них, согласившись между собой произвести дружное нападение, то в одно время началась битва и на море и на суше. Латиняне, будучи не в состоянии противиться окружившей и опоясавшей их отовсюду двойной толпе врагов, бросались кто как мог спасать себя, оставив на произвол грабителей

свои дома, полные всякого богатства и многоразличных благ, каких обыкновенно ищут люди. Они не смели ни оставаться на месте, ни напасть на римлян, ни сколько-нибудь противиться их нападению. Поэтому одни рассеялись, как случилось, по городу, другие укрылись в знатных домах, иные же, добравшись до длинных кораблей, которые заняты были их единоплеменниками, кое-как избегли опасности погибнуть от меча. А кто был пойман, те все были осуждены на смерть, и все без исключения лишились имущества. Что же касается наполненных беглецами триир, они, оставив городские пристани, направились к Геллеспонту и, пристав к островам, которые находятся не вдали от царственного города и недалеко вдаются в море,— говорю об острове Принцовом, Проте и других смежных с ними островах,— там провели остаток этого дня. На следующий день, сжегши на этих островах несколько святых обителей, латиняне поспешно выступили оттуда на всех веслах и с распущенными парусами. Так как никто не преследовал их, то они, где хотели, высаживались на берег и делали римлянам все зло, какое только могли.

12. В это время явилась на небе комета, которая предвещала будущие бедствия, и явно изображала собой самого Андроника. Представляя внешним своим видом образ и изгибы змеи, явившееся светило то вытягивалось, то спустя немного свивалось в кольца, а иногда представлялось как бы с отверстием пасти и приводило в ужас боязливых зрителей, словно хотело сверху проглотить находившихся внизу и упиться человеческой кровью. С вечера дня явление это продолжалось всю последующую ночь и потом уже исчезло. Равным образом и приученный к охоте ястреб, белый, с ременными путами на ногах, много раз терявший перья на гнезде и опять вновь оперявшийся, направив полет с востока к знаменитому храму Слова Божия и влетев в дом Фомаи-

тов, привлек на себя внимание множества собравшихся по слуху зрителей. Были охотники, ухитрявшиеся поймать его. Но он, поднявшись оттуда, прилетел к большому дворцу и, посидев над той комнатой, в которой обыкновенно приветствуются от всего народа только что получившие верховную власть венценосцы, спустя немного воротился опять к храму. Три раза он сделал такой круг, и тогда уже наконец его поймали и представили царю. Многие видели в этом предзнаменование, что Андроник скоро будет схвачен и подвергнется тяжкому наказанию; да и естественно, говорили они, относить к нему это предзнаменование, потому что он много раз уже подвергался темничным узам да и волосы у него белые как снег. Но другие, лучше прозиравшие в будущее и одаренные умом более проницательным, утверждали, что этот троекратный полет в одном и том же круге предзнаменует троекратное кругообращение времен года, в течение которого Андроник будет царствовать над римлянами и затем опять попадет в темницу и будет заключен в кандалы.

Так как все ездили через пролив к Андронику, то наконец после всех отправляется к нему и патриарх Феодосий со знатнейшим духовенством. Андроник, услышав, что первосвятитель приближается к его палатке, тотчас выходит к нему навстречу, облекшись в разрезную фиолетового цвета одежду из иверской ткани, спускающуюся до колен и задних частей тела и закрывающую руки по локоть, и надевши на голову пирамидальную темного цвета шапку. Встретившись с патриархом, он повергся на землю к копытам патриаршего коня и лежал, растянувшись во всю величину своего большого роста. Потом, спустя немного, он встает и начинает лобызать подошвы ног патриарха, называя его спасителем царя, ревнителем добра, поборником истины, вторым Иоанном Златоустом и прилагая к нему всякого рода по-

четные названия. Патриарх, видевший тогда Андроника в первый раз, внимательно посмотрел на него и, заметив его грозный взгляд, скрытый ум, хитрый и пронырливый характер, величину роста, простирающегося почти до десяти футов, надменную походку, высокомерно нахмуренные брови, всегдашнюю озабоченность и задумчивость, пожалел о тех, которые неразумно призвали к себе такого человека на свою погибель и сказал: «Слухом я слышал о тебе прежде, а теперь привелось тебя и увидеть и прямо узнать». Затем, продолжая говорить словами Давида, сказал: «Якоже слышахом, тако и видехом». Этим он тонко упрекал Андроника за притворное смирение, с которым тот встретил его, повергшись на землю и ласкаясь около него, как собака, и в то же время выражал сравнение виденного с тем, что рассказывал ему царь Мануил, описывая Андроника так живо, что не знавший его патриарх представлял его как бы перед глазами. Но обоюдность слов его не укрылась от проницательного Андроника. Уязвленный в душе двусмысленностью этих слов, как бы обоюдоострым мечом, и приняв густые и словно нахмуренные брови патриарха за выражение внутренних, душевных его движений, он сказал: «Вот скрытный армянин», так как патриарх с отцовской стороны происходил, говорят, из армян. Таким же образом издевался над патриархом Андроник и в другой раз, когда, беседуя с ним, с притворной грустью говорил, что он один остался попечителем царя Алексея, что нет у него ни сотрудника, ни помощника, что даже сам его святейшество не помогает ему, хотя царь Мануил, отец царя Алексея, возложил на патриарха попечение о сыне и, преимущественно перед всеми близкими по родству, вверил ему управление государством. Патриарх ответил на это, что он давно уже отложил попечение о царе, то есть считает его в числе умерших с тех пор, как Андро-

ник вошел в царственный город и управляет общественными делами. От этого ответа патриарха Андроник покраснел и спросил, что значит выражение «отложил попечение» и в каком смысле оно сказано, притворяясь, будто не понял его, хотя вполне знал, что слова, сказанные сим святым мужем, намекали на смерть, грозящую отроку царю. Патриарх, не желая еще более раздражать против себя зверя, и без того уже разъяренного, или возбуждать верблюда к обычной его блевотине, истолковал сказанные слова не в истинном смысле и не в том значении, с каким они были произнесены, но сказал, что он перестал заботиться о царе и давно уже оставил о нем попечение как потому, что церковные правила да и преклонность лет не дозволяют ему вмешиваться в мирские дела, так в особенности потому, что Андроник сам вполне сумеет, и без всякой посторонней помощи, воспитать отрока царя.

13. Когда придворные дела устроились так, как хотелось Андронику, который действовал в этом случае через своих сыновей, друзей и тех из близких к царю по крови людей, которые безответственно перед царем и совершенно свободно могли приходить к Андронику и соображаться с его желаниями, то наконец и сам Андроник садится в трииру и отправляется из Дамалиса. Переплывая через пролив в царственный город, он напевал из псалма Давидова и в упоении приговаривал: «Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь — благодетель твой. Он избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения». Между тем царь Алексей и мать его Ксения по желанию Андроника оставили большой дворец и переселились в Филопатий, в царские чертоги, называвшиеся Манганскими. Прибыв сюда, Андроник царю отдает глубокий поклон, упав перед ним на колени, обнимает его ноги, зарыдав по своему обычаю и за-

лившись слезами; что же касается его матери Ксении, то он холодно поклонился ей и, по поводу ее присутствия тут, сделал ей лишь мимоходом приветствие, и то исполненное пренебрежения и изобличавшее ненависть, которую он с давних пор таил против нее в душе своей. Затем, пробыв здесь недолго, он вышел и отправился в приготовленную для него в тех местах палатку, вокруг которой собрались, как птенцы собираются под крылья птицы, и расположились в своих шатрах все благородные и знатные люди. В это-то время был захвачен какой-то человек за то, что он в неурочное ночное время бродил около Андрониковой палатки, прося себе милостыни; это был второй Гомеров Ир[83], человек нищий и бездомный, обивающий пороги богачей, чтобы куском хлеба удовлетворить своему желудку, оборванный и косой. Слуги Андрониковы сначала обвинили его в занятии волшебством, а потом без всякого права отдали его в жертву городской черни. Народ, смотря на Андроника, как на лицо божественное, без всякого исследования вины отвел бедняка на театр и здесь в угодность Андронику сжег его на костре, приготовленном из сухих дров и вязанок хвороста.

Прожив довольно долго с царем в Филопатии, Андроник возымел желание войти в многолюдный город и посетить гроб своего двоюродного брата, царя Мануила. Прибывши с этой целью в обитель Пантократора[84], он спросил, где погребен почивший, и, став перед гробницей, в которой было заключено его тело, горько заплакал и жалобно зарыдал, так что многие из присутствующих, не вполне знакомые с хитрым Андроником, чрезвычайно удивились и сказали: «Вот чудо! Как он любил своего царственного родственника, хотя тот был жарким его гонителем и не обращался с ним человеколюбиво!». Когда некоторые из его родственников хотели отвести его от могилы и говорили, что он уже доволь-

но поплакал, он нисколько не послушал их убеждений, но упросил, чтобы ему позволили еще на несколько времени остаться у гробницы, потому что он имеет нечто наедине пересказать почившему. Сложивши руки как бы для молитвы, с распростертыми ладонями, Андроник возвел глаза к каменной гробнице и, шевеля губами, но отнюдь не издавая звуков, которые доходили бы до слуха присутствовавших, что-то тайно проговорил. Большинство приняло этот шепот за какое-нибудь варварское заклинание. Но были и такие — и это в особенности люди, гоняющиеся за острым словцом,— которые говорили, что Андроник издевается над царем Мануилом и явно ругается над почившим, говоря: «Теперь в моей ты власти, мой гонитель и виновник моего долгого скитальничества, из-за которого я сделался почти всемирным посмешищем и в нищете обошел все страны, какие обтекает солнце на своей колеснице. Ты, заключенный, как в безвыходной тюрьме, в этом камне с семью вершинами, будешь спать непробудным сном, пока не раздастся звук последней трубы; а я, как лев, напавший на богатую добычу, вступив в этот семихолмный и великолепный город, буду мстить твоему роду и заплачу ему жестоким возмездием за все зло, какое перенес от тебя».

14. После этого Андроник, заняв все знаменитые и великолепные дома и проживая в них, подобно странникам, стал распоряжаться общественными делами по своему усмотрению. Царю Алексею он предоставил заниматься псовой охотой и проводить время в других забавах с телохранителями, которых приставил к нему для того, чтобы они не только наблюдали за всеми его входами и выходами зорче баснословного стоглазого Аргуса, но и решительно никого не допускали быть с ним наедине и говорить о каком бы то ни было деле. А самого себя он всецело посвятил заботам не о

том, чтобы благоустроить дела римлян, но чтобы изгнать из дворца всякого доброго советника, всякого человека мужественного и воинственного, подозрительного ему и способного к управлению. Чтобы наградить за расположенность к себе пафлагонцев, равно как и всех других, кто содействовал ему в мятеже, он удостоил их почестей и осыпал щедрыми подарками. Распоряжаясь по своему произволу высшими почетными местами и знатнейшими должностями, он на некоторые из них возвел собственных детей, а на другие избрал людей посторонних, именно тех, которые последовали за ним, как некогда отступившие от Бога живого последовали за Ваалом и славу от него предпочли прежней чести, благородной и доставшейся в награду за заслуги. А из людей знатных одни были им изгнаны из дома и отечества и разлучены со всем дорогим сердцу, другие заключены в темницы и железные оковы, иные лишены зрения, и притом так, что не знали сами никакой явно возводимой на них вины. Тайно же их обвиняли — кого за то, что был знатного происхождения, кого потому, что часто отличался на войне или обладал прекрасной осанкой тела и замечательно красивой наружностью, или, наконец, представлял в себе что-нибудь другое хорошее, что язвило Андроника и внушало ему недобрые надежды или раздувало искру прежних мелких оскорблений и мало-помалу воспламеняло доселе сокрытый и тлеющий под золой жар гнева. Вообще, невыносимо было положение того времени, и взаимное недоверие, даже между ближайшими родственниками, было несносным злом. Мало того, что брат не смотрел на брата и отец бросал сына, если так угодно было Андронику, они неумолимо содействовали предателям и вместе с ними устраивали погибель своего рода. Было и так, что иные сами доносили на своих домашних, обвиняя их или в том, что они издеваютс-

ся над действиями Андроника, или даже в том, что они расположены к наследовавшему отцовскую власть Алексею и не признают над собой власти Андроника. Многие были обвиняемы в то самое время, как обвиняли, и, уличая других в злоумышлениях против Андроника, сами были обличаемы или теми же, кого они обвиняли, или другими присутствовавшими, так что и тех и других вели потом в одну тюрьму. В подтверждение своих слов я укажу на Иоанна Кантакузина, который в ту самую минуту, как жестоко избил кулаками какого-то скопца, по прозванию Цит, вышиб ему зубы и разбил губы в кровь за то, что тот, как было доказано, говорил с царем Алексеем об общественных бедствиях, сам был вдруг схвачен, ослеплен и брошен в мрачную тюрьму за то, что через темничного сторожа послал поклон одному из братьев своей жены, бывшему в заключении, Константину Ангелу. При таком порядке дел всякой голове было о чем кручиниться, и теперь больше чем когда-нибудь оправдывались и подтверждались самым делом все чудовищные рассказы Емпедокла о вражде. В самом деле, не только в противной Андронику стороне всякий отличный и знаменитый человек подвергался жесточайшим страданиям, но и усерднейшие его слуги не могли быть в нем уверены. Кому вчера подносил он лучший кусок хлеба, кому предлагал откормленного тельца, кого поил благовонным цельным вином и включал в кружок своих приближенных, с тем сегодня поступал злейшим образом. Не раз случалось и так, что один и тот же человек, в один и тот же день, подобно Ксерксову начальнику кораблей, был и венчаем и обезглавливаем, и благословляем и проклинаем. Оттого-то многие из приближенных Андроника, люди с умом проницательным, принимали одобрение его за начало опалы, награду каким-нибудь человеческим добром считали предвестницей потери имущества

и благосклонность — знаком погибели. Прежде, пока он не достиг власти, не замечали, чтобы он был самый злой отравитель. Но потом, по истечении нескольких дней, все стали говорить — справедливо ли, не могу сказать,— что он большой мастер растворять смертельные чаши и что такой плачевный переход в могилу прежде других испытала от него кесарисса Мария, дочь царя Мануила, которая и прежде всех и больше всех желала возвращения Андроника в отечество. Говорили, что один ее слуга, евнух, доставшийся ей от отца, по прозванию Птеригионит, подкупленный лестными обещаниями, подлил ей гибельного яда и что эта отрава была не из тех, которые тотчас убивают, но приближала к смерти мало-помалу и медленно прекращала жизнь. Через несколько времени после смерти своей супруги вслед за ней отправился и муж ее, кесарь. Говорили, впрочем, что и он умер не естественной смертью, но и в этом подозревали Андроника и полагали, что одна смертоносная чаша прекратила жизнь обоих знатных особ.

15. Вознамерившись выдать замуж дочь свою Ирину, прижитую им от двоюродной племянницы своей Феодоры, за Алексея, сына царя Мануила от Феодоры Комниной*, он составил лаконическую записку к священному собору и, чернилами подписав внизу свое имя, предложил ее для прочтения и обсуждения в общем собрании. Сущность написанного состояла в том, можно ли допустить брачный союз, в котором представляется немного или даже не представляется ничего непристойного, но который между тем может повести за собой соглашение Востока с Западом и освобождение пленных и доставит множество других выгод госу-

* Та и другая Феодора были двоюродные сестры. Первая была дочь брата Мануилова, севастократора Исаака, бывшая в замужестве за Балдуином; а вторая — дочь другого брата Мануилова, севастократора Андроника.

дарству. Эта коротенькая записка, как какой-нибудь большой ковш, или трезубец Нептуна, или даже как вполне созревшее яблоко раздора, произвела смущение между членами собора и разделение между сенаторами, которые должны были судить об этом, или, вернее сказать, вооружила их друг против друга и разделила на противные стороны. Из них большая часть, подкупленные деньгами и преклоненные обещаниями повышения в почестях, одобряли — чего никак не следовало бы — этот брак как не запрещенный законами. Наглейшие же из судей, люди, привыкшие извлекать для себя пользу из подачи своих голосов и нищенствующие по знатным домам, равно как сребролюбцы и святопродавцы из членов собора, утверждали, что нет даже родства между лицами, о бракосочетании которых идет дело, потому что оба они были плодом незаконных связей, а такого рода рождения законами не признаются в родстве между собой, а напротив, считаются совершенно чуждыми друг другу. Они говорили, что это дело яснее солнца и называли невежеством даже и мысль о том, будто оно требует какого-нибудь исследования. Но другие отнюдь не соглашались с их словами и, вооружившись законами, как равносильным оружием, отражали их доводы, не допускали этого брака как совершенно противозаконного и сильно ему противились. Предлагали это прекрасное решение и держались правой стороны в борьбе лишь немногие из архиереев и служителей алтаря и некоторые добросовестные из сенаторов. Да и тех соединила и поддерживала ревность патриарха, не допускавшая их склониться на другую сторону, хотя сами по себе они действовали бы иначе. Патриарха же ни величие Андроника не поколебало, ни сила его слов не потрясла, ни угрозы не устрашили; он был непоколебим, как та скала, около которой вечно воздымаются огромные волны и бушует море и которая, разбивая волны в

пену и пренебрегая ревом шумящего моря, твердо стоит на том же самом основании. Видя, однако же, что все бесполезно, что зло явно наступает и несправедливость побеждает, он оставляет святительские палаты и удаляется на остров Теревинф, где приготовил для себя убежище и место погребения. Тогда Андроник, приняв удаление патриарха за прекраснейший подарок судьбы,— так как оно случилось для него неожиданно и вместе было согласно с его видами,— заключил брачный союз, поручив благословить его архипастырю болгарскому, находившемуся в то время в столице, и приступил к выбору на патриарший престол преемника, который был бы готов исполнять все по его желанию. Выбор Андроников во вселенские предстоятели пал на Василия Каматира[85], или, лучше, Василий, как говорили, сам склонил на такой выбор Андроника тем, что один из всех письменно обещал Андронику исполнять во время своего архиерейства все, что будет угодно Андронику, хотя бы это было и совершенно беззаконно, и наоборот, отвергать все, что Андронику не понравится.

16. Не только в столице так страдали, но и вне ее терпели еще большие бедствия, как будто демон какой обошел римлян и насылал на них все напасти. Так, султан иконийский, узнав, что тот, кого он страшился, подобно Танталу[86], как камня, постоянно угрожающего его голове, т. е. император Мануил, сошел в могилу,— силой оружия покорил Созополь[87] и, ограбив окрестные богатые селения, утвердил их за собой, продолжительной осадой причинил много вреда знаменитому городу Аттала, совершенно разрушил Котиаий* и овладел другими областями. С другой стороны, ве-

* Созополь и Атталия — города в Памфилии, а Котиаий или Котиэй — во Фригии.

ликий доместик, из рода Комниных, по прозванию Ватаца, муж искусный в воинском деле, много раз одерживавший неоднократные победы над персами, живя в Филадельфии, мужественно противился Андронику. Пренебрегая его приказаниями, он на страшные его угрозы отвечал еще страшнейшими и, обвиняемый в домогательстве власти, сам обвинял того, кто уже открыто владел ею, и поносил его, как враждебного демона, истребляющего царский род. Вследствие этого азиатские города кипели смутами и междоусобными войнами и оттого страдали гораздо более, чем от набегов соседних народов, так что, можно сказать, чего не коснулась рука иноплеменников, то разрушено было рукой соотечественников, и единоплеменники, забыв законы родства, воевали друг с другом совершенно по-варварски. Андроник решил послать против Ватацы Андроника Лапарду, человека невидного по наружности, но с большими талантами, поручив ему довольно значительное войско. А Иоанн Комнин, одержимый в то время болезнью и стоявший лагерем в окрестностях Филадельфии, противопоставил Лапарде двух сыновей своих, Мануила и Алексея. Так как война шла с переменным счастьем и с обеих сторон гибло много людей в междоусобных сшибках, то Ватаца глубоко скорбел и горько жалел, что поразившая его болезнь не давала ему действовать и безвременно приковала его к одру, тогда как ему следовало бы перед всеми обнаружить и выказать свою воинскую доблесть, слышать от восточных городов обычные клики победы и самим делом показать, против какого вождя воюет дряхлый Андроник. Тем не менее он выказал на деле, что ревность воскрешает и мертвых и что нет ничего сильнее чувствительного сердца. Именно, он приказывает положить себя на простые носилки и вынести на холм, откуда можно было обозревать поле сражения. Когда это было

исполнено, он приказал сыновьям своим расставить войско в известном порядке, и вследствие того победа блистательно перешла на сторону его войск, а войско Лапарды обратило тыл и очень долго было преследуемо и поражаемо. Спустя немного дней Ватаца скончался. Филадельфийцы, горько и искренно оплакав его, решились, все без исключения, передаться Андронику. Некоторые же, в порыве усердия, направили свой полет даже в самый царствующий город и, раболепствуя перед Андроником, каркали на орла Ватацу и его молодых птенцов, как крикливые вороны, или, как трутни, жужжали на улицах и в царских дворцах, занявшись делом празднолюбцев и людей злоязычных. Между тем сыновья великого доместика, боясь быть схваченными и выданными Андронику, скрылись из Филадельфии и ушли к иконийскому султану. Но своими последующими бедствиями они ясно показали, что никому нельзя уйти из западни или избежать сетей, если уже так определено небесным Промыслом. Будучи недовольны продолжительным пребыванием у султана, который не хотел подать им помощи против их врагов, они решились удалиться в Сицилию, сели на корабль и, пользуясь сначала попутным ветром, переплыли Критское море. Но тут настал противный ветер; они, по необходимости, пристали к Криту и, будучи узнаны там одним стражем,— то был секироносец, родом кельт,— были схвачены и представлены критскому сборщику податей. Этот хотел было спасти их и выпроводить невредимыми с острова, заготовил им хлеба, нагрузил вина и приготовил все нужное для плавания; но, не имея возможности исполнить свое намерение, потому что о них узнали уже все, должен был послать донесение Андронику об этих несчастных Комниных. А этот светоненавистник и непримиримый враг людских глаз приказал ослепить их.

Приняв смерть Ватацы за знак божественного смотрения, Андроник к прежним своим обманам присоединил теперь еще новую хитрость, чтобы скрыть свои замыслы. Он предложил царю Алексею короноваться самодержцем и при этом, подняв его на плечи, с горячими слезами принес его на амвон Великой церкви, в виду многих тысяч народа константинопольского и иногороднего, и опять таким же образом вынес его оттуда. Казалось, он любил его больше отца и был правой рукой для юной царственной отрасли, между тем как на самом деле он явно приводил в исполнение слова Давида: *вознес низверг мя еси* (Пс. 101, 11), об этом думал и к этому вел дело.

17. С этой именно целью он постарался устранить всех и, сделавшись во всем господином, распоряжался государственными делами как хотел. Так, желая прежде всего удалить мать царя от ее сына и царя, он не переставал обвинять ее и постоянно показывал вид, будто сам намерен удалиться, ссылаясь на то, что она самым очевидным образом идет наперекор ему и противодействует всем его мерам и распоряжениям, предпринимаемым для блага общества и царя. В то же время он возбуждал против нее негодование народа и своими происками достиг того, что народ не раз собирался шумными толпами к святительским палатам и не только заставил знаменитого патриарха Феодосия против воли согласиться на следствие и приговор против государыни, но принудил и его самого одобрить своим мнением удаление ее и изгнание из дворца. Буйная и наглая чернь, ни во что ставя подобающее патриарху благоговение, может быть, схватила бы его и за бороду, если бы он не согласился на требование Андроника, чтобы таким образом отвратить от себя грозившую опасность. Едва также не подверглись смерти и некоторые из вилосудей, а именно: Димитрий Торник, Лев

Монастириот и Константин Патрин*, которые еще не включили себя в список приверженцев Андроника, не раболепствовали очевидным образом перед каждой его прихотью и не ползали перед ним на коленях. Когда от них потребовали сказать свое мнение по возводимым на государыню обвинениям, они объявили, что желали бы наперед знать, с согласия ли и определения самодержца состоялось это совещание, собрание и рассуждение о предлежащем деле. Эти слова, как рожон, укололи Андроника, и он сказал: «Вот люди, которые наводят протосеваста на беззаконные дела, схватите их!» И в ту же минуту телохранители взялись за носимые на плечах, заостренные с одной стороны мечи с намерением поразить их, а народ, схватив их за плащи, с бесчестьем таскал туда и сюда этих мужей, так что они едва избежали смерти.

Достигнув удаления государыни из дворца, Андроник вслед затем принялся за вельмож. Считая невыносимыми подобные действия Андроника и явно имея перед глазами циклопский пир, они, согласившись между собой, заключили союз и, скрепив страшными клятвами свое единодушие, положили не давать очам сна, ни головам, сколько это возможно, покоя, пока Андроник не будет лишен жизни и не окрасится собственной своей кровью вместо багряной краски, которой домогается окрасить свою одежду, и для того с корнем истребляет весь царский род и терзает его, как дикий вепрь. Так сговорились между собой Андроник, сын Константина Ангела, великий вождь Андроник Контостефан и шестнадцать их сыновей, все в полном цвете лет и обнажав-

* У Кодина в списке придворных должностей нет должности вилосудьи — *ὁ κριτης του βῆλου*; но в других списках она занимает пятьдесят четвертое место. Из слов Вальсамона (Meditat. de Chartophylace): *δώδεκας του βῆλου καὶ του ἱπποδρόμου κριτῶν* видно, что таких судей было несколько. Чем они отличались от других судей — неизвестно.

шие меч на войне, дромологофет Василий Каматир и многие другие, близкие к ним по происхождению, да и сами по себе люди знаменитые. Но этот заговор не до конца остался тайным; о нем стали говорить, и он сделался известным Андронику. Поэтому Андроник тотчас же напал на сына Ангелова, жившего тогда неподалеку от земляных ворот города; но тот счастливо избежал сетей, расставленных ему оруженосцами Андроника, и успел вместе со своими сыновьями спастись бегством. Случайно напав на небольшую лодку, наполненную пустыми кувшинами, он выбросил их в море, как негодные вещи, а сам с детьми вошел в нее и кое-как уплыл от опасности. Что же касается Контостефана, четырех его сыновей и Василия Каматира,— они все были схвачены и ослеплены, равно как и все другие, о ком узнал Андроник не по явной улике, но по простому слуху, и то нерешительному, что они участвовали в заговоре вместе с упомянутыми лицами. Так заклал и сгубил Андроник тех, кого давно уже пламенно желал захватить в свои руки, но до времени отлагал свое намерение. А некоторых он заключил в темницу, иных осудил на изгнание из отечества, а других погубил другими способами. Когда же увидел, что уже немного осталось людей, которые еще недавно отваживались идти наперекор большинству, и что эти немногие, изменив, подобно блуждающим звездам, свое направление, дозволяют ему попирать свою шею и движутся вместе с ним по его оси, то решил ускорить гибель государыни. После различных выдуманных против нее обвинений он наконец обвиняет ее и в измене, собрав с этой целью совет из своих друзей и выбрав судей, которые имели намерение не судить, а осудить эту несчастнейшую из женщин. И точно, она была осуждена в том, будто бы вошла в переговоры с зятем своим по сестре, венгерским королем Велой[88], и побуждала его письмами и щедрыми обещаниями разрушить Враницову и Велеград,— и за то с бесславием отведена в монастырь св. Диомида и заключена в самую тесную тюрьму. Здесь она терпела наглые оскорбления от сторожей, осыпавших ее насмешками, томилась голодом и жаждой и непрестанно воображала себе жестокого убийцу, стоящего с ножом подле нее. Андроник между тем нисколько не смягчил своего свирепства, но, по выражению Давида, помышляя труд и болезнь, горел желанием предать царицу смерти. Через несколько времени, негодуя, что она находится еще в живых, он снова собрал несправедливых судей, которых десница — десница неправды, и предложил им вопрос, какое наказание полагается законами предателям городов и областей. Получив письменное решение, что таким людям определяется смерть, он с этой минуты неудержимо устремился на погибель императрицы. И так как те беззаконные судьи возвысили голос и громко завопили, что должно лишить жизни эту злополучнейшую из цариц, то немедленно скрепляется царем-сыном бумага, написанная в прямом смысле брызгами материнской крови, осуждавшая ее на смерть. Для исполнения этого преступного и нечестивого дела избраны были первородный сын Андроника Мануил и севаст Георгий, брат жены Андроника. Но они оба с негодованием отказались от такого назначения и пренебрегли указом царским, сказав, что они и прежде отнюдь не согласились на умерщвление царицы и что руки их чисты от этого черного дела, а теперь тем более не могут согласиться, чтобы на их глазах было растерзано невинное тело. Андроник, пораженный, как громом, этими совершенно неожиданными для него словами, стал крепко крутить своими пальцами волоса своей бороды; глаза его горели огнем, и он, то склоняя голову, то поднимая ее, горько оплакивал свою несчастную судьбу и много раз громко жаловался, что в его самых

близких друзьях нет кровожадности и готовности по одному мановению броситься на убийство. Сдержав свой порыв, как ретивый и неукротимый конь, и погасив свой скрытный гнев, как гаснет пламя под окружившим его дымом, Андроник на этот раз отложил убийство. Но спустя немного дней он присуждает несчастную к страшной участи быть задушенной, причем исполнителями его воли были Константин Трипсих, носивший пояс этериарха, и скопец Птеригионит, о котором все говорили, что он был убийцей и порфирородной Марии, отравив ее ядом. Так погибла эта красавица, радость очей и утешение для глаз человеческих, и была засыпана песком на тамошнем морском берегу. О солнце! Какое черное преступление! О безначальное Слово Божие! Как непостижимо Твое долготерпение!

18. А в каком восторге был от этого Андроник — невозможно и выразить. Он таял в душе своей от удовольствия, видя, как уничтожается род Мануила и посекаются деревья царственного рассадника, и представляя, что он один останется в Римской империи и будет безбоязненно владеть ее скипетром. В начале сентября месяца второго индиктиона шесть тысяч шестисотого года он решается провозгласить себя императором. Некоторые из подлой толпы его приверженцев, без сомнения, с его согласия, хотя он и скрывал свое желание, внесли в совет предложение о возникшем вновь между вифинцами восстании и о принятии городом Никеей Исаака Ангела и Феодора Кантакузина, равно как о злоумышленных действиях прузейцев, которые водворили у себя Феодора Ангела и затеяли то же, что никейцы. И не иначе, сказали они, можно усмирить мятежников, как разве когда будет царем Андроник, который по своим осеребрившимся от времени волосам несравненно мудрее юношей, разве когда он, воссев на украшенный драгоценными камня-

ми престол и возложив на себя царскую диадему, будет самодержавствовать вместе с несовершеннолетним царем, вникая в потребности и выполняя предначертания с большей силой и полномочнейшей властью. При этом все, стоявшие около, равно как и те, которые по знатности рода и высоте достоинств восседали вместе с Андроником, тотчас же единогласно закричали, что это предложение — предмет давнишнего их желания, что теперь не время долее откладывать и что они готовы употребить даже силу, если их убеждения не будут иметь успеха. И точно, они начали возглашать благожелания и во все горло, чуть не надрываясь от крика, запели такое провозглашение: «Алексею и Андронику, великим царям и самодержцам римским, Комниным, многая лета». Когда слух об этом знаменитом деле разнесся между городскими дураками,— константинопольский народ стоит такого названия,— толпы людей всякого рода, всякого ремесла и всякого возраста, подобно несметному рою пчел, высыпали и стеклись к месту собрания. В это же время один из вилосудей — я охотно умолчу о его имени,— возведенный за усерднейшую службу Андронику в должность сановника, заведующего прошениями*, и еще один продажный крикун и подлейший слуга тирании, почтенный званием протонотария, когда молва о провозглашении Андроника разнеслась повсюду и достигла ушей и этих гнусных ласкателей,— как бы одним духом прилетели к тиранову дому, так называемому дому Михаилица, где совершались эти беззаконные дела. Сбросив с себя сенаторские головные покровы и взявшись за висевшие на спине белольняные плащи, они рас-

* У Кодина в каталоге придворных должностей этот чиновник — *ὁ ἐπὶ των δεήσεων* — занимает сорок четвертое место. На его обязанности было принимать просьбы, подаваемые царю во время его выездов. Codin. de offic. Pp. 11 et 39.

пустили их наподобие шаров, составили из простонародья хоровод и, приняв над ним начальство, стали петь на приятный и мерный напев, выпрыгивали вперед и, сводя руки как бы для рукоплесканий, слегка потрясали ногами, кружились посередине и, сопровождая свою пляску пением и кликами, колотили землю. Какое бесстыдство! Какая глупость и легкомыслие! Когда Андроник пришел из дома тиранова во Влахернский дворец и вступил в находящуюся в нем высокую комнату, которая называется Политимом*, является туда и царь Алексей, услышав во дворце и радостные клики, и в то же время плачевные стоны, потому что не все увлеклись тогдашними обстоятельствами. Видя, что почти все провозглашают Андроника царем, он поневоле должен был добровольно уступить силе событий и потому начал и сам, вместе с другими, льстить старикашке, упрашивая Андроника царствовать вместе с собой и склоняя к этому делу того, кто уже давно неудержимо стремился к нему. Андроник жеманился и шутил над собранием. Тогда более жаркие из приверженцев Андроника, схватив его обеими руками, посадили на златотканное ложе, на котором восседал царь. Другие сняли с него дымчатую пирамидальную шапку и возложили на его голову огненного цвета повязку, третьи облекли его в царскую одежду. На следующий день, когда в Великой церкви началось провозглашение царей, порядок в провозглашении имен был изменен: имя Андроника возглашено было прежде, а имя Алексея снесено на второе место. И причина на это нашлась как нельзя более прекрасная и благовидная: неприлично, говорили, ребенка, человека, еще не достигшего совершенного возраста и безбородого, упоминать прежде Андроника, седовласого, внушающего почтение своей муд-

* Т. е. многоценной.

ростью и одаренного от природы обширным умом. Когда же наконец и сам Андроник вступил в священный кров, чтобы быть венчанным, он в первый раз показался перед людьми веселым, оставил свой зверский и страшный взгляд и обещал многим просителям перемену дел к лучшему. Но все это были явная ложь и пустые обещания обманщика; и веселое выражение лица, представлявшее самый тощий вид человеколюбия, только на время прикрывало внутреннюю свирепость. Вошедши в храм, он, после того, как над ним совершено было все, что обыкновенно совершается при венчании царей, и когда настало время, приступает к принятию пречистых Таинств и причащается небесного хлеба. Затем, подойдя к чаше, он поднял руки и, притворившись растроганным, в слух почти всех, бывших тогда в св. алтаре, поклялся страшными тайнами, что он принял царскую власть единственно из желания помочь ему и поддержать его власть, указывая при этом на стоявшего тут царя и племянника своего Алексея, которого спустя несколько дней удавил и бросил в море. Выйдя из храма с чрезвычайно блистательной свитой копьеносцев и множеством щитоносцев (это потому, что он крайне боялся за себя) и миновав храм Христа Спасителя, что в Халке, он ускорил поезд; ехал не медленным шагом и не с остановками, как обыкновенно делают императоры при торжественных шествиях, но пустил коня вольным шагом. Это подало повод к различным толкам; одни говорили, что он так делал от страха, а другие подозревали в этом нечто другое. По прибытии в большой дворец, отслужив благодарственное молебствие по поводу вступления на царство, он стал помышлять о новых злодеяниях. Решившись умертвить царя Алексея, он снова созывает совет из своих приятелей и собирает соучастников своих гнусных оргий. Они тотчас все воскликнули стих Гомера: «Вредно многоначалие,

да будет один повелитель, один царь», старость орла — молодость жаворонка, и определили царю Алексею вести частную жизнь. И уже не упоминали теперь о непонятных для народа причинах, не говорили о воспитании, о лучшем поддержании власти, о чем вчера и третьего дня любили толковать в многолюдных собраниях и чем защищали свое дело, когда кто-нибудь, живя уединенно в великолепном Константинополе, не знал до того времени этих происшествий и, совершенно не понимая, для чего все это делается, спрашивал их о причине. Но не успели еще вполне узнать в городе о сказанном определении, как это лукавое сборище уже произнесло смертный приговор царю. Бывшие в этом собрании прямо одобрили и бесстыдно повторили слова из книг Соломона: «Свяжем праведника; он не нужен нам, и даже смотреть на него тяжело». Вследствие того, Стефан Агиохристофорит, Константин Трипсих и некто Феодор Дадиврин, начальник ликторов, напали на него ночью и удавили тетивой лука. Когда тело покойника принесли к Андронику, он толкнул его ногой в бок и обругал его родителей, назвав отца клятвопреступником и обидчиком, а мать бесстыдной и всем известной кокеткой; потом иглой прокололи ему ухо, продели нитку, прилепили к ней воск и приложили печать, которая была на перстне Андроника. Затем приказано было отрубить голову и тотчас принести к Андронику, а остальное тело бросить в воду. Когда приказание было исполнено, голову тайно бросили в так называемый катават, а тело, закупоренное в свинцовом ящике, опустили на дно моря. Судном, на котором везли этот несчастнейший груз, с песнями и плясками управляли два знаменитых человека, именно: каниклий Иоанн Каматир, бывший впоследствии архипастырем главного города Болгарии, и Феодор Хумн, занимавший должность халтулярия.

Царствование Андроника Комнина

Книга 1

1. Так скончался царь Алексей, прожив всего неполных пятнадцать лет, из коих царствовал три года, и то не сам по себе и не один. Сначала он находился под руководством матери, управлявшей государством, а потом — двух тиранов, захвативших себе государственные дела. Закрываемый ими, как солнце закрывается облаками, он больше походил на управляемого, чем на правителя, приказывал и делал только то, чего хотели наставники, пока наконец петля не прекратила его жизни. По окончании этого столько плачевного дела, Андроник вступает в брак с Анной, женой царя Алексея, дочерью франкского государя*. Старик, отживший свой век, не постыдился нечестиво разделять ложе с женой своего племянника, цветущей, нежной, еще не достигшей одиннадцати лет; человек износившийся, престарелый, сгорбившийся от лет и хилый не посовестился обнимать девицу, еще не сов-

* Анна, или Агнесса, была повенчана с Алексеем, но, по малолетству, не жила еще с ним.

сем развившуюся, крепкогрудую, с розовыми пальцами, каплющую росу любви.

Воцарившись, Андроник обратился с просьбой к патриарху Василию и тогдашнему Синоду о разрешении его от клятвы, которую он дал царю Мануилу и несчастному его сыну, а с ним — и всех прочих, также нарушивших клятву. Те, как будто *они получили* от Бога *власть вязать и решить* все без разбора, немедленно издали определение, которым давали разрешение всем, не сдерживавшим клятвы. Какую же необыкновенную награду дал Андроник этим исполнителям своих приказаний? Он в скором времени исполнил тогдашние их просьбы, само собой разумеется маловажные и ничтожные. Высшей же наградой было то, что он дозволил им сидеть при себе в совете, на складных стульях, поставленных около царского трона. Но и эта честь обратилась только в посмеяние допустившим и принявшим ее архиереям, потому что через несколько дней она прошла, как *призрак почести и славы, и опять все стало по-прежнему*, подобно тому, как дерево, наклоненное силой, когда отпустят его, возвращается в прежнее положение. Да и прежней-то чести они много потеряли, потому что Андроник, опасаясь показаться крайне переменчивым и непостоянным в своих действиях, впоследствии нелегко допускал к себе этих архиереев в то время, когда восседал на блистательном троне. Таким образом, люди, которые недавно гордились заседанием в царском совете и хвалились, что получили эту честь, по словам Давида, как верные земли, теперь со стыдом возвращались назад, упрекая себя в том, что они и от Бога отступили, разрешив грех неразрешимый, и услугу насмешнику Андронику оказали напрасно.

Когда провозглашение Андроника царем и умерщвление царя Алексея сделалось известным Алексею Бране и

Андронику Лапарде, начальникам легионов, сражавшихся в окрестностях Ниса и Враницовы с венгерским королем Белой, который все опустошал в тех местах огнем и мечом, то один из этих вождей, Лапарда, считал свою жизнь в крайней опасности, того и ждал, что всепоглощающий зев Андроника проглотит и его. Но Врана встретил перемену царствования с удовольствием, потому что он уже был вписан в число людей, которым Андроник оказывал свое благоволение. Перебрав в уме своем и проследив, подобно лакедемонской собаке, разные пути, которыми можно было спасаться, Андроник Лапарда находил только одну спасительную стезю: надобно было бежать от взора и из-под власти Андроника. И, верно, он избавился бы от бедствий, если бы последовал этому намерению и не затеял другого дела. Но, задумав сделать Андронику зло и отомстить ему за его беззаконный поступок против государя и царя, он отваживается на возмущение. Зная, что на Западе он не будет иметь успеха и не найдет содействия своим замыслам против Андроника, вследствие присутствия здесь товарища его, военачальника Враны, он стал помышлять о Востоке и к нему обратил свои взоры, потому что короче был знаком с ним. Он неоднократно занимал там важные должности и знал, что там немало людей, очень склонных к возмущению. Поговорив с товарищем своим Враной и убедив его побыть в тех местах, пока он съездит к престарелому новому самодержцу, он отправился в путь со всей поспешностью, чтобы предупредить молву, которая видит и то, что скрыто под землей, а нередко и о будущем говорит как уже о совершившемся. Доехав до родины своей Орестии, которую иные называют Адрианополем, и побыв в ней короткое время, сколько нужно было для того, чтобы повидаться с жившими там сестрами и приготовиться к дороге, он рассудил не медлить более, но как можно

скорее отправиться на Восток, потому что болтливая молва уже кричала о его бегстве и на перекрестках, и на площадях, с вершин стен и домов и с быстротой стрелы рассеивала эту весть во многих местах. Итак, доехав в одну ночь до моря, он сел со спутниками своими на корабли, собственно для этого приготовленные в Иеллокастеллии, и переправился на другую сторону. Отдохнув тут немного, он уже думал, что избежал погибели и избавился от опасности сделаться готовым блюдом и подручным лакомством для челюстей Андроника. Но, видно, и он изглажен был Провидением из книги живых и приготовлен на съедение Андронику; чашка, содержавшая его жребий на весах судьбы, склонилась к аду. Судьба не поблагоприятствовала ему, и он был схвачен и отослан к Андронику руками тех, у которых надеялся найти себе безопасность, счастье и благоденствие и на которых рассчитывал, что они и телом и душой будут помогать и содействовать ему в победе над Андроником. Все это, как оказалось, была мечта несчастной души и сновидение. Когда он прибыл в Атрамиттий*, некто Кефала, начальствовавший тогда в этой стране, человек сильный и преданный тирану, как доказал самим делом, схватил его и предал в руки Андроника, как жертву, готовую и очищенную для заклания. Ему выкололи глаза, и он сослан был в Пантепоптов монастырь оплакивать несправедливость к нему судьбы. Тогда как он отважился на возмущение из прекраснейшего побуждения, она, нисколько не обратив внимания на его доброе намерение, склонилась на противоположную сторону. Так Бог не только скрыл от нас, где найдем мы жизнь спокойную и беспечальную, но и не дал нам ни предчувствия угрожающей беды, ни предвидения успеха в предприятиях. Вот и этот муж, во

* Город в Мизии на берегу Атрамитского залива, в Малой Азии.

многих сражениях показавший себя отличным полководцем, считая постыдным служить Андронику после умерщвления царя Алексея и желая избежать смерти от руки тирана, удалился от этого жадного к убийству человека, и однако же, против своего ожидания, был пойман тем, кого избегал, попал в те руки, от которых хотел уйти. Чьего нападения ожидал сзади, кого считал догоняющим, того встретил лицом к лицу, тот спереди напал и схватил его. В скором времени он и умер. Андроник так был напуган возмущением Лапарды, что во все продолжение его бегства считал свою погибель уже наступившей. Он боялся Лапарды, как храброго вождя и мужественного человека. Видя, что нет надежды подавить его возмущение преследованием или оружием, он прибегнул к письменным хитростям и, как софист, придумал небывалый способ. Он сочинил и разослал к начальникам восточных провинций царские грамоты, истинно лукавые. В них Андроник уверял, что он послал Лапарду в Азию и что все, что Лапарда ни сделает, все это, по известным, хотя и непонятным для большинства причинам, будет сделано для блага его царства, и обязывал всех принимать его без всякого сомнения. Через это Андроник рассчитывал остановить восстание народа, так как народ подозрительно будет смотреть на то, что сам Лапарда выдает себя за противника Андроника и, как бунтовщик, собирает против него войско, а Андроник называет бунтовщика своим верным слугой и повелевает принять беглеца как своего посланника. Что бы сделали и какое бы имели следствие эти новоизобретенные грамоты — это осталось в неизвестности, потому что Лапарда в скором времени был задержан.

2. Избавившись сверх чаяния от этого страха, Андроник расцвел в мелкой душе своей, как от росы расцветают колосья, выехал из города и медленно, небольшими переходами,

прибыл в Кипселлу*. Позабавившись здесь охотой, он отправляется в отцовский монастырь, находящийся в Вире, и является у гроба своего отца, окруженный копьеносцами, в царском блеске, которого и отец когда-то желал, но не получил, так что стремление к царствованию перешло к Андронику от отца как наследственное достояние. В эти дни он воздержался от казней, и потому многие называли их алкионовыми, так как в то время, когда алкион кладет яйца на море, море бывает очень тихо и спокойно. А спустя немного времени, перед наступлением праздника Рождества Христова, он снова возвращается в столицу. Потешившись конскими скачками и театральными зрелищами, с наступлением весны собрал он все войска, какие на Западе и на Востоке оставались ему верными, и сам пошел прямо на Никею, а Алексея Врану, возвратившегося из окрестностей Враницовы, с достаточным войском послал против лопадийцев, потому что и они, по примеру соседей своих никейцев и прузейцев, тоже отложились от него. Врана удачно совершил свой поход и, счастливо окончив войну, выступил из-под Лопадия и, прибыв к Никее, соединился с Андроником. Когда оба ополчения составили одно войско, Андроник решился сделать нападение на город. Жители Никеи не только не боялись Андроника в его отсутствие, но пренебрегали им, когда он и сам явился к ним. Показываясь на стенах, они и отражали его всяким оружием, и поносили гнусными словами, не щадя ничего: ни ударов, ни слов. Городские ворота были заперты и плотно задвинуты запорами, а языки, перед которыми отворены были двери губ, выскочив из-за ограды зубов, бросали в Андроника стрелы сквернословия. Сильно поражаемый этим оружием, Андроник дышал огнем гнева, выпуская

* Город во Фракии, недалеко от реки Меласа.

дыхание подобно Тифону, потому что не мог скрыть душевного волнения. Город Никея и по крепости своих стен считается непреодолимым или по крайней мере трудноодолимым, так как весь он выстроен из жженого кирпича. А тогда осада его тем менее обещала успеха осаждавшим, что в нем собрались и все те ратники, которые ненавидели Андроника: и Исаак Ангел, который, по низвержении Андроника, воцарился над римлянами, и Федор Кантакузин, и персы, призванные на помощь. Много дней проездил Андроник около города, но не сделал ничего и явно походил на человека, который нападает на отвесные горы, или безумно сражается с каменными скалами, или осаждает Арбелы и Семирамидины стены, или пускает стрелы в небо. Осажденные храбро сражались и оружием отражали нападения вооруженные, а посредством машин делали совершенно безвредными камнеметные орудия, которые устраивал изобретательный Андроник. Так как он много хвалился своим искусством брать города, то, чтобы отличиться перед окружающими его, он и устанавливал стенобитные орудия, и изобретал камнеметные машины, и делал подкопы, и употреблял все другие средства для разрушения городской стены. Но он сколачивал осадные машины, устраивал метательные орудия, укреплял винты и рукояти, вооружал стенобитные тараны железом, а никейцы или, выйдя из города потайными небольшими воротами, сжигали и разламывали руками эти орудия, или во время их действия разрушали их, как паутинную ткань, другими подобными орудиями. Когда Андроник увидел, что все его выдумки оканчиваются ничем, он прибегнул к бесчеловечному средству, которое и в прежние времена употреблялось немногими, как осаждавшими, так и осаждаемыми. Приказав привезти из Византии мать Исаака Ангела Евфросинию, он то ставил ее вместо прикрытия перед осадными машина-

ми, то сажал ее на таран, как на колесницу, и в таком виде придвигал орудие к стене. Тогда представилось зрелище, которое невольно возбуждало в одно и то же время и слезы и удивление: слезы — своей необычайностью и свирепостью разгневанного человека, который готов на все и не отвращается ни от какого неслыханного и несвойственного человеческой природе действия, а удивление — тем, что не умерла от страха женщина, сидя наверху машин, придвигаемых к стенам города. В первый раз теперь люди видели, что нежное женское тело было выставлено на защиту железа, слабая человеческая плоть, по измененному и беззаконно извращенному порядку, поставлена была перед твердыми машинами, чтобы помешать неприятелю оружием отражать оружие, и железо было прикрываемо человеческим телом. Но осажденные по-прежнему бросали со стены стрелы, только направляли их так искусно, что они поражали и устрашали нападавших, а благородной женщине не причиняли никакого вреда, как будто она и руками и жестами отклоняла их от себя и направляла в сердца врагов. Таким образом, эта бесчеловечная выдумка не принесла Андронику никакой пользы. Мало этого, выйдя ночью из города, никейцы и машины сожгли, и Евфросинию перетащили по веревке в город и, как гарпии, похитили ее у Андроника, оставив его самого, как нового Финея[89], страдать, по неимению чем утолить голод своего гнева. Приобретя через это и у самих врагов большое уважение к своему мужеству, никейцы еще более одушевились и еще смелее стали продолжать борьбу. Они не только, показываясь на стенах, совершали знаменитые подвиги и осыпали Андроника ругательствами, называя его мясником, кровожадным псом, гнилым старикашкой, бессмертным злом, людской фурией, развратником, Приапом старее Тифона и Сатурна и всякими другими постыднейшими име-

нами, но и выходили, как уже нами сказано, из-за укреплений и высыпали из ворот. Андроник своим бледным лицом, неестественным взглядом, частым кручением своей длинной и курчавой бороды ясно показывал, что он кипит гневом и замышляет новые козни против никейцев. Будучи не в состоянии выносить наглость осажденных и в то же время не имея возможности удовлетворить голод своего гнева, он, как голодный пес, по нескольку раз в день обходил город и, как разъяренная медведица, переходил с места на место, жаловался на легионы и упрекал военачальников за то, будто они небрежно ведут войну и уклоняются от сражения.

3. Однажды, когда царь Андроник объезжал город с большим отрядом войска и с отборными всадниками, его увидел Федор Кантакузин, человек отважный и по молодости лет кипучий, как недавно выделанное вино. Увлеченный необыкновенным порывом отваги, он со всей поспешностью выезжает из города восточными воротами с немногими спутниками и, пробившись сквозь первые ряды воинов, направляет копье в Андроника. Но он слишком скоро гнал своего коня, постоянно его пришпоривал, явно заставляя лететь, а не бежать с такой скоростью, какую природа дала его ногам,— и тем неожиданно погубил сам себя. Лошадь его споткнулась и, пораженная стрелой, упала на колено, а он, выброшенный из седла, ударился головой о землю, повредил себе спинные мускулы и лежал полуживой без чувств. Меченосцы Андрониковы тотчас же подбежали к нему толпой и отрубили ему голову, а некоторые, желая угодить Андронику, изрезали в куски и все тело. Спустя немного времени голова Кантакузина была отправлена в Константинополь и здесь, поднятая на длинном копье, с торжеством носима была по улицам города. Никейцы, лишившись храброго воина и непобедимого защитника, немало горевали, как и следовало

ожидать, о своей потере и упали духом. Обратились они к Исааку Ангелу и хотели подчиниться ему и избрать его своим вождем, но он, будучи человеком нерешительным и, подобно Энею, уклоняясь от войны, может быть, и потому, что предвидел будущее и мечтал об ожидавшем его царском достоинстве, как Эней мечтал о славе своего рода,— не слишком дорожил званием вождя. Поэтому войско, мало-помалу падая духом, хотело вступить в переговоры; прежнее его благородное мужество и необыкновенное одушевление совсем исчезли. Стали составляться сходки, на которых осажденные, собираясь по племенам, рассказывали и со всеми подробностями изображали бедствия, какие они терпят, находясь в осаде. Представляя себе жестокосердие Андроника и перебирая в уме своем всевозможные бедствия, которым они подвергнутся, если город будет взят силой оружия, они тряслись как зайцы. С ними случилось то же, что с Кенеем, только в обратном виде. Кеней, как сказано в басне, из женщины превратился в мужчину, а они из мужчин сделались слабыми женщинами. Не было уже между ними человека, который бы своей пламенной храбростью одушевлял к подвигам мужества. Со смертью Кантакузина все как будто умерли для отваги и потеряли охоту к битвам. Подумав обо всем этом, тогдашний никейский архиерей Николай решился делу необходимости дать вид почетного действия. Собрав народ, предложил ему покориться обстоятельствам и, пока еще город не потонул в волнах войны, передать его добровольно Андронику. Он видел, что Андроник никогда не отступит, как говорится, с пустыми руками, тем более что не было ничего такого, что отвлекало бы его от осады и отзывало в другую сторону, а равно и то, что сами никейцы, мало-помалу оставляя защиту города, стали приниматься за домашние дела свои, как в мирное время. Убедившись,

что все считают предложение его хорошим и обеими руками хватаются за благие его последствия, он облачился в священную одежду, взял в руки Евангелие и приказал следовать за собой клиру и всем жителям города, не исключая даже женщин и детей. Все шли совершенно безоружными, с масличными ветвями в руках, с непокрытыми головами, босые, с обнаженными от платья руками, со всеми знаками истинной покорности, и печальным видом и тихим голосом умоляли о сострадании. Когда они вышли в этом виде из города, царь Андроник, пораженный неожиданностью зрелища, несколько раз напрягал зрение, чтобы яснее разглядеть представившееся ему явление; событие это решительно казалось ему сновидением. Когда же удостоверился, что это вовсе не обман, а действительность, он не выказал приличного царю прямодушия и чистосердечия, притворился милостивым и на время, пока нельзя было открыть свою львиную шерсть, оделся в лисью шкуру. Он не только встретил их с притворной благосклонностью, но даже едва удержался от слез, которые у Андроника всегда были покрывалом истины и завесой душевных движений. Недолго, однако же, он разыгрывал эту комедию. Спустя немного времени отбросив, как изношенную одежду, нежные и, как масло, мягкие слова, он ясно показал никейцам, и особенно отличавшимся между ними достоинствами и знатностью рода, как силен гнев старика Андроника и сколько злобы, вражды и злопамятства таил он в себе, отлагая мщение до благоприятного времени. Многих впоследствии изгнал он из отечества; некоторых предал жестокой смерти, приказав сбросить со стен, а персов в то же время повесил вокруг города. Но Исаака Ангела похвалил и за дела и за слова, за то, что он не только не обращал своих зубов в оружие и стрелы, по примеру Федора Кантакузина, но часто и осуждал сего последнего, ког-

да он злословил помазанника Божия, извлекая из уст своих, как из ножен, подобный острому мечу, язык свой. Наговорив ему много приятных обещаний или, вернее сказать, питая по Божественному устроению своего убийцу и похитителя власти и сохраняя его до определенного Провидением времени, он отослал его назад в Византию, а сам с бывшими при нем войсками пошел к городу прузейцев[90].

4. Став лагерем и окопавшись валом на южной стороне города — так как с этой стороны, по ровности места, городская стена казалась доступной, не то что с других сторон, где она возвышается на каменистом, круглом и весьма крутом холме,— Андроник на следующий день начал осаду. И машины, и люди не стояли праздно, но делали что следует, а сам Андроник писал записки и, обернув ими нижнюю часть стрел, бросал их в город. В этих по воздуху пересылаемых письмах он убеждал прузейцев переменить мысли и обещал всепрощение, если они отворят ворота и впустят его в город, а Федора Ангела, бродягу Лахану, глупого Синесия — я употребляю собственные его выражения — и их единомышленников схватят и предадут смерти. Это он делал довольно долго, потому что война, завязавшаяся под стенами Прузы, нисколько не уступала никейской ни по храбрости воинов, вступивших в борьбу с царскими легионами, ни по ненависти к Андронику, которая и была причиной войны. Да и самый город Пруза укреплен со всех сторон хорошими башнями и обнесен крепкой стеной, а с южной стороны даже двойной. Неоднократно днем происходили и здесь вылазки, войска бросались друг на друга, и много падало с обеих сторон. Но и этому городу суждено было покориться Андронику, и очень многим захваченным в нем — потерпеть ужасные мучения. Под беспрерывными ударами стенобитной машины стена в одном месте несколько осыпалась, а

затем упала в том же месте и деревянная пристройка, скреплявшая старую стену. Находившиеся в городе вообразили, что потрясена и упала вся стена, на которую действовала стенобитная машина. Разнесся об этом событии неясный слух, и сердца всех поражены были страхом. Никто не позаботился хорошенько узнать о несчастьи, но при первом же шуме упавших камней все почти умерли от страха. На стенах не осталось ни одного защитника, и сбежавшие со стен толпились по улицам совершенно растерянные. Тогда враги приставили лестницы и через ворота и стены без труда проникли в город. Хватая прузейцев, они беспощадно умерщвляли их, расхищали их имущество, рубили скот, который весь, и мелкий и крупный, собран был, чтобы жителям было чем питаться, если осада протянется долго. Такими-то ужасами сопровождалось это событие! Когда же вошел в город и остановился в нем сам царь Андроник, то и он поступил с прузейцами не как царь кроткий, хранящий тех, которые и прежде были и опять будут его подданными, хотя на время и возмущались; и даже не с той снисходительностью, какую каждый человек оказывает своим единоплеменникам. Напротив, как голодный царь зверей, напав на овец, не защищенных никакой оградой и не охраняемых пастухом, одной ломает шею, у другой вырывает внутренности, с иными поступает еще каким-нибудь жестоким образом, а остальных разгоняет по скалам, горам и пещерам, так и Андроник в то время без всякой пощады погубил и умертвил множество людей, излив свой дикий гнев в различных и разнообразных казнях за то, что город был взят военной силой, а не по предварительному соглашению и договору с прузейцами и не по добровольной их сдаче. Так, Федора Ангела, юношу, у которого только что стала пробиваться борода, лишил очей и, посадив на осла, велел вывести за римские границы

и бросить, предоставив ему блуждать там, куда занесет бродящее по своему произволу животное. Вероятно, он сделался бы пищей зверей, что и имел в виду Андроник, назначая ему это наказание, если бы попавшиеся навстречу турки не сжалились над его молодостью, не взяли его в свои палатки и не позаботились о нем. Льва Синесия, Мануила Лахану и многих других, числом сорок человек, повесил на ветвях деревьев, растущих около Прузы. Но гораздо большее число подверг другим казням: одним отрубил руки, другим отрезал пальцы, как виноградные побеги, а у иных отнял ноги. Многие лишились и глаз, и рук, а были и такие, которые потеряли правый глаз и левую руку, и такие, которые потерпели то же, только в обратном виде. Отняв таким бесчеловечным образом у своего царства людей, цветущих крепостью тела и отличавшихся воинской опытностью, Андроник пошел к Лопадии. Там он поступил подобным же образом. Одного из епископов он лишил глаз за то, что тот не обличал бунтовщиков из своей паствы, но спокойно и равнодушно смотрел на восстание их против царя Андроника. Вслед затем он возвратился в столицу, восхищаясь такими победами. В Прузе он не позволил похоронить никого из повешенных, но оставил тела их, как особенного рода гроздья, висеть на виноградных лозах, которые поднимались и вились около деревьев. Трупы высохли на солнце и поворачивались от ветра, подобно пугалам, которые выставляются сторожами в смоковничных садах.

По возвращении в Константинополь, принятый народом с радостными восклицаниями, приветствованный речами льстецов, которых всегда воспитывают царские дворцы, и сделавшись оттого еще надменнее, Андроник занялся зрелищами и конскими скачками, так как время было летнее. Однажды обрушились некоторые из смежных с царским

седалищем перил и задавили около шести человек. Бывший в театре народ пришел по этому случаю в страшное смятение. Андроник побледнел от страха и, созвав к себе копьеносцев, хотел было встать со своего места и уйти во дворец; но окружавшие его приверженцы упросили его оставить это намерение и убедили сидеть спокойно, сказав, что, чуть только встанет, тотчас же погибнет, потому что народ столпится в кучу и бросится на него и на его свиту. Поэтому он еще немного помедлил и дождался окончания конской скачки и гимнастической борьбы, но решительно отказался от дальнейших представлений, когда зрителей забавляли удальцы, взбиравшиеся вверх по веревкам и плясавшие на высоко протянутом, небольшом и тонком канате, а также быстроногие зайцы и охотничьи собаки — зрелища, очень нравящиеся непривычным посетителям театра. Так-то происходило это.

5. Был некто, человек знаменитого рода, по имени Исаак, не Ангел Исаак, а другой, сын дочери севастократора Исаака, о котором мы сказали в своей истории, что он был родной брат царя Мануила. Этот Исаак, получив от своего деда и царя Мануила Комнина власть управлять Арменией и начальствовать над Тарсом и над сопредельными странами, начал войну с враждебными армянами, был взят в плен и заключен под стражу, что случилось уже по смерти Мануила. Много лет провел он в заключении, но наконец был выкуплен иерусалимлянами, которых называют фрериями*, и получил полную возможность возвратиться в отечество. Выкупу его содействовал и Андроник, по просьбе Феодоры, с которой, как мы уже несколько раз говорили, Андроник был в связях, а этот Исаак был ее племянник. К принятию же

* Фрериями (*Φρέριος*, Frater), или братьями, византийские писатели иногда называют францисканцев, но большей частью — братьев, или рыцарей Храма. Du Cang. Gloss. Graecit. P. 1703. Эти последние разумеются и здесь.

Исаака и к состраданию над его долговременным пребыванием вне отечества убеждали Андроника Константин Макродука, женатый на родной тетке Исаака, и Андроник Дука, родственник Исаака и друг его с детства. Но этот Исаак не хотел подчиниться царю Андронику, свое отечество считал как бы на звездах, родство и любезное сотоварищество ставил ни во что. Желая господствовать, питая в себе стремление к власти и вовсе не имея расположения повиноваться другим, он воспользовался присланными ему из Византии деньгами как средством и пособием для злокозненного достижения власти. Приплыв на Кипр с весьма значительным войском, он сначала выдавал себя за законного, присланного царем начальника, показывал киприянам сочиненные им самим царские грамоты, читал вымышленные царские указы относительно того, что ему следует делать, и вообще вел дела так, как по необходимости ведут их люди, поставленные начальствовать от других. Но спустя немного времени он объявил себя тираном и, раскрыв свою врожденную жестокость, начал бесчеловечно поступать с жителями острова. Жестокосердием и свирепостью нрава он столько превзошел Андроника, сколько этот последний превзошел всех, когда-либо прославившихся жестокостью к врагам. С тех пор, как он вообразил, что прочно овладел властью, он непрестанно совершал над жителями Кипра тысячи различных злодеяний. Каждый час он осквернял себя убийством людей невинных, терзал человеческие тела, изобретая, как какое-нибудь орудие злосчастной судьбы, казни и мучения, которые доводили до смерти. Нечестивый и развратный, он бесстыдно предавался преступным связям с женщинами и растлевал девиц. Семейства, прежде благоденствовавшие, лишил всего имущества без всякой причины, старожилов, которые вчера и третьего дня обращали на себя общее внимание и по богат-

ству могли соперничать с Иовом, пустил по миру голодными и нагими, если только по своей крайней раздражительности не погубил мечом. Увы! Увы! Как путь нечестивых благоуспешен! Процвели все делающие беззакония. Ты насадил их и возрастил; они родили детей и принесли плод. Так на это еще пророк жаловался Господу. И точно, тогдашнее поколение произвело людей, которые, как цикута, выросли только на смерть ближним и на погибель множеству городов, которыми они совершенно беззаконно овладели. Когда все это дошло до слуха царя Андроника, он от неистовства никак не мог прийти в себя. Но так как видел, что ему грозит то, чего он давно боялся,— а он всегда опасался начальной йоты, как буквы, гибельной для его власти,— то начал изыскивать средства, как бы схватить Исаака и изъять из среды людей того, кто угрожает ему погибелью. Он боялся, чтобы Исаак, приплыв с Кипра, не лишил его власти, так как знал, что все примут его с радостью, потому что отдаленное бедствие сноснее настоящего и ожидаемое зло, даже более тяжкое, легче того, которое уже гнетет. Мы, люди, обыкновенно с радостью принимаем и кратковременное облегчение своих страданий.

6. Но так как Андроник не мог захватить в свои руки врага, находившегося вдали, то он обратил свой гнев на людей, бывших вблизи, как это нередко делают собаки, которые, находясь вдали от человека, бросившего в них камень, мстят ему лаем, а брошенный камень грызут зубами. Он отдал под суд дядю Исаакова Константина Макродуку и Андроника Дуку за то, что они уверили, что если Исаак получит свободу и возвратится в отечество, то будет полезным и верным слугой Андронику. Спустя несколько дней эти люди были и осуждены за оскорбление царского величества, несмотря на то, что принадлежали к партии Андроника, были

самыми главными ее членами и вернейшими его друзьями. Макродука, кроме разных услуг, которые со всем усердием оказывал Андронику, был еще и женат на сестре Феодоры, о незаконной связи которой с Андроником мы уже несколько раз упоминали в своей истории. А Андроник Дука, человек развратный, скупой, с бесстыдным выражением лица, о делах Андроника, казалось, заботился больше, чем сам Андроник. Если Андроник хотел выколоть кому-нибудь глаза, то Андроник Дука, как будто научаемый исконным человекоубийцей, радующимся о несчастьях людей, определял еще лишить его и рук или присуждал к висилице. Весьма часто он порицал Андроника и бесчеловечно упрекал за то, что он налагает наказания, далеко не соразмерные с преступлениями. Когда наступил пресветлый и благознаменитый день, в который празднуется Вознесение на небо с плотию Господа и Спасителя нашего, во дворце назначается собрание и приглашаются почти все, принадлежащие к царскому двору. Поэтому люди всякого рода и народа со всех сторон стремились и спешили туда, где находился царь Андроник. Он жил в это время в так называемом внешнем Филопатии, а собиравшиеся по ошибке сошлись в так называемый Манганский дворец, который находился во внутреннем Филопатии и который Андроником впоследствии разрушен. Когда народа собралось много, даже очень много, когда пришли все, кому следовало быть,— вдруг, сверх ожидания собравшихся, выводят из устроенных там низких темниц Дуку и Макродуку и, как осужденных, ведут под конвоем ко дворцу. Думая, что их ведут к суду, и полагая, что они увидят царя в окнах верхнего этажа, Дука и Макродука оправляли на себе платье, поднимали глаза вверх, почтительно слагали руки. Но тут Стефан Агиохристофорит, которого современники называли Антихристофоритом, изменяя имя сообразно с его делами,

потому что он действительно был бесстыднейшим из слуг Андроника, преисполненный всякого беззакония, схватил камень, какой только мог взять рукой, и, бросив его в Макродуку, как человека более почтенного и по родству с царем, и по преклонным летам, и по множеству богатств, убеждал всех последовать его примеру. При этом он осматривал все собрание и если замечал, что кто-нибудь не бросает камней, того осмеивал, бранил как неверного царю и уверял, что он скоро подвергнется тому же наказанию. Вследствие таких угроз, все собравшиеся взялись за камни и стали бросать их в этих мужей — жалкое и невероятное зрелище,— так что из камней образовалась большая куча. Затем, когда они еще дышали, их подняли люди, которым было поручено это дело и, закрыв их покрывалами, какими обыкновенно покрываются вьюки на мулах, отнесли Дуку в отдаленное место, отведенное иудеям для кладбища, а Макродуку переправили на ту сторону пролива, на противоположный Манганскому монастырю высокий берег, и повесили обоих. Тогда-то в первый раз жители Константинополя увидели то, что прежде и для самого слуха казалось невероятным; о чем прежде они и слышать не хотели, то теперь было у них перед глазами и то они оплакивали. Размышляя об этой казни, они находились в безвыходном положении, не знали, что делать, и испытывали двойное мучение. С одной стороны, они терзались страданиями единоплеменников, а с другой, представляя себе, что беда скоро дойдет и до них, они терпели более продолжительное мучение, чем те, которые уже подверглись страданиям. Эти с наступлением бедствия, о котором прежде помышляли, уже избавились от тяжкого ожидания, а у них постоянное ожидание беды и представление будущего, как будто уже наступившего, и ночью отнимало сон, и днем больше всякого бича терзало душу. И что всего

удивительнее, так страдали не только те, у которых совесть не совсем была покойна, оттого что они желали и замышляли сделать зло Андронику, но и те, к которым он был расположен, которым постоянно оказывал какие-нибудь милости. Зная крайнюю подозрительность его характера и непостоянство в мыслях и в то же время опасаясь его чрезвычайной склонности к казням, и эти люди не считали себя безопасными от смерти.

Нельзя умолчать и о следующих обстоятельствах. Некоторые из приближенных к Андронику попросили у него позволения снять тела повешенных. Выслушав просьбу без неудовольствия, Андроник спросил, давно ли они умерли, и, узнав от исполнителей казни, что злые зле погибли, сказал, что он жалеет об участи этих людей. С этими словами он заплакал и затем прибавил, что власть и строгость законов сильнее собственных его чувств и склонностей и решение судей сильнее его личного расположения. О слезы, и у предков наших, и у нас льющиеся в душевной скорби из сердца, как дождь из облаков! О знак сильнейшей скорби и несомненное свидетельство внутренних мучений, хотя иной раз и от радости вы струей льетесь из глаз, как из желоба! У Андроника вы имеете не то значение, у него вы получили другую природу; когда льетесь из его глаз, вы служите предвестницами гибели и, можно сказать, открываете путь переправы через Ахеронт к водам Стикса, столько же холодным, сколько страшным, которые одним своим именем возбуждают отвращение. О, сколько очей погасили вы, когда лились обильными струями! Сколько душ увлекли вы в глубину ада, когда текли неудержимым потоком! Как много людей потопили вы! Каких мужей проводили вы в могилу, как последнее омовение или как надгробное и прощальное возлияние!

Так-то умертвил Андроник Константина Макродуку и Андроника Дуку, и такую-то они получили от него награду за свою преданность и услуги. А спустя немного времени он повесил по ту сторону пролива, называемого Перамой, и двух братьев Севастианов за то, что будто бы они злоумышляли на его жизнь. И вот такими-то и другими подобными делами, а часто и еще худшими, постоянно занимался Андроник.

7. Между тем Алексей Комнин, происходивший от одной крови с царем Мануилом — он был сын его племянника — и занимавший при нем должность виночерпия, был сослан Андроником в Скифию, бежал оттуда и, как какой-нибудь крылатый змей, перенесся в Сицилию. Явившись к тамошнему тирану Вильгельму[91], он открылся ему и рассказал, кто он такой. С ним был и Малеин, родом из Филиппийской области, человек незнатного рода, судьбой незамечательный и никакими подвигами не прославившийся. Оба они питали и таили в себе злобу главным образом против Андроника; первый негодовал, может быть, и справедливо, а Малеин — из угождения Комнину, и вместе для того, чтобы не знавшим его людям показаться человеком достойным внимания. Но эта их злоба обратилась ко вреду отечества: они рассказали королю не на ухо, но в слух многих — причем чуть не гладили его пяток и, как собаки, чуть не лизали их своими языками,— рассказали со всей увлекательностью не то, от чего должен был пострадать Андроник, но то, что могло побудить сицилийского тирана на завоевание римских областей как на легкую добычу. Воспламененный их речами, тем более что рассказы их были вполне согласны и сходны с тем, что он часто слышал от своих единоплеменников латинян, которые служили прежде по найму у римлян и терлись в императорском дворце, а в это время рассеялись в

разные стороны вследствие жестокого и презрительного обращения с ними Андроника,— Вильгельм собирает все бывшие у него войска и нанимает множество иноземной пехоты и целые тысячи конницы, предложив щедрое жалованье и обещав еще большую награду. Переправив пехоту в Эпидамн и при первом же нападении овладев этим городом, а морские силы направив прямо в Фессалоникский залив, он без боя, на известных условиях, занимает все области, лежащие между этими пунктами. Затем войска его в одно время окружили и опоясали Марсовым поясом славный город Фессалонику, и через несколько дней осады город был взят и занят неприятелем. Это произошло не оттого, что защитники его были слабы и неопытны в воинском деле, но преимущественно от бездеятельности военачальника Давида, из рода Комниных. Он оказался человеком, совершенно бесполезным для фессалоникийцев, и был большой мастер только на то, чтобы вечно бояться Андроника и изыскивать средства, как избежать его страшных рук. Ему приличнее было бы потонуть в пучине морской, или броситься с высокой скалы, или укрыться в горах и пещерах, или, подобно Пророку, бежать и быть проглоченным морским китом. Но он ничего подобного не сделал, а, по несчастной судьбе фессалоникийцев, управляя ими и бесчестно приобретя себе звание вождя, хотя был изнеженнее женщины и трусливее оленя, тайно чуть не звал к себе врагов, готовых взять и его и город Фессалонику, когда они были еще вдали, и всеми мерами старался добровольно отдаться в их руки живым. Поэтому, когда наступило время битвы, когда всякого рода оружие и машины двинуты были против города, он скорее был зрителем врагов, чем противоборцем. Во все продолжение осады он ни сам ни разу не пошел на вылазку, хотя защитники города сильно побуждали его к тому, ни им не позволял этого делать, но подавлял отвагу жителей, подобно тому, как негодный охотник подавляет лучшие порывы собак. Никто не видел его в полном вооружении; шлема, лат, наколенников и щита он избегал, подобно изнеженным женщинам, ничего не знающим, кроме своего гинекея, и только разъезжал по городу, сидя на муле, в широких шароварах, застегнутых назади, и в великолепных сапогах, вышитых золотом до самых пяток. Когда машины били в стены и бросали камни на землю, свист бросаемых камней и гул поражаемых стен возбуждали в нем только смех. Когда начали показываться и осыпаться проломы, этот человек, сам нуждавшийся еще в няньке, забившись под прочную арку стены, говорил своим приятелям, людям самым негодным: «Послушайте, как ворчит старуха»,— старухой он называл самую большую стенобитную машину, которая много вредила городской стене, выбивая из нее камни. Имея, по несчастью, такого предателя своим хранителем, такого пирата — кормчим, такого отравителя — врачом, Фессалоника, после непродолжительного сопротивления, покорилась врагам.

События, последовавшие за этим, составляют другую Илиаду бедствий, ужасы которой выше трагических. Все дома в городе были покинуты жителями; не было ни жилища, в котором можно было бы спастись, ни переулка, который избавлял бы от убийц, ни подземельев, которые скрывали бы надолго. Ни жалобный вид не возбуждал сострадания, ни просьбы не трогали: меч гулял по всем, и только удар, прекращавший жизнь, полагал предел неистовству. Напрасно многие сбегались и во святые храмы, тщетна была надежда и на святые иконы. Варвары, смешав Божеское и человеческое, не уважали Божественных вещей и не давали пощады прибегавшим в святые места. Какова была участь тех, которые оставались в простых домах, которые, то есть, тот-

час же умирали от меча, или если и избегали смерти, то теряли все имущество,— что грабители считали величайшим благодеянием,— таков же был конец и тех, которые убегали в храмы, не говоря о другом великом несчастии — об ужасной смерти, какую терпели многие во святых храмах от тесноты, при стечении бесчисленного множества народа. Враги, с оружием в руках, врываясь в храмы, умерщвляли всех, кого встречали и, как жертвенных животных, беспощадно закалали тех, кого хватали. И могли ли щадить людей те, которые не уважали святыни и нисколько не боялись Бога? Но еще не столько удивительно то, что они похищали вещи, посвященные Богу, скверными руками касались того, что было неприкосновенно, и песьими глазами рассматривали то, что должно быть недоступно для взора,— сколько нечестиво то, что они повергали на землю святые иконы Христа и Его угодников, попирали их ногами и, если находили на них какое-нибудь дорогое украшение, срывали его как попало, а сами иконы выносили на перекрестки для попрания прохожим или жгли для варения пищи. Всего же нечестивее и нестерпимее для слуха верующих то, что некоторые из них, взойдя на престол, перед которым благоговеют сами Ангелы, плясали на нем, безобразно прыгали, распевая какие-то варварские, отвратительнейшие народные песни; а потом, открыв студные части свои, испускали мочу и сквернили вокруг священного места, совершая возлияния злым демонам и приготовляя теплые ванны, в которых эти губители плавают после трудов, подъятых на изобретение несчастий для людей и на совершение ужасных зол. Наконец показались в городе сицилийские вожди и, удержав толпу от убийств, прекратили эти ужасы и положили конец резне. Один из них, весь в железных латах, сидя на коне, въехал в храм мироточивого мученика и только с трудом мог остановить неистовство

солдат, одних ударяя плоской стороной меча, а другим нанося и действительные удары.

8. Впрочем, и после этого положение фессалоникийцев было несносно. Хотя убийство жителей на другой день по взятии города прекратилось, но зато наступили другие бедствия, которые многоразличными путями доводили несчастных также до смерти, заставляли даже предпочитать смерть жизни, так что, говоря словами многострадального Иова, многие искали смерти, но не находили. Конечно, и все вообще со взятыми на войне пленниками обращаются дурно, поступают немилосердно и делают все, что внушает гордость победителя, но латинянин, победивший врага и захвативший его в свои руки, есть зло самое несносное и неизобразимое словом. И если пленником его будет римлянин, и притом человек, вовсе не знающий итальянского языка и столько чуждающийся иностранных обычаев, что даже в одежде у него нет ничего общего с латинянами, то его считают существом, отверженным от Бога и осужденным на то, чтобы принять несмешанный сосуд и испить нерастворенную чашу гнева Божия. Какая смертоносная ехидна, какой ядовитый змей, блюдущий пяту, какой лев, губитель быков, пренебрегающий вчерашним ловом и питающийся только свежей добычей, может так неистовствовать, как неистовствуют бесчеловечные латиняне над своими пленниками? Они не трогаются мольбами, не смягчаются слезами, не умиляются ласковыми словами. Если бы кто приятно запел, для них это было бы то же, что крик коршуна или карканье вороны. Если бы чье пение было так очаровательно, что, подобно звукам Орфея, двигало бы камни, и такой певец напрасно касался бы струн лиры и тщетно начинал бы свою звучную песню. Если же иной раз варвар и тронется пением, то жестокосердная душа его считает это пение за предсмертную прекрасную песнь

лебедя и затем снова принимается за убийство, по-прежнему остается безжалостной и, подобно твердой наковальне, не поддается никаким просьбам. Люди этого племени умеют удовлетворять только гневу, любят подчиняться только его внушениям. Какого самого ужасного зла не сделает человек, ненавидящий римлян, собравший в сердце своем такую злобу к эллинам, какой никогда не собирал в себе и не порождал сам древний змей, враг человеческого рода? Проклятые латиняне считают чуть не раем страну, в которой нам досталось жить и собирать плоды; до безумия влюбленные в наши блага, они вечно злоумышляют против нашего рода и стараются всячески сделать нам зло. Иногда, сообразаясь с обстоятельствами, они притворяются и нашими друзьями, но ненавидят нас, как злейшие враги. Даже и тогда, как говорят они слова ласковые, льющиеся тише и нежнее елея, и тогда слова их суть стрелы и острее меча обоюдоострого. Таким образом, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть вражды, мы не можем соединиться душами и совершенно расходимся друг с другом, хотя и бываем во внешних сношениях и часто живем в одном и том же доме. Они, привыкшие ходить большей частью с поднятой головой и надменно выправляющие свой стан, обыкновенно смеются над кротостью нашего характера и над нашим смирением, происходящим от нашего скромного о себе мнения; а мы, презирая их гордость, хвастливость, спесь и надменность, наступаем на их поднятую кверху голову и доселе попираем ее силой Христа, дающего власть наступать на змей и скорпионов без всякого зла и вреда.

Но будем опять продолжать свой рассказ. Так-то неистовствовало и столько-то богопротивных дел совершило сицилийское войско, вступив в город Фессалонику, после осады, которую оно начало шестого числа месяца августа

третьего индикта шесть тысяч шестьсот девяносто третьего года и окончило 15 числа того же месяца решительно без всякой со своей стороны потери. И не в продолжение только войны фессалоникийцы, как мы сказали, терпели ужаснейшие бедствия, но и с окончанием ее судьба не склонилась к милосердию, и победители не сделались к ним снисходительнее. Варвары не только выгнали владельцев из их домов и присвоили себе все, что в них было собрано, но отняли у них и платье, не исключая последней одежды, покрывающей те части тела, которые сама природа велела закрывать, как студные; даже куска хлеба не давали они домохозяевам, трудовым имуществом которых завладели. Сидя в чужих домах, они ежедневно пировали и прогуливали все, что было можно, а тех, которые с трудом нажили это, пустили бродить по перекресткам, голодать, спать на голой земле, ходить без обуви и одежды, так что для людей, прежде богатых и знатных, теперь ложем была земля, кровлей — небо, а теплой постелью — навоз. Но что хуже всего и что уязвляет в самое сердце — прежним хозяевам нельзя было даже входить в свои дома. Если же кто входил или только заглядывал в дом, того находившиеся в нем, будто древняя злая Сцилла[92], тотчас же хватали, приводили к ответу и после многократных допросов, зачем он пришел, или заглядывал, или подходил к дверям прихожей, жестоко секли и заставляли отдать деньги, полагая, что они спрятаны у него где-нибудь в доме. Они думали, что из-за денег он и приходил осмотреть свой дом, опасаясь, чтобы их не украли, и торопясь узнать, уцелела ли от тщательных поисков врагов та часть дома, в которой они скрыты, или желая спрятать их в более надежное место. Не раз случалось, что иной отдавал все, что спрятал, когда видел, что надобно бежать из дома, и, однако же, не избавлялся от плетей; напротив, его еще больше били и под-

вергали многоразличным пыткам для того, чтобы он указал, где скрыты другие его сокровища. Иной же ничего не давал, а уверял, что и теперь он так же беден, как и прежде, и что только любовь к родительскому или им самим с большими издержками построенному дому заставила его уклониться с пути и невольно привела сюда, чтобы посмотреть на прежнюю свою собственность и поплакать над ней. Но и это не возбуждало сострадания и не избавляло от мучений; этих людей пытали, секли, вешали за ногу, коптили дымом, зажигая подложенную под них солому, мазали им уста нечистотою, кололи их копьями в бока и подвергали бесчисленному множеству других мучений. Они или умирали среди таких страданий, или полумертвые были вытаскиваемы из дома за ногу и, брошенные, как сор, лежали на улицах под открытым небом.

9. Что же? Может быть, с таким радушием сицилийцы принимали и угощали прежних домохозяев, когда они приходили домой, а со всеми другими, которые бежали от своих домов, как от устьев ада, как от критского лабиринта или лакедемонской Кеады*, обращались кротче и оказывали им хоть несколько человеколюбия? Вовсе нет. Да и как ожидать чего-нибудь подобного от людей, которые свирепее зверей, которые вовсе не знают, что такое милость, и радуются несчастьям людским? И собаки иногда не трогают и не грызут зубами тех, кого настигают; если преследуемые ими падают на колени, они перестают лаять и сами собой, никем не принуждаемые, закрывают зев. Но латиняне не оказывали никакого сострадания тем, кого лишили имущества, чью собственность расточали с блудницами, которых они очень

* Так называлась пропасть, в которую бросали в Спарте государственных преступников.

ценили, за которыми гонялись и которым чуть не позволяли бить себя по щекам,— они, хвалившиеся, что овладеют всей Римской империей, как пустым гнездом и как покинутыми яйцами. Напротив, они еще смеялись над наготой многих и громко хохотали, когда проходил кто-нибудь высохший от голода, с раздутым желудком, с бледным, как у мертвеца, лицом, оттого, что лучшую его пищу составляли овощи, а праздничный обед — одни виноградные ягоды, которые он со страхом собирал где-нибудь в виноградниках. Так же сострадательны они были и к людям, одетым в изорванные одежды, завешивавшим рогожами те части тела, которые следует скрывать, и прикрывавшим голову плетенками из мастиковых ветвей. Встретившись с ними на улице, они с улыбкой и насмешливым видом хватались обеими руками за их бороду и за волосы на голове и, смеясь над всклоченной и отросшей бородой, говорили, что это нехорошо и что голову нужно стричь, по их примеру, в кружок. Бывало и то, что, проезжая верхом по площади с ясеневыми копьями, они направляли свои копья на несчастных по виду и опрокидывали их на землю. Если где-нибудь близ большой дороги была грязь или лужа, они толкали их на эту грязь, или избегая и гнушаясь встречи с ними, как не обещающей ничего хорошего, или не желая идти с ними по той же дороге. Если они заставали римлян за столом, когда те ели полбовый хлеб или какую-нибудь другую пищу, служащую к поддержанию человеческого тела,— в насмешку над ними опрокидывали чаши, толкали ногой стол и прерывали обед, не давали ни вовремя съесть кусок горького хлеба, ни спокойно выпить чашу прокислого вина, ни утолить жажду водой, взятой из цистерны. При этом бесстыднейшие из них и самые злые насмешники, люди, нисколько не боящиеся Бога, несколько нагнувшись и обнажив задние и другие части

тела, которые люди обыкновенно прикрывают одеждами, обращались к обедавшим задом и, находясь на самом близком расстоянии от кушаний, как безумные, выпускали из себя самые зловонные ветры. А иногда даже извергали из себя задним проходом, как из насоса, нечистоты чрева и оскверняли пищу, а у иных марали и лица. Они мочились в колодцы и пили потом доставаемую из них воду. Один и тот же сосуд служил у них и урильником, и кувшином для вина; не вымытый наперед, он употреблялся и на то и на другое: в него наливали вино и воду для питья, в нем же содержалась и нечистота, извергаемая из телесного канала. И угодникам Божиим, вписанным в число первородных, они не оказывали должного уважения, не обращали внимания на совершаемые ими чудеса, не изумлялись великим и дивным явлениям, которыми Христос прославляет тех, кто Его прославил в своих членах. Так, мvро, истекающее из гроба славного чудесами и страданиями мученика Димитрия, они, черпая кувшинами и кастрюлями, вливали в рыбные жаровни, смазывали им обувь и без всякого уважения и нечестиво употребляли на другие надобности, для которых обыкновенно употребляется елей. Но мvро, как будто оно вытекало из неистощимого источника или поднималось из бездны, текло еще в большем количестве, чудесно изливаясь в таком изобилии, что сами варвары признавали это явление чудом и ужасались благодати, полученной мучеником Христовым от Бога. Когда время общественного богослужения собирало римлян в храмы, и тогда грубые и наглые солдаты не оставляли их в покое. Приходя к ним как будто для того, чтобы вместе помолиться и принести Богу жертву хваления, они ничего подобного не делали, но бесчинно разговаривали между собой и безобразно кричали или, по какому-нибудь поводу насильно хватая нескольких римлян за горло, давили их и тем прерывали

пение, так что поющие явно пели в земле чужой, а не стоя в храме Божием. А многие, подпевая поющим песни Господу, пели срамные песни и, лая по-собачьи, прерывали пение и заглушали божественную службу.

Так-то страдали фессалоникийцы по взятии их города, о чем некоторые написали особые сочинения и составили обширную историю, а мы рассказали только нечто из многого. Когда же Тот, кто в вышних живет и на смиренные презирает, приник с неба и увидел, что между победителями нет разумевающего и никто не ищет Бога, но все непотребны и уклонились к делам беззаконным,— Он праведным судом Своим определил посмеяться над ними, поразить и стереть их гневом своим, а к озлоблению людей своих явить сострадание и даровать им избавление, призрев на болезнь их духа и не отвергнув сокрушения сердца. Поэтому ради избранных, как я думаю, не дал Он продолжиться ужасным делам нечестивых, и чем некогда грозил вавилонянам, не помиловавшим Сиона, пленившим и отведшим на чужую сторону нежных сынов и дщерей его, тем в одно мгновение поразил и сицилийцев. И дивная милость Господа никогда не являлась в такой славе, в какой он явил ее в это время, преклонившись на моления, как надобно думать, мучеников и вняв молитве тогдашнего фессалоникийского архиерея. То был знаменитый красноречием и всюду известный своей добродетелью Евстафий. Он был украшен и достохвальным умом и обладал удивительной и необыкновенной опытностью, но особенным и отличительным его свойством было то, что он далеко превосходил других ученостью и был сосудом, преисполненным всякой мудрости, как нашей, так и внешней. Он скорее согласился страдать вместе со своим стадом, нежели подражать наемникам, которые, видя идущих волков, бегут от овец. Он имел возможность скрыться из города еще до

осады, когда врагов только ожидали, но никак не решился на это, зная, что его присутствие могло быть спасением для многих. Добровольно заключившись в городе, как в темнице, он переносил со страждущими все скорби до конца, убеждая их то собственным примером, то увещаниями переносить посылаемые Богом наказания, как раны, налагаемые добрым отцом, и от поражающего ожидать и исцеления. «Если Бог часто наказывает,— говорил он,— то еще чаще любит исцелять, и особенно того, кто переносит скорби с покорностью и благодарением, кто за горечь и тяжесть их не питает вражды к Ниспосылающему их, не жалуется на Провидение и, признавая глубины судеб Божиих, не следует примеру того, кто умеет благодарить Господа только в счастье, когда челнок его жизни, влекомый попутным ветром, благополучно, легко и удобно приносит ему все желаемое, как корабли, приносящие издалека товары». Являясь к вождям, которых говорящие на латинском языке называют контами*, он испрашивал от них начальственные распоряжения, которыми уменьшались бедствия страдальцев, давалось им облегчение и вообще все, что служило к их утешению. Впрочем, речь его, кажется, тронула бы и бездушный камень. Даже одним видом своим он возбуждал уважение к себе в чужеземцах, так что при его появлении они вставали с седалищ, охотно слушали его и становились добрее и мягче, подобно тому, как воспаление раны утихает от воды, при тонком прикосновении руки. Хотя они и были то же, что плотоядные, чуть не до облаков поднимающиеся птицы, и стремительно нападали на покоренных римлян, угрожая переселить их в Сицилию; но он, подобно курице, накрывающей птенцов своих крыльями, собирал вокруг себя и успокаивал объятых

* То есть графами.

страхом граждан, опасавшихся в будущем еще более тяжких бедствий, и услаждал горький, как мерра, дух победителей, являясь среди них как бы Моисеевым древом. А как последовало освобождение, какими необыкновенными средствами совершил его Бог — это пусть ждет своего времени.

10. А теперь возвратимся к тому, о чем начали говорить, и будем повествовать о делах царя Андроника. Повесив братьев Севастьянов за то, что они хотели будто бы свергнуть его с престола и воцарить Алексея Комнина, который родился от незаконных связей царя Мануила и вступил в брак с Ириной, Андрониковой дочерью подобного же происхождения, Андроник спустя немного времени захватил и заключил в темницу и самого Алексея. Потом он ослепил его и отправил на заточение в Хилу, небольшой приморский город, лежащий неподалеку от устьев Понта, где и посадил в нарочно для того построенную башню. В то же время он возненавидел и удалил от себя и дочь свою Ирину, потому что он приказал ей не скорбеть и отнюдь не сокрушаться о своем муже, а напротив, совершенно забыть его и, сколько прежде любила, столько же возненавидеть, если она, как дочь, любит отца и жалеет о своем родителе, а она не переставала, как и естественно, любить своего супруга, плакала о нем и, постригшись в монахини, надела темное платье. Так-то нечаянно расторгся этот удивительный брачный союз, столько расхваленный презренными льстецами и беззаконными судьями, которые верблюда глотали, а комара отцеживали. Они пророчили, что через этот брак снова сблизятся части, издавна отторгшиеся, Восток соединится с Западом, уничтожится исконная вражда, народы, отличные от римлян как по языку, так и по характеру, войдут с ними в согласие, и единство нравов заменит собой необыкновенным образом прежнее разногласие, так что мечи раскуются на плуги

и агнцы будут пастись вместе со львами. Возвысится, говорили они, и благоустройство городов, явится обилие плодов земных, и будут необыкновенные урожаи, так что терновник будет произращать грушу, и смоковница покроется множеством колосьев, почти так же, как на ложе Юпитера и Юноны, по изображению поэтов, из подостланного росистого лотоса вырастает шафран и расцветает гиацинт. Все эти рассказы оказались очевиднейшей глупостью, и сочинители их, называя себя мудрецами, прозорливцами, провидящими будущее, явно не видели и того, что у них под ногами; над ними сбылось заклятие пророка: они видя не видели и слыша не слышали. Или, лучше, они ясно видели и очень хорошо понимали, что говорят гибельные речи и превращают свои зубы в оружие и стрелы, но, как люди с языком продажным и с речью покупной, как льстецы, старающиеся сколько можно больше человекоугодничать, они намеренно споспешествовали злу и одобряли то, что нравилось государю, а не то, что угодно Царю царствующих. Каких, увы, людей питают на зло себе царские дворцы, людей, которые хвалят зло и не хотят знать добра! Но не с одним только Алексеем Андроник поступил так жестоко и бесчеловечно, но и всех главных его чиновников отдал под стражу и спустя немного времени немалое число важнейших из них лишил зрения. А одного, бывшего в числе писцов Алексеевых, по имени Мамал, он отделил и отложил на последнее кушанье. И так он приготовил его, столько различных приправ приложил к нему, что оно достойно было не другого гостя, а только одного царя Андроника, годилось быть на трапезе фурий и на пире завистливых Телхинов — кушанье, какого никогда не приготовлял самый искусный повар. Именно, он приказал сжечь этого человека в конном цирке. И вот разведен был огонь, и пламя его далеко разливалось по воздуху на ристалище, все

равно как в той халдейской печи, которую семь раз разжигали нефтью и хворостом. Привели юношу, у которого только что стала показываться борода и щеки покрылись первым пухом, в узах и нагим, каким он вышел из материнской утробы и в первый раз увидел свет Божий. Сожигатели обступили его, как жертву, и длинными острыми шестами стали толкать его в самую середину огня. Но он при приближении к огню, чувствуя боль и, как человек, питая естественную любовь к жизни и все еще имея в уме, как бы избежать уже неминуемой смерти, то бросался прямо на обращенные против него шесты, считая боль от этого легче, чем мучения в огне и на углях, то, вверженный сожигателями в самую середину огня и объятый пламенем, быстро, как змея, огромным прыжком выскакивал из костра. И такое зрелище продолжалось довольно долго и приводило зрителей в слезы. Наконец он, выбившись из сил, упал навзничь, и лютый огонь, охватив его тело, вскоре пожрал его. Только смрад, поднимаясь кверху, заражал окружающий воздух и, разлетаясь, был нестерпим для обоняния прохожих. Какое лютое пожарище! Какое всесожжение, вожделенное для демонов! О жертва Телхинов! О вполне бесовское приношение! О воня неблагоухания, которую обоняет не Господь, но сонм фурий и злодей Андроник! Слыша, что древние приносили в жертву волов и служили божеству курением, он не захотел следовать их примеру, но, как видно из его дела, имея душу более безжалостную, чем самые лютые, когда-либо бывшие люди, решился, по своей злобе, приносить в жертву людей, презрев христианские законы, которые заповедывают скорее спасать, чем губить душу, и объявляют целый мир недостойным ее. Какой безумный Камбиз, или жестокий Тарквиний, или Ехет и Фаларис — эти дикие и зверские люди — сделали что-нибудь подобное? Кто из тавроскифов, у которых положено

законом убивать иноземцев и которых обычаями заразился этот много скитавшийся старик, так свирепствовал над своим пленником? А чтобы показать, что казнь была не без причины, но что она навлечена действительным преступлением, Андроник сжег вместе с Мамалом какие-то книги, в которых будто бы говорилось о будущих императорах и которые Мамал, как говорили, читал Алексею и тем возбуждал в нем желание царствовать.

11. И все эти дела Андроника нисколько не возбуждали в нем раскаяния и отнюдь не приводили его к мысли удержаться от подобных действий на будущее время. Напротив, он и Георгия Дисипата, одного из чтецов Великой церкви,— единственно за то, что он, раздраженный жестокостью Андроника, худо говорил о нем,— заключил в темницу и постоянно собирался пронзить рожнами и, испекши на углях, отослать к жене. И верно тучный Дисипат был бы испечен на рожнах, подобно поросенку, и, положенный в сосуд, не знаю какой, только уж, конечно, немаленький, вместо жареного кушанья был бы отправлен к жене и ко всем домашним, если бы его тесть, Лев Монастириот, которого Андроник за его умные по тогдашним делам мнения называл устами сената, не отклонил Андроника от его намерения и своим влиянием не удержал, не подавил его порывов. К тому же и отовсюду прилетавшие вести о том, что Эпидамн сдался сицилийцам, а Фессалоника в осаде, несколько тревожили Андроника и, развлекая его, немного ослабляли лютость казней. Таким образом, Дисипат содержался в темнице и, воздвигая руки к Богу, молился то словами Давида: «Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени твоему», то словами Ионы: «Еда приложу призрети ми ко храму святому твоему». О чем же, собственно, он молился? «Изгладь меня, Господи, из памяти Андроника, да буду я неведом ему из года в

год, из месяца в месяц, изо дня в день, да не вспомнит он и имени моего, пока сам не будет изглажен из книги живых». И Господь не отверг, не презрел его молений, но вывел его из темницы невредимым, потому что через несколько дней не стало Андроника.

А как умел Андроник ценить своих вернейших слуг и самых усердных исполнителей его желаний, это он показал уже и тем, что бесчеловечно умертвил Константина Макродуку и Андроника Дуку, из которых одного, как было уже сказано, возвысил до почестей панинерсеваста, а другого усыновил, включив в число самых первых друзей. Но особенно ясно выказалась жестокость его характера и неспособность постоянно оказывать кому-либо благоволение в том, что он ослепил и Константина Трипсиха. Это был чрезвычайный любимец Андроника и самый ревностный исполнитель его приказаний, который и сам так много любил Андроника и так горячо был предан ему, что в этом отношении превзошел почти всех его почитателей. Только один Стефан Агиохристофорит, подвизавшийся на одном с ним поприще и старавшийся превзойти его усердием, мог спорить с ним о победе в деле царских милостей и разделял с ним награду за жестокость. Причина, по которой Трипсих лишился глаз, заключалась в одном незначительном оскорблении, которое следовало бы скорее оставить без внимания, чем заводить из-за него дело и казнить виновного, и особенно человека, столько любимого и не менее любящего. Но так как во времена Андроника люди отдавали отчет и за праздное слово, то и Трипсих, занимавшийся разбором подобных дел и многих подвергший мучениям и лишивший всего имущества за то, что они или произнесли слово ропота против Андроника, или затаили в душе своей остатки злого умысла,— в свою очередь немилосердно подвергся той же участи, накли-

кав беду собственной неправдой. Какой мерой часто мерил сам, той же, притом до излишества преисполненной, возмерилось и ему; какую яму нередко копал для ближнего, в ту же — как не похвалить тебя, Правосудие! — заслуженно попал сам; камень, который он столько раз поднимал на ближнего, теперь обрушился на него. Кто-то из самых близких к Трипсиху людей донес Андронику, что и Трипсих, осыпанный столькими благодеяниями и удостоенный таких чрезвычайных почестей, который в царских грамотах называется возлюбленным сыном и вернейшим человеком, каких с трудом можно найти теперь, что и этот богатый и знатный вельможа тайно ропщет на него, наравне с лицами, не испытавшими его благодеяний и милостей. Это известие крайне огорчило Андроника; решив, что ни в ком нет верности, он стоял в раздумье, и гнев начинал загораться и волноваться в нем. Но доносчик видел, что нужно прибавить еще несколько едких слов, чтобы огонь гнева Андроника разгорелся и разлился огромным пламенем по воздуху, нужен еще порыв сильного ветра, чтобы это необъятное море гневливости расступилось и поглотило несчастного Трипсиха, как нового египетского всадника. Поэтому, обращаясь к Андронику, продолжал: «И над твоим сыном, преемником твоего царства и законным наследником верховной власти, прекраснейшим и обожаемым всеми Иоанном, Трипсих непрестанно издевается, говорит про него безумные речи и называет его мерзостью, имеющей воцариться на священном престоле империи. А однажды, когда проходил царь Иоанн и его сопровождала и приветствовала радостными криками толпа народа, Трипсих смеялся над ним, поносил его, называл его Зинцифицем и с великим вздохом говорил: „О злополучное Римское царство! Какой готовится тебе самодержец!“ А Зинцифиц был безобразнейший человек, постоянно вертевшийся на конном цирке, с членами большей частью неуклюжими, приземистый и мясистый, хотя, с другой стороны, ловкий остряк и большой мастер смешить стихами и под видом забавной шутки уязвить в самое сердце. Андроник не вынес этих слов, которые стрелой пронзили его сердце. Разметав, подобно буре, все имущество Трипсиха, он его самого посадил в тюрьму, хотя и без оков, а потом лишил и зрения. Вот чем кончилось владычество Трипсиха, так что кажется, будто прямо о нем сказано и к нему относится изречение Соломона: «Суть пути кажущиися мужу исперва прави, последняя же их зрят в смерть». Так шли дела в царственном городе.

ная Фессалоника и последовало разделение, как уже сказано мною, сицилийского войска, о котором иной сказал бы, что оно прежде соединено было наподобие баснословной химеры, а теперь разделилось,— одна часть его, важнейшая, выступая как лев вперед, направлялась прямо к царствующему городу, другая, средняя, опустошала окрестности Амфиполя и Серр, а остальная, то есть флот, как змея, вращавшийся на воде, сторожила главный город фессалоникийцев. Но римляне и в этом случае, несмотря на то, что силы их были соединены и находились под одним начальством, не осмелились напасть ни на один неприятельский отряд. Даже тогда, когда враги, занявшие Мосинополь, не встречая ни одного римского ратника, собирались идти далее, римляне, засев в ущельях гор, не имели духа спуститься на ровное место и вступить в бой с неприятелем. Поэтому италийцы решились не медлить более, но, соединив свои силы, спешить к прекрасному Константинополю и завладеть этим городом. Такой надеждой одушевлял их Алексей Комнин, который сопутствовал им и, хотя не был между ними даже в звании полководца, однако же, мечтая о том, что никогда не могло сбыться, этот глупейший человек, не достойный пасти даже овец, думал, будто бы сицилийский король трудится для него, и вел себя надменно, как будто уже провозглашен был самодержцем и облечен в знаки царской власти. Хвастаясь перед иноземным войском, он уверял, что жители Константинополя тоскуют по нем не менее, чем по деде его, великом царе Мануиле, что римляне обожают его и ждут не дождутся, как отраднейших лучей утреннего солнца. Так это было.

2. Между тем сам Андроник объехал городские стены и, что обветшало от времени, приказал поправить. Приказание его тотчас же было исполнено. Вместе с тем строения, которые, прилегая к стенам, облегчали вход в город, были разрушены; у морского берега выставлены были длинные корабли, числом около ста, готовые к отплытию, чтобы, в случае нужды, оказать помощь городам против сицилийского флота, защитить самих жителей столицы, которые также опасались скорого нападения врагов, и вовремя занять морской залив, вдающийся в матерую землю и наподобие реки омывающий берег влахернский. Сделав эти распоряжения, Андроник тем и окончил свои заботы о государственных делах, как будто бы уже достаточно приготовился к отражению врагов, идущих на римлян. Услышав, что Фессалоника взята, он обратил свой гнев на родственников Давида, бывшего, как сказано, начальником этого города, схватил и заключил их в темницу; а публично говорил, что это дело не важное и что сицилийцы отнюдь не какой-нибудь достославный подвиг совершили, что не первый раз и не только теперь, но и прежде часто были завоевываемы города, и что победа попеременно достается людям. Неприятные слухи одни за другими преследовали его; часто являлись вестники, которые доносили, что неприятели то Амфиполь взяли, то опустошили сопредельные с ним области и стоят лагерем в Мосинополе. Но он и эти вести признавал нисколько не опасными и уверял, что отомстит врагам и совершенно истребит их, как охотники убивают диких свиней. Как свиньи, говорил он, обольщаясь выставленной добычей, выходят мало-помалу из чащи и, преследуя добычу, попадают в силок и тут пронзаются копьем или получают глубокую рану в сердце; так точно и италийцы, считая себя вполне безопасными, как будто нет ни одного противника, и из желания большей добычи идя все далее и далее, неожиданно подвергнутся совершенной погибели, и неправда их обратится на их головы. Но эти приятные слова были не что иное, как пустые речи человека, который явно вооружался против природы вещей и хо-

тел успокоить народ, уже восставший против него за то, что он действовал не так, как прилично храброму человеку, и не употреблял всех средств к отражению иноземцев. Действительно, несмотря на то, что грозило такое множество тяжких зол и все опасались самых ужасных бедствий и томились ими, как бы уже действительно наступившими, он спокойно переносил самые несносные вещи и, словно в чужой беде, выказывал себя философом, хотя был властолюбив как едва ли кто другой, и страстью к царствованию доведен был до бесчеловечия, и превзошел всех когда-либо существовавших тиранов. Часто оставлял он город и с толпой блудниц и наложниц проводил время в уединенных местах, где благораствореннее воздух; любил забираться, подобно зверям, в расселины гор и в прохладные рощи и водил за собой любовниц, как петух водит куриц или козел — коз на пастбище. Как Вакх ходил в сопровождении Фиад, Совад и Менад*, так ходил и он в сопровождении своих любовниц и только что не одевался в кожу оленя и не носил женского платья шафранного цвета. Придворным своим, только немногим и то самым приближенным, он показывался лишь в определенные дни и как бы сквозь завесу; а певицам и блудницам у него всегда был открытый доступ: их он принимал во всякое время. Негу и роскошь он любил, подобно Сарданапалу, который вырезал на своей могиле: «Я имею только то, что я ел и студодействовал». Он был эпикуреец и последователь Хризиппа, человек крайне развратный и до неистовства преданный сладострастию. Он явно подражал Геркулесу в растлении им пятидесяти дочерей одного только Фиеста; но так как не имел столько же сил для сладострастия, то, как тот призывал на помощь Иолая против возрождающейся гид-

* Названия вакханок и вообще распутных и неистовых женщин.

ры, так и он прибегал к пособию различных мазей и к изысканным снадобьям, чтобы укрепить свои детородные члены. Он ел даже нильское животное, очень похожее на крокодила и называемое скингосом, которое обыкновенно в пищу не употребляется, но имеет свойство раздражать и возбуждать похоть. После прогулок и развлечений, возвратившись домой и живя во дворце, он имел при себе немало телохранителей, притом все варваров и людей крайне негодных, которые не знали никакой дисциплины и по большей части нисколько не понимали греческого языка. Постельники и привратники также всегда у него выбирались из такого же дикого сброда. Наконец он завел у себя и злую собаку, которая могла бороться со львами и опрокинуть на землю вооруженного всадника. Телохранители и стражи обыкновенно спали ночью где-нибудь вдали от его спальни, а собака привязывалась к дверям и при малейшем шуме поднималась и страшно лаяла. В отношении к жителям Константинополя он мало-помалу дошел до того, что издевался над их простодушием, водил их как бы за нос и смеялся над их готовностью угождать царям и оказывать им всякого рода услуги, не зная того, что они лишат его власти и подвергнут жесточайшей казни. Так, он вешал на портиках площади большие и чем-нибудь замечательные рога изловленных им оленей, по-видимому, для того, чтобы показать величину пойманных зверей, на самом же деле — чтобы наругаться над гражданами и осмеять распутство их жен. День, когда он возвращался в город после роскошной жизни в прелестных местах Пропонтиды, нельзя было не считать самым несчастным. Казалось, не за чем иным возвращался он, как только за тем, чтобы губить и резать людей, которых подозревал в злоумышлении против себя. И точно, прибытие Андроника сопровождалось для многих лишениями и скорбями или даже потерей жизни,

либо какой-нибудь другой крайней бедой. Положив однажды навсегда в основание души своей жестокость и ей подчиняя всю свою деятельность, этот человек считал для себя тот день погибшим, когда он не захватил или не ослепил какого-нибудь вельможу, или кого-нибудь не обругал, или по крайней мере не устрашил грозным взглядом и диким выражением гнева. Подобно жестокому учителю, то и дело поднимающему бич на детей, он, по прибытии своем, кстати и некстати ругался и от всякого неприятного для него слуха выходил из себя. Потому-то люди того времени жили печально и уныло. Многие даже во сне не находили для себя покоя, тишины и отрады, но, едва заснувши, вдруг в испуге пробуждались, увидев перед собой во сне Андроника или тех, кого этот свирепый, упрямый и неумолимый в своем гневе человек принес в жертву своей жестокости. Что будет в последние дни, по предсказанию Богочеловека, то есть, что двое будут на одном ложе, и один поемлется, а другой оставляется, то же самое явно происходило и в те дни, потому что одного из супругов внезапно хватали и отводили на истязание. Не было пощады и женщинам; и они не избавлялись от тяжких наказаний, напротив, и из них немалое число были ослеплены, подверглись темницам, голоду и телесному наказанию. Отец пренебрегал детьми, дети не заботились об отце. Если в одном доме было пять человек, то трое восставали против двоих и двое против троих. Многие, избегая гнева Андроника, как пожара содомского, без оглядки бежали из отечества и поселялись у соседних с римлянами народов. И если они оставались в изгнании до смерти Андроника, они спасались и от всякой беды. Но кто теперь же возвращался в свой дом, те хотя и не превратились в соленый столп, подобно жене Лотовой, и не сделались мертвой солью, но все же изменились и погибли лютой смертью.

3. Так раздражителен, суров и жесток был Андроник; неумолимый в наказаниях, он забавлялся несчастьями и страданиями ближних и, думая погибелью других утвердить свою власть и упрочить царство за своими детьми, находил в том особенное удовольствие. Тем не менее, однако же, он немало сделал и хорошего и, при всех своих пагубных свойствах, не вовсе был чужд и добрых качеств. Как из тела змеи можно достать драгоценное средство против всех болезней и спасительное противоядие, как среди колючих спиц можно сорвать благоухающую розу, из чемерицы и лютика добыть приятную пищу для скворцов и перепелов — так было и с ним. Он помогал бедным подданным щедрыми подаяниями, если была хоть какая-нибудь надежда, что проситель не враждует против Андроника за его злодеяния. Он до такой степени обуздал хищничество вельмож и так стеснил руки, жадные до чужого, что в его царствование населенность во многих областях увеличилась. Каждый, согласно со словами Пророка, спокойно лежал теперь под тенью своих дерев и, собрав виноград и плоды земли, весело праздновал и приятно спал, не боясь угроз сборщика податей, не думая о хищном или побочном взыскателе повинностей, не опасаясь, что ограбят его виноград и оберут его жатву. Кто отдал кесарева кесареви, с того никто больше не спрашивал, у того не отнимали, как бывало прежде, и последней рубашки и насилием не доводили его до смерти. От одного имени Андроника, как от волшебного заклинания, разбегались алчные сборщики податей; оно было страшным пугалом для всех, кто требовал сверх должного, от него цепенели и опускались руки, которые прежде привыкли только брать. Многие чуждались теперь и добровольных приношений, избегая их, как моли или какой-нибудь другой заразы, гибельной для всего, что к ней прикасается. Но, что еще важнее,— посылая в облас-

ти правителей, Андроник назначал им богатое жалованье и в то же время объявлял, каким подвергнутся они наказаниям, если нарушат его повеления. Он не продавал общественных должностей и не отдавал их каждому желающему за какое-нибудь приношение, но предоставлял их даром и лицам избранным. Оттого-то люди, с давних пор заснувшие и доведенные общественными недугами до смерти, как бы услышав трубу Архангела, пробудились от долгого и тяжкого сна и воскресли. И, как говорится в видении Иезекииля, кости стали соединяться теперь с костями, члены с членами, так что в короткое время весьма многие города ожили и попрежнему стали богаты. Если же нужно сказать что-нибудь и словами псалмопевца Давида, то пустыню Андроник обратил во вместилище вод и землю безводную — в источники вод. Он собрал рассеявшихся жителей и через то увеличил государственные доходы, потому что прекратил притеснения сборщиков податей и непрерывные поборы, которые были выдуманы и обращены в ежегодную дань жадными казначейскими чиновниками, как хлеб пожиравшими народ, привел в определенный сбор.

У римлян и, кажется, у них только одних был в силе следующий безумнейший обычай: когда море, взволнованное ветрами, бушевало и корабли, застигнутые бурей, выбрасывало на берег волнами, прибрежные жители не оказывали им никакой помощи, а напротив, хуже всякого урагана разносили и расхищали все, чего не унесло море. Андроник жестоко вооружился против этого несправедливейшего образа действий и совершенно прекратил это пиратское грабительство кораблей, так что одно это дело стоит многих и заключает в себе величайшую для него похвалу. Лица, окружавшие царский престол, считали это зло трудноисцелимым или даже совершенно неисправимым, так как оно вошло в силу

и глубоко укоренилось. Многие, говорили они, и из прежних римских царей хотели прекратить этот нелепый обычай и рассылали кучи царских указов, грозя жесточайшими казнями людям, которые нападают на потерпевшие крушение корабли и расхищают корабельное имущество; но все их приказания были не действительны и оставались на бумаге: волны усилившегося и высоко поднявшегося зла смывали красные царские чернила, так что писавшие, казалось, явно писали на воде и напрасно подписывали свои указы.

4. Когда они высказали это, Андроник сурово посмотрел на всех окружавших его сенаторов и, глубоко вздохнув, сказал: «Нет ничего такого, что бы не могло быть исправлено царями; нет ни одного незаконного дела, которого бы они не могли уничтожить своей силой. Поэтому надобно думать, что предшествующие цари нерадиво принимались за дело или только показывали вид, что сокрушаются о несправедливости. Если бы они действительно хотели остановить это пагубное зло и действовать искренно в пользу справедливости, они оставили бы свои красные грамоты и бросили бы, как ни к чему не годные, бумаги. Они подумали бы, что те, чьи корабли выбрасываются на берег волнами, плачут кровью, а не слезами, встречая на берегу людей, хуже подводных камней и скал,— вооружились бы против этих злодеев мечом, который не напрасно носят, и осудили бы их на смерть. Но они, как я убежден, ничего не писали, кроме лукавства, и, выказывая в чужой беде неуместное великодушие, содействовали и сами несчастьям страдальцев и еще более утверждали дурные обычаи, потому что добровольно уклонялись от их исправления». Сказав это, он прибавил: «Вы, мужи, которые соединены со мной кровными узами или своей верностью заслужили мое благоволение, равно и вы все, предстоящие здесь, числится ли кто в сенате или

занимает какую-либо другую должность в Римском царстве, послушайте меня, послушайте! Я скажу вам не то, что разнесется по ветру и останется без исполнения, а то, что непременно в свое время должно быть сделано. В противном случае я, дающий приказание, воспламенюсь страшным гневом, и этот гнев, жестокий и несносный, обрушится на тех, которые действуют не согласно с моими приказаниями и нисколько не обращают внимания на царские слова. Нужно уничтожить и другие злоупотребления, вредные и гибельные для римлян, и пусть знают люди, привыкшие жить на счет грабительства, что если они добровольно не перестанут домогаться чужой собственности, то они потеряют свое имущество и будут сметены с лица земли стонами бедных, как пыль разметается сильной бурей. Но особенно нужно обуздать тех, которые нападают на потерпевшие крушение корабли, расхищают их груз, а иногда ломают и разбирают по частям и самые корабли. Итак, если кто из вас занимает по нашей власти какую-либо должность или если кто владеет недвижимым имуществом на морском берегу, то пусть он утвердит прежде самого себя, а потом и своих подчиненных в страхе Божием и в благоговейной покорности моей царской власти. В противном случае строго будет взыскано за преступление с того, кто начальствует над областью или владеет поместьем,— даже и тогда, когда сам будет невинен руками и чист сердцем, а его подчиненные сделают это преступное дело. Наказанием негодного господина обыкновенно вразумляются его слуги. И как в дурных делах подчиненные любят подражать начальнику, так точно и в том случае, если он, вследствие наказания, по необходимости, станет служить общественной пользе, они пойдут по следам его, как дитя за матерью. А чтобы вы знали и самое наказание, какое навлечет на себя нарушитель моего повеления, я скажу, что он

будет повешен на мачте корабля. Если же мачту унесут морские волны, то его повесят на огромнейшем прямом дереве, какое можно будет срубить в тех лесах, и выставят на высоком морском берегу. Пусть он виден будет плывущим и среди моря, как парус на рее, и, потерпев кораблекрушение на суше, пусть служит знаком, что не удастся и вперед безнаказанно ломать потерпевшие крушение корабли и грабить их имущество,— подобно тому, как радуга поставлена Богом в облаках в свидетельство, что не будет более потопа».

5. Сказав эти слова с сильным волнением и с видом человека, который отнюдь не намерен изменить свое решение или смягчить строгость приговора, Андроник обратился к другим делам. Слушатели, зная по опыту, что Андроник шутить не умеет и что в подобных делах он не одно говорит, а иное думает, чуть не окаменели от страха. Наконец, едва собравшись с духом, они со скороходами отправили к своим управляющим и наместникам письма, в которых строго-настрого наказывали и всячески умоляли бдительно смотреть, чтобы не потерпел какого-нибудь вреда корабль, подвергшийся крушению, а если можно — запретить и самим ветрам или, как говорится в басне об Эоле, собрать их в мешки, чтобы они не поднимали бури и не возмущали моря. И с тех пор не было случая, чтобы корабль, пострадавший от напора волн, потерял что-нибудь из клажи, или чтобы сняли у него часть палубы, или отрубили мачту, или унесли якорь, или похитили хоть малейшую веревочку, не говоря о других снарядах. Напротив, если выбрасывало ветром корабли на землю или они разбивались, ударившись об утесы и подводные скалы, на них смотрели, словно как на выходящую из отверстий ада харонову лодку, на которой перевозятся души умерших, или о них заботились, как о священных кораблях, так что и толпа простого народа, и лица начальству-

ющие оказывали им всякого рода услуги, опасаясь, как бы у них не пропало что-нибудь на суше, чего не истребило море. Таким-то образом на место бури вдруг явилась тишина, и эта перемена до того была нечаянна, что, казалось, была делом руки явно нечеловеческой.

Кроме того, Андроник возобновил, употребив на то огромные суммы, старый подземный водопровод, который должен был выходить среди площади и давать воду не стоячую и вредную, но текучую и здоровую. Он провел воду в него из речки Идралы и при истоке его построил башню и дома, удобные для летнего житья. В настоящее время из этого водопровода берут воду граждане, живущие близ Влахерны и несколько далее — во внутренних частях города. Смерть не допустила Андроника довести до конца всю эту работу, так чтобы вода изливалась и среди площади. А все последующие императоры, царствующие и до настоящего времени, столько заботились об окончании этого общеполезного дела, что Исаак, лишивший Андроника вместе с властью и жизни, разрушил даже башню и уничтожил те прелестные здания, как будто завидуя Андронику в этом прекраснейшем деле.

На восстановленные им преторские должности он избирал мужей знаменитых и лучших из сенаторов. Притом, рассылая по местам, он наделял их богатейшими дарами и, так сказать, упитывал благодеяниями для того, чтобы их назначение было необременительно для городов и чтобы они единственно заботились о защите и облегчении участи бедных. И так как эти люди имели достаточные средства для жизни, потому что привозили с собой по сорока и по восемьдесяти мин серебра, то они, как от святотатства, воздерживались даже и от тех подарков, которые добровольно были им приносимы жителями за избавление от руки сильного или за какое-либо другое благодеяние. От этого в короткое вре-

мя население городов возросло, земля принесла сторичный плод, жизненные припасы сделались дешевле. Вместе с тем Андроник был доступен для всех, кто приходил жаловаться на самоуправство и насилие, не разбирал лиц и не отнимал прав у справедливого. Наравне с людьми простыми он призывал к суду и людей знатных по роду и богатству, тех и других внимательно выслушивал и, если оказывалось, что человек гордый и считающий для себя бесчестием судиться с бедняком обижал, или теснил, или бил кулаком своего ближнего,— жестоко за то ругал его и подвергал, соразмерно вине, наказанию. Так, однажды пришли к нему поселяне и жаловались на Феодора Дадиврина, что он, остановившись у них проездом и взяв все, что нужно было ему самому, и всей его прислуге, и всем лошадям, уехал и ничего не заплатил. Это тот Дадиврин, о котором мы выше сказали, что он вместе с другими удавил царя Алексея. Разобрав дело и увидев, что поселяне говорят правду, Андроник Дадиврина наказал двенадцатью палочными ударами, а поселянам приказал выдать из царской казны гораздо больше, чем сколько стоили их издержки. А к каким-то народным правителям он написал такого рода грамоту: «Истинный князь лжи, ты, глупый мой Синесий, и ты, продажный Лахана! Дошло до моего царского слуха, что вы много делаете обид; так перестаньте обижать или проститесь с жизнью. Что вы обижаете и живете — это и Богу не угодно, и мне, Его рабу, несносно».

Он крайне не одобрял бывшего в то время и ныне существующего обычая спорить о божественных догматах и отнюдь не любил говорить или слышать что-нибудь новое о Боге, хотя был далеко не чужд нашей мудрости. Поэтому он не только разбранил Евфимия, епископа Новых Патр, мужа ученейшего, и Иоанна Кинама[93] за то, что они в царском дворце, в бытность его в Лопадии, рассуждали о словах

Богочеловека: «Отец мой болий Мене есть», но и с крайним гневом сказал им, что бросит их в реку Риндак, если они не перестанут говорить о Боге. А что Андроник не совсем был дик — этому служит доказательством уже и то, что он ценил образование и не удалял от себя людей ученых, а напротив, приближал их к своему престолу, часто поощрял дарами и удостаивал немаловажных почестей. Он и небесную философию считал делом важным и ценил весьма высоко, и одобрял красноречивых ораторов, и чрезвычайно уважал искусных правоведов.

6. Желая, чтобы тело его погребено было в прекраснейшем и огромнейшем храме Сорока мучеников, воздвигнутом на лучшем месте среди города, он тщательно исправил все обветшавшие части этого храма и восстановил поблекший от времени блестящий вид его, а икону Христа, нашего Спасителя, через которую некогда, как говорят, Господь беседовал с царем Маврикием, украсил великолепным окладом. Огромную порфировую чашу, по краям которой вьются, изгибаясь, два страшных дракона,— это дивное произведение — он перенес из сада, находящегося при большом дворце, в притвор этого храма и тут же положил останки своей первой супруги, перенесши их из Анкуриева монастыря. С внешней стороны, близ северных врат храма, выходящих на площадь, он на огромной картине изобразил самого себя не в царском облачении и не в золотом императорском одеянии, но в виде бедного земледельца, в одежде синего цвета, опускающейся до поясницы, и в белых сапогах, доходящих до колен. В руке у этого земледельца была тяжелая и большая кривая коса, и он, склонившись, хватал и ловил ею прекраснейшего юношу, видного только до шеи и плеч. Этой картиной он явно открывал прохожим свои беззаконные дела, громко проповедовал и выставлял всем на вид, что

он убил наследника престола и вместе с его властью присвоил себе и его невесту. Кроме того, у него была мысль — поставить на колонне свою медную статую на высоком медном четырехугольнике, на котором нагие купидоны бросают друг в друга яблоки и который назывался Анемодулионом*. А портреты задушенной им императрицы Ксении, матери царя Алексея, он приказал переписать и представить ее в виде морщинистой старухи, опасаясь сожаления со стороны прохожих при виде ее блистательной, прекраснейшей и истинно достойной удивления наружности. Большую же часть ее портретов он дозволил и совсем уничтожить и вместо нее изобразить самого себя в царском облачении, стоящим или отдельно, или вместе с невестой Алексея. Наконец, он построил возле храма Сорока мучеников великолепные палаты, которые должны были служить для него помещением, когда он приходил в церковь. Не имея возможности расписать в них живописью или изобразить мозаикой дела, недавно им совершенные, он обратился к тому, чем занимался до воцарения. Таким образом, живопись представляла конскую езду, псовую охоту, крик птиц, лай собак, погоню за оленями и травлю зайцев, пронзенного копьем кабана и раненого зубра (этот зверь больше сказочного медведя и пестрого леопарда и водится преимущественно у тавроскифов), сельскую жизнь с ее палатками, наскоро приготовленный обед из пойманной добычи, самого Андроника, собственными руками раз-

* Анемодулион — *ανεμοδουλìον* — собственно, значит «слуга, раб ветров». Такое название получил этот четырехугольник оттого, что на вершине его поставлена была женская статуя, которая поворачивалась при первом движении ветра. По одним, он устроен Феодосием Великим, а по другим — при Льве Исавре. Латиняне, овладев Константинополем, вместе с другими медными статуями переплавили в монету и этот Анемодулион. Corp. Hits. Bysant. Vol. 29. Pp. 17 et 96. Vol. 30. P. 378. Edit. Venet.

рубающего на части мясо оленя или кабана и тщательно его поджаривающего на огне, и другие предметы в том же роде, свидетельствующие о жизни человека, у которого вся надежда на лук, меч и быстроногого коня и который бежит из отечества по своей глупости или по добродетели. Но Андроник сравнивал свою судьбу с судьбой Давида и говорил, что и он, подобно Давиду, избегая сетей зависти, много раз уходил на чужую сторону. Иногда же, превознося свои дела, говорил, что Давид проживал в Сикеле, недалеко от Палестины, побил мечом амаликитян и жил до того бедно, что убил бы и Навала, если бы не получил чего требовал, а он обошел почти весь Восток, по-апостольски пронес и проповедал имя Христово всем народам, везде, куда ни приходил, принимаем был с величайшими почестями и возвращался с почетной свитой. И все это он рассказывал о себе довольно серьезно и убедительно, особенно если вел беседу с людьми учеными и красноречивыми, когда обстоятельства были еще благоприятны и все было тихо и спокойно.

7. Но что наконец он задумал и отчасти стал уже приводить в исполнение, то было делом крайнего сумасшествия и выходило из всех пределов бесчеловечия. Видя, с одной стороны, что его владения уменьшаются и что враги, подобно усилившемуся от дождей и выступившему из берегов потоку, опустошают и затопляют все, встречающееся на пути, а с другой — замечая, что и граждане мало-помалу начинают говорить свободнее и склоняются к мятежу, так как он нисколько о них не заботился, но, как бы погруженный в глубокий сон, ничего не видел и не слышал о неприятельских опустошениях,— Андроник зачал труд и родил беззакония не столько по собственному побуждению, сколько по наущению других. Именно, он не только всех, содержавшихся в темницах, осудил на смерть, положив одним отрубить

голову, других бросить в глубину моря, третьим рассечь чрево кинжалом, иных лишить жизни еще как-нибудь иначе, но изощрил свой меч и на их родственников. Что пользы, говорил он, если на место одной отрубленной головы народится множество новых и никто не приложит к ним шипящего железа? В этом случае нельзя не отдать особенной похвалы герою и полубогу Геркулесу за то, что он употребил Иолая для прижигания и уничтожения возрождающейся гидры. Собрав совет из своих друзей и продажных судей, которые ищут царского стола, как коршуны трупов, Андроник представляет им в трогательном виде, сколько бед наделали италийцы, каким опустошениям подвергли западные провинции, сколько завоевали городов, и причину всего этого приписывает не другому кому, а своим противникам. «Они жаждут,— говорил он,— погибели Андроника и готовы на все, чтобы только лишить Андроника власти и довести до несчастной смерти. Но не имея возможности осуществить свое желание, при содействии своих соотечественников, они призвали чуждое, иноземное войско и явно подражают саранче, которая, избегая огня, гибнет на воде. Но клянусь,— сказал он,— этой старостью, не порадуются недоброжелатели и враги Андроника, и что злоумышляют они против Андроника, то сами испытают от Андроника. Если же судьба влечет и Андроника в жилище ада — они будут предшествовать ему и первые откроют путь; затем уже пойдет Андроник». Сказав эти слова, он присовокупил изречение ап. Павла: «Не еже хощу, доброе творю; но еже не хощу злое, сие содеваю, потому что враги противовоюют мне и пленяют меня тем, что противно мне»,— и просил указать врачевство против зла. Так как все его сообщники, возвысив голос, громко закричали, что этих людей, не щадя никого, следует стереть с лица земли, то определено было истребить всех, кто толь-

ко содержался в темнице или был отправлен в ссылку, равно как всех их приверженцев и родственников. И этот приговор тотчас же изложен был на бумаге. Диктовал его протасикрит*, а писал чиновник, заведовавший прошениями, при громких восклицаниях протонотария Дрома. Я не назову и этих людей по именам, равно как и других подобных сотрудников, которые, гоняясь за суетной славой, трепетали и боялись Андроника. Главным между ними и вождем был Стефан Агиохристофорит, которого голос, как гром, раздавался по дворцу и который, подобно потоку, шумел и увлекал всех, кого Андроник считал виновным. (8). Начинался же этот приговор таким образом: «По внушению Божию, а не по повелению державного и святого государя и императора нашего определяем и объявляем, что для пользы государства и, в частности, для блага Андроника, спасителя римлян, необходимо совершенно уничтожить тех дерзких крамольников, которые содержатся в темницах или отправлены в ссылку, равно как захватить и предать смерти всех их приверженцев и родственников. Через это, Бог даст, и Андроник, управляющий по милости Божией скипетром Римского царства, хоть сколько-нибудь отдохнет от государственных забот и от опасения козней со стороны злоумышленников, и сицилийцы откажутся наконец от своего предприятия, так как у них не будет уже никого, кто бы научил, как нужно действовать против римлян. Все эти люди, несмотря на то, что заключены в оковы или даже ослеплены, не оставляют своих злых умыслов, и потому нет более средства образумить их. Остается только лишить их жизни, и нам надобно обратиться к

* Протасикрит — *Πρωταςηκρητις* — у Кодина, в списке придворных должностей, занимает двадцать восьмое место. Одни его называют первым секретарем при особе императора, а другие — главным судьей в царском совете. Codin. de offic. Pp. 192—193. Ducang. Glossar. Graecit. Pp. 137—138.

этому средству, как последнему, спасительному якорю, против злоумышленников, которые до того помешаны и неистовы, что идут против рожна и в своем безумии не понимают, что изощряют меч против самих себя». Так и подобным образом — из многого я привожу только немногое — говорилось в этом беззаконном приговоре. Затем следовал список лиц, которых надобно было схватить и умертвить, обозначался и самый род смерти, какому каждый должен был подвергнуться. Для меня и другие действия этих людей кажутся удивительными, и я считаю их совершенно беззаконными; но настоящий приговор изумляет меня до крайности, и я не могу понять, с какой целью они постановили его, или почему, определяя его, свое скверноубийство приписывали Богу, бесстыдно называя вдохновением Божиим то, что внушил им исконный человекоубийца. Они могли сделать и другое вступление и не говорить так бесстыдно и безбоязненно, и не клеветать на Бога столь открыто, как будто ему приятно убийство, когда он вначале создал человека для жизни и не сотворил смерти, когда к Нему вопиет кровь Авеля и он явно вещает, что не хочет смерти грешника, но желает, чтобы он обратился и жил. Осудив таким образом всех на погибель, судьи оставили собрание, а Андроник, взяв к себе их гнусный приговор, тщательно хранил его в своем сундуке, с какой целью — не знаю, но думаю потому, что предвидел будущее и боялся той беды, которой впоследствии подвергся. По крайней мере, когда его схватили и собравшийся народ потребовал от него отчета в его действиях, он, в оправдание своих жестокостей, говорил, что наказания, которым подверглись люди, оскорбившие его до воцарения и во время самого царствования, назначаемы были судьями и сенатом, а он был только исполнителем их решений (потому что не напрасно носит меч) и осуществлял на деле их пригово-

ры. Вслед затем он приступил к исполнению произнесенного приговора, от которого отступился сын его, севастократор Мануил, сказав, что он отнюдь не согласен на такое дело, которое совершается не по царскому определению, как признаются вначале сами судьи. Да притом, говорил он, и ни в каком случае он не дозволит себе одобрить определение, которое осуждает на смерть почти всю Римскую империю и не только истребляет природных римлян, но немало губит и иноплеменников. Ведь это убийство продолжится в бесконечность, если из-за одного будут хватать и умерщвлять другого, потому что и этот другой не без родного города и не от дуба родился, но имеет отца и мать или по крайней мере близких родных и друзей. Тем не менее, вследствие царского приказания, основанного на этом приговоре судей, все разосланные по разным областям и заключенные где бы то ни было в темницах должны были собраться в одно место, как овцы, обреченные на заклание. И, верно, каждый подвергся бы определенной смерти, если бы Бог, говоря словами Пророка, не обратил своего меча на этого отступника, на этого коварного, скрывающегося в водах дракона, который, как показывает его изнеженный образ жизни, ничего другого не желал, ни о чем другом не думал, как только о сладострастной жизни.

9. Было и еще обстоятельство, которое расположило Андроника к такой жестокости. Он видел, что все дела его идут дурно, что сицилийцы скоро наступят ему на голову и сдавят его, как стоглавого Тифона[94], а граждане жаждут его смерти и погибель его считают Божиим благодеянием и избавлением от зол. Вместе с тем он полагал, что и Бог оставил его за те многоразличные казни, которым он подверг вельмож, хотя и утверждал, что принадлежит ко двору Христову, и был одинаковой природы с теми, кого истреб-

лял. Все это побудило его обратиться к нечистым демонам и через служение им узнать будущее, подобно тому как некогда и Саул обратился наконец к волшебницам, которых прежде гнал ради умилостивления Бога. А так как искусство гадать и предсказывать будущее по внутренностям жертвенных животных много лет уже назад пропало и совершенно уничтожилось, а равно и суеверие авгуров, точно так же, как толкование снов и предзнаменований, давно уже отлетело от римских пределов, и остались только обманщики, гадающие по тазам и лоханям, да люди, которые, наблюдая за положением звезд, столько же обманывают, сколько и обманываются; то Андроник, оставив на этот раз астрологию, как вещь довольно обыкновенную, и которая не так ясно указывает на то, что будет, всецело предался тем, которые предсказывают будущее по мутной воде, как будто бы видят в ней какие-то солнечные лучи, представляющие образы будущих вещей. Впрочем, сам он отказался присутствовать при этих гаданиях, опасаясь, как думаю, болтливой молвы, которая видит и то, что совершается втайне, и всем об этом разглашает. Это грязное дело он поручил Агиохристофориту Стефану, о котором мы уже не раз упоминали. Стефан обращается к Сифу, который с молодых лет занимался подобными делами и за то, как мы уже сказали, был ослеплен по повелению царя Мануила. При его посредстве, он известным способом, о котором мне неприятно ни знать, ни говорить и о котором любопытные могут узнать от других, предлагает вопрос, кто будет царствовать по смерти Андроника или кто похитит у него власть. Злой дух отвечает или, лучше, едва заметно, как на воде, и притом мутной, начертывает не целое имя, а несколько букв, по которым можно догадываться об имени Исаак, именно: сначала показывает сигму в виде полулуны, а потом присоединяет к ней иоту, чтобы

сделать через то прорицание неясным и только как бы очерком будущего. Или, лучше сказать, чего вполне не знал этот ночной, крайне лукавый демон, то он затемнял неясностью, чтобы не быть обличенным во лжи. Оттого-то и Андроник, услышав об этом, полагал, что те буквы означают исаврянина, и утверждал, что это Исаак Комнин, который силой овладел Кипром и на которого Андроник постоянно смотрел с подозрением как на преемника своей власти. И действительно, из Исаврии прибыл на Кипр этот злодей, каких еще не бывало, этот пагубный Телхин, это море, разливающееся несчастьями, эта лютая фурия, жестоко терзавшая счастливых прежде обитателей острова. Не могу не выразить, хоть на словах, сострадания к тем, которые на самом деле испытали это общественное зло. Подивившись предсказанию, Андроник сказал: «Спроси не только о преемнике, но предложи вопрос и о времени». Когда сделан был вопрос и о времени, воздушный и любящий землю дух, вызванный заклинаниями, которых не следует приводить, с шумом спустившись в воду, отвечал, что то будет в дни Воздвижения Креста. А это происходило в начале сентября. Услышав ответ и на второй вопрос, Андроник с неприятным, ложным и явно сардоническим смехом сказал: «Пустой это оракул; как возможно, чтобы Исаак успел приплыть из Кипра в эти немногие дни и низложить меня с престола?» и на слова предсказания не обратил никакого внимания. Даже и тогда, как Иоанн Тиранин*, возведенный Андроником в звание вилосудьи и потому ревностный исполнитель его желаний, сказал, что из предосторожности следует задержать и умертвить Исаака Ангела, потому что, может быть, пророчество относится

* Так называется этот Иоанн, по происхождению из Тираса — города при реке Днестре.

к нему, тогда как они, пренебрегая тем, что у них на глазах, мечтают о том, что находится вдали,— даже и тогда Андроник не согласился признать это предсказание. Напротив, он даже смеялся над Тиранином за то, что он мог подозревать что-нибудь подобное за Исааком Ангелом, выражал к Исааку пренебрежение, как к человеку изнеженному, и говорил, что он не способен ни к какому важному делу. Роковой час его приближался, и Божество явно было мудрее его.

10. Впрочем, Стефан Агиохристофорит, как человек предприимчивый, заботившийся о благосостоянии своего государя и царя, решился схватить Исаака Ангела и сначала заключить его в темницу, а потом предать и смерти, какую определит Андроник. Прибыв в дом Исаака, находящийся близ Перивлептова монастыря, вечером 11 сентября 6794* года и войдя в переднюю, он приказал Исааку выйти и следовать за собой, куда он поведет его. Когда же тот, как и естественно, стал медлить, потому что, по одному уже его появлению, мог заключить о крайней беде, то Агиохристофорит употребил силу и стал бранить своих слуг за то, что они при первом же замедлении не хватают его за волосы, не берут за бороду, не выводят с бесчестием из дома и с толчками и ударами не ведут в тюрьму, какую он укажет. Слуги приступили к исполнению приказания. Исаак видел, что ему невозможно уйти и избежать сети, которую расставил напавший на него рыбак и в которую он уже попал; тем не менее, однако же, не потерял присутствия духа и не оробел, но решился сразиться насмерть, в надежде как-нибудь избежать смерти. Или, лучше сказать, не имея возможности свободно бить копытами землю, подобно откормленному Гомеро-

* На самом же деле — 6694 года, потому что число 6794 поставлено в греческом подлиннике ошибочно и есть его погрешность.

ву коню, и вольно носиться по полям, потому что сеть была уже протянута и нетрудно было поймать его, он поступает подобно боевому коню, который при звуке военной трубы, натянув уши, тряхнув гривой и заржав, бросается вперед на мечи, презирая смерть и несмотря ни на какие опасности. В том самом виде, как был,— а он был с непокрытой головой, в двуцветной тунике, нисходящей до поясницы и потом разделенной надвое,— вскочив на коня и обнажив меч, он бросается на Агиохристофорита и направляет меч на его голову. Тот, устрашенный нападением Исаака, который явно стремился на убийство, повернул лошака, на котором сидел, стал часто его пришпоривать и думал только о том, как бы уйти. Но прежде чем он успел выехать из ворот, Исаак поражает несчастного в голову и наносит смертельный удар. Рассекши его надвое, он, как скотину, дрожащую и плавающую в своей крови, оставляет его на съедение псам, а сам бросается на его слуг и после того, как одного из них обратил в бегство одним лишь поднятием меча, другому отрубил ухо, а остальных разогнал иначе, так что все они разбежались по своим домам,— во весь опор скачет к Великой церкви. Проезжая большой дорогой и через площадь, он громким голосом объявлял всем, что этим мечом, который держал еще обнаженным в руке, он убил Стефана Агиохристофорита. В таком виде он вошел в святой храм и стал на амвоне, с которого убийцы открыто исповедуют свой грех, испрашивая себе прощения у входящих и исходящих из божественного храма. Между тем городская чернь, частью видевшая, как Исаак скакал на лошади, частью узнавшая об этом по слуху от других, тотчас же стала тысячами стекаться к Великой церкви как для того, чтобы увидеть Исаака, так и для того, чтобы посмотреть, что с ним будет. Ибо все думали, что еще до заката солнечного он будет схвачен Андрони-

ком и подвергнется самому тяжкому наказанию, что для мучения его будет придумана нового рода казнь этим негодяем, изобретательным на такие вещи. Вместе с другими приходит сюда и дядя Исаака по отцу, Иоанн Дука, со своим сыном Исааком, и оба поддерживают его восстание не потому, чтобы они были участниками в убиении Агиохристофорита и сообщниками в пролитии его крови, но потому, что знали, какое последует наказание за нарушение обещания, которое они поневоле дали друг за друга Андронику, поклявшись ему в верности. Впрочем, все они, как люди, которым грозит скорый арест и у которых смерть перед глазами, были в большом страхе, так что явно скрежетали зубами. Обращаясь к пестрой толпе, которая собралась в церковь и постоянно увеличивалась, они убедительно умоляли ее остаться с ними и по возможности помочь им в их крайней опасности. И были люди, которые действительно склонялись на их просьбу и жалели о настоящей их участи. А так как со стороны императора тут не было никого, кто бы изъявил негодование на это событие,— не было ни людей, знаменитых родом, ни друзей Андроника, ни вооруженных секирами варваров, ни облеченных в шарлахового цвета одежду ликторов,— решительно никого, кто бы остановил народ, то собравшиеся становились смелее и смелее, стали говорить языком свободным и необузданным и обещались оказать всякую помощь. Так провел Исаак всю эту ночь; не о царстве думал он, а молил о спасении. Он знал, что Андроник заколет его, как вола, или даже, подобно циклопу, пожрет его плоть, еще дымящуюся горячей кровью. По его усердной просьбе некоторые из собравшихся заперли двери храма и, зажегши светильники, своим примером расположили многих не расходиться по домам. С рассветом дня собрались все жители города, и все молили Бога, чтобы Исаак сделался императо-

ром, а Андроник был низложен, арестован и подвергся тому же, чему подвергал других, злоумышляя на жизнь почти всех.

11. В это время, по устроению, как надобно думать, Божию, Андроника не было в городе: он жил в Милудийском дворце на восточной стороне Пропонтиды. Услышав в первую стражу ночи об убиении Агиохристофорита, он ночью не оставил своего местопребывания и ничего другого не сделал, как только написал к жителям города небольшую грамоту, в которой убеждал их прекратить мятеж и которая начиналась таким образом: «Что сделано, то сделано; казни не будет». С наступлением утра и приверженцы Андроника пытались укротить волнение народа, и сам Андроник на императорской триире приезжает в большой дворец. Но народ не переставал собираться; сама весть о прибытии Андроника во дворец не остановила движения. Да и все другие убеждения прекратить это волнение оставались безуспешными. Многие чуть было даже не подверглись смерти единственно за то, что выразили свое неодобрение и назвали это дело нехорошим. Все, как бы по одному условному знаку, огромными толпами, с одушевлением и с явным исступлением бежали к огромному храму Слова Божия, подстрекая друг друга и издеваясь над теми, кто не выказывал такой же ревности и не вооружился каким-нибудь оружием, но стоял в бездействии и смотрел, что делают другие. А люди, знакомые со словесными науками, называли их даже гнилыми членами, не сочувствующими всему остальному телу государства. Затем разломаны были замки и запоры государственных темниц и открыт свободный выход заключенным, между которыми не все были преступники, но и люди знаменитые родом, томившиеся в тюрьме за какой-нибудь ничтожный проступок, или неосторожное слово, или даже за преступление друга против Андроника. От этого стечение народа еще

более увеличилось, и те, которые прежде втайне роптали на Андроника, но колебались принять участие в деле, так как оно соединено было с опасностью, теперь открыто пристали к мятежу. Тут можно было видеть людей и с мечами, и со щитами, и в латах; но у большей части руки были вооружены кольями и обрубками дерева, взятыми из мастерских. И вот эта-то огромнейшая толпа с неистовством сбежавшегося народа провозглашает Исаака самодержавным римским императором, когда один из служителей храма снял при пособии лестницы венец Константина Великого, висевший над таинственной трапезой, и возложил его на голову Исаака. Исаак — я не хочу умолчать и не передать потомкам и этого,— Исаак не соглашался на это венчание не потому, чтобы он не любил власти, но потому, что считал это дело трудным и едва ли достижимым. Ему казалось, что все это совершается над ним во сне, а не наяву, да к тому же он боялся гнева Андроника и не хотел еще более раздражать его. Между тем стоявший близ него Дука, о котором мы выше упомянули, сняв с головы шляпу, просил, чтобы на него возложили диадему, причем указывал на свой безволосый череп и на плешь, которая у него сияла, как полная луна. Но чернь не соглашалась и говорила, что она не хочет, чтобы опять ею управлял и над нею царствовал старик, что она много потерпела зол от седовласого Андроника, и вследствие того она ненавидит и гнушается всякого близкого к смерти старика, и особенно, если у него длинная борода, разделяющаяся на две половины и оканчивающаяся острием. Когда таким образом Исаак провозглашен был царем, случилось и еще одно обстоятельство, о котором стоит упомянуть. При переправе златосбруйных царских лошадей с той стороны пролива одна из них, вскочив на дыбы, вырвалась из рук конюха и бегала по большим дорогам. Ее поймали и привели к Исааку.

Исаак садится на нее и таким образом выезжает из Великой церкви, имея в своей свите даже и патриарха Василия Каматира, потому что народ принудил и его принять участие в этом деле и своим согласием одобрить его. Что же касается Андроника — он, по прибытии в большой дворец, услышав неясные крики, а спустя немного и увидев все, что происходило, решился вступить в бой с народом и стал собирать и приготовлять к сражению бывших при нем людей. И так как немногие из них оказались готовыми разделять его мысли и желания, то он и сам принял участие в сражении, взял в руки лук и сквозь щели огромной башни, которая называется Кентинарием, бросал в наступающих стрелы. Видя, однако же, что его усилия напрасны, он решается вступить в переговоры с народом и объявляет, что отказывается от царства и передает его сыну своему Мануилу, надеясь через то утишить волнение и отдалить близкую и крайнюю опасность. Но народ от этих слов еще более ожесточился и стал осыпать как его, так и того, кого он предложил в наследники царства, самыми гнусными всякого рода ругательствами. Когда же чернь разломала ворота, называемые Карейскими, и ворвалась во дворец, Андроник обращается в бегство. Сняв с ног пурпуровые сапоги и, как сумасшедший, сбросив с шеи крест, эту давнюю свою охрану, он надевает на голову варварскую шапку, которая, оканчиваясь острием, похожа на пирамиду, и снова вступает на царскую трииру, на которой приехал в большой дворец из дворца Милудийского. Возвратясь опять туда же и взяв с собой двух женщин: Анну, бывшую в браке с царем Алексеем, а по смерти его, как уже сказано, вышедшую замуж за Андроника, и любовницу Мараптику, которая недурно играла на флейте и которую он страстно и до безумия любил, как не любил и Димитрий Полиоркет Ламию, взятую в плен после победы над Птоломеем

на острове Кипр,— Андроник поспешно отправился в предположенный путь. Предположил же он бежать к тавроскифам, потому что все римские области, равно как и владения других народов, считал для себя не безопасными.

12. Таким-то образом Андроник низложен был с римского престола, а Исаак вступил во дворец и, будучи снова провозглашен от собравшегося народа римским царем-самодержцем, отправил вслед за Андроником погоню. Так как дворец был открыт и никто не мешал и не препятствовал множеству собравшегося народа, то народ расхитил не только все сокровища, какие хранились в хрисиоплисиях,— а тут было, кроме слитков, двенадцать кентинариев золотой, тридцать серебряной и двести медной монеты,— но и все вообще, что легко мог унести на руках один человек или даже несколько соединившихся людей. Равным образом и из оружейных палат похищено было множество оружия. Грабеж простерся даже и на храмы, находившиеся в царском дворце; и здесь сорваны были украшения со святых икон и даже украден тот священнейший сосуд, в котором, как говорит давнишняя молва, дошедшая и до нас, хранилось письмо Господа, собственноручно написанное Им к Авгарю. Между тем Исаак, прожив довольно дней в большом дворце, переезжает во дворец Влахернский и здесь получает известие о взятии Андроника. Взят же был Андроник таким образом. На пути во время своего бегства он приезжает в Хилу, в сопровождении немногих слуг, бывших при нем еще до воцарения, и с двумя взятыми им женщинами. Жители того места, видя, что на нем нет никаких царских украшений, но что он, как беглец, спешит переправиться к тавроскифам и что его никто не преследует, и не осмелились и отнюдь не сочли справедливым задержать его. Хотя он был уже и беззащитный зверь, тем не менее они испугались его и при одном

виде его дрожали. Они приготовили корабль, на который и сел Андроник со своими спутниками. Но, кажется, и море негодовало на Андроника за то, что он много раз осквернял лоно его трупами невинных: оно поднималось высокими волнами, расступалось безднами, силясь поглотить его, и несколько раз выбрасывало корабль на берег. Это помешало бедному Андронику переправиться до прибытия погони. Его схватили, связали и вместе с женщинами бросили в лодку. Но и теперь Андроник был тот же умный и находчивый Андроник. Видя, что ноги не помогут, что руки ни к чему не служат и что нет у него меча, с которым можно было бы сделать что-нибудь славное и разогнать схвативших его, он искусно изменяет голос и разыгрывает трагедию. Употребив в дело старинные сильные убеждения и искусно, как вождь муз, пробегая по струнам сладкозвучного органа, он начинает печальную и трогательную песню и, разливаясь соловьем, рассказывает, какого он высокого рода, насколько знаменитее многих по своему происхождению, как счастлива его бывшая судьба, как отнюдь не бедственна его прежняя жизнь, хотя он был в бегстве и ссылке, и как жалко несчастье, которому он подвергся теперь. На его пение отвечали еще более трогательным пением бывшие с ним умные женщины, так что он начинал печальную песню, а они его поддерживали и ему подпевали. Но напрасны были все эти затеи, тщетны все эти выдумки изобретательного и изворотливого Андроника. Нечестивые дела его, словно воск, затыкали уши схвативших его людей — никто нисколько не сжалился над ним и не слушал того, что он, подобно сиренам, так сладко или, точнее сказать, так коварно напевал. Бог явил свой гнев, и не нашлось у Андроника средства к спасению. Его заключили в тюрьму, называемую Анема, наложили на его гордую шею две тяжелые цепи, на которых держат в железных

ошейниках содержимых в тюрьме львов, и заковали ноги его в кандалы. Когда в таком виде его привели и представили царю Исааку, его осыпают ругательствами, бьют по щекам, толкают пинками, ему щиплют бороду, вырывают зубы, рвут на голове волосы. Затем отдают его на общее всем поругание, причем над ним издеваются и бьют его кулаками по лицу даже женщины, и особенно те, чьих мужей он умертвил или ослепил. Наконец ему отрубили секирой правую руку и снова бросили его в ту же тюрьму, где он оставался без пищи и без питья и ни от кого не видел ни малейшего попечения. А спустя несколько дней ему выкалывают левый глаз, сажают на паршивого верблюда и с торжеством ведут по площади. Нагая, как у старого дерева, и гладкая, как яйцо, голова его была не покрыта, а тело прикрыто коротким рубищем. Жалкое то было зрелище, исторгавшее ручьи слез из кротких глаз. Но глупые и наглые жители Константинополя, и особенно колбасники и кожевники и все те, которые проводят целый день в мастерских, кое-как живут починкой сапог и с трудом добывают себе хлеб иголкой, сбежавшись на это зрелище, как слетаются весной мухи к подойнику и к сальным сосудам, нисколько не подумали о том, что это человек, который так недавно был царем и украшался царской диадемой, что его все прославляли как спасителя, приветствовали благожеланиями и поклонами и что они дали страшную клятву на верность и преданность ему. С бессмысленным гневом и в безотчетном увлечении они злодейски напали на Андроника, и не было зла, которого бы не сделали ему. Одни били его по голове палками, другие пачкали ему ноздри пометом, третьи, намочив губку скотскими и человеческими извержениями, выжимали их ему на лицо. Некоторые поносили срамными словами его мать и отца, иные кололи его рожнами в бока, а люди еще более наглые бро-

сали в него камни и называли его бешеной собакой. А одна распутная и развратная женщина, схватив из кухни горшок с горячей водой, вылила ему на лицо. Словом, не было никого, кто бы не злодействовал над Андроником. И после того как с таким бесчестьем в смешном триумфе привели его на театр, его стащили с жалкого верблюда, на которого посадили ради посмеяния, и, привязав веревку, повесили за ноги между двух столбов, которые соединяются вверху камнем и стоят подле медных статуй, изображающих разъяренную волчицу и гиену с наклоненными друг к другу шеями, как будто они хотят одна на другую броситься. Перенесши такое множество страданий, вытерпев тысячи и других мучений, о которых мы не упомянули, Андроник все еще имел довольно силы мужественно и с полным сознанием переносить и новые страдания. Обращаясь к нападавшей на него толпе, он ничего другого не говорил, как только: «Господи помилуй» и «Для чего вы еще ломаете сокрушенную трость?». Между тем бессмысленнейшая чернь и после того, как его повесили за ноги, не оставила страдальца в покое и не пощадила его тела, но, разорвав рубашку, терзала его детородные члены. Один злодей вонзил ему длинный меч в горло до самых внутренностей. А некоторые из латинян со всего размаха всадили ему и в задние части ятаган и, став около него, наносили ему удары мечами, пробуя, чей меч острее, и хвастая искусством удара. Наконец после такого множества мучений и страданий, он с трудом испустил дух, причем болезненно протянул правую руку и провел ею по устам, так что многие подумали, что он сосет каплющую из нее еще горячую кровь, так как рука недавно была отрублена.

13. Царствовал Андроник два года, а один год управлял делами без порфиры и царской диадемы. При прекрасном телосложении он имел завидную наружность. Стан у него был

прямой, рост величественный, лицо, даже и в глубокой старости, моложавое. Он был необыкновенно здоровый человек, потому что чуждался изысканных лакомств, не был ни обжора, ни пьяница, но, подобно Гомеровым героям, любил есть только жареное на огне, отчего никто не видел, чтобы у него была отрыжка. Если же иногда и случалось ему обременить желудок, то и это непродолжительное расстройство он устранял целодневным трудом и постом, так что только в конце дня подкреплял свое тело куском хлеба и чашей разведенного вина. Лекарств он не употреблял никогда, исключая одного случая, бывшего во время царствования, да и тогда принял лекарство неохотно, вследствие убеждения врачей, что ему нужно принять его, если не по приключившейся болезни, то как средство предохранительное. Выпитое им слабительное подействовало нескоро, и лишь около заката солнечного он изверг несколько излишних мокрот, накопившихся в его жилах. Когда друзья сказали ему по этому случаю, что, по общему мнению, к нему относится это древнее предсказание: «Серпоносец, тебя ждут четыре месяца», он с улыбкой отвечал, что они явно ошибаются, потому что он в состоянии бороться целый год со всякого рода болезнью. Он надеялся на крепость своего телосложения и мечтал, как видно, что его смерть будет тихая и кончина мирная, а мысль о смерти насильственной он или охотно отклонял от себя, или она никогда не приходила ему в голову. Впрочем, есть слух, который дошел и до нас, что однажды, во время конской скачки, Андроник протянул руку и, указав пальцем своему двоюродному брату царю Мануилу на столпы, между которыми был повешен, сказал, что тут когда-нибудь будет висеть римский император после тяжких мучений, которым подвергнется со стороны городских жителей, и что Мануил на эти слова Андроника отвечал, что, по крайней мере, с ним этого не

случится. И такая-то именно кончина постигла Андроника. Внезапно обратился он в запустение и стал как бы сном восстающего, и в городе уничтожили образ его (Пс. 72, 19, 20),— будет ли кто разуметь здесь его лицо или его изображения на стенах и досках, потому что и их чернь уничтожила, разбросала по земле и сокрушила, как некогда Моисей сокрушил тельца, вылитого евреями в опьянении. Спустя несколько дней тело Андроника сняли с жалкой высоты, на которой оно висело, и, как падаль, бросили в одном из сводов на ипподроме. Наконец нашлись люди с некоторой жалостью и не всегда враждующие: они взяли оттуда труп Андроника и положили его в одном низменном месте подле Ефорова монастыря, построенного в Зевксиппе. Здесь и доселе желающие могут видеть его; состав его еще не совсем разложился. Исаак, считавший себя во всем безукоризненным и справедливым, не соизволил, чтобы Андроник предан был погребению или чтобы тело его перенесено было в храм Сорока мучеников, который Андроник возобновил с таким великолепием, блистательно украсив и снабдив богатыми приношениями, и в котором предполагал положить свое бренное тело.

До смерти любил он послания божественного проповедника Павла, часто наслаждался источаемой ими сладостью и в свои прекрасные письма любил вставлять их неотразимо убедительные изречения. Икону этого духовного витии Тарсийского — произведение древней руки — он украсил золотом и поставил в названном нами храме. Когда приблизилось время смерти Андроника, эта икона источала из глаз слезы. Услышав об этом, Андроник послал с точностью узнать о том. Вместе с другими был назначен для этого и Стефан Агиохристофорит. Поднявшись по лестнице — так как икона стояла вверху,— он отер чистым платком глаза Павла, но из них, подобно очищенным источникам, еще более по-

лились слезы. Подивившись этому виденному им событию, он пошел и рассказал Андронику. Андроник сильно опечалился, покачал головой и, глубоко вздохнув, сказал, что, вероятно, о нем плачет Павел и что это предвещает ему тяжкую беду, так как он сердечно любит Павла и высоко ценит его изречения и, конечно, взаимно любим Павлом.

Кратко сказать, если бы Андроник несколько сдерживал свою жестокость и не тотчас прибегал к раскаленному железу и мечу, если бы не осквернял постоянно свою царскую одежду каплями крови и не был неумолим в казнях,— чем он заразился у народов, среди которых жил во время своего долгого скитальчества,— он был бы не последний между царями из рода Комниных, чтобы не сказать — не уступил бы им и сравнялся бы с ними. И от него можно было получить величайшие человеческие блага, потому что он не совсем перестал быть человеком, но, подобно вымышленным созданиям с двумя природами, будучи отчасти зверем, украшен был лицом человеческим.

О смерти Андроника и в книгах встречаются и народом распеваются, кроме других пророческих, ямбических стихов, еще и эти: «Внезапно поднимется с места, богатого напитками, муж багровый, гордый нравом, ужасный, седой, изменяющийся подобно хамелеону и, вторгшись, будет жать людей, как солому. Но наконец и сам пожат будет временем и, бедняк, жестоко заплатит за все сделанное им в жизни зло. Кто носит меч, тот не избежит меча». Под именем места, богатого напитками, разумеется Эней*, как видно из самого названия этой местности, откуда, как уже сказано мной, Андроник прибыл в Константинополь.

* Греческое название Энея — *Οἴναιον* происходит от слова *οἶνος* — «вино и всякий хмельной напиток».

Примечания А. И. Цепкова

[1] *История* (от греч. *historia* — рассказ о прошедшем, об узнанном) — процесс развития природы и общества; комплекс общественных наук, изучающих прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии.

[2] *Комнины* — византийская династия. См. родословные (генеалогические) таблицы на с. 380—381.

[3] *Анна Комнина* (1083 — ок. 1153—1155) — писательница, дочь византийского императора Алексея I Комнина. Вскоре после смерти отца предприняла попытку отстранить от власти своего брата императора Иоанна, которая закончилась неудачно. Была вынуждена удалиться в монастырь, где, будучи уже в преклонных годах, написала историю царствования своего отца «Алексиаду». В сочинении сообщаются ценнейшие сведения о Первом крестовом походе, о войнах Византии с норманнами, печенегами, турками-сельджуками, о многочисленных внутренних смутах и еретических движениях; подробно описывается административное и военное устройство Византии, быт и нравы императорского двора.

[4] *Никифор Вриенний* (? — не позднее 1136) — историк, муж Анны Комниной. Написал «Исторические записки», единственная рукопись которых была утеряна. Анна Комнина широко использовала труд мужа.

[5] *Манганский монастырь.* — См. план Константинополя (т. 2, с. 390—391).

[6] *Тарониты* — византийский аристократический род.

[7] *...Ваймунд... освободил из под власти персов... Никею.* — Имеется в виду Раймунд Тулузский, один из вождей Первого крестового похода. Никея была взята в 1097 г. объединенными войсками Византии и крестоносцев. Шесть недель тянулась осада и только после того, как крестоносцы волоком подтащили византийские корабли в Асканское озеро, по которому осажденные получали подкрепления, продовольствие и оружие, судьба города была решена.

[8] *Фригия и р. Меандр.* — См. карту Византии (т. 2, с. 392—393).

[9] *Созополь, город Памфилии* — по нашему мнению, это современный турецкий город Сениркент.

[10] *Враницова* — византийский город Браничев, расположенный на р. Дунай, ниже по течению от Белграда.

[11] *Зевгмин* — город Землен, располагался при впадении р. Савы в Дунай.

[12] *Сардика* (Сердика, Средец) — современная столица Болгарии София. Здесь, вероятно, не только город, но и окрестные земли.

[13] *...Алмуз, родной брат Стефана...* — Алмуз (Альмош) был не родным братом Стефана (Иштвана II), а его дядей и братом

венгерского короля Кальмана (1095—1116). Кальман приказал ослепить Альмоша и его сына Белу, будущего венгерского короля Белу II Слепца (1131—1141). Ослепленный Альмош бежал в Византию.

[14] *Стефан* — венгерский король Иштван II (1116—1131), совершил поход до Софии (лето 1127 г.). См. генеалогическую таблицу венгерских королей (т. 2, с. 378—379).

[15] *Гунны* — угры (венгры).

[16] *Кастамона* — город в северной части полуострова Малая Азия, современный турецкий город Кастамону, в 180 км к северу от Анкары.

[17] *Вифиния и Пафлагония* — византийские провинции в Малой Азии.

[18] *Каппадокийская страна* — историческая область Каппадокия, располагавшаяся в центральной части полуострова Малая Азия.

[19] *Массут* — правитель Иконийского султаната **Масут I** (1116—1156).

[20] *Гангра* — город в Пафлагонии, южнее Кастамоны.

[21] *Киликия* — область полуострова Малая Азия напротив острова Кипр. В конце XI в. в Киликии укрепились правители из армянской династии Рубенидов. Другое название — Малая Армения.

[22] *Левун* (Леон) — армянский правитель Левон Рубенид. Во второй половине 30-х гг. XII в. византийский император Иоанн II занял важные крепости Киликии: Тарс, Адану и Калиссу. Левон бежал, но немного погодя был взят в плен вместе с двумя сыновьями и привезен в Константинополь. В дальнейшем сын Левона Торос освободился из плена и утвердился в Киликии. Он нанес поражение византийскому правителю Киликии Андронику Комнину, вынудив его покинуть страну.

[23] *Селевкия* — современный турецкий город Силифке на берегу Средиземного моря.

[24] *Гекторский щит.* — Гектор — сын троянского царя Приама, знаменитый защитник Трои от ахейцев.

[25] *Анаварза* — город в Малой Армении, северо-восточнее Тарса.

[26] *Антиохия* — знаменитый сирийский город на р. Оронте.

[27] *Халеп* — современный сирийский город Халеб (Алеппо).

[28] *Едесса* — то же, что Эдесса.

[29] *...они взяли в плен бывшего римского самодержца Романа Диогена...* — Роман IV Диоген (правил в 1068—1071) был разгромлен сельджукским правителем Алп-Арсланом 19 августа 1071 г. и попал в плен. Битва произошла у города Манцикерт, расположенного у северного берега оз. Ван. Роман, однако, недолго пробыл в плену у Алп-Арслана. Он подписал договор, по которому Византия уступала сельджукам Манцикерт, Эдессу, Манбидж и Антиохию и принимала обязательства выплачивать дань. Со своей стороны сельджуки гарантировали неприкосновенность восточных границ империи.

[30] *Неокесария* — современный турецкий город Никсар. См. карту Византийской империи (т. 2, с. 392—393).

[31] *Город Аттала* — город на южном берегу полуострова Малая Азия, современный турецкий город Анталья. История зна-

ет царей Пергама: Аттала I (241—197 гг. до н. э.); Аттала II Филадельфа (159—138 гг. до н. э.); Аттала III Филометра (138—133 гг. до н. э.), племянника Аттала II. Атталию основал царь Аттал II Филадельф.

[32] *Город Антиоха* — Антиохию сирийскую вместе с городами Селевкией, Апамеей и Лаодикией основал сирийский царь Селевк Никатор (312—280 гг. до н. э.). В Антиохии он устроил столицу.

[33] *Пирама* — современная р. Джейхан, впадающая в залив Искендерун. *Мопсуестия* — город на р. Пираме с близлежащими землями. Входили в Малую Армению.

[34] *Лидия* — малоазиатская историческая область. См. карту Византийской империи (т. 2, с. 392—393).

[35] *Филомилий* (Филомелий) — город в Великой Фригии. См. карту Византийской империи (т. 2, с. 392—393).

[36] *...держал взаперти, как Акрисий Данаю.* — У аргосского царя Акрисия, внука Линкея, была чрезвычайно красивая дочь Даная. Акрисию оракул предсказал, что он погибнет от руки сына Данаи. Чтобы избежать предсказания, Акрисий построил глубоко под землей из бронзы и камня обширные покои и там поместил свою дочь, дабы никто ее не видел. Однако верховный бог олимпийцев Зевс полюбил ее и проник в подземные покои в виде золотого дождя. От связи Зевса с Данаей родился Персей. Несмотря на все ухищрения Акрисия обмануть судьбу, он в старости был убит на играх, устроенных Персеем. Убийство произошло случайно: Персей во время состязания метнул бронзовый диск с такой силой, что он улетел к облакам, а падая на землю, попал в голову Акрисия и поразил его насмерть.

[37] *Пенфесилия* — царица амазонок, дочь бога войны Ареса. После смерти Гектора настали тяжелые времена для Трои. Не стало у жителей знаменитого города его могучего защитника. Не смели троянцы выходить за стены для сражений в открытом поле. Но неожиданно троянцам пришла на помощь Пенфесилия. Она хотела битвой с греками искупить вину, т. к. нечаянно на охоте убила свою сестру. С радостью в Трое встретили амазонок. На следующий день Пенфесилия во главе троянского войска выступила против греков. Храбро сражалась царица, многих героев она сразила, а греков оттеснила к их кораблям. Близка была победа амазонок и троянцев. Но грекам пришли на помощь Ахилл и Аякс Теламонид. Они не участвовали в битве. Встретились в бою Пенфесилия и Ахилл. Боги были на стороне сына Пелея, и пала храбрая амазонка от руки величайшего из героев. Когда Ахилл снял с убитой шлем, то поразился ее необычайной красоте, и даже к мертвой у него вспыхнула в сердце любовь.

[38] *Протей фаросский* — морской бог Протей, умеющий изменяться подобно морю. Он превращался по желанию в различных животных и чудовищ. Он также был вещим богом. Необходимо только застигнуть его неожиданно, овладеть им и заставить открыть тайну будущего. Так Протей раскрыл Менелаю судьбу героев, возвращающихся из-под Трои.

[39] *Конрад* — Конрад III, германский король. Один из вождей Второго крестового похода. В 1147 г. к Константинополю прибыли две большие армии крестоносцев. Одну возглавлял Конрад III, а другую — французский король Людовик VII.

[40] *Керкира* — современный греческий остров Керкира в Ионическом море, у южного побережья Албании и западного побережья Греции.

[41] *Рожер* — сицилийский король Рожер II, племянник Роберта Гвискара. В августе 1147 г., в то время когда руки Мануила I Комнина были связаны крестоносцами, он внезапно напал на Византию. Согласно византийскому хронисту Киннаму, сицилийцы сна-

чала ограбили Коринф, Фивы и Эвбею, а затем штурмом взяли Корфу.

[42] *Монемвасия* — современный населенный пункт **Монемвасия** на юге Пелопоннесского полуострова.

[43] *Малея* — мыс на крайнем юге Пелопоннеса.

[44] *Акарнания и Этолия* — греческие земли, лежащие напротив о. Левкас и к северу от современного залива Патраикос.

[45] *Коринф* — знаменитый древнегреческий город. В свое время Коринфу прибавили славы устраивавшиеся там Истмийские игры. Святилище Афродиты в Коринфе знал весь Древний Мир, ибо оно имело более 1000 храмовых рабынь-гетер, их посвящали богине как мужчины, так и женщины; и благодаря этим гетерам город становился богаче и многолюднее. Капитаны кораблей с быстротой растрачивали в городе свои деньги. Древние рассказывали, что какая-то гетера в ответ на упреки одной женщины в том, что она не любит работать или прясть шерсть, сказала: «Да, вот такая я, а все же за это короткое время я успела сокрушить уже три ткацких станка» (то есть разбила сердца капитанов трех кораблей).

[46] *...трофей Милтиадов* — возможно, речь идет о Мильтиаде, сыне Кипсела, афинском аристократе, который ок. 560 г. до н. э. стал победителем Олимпийских игр в состязаниях колесниц.

[47] *Косьма II Аттик* (1146—1147); *Михаил II Куркуас* (1143—1146) — константинопольские патриархи.

[48] *Эгина* — греческий остров в Сароникосском заливе, недалеко от Афин.

[49] *Улисс* (Одиссей) — герой древнегреческого эпоса, царь острова Итака.

[50] *Пелагония* — трехградье, область в Верхней Македонии.

[51] *...с архижупаном Вакхином.* — Исследователи затрудняются определить время правления следующих великих жупанов с 1114 по 1168 гг. Важнейшие из них: Урош I, Урош II, Деша, Тихомир (брат Немани).

[52] *Калабрия* — южная оконечность Апеннинского полуострова, отделена от о. Сицилия Мессинским проливом.

[53] *Филаделфия.* — В древности было четыре Филадельфии: в Иудее; в Лидии; в Мисии; в Сирии. Здесь, вероятно, речь идет о лидийской Филадельфии.

[54] *...подобно древним еретрийцам, обращенным в рабство персами...* — Древний город Эретрию разрушили персы, причем, по словам Геродота, варвары ловили жителей сетями.

[55] *Влахерны.* — Влахернский дворец и Влахернская гавань находились в северной части города. См. план Константинополя.

[56] *Симплигады* (Симплегады) — «Сталкивающие скалы», охраняли вход в Эвксинский Понт (Черное море). Аргонавты сумели проплыть мимо Симплегад только при помощи богини Афины. Она одной рукой удержала одну из скал, а другой с такой силой толкнула «Арго» (корабль аргонавтов), что он стрелой выскочил из пролива. Только конец руля раздробили столкнувшиеся скалы.

[57] *Велеград* — современная столица Сербии Белгород.

[58] *Клицасфлан* — Кылич-Арслан II (1156—1192), сельджукский султан Иконийского султаната.

[59] *Амасия* — город в Каппадокии Понтийской, родина Великого Страбона. *Анкира* — название Анкира носили два города: один

в Галатии, другой во Фригии. Здесь говорится об Анкире Галатской (современная Анкара).

[60] *Кесария* — современный город Кейсери. *Севастия* — современный турецкий город Сивас.

[61] *Мелитина* — город и область, составлявшие в древности $^1/_{10}$ Каппадокии и располагавшиеся на крайнем ее востоке. Мелитина — современный турецкий город Малатья.

[62] *Яца* — венгерский король Геза II (1141—1162), *Стефан и Владисфлав* — его братья Иштван IV и Ласло II, *Стефан и Вела* — его сыновья Иштван III и Бела III. См. генеалогическую таблицу венгерского королевского дома (т. 2, с. 378—379).

[63] *Галаца* — древнерусская Галицкая земля.

[64] *...он принят был правителем Галицы.* — Имеется в виду князь галицкий Ярослав Владимирович Осмомысл. В Воскресенской летописи по этому поводу говорится: «В лето 6673 (1165). Прибеже из Царягорода брат царев кур Андроник ко Ярославу в Галичь, и прият его Ярослав с великою любовию, и даст ему неколико городов; потом же присла по него царь два митрополита, зовучи и к себе, Ярослав же отпусти его с великою честию, и пристави к нему епископа Козму и мужи свои переднии, и тако проводиша и» (Воскресенская летопись. Рязань, 1998. С. 111. [Русские летописи; Т. 2]).

[65] *...как некогда Геркулес служил Омфале.* — Омфала была царицей Лидии. Геракл попал к ней в рабство по воле богов, которые осудили его за убийство Ифита, старшего сына Эврита, царя города Ойхалии на о. Эвбея. К тому же в этой истории была замешана прекрасная дочь царя Эврита Иола, которую не отдали в жены Гераклу. Будучи три года в рабстве, Геракл терпел настоящие унижения от гордой лидийской царицы.

[66] *Пергам* — знаменитый город, долго процветавший при царях из рода Аттала. Город был сокровищнецей Лисимаха, сына Агафокла, одного из преемников Александра. В крепости хранилось сокровищ на 9000 талантов. Все богатства вместе с городом Лисимах вверил Филетеру из Тиея, евнуху от рождения. Из-за ссоры с женой Лисимаха Арсиноей Филетер восстал и стал самостоятельно управлять Пергамом. Преемником Филетера стал его племянник Евмен, сын брата Евмена. А преемником Евмена был другой племянник Филетера — Аттал, сын Аттала. У Аттала, сына Аттала, было четыре сына: Евмен, Аттал, Филетер и Афиней. Старший из них, Евмей, стал царем, именно он учредил известную всем библиотеку в Пергаме.

[67] *Стефан Нееман* — великий жупан сербов Стефан Неманя (ок. 1168—1196).

[68] *...поход на египтян, против которых собран был и римский флот.* — Поход состоялся в 1168 г. Союзником Мануила I Комнина выступил король Иерусалима Альмарих I, брат умершего короля Иерусалима Балдуина III. Византийский флот осадил Дамьетту, но из-за вялости иерусалимского короля город выстоял, а византийцы ни с чем возвратились на родину.

[69] *...состав, прогоняющий печаль и наводящий забвение всех зол, который дала Елене жена Фона.* — После взятия Трои Менелаю и Елене выпало на долю много приключений: они побывали на Крите, Кипре, в Финикии, Ливии, Эфиопии. В Египте жена Фоона Полидамна подарила прекрасной Елене чудесное лекарство, приготовленное из сока волшебного растения. Тот, кто добавлял это лекарство в вино и выпивал его, забывал самое тяжелое горе.

[70] *Хиос* — остров в Эгейском море у берегов Турции. В гавани острова могло поместиться до 80 кораблей того времени. С Хиоса были родом: трагический поэт Ион, историк Феопомп и софист Феокрит. Хиосцы также считают себя соотечественниками Гомера.

[71] *Ирвицкие дефилеи* — теснины, находились недалеко от Мириокефала. Здесь 17 сентября 1176 г. сельджукский султан Кылич-Арслан II (1156—1192) нанес страшное поражение византийской армии, которой командовал император Мануил I Комнин. После этого разгрома Византия вынуждена была свернуть активные действия в Малой Азии. Сельджуки не сумели воспользоваться победой. Разбитые в нескольких стычках в конце 70-х гг. XII в., они приостановили наступление, а начавшиеся вскоре внутренние смуты привели к ослаблению Иконийского султаната.

[72] *Траллы, Фригийская Антиохия, Лумы, Пентахирь.* — Местонахождение этих крепостей см. на карте Византийской империи (т. 2, с. 392—393).

[73] *Венеция, Генуя, Пиза и Анкона* — итальянские города.

[74] *Фридерик* — Фридрих Барбаросса (ок. 1125—1190), германский король с 1152 г., император «Священной Римской империи» с 1155 г. Из династии Штауфенов.

[75] *Медиолан* — современный итальянский город Милан.

[76] *Никифор Фока* — византийский император Никифор II Фока (963—969).

[77] *Феодосий* — патриарх константинопольский Феодосий Ворадиот (1179—1183).

[78] *...Фаэтон, взошедши на отцовскую... колесницу, взялся пройти между небесными звездами.* — Фаэтон — сын бога Солнца Гелиоса и Климены, дочери морской богини Фетиды. Фаэтон упросил отца проехать вместо него по небу на его золотой колеснице. С печалью и после долгих уговоров Гелиос вручил сыну колесницу, в которую были запряжены крылатые кони. Но Фаэтон не справился с упряжкой и погиб. Из-за безрассудности Фаэтона на Земле произошли ужасные катаклизмы, повлекшие гибель людей, разрушение городов, гор, и т. п.

[79] Никита Хониат великолепно знал не только древнегреческие мифы, но и византийские сказки.

[80] *Никея* — город на Асканийском озере. Вокруг располагалась большая и чрезвычайно плодородная равнина, не очень здоровая летом. Первым основателем Никеи был Антигон, сын Филиппа, который назвал ее Антигонией. Лисимах переименовал ее в Никею, по имени своей супруги, дочери Антипатра.

[81] *Никомидия.* — На месте древнего города в настоящее время расположен турецкий город Измит. Никомидия названа в 264 г. до н. э. по имени ее основателя — вифинского царя Никомеда I.

[82] *Халкидон* — город на противоположном берегу Босфора, напротив Константинополя. Основан мегарцами. В древности на территории города несколько выше моря находился источник под названием Азаритиия, где водились небольшие крокодилы.

[83] *Второй Гомеров Ир* — Ир — известный всей Итаке нищий, обжора и пьяница. Возвратившийся в Итаку Одиссей побил Ира за то, что тот вздумал гнать его, странника, из его же собственного дома.

[84] *Обитель Пантократора.* — См. план Константинополя (т. 2, с. 390—391).

[85] *Василий Каматир* — патриарх константинопольский в 1183—1186 гг.

[86] *Тантал.* — Древние греки знали трех Танталов. Первый — царь Сипила, второй — один из сыновей Ниобы, третий — сын Фиеста. Здесь речь идет о Тантале, сыне Зевса, правителе лидий-

ского города Сипила. Любимец богов забыл, что он смертный, и возомнил себя равным олимпийцам. Он даже высокомерно оскорбил богов: Тантал убил своего сына Пелопса и угощал богов его мясом. Зевс низверг злодея в мрачное царство своего брата Аида. Там Тантал несет ужасное наказание: мучимый жаждой и голодом, смотрит со страхом на нависшую над его головой скалу. Она еле держится и ежеминутно грозит упасть и раздавить своей тяжестью Тантала.

[87] *Созополь* — город в Писидии, между верховьями р. Меандра и оз. Эгридир.

[88] *Вела* — венгерский король Бела III (1173—1196).

[89] *...оставив его самого, как нового Финея, страдать, по неимению чем утолить голод своего гнева.* — Никита Хониат имеет в виду греческий миф о Персее, Андромеде и Финее.

[90] *Город прузейцев* — город Пруза (Пруса), располагался на другом заливе (недалеко от Астакенского залива) Пропонтиды (Мраморного моря) от Халкедона. Раньше Пруса называлась Киосом. Филипп, сын Деметрия и отец Персея, разрушил Киос. Он отдал разрушенный город сыну Зелы Прусию, который вместе с ним разрушал этот город, и соседнюю с ним Мирлею. Прусий восстановил оба города из развалин и назвал Киос по своему имени Прусиадой, а Мирлею — по имени своей супруги Апамеей. Именно этот Прусий предоставил убежище Ганнибалу, вынужденному бежать туда после поражения Антиоха.

[91] *Вильгельм* — Вильгельм II, король Сицилии. 24 июля 1185 г. норманны овладели Диррахием, а 24 августа — большим византийским городом Фессалоникой. Потом норманнское войско разделилось: одна часть двинулась на Серра, а другая — к Константинополю. Византия находилась в чрезвычайно сложном положении. В это время в столице произошел переворот, к власти пришел

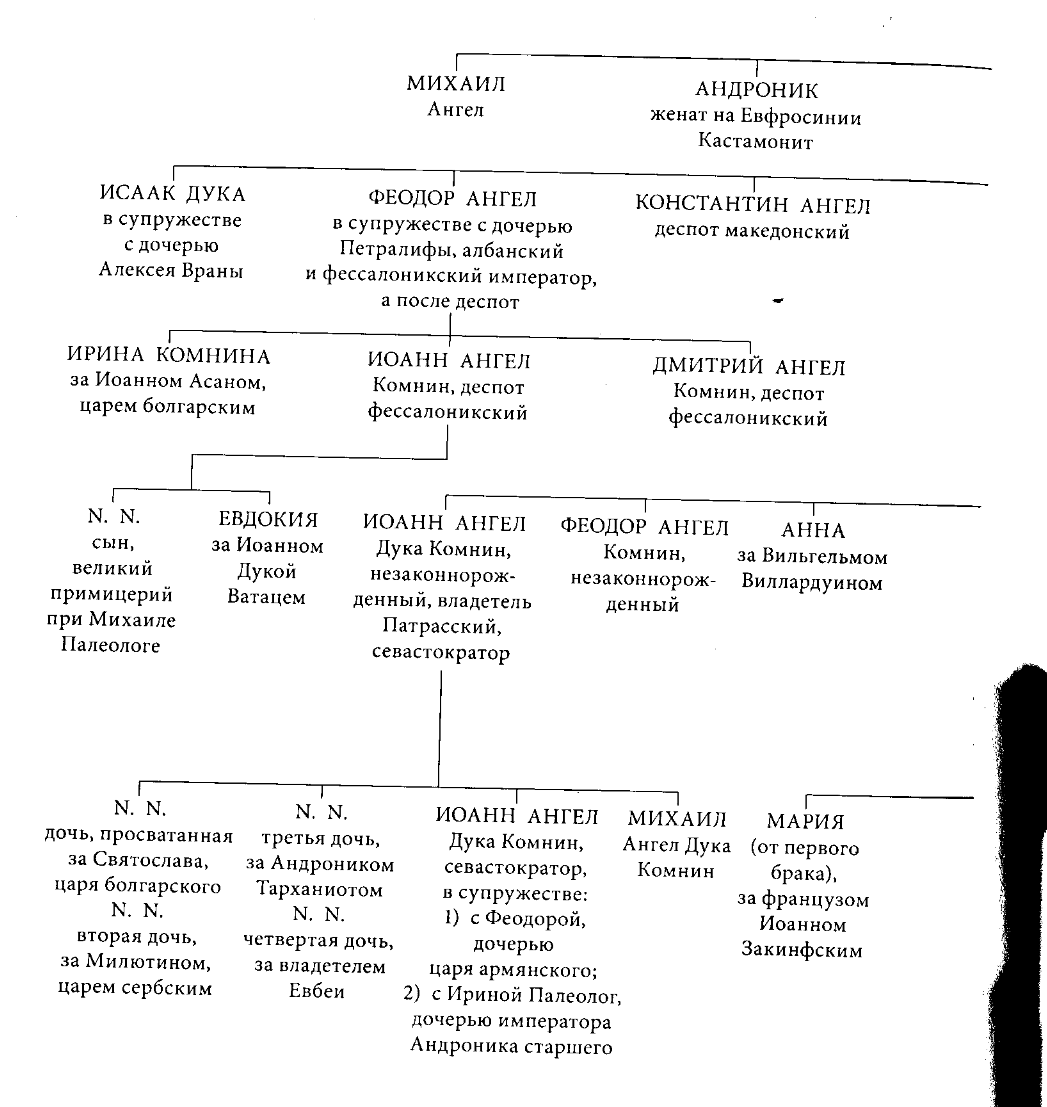
Исаак Ангел. Он немедленно послал военную помощь Алексею Вране. Норманны потерпели поражения при Мосинополе и Димитриаде и вынуждены были оставить Фессалонику, остров Корфу и Диррахий. Вероятно, около 1187 г. враждебные стороны подписали мирный договор.

[92] *Сцилла* — чудовище с шестью головами на длинных шеях и двенадцатью лапами, жила на скале по одну сторону Мессинского пролива, а другое чудовище — Харибда — на противоположной стороне пролива. Они губили всех проплывавших мимо мореплавателей.

[93] *Иоанн Кинам* (после 1143 — ок. 1203) — византийский хронист. Написал историческое сочинение, охватывающее период с 1118 по 1176 гг. Русский перевод: Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Изд. В. Н. Карпов. СПб., 1859.

[94] *Тифон* — чудовище о ста головах, дитя Геи и Тартара.

Родословная таблица младшей линии дома Ангелов

КОНСТАНТИН АНГЕЛ
женат на дочери Алексея I Комнина
Феодоре Дуке Комниной

ИОАНН АНГЕЛ
Дука Комнин, севастократор

КОНСТАНТИН
Ангел

N. N.
дочь, за Камицем

МИХАИЛ КОМНИН
незаконнорожденный,
владетель
Эпира и Этолии

МАНУИЛ АНГЕЛ
в супружестве с Марией,
дочерью Иоанна Асана,
царя болгарского, деспот
фессалоникский

N. N. дочь АНГЕЛ
за французом, графом
Закинфским

МИХАИЛ
(он же и Мануил),
незаконнорожденный, деспот
Эпира и Этолии, в супружестве
с Феодорой Петралифа

N. N.
дочь, за Евстахием
фландрским

N. N.
дочь, за Малиазепом
или Мелиссеном

НИКИФОР АНГЕЛ
Комнин, деспот
Эпира и Этолии,
в супружестве:
1) с Марией Ласкарис;
2) с Анной Палеолог

ИОАНН АНГЕЛ
Комнин,
в супружестве
с дочерью
севастократора
Торникия

ЕЛЕНА
за Ман-
фредом,
королем
сицилий-
ским

ДИМИТРИЙ
(он же и Михаил)
Ангел Комнин
Дука, деспот,
в супружестве:
1) с Анной
Палеолог;
2) с дочерью
Венцеслава,
царя болгарского

N. N.
дочь,
за Алексеем
Раулем,
великим
доместиком

ФОМА АНГЕЛ
Дука Комнин
(от второго брака),
деспот Этолии
и Эпира,
в супружестве
с Анной Палеолог,
внучкой Андроника
старшего

ИФАМАРЬ
(от второго
брака), за
Филиппом
тарентским

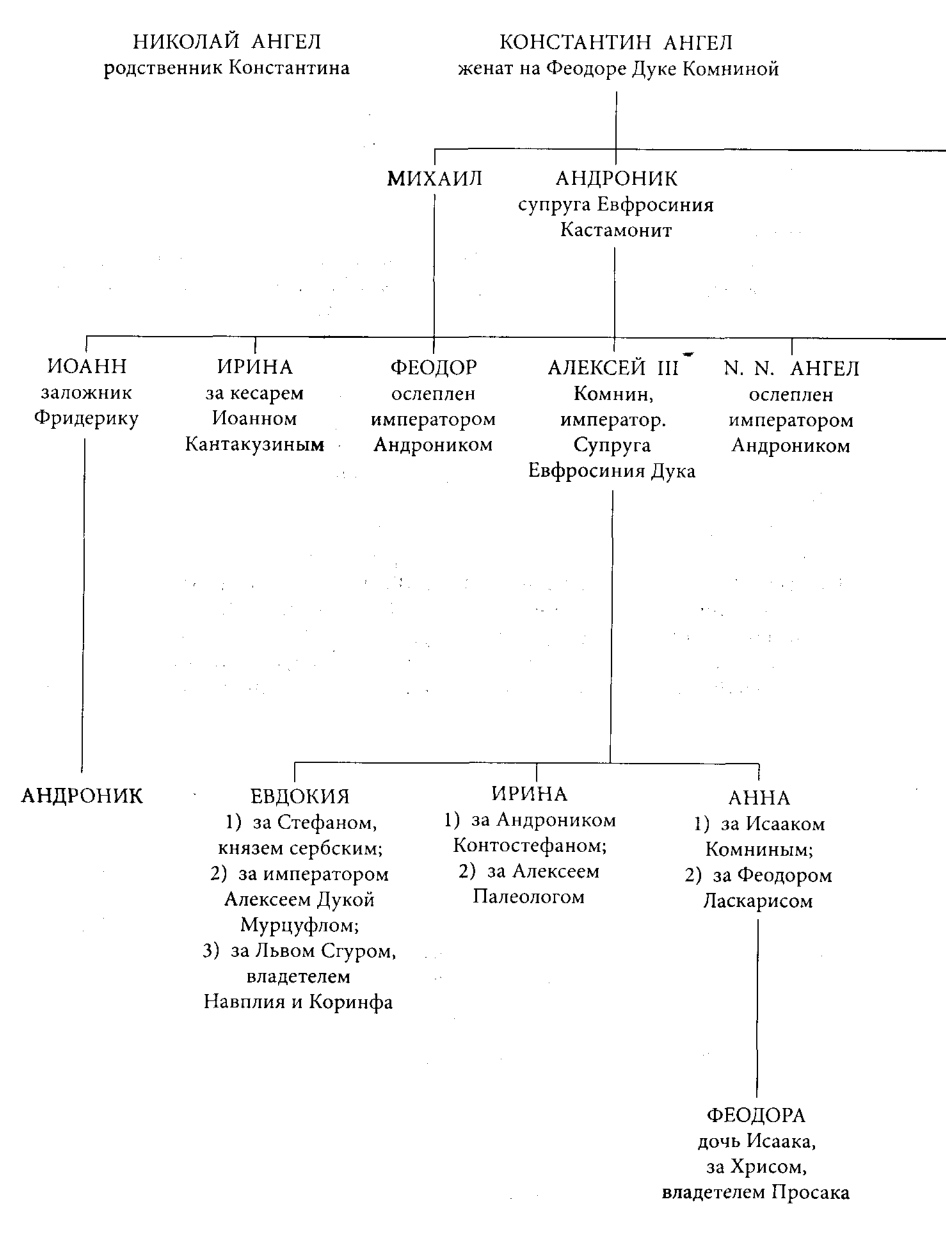
АНДРОНИК
Палеолог
(от первого
брака),
протовестиарий

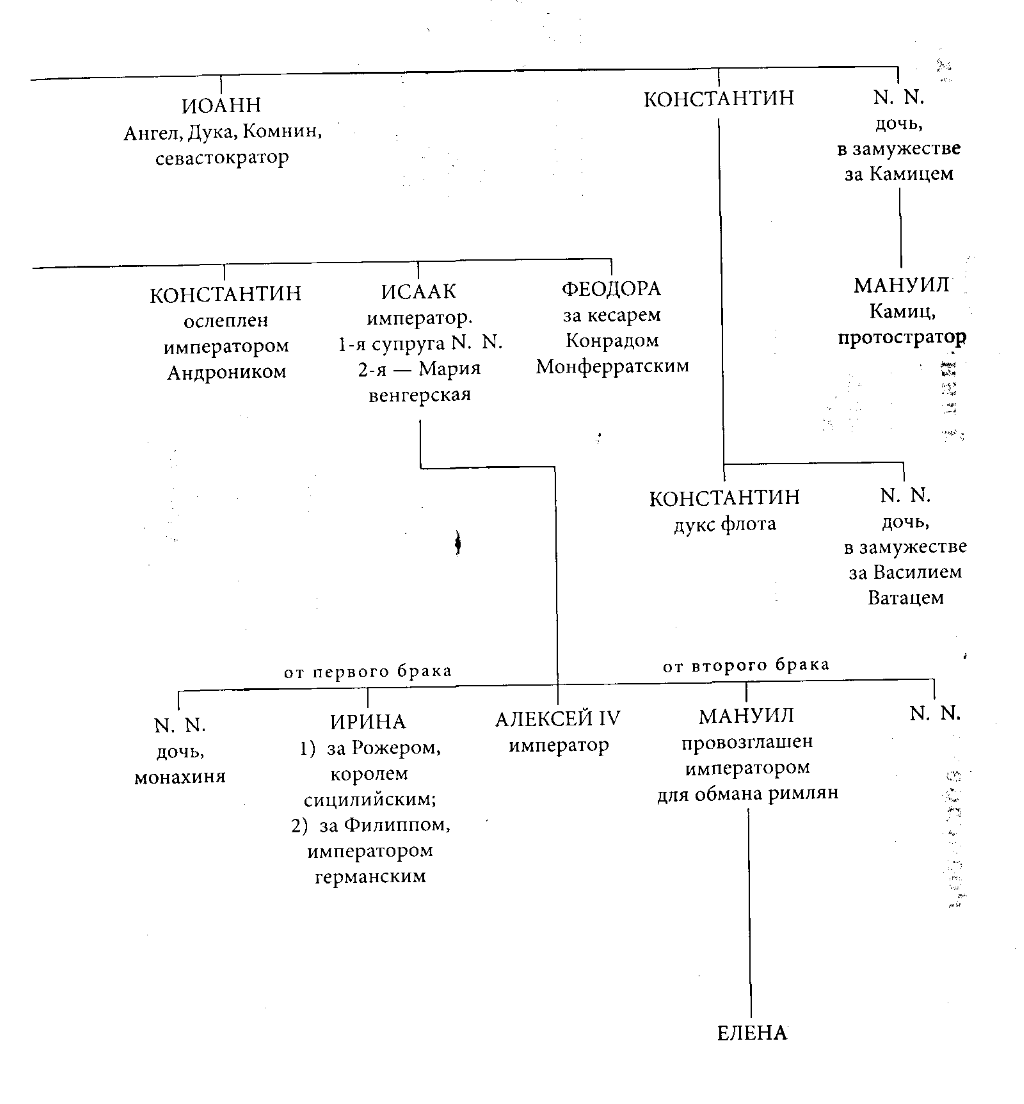
КОНСТАНТИН
Палеолог
(от первого
брака),
протосеваст

N. N. N. N.
(от второго
брака)

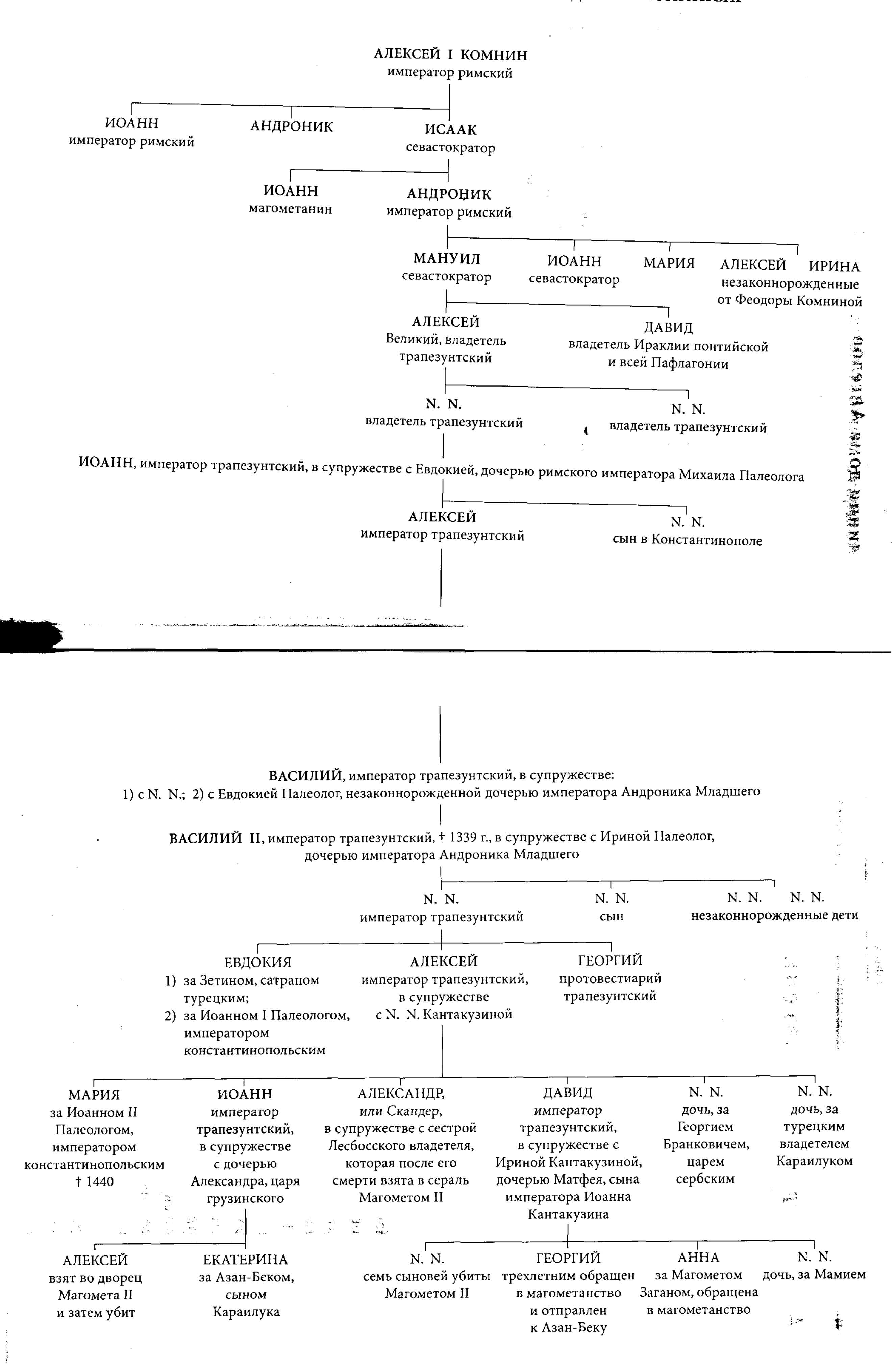
N. N.
дочь, за N. Ангелом,
владетелем касторийским

Родословная таблица старшей линии дома Ангелов

Родословная таблица младшей линии дома Комниных

Алфавитный указатель

А

Б

В

Г

Д

Е

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

Ф

Х

Ц

Ч

Щ

Э

Я

Оглавление

Царствование Мануила Комнина

Книга 1

Книга 2

Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила

Царствование Андроника Комнина

Книга 1

Книга 2

Давайте немного, без пышных фраз, порассуждаем, взяв на вооружение логику.

Казалось бы, что уж к началу 3-го тысячелетия нашей эры Русь, выбравшая Византию своим учителем, просто обязана знать труды византийских ученых, писателей, философов и историков. Ведь сочинения их уникальны и великолепны, да и сами они были талантливыми, образованными и эрудированными людьми. Как правило, основа их знаний лежала в язычестве.

Так, на русском языке (повторяю, до сего времени) нельзя прочитать труды Димитрия Кидониса (ок. 1324—1397/1398), ученого и писателя; крупнейшего ученого и прославленного философа Георгия Гемиста Плифона (ок. 1355—16.6.1452), создавшего совершенно новую, чисто философскую религиозную систему, опирающуюся не на «Откровение», а на логическое мышление, на очевидные истины — аксиомы и силлогизмы. Вместо веры основой созданной Плифоном религии являлся разум; Георгия Трапезундского (ум. в 1478), выпустившего в свет труд «Сравнение Платона и Аристотеля», где резко критиковалась система Платона и Плифона. В ответ ученик Плифона Виссарион (1403—1472) издал четыре тома под названием «Против клеветника на Платона».

Мы лишены возможности изучать работу историка Зосима «Новая история». В этом обширном произведении собран огромный и ценнейший материал со времени воцарения Августа до 410 г. Видимо, оттого, что у него иная концепция (читаются гневные выпады против христиан).

Сведения о постановлениях византийских императоров и их письмах, изданных в Германии (1924), также нам недоступны. В России из 13 книг Георгия Пахимера выпущено в свет 6, да и то в 1862 г. Можно указать еще на труды Никифора Григоры, Феодора Метохина, Иоанна Зонара, Лаоника Халкокондила, Георгия Кедрина и др.

С горечью отмечаем: на Западе издано византийских первоисточников значительно больше и они полнее, чем на Руси, «наследнице Византии».

Резюме. Что-то не видно широкого доступа к накопленным человечеством знаниям, в том числе знаниям историческим. Не есть ли здесь то, о чем сказал Аммиан Марцеллин?

Александр Иванович Цепков
2 января 2003 г.
г. Рязань

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Том 2

НИКИТА ХОНИАТ

История со времени царствования Иоанна Комнина

Том 2

(1186—1206)

ББК 63.3(0)4
Ц 40

О Фемистокле, государственном и военном деятеле из Афин

На вопрос, кем бы он предпочел быть, Ахиллом или Гомером, он ответил: «А ты кем — олимпийским победителем или глашатаем, выкликающим победителей?»

Плутарх (ок. 46 — ок. 120 г.)

Книга издана на средства
Цепкова Александра Ивановича

Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. Подготовлена к изданию *Цепковым А. И.*
Текст подготовлен по изданию: **Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина.** Т. 2. СПб., 1862.

Талантливые исторические произведения бессмертны и бесценны для человечества, их прилежно собирали и изучали древние. Отношение к ним говорит о культурном уровне не только отдельно взятого человека, но и страны в целом.

ISBN 5-94460-004-7

Классификатор 95 3000
95 3150

Царствование Исаака Ангела

Книга 1

1. Без всякого труда со своей стороны получив таким образом царскую власть и, так сказать, купив ее кровью Агиохристофорита, Исаак Ангел перешел из большого дворца во дворец влахернский и показал себя государем, по-видимому, в высшей степени правосудным, несправедливо, впрочем, применяя к себе и постоянно повторяя стихи из песни о быкообразном царе*, которые читаются так:

* Вероятно, из песни о Минотавре. Приводимые из нее стихи относятся, по-видимому, к Фезею, который, убив Минотавра, чудовищного критского царя, жившего в чертогах Дедала, или Лабиринте, и питавшегося человеческой плотью, спас тем самого себя, избавил свое отечество Афины от бедственного порабощения и впоследствии управлял афинянами мудро, доставил им благоденствие и за свое кроткое правление пользовался их любовью. Уподобляя жестокости Андроника людоедству Минотавра, Исаак Ангел хотел быть для своего отечества кротким и мудрым Фезеем; тем не менее, как говорит Хониат, он несправедливо относил к себе стихи о Фезее, потому что сам не употребил никаких усилий избавить свое отечество от Андроника, этого нового Минотавра.

«Наружность показывает способ и место, как и откуда пришел ты, достойный всякой любви в том виде, каким представляешься мне, потому что ты более других украшен лучшими достоинствами и разумно управляешь теми, кто тебе дороже всего. Итак, ты счастливо достиг цели, один только со славой вышедши из царственных чертогов и прекратив власть умершего. В скором времени, державный, ты сделаешь счастливой свою державу».

В самом деле, воцарившись, он обильно умастил милостью главу бедных, во внутренней своей клети беседуя с Богом Отцом, видящим втайне. Все, томившиеся в ссылках, все, кого Андроник или лишил имущества, или изувечил, были теперь собраны и надлежащим образом удовлетворены; так что царь не только возвратил им все, что из прежнего имущества их не пропало, сберегаясь в царской казне, или уцелело еще, быв отчуждено Андроником в пользу других, но восполнил их потери сверх того из государственных сокровищ, сыпля щедрой рукой. А это поправило и войну с итальянцами, которые занимали уже Фессалию и стояли под Амфиполем, дерзко порываясь на самый Константинополь и хвастаясь, что его легко осадить с моря и с суши и в самое непродолжительное время можно взять, как пустое гнездо, и разграбить без труда. Видя в воцарении Исаака как бы перемену зимы на весну или бури на совершенную тишину, римляне со всех сторон потекли в Константинополь; шли не только бывшие прежде в военной службе, но и никогда не знавшие ее, даже вовсе юноши, одни — чтобы только взглянуть на нового Моисея-освободителя, или Зоровавеля, возвратившего пленников сионских (так они представляли себе

Исаака), другие — чтобы получать следующее служащим в войске содержание, а некоторые и затем, чтобы записаться в войско и действительно отправиться на войну с сицилийцами. Между тем как скоро падение Андроника сделалось известно сопровождавшим царя Иоанна, Андроникова сына, в филиппопольскую епархию, то немедленно и он был схвачен, ослеплен и предан мучительной смерти, не нашедши ни в ком ни сочувствия, на которое надеялся, ни сострадания, которого просил. Брат его Мануил был также ослеплен в заключении, хотя ничем нельзя было доказать, чтобы он сколько-нибудь участвовал в преступлениях своего отца, и это самым точным образом знали не только люди, знакомые вообще с ходом общественных дел, а еще более всех сам Исаак, который лишил его зрения.

Пользуясь многочисленным стечением народа из восточных городов, представлявшим возможность собрать достаточное войско против сицилийцев, Исаак ласково принимал всех приходивших, награждал по возможности и, вооружив их, отсылал в лагерь Враны. Прочим римским войскам, находившимся в поле против врагов, он также послал царское жалованье в количестве сорока центенариев золота и тем еще более укрепил их к предстоявшей борьбе. В это время неприятельское сицилийское войско, еще не зная судьбы, постигшей Андроника, смело шло вперед, замышляя положить предел трудам своего похода в Константинополе. Равным образом флот неприятельский уже подплыл и пристал к островам, лежащим близ самого города. Но Тот, Кто не попускает сильным спасаться во множестве силы их, *на колесницах и на конях*, смиренным же и кротким дает благодать, Господь — унизил надменных и, внезапно сошедши к ним, как древле к строившим столп (в земле Сеннаарской — Быт. 11, 1—9), не смесил их языки, но самих их разделил на

три отдельные части. Одна часть осталась стеречь главный город в Фессалии и находилась в этой стране с быстроходными кораблями; другая, блуждая без всякого опасения, опустошала Серры. Наконец, третья, шедшая впереди, подразделялась на два отряда, из которых один стоял при реке Стримоне, разоряя окрестности Амфиполя, а другой, весело идя вперед и как бы желая предвосхитить вступление в столицу, стал лагерем в Мосинополе. Всегда побеждая и уже не встречая более сопротивления, этот последний отряд, нужно ли было когда выходить из Мосинополя на грабеж или на поиск съестных припасов, дозволял себе самые неосмотрительные разъезды и делился на партии до того, что наконец каждый солдат бродил везде, где ему было угодно. 2. Подметив где-то подобную оплошность варваров, римский полководец Врана однажды напал на них со своим войском. Сначала он едва мог убедить своих солдат выйти несколько из гор и ступить на открытую равнину; но потом, когда первое нападение было произведено с некоторым успехом и неприятельский отряд обратился в бегство, они оправдали на себе сказку о мирмидонянах[1], мгновенно превратившись в храбрецов и неудержимо поражая спасавшихся бегством. Случилось так, что римляне простерли преследование врагов до самого Мосинополя. Удачно разбив по дороге еще одну неприятельскую партию, они решились напасть и на заключившихся внутри города. Городские ворота были защищаемы неприятелями (которых обуял уже трепет и ужас); несмотря на то, римляне, зажегши их, ворвались в город и пресытились убийствами, давно не вкушавши лакомств Арея[2]. А когда они, поев богатство этих пришлецов, насытились и утучнились добычей, то стали помышлять уже и об амфипольском отряде, пренебрегая третьего дня одержанной победой, как вчерашней пищей. Таким образом, подкре-

пившись конями и оружием врагов, они, как строй Божий или как войско львов, двинулись на другую часть неприятелей, еще стоявшую лагерем на Стримоне[3]. И вот, Божиим велением, жребий изменился! Те, которые недавно были горды, высоковыйны и едва не хвастались, что могут своими копьями передвигать и переставлять горы, теперь, быв поражены и ошеломлены, как будто молнией или необычайным ударом грома, ужасными слухами о мосинопольской битве, избегают сражения и неохотно строятся в ряды. Напротив, римляне, оправившись от смущения, летели, как подоблачные орлы на охоту за привязанными к земле птицами, и быстрее, чем на крыльях, стремились встретиться с теми, которые прежде позорили их поносными речами. Когда оба войска сошлись на одном поле (при местечке Димитрицы), то сицилийцы еще более обнаружили свою робость тем, что стали предлагать мирные условия и с этой целью вступили с Враной в переговоры. Сначала римляне согласились на их требования; но спустя немного переменили решение, подозревая, что в предложении противников кроется обман, или, если обмана нет, то, по крайней мере, высказывается несомненная робость, и, не ожидая никакого знака к войне, ни звука трубы, ни какого-нибудь другого распоряжения вроде тех, которые обыкновенно дают полководцы перед началом сражений, бросились на врагов с обнаженными мечами. До некоторого времени сицилийцы бодро и мужественно выдерживали натиск римлян; сражение имело много перемен и переворотов, но наконец, уступая чрезмерному одушевлению римского войска, латиняне обратили тыл и в беспорядке бросились в бегство. Пользуясь победой, римляне били их, брали в плен, сталкивали в реку Стримон, обогащались добычей, снимали с убитых доспехи. Это было седьмого числа ноября месяца, и день склонялся уже к вечеру, когда про-

исходило преследование. Между прочими были взяты в плен также два неприятельских полководца: Ричард, брат жены Танкреда, командовавший сицилийским флотом, и Алдуин Конт, человек не высокого и не знаменитого рода, но пользовавшийся высоким уважением короля за свое военное искусство и в то время почтенный саном главного предводителя всего войска. Превозносясь своими прежними победами над римлянами, Алдуин сравнивал себя с Александром Македонским, и хотя не показывал подобно ему волос на своей груди, представлявших будто бы подобие орлиного клева и крыльев, тем не мене хвалился, что в самое короткое время и без кровопролития совершил больше великих дел, чем он. Те же из неприятелей мосинопольского и амфипольского отрядов, кому удалось спастись от бедственной участи поражения, а равно и те, которые составляли отряд, опустошавший окрестности Серр, бросились немедленно в Фессалонику и там, сев на долгие корабли, со всей поспешностью, свойственной бегству, уплыли, но неблагополучно. Поднявшиеся на погибель их порывистые ветры произвели то, что они, избежав участи, ожидавшей их на земле, спустя немного по Божию мановению были постигнуты ею на море. Многие не попали на триры. В отчаянии бродя еще по Фессалонике, они были захвачены здесь и истреблены разным образом, преимущественно наемными аланами. Отплачивая тем же, что потерпели сами при взятии Фессалоники, аланы не давали пощады ни одному неприятелю и наполнили убийствами улицы и преддверия божественных святилищ. «Где брат мой?» — спрашивали они захваченных сицилийцев, то есть земляк-аланин, которого те убили при взятии Фессалоники, и вместе с вопросом вонзали в них меч. «Где батюшка?» — то есть где те священники, которых избили сицилийцы, врываясь внутрь святилищ, говорили они врагам,

искавшим убежища в храмах, и вместе с этими словами наносили им смерть. Но вот необыкновенный случай: рассказывают, что, при взятии города сицилийцами, собаки не растаскивали и не терзали трупов, даже не касались ни одного мертвого тела убитых римлян; теперь же они с таким бешенством бросились на трупы павших латинян и до такой степени были ненасытно плотоядны, что разрывали могилы, выкапывали тела, преданные погребению, и делали их своей добычей. Вместе с теми двумя полководцами, о которых мы говорили, взят был в плен также виновник всех этих бедствий — Алексей Комнин, пустой и вредный человек; он был достоин хароновых жилищ, но его лишили только зрения. Наконец несколько человек латинян спаслись бегством в Эпидамн и там, как жалкий остаток многотысячного войска, радостно присоединились к своим одноплеменникам, составлявшим гарнизон города. Король сицилийский, укрепив этот город всеми оборонительными орудиями, не сдал его римлянам непосредственно по истреблении своих войск, но удерживал с безумным упорством, неразумно гоняясь за пустой славой после явного поражения и стыда: впрочем, немного спустя он добровольно отступился от него, испугавшись страшных издержек.

Таким образом сухопутная война получила такой счастливый исход, какого никому из нас и в голову никогда не приходило. Господь, промышляющий обо всем, как Владыка всего, всегда милующий и со всей попечительностью управляющий делами человеческими, как всемощный распорядитель их, взвесив дела наши, отняв у нас всякую добрую надежду и наказав нас вмале, поразил врагов наших в тысячу раз более. Он не изменял стихий, не изводил из земли множества скнипов, не повелевал рекам изрыгнуть водяных жаб, не посылал впереди нашего воинства песиих мух — вообще

не совершил ни одной из древних чудесных казней; но соделал то, что избиваемые избили своих убийц, мгновенно превратившись в победоносных воителей, и показал на врагах наших, что злоба сама по себе робка, так как ее обличает собственное свидетельство и она везде видит опасности, будучи тревожима собственной совестью. В самом деле, в каком преступлении могли обвинять римлян сицилийцы, которых совершенно удаляют от нас темные горы и шумное море? Но если можно безнаказанно касаться глубочайших судеб Божиих — Господь наказал нас, потому что познал грехи наши; а так как те, кому по божественному мановению дано было наказать нас, были до бесстыдства жестоки и немилосердны, то и сами они не избежали праведного гнева Того, Кто хочет милости, Кто слезный хлеб посылает только небольшими частями и поит слезами в меру. Нападая, как львы из леса, терзая, как волки, и бросаясь, как леопарды, они из пленителей сделались пленниками и из обладателей — обладаемыми. Господь напоил их водой, растворенной заблуждением, и показал, что на них также были пятна, сделавшиеся багровыми от кровавой жестокости их и для своего уничтожения требовавшие селитряной щелочи. Итак, переступив свои пределы, они вошли в наши, чтобы нас наказать немного и себя подвергнуть наказанию большему.

Между тем как мщение Божие постигло таким образом сухопутное войско сицилийцев, **3.** долгие корабли их, числом более двухсот, отступили также не без урона. Они лишились значительного числа людей, пристав в Астакинском заливе и быв встречены римскими войсками, которые, быстро двигаясь около утесистых берегов, нигде не допускали их высадиться и везде делали материк неприступным; так что едва сицилийцы ступали на землю или начинали бросать лестницы для выхода из кораблей, как немедленно со всех сторон

сыпались на них дождевыми каплями стрелы, и они прятались под корабельные палубы, как черепахи в свою скорлупу. Несмотря на большой численный перевес их флота, наш флот, простиравшийся едва до ста кораблей, сильно желал сразиться с ним. Не говорю, что у моряков болело сердце; даже многие из жителей Константинополя, вооружившись чем попало и сев на суда, нетерпеливо порывались плыть на врагов, но это не дозволялось царем и его советниками в общественных делах, обращавшими внимание не на одну только ревность нашу, но в то же время не упускавшими из виду и превосходства неприятельских кораблей. Вследствие того наши трииры, крейсируя у Кионского берега, не пускались далее. Около семнадцати дней неприятельский флот проплавал таким образом между островов. Наконец, не видя ни на одном берегу появления своих единоплеменников и заключив, что подобное исчезновение не обещает ничего доброго, сицилийцы решились отправиться в обратный путь и действительно уплыли домой, выжегши перед отправлением остров Калоним и все прибрежные места в Геллеспонтском заливе. Говорят, впрочем, будто значительная часть их кораблей вместе с людьми потонула в море, встретившись с противными и бурными ветрами, а некоторые суда были совершенно опустошены голодом и болезнями.

В этих войнах неприятельские войска потеряли убитыми не менее десяти тысяч человек; сверх того, в обе войны более четырех тысяч неприятелей взято было в плен. Быв заключены в общественные темницы, между тем не получая содержания и необходимых потребностей жизни ни из царских кладовых, ни из другого какого-нибудь источника и пробавляясь только хлебом, доставлявшимся из любви к Богу посещавшими узников, пленники жестоко гибли; так что правитель Сицилии, возбудивший тогдашнюю вой-

ну против римлян, узнав об этом, письменно упрекал царя в бесчеловечии за то, что он оставляет гибнуть от голода и наготы целые сонмы невинных людей, правда поднявших оружие против римлян по закону войны, но в то же время христиан, сделавшихся пленниками по воле Божией. Победитель, говорил он, должен или немедленно осудить на смерть всех пленных, презирая закон человечности и от счастливого оборота дел превратившись в дикого зверя, или, если он, не решаясь на это, связал их и заключил в темницы, по крайней мере, давать им достаточный кусок хлеба, если уже скупится на настоящее содержание, а не мучить страданиями более тяжелыми, чем мгновенная смерть от меча, не терзать голодом и не морить холодом и стужей; иначе на него опять падет вина смертоубийства, хотя бы он не пронзал груди копьем и не наносил глубоких и смертельных ран стрелами, потому что все равно — убивать или убийственно доводить до смерти. Впрочем, царь, не обратив внимания на его послание, оставил несчастных сицилийцев гибнуть по-прежнему, так как именно этого он и желал им. Часто в один день умирало таким образом по два и по три человека, и без погребения, без последнего омытия тела их раскидывали по кладбищам и подземным пещерам.

Воссевши на златокованый трон в обложенной камнями хламиде и окружив себя многолюдной свитой, чтобы таким образом внушить страх не только чужеземцам, но и самим римлянам, царь приказал ввести к себе вождей сицилийского войска, то есть Алдуина и Ричарда. Когда они вошли и раболепно поклонились, сняв с головы свои мохнатые шапки, он спросил их, как осмелились они в своем послании к нему злословить его, помазанника Господня, не имея никакого справедливого повода к нареканиям, а только пользуясь с безрассудной гордостью временным счастьем и тщеславясь

победами над неприязненным государством? — Царь Исаак вскоре после своего вступления на престол начал переговоры с латинским войском, тогда еще существовавшим в целости. Он не выказал при этом со своей стороны никакого малодушия и не делал вождям неприятельского войска никаких предложений касательно заключения мира, не обольщая и не склоняя их ни подарками, ни другими знаками благоволения; напротив, удерживая тон достоинства и на взносимые неприятелями вины отвечая обвинениями их самих, с самоуверенностью обратился к людям, бывшим тогда победителями, положившими к своим ногам всю Римскую империю,— несмотря на собственные затруднительные обстоятельства, превозносил свой меч, утверждая, что он острее их меча, и грозил им гибелью и истреблением, если они не переменят своих намерений и не возвратятся туда, откуда пришли. Но высокомерный вообще, тогда же особенно надутый, подобно кожаному меху, благоприятными обстоятельствами, Алдуин отвечал царю на его послание насмешливыми речами. Он смеялся над его мечом. Он говорил, что его меч отточен на изнеженных телах (намекая этими словами на смерть Агиохристофорита), и издевался над самим Исааком, как над человеком неопытным и беспомощным, который никогда не бывал в поле, не спал под открытым небом, не надевал тяжелого шлема, не носил забрызганного панциря, а занимался суетным ученьем, ходил с детских лет в школу к учителю и, вместо щита держа в руках дощечку и грифель, беспрестанно посматривал на розгу, гулявшую по его рукам и спине, ее только хлопанья знал и ее одной боялся, но не испытал ни разу грозы Ареевой и никогда не слыхивал свиста дротиков. Не довольствуясь этими ругательствами, Алдуин в своем ответе прибавил к ним увещание царю и, будучи врагом, представился мнимым благожелателем. Он убеждал Исаака сло-

жить царский венец и все другие знаки власти, отречься от них, спрятать их, беречь и предоставить впоследствии счастливому победителю, говоря так о своем государе, короле сицилийском, упасть к ногам его и умолять о даровании себе только жизни.— И вот за это обидное послание царь подверг теперь сицилийских военачальников суду, почитая его преступлением, достойным смерти, и не помня слов Давида: *устны наша при нас суть: кто нам Господь есть* (Псал. 11, ст. 5)? Оказалось, впрочем, что Алдуин был не только отличный мастер на ругательства, когда возвышало его счастье, но вместе с тем, при неблагоприятной перемене обстоятельств, в высшей степени постигал искусство льстить — средство, перед которым не устоит никакое оружие и никакая сила. Он рассеял гнев царя и разлил удовольствие в его сердце, начав с увлечением распространяться об остроте и истинно царственной несокрушимости его меча,— сознавался, что послание к ним царя не только не было праздным пустословием, но содержало в себе глаголы истины, начертанные, без сомнения, рукой самого Бога, и в заключение выражал надежду, что не сочтут достойным осуждения, если его ответ на это послание был до крайней степени оскорбителен, потому что сама природа признает взаимную ненависть врагов естественной. 4. Царь промолчал на это и не сказал ничего более, не знаю, лесть ли разнежила его или защищение показалось справедливым. Сицилийцы были выведены и отправлены обратно под стражу. Потом, занявшись другими предметами, царь положил объявить всем присутствующим, а также довести до сведения всем жителям Константинополя и других мест, что с сего дня никто и ни в каком случае не будет подвергнут им телесной казни (смерти или увечью), хотя бы кто оказался враждебнейшим из людей и обличен был в злых умыслах на его жизнь и царствование. Окружавшие

царский трон отвечали на эти слова шумными рукоплесканиями и провозгласили, что слышат их, как бы голос самого Бога. И всякий, до кого доходила весть об этом определении, называл царя истинным даром Божиим, поражаясь величием его кротости и имея в виду трудность в исполнении данного обещания. В самом деле, никому, а тем более царю, невозможно терпеть неисправимых и неотвратимых недостатков порочной природы или миловать изменника, посягающего на власть, хотя бы он в высшей степени обладал добродетелью и не воздавал злом за зло подобно Давиду, воспевая вместе с ним во времена бедственные: *обыдоша мя яко пчелы сот... и именем Господним противляхся им* (Псал. 117, ст. 12). Впрочем, в скором времени царь и сам действительно принял образ действий, явно противоположный данному слову, и как в словах у него не было надлежащего разграничения, так и в делах не оказалось никаких границ; коротко сказать, скоро он едва не сравнялся в жестокости с Андроником, забывши Соломоново изречение: *благо еже не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати* (Екклез. 5, 4).

Между тем престарелый султан иконийский Клич-Асфлан, переступивший уже за семьдесят лет, узнав о смерти Андроника и о провозглашении Исаака, превосходно рассчитал, чему естественно быть при переменах и падениях царей, в особенности когда война с могущественным врагом отвлекает силы государства на запад. И вот его летучее и прекрасно вооруженное войско под начальством Сами-Амира вторгается во фракисийскую область. Не встретив в окрестности Келвиана ни одного вооруженного противника (потому что все способные носить оружие ручьями стекались тогда к нововенчанному царю Исааку), Сами-Амир взял в плен множество народа, угнал целые стада разного рода животных и обогатил свое войско всякой добычей.

Наконец, однако, и восточные народы были умирены — частью единовременными дарами, частью поднесением ежегодной дани (таким уже только образом в наши времена владыки римлян умеют отражать иноплеменников, проводя жизнь в затворничестве, подобно девицам, которые в своих теремах занимаются пряжей). Тогда царь пожелал сосватать себе жену из чужеземного рода; потому что та, на которой он прежде был женат, скончалась. Итак, условившись через послов с венгерским королем Белой, он взял за себя дочь его, еще не вполне достигшую десятилетнего возраста. Но скупясь по мелочной расчетливости отпраздновать брачное торжество на государственные деньги, он начал собирать их с областей не в счет других налогов и этой мелочной скупостью, павшей также на города, сопредельные с Анхиалом, чрезвычайно вооружил против себя и против римлян варваров Эмской* горы, которых прежде называли мизийцами, а теперь зовут валахами**. Крепко надеясь на свои горные теснины и полагаясь на свои многочисленные укрепления, лежащие на высоких и крутых скалах, они вообще были строптивы в отношениях с римлянами, но в настоящем случае произвели открытое восстание с намерением отомстить, так сказать, за смерть своего Патрокла***, то есть за угон своих стад и некоторые другие притеснения. Виновниками этого зла и возмутителями всего народа были два родных брата: Петр и Асан[4]. Не желая начать возмущение без всякого повода, они явились к царю во время его пребывания в Кипселлах с просьбой принять их в состав римского войска и царской грамотой пожаловать им одно почти неприступное место в Эме. Но просьба их не была удовлетворена; так уже угодно было Богу. Тогда они стали высказывать жалобы на то, что их будто бы презирают и, напрасно настаивая на своей просьбе, промолвили в сторону горячие и резкие слова, намекавшие на отделение от римского государства и на то, что они в состоянии будут сделать, возвратившись домой. Особенно был дерзок и груб Асан; так что севастократор Иоанн приказал отколотить его по щекам за бесстыдство. Неудовлетворенные, таким образом, и до крайней степени разобиженные, они воротились назад; но какое слово в состоянии будет передать, что сделали потом римлянам эти нечестивые, эти богомерзкие люди, и какой рассказ обнимет столько Илиад бедствий! Впрочем, об этом после; а теперь буду продолжать речь по порядку.

* То есть балканских гор.

** Говорится о болгарах.

*** Ироническое сравнение болгар с Ахиллесом, который принял деятельное участие в Троянской войне, желая отомстить за смерть друга своего Патрокла. *Примеч. ред.*

5. Так как Исаак Комнин все еще продолжал владеть Кипром и не соглашался ни отказаться от него за предлагаемую сумму денег, ни покориться царской власти, ни умерить, наконец, той свирепости, с которой тиранствовал над кипрянами, постоянно придумывая новые и новые несправедливости; то царь решился снарядить против него флот. Навархами флота, составившегося, таким образом, из семидесяти долгих кораблей, назначены были Иоанн Контостефан и Алексей Комнин; первый был уже стар, а второй, хотя и надлежащих лет, и мужественный человек, и двоюродный племянник царю, но слеп, быв лишен зрения Андроником, и потому также считался всеми неспособным к этому начальствованию — его назначение казалось даже самым дурным предзнаменованием для успехов предприятия. Так и случилось. Флот благополучно достиг Кипра; на всем пути ветер был весьма благоприятен и легко подувал в паруса, но потом, после вступления в кипрские гавани, он сделался свирепее

всякой бури. Владетель Кипра Исаак разбил и взял в плен наше войско, а пират Мегарит, могущественнейший из всех тогдашних морских разбойников, помогая Исааку, в то же время неожиданно напал на корабли, которые были оставлены войском, высадившимся для сухопутной войны. Начальники нашего флота не только не оказали никакого мужества, но и сами без сопротивления попали в руки противников. Исаак отдал их Мегариту в его полное распоряжение; спустя немного они ступили на берега Сицилии и сделались пленниками ее тирана, которому, как своему повелителю, Мегарит поднес свою добычу. Между тем Исаак одну часть побежденных римлян причислил к своим отрядам, а другую с неумолимой жестокостью подверг ужасным казням, не пощадивши в том числе и Василия Рентакина, которому приказал отрубить топором по колена обе ноги. Василий отличался основательным знанием военного дела и, как некогда Финикс[5] Ахиллеса, учил этого Исаака словесности и военному искусству. Но не было человека в мире раздражительнее Исаака; постоянно гнев кипел в нем, как в котле; в ярости он говорил бессвязно, словно сумасшедший, подбородок его трясся и все лицо омрачалось страстью. Можно вообразить, каков он был, объявляя ужасную награду за воспитание своему наставнику и подвергая его такой мучительной казни! Матросам он позволил идти куда кто хотел, и мало-помалу они воротились домой, как будто после страшного кораблекрушения,— по крайней мере, те, кто не погиб ни от одного из трех зол: от моря, голода или от болезней.

Когда наконец мизийцы явно уже решились отделиться от империи под руководством тех людей, которые, как я сказал, были виновниками этого зла, царь выступил против них в поход. Но нельзя не рассказать при этом еще одного обстоятельства. Валахи сначала медлили и не решались на

восстание, к которому подстрекали их Петр и Асан, опасаясь неверности такого важного предприятия. Желая излечить своих земляков от явной трусости, родные братья построили молитвенный дом во имя всехвального мученика Димитрия и, собрав в нем множество всякого рода бесноватых с налитыми кровью и изворачивающимися глазами, с распущенными волосами и вообще со всеми признаками людей, одержимых демонами*, внушили им говорить в исступлении, будто Бог благоволил даровать болгарам и валахам свободу, определив свержение с них долговременного ига, и будто бы с этой целью мученик Христов Димитрий оставил Фессалонику, покинул тамошний храм, не захотел более жить с римлянами и пришел к ним, чтобы быть им помощником и сотрудником в их деле. Дав себе после того небольшой отдых и вдруг еще более собравшись с духом, эти сумасшедшие, как бы в новом припадке падучей болезни, начали потом опять возбуждать народ, провозглашая вдохновенным и пронзительным голосом, что не время теперь сидеть, что наступила решительная минута взять в руки оружие и дружно идти на римлян,— когда же во время войны будут попадаться пленники, то ни под каким условием не должно оставлять никого в живых, но губить и разить беспощадно, не освобождать за выкуп, не склоняться на мольбы, не внимать коленопреклоненным прошениям, не смягчаться ничем, подобно несокрушимо твердому алмазу, но убивать решительно всех пленных без исключения. Быв одушевлен такого рода прорицаниями, весь народ вооружился поголовно, и так как с самого начала дела мятежников пошли успешно, то

* Беспристрастный и справедливый во всех других случаях, Никита Хониат, как истинный византиец, не может справедливо и без ненависти говорить о болгарах. В настоящем случае его рассказ также страдает духом нетерпимости к презренному в глазах греков народу. *Примеч. ред.*

они еще более уверились, что Бог посылает им свободу. Не довольствуясь собственным возмущением и отторжением, они рассыпались даже по отдаленным от Эма пригородам и селениям. Один из братьев, Петр, возложил на голову золотой венец и надел красные сандалии. После того мятежники подступили к Преславе (это чрезвычайно старинный город, весь из обожженного кирпича и в самой значительной части своей окружности защищаемый горой Эмом); но так как увидели, что осада этого города будет небезопасна, то обошли его мимо, спустились с Эма и, неожиданно ринувшись на другие римские пригороды, захватили множество природных римлян, рабочего скота, быков и немалое количество разного рода других домашних животных. Тогда выступил против них Исаак. Заняв немедленно непроходимые и неприступные места в горах, варвары долго сопротивлялись. Наконец Господь, *полагающий тьму за кров свой*, неожиданно послал мрак, покрывший горы, которые охранялись варварами, засевшими в тесных ущельях, так что римляне успели незаметно подойти к ним и таким образом рассеяли их, поразив ужасом. Виновники зла и предводители мятежного войска, то есть Петр и Асан, со всей своей изменнической дружиной, подобно упоминаемому в Евангелии стаду свиней, устремившемуся в море, бросились в Истр* и, переправившись через него, соединились с соседними скифами**. К сожалению, царь, при совершенном отсутствии всякого сопротивления имевши возможность обойти всю Мизию*** и поставить гарнизоны в тамошних городах, из которых многие лежат по протяжению Эма и большая часть которых, или даже все почти, построены на крутых скалах и заоблачной высоте, не

* Река Дунай.

** Команами.

*** *Вариант*: *τὴν ἅλην ζαγορὰν* — все загорье.

сделал ничего подобного, но, предавши огню хлебные скирды и польстившись на притворное раскаяние явившихся к нему валахов, немедленно поворотил в обратный путь, оставив тамошние дела еще далеко не разрешенными; так что он только возбудил в варварах еще большее презрение к римлянам и еще более их одушевил.

6. Но, возвратившись в столицу, он до такой степени хвастался своими подвигами, что один сановник, принадлежавший к судейскому сословию (именно Лев Монастириот), сказал: «Болит теперь душа Василия Болгароктона*, потому что царь не пошел по его следам и сделал более, чем он предполагал в своем завещании, которое оставлено им при Сосфеновом монастыре на случай, если валахи поднимут опять когда-нибудь мятеж». Таким образом Лев почти прямо насмехался и издевался над царем, относя остроту, конечно, к лживости предреченного в завещании и как бы желая выразить то, что царь быстро усмирил мятежников, мгновенно приведши их в прежнее повиновение и рабство, а не возился с ними так долго, как Василий Болгароктон, и что напрасно тот в своем завещании, как бы из вещих уст и с треножника дельфийского оракула, изрыгает пустые и пропитанные

* Болгароктона, т. е. губителя болгар,— прозвание императора Василия 2-го Македонянина, который, быв коронован в 960 году пятилетним дитятей, вступил в действительное управление государством через пятнадцать лет, по смерти Иоанна Цимисхия, и царствовал затем целую половину столетия, скончавшись в декабре месяце 1025 года. Болгары вели с ним долгую и ожесточенную войну за свою независимость, потому что они восставали против ига греков всегда, когда могли. Но царь Василий более чем на полтора столетия подавил в них всякую мысль о свободе, опустошив всю несчастную страну их с беспощадной жестокостью и обагрив ее страшным кровопролитием. Ненависть к болгарам была до такой степени распространена в греческом народе, что прозвание Болгароктона считалось почетным. *Примеч. ред.*

ложью предостережения*. Между тем Асан, с толпой своих варваров переправившись через Истр и соединившись со скифами, набрал там по мере надобности многочисленное союзное войско и потом опять возвратился в свое отечество Мизию**. Найдя ее совершенно очищенной и оставленной римским войском, варвары ворвались в нее с большим шумом, как будто привели с собой из Скифии целые легионы демонов. Теперь они уже не довольствовались тем, чтобы охранить свою собственную независимость и удержать господство над одной Мизией, но решились сделать как можно более вреда римлянам и соединить Мизию и Болгарию в одно владение, как это было давно когда-то. Впрочем, может быть, дело кончилось бы и благополучно, если бы царь опять сам выступил против мятежников. К сожалению, он отложил свое личное участие в войне против них до другого времени и вверил начальство над войском своему дяде по отцу севастократору Иоанну. Я не то хочу сказать, чтобы севастократор мало понимал военное искусство; напротив, он управлял войском даже с большей славой и дал сильный отпор врагам, сосредоточившим свои силы и спустившимся на доступную для конницы равнину, тем не менее, спус-

* Вариант на место: *«Но, возвратившись в столицу... пропитанные ложью предостережения»*. Возвратившись в царственный город, царь столько хвалился совершенными им делами, что один из судей (именно Лев Монастириот) сказал: «Скорбит теперь душа царя Василия Болгароктона. Когда этот государь окончательно сокрушил (болгаров и) валахов, он завещал, что если они когда-нибудь опять задумают об отторжении, то их нельзя будет иначе усмирить, как действуя подобно ему и пройдя с оружием в руках всю их область. Свое завещание он положил в Сосфеновом монастыре. Но завещание это оказалось ложным, так как ты, государь, то, что царь Василий завещал исполнить в течение продолжительного времени, совершил так скоро, как тому никогда и на ум не приходило». Говоря это, он, очевидно, смеялся и шутил над походом Исаака.

** *Вариант*: в отечество свое — загорье.

тя немного времени его надобно было лишить начальства по подозрению в умыслах на царскую власть. Его место занял кесарь Иоанн Кантакузин, зять царя по сестре. Это был человек весьма счастливой наружности и необыкновенно опытный в тактике, но тогдашнюю войну против валахов он вел несчастно. Поэтому на место его был назначен Алексей Врана. А Врана давно уже задумал о царской власти, именно тогда еще, когда вел войну с латинянами; так что однажды в то время, прибежав ночью в святилище храма, даже покушался возбудить народ к восстанию. Не успев тогда в своих замыслах, он заключил с царем мир, но не перестал питать прежнего намерения, подавляя до поры и сдерживая, как послушного коня, свое затаенное честолюбие. В настоящее время начальство над войсками пришлось для его замыслов так кстати, как оселок для острия, и, приняв его, он решился довести давно задуманное дело до конца*. По совету сво-

* Вариант на место: *«Это был человек весьма счастливой наружности... задуманное дело до конца»*. Это был человек высокого роста, мужественный, говоривший громко и понимавший военное дело; но он никогда не имел удачи на войне по своей хвастливой отваге и смелости, к тому же не имел зрения, быв со многими другими лишен глаз Андроником. Слыша, что варвары держатся в горах и не спускаются в открытое поле, кесарь не взял во внимание того, что они могут держаться в своих горах вследствие доставляемой ими спокойной и безопасной позиции. Напротив, он приписал это их трусости и расположил свой лагерь среди открытого поля, не поставив надлежащей стражи, или пикетов (*ἡ βίγλας* — итальянское слово, по латыни vigilias), и не оградившись валом. Таким образом, варвары, напав на него ночью, разбили наголову его войско, так что он едва сам спасся. Римляне частью захвачены были сонными в своих шатрах и истреблены врагами, частью, бросившись бежать без оружия, были взяты в плен. Кому же удалось спастись бегством и достигнуть палатки кесаря, тех встретил он жесточе, чем самые враги, с гневными ругательствами и бранью, как изменников. Желая прикрыть свое поражение, кесарь поспешно вооружился, вскочил на своего арабского коня, схватил в руки копье и с криком бросился в середину врагов, говоря: «Следуйте за мной», но ничего не видя и не зная, куда идет и что делается в лаге-

их многочисленных и могущественных соумышленников, адрианопольских граждан, преданных ему по родству с ним, он надел красные сандалии, перешел с места военных действий в отечественный свой город Адрианополь и в заключение, быв уже провозглашен императором от всего войска, двинулся на столицу и расположился лагерем около так называемого внешнего Филопатиона. Вечером, в сопровождении прекрасно вооруженного отряда, Врана подъехал к стенам города, сидя на вороном коне с белым, наподобие луны, пятном на лбу, и обратился к царским войскам, занимавшим городские стены, и гражданам, любопытно наблюдавшим с высоты стен все происходившее, с речью в одно и то же время грозной и увещательной. Он обещал благодеяния всякому, кто перейдет на его сторону, и говорил, что если жители сами отворят ворота и примут его, то найдут в нем спасителя и благодетеля,— если же будут сопротивляться и противостоять ему, когда он хочет войти дверями и не жела-

ре. Победив таким образом и обратив в бегство римлян, варвары захватили все их палатки, златотканые кесарские одежды, отличавшиеся темно-лазурным цветом, и римские знамена. Петр и Асан облеклись в эти трофеи и прошли в них перед своим войском. После этого варвары не укрывались в горах, но раскинули шатры и расположились лагерем уже в открытом поле. Между тем кесарь Кантакузин был отрешен от порученной ему должности, и на его место вождем всего римского войска назначен Алексей Врана — человек малого роста, но великого ума, обладавший разносторонними сведениями, и самый даровитый полководец, какого только можно было тогда найти. Приняв начальство над войском, он повел дело без отваги, но твердо и прочно, подвигаясь вперед по правилам тактики, не упуская случая наносить вред врагам, но вместе заботясь о том, чтобы все свое войско соблюсти в целости. Пройдя таким образом много почти непроходимых местностей, он двинулся поспешно к одному месту, называемому Черный Холм, стал там лагерем, огородился валом и, по-видимому, приготовился сделать что-то порядочное. Но, всегда мучимый жаждой власти, Врана давно уже мечтал о восшествии на высоту царского трона и теперь вдруг обнаружил весь свой замысел. Еще прежде, когда царь во время сицилийской войны сделал его главнокоман-

ет проникнуть никаким другим путем, то, прошедши во всяком случае, как вор, и овладев царской властью, как разбойник, он неизбежно поступит с ними точно так же, как поступают со стадом овец дикие звери, рассеяв пастухов и ворвавшись во двор овчий не дверьми, но другими путями. После этих и других не менее хвастливых слов он построил свой отряд в боевой порядок и возвратился в собственный лагерь. На следующий день, едва солнце озарило восток, Врана подступил уже к стенам города и построил войско против земляных ворот, называемых Харсиевыми. Он разделил свое войско на два крыла, правое и левое, и, командуя сам центром фаланги, двинулся против выступивших из города отрядов, потому что царь не только разместил свою дружину внутри городских ворот, но часть ее поставил на стенах, а несколько особенных отрядов выслал еще за черту города, повелев им выступить как можно далее за ров и наступать на неприятеля по мере сил,— в случае же, если не-

дующим, он, получив под начальство союзные войска аллеманов, думал, что имеет уже достаточно средств для достижения своей цели (так как на одни римские войска он не надеялся столько, чтобы обнаружить свое намерение), и решился идти той же дорогой, которой шел и достиг царской власти царь Исаак. Выбежав тогда ночью и войдя в великий храм св. Софии, он стал посреди святилища и обратился с просьбой к собравшемуся отовсюду народу защитить его от незаслуженного и неожиданного царского гнева, говоря, что «он ничем не оскорбил царя и никогда не выступал из пределов повиновения его распоряжениям и его воле». Затем он начал хвастаться своими воинскими подвигами: «Неужели не знаете, господа, до какой степени я благородно жертвовал собой в военное время, как не раз и не два раза побеждал врагов своим стратегическим искусством», и в заключение всего возбуждал народ к восстанию. Но увидев, что дело пошло тогда не так, как ему хотелось, он взял с царя клятву в помиловании и укротил мятеж, тем не менее по-прежнему таил и питал в себе умысел восстания. Когда же теперь опять наступило для него удобное время и он получил власть главнокомандующего всем войском, то, имея на своей стороне все войско, он обнаружил свой тайный замысел явно.

приятель будет теснить и брать перевес, отступить опять под защиту стен так, чтобы с укреплений можно было подать им помощь. До самого полудня продолжалась таким образом с обеих сторон жаркая перестрелка, и войска Враны изредка брали небольшой верх над царскими, как опытные в военном деле. В особенности успешно действовал отряд, составленный из остатков латинской пехоты, так как царь, освободив от оков и заключения тех, кто оказался еще в живых из взятого в плен сицилийского войска, и, возвратив им оружие, отправил их под начальство Враны в поход к Эму, и они-то составляли самую лучшую пехотную фалангу в его войске, обороняясь своими огромными длинными щитами, палашами и копьями. Когда же еще конница Враны подоспела к его латинской пехоте, то они с такой силой обратили в бегство городское войско, что оно в беспорядке должно было отступить за ров и укрылось под стенами. Со стен подали ему помощь, и тем окончились происшествия этого дня. Дав своим силам на пять дней отдых, тиран потом опять принялся за то же дело, желая овладеть стенами города и, с одной стороны, устрашая жителей своими военными распоряжениями, с другой — покушаясь произвести между ними внутренний раздор и измену. Между прочим, он отрядил одну часть из своего войска и послал ее на северную, отделенную проливом сторону города, называемую Воспором, с которой ясно видны все протяжение моря до самого влахернского дворца и все лежащие к северу части города. Исполняя повеление, отряд занял находящиеся там в разных местах высокие холмы и распустил знамена. Солнце освещало всю эту картину; гладкие, заново вычищенные латы солдат, быв обливаемы потоками света, вследствие преломления и отражения лучей, блестели как жар и сверкали молниями, так что со всех сторон столицы народ толпами собирался на

противолежащие возвышенности города, чтобы посмотреть, что делается, и полюбоваться этим необыкновенно дивным зрелищем. После того мятежники привлекли к себе и Пропонтиду. Жители Пропонтиды не все хорошие солдаты, но вообще превосходные мастера править веслами. Они обшили свои лодки, построенные для рыбной ловли, толстыми досками и, как бы обратив их через то в своего рода военные корабли, вооружились кто пращами, кто луком и колчаном. Превратившись таким образом из скромных рыбаков в храбрых воителей, пропонтидцы решились напасть и поплыли на царские трииры, которые, облегая город, наблюдали за ночными наступательными движениями со стороны войска Враны и бдительно берегли переправу из опасения, чтобы тиран, потеряв надежду войти в город земляными воротами, не пробрался вдруг украдкой через прибрежные. Моряки, управлявшие военными долгими кораблями, догадавшись, что рыболовы, качаясь со стороны в сторону и едва плывя на своих челноках, идут на них с целью нападения, сначала подумали, что они просто с ума сошли. Однако нужно стало защищаться или нападать. Царские трииры также выступили поэтому вперед, с трубами и литаврами; напротив того, на лодках рыбаков хранилось глубокое молчание, и гребцы, дружно ударяя в море веслами, дышали только бешенством. Наконец противники сошлись, и пропонтидцы одержали верх над огромными царскими судами, припёрши их к самым берегам города. В самом деле, трииры, будучи слишком длинны и неповоротливы, не могли тотчас вредить противникам; между тем лодки, подплывая группами и совместно в большом числе окружая каждую трииру, в одно и то же время нападали с кормы, с носу, с обоих бортов и таким образом в узком проливе могли легко одержать над ними победу и поставить себе великолепный трофей. Впрочем, моряки,

недолго несши стыд поражения, наконец отбили рыбачьи лодки и скоро, может быть, совершенно уничтожили бы их водяным огнем, если бы не подоспел к ним на помощь близко стоявший отряд Враны, спустившийся с холмов и занявший самые края берега для вспомоществования своей флотилии.

7. Изменник, видя, что ему нельзя прокрасться тайно, что его замыслы не удаются и ни осада с сухого пути, ни коварные происки в городе не приводят к цели, решился действовать другим путем: или голодом принудить к сдаче царственный город, приставив к нему величайшую и сильнейшую осадную машину — недостаток съестных припасов (ибо и восточные и западные области римских владений уже покорились ему) и не пропуская в Византию ни одного корабля с хлебом, или напасть на город с сильнейшим и многочисленнейшим флотом. Но он задумал в своем уме то, чему Бог не судил исполниться. Царь Исаак, уверившись, что все население города предано ему и не только не желает воцарения Враны, но осыпает его всякого рода проклятиями, поставил на городских стенах необоримое укрепление и нерушимую ограду — икону Богоматери, называемую по Одигийскому (τῶν Ὀδηγῶν) монастырю, которому она принадлежит, Одигитрией, и решился со своей стороны начать наступательные действия, частью, конечно, и сам чувствуя, что продолжительное заключение внутри города не принесет никакой прибыли, постыдно и с каждым днем может породить новые затруднения, но гораздо более уступая настоятельным требованиям кесаря Конрада. Кесарь был родом итальянец, сын владетельного лица страны Монферратской. Он отличался таким мужеством и таким умом, что не только пользовался в этом отношении общей известностью между римлянами и особенной любовью царя Мануила, но славился и между своими одноплеменниками, как человек, наделенный от природы быстрым соображением и живой деятельностью. Это тот самый герой, который, быв побужден большими дарами царя Мануила, так воинственно поднял руки на короля Аллемании, победил в сражении королевского канцелярия, маинцкого епископа, с большими силами вторгнувшегося в Италию, взял его в плен и, заключив в узы, объявил, что не иначе согласится освободить его, как если то будет повелено царем римлян. Когда потом царь Исаак отправил посольство к брату его Бонифацию с предложением соединиться браком с родной сестрой царя Феодорой, случилось, что Бонифаций взял уже другую невесту и праздновал с ней брачное торжество, между тем Конрад в это самое время лишился спутницы жизни. Послы сочли находкой такую перемену обстоятельств, и случайность на пути к цели была признана ими гораздо важнее самой цели. Пленив Конрада пышными обещаниями, они привезли его с собой, и в непродолжительном времени после того, как царь отпраздновал брак его с Феодорой, последовало возмущение Враны. Конрад постоянно старался подкреплять и поддерживать благими надеждами бодрость в душе царя Исаака, который совсем отчаялся, впавши от успехов Враны в малодушное расслабление, и не принимал никаких мер для успешного хода войны. Набрав себе толпу монахов, которые ходили босыми и спали на голой земле, и поселив в свои царские палаты подвижников, возвышающихся над землей на столпах, царь просил Бога молитвами их укротить наступившую междоусобную войну и не попустить того, чтобы царская власть, быв отнята от него, перешла к другому; а о том, что непосредственно касалось войны, не заботился нисколько, возлагая все надежды на всеоружие духовное. Один только кесарь не давал ему ни на минуту покоя,

как рак раковине, подстрекал, возбуждал, умолял его не полагаться единственно на этих бедняков, но позаботиться, в свою очередь, о войсках и употребить в дело против возмутителя вооруженные фаланги, чтобы можно было утишить вражеские нападения не только оружием десным, то есть предстательством тех святых мужей, а также и шуиим, состоящим в мече и латах,— и увещевал не щадить денег, даже расточать их на набор войск, так как, кроме родственников царя и обитателей Константинополя, все преклонились перед Враной, и вне столицы невозможно было набирать войско. Тревожимый подобными речами кесаря, как бы беспрерывно подталкивающей дубиной, царь наконец очнулся от мертвого сна, стряхнул с себя беспечность и решился набирать соратников. Жалуясь на недостаток денег, он взял из царских сокровищниц серебряные сосуды, заложил их в церкви, богатые золотом, и добытые оттуда деньги отдал на набор войска; но впоследствии, после победы, денег не возвратил, а заложенные вещи отобрал. В короткое время Конрад собрал из находившихся в городе латинян до двухсот пятидесяти всадников, отборных храбрецов, и до пятисот пеших. Сверх того, записалось в войско значительное число измаильтян и восточных иверийцев, прибывших в царственный город по делам торговли. Наконец набралось до тысячи человек из людей знатного рода, составлявших царский двор или, во всяком случае, пробавлявшихся около царского дворца. Вообще Конрад так много принимал на себя забот за государя, что все признавали его человеком, свыше посланным стать при царе в такое важное для него время. Однажды, явившись к царю, когда тот кушал, он со вздохом сказал: «О, если бы ты так заботился о текущей войне, как усердствуешь на пирах, лакомясь предложенными яствами и все свои мысли погружая в опоражниваемые блюда!» При

этих словах зардевшись и раскрасневшись краснее себя*, царь с принужденным смехом взял кесаря за тогу и, дернув, сказал: «Ну уж ты! Будет у нас времени и есть и воевать!» Были же тогда и знамения: днем видны были звезды; воздух казался взволнованным, и около солнца появились какие-то странные явления, называемые светлыми кругами, так что и само оно представляло собой не чистый и ясный, но бледно-желтый световой диск. Собрав, таким образом, войско, какое позволяли обстоятельства, царь решился не медлить и не ждать чего-нибудь еще, сидя под домашней кровлей, но в свою очередь также в вооружении явиться перед изменником. Итак, став в вооружении внутри городского укрепления, которое построил царь Мануил для защиты влахернского дворца, он сказал в ободрение своих приверженцев и стоявшего поблизости войска следующую поощрительную речь. «Лучше, без сомнения, и богоугоднее со стороны подданных защищать своего законного властителя, чем примыкать к возмутителю и виновнику междоусобной войны. Но если есть люди, которые колеблются в своем расположении, не знают, куда склониться, или даже готовы всем пожертвовать мятежнику, стремятся к нему всей душой и отрекаются сегодня от того, кому вчера служили, как рабы владыке, то я прошу их самой справедливой просьбой: пусть они останутся дома, не помогая никому, пока дела не будут решены войной, и пусть тогда уже присоединятся к победителю вместе со всеми другими или пусть переходят на сторону мятежника немедленно, до начала наступающего сражения, и пусть открыто за него воюют и подвергаются опасностям, чтобы тем более заслужить его благодарность, покрывшись трофеями. Тесниться ко мне и устами чтить меня, а сердцем принад-

* Намек на багряницу, которую носили цари.

лежать другому и ему отдавать все свои расположения, не знаю, понравится ли это кому-нибудь, но, конечно, будет противно Богу, который правосудно испытует самые сокровенные помыслы. Нужно ли, наконец, говорить о том, что еще хуже и постыднее? Но я не хочу приводить этого и на ум, именно того, что иные, может быть, готовы будут перейти на сторону тирана во время самого сражения и таким образом подадут порядочным людям дурной пример следовать за собой и перебегать на другую сторону, как это обыкновенно бывает с птицами, которые летают стаей: вспорхнула одна, с шумом поднялись и прочие; опустилась одна, и за ней села и вся стая!» Царь сказал эти последние слова из подозрения к дяде своему по отцу, севастократору Иоанну, который издавна был в дружеских отношениях с Враной и незадолго до возмущения Враны отпраздновал брак своего сына с его дочерью. Поэтому, хотя все, составлявшие настоящее собрание, немало были огорчены его речью, но в особенности севастократор. Чтобы отклонить от себя всякое подозрение, он начал призывать на весь свой дом самые тяжелые проклятия, если только он когда-нибудь думал присоединиться к Вране. Он говорил, что он не так невнимателен к своему долгу, что он не выжил от старости из ума и не вовсе еще обезумел, чтобы ему, дяде царя, возвышавшего его от почести к почести, по родственным отношениям сына променять царя на какого-то бродягу и пришлеца, о котором еще неизвестно, точно ли он расположен к нему и действительно ли сделает для него что-нибудь хорошее.

8. Когда пришло время битвы и было донесено, что мятежник выдвинул свои силы, ворота города отворились и войска выступили. Левым крылом командовал протостратор Мануил Камиц, который дал царю много денег на тогдашний набор ополченцев. Будучи заклятым врагом Враны и не обещая себе ничего доброго в том случае, если бы Врана взял верх, он открыл царю все свое имущество и предоставил ему черпать из него сколько угодно, рассчитывая, что лучше истратить все свое имение за царя, друга и родственника и впоследствии, если он победит, получить все обратно с благодарностью и еще в большем количестве, нежели соблюсти свое имущество человеку чужому, и притом отъявленному врагу и недоброжелателю, на посмеяние себе и на великое обогащение ему. Правое крыло взял под свое начальство сам царь Исаак; в нем соединялось все, что было в войске самого знатного и блестящего. Середину занял кесарь Конрад со своими наемными латинянами — всадниками и пехотинцами. В противном лагере центром войска, где собрались все родственники и друзья Враны, все знатнейшие родом и храбрейшие его приверженцы, управлял сам Врана; а полками, стоявшими на том и на другом крыле, вместе с другими опытными вождями командовал скиф Елпум. До полудня с той и другой стороны продолжалась перестрелка, происходили небольшие взаимные стычки между обоими войсками, и отряды пехоты, выступая вперед, старались завязать битву. Когда же солнце начало жечь в самую голову, поданы были знаки к сражению, и первым выступил Конрад, имея на оружии, равно как все бывшие с ним латиняне, красный крест. Он сражался без щита и вместо лат носил в несколько рядов сложенную плотную льняную ткань, пропитанную рассолом крепкого вина. Слепленная солью и вином, эта ткань была так упруга, что никакая стрела не могла ее пронизать; она складывалась рядов в восемнадцать или даже более. Подошедши на небольшое расстояние от войска противников, Конрад опять на несколько времени остановился. Но когда пехота подняла свои копья на битву, сомкнувшись твердой стеной (щиты к щитам, шлем к шлему), и

конница, пришпорив лошадей, понеслась с копьями наперевес, между тем за ними пошел и царский полк; центр войска Враны, не выдержав даже первого нападения Конрадовой пехоты и стремительного натиска конницы, поворотил тыл и бросился врассыпную, а за ним обратились в бегство и прочие полки, составлявшие правое и левое крыло. Громко и звучно крикнул Врана: «Стойте, римляне! Нас много; неужели мы не управимся с горстью! Я первый бросаюсь на неприятеля; за мною, вперед!» Говоря это, он действительно ринулся вперед; но не мог, однако, ни одного человека возвратить назад. Наконец он направил копье в сражавшегося без шлема Конрада, но наметил неудачно, так что оно, только скользнув по плечу кесаря, вылетело из его рук; между тем кесарь, взяв древко своего копья обеими руками, ударил им Врану прямо в щеку, оглушил его и стремглав сбросил с коня. Кесаревы оруженосцы окружили Врану со всех сторон и лишили его жизни. Говорят, что когда Врана был поражен Конрадом и, с трепетом предвидя смерть, умолял его пощадить ему жизнь, Конрад отвечал, что ему бояться нечего, так как с ним ничего неприятного не сделают, кроме того только, что ему отрубят голову. Обещанная милость немедленно и была ему оказана. Бегство мятежников сопровождалось страшным кровопролитием; так было, впрочем, только при начале поражения, не долее, потому что и римляне щадили единоплеменную кровь, и сами преследуемые, спасая свою жизнь, бежали изо всех сил. Лагерь был разграблен победителями и сделался жертвой расхищения не только для царских войск, но и для набежавших из города жителей. В эту битву, между прочим, был поражен копьем в пах и убит один добрый и дружелюбный человек, анхиальский епарх Константин Стифат, который последовал за Враной против воли. Ни тому, к кому присоединился, не помог он

нисколько, как и следовало ожидать, ни себя не спас от падения под ударом меча, хотя был знаменитейшим астрологом своего времени. Положившись на какой-нибудь, без сомнения, чрезвычайно тонкий знак, указанный ему его наукой, он спокойно сидел в своей палатке и нисколько не опасался неприятельского нападения. Говорили, будто бы на основании выводов своего искусства он пророчественно предсказал Вране, что в этот самый день Врана войдет в город с самым блистательным триумфом. Но я не знаю верно, действительно ли Стифат предсказывал это, потому что молва не всегда гласит справедливо о том, что с решительностью выдает за известное всем. А что, если мы в настоящем случае будем верить молве, предвещания Стифата оказались пустыми, это, говорят, доказало самое дело, разве кто, будучи крайним приверженцем звездочетной науки, будет утверждать, что Стифат не совсем ошибся и выводы этого искусства совсем не пусты, относя предсказание к голове Враны и к одной из его ног, которые в тот день, быв воткнуты на древки копий, с торжеством были носимы по площади вместе с головой одного торговца, прозывавшегося Поэтом, которую отняла не какая-либо неприятельская рука, а приказал отсечь после той блестящей победы и одоления врагов сам царь, не знаю, для какой прибыли и ради какого благополучия.

9. Так окончилась настоящая битва. Принимаясь поэтому за пир, царь велел отворить во дворце все внутренние и наружные двери, чтобы всякий желающий мог войти и взглянуть на него, виновника торжества! Когда пошла потом жаркая осада блюд и все деятельно повели войну с подававшимися кушаньями, он приказал в виде не совсем приличного, конечно, эпизода или в виде десертного украшения подать голову Враны. Действительно, ее принесли, с оскаленным ртом, с закрывшимися глазами; бросили ее на пол

и, как мяч, начали дротиками перекидывать из стороны в сторону в разных направлениях. В заключение ее поднесли супруге Враны, содержавшейся в царских покоях, и спросили несчастную женщину, узнает ли она, чья это голова. Бросив взгляд на это печальное, жалкое и неожиданное зрелище, «знаю,— отвечала она,— и плачу о своем горе». Супруга Враны была умная женщина, высоко ценившая приличную ее полу скромность, отчего дядя ее по матери царь Мануил называл ее украшением женщин и обаятельным букетом своего пола в царском роде. Между тем войска, поднявшие вместе с Враной мятеж, опустив все вожжи, неслись куда попало. Стоявшие во время сражения позади передних рядов, как скоро почувствовали неудачный оборот дела, первые, начав бегство, помчались со всей силой, подозревая, что за ними гонятся неприятели, и, разумеется, нисколько не желая быть настигнутыми; а бежавшие за ними, стараясь не отстать от передних в бегстве, как деле спасительном, и боясь преследования неприятелей, в свою очередь желали того, чтобы их лошади не касались ногами земли, но летели Пегасом, а сами они сделались невидимками, прикрывшись шлемом Аида*. Велик тогда был их страх, и он определял все их действия и желания. Тем не менее, большая часть из них непременно погибла бы несчастным образом на Дафнутийском мосту, если бы кто-то не убедил их умерить быстроту бега и идти через мостовую арку в порядке и с осторожностью, поклявшись с поднятыми к небу руками именем Божиим, что за ними не идет ни одного неприятеля, что неприятели давно уже воротились назад и оставили преследование. Таким образом, люди по своему положению незначитель-

* Аид — мифологическое олицетворение смерти, которая носит шапку-невидимку и является совершенно непредвиденно.

ные и незаметные безвинно и безответственно разошлись по своим домам, имея спасение для себя в самой своей незнатности и не опасаясь, чтобы их стали отыскивать для наказания. В то же время люди знатного рода и известные по своим правительственным или военачальническим должностям, соединившись в одну многочисленную группу, нарядили посольство к царю, прося прощение в том, что возмутились против него и последовали за мятежником. Они обещали, получив прощение, быть на будущее время добрыми и верными подданными и самим делом доказать царю раскаяние в том, что, как будто обезумев от вина, вооружались против него, своего государя и повелителя. Если же, говорили они, царь, питая в душе непременную месть, не оставит теперь же, раз и навсегда, своей немилости и станет впоследствии упрекать их в их прегрешениях, высыпая затаенную ненависть наружу в искрах гнева, то они убегут с глаз царя, станут искать последнего пристанища себе у народов, враждебных римлянам, и вынуждены будут употреблять против римлян все, чего потребует польза тех, к кому они обратятся, потому что, когда свой делается врагом, поневоле перейдешь к чужому и станешь угождать ему, как другу. Так говорили или приготовились говорить послы. Царь даровал всем полное прощение и, благосклонно приняв прибывших, советовал им только принести покаяние в нарушении данных ему клятв, пойти к великому первосвященнику и у него испросить разрешения той анафемы, которой подвергли их жители города, наблюдая с высоты городских башен их враждебные нападения. Люди, заботившиеся о благочестии, действительно обратились после этого к патриарху; другие, ограничившись наклонением головы в знак согласия на совет, сочли нелепостью идти в великий храм и исповедоваться; а иные наконец, едва успев выйти с глаз царя, на-

чали смеяться и острить над ним. Совершенно естественно, говорили они, что посвященный некогда Богу (так как и над этим нужно было посмеяться) теперь предлагает и им то, к чему привык с молодых лет. Многие убежали было к Асану и Петру; но и те спустя немного по царским грамотам возвратились.

10. Между тем произошло еще нисколько неожиданное событие. Царь странным образом дозволил столичным обывателям и иногородцам наказать переходивших на сторону Враны подгородных поселян и жителей Пропонтиды. И вот в ночь, сменившую тот день, в который был побежден Врана, по домам несчастных пропонтидцев разливается греческий огонь, который, будучи затаен в закрытых сосудах, вдруг вырывается из них молниями и поджигает все, на что ни падает. С жадностью врываясь за ограды, он истреблял каждое здание, было ли это святой храм, монастырь, общественное или частное строение. И так как беда постигла совершенно неожиданно, то огонь, разливаясь сильным пламенем в воздухе, не только истреблял жилища, но поедал и имущества людей, потому что никто не мог ничего вытащить и спасти, исключая какую-нибудь малость. С наступлением утра, как будто по команде, выступил из города собранный кесарем Конрадом латинский отряд в сопровождении множества городских бродяг и нищих, и все это, кто в настоящем вооружении, а кто с таким оружием, какое прежде попало в руки, бросилось грабить и разбойничать по окрестностям. Жилища были разрушены до основания; имение, какое было в них, растащено; святые обители ограблены, лишены даже церковных принадлежностей и священных сосудов, поступивших теперь на мирское употребление; пренебрежена седина почтенных иноков, не почтена добродетель, которую даже враг умеет уважать, и, словом сказать, не забыто ничего, что только можно было сделать ужасного. Многие за то, что жаловались на расхищение своих имуществ, платили смертью. Грабеж продлился бы и, продлившись, сделался бы еще ужаснее, если бы некоторые из приближенных к царю не внушили ему в добрый час прекратить эти гнусные и отвратительные беспорядки. Послано было несколько сановитых и знатных родом людей, чтобы остановить дальнейшие порывы толпы, и таким образом буйства действительно были прекращены, но уже поздно, когда все большей частью было истреблено. Не успели еще оплакать этих бедствий люди, наделенные сердцем сострадательным, и еще обливались горячими слезами те, кто сочувствовал чужому горю, как часть городских ремесленников, не одобрявшая сейчас рассказанного мною грабежа, считая обидным для себя, что латиняне заносятся и хвалятся тем, будто именно ими был побежден Врана, и желая отомстить за те ужасные бедствия, которые они причинили подгородным жителям, соединилась в фаланги и толпой хлынула на дома латинян, подобно разлившемуся от дождей ручью. Смешанный гул голосов наполнил воздух, как будто стаи галок, журавлей и скворцов с криком неслись по поднебесью или как будто вопили охотники и псари подущали своры собак. Мятежники подгоняли друг друга, таща один другого за платье. Никто не слушал убеждений к миру, и все, как аспиды, затыкающие уши, бежали, заграждая слух от всякой умной речи. Скопившейся толпой управляла не одна безумная ярость; ею руководила еще жажда чужих денег. Рыночные торгаши думали, что теперь наступила самая удобная минута прогнать латинян из их домов и можно будет без всякого труда расхитить их имущества, как это было во времена царя Андроника. Но они ошиблись в своих расчетах. Латиняне, завидевши, что толпа несется на них волной, немедленно загородили

рогатками все пути, которые вели к их жилищам, и, вооружившись, стали сплошной массой за своими укреплениями. Неоднократно чернь покушалась пробраться сквозь эти препятствия и всякий раз не только не достигала цели, но была отражаема латинянами с уроном. Ратуя без вооружения и без лат против вооруженных, многие даже в пьяном виде, римляне тогда только поняли, что делают, и узнали, что Епиметей* глупее Прометея**, когда валились наземь, быв поражаемы стрелами или повергаемы при натиске. Борьба продолжалась почти с полудня во весь тот день до позднего вечера. На другой день, едва солнце взошло на горизонт, мятежники опять собрались на бой еще с большей яростью, как будто на войну, и многие были уже надлежащим образом вооружены. Но посланные императором умные люди успели остановить их. Со своей стороны латиняне также содействовали восстановлению мира, употребив хитрость, которая очень могла подействовать на простаков. Они собрали всех римлян, убитых во время схватки, переодели их, обрили им бороды, внесли их в преддверия своих домов и начали притворно оплакивать, как своих одноплеменников, жалуясь прибывшим от императора посредникам на свои потери и умоляя их не допускать вторичного возобновления подобной битвы и не подвергать их в другой раз избиению, следы которого будто бы были перед глазами. Те передали подобного рода речи массе рабочего народа, приглашая каждого собственными очами посмотреть на убитых, и, представляя на вид, что совершившегося ни в каком отношении нельзя одобрить, кое-как успели таким образом, уже к вечеру, смягчить толпу и уговорить, чтобы каждый обратился к

* Обдумывающий дело после того, как его сделает.

** Обдумавшего наперед, как успешно исполнить свое предприятие.

своим обыкновенным занятиям. Говоря правду, народ оказался таким сговорчивым и послушным внушению знатных вельмож потому, что его теперь не вооружал и не поощрял к бою лучше всякого оружия его обычный вождь — вино (так как дело началось с утра). А если бы эти люди предварительно нагрузились вином и уже тогда ухватились за свои шилья и ножи, то какая певунья пташка или какие сирены-очаровательницы своими трелями могли бы возвратить их к миру и отклонить от предпринятого намерения? С давних времен многие острили насчет пристрастия византийцев к разливанному морю; между прочим, Меандр говорит тоже: «В Византию кто ни приедет, будет пьян; там по целым ночам пьянствуют». Так-то шли наши дела!

Царствование Исаака Ангела

Книга 2

1. Между тем царь, жалея, что в первый свой поход против мизийцев не распорядился их страной надлежащим образом и возвратился из нее с такой поспешностью, как будто его по пятам преследовал неприятель, даже не оставив в ее крепостях римских гарнизонов и не взявши от неприятеля благонадежных заложников, теперь опять решился идти в Мизию. Не теряя времени, он выступил из столицы с небольшим войском, какое при нем случилось, так как получил известие, что мизийцы уже не витают только по горам и холмам, но, усилившись наемным скифским войском, спустились на окрестности Агафополя и сильно опустошают их, производя страшные злодейства,— между тем по призыву его собиралось и остальное войско. Царь хотел противопоставить неожиданному и быстрому нападению варваров столько же быстрый отпор, надеясь, что и врагов удержит, и в своих возбудит живейшую готовность следовать за собой в этот второй поход против валахов, если сам первый немедленно поднимет против них оружие и сядет на бранного

коня. Достигши Таврокома (это небольшое населенное поместье, лежащее неподалеку от Адрианополя), он остановился частью в ожидании сбора войск, а частью для соединения с кесарем Конрадом, которому приказал также следовать за собой, нимало не медля. Но кесарь, будучи явно недоволен той мерой благосклонности, какой пользовался у царя, считая свое положение в Константинополе несоответственным ни степени своего родства с царем, ни своему происхождению и видя, что его блестящие надежды завершились одной лишь обувью, отличной по цвету от обыкновенной (разумею обувь, отличавшую кесарей), к тому же еще дома приняв крест, давно предположив отправиться в Палестину, которой в настоящее время владели египетские сарацины, и уже как бы мимоходом вступивши в супружество с сестрой царя,— кесарь, говорю, сначала и хотел было идти вместе с царем и принять участие в предстоящей войне, но, так как Богу угодно было, чтобы римляне еще пострадали от мизийцев, переменил свое намерение, сел на крепкий, вновь оснащенный корабль и уехал в Палестину. Когда он пристал к Тиру, то был встречен и принят тамошними своими соплеменниками, как бы какое-нибудь высшее существо, сошедшее к ним с неба на помощь. И в самом деле, устремившись на сарацин, он возвратил своим соплеменникам Иоппию, которую ныне зовут Акрой (Ἄκε), и некоторые другие города. К сожалению, так как решено было судьбой, чтобы и там случились несчастья, то наряду с другими доблестными и мужественными военачальниками, добровольно и на собственный счет предпринявшими поход во имя Христа, спустя немного был убит каким-то хасисийцем и Конрад, едва успевши показать агарянам опыты своего мужества, равно как благоразумия, и сделаться предметом удивления. Хасисийцы — это целое племя, которое, говорят, имеет такую преданность свое-

му начальнику и такую готовность к исполнению его приказаний, что по одному движению его бровей они бросаются с утесов, пронзаются кинжалами и погребают себя в море или кидаются в огонь. Когда начальствующие у них лица по своему выбору прикажут им убить кого-нибудь, то они, быв допущены к своей жертве, как друзья, или приняты, как гости, или представившись людьми, имеющими сказать что-нибудь особенно важное, или даже притворившись послами от какого-либо народа, мгновенно поражают кинжалом и умерщвляют врага своих властелинов, вовсе не имея в мысли ни трудности поручения, ни того, что через это сами могут подвергнуться смерти, не нанесши даже смерти другому.

Итак, царь, взяв с собой около двух тысяч отборных воинов, хорошо вооруженных и снабженных добрыми конями, выступил из Таврокома против неприятеля один, приказав обозу и обозной прислуге следовать в Адрианополь. Лазутчики донесли, что неприятели опустошают селения в окрестностях Лардеи и что, избивши множество народа, не менее забравши в плен и нагрузившись богатой добычей, они предположили отправиться в обратный путь. Поэтому царь ночью, при звуке трубы, сел на коня и погнался за ними, желая пересечь им дорогу. Достигши местечка Вастерны, он дал здесь роздых войску, так как неприятели еще не показывались; потом, переждав три дня, двинулся отсюда рано утром и направил путь прямо на Веррою, но не прошел и четырех парасанг*, как явился лазутчик с вестью о близкой опасности и донес, запыхаясь, что неприятель возле, что он возвращается с добычей и совершает свой путь крайне медленно по двум причинам: частью потому, что не предвидит никако-

* Парасанга — фарсанг, персидская мера длины, равняющаяся 30 стадиям,— несколько более 5 $^1/_2$ верст.

го сопротивления, а частью оттого, что обременен огромным грузом всякого рода добычи. Тотчас же разделив свое войско на отряды и построив в боевой порядок, царь выступил на ту дорогу, по которой, как было донесено, двигался неприятель. Наконец мы заметили и ясно увидели неприятельское войско, так как и я был здесь, состоя при царе в должности младшего секретаря (ὑπογραμματέυων). Мгновенно скифы и валахи, поручив добычу отдельному отряду с тем, чтобы он пробирался кратчайшей дорогой и поспешно продолжал путь до самых гор, сомкнулись и храбро встретили натиск римской конницы, сражаясь по отечественному и обычному своему способу. Обыкновенно они бросаются на противников, осыпают их тысячами стрел и ударяют в копья, но через короткое время переменяют нападение на бегство и начинают заманивать неприятеля в погоню за собой; потом вдруг поворачиваются лицом к настигающим, бросаются на них быстрее птиц, рассекающих воздух, и вступают опять в бой, всякий раз с новым мужеством и большей против прежнего отвагой. Повторив этот маневр и теперь много раз, так что римляне стали уже видимо ослабевать, они оставили его потом, обнажили мечи и со страшным воинственным криком, быстрее мысли, бросились на римлян и начали косить без разбора и нападавших, и обращавшихся в бегство. По всей вероятности, скифы, покрывшись великой славой, действительно посмеялись бы в этот день над нами и мы были бы преданы на позор народу зверскому, если бы не подоспел на помощь сам царь, имевший при себе еще совершенно свежую фалангу, и если бы громкий звук труб прибывшего отряда, гул медноустых рогов, огласивший поле сражения, и вид драконовых изображений, развевавшихся по ветру на древках копьев, не увеличили в их устрашенном неожиданностью воображении численности нашего войска. Таким об-

разом вырвав тогда кое-что из неприятельской добычи, как бы из звериных челюстей, царь направился после битвы назад к Адрианополю, оставив дорогу, по которой предположил идти. Но так как варвары не успокаивались, то он опять поворотил на дорогу, которую перед тем оставил. В самом деле ему удалось при Веррое остановить набеги скифов и мизийцев, частью благодаря пособию людей, опытных в военном деле, частью — своими личными распоряжениями. Тем не менее варвары, хотя боялись римлян и везде обращались в бегство, где только появлялся царь, однако всякий раз украдкой снова принимались за свои дела, вторгаясь где-нибудь как будто с целью дать битву и заставляя там ожидать своего нападения, а между тем в действительности нападая совсем в другом месте и всегда имея какой-нибудь успех. Когда царь спешил к Агафополю, чтобы там остановить их набеги, они грабили селения, находившиеся вблизи Филиппополя. Как скоро он направлялся к месту, которое от них страдало, они тотчас устремлялись туда, откуда уходил царь. Их набегами управлял один из упомянутых мною братьев, Асан, человек необыкновенно ловкий и в затруднительных обстоятельствах чрезвычайно находчивый. Итак, царь решил снова отправиться в Загорье и во что бы то ни стало смирить мизийцев. Поэтому, тронувшись из Филиппополя, он двинулся к Триадице, в том предположении, что там и дорога на Эм не очень затруднительна, а по местам даже совершенно открыта, и водопой достаточный, и подножный корм для вьючного скота есть, если только вовремя проезжать там. Но так как солнце, сделав поворот на зиму, в своем течении склонялось все ниже и ниже, реки от стужи оледенели по суровости тамошнего холодного климата и снег, выпав в огромном количестве, совсем закрыл землю, не только наполнив лощины, но завалив и двери домов, то царь

отложил дело до появления весны и войску приказал в течение зимы стоять в тамошней области лагерем, а сам поспешил в столицу потешиться конскими скачками и насладиться театром. С началом весны он снова выступил в поход и пошел на мизийцев; но и опять, потратив целых три месяца и употребив множество усилий на взятие крепости Ловица*, оставил свое предприятие недоконченным, снял лагерь и отправился в столичный город. Так прелести Пропонтиды, ее увеселительные дворцы, охота, скачки, как бы приковывая к себе наших императоров, не давали им долго оставаться в поле и, как трусов каких-нибудь, манили их дезертировать в свои объятия. Правда, царь захватил тогда в плен жену Асана и взял в заложники брата его Иоанна; но, несмотря на то, дела пошли еще хуже.

2. В это самое время поднял возмущение филаделфиец Феодор Манкафа. Сперва он привлек к себе буйную и беспорядочную чернь многолюдной Филаделфии и ее верность себе упрочил клятвами; потом принял на себя и царское имя, мало-помалу привлекши к участию в мятеже всех лидян; затем начал склонять на свою сторону соседние с Лидией области и отчеканил серебряную монету со своим собственным клеймом. Когда, таким образом, возмущение постепенно подвигалось вперед и, будучи сперва предметом смеха, обрушилось наконец сильным ударом на сердце царя,— царь счел нужным не медлить долее и взялся против мятежника за оружие. Подступив поэтому к Филаделфии, он запер в ней Манкафу, или Моро-Феодора, как прозвал его народ за его неразумные действия впоследствии. Однако, несмотря на долговременную осаду, царь не мог смирить филаделфийцев; он должен был обратиться к переговорам и за-

* Нынешняя Ловча.

ключил мир на тех условиях, чтобы Феодор, сложив с себя знаки царского достоинства, возвратился по-прежнему к жизни частного человека, а жители города признали над собой власть того, кто прежде над ними царствовал. Взяв от них по своему выбору несколько молодых людей в заложники, царь возвратился в Константинополь; тем не менее это возмущение стоило государству многих прекрасных и храбрых людей. Спустя немного времени Василий Ватац, человек невысокого происхождения, но вследствие брачного союза с двоюродной сестрой царя по отцу возвысившийся до звания доместика востока и облеченный властью дукса Фракисии, подкупил большую часть соумышленников Манкафы и, хотя самого его не мог схватить и заключить в оковы, однако успел его выгнать из города Филаделфии, воображая, что таким образом совершил великое дело и весьма угодил царю. Между тем Феодор убежал к иконийскому султану Кайхозрою и обратился к нему с просьбой помощи против римлян. Хотя султан и отказал ему в пособии войском, но дозволил беспрепятственно вербовать в своей области всех турок, кто только, жаждая корысти и надеясь на колчан и лук, захочет поживиться на счет римлян. Таким образом Феодор собрал значительную шайку и, нападая на своих соотечественников, уводил из деревень рабов, отгонял скот и вообще причинял тысячи бед жителям Лаодикии Фригийской, равно как моего отечественного города Хон, сжигая в летнее время гумна и со всем, что ни попадалось под руку, поступая хуже неприятеля — до такой степени, что бранил и ругал самих турок за снисхождение, которое они иной раз оказывали соседственным с ними христианам. Между прочим, вторгнувшись в Карию, он захватил там многих в плен и продал в рабство варварам; мало того, злодей не постыдился сжечь там храм Архистратига Михаила, здание величайшее и замечательнейшее, превосходившее красотой и протяжением в высоту храм великомученика Мокия в царственном городе. Наконец царь, воспользовавшись случаем, когда Манкафа после таких злодейств возвратился однажды к султану, и притом же подозревая, что он не на добрые мысли и дела наводит властителя Иконии Кайхозроя, в это время получившего над Иконией власть по наследству после смерти отца,— через послов и денежные подарки султану добился того, что Манкафа был выдан и отослан к нему, но с тем условием и договором, чтобы он не был казнен за свое возмущение ни смертью, ни отсечением или изуродованием какой-либо части тела. Итак, бывши выгорожен от всякого другого наказания, он осужден был на долговременное темничное заключение. Однако же этот поступок султана показался весьма противен прочим его братьям, которые разделили с ним власть по смерти отца. Они хотели даже поднять против него оружие за то, что он схватил и выдал за деньги римскому царю человека, который добровольно отдался под его покровительство; но султан успел более или менее успокоить их, представивши благовидно, что он не выдал, а просто отослал Манкафу для поддержания добрых отношений с царем, бедного странника возвратил в свое отечество, чтобы и он никого не обижал, и его никто не преследовал. Так это дело и кончилось.

3. Но года не проходило без того, чтобы он не принес с собой общественного бедствия, как будто Бог определил нашим современникам видеть постоянную смену беспокойных дней. Должно быть, мало было для нашего наказания войн из круга варварского, что и король аллеманский Фридерик[6] принес нам из чужой стороны беду. Прислав к царю Исааку послов, он во имя дружбы просил дозволения пройти через землю римлян с войском, которое будет сопровождать его в его путешествии в Палестину, а также по дороге

доставлять ему за деньги продовольствие, и свои предположения касательно этого в свою очередь сообщить ему через римских послов. Итак, к нему был послан дромологофет* Иоанн Дука. Заключив взаимно клятвенный договор в том, что король мирно пройдет через римские владения и не допустит никакой обиды ни городу, ни деревне, ни крепости, ни местечку, а римляне будут доставлять ему все нужное в изобилии, так что его войско ни в чем не будет терпеть недостатка, но без затруднения и в избытке будет находить как надлежащее продовольствие для людей, так и корм лошадям, Дука спустя известное время возвратился и донес царю о заключенных условиях. Царь употребил все старание на сбор разного рода припасов и приказал областным начальникам немедленно препровождать их в те места, которыми будет проходить король. Когда же сделалось известно, что король уже вступил в римские владения, и когда он сам через людей знатного рода, занимавших при нем высшие должности, грамотами уведомил царя о своем прибытии, к нему был послан опять тот же логофет, а вместе с ним и Андроник Кантакузин, чтобы устранить на пути его все неудобства. Но эти люди по незнанию дела и собственному нерадению (потому что, хотя и друзья они нам, но истину должно ценить выше и дороже) и короля раздражили против римлян, и царя расположили подозревать в нем неприятеля. Отсюда и клятвы были нарушены, и подвоз съестных припасов остановился, и мы, пишущие эти строки, управляя в то время филиппопольской провинцией и заведуя перепиской ее, впутались в большие неприятности. То получено было от царя повеление возобновить стены города Филиппополя и обвести их рвом — и мы в те трудные и

* Главный начальник почтового ведомства.

тревожные дни горячо принялись за работу; то вдруг пришло предписание разрушить все, чтобы город не послужил убежищем королю. Между тем как король для снискания жизненных припасов должен был делать набеги, царь не отпускал от себя его послов и, как он воображал, запирал ему в тесных местах проход, делая засеки рубкой высоких и корнистых деревьев и желая таким образом поставить путникам непреодолимые препятствия. Мало того, он приказал своему двоюродному брату, протостратору Мануилу Камицу, и доместику запада Алексею Гиду с отрядами войск следить за аллеманами и из засад нападать на них, как скоро они будут отправляться в поиски за сеном или съестным продовольствием. А королю все эти завалы, поделанные в теснинах порубкой деревьев, представили такое препятствие, что он прошел их без малейшего труда. И что еще забавнее, он прошел другой дорогой, прибыл в Филиппополь, расположился в нем лагерем и таким образом, обошедши римлян, очутился впереди их и уже овладел тем, ради чего ему затрудняли и загораживали дорогу. Вступивши в Филиппополь, он нашел его почти совершенно пустым, потому что все сколько-нибудь порядочные жители бежали из него; если же кто и остался, то разве какой-нибудь бедняк, у которого все имущество состояло в том, чем он был одет, или армянин. В самом деле только одни армяне считали прибытие аллеманов не нашествием народов, а приходом друзей, так как они ведут с аллеманами торговые дела и взаимно согласны с ними в весьма многих еретических учениях. Так, армянами и аллеманами равно отвергается почитание святых икон; те и другие употребляют при священнослужении опресноки и, уклонившись от правого пути, соблюдают, как закон, и кое-что другое, что православными христианами отвергается. Однако, занявши уже Филиппополь, король

счел нужным немедленно писать к протостратору и объяснить ему, что напрасно римляне замедляют его движение вперед и незаконно загораживают ему путь, так как он ни прежде не имел, ни теперь не имеет в мысли ничего неприязненного или враждебного римлянам и свои условия соблюдает ненарушимо. Протостратор передал содержание его письма самодержцу-царю, испрашивая повеления, как должно действовать после этого; но царь не только не отвечал в миролюбивом тоне, а напротив, нашел нужным побудить протостратора к сильнейшему нападению на короля и укорял его в нерадении за то, что он по сию пору сомневается, нужно ли еще поражать и истреблять аллеманов, тогда как они — то отрядами выходят на поиски съестных припасов, то там или здесь бродят врассыпную с самой оплошной доверчивостью.

4. Так писал царь, полагаясь на пророческие внушения некоторых людей, скорее вещавших от собственного чрева, нежели провидевших будущее, будто король совсем не намерен идти в Палестину, но все свои виды простирает на Царьград и нет ни малейшего сомнения, что войдет в него так называемыми ксилокеркскими воротами и сперва совершит страшные преступления, а потом понесет и соответственное наказание по праведным судам Божиим. Предзанятый такими мыслями, царь заложил ксилокеркские ворота известью и кирпичом и часто говаривал, вертя в руках вновь выкованные из меди стрелы, что он уже оттачивает их, чтобы вонзить в сердца аллеманов; потом, указывая на боковую дверь влахернского дворца, из которой были видны поля, развертывающиеся гладкой равниной за филопатионскими укреплениями, восклицал, что вот отсюда он будет метать стрелы, валить и разить аллеманов, так что смех брал людей, кому приходилось слушать

такие речи*. В Студийской обители проходил подвиги иноческого воздержания некто Досифей, утверждавший, что его род идет от венецианцев и что отцом его был какой-то Витиклин. Сблизившись с Исааком еще до получения им верховной власти, он предсказал ему царскую корону и, когда предсказание исполнилось, вошел через это в великую честь у царя, получил при нем большое значение и, по смерти занимавшего тогда иерусалимский престол Леонтия, человека добросердечного и всем известного своей добродетельной жизнью, был возведен в сан иерусалимского патриарха. А так как наши цари, при своей безудержности и силе, никак не могут воздержаться от того, чтобы по своему произволу не превращать и не переиначивать всех дел, и божеских и человеческих, то Исаак, воцарившись, отрешил от константинопольского патриаршего престола Василия Каматира, несмотря на то что патриарх весьма много содействовал ему в получении власти. Причиной для низложения его послужило то обстоятельство, что он дал разрешение снять черное платье и возвратиться к прежнему образу жизни и прежней одежде тем женщинам высшего сословия, которых Андроник против воли постриг в монашество. Поставив вместо него патриархом сакеллария Великой церкви Никиту Мунтана,

* Вариант на слова: *Предзанятый такими мыслями... слушать такие речи*. Вследствие подобного рода суетных внушений царь вооружался и крепко заложил упомянутые ворота кирпичами с известью. Однажды царь держал в своих руках метательные дротики, а патриарх Досифей и говорит ему: «Взгляни, царь, на эти мечи; скоро тебе придется вонзить их в сердца аллеманов». Патриарх стоял тогда с царем на самом верху влахернского дворца в так называемой вышке и смотрел на филопатионские поля. «Вот, когда ты будешь стрелять,— продолжал он,— из этой самой двери, так стрелы будут долетать до самого Филопатиона и вонзаться прямо в сердца аллеманов». Большей части присутствовавших при этом смешно было слушать такие речи. Этот Досифей был монахом в Студийском монастыре...

царь не дал, однако, и этому дряхлому старцу скончаться на патриаршем престоле, но, называя человеком бесполезным и осуждая за старость, сверг и его с кафедры без всякой вины и против его желания. Потом, серьезнее обратив внимание на то, чтобы отыскать для церкви достойного кормчего, царь возвел в сан великого архипастыря одного монаха, Леонтия, утверждая царским словом и клянясь троном, что не знал этого человека прежде, но Богоматерь ночью указала ему на него, не только описав его вид и доблести, но и означив место, в котором он имел свое жительство. Впрочем, не прошло и года, как и этот был свергнут с высоты патриаршества*. Осрамив таким образом и Леонтия, он решился разыграть целую драму и на вселенское предстоятельство возвести иерусалимского патриарха Досифея. Зная, что церковные каноны этого не дозволяют, царь лукаво обратился к занимавшему в то время патриарший престол града Божия, великой Антиохии, Феодору Вальсамону, знаменитейшему из всех тогдашних законоведов. В беседе с ним наедине он притворился горюющим о том, будто церковь так оскудела в людях благочестивых и разумных и монашеские доблести так стали редки и незаметны, что уже нет по-прежнему такого светила, которое бы, как *солнце, имело постоянство в своем движении*, или человека, который бы мог сесть у кормила священного престола и твердой рукой направлять путь всего сонма верующих. Печально выставив на вид и другие подобные наблюдения, царь прибавил, что давно уже имел намерение с кафедры антиохийской вознести его на вселенскую высоту*, как светильник, сияющий лучами законов, но удерживался только потому, что подобные перемещения издревле воспрещены канонами и считаются противоречащими церковным законоположениям; а если бы Феодор, как досконально изучивший законы и каноны, мог доказать, что такое перемещение, как прежде, когда-нибудь имело место, так может быть уместно и теперь, и сумел бы склонить на это мысли большинства, то он, царь, счел бы такое дело истинной находкой для себя и немедленно, без всяких разбирательств, распорядился бы его производством. Таким-то образом подступил царь к Феодору антиохийскому, и тот нашел, что все это очень можно уладить. На другой же день начались собрания архиереев по разным священным палатам, соборы, разыскания о перемещении; тотчас же все было разрешено, последовало определение с изъявлением высочайшего соизволения, и Феодор антиохийский остался по-прежнему антиохийским, на константинопольскую кафедру был переведен с иерусалимской Досифей, при такой пышной и многолюдной процессии, что она не уступала царским триумфам, а архиереи, омороченные и понапрасну нарушившие каноны, только разинули рты от изумления. Будучи не в состоянии долго переносить такую шутку, первенствующие члены духовенства, равно как знатнейшие из архиереев, начали составлять тайные собрания, подстрекать народ, шуметь, сколько доставало голоса, так что наконец пришлый

* Вариант на слова: *как и этот был свергнут с высоты патриаршества* — как он сверг с высоты патриаршества и этого, Богородицей поставленного патриарха, ничего уже не говоря и не припоминая о том, в каких похвалах разливался о нем прежде и до какой степени прославлял его, как человека Божия.

* Вариант на слова: *В беседе с ним... на вселенскую высоту.* Пригласивши *его к себе, наедине, царь начал притворно скорбеть и сокрушаться*, что будто в церкви вовсе не видно людей благочестивых и разумных, а оттого и монашество падает,— «разве только ты, многосветлое светило, воссияешь на высоте сего патриаршего престола, направишь верно путь христианского народа и приведешь церкви и монастыри в надлежащее состояние; я бы и очень хотел перевести тебя из антиохийской церкви на сей вселенский и высокий престол»...

покоритель чужой церкви, Досифей, должен был покориться общему голосу, оставить свое второе место и сойти с престола. В свою очередь, не вынося этого удара, царь вступает в борьбу, всячески старается утвердить состоявшееся перемещение, спустя короткое время, преодолев препятствия, восстанавливает опять Досифея на престоле и на этот раз препровождает его в Великую церковь с отрядом своего секироносного конвоя и высшими придворными сановниками*, из боязни, чтобы народ не произвел мятежа, потому что Досифея все ненавидели, как искателя чужих кафедр и как человека, который, наводя государя на самые неблагоразумные распоряжения, в то же время был непростительно самолюбив. Однако Досифей и опять принужден был расстаться с пышностью вселенского престола и неожиданно подвергся одной участи с эзоповой собакой, так как потерял и то священноначальство, которое имел (в Иерусалим рукоположен был уже другой), и лишился высшего престола. Впрочем, это случилось после, когда в патриархи произведен был великий скевофилакс Георгий Ксифилин.

5. В настоящее же время Досифей, подбирая из Соломоновых книг разные указания и как бы намеки на будущее, подобно демонам, насылающим сновидения, водил императора, как везде говорили, не то чтобы за нос, а за уши. Между тем протостратор, повинуясь царским распоряжениям, оставил без внимания королевское послание и весь отдался тому, чтобы как можно более делать зла аллеманам во время их фуражировок. И вот однажды, взяв с собой около двух тысяч отборных всадников, он вознамерился пройти ночью вблизи Филиппополя, засесть за тамошними холмами и утром напасть на фуражиров. Взявшись сам за это дело, обозу, обозной прислуге и прочему войску, как будто по вдохновению свыше, он приказал с нами отступить отсюда. В самом деле, еще прежде, чем наступил день, аллеманы, сведав от бывших в Прусинском укреплении (где, собственно, стояло лагерем царское войско) армян о намерениях протостратора, в ту же ночь поднялись из Филиппополя в числе свыше пяти тысяч человек, все закованные в железо, и поспешно двинулись на нас, бывши не замечены ни досмотрщиками, ни сторожами, которые у нас были поставлены, а также не встретившись и с отборным войском протостратора, так как протостратор шел ближе к горам, где были селения, еще изобиловавшие съестными припасами, и прятался за возвышенностями, стараясь быть не замеченным своей обреченной добычей, а аллеманы смело шли по ровному полю дорогой, ведшей прямо в римский лагерь. Не найдя в лагере ни одного человека и узнавши, что войсковой обоз еще с раннего вечера снялся оттуда, а отборный отряд войска выступил для нападения на их соплеменников, отправившихся в поиски за хлебом, неприятели, не дожидаясь нового известия, поворотили коней, чтобы отыскать тех, которые их искали. Еще не успели они спуститься с пригорка, возвышающегося подле Прусинского укрепления, как вдруг совершенно неожиданно столкнулись с нашими, которые именно за этим пригорком и засели. Завязалась схватка. Аланы, бывшие под командой Феодора, сына Алексея Враны, пали почти все, так как вступили в бой с аллеманами первые и одни только; римляне же опрометью и постыдно бросились в бегство, не быв даже в состоянии хорошо разглядеть своих противников. Сам протостратор, ускользнувши другой дорогой, не показывался к нам после того дня три и,

* Вариант на слова: *В свою очередь не вынося*... Не допуская этого переворота, царь употребил все усилия, чтобы настоять на прежде состоявшемся перемещении, послал варягов и солдат и опять водворил его в патриарших палатах.

кое-как избежав неприятельских рук, наконец едва добрался, как будто достиг пристани после продолжительного плавания, еще изрыгая соленую воду поражения и чувствуя, как шумят в ушах звонкие голоса аллеманов, требующие ловить его. Многие воротились в лагерь без оружия и без лошадей, при поспешном бегстве растеряв свои повозки. Вообще после этого римляне и аллеманы стали в таком почтительном расстоянии друг от друга, что их разделяло более шестидесяти стадий: они остались по-прежнему в Филиппополе, а мы отступили на отдых к пределам Ахриды, заботясь только о том, чтобы уцелеть, и — прибавлю еще — опустошая свою собственную землю для пропитания. Вести об этом, дошедши до царя, едва-едва убедили его несколько уступить. Со своей стороны мы, спустя немного времени прибывши в Константинополь, также обстоятельно описали ему все положение дел, прибавив, что аллеманы говорят, будто не другое что побудило римского царя презреть клятвы, данные западным христианам, как союз его с главой сарацин, закрепленный по принятому у сарацин при заключении дружбы обычаю тем, что каждый из обоих союзников разрезал у себя на груди жилу и вытекшую из нее кровь дал пить другому. Таким образом, мы успели было одолеть его упорство. Переменив свой образ мыслей, царь начал заботиться о препровождении аллеманов на восток; но узнав, что король, по случаю наступления зимы (это было уже в ноябре), отложил до весны поход, он опять воротился к прежним убеждениям и в письме к королю, вовсе несоответственно достоинству царей, предсказывал, что он умрет перед наступающей Пасхой. Чтобы не говорить обо всем, что в его делах и словах заслуживало скорее обвинения, нежели похвалы, скажу одно, что он едва согласился отпустить от себя обратно королевских послов. Король, при свидании с ними узнав, что царь даже

не давал им стульев, но что они по-рабски наравне с римлянами должны были стоять перед ним и не были удостоены никакого почета, хотя то были епископы и родственники его, оскорбился и не мог скрыть своей досады. Когда представились ему наши послы, он приказал как им, так и их прислуге садиться рядом с собой, не позволивши стоять ни поварам, ни конюхам, ни поваренкам. На замечание послов, что неприлично слугам сидеть вместе с великим императором (довольно и того, что их господа сидят), он не сделал никакой уступки и против воли усадил их рядом с их господами, желая этим осмеять римлян и сказать им, что в их отечестве нет отличия ни доблестям, ни происхождению, но, как свинопасы загоняют всех свиней в один хлев, не имея обыкновения отделять жирных от неуспевших разжиреть, так и римляне всех ставят на одну доску. По прошествии некоторого времени недостаток в продовольствии заставил короля разделить свое войско. Сам он перешел в Орестиаду, а своего сына и епископов со значительной частью войска оставил в Филиппополе, сказав: «Вам следует здесь отдохнуть, пока не укрепите ослабевших от вытяжки перед греческим царем голеней и расслабевших колен».

6. Когда зима прошла и цветы дали от себя аромат, царь и король возобновили клятвы. Топархи и магнаты последнего поклялись, что король пройдет через римскую землю и совершит поход не полями и виноградниками, а большой дорогой, не уклоняясь ни вправо, ни влево, пока не перейдет границ римских. С другой стороны, царь дал заложников, в том числе несколько своих кровных родственников, и пятьсот человек купцов и царских придворных поклялись в Великом храме, что царь ненарушимо сохранит условия, даст аллеманам проводников и доставит все средства для их продовольствия в дороге. Между тем некоторые из судей

Вила, будучи посылаемы тогда к королю в качестве заложников, не решились отправиться по назначению и, не имея возможности ни показаться царю на глаза, как ослушники, ни надеяться на безопасность у себя дома, скрывались по углам чужих домов во все время, пока король не отправился на восток. Рассерженный этим, царь вместо судей Вила послал заложниками тавеллионов, имения и дома непослушных отдал разным лицам по своему выбору и назначил других судей. Однако впоследствии, поняв их поступок не как непослушание, а как небезосновательную боязнь, он опять возвратил им имения и прежние почести. По окончании соглашений царь послал королю четыре центенария* серебряной монеты и несколько кусков дорогих златотканых материй; король ответил ему также другими подарками. Скоро собралось в Каллиополе** множество транспортных судов, так как в условия, между прочим, входило и то, чтобы королю в два приема переправиться со всем войском (ибо он боялся, чтобы римляне, изменив договору, не напали на него, пользуясь розничной перевозкой небольших отрядов), и таким образом переправа на восток совершилась не более как в четыре дня. Когда король приблизился к Филаделфии, то филаделфийцы, пока он не прошел их города, оказывали ему дружественное расположение, но, едва только он пошел от них далее, изготовились к нападению и разбойнически напали на одну часть его войска. Однако, так как надежды их не исполнились, то они, увидевши, что имеют дело как будто с какими-нибудь медными статуями или с гигантами неподвижными, переменили нападение на бегство. Между тем аллеманы, прошедши через так называемое село Орлиное

* Центенарий заключал в себе сто литр; а литра, латинское libra, фунт, вес в 12 унций серебряной или золотой монеты.

** Ныне Галлиполи.

(Ἀετοῦ), расположились лагерем в Лаодикии Фригийской. Быв приняты здесь самым дружелюбным образом и с искренним гостеприимством, которого не встречали нигде, они все до последнего человека были так тронуты этим, что испрашивали лаодикийцам всех благ свыше, а в особенности король. Воздевши руки к небу, подняв вверх глаза и преклонив колена на землю, он умолял милосердного Промыслителя и Отца всех Бога ниспослать им все потребное как для жизни, так и для спасения души, присовокупляя, что если бы римская земля изобиловала такими христианами и в ней так радушно принимали воинов Христовых, то они, аллеманы, охотно отдали бы римлянам и деньги, которые несли с собой, мирно покупая у них нужное для себя продовольствие, и сами давно уже перешли бы римские границы, не пролив капли христианской крови и не потревожив в ножнах своих мечей.

Продолжая свое путешествие, аллеманы не нашли и в турках расположения к себе. Точно так же и эти, уклоняясь от прямой битвы, нападали, когда только были в состоянии, хотя также, как и римляне, согласились без боя открыть им путь через свою землю и доставлять все потребное для содержания во время дороги. И конечно, недурно было бы и для них, если бы они тоже соблюдали условия. Вместо того, надмившись пустыми надеждами, они отважились наконец даже на открытую войну. Таким образом, между королем и детьми иконийского султана, успевшими лишить своего отца власти и царства, выгнать из Иконии и превратить прежнее его благоденствие в бедственную участь на старости лет, произошло сражение, во-первых, при крепости Филомилии, вследствие которого король, легко обративши их в бегство, осадил Филомилий и сжег его. Потом он сразился с ними при Гинкларии и также одержал верх. Именно, турки, за-

няв теснины, поджидали вступления туда аллеманов; но король, узнав о замысле противников, остановился лагерем на прилегающей равнине и, разделив ночью свое войско на две части, одной приказал остаться в палатках, а другой с рассветом дня притворно пуститься в бегство как бы с целью захватить другую дорогу. Приняв хитрость за правду, персы радостно высыпали из теснин, спустились на равнину и бросились на аллеманский лагерь без всякой предосторожности и в восторге, предполагая, что им предстоит готовая большая и богатая добыча, так как каждый варвар жаден до прибыли и многое или, лучше сказать, все делает и говорит для одного серебра. Между тем бежавшие возвратились, находившиеся в палатках бодро выступили навстречу, и окруженным отовсюду персам осталось только умереть.

7. Впрочем, не этими только двумя сражениями король сделался страшен и знаменит у восточных народов, но и подобным же поражением турок в самой Иконии. Султан, убежавши в Таксары, оправдывался тем, что ничего не знает, что наделали его сыновья, так как одним из них, Копаттином, он сам лишен власти. Между тем турки, укрывшись за садовыми рвами и канавами, которые беспрерывно идут вокруг Иконии, и засевши за каменные заборы своих садов, как бы за стену, надеялись заградить аллеманам доступ к Иконии, рассчитывая сосредоточить в одно место всех лучших стрелков и при легкости своего вооружения иметь перевес над тяжеловооруженными всадниками в узкой и перерытой местности. Но и на этот раз их затеи обратились в ничто. Видя, что турки укрываются за садовыми оградами и стреляют оттуда, как будто из какой-нибудь крепости, аллеманы употребили следующее средство. Каждый всадник посадил на своего коня по вооруженному пехотинцу, и пока пешие, взобравшись по хребтам коней, как бы по лест-

ницам, на заборы, за которыми тесно сгруппировались турки, завязали с ними здесь битву, конные подоспели к ним на помощь тропинками, по которым можно было проехать. Таким образом, все собравшиеся здесь турки большей частью, как *злые, зле погибли*, и только немногие успели спастись, рассеявшись в разные стороны. В удостоверение того, что павших тогда действительно было множество, я приведу свидетельство самих врагов. Так, один измаильтянин, который участвовал в этом сражении, прибывши в Константинополь под покровительством римского царя, клялся своей верой, что он дал двести серебряных статиров* за уборку трупов, которые легли в его саду. Овладев Иконией, аллеманы не вошли, однако, в нее, но расположились в так называемом внешнем городе, раскинув палатки на кровлях домов, и потом выступили в дальнейший путь, ничего не взяв от ее жителей, кроме самого необходимого для жизни. Во время этого пути, говорят, один аллеманин, чудовищного роста и необыкновенной силы, отстал однажды на большое расстояние от своих соплеменников и следовал за ними пешком, таща за узду утомившегося в дороге коня; между тем около него собралось более пятидесяти человек измаильтян, также самых лучших в своем роде и отборных наездников. Окруживши его со всех сторон, они принялись бросать в него стрелы; но он, прикрывшись широким щитом и полагаясь на прочность лат, со спокойной улыбкой продолжал идти по своей дороге, представляя из себя (и составляя на самом деле) для стрел того варварского скопища как бы несокрушимую скалу или непотрясаемый утес. Когда же один из них, похвалившись, что отличится перед други-

* Серебряный статир в Греции стоил четыре драхмы, почти то же, что наш серебряный рубль; статир золотой равнялся двадцати драхмам серебра, т. е. почти пяти рублям серебром.

ми, оставил лук, как вещь бесполезную, выхватил длинный меч и, дав шпоры коню, напал на аллеманина в ближайшем расстоянии и лицом к лицу, то оказалось, что он ударил по аллеманину, как по вершине горы или медной статуе, а тот, обнажив дюжей и геройской рукой полновесный, большой и прочный меч свой, ударил им коня своего противника наискось по ногам и обе передние ноги подсек, как какую-нибудь траву. Между тем, пока еще упавший на колена конь держал сидевшего на седле всадника, аллеманин, направив руку на середину головы перса, сделал другой удар палашом. При своей прочности и при могучести того, кто владел им, палаш опустился с такой страшной силой, что пораженный всадник развалился на две части, и удар, прошедши через седло, нанес коню рану в хребет. Пораженные таким зрелищем, прочие персы не решились продолжать бой с этим одиноким воином. А он, не обращая на них внимания, как лев, уверенный в своей силе, не прибавляя шагу, медленно подвигался вперед и под вечер соединился со своими соплеменниками, достигши места, где они остановились на ночлег. Говорят, измаильтяне, боясь, чтобы король, одержавши над ними столько побед, не остался надолго в их стране, показывали ему притворное благожелательство, желая всеми мерами ему угодить. Со своей стороны король, взяв в заложники детей от более значительных между ними особ и запасшись весьма большим числом проводников, перешел таким образом их границы и, спустя немного достигши Армении*, некоторую

* Кроме древней Армении, или Армении Великой, занимавшей страны при источниках рек Евфрата и Тигра, была еще на запад от нее Армения Малая, столицей которой был город Мелитина. В царствование Ираклия постоянные войны, бывшие между греками и персами, почти опустошили обе эти Армении и были причиной, что значительная часть армян переселилась в восточные пределы греческих областей: понтийской и каппадокийской. Так

часть проводников и заложников казнил, а остальных отослал назад.

8. Быв принят армянами с честью и пробывши там довольно долго, он наконец отправился в Антиохию, постоянно более и более приобретая себе славу своим умом, непобедимостью своего войска и уже не встречая больше ни одного противника себе. Но (какой нечаянный и неожиданный случай, или лучше сказать, какие непостижимые для людей суды Божии!) переправляясь через одну реку, он утонул в ее волнах. Это был человек, по понятию людей умных, достойный доброй и вечной памяти и ублажения своей кончины не только потому, что происходил от самого знатного рода и по наследству от предков владел многими народами, но за то, что, воспламеняясь любовью ко Христу более всех бывших тогда христианских самодержцев, презрев отечество, придворные увеселения, покой и счастливую, роскошную домашнюю жизнь с дорогими сердцу, он решился страдать вместе с палестинскими христианами за имя Христово, за честь живоносного гроба и предпочел родной стране чужбину. Его не остановили ни тысячи парасанг крайне тяжелого пути, ни опасности от народов, через области которых сле-

образовалась третья Армения, которая носила название области, или фемы, армениаков. Наконец вследствие частых вторжений турок множество армян оставили эту последнюю область и переселились в Киликию, найдя себе убежище в ущельях и на возвышенностях таврских гор. Сначала они составляли несколько отдельных княжеств, но потом соединились и в одиннадцатом столетии составили целое королевство, которое постепенно расширялось и главнейшими городами которого были Сиз, Анаварза, Тарс и др.; так что наконец в состав его вошла вся Киликия, земля, узкой каймой простирающаяся от Исского залива до Антиохии Киликийской и граничащая к югу со Средиземным морем, а к северу — с хребтом гор Таврских. Вот об этой-то четвертой Армении, или армянском царстве в Киликии, и говорит в настоящем месте наш автор. *Примеч. ред.*

довало проходить. Ни скудость воды, ни недостаток в хлебе, который при всем том надобно было покупать, а иногда доставать с опасностью жизни, не удержали его от его намерения. Даже слезы, объятия и последние горячие поцелуи детей не могли тронуть или расслабить его душу. Нет, подобно апостолу Павлу, не дорожа собственной жизнью, он шел с готовностью не только сделаться узником, но даже умереть за имя Христово. Истинно, у этого мужа была апостольская ревность и боголюбезная цель, ничем не ниже подвига тех, которые вдали от мира, возведши всецело ум к евангельской высоте и направив к ней весь путь свой, все житейское презирали как ни к чему не нужное, и я уверен, что он скончался смертью праведника. Между тем сын его, получив после смерти отца власть, прибыл в Антиохию, отправившись оттуда в дальнейшие пределы Келесирии, подавил междоусобие в Лаодикии, склонявшейся на сторону измаильтян, взял без всякого труда Берит и овладел весьма многими другими сирскими городами, прежде бывшими во власти латинян, а в то время принадлежавшими сарацинам. Но, достигши Тира и осадивши Акру, которой владели измаильтяне, он, после величайших трудов за имя Христово, и сам положил там свою жизнь. Оставшееся войско не решилось возвращаться домой опять сухим путем, боясь вероломства народов, через области которых следовало проходить; но село на прибывшие в Тир купеческие корабли своих соплеменников и благополучно возвратилось домой.

В это время воевали против владевших Палестиной и опустошавших Иерусалим сарацин не только аллеманы, но также король французский и глава британских секироносцев, которых ныне зовут англичанами[7]. Скопивши возможно большее число кораблей из Сицилии и с морских берегов Италии и наполнив их пшеницей и другими жизненными

припасами, они отплыли в Тир, который служил обыкновенной пристанью для всех крестоносцев и средоточием военных действий против сарацин. К сожалению, они также не успели выгнать сарацин из святого города и возвратились опять морем в отечественные земли, не достигнув цели своего предприятия. Между прочим король английский по дороге в Палестину завоевал Кипр; что же касается тирана или, лучше сказать, бесчеловечного и неумолимого губителя кипрского, Исаака Комнина, то он был схвачен, и сначала король держал его в заключении, а потом, спустя немного времени, совсем удалил с острова и, как негодяя, отдал его в невольники одному из своих соотечественников. Отправляясь в Палестину, король на правах владетеля островом оставил в Кипре часть своего войска и, посылая из Палестины на остров транспортные корабли, получал оттуда все жизненные припасы. При возвращении же из Палестины он подарил Кипр, как свою собственную область, иерусалимскому королю, дабы тот в свободное от войны время, слагая правительственные заботы, имел там спокойное убежище для себя и управлял Кипром как даром английского короля гробу Господню и неотъемлемой частью палестинских владений. Но об этом довольно.

Царствование Исаака Ангела

Книга 3

1. Царь Исаак имел от первого брака трех детей — двух дочерей и одного сына. Старшую дочь он постриг в монахини и, с большими издержками превратив Иоанницкий дом в женский монастырь (как предполагала сделать это еще царица Ксения по смерти своего супруга, царя Мануила Комнина), водворил ее в нем, посвятив Богу, как чистую агницу; а другую отдал в замужество за сына Танкреда, короля сицилийского, царствовавшего после Вильгельма, который вел против римлян войну на суше и на море, как мы об этом выше рассказывали. Сына же Алексея он готовил в наследники престола, хотя, нисколько не помышляя ни о конце своей жизни, ни о возможности падения своей династии, он в пророческом духе рассчитывал еще сам царствовать непременно, день в день, тридцать два года, как будто ясно предвидя непостижимые советы Божии или сам назначая пределы своей жизни, полагаемые Богом по Его неисповедимой воле.

Между тем не только Алексей Врана и лидянин Феодор (Манкафа) *возвеличивали* на царя *запинание*, но и другие покушались присвоить себе царское имя. Так, один самозванец Алексей, называя себя сыном римского императора Мануила Комнина, с таким искусством разыгрывал свою роль и до такой степени ловко подделывался под наружность покойного царя Алексея, что походил на него даже прической и цветом золотистых волос и так же точно заикался, как покойный царь-отрок. Этот юноша происходил из Константинополя. Сначала его видели в городах, лежащих по Меандру; потом он появился в маленьком городочке Армале и здесь одному латинянину, у которого приютился в доме, открыл, кто он таков, сказавши, что его по приказанию Андроника (как мы в своем месте коротенько рассказали об этом) велено было бросить в море, но что будто он пощажен теми, кому это было приказано, как верными слугами своего отца. Оттуда самозванец отправился в Иконию и, явившись к старику султану (сын его Копаттин тогда еще не лишил его власти), представился ему не как бродяга и обманщик, но как истинный сын императора Мануила. Постоянно он докучал султану, напоминал благодеяния, оказанные ему мнимым отцом своим Мануилом, называл его неблагодарным к своему благодетелю и упрекал в бесчеловечии за то, что он не сжалится над сыном своего друга, подвергшимся несчастью. Действительно, частью уступая его бесстыдству, частью увлекаясь сходством его с Мануилом, султан утешил его немалыми дарами и обласкал доброй надеждой. Но раз, когда во время аудиенции римского посла самозванец начал хвастать особенным благородством своего происхождения, султан обратился к послу с вопросом, узнает ли он в этом человеке сына императора Мануила. Посол, разумеется, отвечал, что сын императора Мануила, несомненно, погиб, быв брошен

в воду, что этот неизвестный ложно присваивает себе звание умершего и рассказывает о себе невероятные вещи. При этих словах, неудержимо вскипев гневом и горячо воспламенившись желчью, юный Алексей непременно схватил бы посла за бороду, если бы, с одной стороны, сам посол, рассердившись в свою очередь, не отразил мужественно стремлений Лже-Алексея, а с другой — султан, оскорбившись неприличием его поведения, со всей строгостью не приказал ему успокоиться. Хотя после этого владетель Иконии не решился осуществить пылких желаний молодого человека; тем не менее, поддаваясь его неотступным просьбам, он дозволил ему султанской грамотой, которую турки зовут «мусурий», беспрепятственно вербовать в свою службу всякого, кто согласится поступить под его начальство. Самозванцу было и этого довольно. Предъявляя туркам то здесь, то там султанскую грамоту, он успел привлечь к себе эмира Арсана и несколько других турок, обыкновенно занимавшихся грабежом римских владений; так что в короткое время у него набралось до восьми тысяч войска, готового всюду следовать за ним. С этими силами он двинулся потом на города, лежащие по Меандру: одни из них сдались ему на капитуляцию; другие, которые оказали сопротивление, были доведены им до самого бедственного положения. В особенности он нападал на гумна, за что и прозван был гумножегом. Много против этого молодца посылали полководцев; но ни один из них не отличился, и все возвращались, ничего не сделавши из опасения измены со стороны собственных войск, в которых было гораздо заметнее расположение к новопоявившемуся царевичу, нежели преданность царю Исааку. В самом деле, самозванец привлек к себе не только толпу, и не только простой народ с видимой любовью о нем говорил, и толковал, и разглашал; но в нем приняли участие даже придворные, весьма хорошо знавшие, что Алексей, сын царя Мануила, давно расстался с человеческой жизнью,— не потому, чтобы в этом деле что-нибудь оставалось для них загадкой, а единственно в угоду своих личных видов. Поэтому когда наконец был послан против него брат царя Алексей, который впоследствии сам был царем, то и он не решился вступить в сражение с этим вновь ожившим Алексеем и, держась как можно далее от него, старался только утвердить в повиновении и остановить от дальнейшей передачи самозванцу ту часть области, которая еще не перешла на его сторону. Между тем, пока дела шли так дурно,— самозванец постоянно успевал и усиливался, а севастократор все еще трудился над сбором войска,— Бог ни для кого недоведомо и совершенно особенным образом решил эту междоусобную войну в одно мгновение: на возвратном пути в Армалу Лже-Алексей остановился однажды в замке Писсе, пил здесь весьма много, и когда уснул от опьянения, то один священник собственным его мечом отрубил ему голову. Севастократор Алексей, вглядевшись пристально в представленную ему голову самозванца и похлыстав конским бичом ее золотистые волосы, сказал: «Не без всякого же основания этому человеку сдавались города!» Таким образом, злодей понес достойную казнь как за то, что, преступно вооруживши персов против римлян, пролил столько крови своих единоплеменников, так и за то, что сделал он — да будет он проклят — в моем родном городе Хонах со знаменитым храмом Архистратига божественных и невещественных сил Михаила: он осквернил это святейшее жилище Божие; он ворвался в него со своими персами и не шевельнул рукой, нечестивец, чтобы остановить их, когда в его глазах они уничтожали сделанные из разноцветной мозаики изображения Христа и святых, топором и молотом ниспровергали священные и неприкосно-

венные двери алтаря, повергали на землю и попирали святейшую жертвенную трапезу.

2. Спустя несколько дней явился в Пафлагонии другой самозванец, ложно принявший на себя то же имя и то же происхождение. Ему также передались некоторые области; наконец против него был послан хартулярий* конюший (τῶν ἱπποςάθμων), севаст** Феодор Хумн, который сразился с ним, победил, взял его в плен и предал смерти. Затем Василий Хотза поднял знамя возмущения в Тарсии, неподалеку от Никомидии: его мятеж пошел сначала также довольно успешно; но потом он был схвачен, ослеплен и заключен под стражу. И не этим только ограничивалось число мятежников! Напротив, постоянно появлялись они снова то здесь, то там в таком множестве, что всех трудно и пересчитать, как будто бы земля их родила, и все они сначала казались гигантами, но потом мгновенно лопались и исчезали, как надутые мыльные пузыри. Так, Исаак Комнин, племянник царя Андроника, убежав из темницы, бросился в Великую церковь с целью взволновать народ. В тот же день он был схвачен, поднят на дыбу, подвергнут жестоким истязаниям, чтобы показал соумышленников, и, потерпев повреждение во внутренностях, на другой день умер. Так, Константин Таттикий, набрав шайку соумышленников числом до пятисот человек, долгое время скрывался и таился в городе; наконец указаны были следы его заговора, и скоро после того он был пойман и лишен зрения. Еще какой-то оборванец, производивший свой род от Комниных, пошел было по той же дороге. Однако и его также немедленно поймали и лишили зрения. Причиной столь частых мятежей отчасти была слабость правления Исаака, который крепко был убежден, что как Бог даровал ему власть, так Он один и охранять его должен. Но главным образом — побуждал людей властолюбивых к восстанию и мятежу пример самого императора, достигшего царской власти без всякого труда. Им казалось, что стоит только захотеть — и они будут царствовать. Вследствие такого самообольщения весьма многие из них брались за выполнение своих предприятий большей частью даже без оружия, утаптывая только ту дорожку, которую перед глазами их проложил, словно большую дорогу для всякого, сам Исаак, вечером убивший Агиохристофорита и искавший убежища в Великой церкви, а к утру на другой день уже воцарившийся на престоле. Поэтому насколько расчет их предприятия был дурен, настолько же несчастны его последствия, и вместо мантии из багряницы они покрывались мантией багрового стыда, а иногда даже черно-багровой смерти. В самом деле божественное провидение для управления и переворота наших житейских дел редко пользуется одними и теми же путями и средствами; напротив, оно изменяет и переменяет власти всякий раз новым и неожиданным образом, выказывая в своем путеводительстве и управлении вселенной бесконечное разнообразие явлений и не пропуская мимо своих рук ничего самомалейшего. Так, Фараон со своими воинами погиб в глубине морской. Того обезглавила ме-

* *Хартулярий* — хранитель бумаг, или секретарь известного ведомства, как, например, в настоящем случае — конюшенного. Придворное отличие великого хартулярия, каким, вероятно, был и севаст Феодор Хумн, главным образом состояло в том, что в случае церемониальных выездов он вместе с протостратором подводил императору коня, на котором тот должен был отправиться.

** Титул севаста принадлежал некогда одним императорам. Из лиц, не имевших царской власти, в первый раз получил его от царя Никифора Вотаниата Алексей Комнин, родоначальник династии Комниных. Сделавшись императором, Алексей Комнин придумал еще титулы пансевастов, протосевастов и проч. Но если уже протосеваст в списке придворных чинов занимал тринадцатое место, то севаст был еще значительно ниже.

чом женщина, и притом женщина лилейнораменная и прекрасноланитная, а другой передан в руки врагов и пал под их ударом. Бывали примеры, что иной лишится употребления всех жизненных сил, так что его сочтут уже умершим, судя по прекращению биения сердца, и совершенно замрет; с выражениями недоброжелательств выносят его из дворца и предают погребению; усиливаясь выговорить слово, он просит только дневного света, не гонится за властью, но так и погибает, как худший из людей, заслуженно подвергаясь лютейшей смерти. А к иным смерть тихо подступала, и они переселялись в другой мир, смежив очи как будто бы только для сна. Одни вступали на царский трон по ржанию коня, другой перешел к пышной хламиде от плуга и бороны или мальчишкой пас овец, как самый последний в семье, и оказался богопомазанным царем. Но возможно ли исчислить все или хотя большую часть того, что провидение многообразно устраивает и совершает на пользу каждого человека?

С другой стороны, царь, будучи чрезмерно раздражителен и слишком высоко мечтая о себе, казнил многих не только по какому-нибудь ничтожному и случайному поводу, но иногда просто по одному подозрению или по наущению других. Так, получивши от кого-то донос, будто бы Андроник Комнин (сын Алексея и по отцу внук кесаря Вриенния и Анны, дочери Алексея, первого царя из династии Комниных), управляя Фессалоникой, простирает виды на царский престол и уже вошел в сношения по этому делу с бывшим севастократором Алексеем, незаконнорожденным сыном императора Мануила, проживавшим тогда в Драме, царь нашел нужным немедленно схватить его. Посланные за этим, встретившись с Андроником, ехавшим к царю, рассудили очень основательно, что им ничего не оставалось делать более, как только не пугать добычи, которая сама добровольно,

на глазах их шла в Константинополь, как в ловушку, и приближалась к тому, кто имел намерение поймать ее. Представившись царю Исааку, Андроник с первого же слова слышит укоризны в неверности. Когда он потребовал доказательств, то для одного только вида нарядили судебное следствие, а затем без всякого допроса схватили Андроника, заключили в темницу и, не медля долго, лишили зрения. Мнимого же соучастника его в покушении на царскую власть, Алексея, сына Феодоры Комниной, велено было — и я был исполнителем этого повеления — постричь в монахи в одном из папикийских монастырей. Много можно было бы рассказать об этом человеке, но я ограничусь малым. Он был высокого роста, сильный и умный мужчина, лицом совершенно походил на своего отца, а крепостью руки и шириной плеч даже превосходил его, и сверх того, был чрезвычайно любезен и обходителен со всяким. Вследствие таких качеств многобедственный царь Андроник выдал за него свою дочь Ирину, решившись допустить незаконный брак, только бы включить Алексея в число своих ближайших родственников, а после этого сначала привязался к нему даже более, чем к собственным сыновьям, и хотел назначить его своим преемником, однако впоследствии передумал и предпочел ему своего сына Иоанна, сказавши тем из приближенных, кого посвящал в свои сокровенные тайны, что царская власть не перейдет от *А* к *А*, но по Божию изволению склоняется и направляется более от *А* к *И*. Вместе с переменой планов Андроника относительно Алексея прекратилось и его дружественное расположение к нему: Андроник уже не любил Алексея так искренно и задушевно, как прежде, хотя все еще, как мужа любимой дочери, удостаивал уважения и почета; а спустя некоторое время лишил его и зрения — по причине, которую мы в своем месте изложили.

Потом Алексей взыскан был милостью царя Исаака, вызван ко двору и из севастократоров сделан кесарем*. Несмотря на то, сколько мог он уклонялся от придворного круга и вел самую уединенную жизнь; однако и при этом не избавился от беды. Дождавшись, таким образом, еще более худшего исхода и оборота своих дел и будучи поставлен в необходимость принять против воли пострижение, он не просил, подобно одному древнему мудрецу, испытавшему превратности судьбы, ни хлеба, ни губки, ни гитары: хлеба — чтобы поддержать телесные силы, изнуряемые лишением пропитания; гитару — чтобы с ней, как с подругой, брюзжать про свои собственные бедствия; и губку — чтобы отирать источники слез, изливающиеся из его очей, как сквозь продолбленный камень; но кротко подчинился своей печальной участи, не ропща и не жалуясь ни на промысел, ни на изменчивость и непостоянство счастья, а на лишение имуществ смотря спокойнее, чем иной смотрит на приобретение. Когда из Драмы, где я взял Алексея, мы прибыли с ним в Мосинополь и собирались подняться на Папикий, чтобы там совершить над ним установленные для пострижения в монашество обряды, он по чувству человеческой слабости задумался и сделался мрачен, будучи не в силах подавить в себе внутреннего сокрушения. Я хотел успокоить его и спросил о

* Сан севастократора был самый высший после императора; имя севастократора провозглашалось вслед за именем царя. В описываемое время севастократорами были: дядя царя Иоанн Дука и родной брат царя Алексей, после него сам бывший царем. Кесарь в ряду чинов занимал уже третье место. Тем не менее, когда Алексей, сын Феодоры Комниной, бывши при Андронике севастократором, при Исааке стал кесарем, то он должен был считать это милостью после своего падения при Андронике и вообще после перемены в престолонаследии, происшедшей вследствие воцарения Исаака. Как со званием севастократора, так и со званием кесаря не соединялось никакой должности.

причине внезапной перемены с ним. «Любезный друг,— отвечал он,— не наружный вид меня пугает (что значит перемена в цвете одежды?); но я боюсь соединенных с ним обетов и думаю о том, как нелегко войти в царство небесное человеку, который, кладя руку на рало, безумно глядит назад!» Так и облекся он в рубище Христово — с явным выражением неволи, делая замечания вроде приведенного, как человек вообще весьма умный, и нисколько не слушая того, что при этом читалось и пелось, а только по долгу пострижения позволивши себя остричь и назвать новым именем — Афанасий. Но подивиться можно и подумать, что это даже не простая случайность: из всех обителей на Папикии ему пришлось поселиться именно в той, где был пострижен по повелению царя Мануила протостратор* Алексей без всякой совершенно причины, как мы уже говорили об этом выше, а разве потому только, что владел огромным богатством, был мудр в совете и искусен в исполнении планов. Таким образом, и моему Комнину Алексею суждено было испытать, как, по пословице, с отцовской** оскомины болят зубы и у детей. Впрочем, не прошло еще полных трех месяцев, как царь Исаак вызвал оттуда Алексея опять к себе и через то доказал самим делом, что он поступал в своих действиях без всякого соображения и руководился единственно переменчивыми направлениями, господствующими на многобурном море придворной жизни. Принимая Алексея к своему столу, он в знак особенного отличия угощал его всегда, как в

* *Протостратор* — начальник страторов, которые должны были смотреть за царскими лошадьми. В списке придворных должностей он занимал восьмое место.

** Пословица кстати не по родственным отношениям обоих Алексеев, а по сходству личных достоинств и судьбы лучших представителей двух поколений.

древности Агамемнон Аякса, жирной хребтовой частью мяс и, предлагая бесцеремонно есть подаваемые кушанья, приговаривал часто: «Кушай, настоятель!»

Не один Алексей и Андроник подверглись столь незаслуженному наказанию. Точно так же поступил Исаак с Константином Аспиетом. Ходатайствуя о войске, над которым начальствовал во время войны с валахами, Константин сказал только, что солдаты не в силах успешно бороться в одно и то же время с двумя неприятелями, валахами и голодом, и что необходимо выдать им не выдававшиеся целый год провиантские деньги. В неудержимом порыве гнева царь приказал задержать его и затем немедленно отрешил его от должности и лишил зрения, опасаясь, чтобы под предлогом оправдания себя этот человек не возмутил всего войска.

Между тем сын того Андроника Комнина, о котором мы сейчас упоминали,— не знаю, для того ли, чтобы вместо отца действительно произвести восстание, за которое тот был наказан, или чтобы только помочь родителю,— спустя недолго по ослеплении его явился в Великую церковь и изъявил желание, чтобы собравшийся народ вывел его из церкви прямо на престол и провозгласил царем. А был праздник. Но еще не успели собравшиеся в храме узнать о цели, с которой он сюда пришел, как он уже был схвачен и за покушение к мятежу лишен зрения. Его не вразумили примеры несчастной участи людей, шедших прежде его избранной им дорогой и не достигших цели; зато его собственный пример предостерег уже всех от наказания за покушение на царскую власть под предлогом найти убежище в храме, и он некоторым образом запечатлел и завершил собой число такого рода мятежников, потому что после него никто уже не решался идти этим путем.

3. Так как дела на западе становились между тем все хуже и хуже и валахи вместе с команами постоянно производили разорительные и опустошительные набеги на римские области, то царь снова предпринял поход против них. Действительно, прошедши мимо Анхиала, он обходом проник в Эм, но скоро уверился, что не в состоянии будет совершить что-нибудь достойное царского присутствия в войске, и решил кончить поход в два месяца. В самом деле он нашел, что тамошние укрепления и городочки были защищены гораздо сильнее прежнего и обнесены новопостроенными стенами, которые по местам увенчивались башнями, а между тем их оборонители если и решались появляться вне их, то, прыгая как олени по высотам и взбираясь на крутизны подобно диким козам, решительно избегали рукопашного боя. Сверх того, опасение нападения со стороны скифов (так как время еще позволяло им совершить переправу) также побуждало императора поскорее воротиться оттуда назад. К сожалению, он не захотел отправиться в обратный путь той же дорогой, которой пришел, а стал искать другую, кратчайшую, рассчитывая спуститься по ней через тамошние долины прямо в Веррою, и тем погубил большую часть своего войска, а если бы не Господь был с ним, то и сам *вселился бы в аде*. Вместо того чтобы идти по широкой местности, которая позволяла бы иной раз сколько-нибудь развернуться коннице, он запер себя и свое войско в непроходимые ущелья и горные овраги, в глубине которых струился ручеек. Впереди, таким образом, шли протостратор Мануил Камиц и Исаак Комнин, по дочери зять Алексея, впоследствии бывшего царем; в арьергарде севастократор Иоанн Дука, дядя царя по отцу; а середину фаланги, впереди которой двигался обоз и тянулась состоящая вне строевого войска прислуга, занимал сам царь Исаак и родной брат его, севастократор

Алексей. Между тем варвары, появляясь по обе стороны узкого прохода, в котором двигалось наше войско, явно всякую минуту угрожали нападением. Однако авангард благополучно прошел теснины, не встретив сопротивления со стороны валахов, без сомнения рассчитывающих, что будет выгодно, дозволив передовым отрядам войска без кровопролития перебраться через высоты, грянуть прямо на середину и ударить именно на ту часть фаланги, где находился сам царь, его свита, равно как вся сопровождавшая его знать,— и они не ошиблись в расчете. Едва только император вступил окончательно в это тесное ущелье, в котором решительно некуда было убежать, мгновенно варвары обрушились на него всей громадой. Впрочем, римская пехота не вдруг потерялась. Напрягая все силы, чтобы не быть окруженными, римляне быстро двинулись на высоту ущелья и сначала, хотя с большим уроном, кое-как отбили нападавших с вершин горы варваров. Но потом, уступая многочисленности, под страшным градом летевших сверху каменьев они начали отступать — неторопливо, в порядке, как будто с целью заманить, и уже наконец — так как неприятели постоянно более и более брали верх, налегая и давя своей массой,— все войско спуталось совершенно. В ужасной суматохе, когда каждый заботился только о своем личном спасении, неприятели резали всех, кого настигали и кто попадался в руки, как убойный скот, запертый в хлеве. Некому было защищать, да никто и не мог защитить. Сам царь, попавшись, как в тенета, много раз пытался отразить направленное против него нападение варваров, но ничего не мог сделать и даже потерял с головы каску. Около него в большом числе сгруппировалась вся знать, бывшая в отряде, и, чтобы проложить ему дорогу для выхода, пришлось пожертвовать жизнью не только большого числа лошадей, но, как говорят, и

солдат римских, которые, столпившись, загораживали проход. Таким образом, много было побито народу, чтобы спасти его только одного. Соединившись с передовыми полками, царь, подобно Давиду, *пожре жертву хвалы* Богу, осенившему его главу в бывшем сражении. Между тем севастократор Дука, видя, что прямо невозможно было пройти, пошел другой дорогой, удачно напавши на какого-то доброго проводника, которого сманил из рядов неприятельского войска один солдат его отряда, по имени Литовой, и по ней прошел беспрепятственно. Добравшись по течению упомянутого ручья до Веррои, царь узнал, что в передовом отряде войска, без урона прошедшем через ущелье, были распространены самые недобрые толки насчет его судьбы,— именно, говорили, будто с остальным войском и сам он погиб. Поэтому для уничтожения опасных слухов он должен был пробыть там в разных местах несколько дней и потом уже возвратился в царствующий город. Между тем печальная молва о государе быстро сменилась другой вестью, которую, подобно Аннону Карфагенскому, как птиц, распустил по городам сам царь, приказавши везде объявлять об одержании им победы. Но ни Аннон не получил большой пользы от множества певчих птиц, которых он сначала выучивал говорить, что Аннон — Бог, приказывая маленьким детям постоянно сидеть при них и беспрерывно повторять эти слова, а потом распускал в разные стороны, чтобы они везде распространяли о нем свою песнь; потому что, будучи выпущены на волю, они уже не распевали того, что Аннон — Бог, но опять начинали петь по-прежнему, как свойственно птицам; ни царь не наслаждался долго славой победителя, так как многочисленная потеря убитыми наполнила все города плачем и заставила деревенских жителей петь горькие песни. Воротившись в Царьград, он несколько умерил свою гордость, и вообще это

поражение подействовало на него сильно. А прежде он очень высоко о себе думал. Перед отправлением в поход против варваров, прилагая к себе пророческие слова, он был уверен, что *с веселием изыдет, и с радованием возвратится*, что *горы и холми возскачут, приемля* его *с радостию, и вся древеса сельная восплещут ветвми, и вместо драчия взыдет кипарис, и вместо кропивы взыдет мирсина* (Исаии 55, 12 и 13). Он от души верил всем нелепым отзывам о себе придворных льстецов и часто, высказывая то, что таилось в сокровенной глубине его сердца, говаривал, что не за общие наши грехи и не за оставление всеми праведных судов Божиих заградил Господь уши свои, не внимая молитвам нашим и предавши нас в наказание *народу буему и неразумному*, но что все, пострадавшие от варваров, праведно преданы своей злой доле в наказание за участие в восстании, которое было воздвигнуто против него Враной. Самые бесовские понятия и рассуждения, какие только приходили когда в голову кому-нибудь из государей,— думать, чтобы Господь предавал лютым народам десятки тысяч добрых людей и попускал подвергать их, как овец, обреченных на заклание, рабству или смерти, в наказание и возмездие за какое-нибудь преступление, совершенное против его особы кем-нибудь из его подданных! Какой многослезный Иеремия в состоянии будет достаточно оплакать всех этих несчастных, которых варвары взяли в плен, истребили или продали в отдаленнейшие страны, и притом такие, в которых даже имени Христова не призывается? Но то ли еще толковал царь! Он говорил, что оснует всемирную монархию, выжмет сок из всех народов, сам пойдет в Палестину, освободит ее и приобретет *славу ливанову*, а измаильтян оттеснит за реку Евфрат, возьмет в плен и вообще разгонит всех язычников. Царь прибавлял к этому, что тогдашние его полководцы будут непохожи на нынешних,

напротив, будут гораздо сильнее, съедят богатство народов и высосут жирный мозжечок из их костей, по власти и знатности равняясь нынешним королям, или топархам. Все это вдолбили Исааку будто бы из нашей же братии разные пустомели, подобной болтовней, как моль, незаметно подтачивая и проедая жадный до всякой диковинки и новинки рассудок его; или, лучше, как няньки убаюкивают детей в колыбели, так они напевом подобных басенок располагали к неге и усыпляли царя в его праздной и распущенной жизни, как будто бы несмотря на то что он ничего не будет делать, наступит определенный час, и все царства сами покорятся ему, точь-в-точь как древние живописцы рисовали Тимофея: он спит, а счастье ходит кругом него, загнавши все города в одну вершу, и передает их ему во власть*. Но что еще страннее, он с полнейшей определенностью рассказывал, будто Андроник Комнин, которого сам он, свергнув с престола, предал жестокой смерти, должен был управлять римской империей девять лет, но будто Бог за его злодеяния девятилетнее его правление сократил в трехлетнее, остальные шесть лет его царствования пришивши, как какой-нибудь кусок лохмотья к порфире, к царствованию его, Исаака, и вследствие того во все течение этого времени он не может быть слишком снисходителен и справедлив или думать единственно об одних только благодеяниях, так как вредоносные Андрониковы годы необходимо тянут и влекут его к

* Вариант на слова: *Все это вдолбили... ему во власть*. Говорили в народе, будто все эти прорицания внушил ему патриарх Досифей, которого он во всем слушал и которому на слово верил, как учителю, или, лучше сказать, как дети слушаются нянек и спокойно лежат в своих люльках, так и царь, совершенно погрузившись в его баснословные прибаутки и припевы, решительно ни за что не хотел взяться: все придет в свое время, думал он и говорил. Это было так странно и так смешно!..

Андроникову образу мыслей. Не оправдывает ли сверх ожидания это воззрение и самого Андроника, если в самом деле он царствовал в очень вредоносные времена и должен был подчиняться судьбе или необходимости — я предоставляю судить желающим*. Но прошло шесть лет, и царь Исаак собственными делами доказал, что не известный период времени, а известная настроенность мыслей внушает и определяет некоторым их образ действий; потому что, обещавши своим подданным большее благополучие в последующие годы царствования, в действительности он ничего не сделал лучше прежнего.

4. Между тем валахи, привыкши постоянно побеждать римлян и, благодаря доставшейся от римлян добычи, разбогатевши как денежными средствами, так вместе всякого рода оружием, начали наконец неудержимо нападать и во время своих набегов не только опустошали села и деревни, но вооружались даже на укрепленные города. Так, они разграбили Анхиал, покорили Варну, разрушили значительнейшую часть Триадицы — города, который в древности назывался Сардикой, не оставили ни одного человека в Стубье, проникли даже в Нис и захватили там немалую добычу людьми и скотом. Будучи окружен со всех сторон, как сот пчелами, и не зная, кому из страдавших от нападения врагов прежде подать помощь и о ком можно отложить заботу до конца, царь решился разделить войско между полководцами. Таким образом, он восстановил Варну, укрепил башнями Анхиал, по-

* Вариант на слова: *Не оправдывает ли... судить желающим.* Подобное рассуждение явно оправдывает Андроника, как ни в чем не виноватого и делавшего дурное не по собственному желанию, но вследствие неизбежного гнета и тяготения дурных времен. Кто так говорит, тот, очевидно, восстает против Бога и проповедует учение о случае или о судьбе, подобно некоторым из древних эллинов...

ставил в обоих этих городах гарнизоны и, казалось бы, ко всему приложил заботу; а дела противников, несмотря на то, опять получили перевес! Во время осенних поворотов царь выступил сам в филиппопольскую провинцию, взяв с собой женскую половину своего двора, и, сколько было возможно, отразил набеги валахов и скифов. Мало того, он двинулся против сербского жупана, который, продолжая свои злодейства, разорил Скопии: войска встретились при реке Мораве; варвары не устояли, и когда началось преследование, то понесли значительную потерю убитыми и утонувшими в воде. Прошедши Нис, он соединился потом около реки Савы со своим тестем, венгерским королем Белой, пробыл там довольно времени и затем воротился опять в Филиппополь, а оттуда прибыл в столицу, избегая дорогу через Эм.

После того, желая дать новое управление филиппопольской области — так как ее население в особенности страдало постоянно от неприятельских набегов,— царь послал туда в должности военного начальника своего двоюродного брата Константина, назначивши его вместе с этим также дуксом флота*. Константин едва еще достиг юношеских лет; но как молодые львята с самого рождения страшны своим гордым взглядом, косматой гривой и острыми когтями, так он уже умел казаться грозным и до такой степени приучил вверенное ему войско к повиновению и страху, что достаточно было ему повести бровями или указать рукой, и оно с готовностью летело исполнить его приказания. Он родился быть полководцем и хорошо вел дело. А если когда порывы юности и увлекали его от долга, то опытность состоявших при нем помощников, сдерживая их, не допускала его пере-

* Дукс флота, или великий дукс, есть главный начальник всех морских сил империи.

ступать законные границы. Оттого мятежные валахи страшились его столько, сколько не боялись даже самого царя. Несколько раз, когда Петр и Асан собирались грабить окрестности Филиппополя или Веррои, Константин узнавал их планы, настигал их, разбивал наголову и стремительно преследовал их фаланги; так что они стали делать набеги уже не так часто, как прежде. Но вместо того, чтобы посвятить эти полезные дела спасению отечества и благу подведомственных городов, Константин пошел противоположной дорогой. Надмившись своими небольшими победами, по легкомыслию молодости, он начал подделываться к состоявшим при нем войсковым начальникам и даже к тем из солдат, которые ему были известны почтенным происхождением или знанием военного дела. Таким образом, в короткое время он успел склонить их к осуществлению своих намерений и потом, вместо военачальнической одежды облекшись в царскую, надел пурпуровые сандалии, как знак принятия царской власти, а между тем письменно известил о происшедшей с собой перемене супруга сестры своей, великого доместика запада* Василия Ватаца, который жил тогда в Адрианополе. Но этот последний мало того, что не одобрил его замыслов и не соблазнился ни его ребяческой решимостью, ни его самонадеянным письмом, напротив, горько смеясь над его несвоевременным и безрассудным честолюбием, заранее оплакивал его погибель, которая действительно и постигла его в самом непродолжительном времени. Именно, когда Константин отправился из Филиппополя в Адрианополь с целью против воли

* Название великого доместика запада обозначало должность главного начальника всех сухопутных войск, расположенных в европейских областях греческой империи, которые назывались западом по отношению к малоазийским провинциям, носившим также громкое название восточных провинций или востока.

привлечь в соучастники своего предприятия и помощники себе зятя своего Ватаца, то едва только он доехал до Неучика (это место лежит на самой границе между обеими епархиями, то есть адрианопольской и филиппопольской), как его схватили и препроводили к царю те самые, кто подстрекал его к восстанию и провозглашал императором. Вместе с тем эти господа, чтобы для оправдания представить свои действия с благовидной стороны, донесли царю, что сами они не по каким-нибудь другим побуждениям склонялись и переходили прежде на сторону юного мятежника, но единственно поневоле — уступая времени и обстоятельствам (так как, видите ли, им было тогда небезопасно и несподручно противодействовать намерению Константина: он был самый раздражительный из всех когда-либо бывших полководцев и немедленно обнажал меч против всякого, кто решался возражать на его приказания), и что настоящий их поступок, как скоро они получили возможность привести его в исполнение, служит с их стороны доказательством их непоколебимой верности царю. Хотя царь ясно понимал все эти хитросплетения и вымышленные предлоги изменчивых интриганов, однако он одобрил их поступок, как выгодный для себя, и никого из бывших соумышленников Константина явно ничем не наказал, самого же его ослепил. Между тем валахи до такой степени были рады, в особенности Петр и Асан так торжествовали при виде постигшей Константина участи, как будто бы он домогался царской власти собственно над их страной. «Царь не в состоянии был,— говорили они,— оказать большего благодеяния валахам иначе, как ослепивши Константина», остроумно осмеивая таким образом римлян, дела которых постоянно упадали и становились все хуже и хуже*.

* Вариант на слова: *Между тем валахи... все хуже и хуже.* Валахи, а более всех Петр и Асан, очень радовались ослеплению Константина, так как

В то же время они желали фамилии Ангелов, владевших Римской державой, много лет царствовать и умоляли провидение, чтобы она, если можно, никогда не вымирала и не потеряла царской власти, в виде причины на свою мольбу предрекая,— не знаю уже, кто и каким образом так верно надоумил их в этом, да будут они прокляты,— что в продолжение их царствования положение валахов будет постоянно более и более возрастать и возвышаться, так что они даже расширят свои владения за счет чужих областей и городов, и из среды их самих произойдут *князья и вожди от чресл их*. И в самом деле, с этого времени они не прекращали набегов со своей скифской фалангой, имея в виду разрушить какое-нибудь укрепление, разграбить несколько сел или разорить известные города, и опустошали все, что ни попадалось на пути, то нападая на Филиппополь, то осаждая Сардику, а иногда подступая даже к Адрианополю. Со своей стороны римляне отражали их все слабее и, если когда сопротивлялись или вступали в битву, то наносили противникам весьма немного вреда.

5. Подобно состязателю на бегах или на ристалище, предположивши безостановочно пробежать пространство самого блистательного царствования, царь Исаак остановился тотчас же подле черты, от которой начинается бег, и не только не сделал большого числа кругов на арене доблестей, но в изнеможении потерял необходимую для состязания бодрость и совершенно обессилел от одного порыва своих похвальных предположений. Таким образом, передавая вожжи, или бразды общественного управления, то тому, то другому, как будто бы через то в самом деле достигал всякий раз лучшего употребления власти, он наконец вверил распоряжение и управление всеми делами дяде своему по матери, Феодору Кастамониту. Это был образованный человек, весьма хорошо понимавший управление делами, в особенности все, что касается сбора общественных податей, и царь, возведши его в сан секретологофета*, стал как бы его подданным, во всем следуя его указаниям, или, лучше, его крепостным слугой, без всякого почти рассуждения исполняя все, что он ему прикажет. К сожалению, Кастамонит страдал расслаблением ножных сочленений**, так что часто нужно было приносить его к государю на руках, и обыкновенно два носильщика вносили его на носилках, как амфору*** с вином; а когда он потолкует с царем о разных выгодах или, лучше, как мелочный торговец, выбарышничает у него управление делами римлян и какую-нибудь малость даст за них, то его опять выносили таким же образом. Между тем толпы народа, правительственная знать и все кровные родственники царя сопровождали этого живого мертвеца, бежали впереди или шли по обеим сторонам его носилок, оплаки-

предполагали, что если бы Константин овладел престолом, то царство Болгарское мгновенно улетучилось бы. Они говорили, что не могли получить от царя большего благодеяния, как то, которое он теперь сделал им, выколовши для их пользы Константину глаза, осмеивая таким образом и унижая римских царей за то, что они теряли такую значительную область.

* Секретологофет, собственно, был начальник государственного казначейства; но, заведуя преимущественно финансами, он в то же время имел важное влияние на все другие отрасли государственного управления. Впоследствии именно в царствование Андроника Палеолога-старшего секретологофеты получили титул великих логофетов, соответствующий власти первого министра.

** *Вариант*: подагрой.

*** Ἀμφορεὺς — amphora, сосуд для жидкостей с двумя ручками. Автор наведен был на это сравнение, по всей вероятности, не столько тем, чтобы амфору всегда вносили непременно двое, сколько игрой слов: *ἀναφορεὺς* — носилки и *ἀμφορεὺς* — амфора, носилки для жидкостей; слово, употреблявшееся иногда также в смысле вообще носилок.

вая не его, но собственную свою участь, потому что ничего не делалось без его воли: даже никто из самых важных сановников не смел сесть в присутствии Кастамонита, но все должны были стоять перед ним, как рабы. И царь не огорчался этим, хотя видел, что принадлежащая ему честь незаконно переходит к другому, что его царское достоинство рвется на куски, нисколько не думал об устранении подобной нелепости; напротив, одобрял такой порядок вещей без всякой ясной и уважительной причины. Наконец он дозволил ему, вовсе несоответственно его прежнему священному состоянию, употреблять при выездах на коне пурпуровый науздник, такого же цвета чапрак и подписываться красными чернилами как под государственными документами, так и под своими частными письмами*. Так текли дела в своем необычном и противоестественном порядке, пока наконец благодетельная болезнь не придавила этого человека, приливом вредных соков быстро отнявши движение всех его телесных составов и павши преимущественно на голову**. Это было пятнадцатого августа: Кастамонит, желая присутствовать при богослужении в праздник Успения Божией Матери, со всей пышностью, в сопровождении многочисленной свиты государственных сановников ехал через торговую площадь в обитель Владычицы, как вдруг, первый раз в своей жизни, услышал, что кто-то назвал его государем, а потом императором,— так как льстецы и обычные прислужники временщиков прибегали даже к таким грубым выражениям лести,— и в это самое мгновение, как заметили наблюдательнейшие из бывших в свите, вследствие необычайности обращения к нему высочайших титулов, его ударила эпилепсия. В ту же минуту один случившийся при этом судья Вила (я охотно умалчиваю об его имени), распахнув одежду логофета, бросился перевязывать его икры поясом своего собственного нижнего белья, надеясь задержать таким образом подъем из них к голове вредной материи; но, разумеется, этим не спас его от решительного удара в голову и только подверг себя общему посмеянию как вследствие того, что его платье спустилось довольно неудобно, так и за свою быструю и благовоспитанную находчивость. Получив, впрочем, в этот сладостнейший день по возможности некоторое облегчение от болезни, Кастамонит скоро опять был поражен ею и через несколько дней отдал душу. Он был всегда слабого здоровья и от постоянного сидения по своему болезненному состоянию страдал пролежнями. Но безобразие становится очевиднее, когда вспомнишь о нем наряду с красотой. В самом деле, по смерти Кастамонита благосклонность царя перешла к одному очень молодому человеку, которому следовало бы еще учить азбуку и таблицу умножения. А когда этот скончался, то главное управление общественными делами взял на себя один маленький мальчик, только что ознакомившийся с употреблением пера и чернил. Он не только вертел и ворочал по своей воле самим государем, как известная рыбка, называемая передовою (προπομπεὺς), китом, но распоряжался также всеми делами по военному ведомству, без всякого сомнения еще в пеленках изучивши трудную науку государственного управления или даже прежде своего рождения вполне ознакомившись с житейской мудростью, подобно Сивилле, которая, говорят, как только вышла из матерной утробы, тотчас же и начала рассуждать о составе

* Преимущества, принадлежавшие императору.

** Вариант на слова: *пока наконец... на голову*. Пока сильнейший припадок подагры, поразивши его руки и ноги, не поверг его в ужаснейшие страдания и наконец не довел до эпилепсии, человеколюбиво сжалившись над тем, кто не хотел пожалеть самого себя, и некоторым образом излечивши его от его горделивой надменности.

вселенной. Пользуясь еще большей силой, нежели Кастамонит, при своей бойкости в суждениях почти обо всем и при изобретательности в деловых предприятиях, он что хотел, то и приказывал императору, а потому самому считался у него свыше ниспосланным благом, веселящим душу, как молодая зелень на поле, или, лучше сказать, составлял его величайшую драгоценность, как какая-нибудь перозская жемчужина. И был он точно шмель или комар, жужжащий в ухо льву; чернокожий карлик, управляющий громадным великаном земли — слоном; снурочек, которым тащат верблюда за нос, или, как выразился бы иной остряк, густая сера, заложившая царские уши и препятствующая доступу к ним извне живых звуков; закрытый проход, узкая дверочка, замочек на дороге к царю! Широкие ворота, которыми прежде свободно проходили к государям просители, окончательно были заперты, и пытающиеся войти ими в совершенстве уподоблялись юродивым девам, потому что никто по их стуку не отворял им входа. А если когда на бесконечный стук кто-нибудь и проглядывал сквозь дверную щелку, то ни на какие вопросы никогда уже не было другого ответа, кроме того, чтобы шли на заднее крылечко. Но и там нелегко было добиться пропуска, если кто не нес чего-нибудь за пазухой, хотя бы даже пришлось продать с себя рубашку. Чтобы приобрести любовь императора и одному заменить у него всех, этот дитя-старец употреблял в дело как свой оборотливый, льстивый и в затруднительных случаях находчивый ум, так равно изменчивость и скрытность, бывшие у него в характере, что доказывали его густые и совершенно сросшиеся брови. Но в особенности он привлек к себе расположение и доверенность царя тем, что, делясь иногда с ним взятками, отличался в этом отношении замечательными промышленными способностями и такой беспредельной страстью к поборам, что

не только хапал деньги всякого рода и тащил вещами, нужными в жизни, но не пропускал ничтожных мелочей, брал дынями и заваливал себя всех сортов съедобными фруктами и овощами.

6. Однако мы уклонились. Вернемся к тому, о чем начали было говорить, и в коротких словах представим с возможной ясностью, как вообще вел себя царь Исаак во все время своего пребывания в Царьграде. Он жил великолепно и любил угощать гостей. Его стол был истинно соломоновский*, равно как одевался он, подобно Соломону, всегда в новые одежды, и каждый его пир представлял собой горы хлеба, царство зверей, море рыб и океан вина. Постоянно принимал он через день освежительные ванны, натирался благовонными помадами, прыскался духами, увешивался множеством разных одежд, представляя собой как будто модель какого-нибудь корабля, и завивался. Нарядившись таким образом подобно влюбленному в свою красоту павлину и никогда не позволивши себе два раза надеть одно и то же платье, он каждый день являлся из своих палат, как жених из спальни или как светлое солнышко из прекрасного моря. Любя забавы и услаждаясь песнями нежной музы, царь наполнил дворец шутами и карликами, отворивши также двери всякого рода комедиантам, скоморохам, тунеядцам (παρασίτοις) и песенникам. За всем этим, само собой разумеется, неразрывно следовало бесчинное пьянство, наглое сладострастие и все другое, что так быстро разрушает организм здорового и благоустроенного государства. Однажды царь сказал за обедом: «Подайте мне соли (ἅλας)», а один случившийся комедиант, самый веселый и остроумный из всех

* *Вариант*: он отлично кушал, ежедневно давая сибаритские обеды и угощая сладостнейшими напитками. Сравн. 3 Цар. 4, 22 и 23.

комедиантов того времени, по прозванию Халивур, окинув взором общество присутствовавших за столом женщин, состоявшее из нескольких прислужниц и родственниц царя, воскликнул в ответ: «Царь, познаем прежде этих, а потом прикажи подавать и других (ἄλλας)!» При этом каламбуре* все мужчины и женщины расхохотались, царь переменился в лице и едва, овладевши кое-как мгновенной вспышкой гнева, удержался от выражения негодования на свободную выходку шутника. Впрочем, разъезжая по местам, отличающимся красотой видов или прелестью климата, царь бывал в столице только промежутками и появлялся в известные периоды, как птица феникс. Более всего он был занят сооружением громадных зданий и так рьяно устремлялся к осуществлению задуманного, что при этом большей частью не смотрел ни на какие требования долга. В обоих дворцах** он построил великолепные бани и жилые помещения (διαιτήσεις), воздвигнул в Пропонтиде роскошные дома и насыпями образовал в море небольшие островки. Между тем, когда он решился построить еще во влахернском дворце башню, частью, как говорил, для защиты и обороны дворца, а частью и для собственного помещения, то разломал несколько церквей, исстари спокойно стоявших по берегу моря, обратил в развалины множество отличных домов в столице, основания которых отчасти и доселе представляют вид, невольно вызывающий слезы, и совершенно сравнял с землей великолепное здание государственного казначейства, все выстроенное из обожженного кирпича. Наряду со многими другими строениями царь разрушил тогда также знаменитые манганские палаты, не пожалевши ни красоты, ни громад-

* Каламбур заключается в одинаковом произношении слов: *ἅλας* — соль и *ἄλλας*— других (женск. р.).

** То есть как во влахернском, так и в большом.

ности здания, и не побоявшись победоносного мученика*, которому оно было посвящено. Точно так же распоряжался он, возобновляя храм Архистратига небесных сил Михаила, что в пристани. Как скоро заметит, что какая-нибудь мраморная доска в полу или в стенной обделке дворцовых палат особенно отличалась блеском полировки и изящным разноцветным рисунком природных линий, тотчас же приказывал перенести ее туда. Он собрал в этот храм все живописные и мозаические изображения Архангела старинной и дивной работы, какие только хранились где-нибудь в городе или сберегались, как святыня, по церквам в селениях и местечках**. А желание царя какими бы то ни было средствами перенести из Монемвасии сюда же «Распятие Христово»***, произведение, бесподобное по искусству и по изяществу, доходило даже до замечательной степени страсти. Он весь предался своей заботе, пока наконец не утащил-таки его хитростью, потому что открытое нападение было во всяком случае небезопасно. Затем он перенес в этот же храм широ-

* *Вариант*: великомученика Георгия.

** Вариант на слова: *Точно так же распоряжался... в селениях и местечках*. Желая возобновить и украсить храм или так называемую ныне лавру Архистратига, что в пристани, он перенес сюда все, что было получше, из полов храма Архистратига небесных сил Михаила или так называемой Новой (обители), равно как все разноцветные украшения из иностранных мраморов, которые давали блеск и прелесть стенам этой церкви. Равным образом он собрал в этот храм все старинные, хорошей работы иконы, представлявшие во всех возможных стилях живописные и мозаические изображения Архангела, были ли они где-нибудь в городе или хранились и сберегались в других местах.

*** Вариант на слова: *Распятие Христово.*— Икону Христа Спасителя, с дивной точностью представлявшую страдания Его, но особенно знаменитую благодатью чудес. На этой чудотворной иконе изображен был Господь и Бог наш Иисус Христос влекомым на крест. И царь не успокоился, пока не приобрел ее хитростью.

кие и чрезвычайно высокие медные ворота, которые прежде замыкали вход в большой дворец, а в наше время сторожили тюрьму, называвшуюся по ним медной, обобрал для него всю церковную утварь и все священные сосуды из знаменитой придворной церкви, которая называлась новой обителью. И всем этим царь величался и превозносился, как иной не превозносился бы самыми прекрасными делами. Предпочитая тень действительности, он считал похищение посвящением и перенесение принесением, между тем как на самом деле в его распоряжениях не было даже тени доброго дела и очень мало представлялось или, лучше сказать, не представлялось никаких признаков благочестия. Он воображал, что Бог не гневается, напротив — радуется, когда он один храм, лишая прежнего блеска, отдавал птицам на гнезда и ежам на норы, а другой возобновлял на счет чужих драгоценностей и украшал похищенными убранствами.

7. Царь даже имел дерзость — чтобы не сказать более — обращать священные сосуды в обыкновенное употребление и, отнимая их у Божиих храмов, пользоваться ими за собственным столом. Он употреблял также вместо кубков для питья чашеобразные изделия из чистого золота и драгоценных камней, висевшие над царскими гробницами, как благоговейное приношение почивших Богу; обращал в рукомойники ненаглядно прелестные, бесподобной работы водоливни, из которых умываются левиты и священники, приступая к совершению божественных тайн; снимал с честных крестов, равно как с досок, заключающих в себе бессмертные Христовы изречения, драгоценные оклады и делал из них ожерелья и цепи, а после и эти цепи по своему произволу переделывал для другого употребления, совсем некстати прилаживая их к разным царским одеждам. Когда же кто-нибудь решался напомнить, что такие поступки неприличны

ему, боголюбезному самодержцу, наследовавшему от предков славу благочестия, что это просто святотатство, то он сильно и горячо вооружался против таких замечаний, находя, что они выражают явное неразумие и самое жалкое непонимание истины; потому что, с напряжением говорил он, царям все позволительно делать, и между Богом и императором в управлении земными делами отнюдь нет такого несоединимого и несъютимого расстояния, как между утверждением и отрицанием*. Настаивая на том, что подобные распоряжения, без всякого сомнения, непредосудительны и неукоризненны, он приводил в пример, что самый первый и знаменитейший христианский государь Константин также повелел один из гвоздей, которыми пригвожден был Господь славы к древу проклятия, вделать в узду своего коня, а другой вставить в шлем; но о цели, с которой равноапостольный император употребил эти вещи как украшение для себя, именно о его намерении показать таким образом эллинам, которые считали евангельскую проповедь юродством, что слово крестное имеет божественную силу, разумеется, умалчивал.

Кроме того, царь, подделывая серебро, чеканил не настоящую монету**, вообще не безукоризненно собирал деньги: увеличивал тяжесть общественных налогов, употребляя их на излишества своей беспутной жизни, и публично продавал на откуп должности, торгуя ими, как рыночные торгаши овощами. Случалось, впрочем, что иных он посылал на епархии

---

* Вариант на слова: *потому что, с напряжением... и отрицанием.* Потому что на земле, говорил он, нет никакого различия по власти между Богом и между царем: царям все позволительно делать и можно нераздельно употреблять Божие наряду со своим; так как самое царское достоинство они получили от Бога, и между Богом и ими нет расстояния.

** Вариант: Этот государь делал поддельную монету, примешивая к серебру медь и выдавая его за чистое серебро.

по-апостольски, без кошелька и без котомки, именно когда знал, что это были люди правдивые, не подлежащие очаровательному влиянию золота, которые не прятали всех общественных сборов себе в дом, но добросовестно платили долг казне. Что же касается храмов, церквей, молитвенных домов, святых обителей, то щедростью к ним он превзошел всех государей: одни, приходившие в упадок от времени, поправлял; другие, утратившие свой блеск, расписывал разными живописными и мозаическими украшениями. А к Божией Матери царь питал такую веру, что готов был отдать ее иконам всю свою душу. Поэтому он сделал множество золотых окладов на ее образа, украшенных драгоценными камнями, и эти образа жертвовал потом в те церкви, куда преимущественно стекался православный народ для молитвы. Дом севастократора Исаака, что на самом обрыве Софийского залива, он обратил в гостиницу, устроивши в ней стол на сто человек, равное число кроватей и столько же стойл для лошадей; так что все, приезжавшие туда ежедневно, могли жить в ней без всякой платы по несколько дней. Равным образом он превратил в больницу царские палаты, которые построил царь Андроник при храме Сорока мучеников; купил еще у бывшего владельца так называемый дом великого друнгария* и из него сделал также приют немощным, не пожалевши никаких издержек, чтобы доставить все средства для поправления больных. Когда пожар истребил северную часть города, то царь раздавал лицам, лишившимся домов или имущества, деньги, стараясь облегчить их потери. При восшествии на престол он раздал жителям города пять центенариев золота. С наступлением Великой Недели, в которую вспоминают-

* Великий друнгарий — название должности одного из начальствующих лиц по морскому ведомству, состоявшему в главном управлении великого дукса.

ся страдания за нас Богочеловека, он обыкновенно рассыпал пособия вдовам, оставшимся беспомощными по смерти своих супругов, дарил девицам что нужно на брачные подарки, приданое и на свадебные расходы. Не довольствуясь щедрыми дарами отдельным лицам, семействам и фамилиям, случалось, что он оказывал благодеяния целым городам, снимая с них подати. Словом сказать, он так любил оказывать милость и так разорялся на пособия нищим, что сыпал на них казенные доходы обеими руками. А отсюда заползла к нему и прикровенно угнездилась в его душе пагубная мысль, что он вправе приобретать деньги не всегда праведными путями, что при чрезвычайных расходах, доходивших до беспутной расточительности, он может назначать на должности людей, которые изобретали бы новые источники богатств и свои незаконно и нечестиво собранные деньги доставляли бы, как просяное семечко доброму земледельцу или ветерок — розе, ему на его благочестивые расходы*. Если он был склонен к раздражительности, то не чужд был и чувства сострадания. Часто, сам собой переходя к доброму расположению, он изменял гнев на милость, трогался жалкой участью людей и соразмерно облегчал каждому его горькую долю. При таких и подобных действиях со своей стороны, о

* Вариант на слова: *Словом сказать... благочестивые расходы.* Он до такой степени любил подавать милостыню и оказывать благодеяния и пособия бедным людям, что все, что ни приходило к нему из каких бы то ни было источников, опять и уходило таким образом. Поэтому, если к нему текли деньги неправильным путем, то он обольщал себя мыслью, что в этом нет греха, потому что он опять отдавал их туда же, откуда они пришли. В самом деле, чрезвычайные расходы заставили его принимать и посылать на общественные должности испорченных людей, которые обещали более других доставить дохода. От этого общественные дела, конечно, портились, потому что незаконно и неправедно собираемые деньги уменьшают и уничтожают надлежащие доходы.

которых мы не находим нужды говорить, царь думал, что на своем престоле он тверже, чем солнце на высоком небосклоне, и что, как крепкая пальма, цветущая при освежительном источнике чистой воды, или как высокий кедр на Ливане, так он будет царствовать и процветать несчетное множество лет. Так думал бы на его месте и всякий, рассуждая про себя, что он избрал и возлюбил благую часть, что заботился он не о мимолетных только нуждах текущих семи дней недели, но постоянно имел перед глазами и тот, восьмой, таинственный день, что если милосердный Господь, ни на одно мгновение не сводя глаз с праведного, и медленнее внимает молитвам неправедных, то, во всяком случае, Он не действует против них враждебно. Однако Бог не так рассудил; в самом деле, кто проник мысли Господа или кого Господь брал Себе в советники? Устраняя человека с дороги, божественное провидение, впрочем, как будто вдохновением внушило ему благие дела и прекрасные намерения, чтобы и после лишения его власти во многих оставалось доброе расположение к нему*.

8. Именно желая прекратить набеги и грабительства валахов, действовавших в союзе со скифами, и будучи глубоко поражен тем, что Алексей Гид и Василий Ватац, из которых первый был главой восточных войск, а последний — западных, сразившись с неприятелем близ города Аркадиополя,

* Вариант на слова: *Так думал бы на его месте... расположение к нему.* Так думал бы и всякий другой о человеке, который избрал и возлюбил благую часть и который заботился не о суетах только настоящей жизни, но постоянно имел перед глазами и требования жизни будущей, так как в полной власти и совершенной воле каждого из нас состоит избирать зло или избирать добро и делать угодное Богу. Между тем как такой человек проживет много лет, о нечестивых мы скажем, напротив, что их жизнь будет иметь скорый конец, по слову пророка: *мужие кровей и льсти не преполовят дней своих* (Псал. 54, 24).

не только не получили никакого перевеса, но Гид едва спасся позорным бегством, потеряв лучшую часть своего войска, а Ватац погиб со всей армией, царь решился опять сам, под личной своей командой, открыть наступательную войну против врагов. Начались деятельные распоряжения касательно набора и сосредоточения римских войск; собрано было значительное количество наемного ополчения. Кроме того, царь послал просить помощи у своего тестя, короля гуннского*, который со своей стороны с удовольствием согласился помочь и дал слово выслать вспомогательные дружины через Видин. Итак, собрав достаточное количество войска, взяв с собой пятнадцать центенариев золота и более шестидесяти центенариев серебра и запасшись всем нужным в походе для войска, царь в марте месяце выступил из Царьграда, поручив себя Богу, с решительным намерением твердо противостать врагам и не прежде положить оружие, как окончательно решивши дело, из-за которого он вооружился против мятежников. В случае успеха он предполагал принести благодарение Господу, а в случае неудачи — подчиниться также Его святой воле, нередко определяющей, чтобы жезл грешников служил орудием испытания праведных. С такими мыслями отправлялся царь, решившись смело идти навстречу всякой опасности; но рука Всевышнего все еще тяготела над нами, и гнев Его, как оказалось на деле, не удовлетворился теми бедствиями, которые мы должны были терпеть от валахов после их победы. Между тем как взоры государя были устремлены на ненавистных мятежников и он мечтал в своем уме об отдаленном будущем, он не видел, что в самой близи к нему были враги, собиравшиеся лишить его власти, и не замечал опасности, которая грозила

* То есть венгерского.

за домашним очагом. Впрочем, это нисколько не удивительно. Мы, люди, большей частью вообще не любим или не можем замечать так, как следует замечать, каким образом рядом или даже совершенно вместе с добрыми качествами вырастают дурные. Не говорю уже, как о предмете слишком известном, что сама природа вложила в нас сочувствие к своему, вследствие которого, невольно смягчаясь и делаясь снисходительнее в суждениях обо всем близком сердцу, мы особенно редко восстаем против дурных наклонностей и действий своей собственной особы или людей, нам милых, и с крайней неохотой соглашаемся слушать, когда нам в уши, как горох в стену, стараются вбить и вколотить толки о неодобрительных поступках любимых лиц. Так точно и царь Исаак, постоянно слыша со стороны, что его брат Алексей питает злые умыслы на его жизнь и царскую власть, что он под завесой дружбы скрывает собственно братоненавидение и что за Алексея уже более голосов, чем за Исаака, решительно отвергал все эти речи, как вздор, и не соглашался следственным розыском, как пробным камнем, обнаружить и дознать фальшивость братниных поступков. Мало того, он даже сердился, когда кто-нибудь намекал на подобные вещи, как будто этим хотели только ослабить в нем его нежную, неизгладимую и глубоко напечатленную в душе привязанность к родному брату, которого сам душегубец Андроник, единственно одного из всех, не тронул. Прибывши в приморский город Рэдест*, царь отпраздновал здесь великий праздник светлого Христова Воскресения, заклав и вкусивши таинственную пасху. Здесь же заходил он к Васильюшке. Это был человек какого-то странного образа жизни, пользовавшийся у всех славой, что он

* Ныне Родосто, город на северо-западном берегу Мраморного моря.

предсказывает и предвидит будущее, отчего народ стекался к нему во множестве и толпился в его хижине, как трудолюбивые муравьи в своем муравейнике то вползают, то выползают или как в древности ходили к оракулам Амфиарейскому и Аммонскому. Конечно, он ничего не говорил о будущем верного и определенного, но бормотал отрывочные, спутанные, противоречащие и загадочные слова, дозволяя себе часто смешные выходки; тем не менее все это чрезвычайно привлекало к нему простой народ: пастухов, земледельцев и матросов. Когда, например, приходили к нему женщины, он щупал им груди, засматривал под платье и при этом произносил свои бессвязные изречения. А на большую часть расспросов, с которыми обращались к нему приходившие, он совсем не отвечал, заключая всякий раз свои действия беганьем с места на место и достойными Пана* ужимками. Между тем несколько всегда присутствовавших при этом старых, непосестных и накуликавшихся бабенок, живших с ним по родству, растолковывали спрашивавшим совета, что именно эти действия Васильюшки означали в будущем, и объясняли его молчание, как какую-нибудь мудрую и многозначащую речь. Таким образом, говорю, этот человек у простого народа, в особенности у известного сорта женщин, которым приходились по сердцу срамные речи и бесстыдное заворачивание платьев как своего рода забавная шутка, считался пророком и предсказывателем будущего; для людей же смыслящих он, разумеется, был только любопытным, смешным и глупым старичишкой. Впрочем, иные, к числу которых, пожалуй, припишусь и я, не без основания думали, что он был одер-

* Пан — языческое божество вроде сатиров; леший, которого представляли с длинными ушами, на козлиных ногах, с маленькими рогами и с хвостом.

жим пифийским* духом. Когда пришел к нему император, он нисколько не обратил внимания на то, что этот человек облечен такой великой и такой священной властью, и на его приветствие: «Здравствуй, отче Васильюшка!» — не отвечал ни словами, ни даже молчаливым наклонением головы в знак взаимного привета; но стал прыгать, метаться из стороны в сторону, как жеребенок или какой-нибудь безумный, и ругать всех, кто пришел, особенно Константина Месопотамского, который был тогда очень близок к царю, не щадя равным образом и самого государя. Наконец, унявшись кое-как от своих беспорядочных движений, он начал палкой, которую носил в руках, скоблить царский портрет, нарисованный красками на стене его молельной хижины, стараясь выцарапать ему глаза, и несколько раз покушался выхватить у императора шляпу и бросить ее на пол. После таких проделок с его стороны царь решил, что это был сумасшедший человечишко, и оставил его; но бывшие при этом и видевшие своими глазами, что там происходило, пришли к заключению, что все это не предвещало ничего доброго в будущем, а так как последующие события в самом деле весьма соответствовали символическим действиям предвещателя, то каждый еще более утвердился во мнении о Васильюшке, которое до того времени, как я уже сказал, во многих было нерешительно или даже совсем не в его пользу. Между тем государь прибыл в Кипселлы** и, разделивши собравшиеся

* *Πνεύματι πύθωνος*, т. е. лукавым прорицательным духом, как та отроковица, которую исцелил апостол Павел в Филиппополе и которая также была одержима пифийским духом, *ἔχουσα πνεῦμα πύθωνος* (Деян. 16, 16). Самое же слово «пифийский», или «прорицательный», произошло от имени одного местечка в Фокиде, Пифона, где во времена языческие существовал знаменитый храм пифийского, или дельфийского, Аполлона.

** Ныне Ипсала.

войска на фаланги и отряды, в ожидании скорого прибытия остальных частей войска замедлил здесь своим походом. В это время значительное количество родовитых людей, соединившись в одно общество под предлогом недовольства на совершенное пренебрежение к ним со стороны царя и на неблагоразумное управление государственными делами, вернее же сказать, задумавши общественные перевороты, большей частью обратившиеся для них в ремесло, обнаружили то, что скрывали в душе и тайно лелеяли в своем сердце. Однажды царь собрался на охоту. Перед самым отъездом, когда оставалось только сесть на коня, он послал приглашение брату Алексею отправиться вместе с собой и разделить удовольствие прогулки по тамошним зеленым и цветущим равнинам; тот, имея уже все дело в своих руках, отказался от приглашения под предлогом слабости здоровья и приказал ответить, что ему пускают кровь. Таким образом, царь отправился один по предположенному плану. Но не успел он отъехать от палатки трех стадий* в сопровождении свиты и своих любимцев, услугами которых пользовался в управлении государством и которые исполняли все его желания, как сообщники Алексея в заговоре,— язва нашего общества, народ, привыкший бить наудалую, изменчивый и пропитанный ложью,— схватили Алексея как будто насильно, привели его в царскую палатку и провозгласили императором. Это были: Феодор Врана, Георгий Палеолог, Иоанн Петралифа, Константин Рауль, Михаил Кантакузин, несколько других беспокойных и непостоянных лиц, приходившихся в родстве царю, и, наконец, ничтожная толпа людей, издавна кормившихся за столом севастократора, бегающих с ненасытными

* Стадия есть мера длины, равняющаяся почти пятой доле нашей версты, или ста саженям.

ртами по всем пировым палатам и торжествующих при всякой перемене в делах. К ним по первому слуху о новом движении присоединилось все войско, вся служебная и придворная челядь царя Исаака и весь его совет. Озаботившись первоначально доходившими из лагеря неопределенными и необыкновенными звуками, потом заметивши огромное стечение народа к царской палатке и расслушав провозглашение брата императором, а спустя немного получивши и уведомление о том, что такое именно там делалось, царь забыл о поездке, остановился как вкопанный и начал творить на себе крестное знамение, взывая: «Христе Царю, помилуй» — и несколько раз повторяя молитву, чтобы Господь *избавил его от часа сего*. Потом он вынул из-за пазухи образ Божией Матери, стал крепко прижимать его к груди, обращая к нему то хвалебные, то молитвенные воззвания, и с сокрушенным сердцем молиться об избавлении от наступившей опасности. Наконец, когда увидел, что за ним послана погоня и посланные скачут во весь опор с несомненным намерением и с явной целью схватить его, то бросился бежать. Переправившись с опасностью жизни через реку, которая глубоко течет по тамошней равнине*, царь продолжал путь далее, нигде, впрочем, не предвидя для себя несомненно безопасного убежища и желая только по возможности убежать от явной погибели, которую предполагал, судя по яростному стремлению и неудержимой поспешности своих преследователей. Но едва только он прибыл в Стагиру, которая ныне называется Макри**, некто

* *Вариант*: «которая протекает по этому месту и называется ныне Марицей или Омадицей». Река Марица, протекая мимо Филиппополя с запада на восток, около Адрианополя поворачивает прямо к югу и за Ипсалой впадает в архипелагский залив Энос.

** Макри — небольшой городок на берегу Архипелага, за Марицей на запад от Ипсалы.

Пантевген задержал его и передал преследователям. Тут царь в последний раз смотрел на свет Божий: вскоре потом ему выкололи оба глаза в Вирской* обители, которая была сооружена Исааком, родителем царя Андроника. Не пришлось ли ему испытать здесь по Божьему возмездию наказание за свой жестокий приговор Андронику — предоставляю другим судить. В самом деле, премудро управляющий всем промысел, по-видимому, хочет внушить таким образом всем карателям, чтобы они не забывали о человеколюбии при наказании даже самых враждебных людей, имея в виду, что собственная их власть не вечна, что они могут потерять силу и вследствие такого же переворота, какой сокрушил их противников, подвергнуться сами весьма нередко той же самой участи**. После этого несчастья, пробывши несколько дней без пищи для облегчения мучительной боли, он был временно заключен во дворце, а потом, спустя недолго, переведен в темницу на другой стороне города, близ Диплокиона***. Там он принужден был влачить грубую жизнь бедного поселянина и доживать свои дни, как простолюдин, питаясь умеренным количеством хлеба и вина, а брат его мирно и безмятежно воцарился на престоле, точно будто бы они условились подобно Диоскорам**** попеременно через день заходить и восходить на царственном небосклоне. Исаак царствовал над римлянами девять лет и семь месяцев. Он

* *Ἐν Βήρα* — в Пере.

** Вариант на слова: *имея в виду... той же самой участи*. Потому что в человеческой жизни никогда нет ничего устойчивого, но постоянно все передвигается и переходит от одного к другому, и как человек сам судит и меряет, так и его самого меряет и судит благий и праведный Судья.

*** *Κατὰ τὸν διπλοῦν χίονα*, т. е. близ двойной колонны.

**** Диоскоры — дети Зевса, братья Кастор и Поллукс, то есть созвездие Близнецов, из которых каждый, появляясь на небе, по определению судьбы вечно убивает или, что то же, принуждает заходить другого.

имел пылающее лицо, огненные волосы, был среднего роста, мужчина крепкий, и ему еще не исполнилось сорока лет, когда его свергли с престола.

Царствование Алексея Комнина*, брата Исаака Ангела

Книга 1

1. Итак, Исаак Ангел почти мгновенно был лишен власти и престола, а сверх того, и ослеплен теми самыми людьми, на которых считал возможным положиться, как на свои собственные глаза**. В самом деле, что ближе, что другое достойнее доверия, как не брат, и притом брат, нежно любимый? Если уже от воды давятся, то что же и пить нам, бедным людям? Если члены одной семьи вооружаются друг

* *Вариант*: Царствование Алексея Ангела.

** Вариант на слова: *Итак, Исаак Ангел... собственные глаза.* Таким образом, Исаак был свержен с престола не столько, как говорили, по желанию своего брата, сколько по требованию и принуждению со стороны всего войска, которое с обнаженными мечами под угрозой смерти заставило его принять и возложить на себя царское достоинство, и притом так, чтобы Исаак, бывши лишен царской власти, непременно лишен был и зрения теми самыми людьми, которых считал своими приверженцами и на которых опирался, полагаясь на их руководство, как на свои собственные глаза. Это было великое зло. В самом деле, что... и т. д.

против друга, то можно ли надеяться на безопасность в каком бы ни было другом обществе? Благодетельная наука медицины из соединения самых разнородных веществ создает спасительное лекарство; а люди восстают друг на друга, подавляя в себе прекрасные дары одной во всех природы, и под гнетом безнравственности или честолюбия забывают о своем человеческом достоинстве! Это событие в глазах всех народов навлекло презрение на римлян, как беспримерное дело и необычайное происшествие, более постыдное, чем все, что обыкновенно бывает при правительственных переворотах или при переменах и низложениях государей. Близкие друзья в виду его разрывали старинную дружбу, думая про себя: «Брат не избавляет; избавит ли человек посторонний?» Иной прежде доверял кому-нибудь самые секретные свои намерения, а теперь боялся ответить на обыкновенное приветствие с его стороны, подозревая, не скрывается ли в этом приветствии тоже какого-нибудь умысла. Между тем сам похититель власти, Алексей, нисколько не воображая того, что, низвергнув брата, он низринул и себя самого, немедленно, не давши даже остынуть своему преступлению, восшел на царский трон, возложил на себя одежды и корону брата и в присутствии всех военных чинов, равно как случившихся на лицо гражданских сановников, провозгласил себя самодержавным царем. В ту же минуту он дал знать о всем происшедшем своей жене и всем жителям столицы; а между тем, желая, с одной стороны, отличить людей, содействовавших ему в достижении власти, и наградить за усердие, с другой — выказать всем свою признательность за добровольное согласие и отсутствие всякого противодействия, по случаю совершившейся перемены, без всякого соображения и порядка, единственно по одному прошению и желанию каждого начал раздавать деньги, которые Исаак вез на войну. Когда от расточительной и несоответственной раздачи деньги все вышли, он стал дарить просителям поместья, угодья и разные общественные сборы. Когда же и этого не достало, он стал раздавать почетные достоинства, и не так, чтобы поднял того или другого из людей знатных или повышал на ближайшую и соответствующую степень, но всякого, стоял ли кто на низшей степени почета или вовсе никогда не имел и первого чина, возвышал прямо, метеором, на степень самую высшую и самую главную, так что весьма ценное сделалось вовсе бесценным и некогда желанное — безразличным. Поэтому многие считали даже повышение понижением, как уже поздно и слишком справедливо удостоенные того, что другим досталось прямо, без заслуг, и как сравненные в почестях с людьми, которых они считались почетнее, когда были в пренебрежении. С другой стороны, легко было и получить все: какую бы бумагу ни поднес кто царю, он тотчас подписывал, будь там бессмысленный набор слов и требуй проситель, чтобы море пахали, по земле плавали, а горы переставили на середину моря, или, как в басне говорится, чтобы Афон поставить на Олимп. Совершив все это или, лучше, приняв участие в совершении всего этого, собственно же сказать, подчинившись необходимости удовлетворить таким образом требованиям времени и обстоятельств, царь распустил потом войско обратно по домам, не обращая никакого внимания на все грабительства валахов, продолжавших свои набеги в союзе со скифами. Впрочем, сам он после этого не поспешил вдруг, с возможной скоростью, в столицу; но в полной уверенности, что, если его брат заключен в тюрьму и ослеплен, то ему самому не может уже быть никакой опасности, направил туда свое шествие — тихо и с медленными расстановками. В самом деле все население города уже признало его императором; его супруга Евфросиния за-

ранее приготовила ему торжественный вход; сенат, хотя не в полном составе, радостно принял совершившееся событие, и даже, при получении известия о нем, никто в народе не произвел никакого буйства — все были спокойны и приняли весть с сочувствием, без ропота и без справедливого негодования на то, что в настоящем случае войско присвоило себе всегда принадлежавшее народу право на избрание на царство. При всем том, однако, когда Евфросиния Дука, супруга Алексея, переезжала в большой дворец, несколько беспокойных ремесленников и случайно приставших к ним людей, составив большое общество и построившись в порядок, двинулись по направлению к Великой церкви, провозглашая императором одного астролога, давно умышлявшего захватить царскую власть, именно Алексея Контостефана, и объявляя, что они не хотят более терпеть правления Комниных, которые им надоели. После того как царица Евфросиния не без значительной опасности вступила таким образом в большой дворец, сопровождавшая ее свита знатного рода людей, более отважно, нежели благоразумно, устремилась против Контостефана — в одно мгновение вся толпа городской черни была рассеяна, Контостефан взят и заключен под стражу.
2. Когда народное движение было таким образом подавлено, немедленно духовенство приняло сторону нового правительства, и один церковник, подкупленный небольшим количеством мелких денег (точно так же задобрены были известные площадные крикуны и несколько лиц судейского сословия, но я не могу привести их имен), не дожидаясь приказания от архипастыря, вошел на священный амвон и провозгласил Алексея царем. Затем и патриарх после небольшого сопротивления — сколько нужно было, чтобы показать, что он не участвовал в начинании этого дела,— также перешел на сторону сильного. Когда же сам патриарх таким образом уступил, то уже никто после того не посмел спорить — все, как рабы, побежали в большой дворец прямо к царице и прежде чем увидели нового властителя или узнали в точности, что сделалось с прежним царем, перегнулись в три сгиба перед женой человека, о котором им сказали, что он царь, подложили ей под ноги, как скамеечку, свои головы, бросились наперерыв, подобно тявкающим собачонкам, лизать кожу ее башмаков и в заключение стали перед ней с трепещущим видом, навытяжку, руки по швам. До такой степени одна молва уже овладела бедняками! Со своей стороны царица, хитрая штука, умевшая пользоваться обстоятельствами, каждому нашла в ответ приличное слово и на его речи и своей любезной болтовней совершенно очаровала византийских простяков; так что они,— как свиньи, которые от услаждения опрокидываются навзничь, когда им почешут брюхо,— давши пощекотать себе уши ласковыми приветствиями, нашли, что во всем происшедшем ровно ничего не было возмутительного. Так все было подготовлено ко вступлению царя Алексея, без пролития капли крови и даже без наказания кого бы ни было лишением имущества! Спустя несколько дней наконец он сам вступает в Византию и во всем убранстве, сидя на раззолоченном ложе, радостно и весело принимает в так называемом внешнем Филопатионе всех, явившихся к нему на встречу, нисколько не смущаясь в душе мыслью о том, что он сделал против своего брата. Некоторые из судей Вила, некстати обнаруживая свою ловкость, подслужились при этом пошлыми шутовски-льстивыми восклицаниями, которые впоследствии навлекли на них посмеяние; но другие с глубокой скорбью смотрели на всю эту картину, оплакивали людскую участь, замечая, что царственные украшения, которые нашил для себя Исаак, облекали уже его брата, изумлялись при мысли, до какой степени

было дико все дело, и, перебирая в уме враждебные столкновения Озириса и Тифона, навлекшие несчастье на Египет*, приходили к предположению, что этот правительственный переворот послужит только началом новых роковых событий. Вступив затем в знаменитый и великолепнейший храм Премудрости Божией для обычного помазания на царство и возложения на себя знаков власти, он, во-первых, замечательно долго вписывал чернилами царственного цвета символ веры; потом, когда надобно было войти в красные** двери алтаря, он также довольно много времени простоял перед дверьми в ожидании, пока ему дозволено было входить людьми, с высоты церковного места для оглашенных наблюдавшими надлежащую минуту времени***. Наконец, когда по выходе из церкви царь должен был садиться верхом и протостратор, держа за узду, подвел к нему сытного арабского жеребца, случилось необыкновенное и удивительное происшествие: конь не подпускает седока, бьется, глаза на-

* Вариант на слова: *перебирая в уме... на Египет,*— припоминая, сколько бед, ужасных знамений и казней низвел Господь на Египет за жестоковыйность Фараона, *приходили и т. д.*

** То есть царские.

*** Вариант на слова: *пока ему дозволено было входить людьми... минуту времени,*— «пока ему дозволено было входить по гороскопу стоявшими близ места оглашенных астрологами, которые должны были подметить и со всей точностью определить счастливую минуту времени».— *Не есть ли этот* вариант, как и многие другие, произвольное объяснение довольно трудного и темного текста каким-нибудь средневековым комментатором и не были ли астрологи-гороскописты, о которых в нем говорится, обыкновенные иподиаконы, с высоты хоров, где было место для оглашенных и откуда можно было или перейти, или подать знак в алтарь, наблюдавшие, когда подойдет царь с середины церкви к царским дверям, чтобы в то же самое мгновение и как бы невидимо отворить их перед ним изнутри алтаря? — Мне кажется так; хотя, с другой стороны, чего не могло быть в это темное время, и многие ли не верили тогда в астрологию? *Примеч. ред.*

лились кровью, уши вверх, скребет то и дело землю, становится на дыбы, ржет, мечется и решительно не дается, как будто озлившись против него и считая его недостойным сидеть на своем хребте! Несколько раз он отразил таким образом покушения Алексея сесть на него верхом, поднимаясь на задние ноги и поворачиваясь мордой назад; наконец, после неоднократного трепанья и глаженья по холке, по-видимому, успокоился, остановил свои неукротимые порывы и перестал взвиваться ногами на воздух. Но едва только царь вскочил на него и взялся за вожжи, он, как будто почувствовав, что его обманули и что на него сел именно тот самый всадник, которого он не хотел везти, начал опять по-прежнему биться, поднимать ноги, ржать изо всей мочи и до тех пор не прекратил своего вакхического неистовства, пока не сшиб с головы царя на землю его выстланного драгоценными камнями венца, так что несколько частиц от него разлетелось вдребезги, и не сбросил его самого. Привели другого коня, и царь поехал; но заметно было, что корона на нем была уже не цела, и это было сочтено неблагоприятным предзнаменованием будущего, именно что он, по всей вероятности, и царства не соблюдет в целости, но уронит его с высоты, и сам подвергнется горьким несчастьям. Вслед за царем ехали в процессии, также верхом, два зятя его по дочерям, Андроник Контостефан и Исаак Комнин, и дядя его по отцу Иоанн Дука, преклонный старец, с которым во время этого торжественного шествия случилось подобное же неожиданное приключение. Никто не трогал куцой лошачихи, на которой он ехал, как вдруг с его головы свернулась севастократорская корона и сама собой полетела на пол. Все зрители вскрикнули и потом подняли смех, когда их взорам, как полная луна, представилась его плешь, прикрывавшаяся прежде короной. Принявши по необходимости веселый и лас-

ковый вид — хотя надобно сказать, что он и вообще нелегко раздражался неприятными обстоятельствами,— Дука перенес хохот толпы при этом случае, как приятную шутку, подсмеиваясь отчасти сам и не обнаруживая никаких признаков досады.

3. Оставив прозвание Ангела, царь Алексей начал имèновать себя Комниным,— потому ли, что его собственное прозвание казалось ему не довольно славно, как осадок комниновской знаменитости, или потому, что хотел таким образом вместе со своим братом схоронить и его фамилию. Между тем как все думали, что после коронования и приведения дел в обыкновенный порядок царь возьмется за оружие, отправится в поход и не только устранит все текущие затруднения, но немедленно займется даже исправлением, по мере возможности, прежних ошибок своего брата, в особенности насчет того, что касалось наших бедственных отношений к варварам, которым никто не думал теперь противостать и на которые никто не обращал даже внимания — он расположился совершенно наоборот и, как бы достигнув уже верха своих желаний и получив то, к чему издавна направлялись все его стремления, после венчания на царство предался полнейшей праздности, как будто бы царствование, по его понятиям, состояло не в законной попечительности о благе людей, но в удобствах роскоши и наслаждениях неги. Итак, бросив управление общественными делами, как бросает свое кормило кормчий, изнемогший в борьбе против волн, он только то и делал, что рядился в золото, выслушивая всякие доклады и удовлетворяя все просьбы лиц, принадлежавших к партии, которая содействовала ему в достижении власти, и беспощадно обеими руками сорил деньги, которые собирал Исаак, не обращая внимания на то, как трудно будет набирать их впоследствии и как напрасно он

истощает их теперь. Действительно, деньги все были рассеяны, словно мякина, и с быстротой летней пыли разлетелись по непроизводительным карманам людей, которых даже не знал император, а когда впоследствии пришла нужда в них, тогда он и сам жалел о своей бесполезной щедрости и упрекал себя в расточительности. Супруга этого государя, женщина, правда, с умом, свойственным, впрочем, скорее мужчине, наделенная от природы даром говорить увлекательно, любезно, сладко, грациозно, способная предвидеть будущее и в то же время отлично умевшая пользоваться настоящим, несмотря на все это, была также злой заразой. Я не обращаю внимания на ее наряды, на роскошь, которую она завела, на ее страсть переменять все, что есть, и выдумывать небывалое, в чем она по бойкости природных дарований далеко оставляла за собой своего супруга (потому что, в самом деле, не стоит в истории тратить речь на такие вещи, хотя и это вовсе не составляет достоинства женщины, а тем более царицы), но говорю о том бесстыдстве, с каким она, отбросив все покровы приличия, бесчестила, срамила себя и позорила своего мужа. Сначала все думали, что он знает эти неурядицы и только делает вид, будто бы ему ничего не было известно; но из его действий впоследствии, когда поведение его сожительницы сделалось гласным, ясно видно, что он действительно ничего не знал о ее бесчинствах. В своем месте мы скажем обо всем этом подробнее. Между тем, переступая все границы и попирая все обычаи прежних императриц римских, царица достигла того, что царская власть решительно разделилась между двумя властителями: уже не один только государь мог повелевать теперь, что ему было угодно, но точно с таким же полномочием распоряжалась всем и она по своему усмотрению, часто даже отменяя то, что повелено было царем, и делая противоположное распоряже-

ние. Когда должны были представляться царю великие послы каких-нибудь народов, то становили вместе два пышных трона, и она, принимая участие в собрании, садилась рядом с царем, великолепно одевшись, с коронкой в виде тимпана на голове, сделанной из прозрачно-блестящих камней и жемчугов, и с многоценными ожерельями на шее. А иногда, находясь в разных палатах дворца и принимая оба порознь, они выслушивали послов по частям, или — кто отдал сначала поклон царю, тот после него шел потом к царице и воздавал ей еще более глубокое поклонение. Некоторые из кровных родственников царя и высшие сановники государства выносили при этом царицу на высоком и великолепном кресле, подставляя свои собственные плечи, как невольники.

Не прошло, впрочем, еще трех месяцев после воцарения Алексея, как получена была весть, оказавшаяся совершенно справедливой, что какой-то выходец из Киликии, по имени Алексей, злоупотребляя именем царя Алексея, Мануилова сына, нашел себе покровительство у сатрапа города Анкиры и был принят им как действительный сын императора Мануила не с той целью, конечно, чтобы содействовать ему в достижении его желаний (так как он нисколько не сомневался, что царь Алексей был задушен Андроником), но для того, чтобы, пользуясь затруднениями, в которые император римский вовлечен будет борьбой с мятежниками, извлечь для себя из них какую-нибудь выгоду, продавши римлянам свою дружбу за возможно дорогую цену. Когда слухи стали делом и самозванец Алексей, получив подкрепление и поддержку со стороны персидского сатрапа, произвел нападение на пограничные с Анкирой римские города, против него был послан один евнух, по прозванию Ионополит, недавно возведенный царем в сан паракимомена*. Но так как евнух не мог достигнуть желанной цели, то царь поневоле решился сам отправиться, имея в виду, между прочим, постараться о заключении союза с персом, в полной уверенности, что таким образом ему всего легче будет одолеть противника, выступившего против него под чужим именем, и притом под именем человека, давно уже умершего. Требования персиянина оказались, однако, крайне неумеренными. Пользуясь обстоятельствами, он не иначе соглашался заключить мир, как под условием, чтобы царь уплатил ему в виде подарка единовременно при заключении договора пять центенариев серебра чеканной монетой и потом ежегодно дарил по три центенария серебряной монеты и по сорок кусков шелковых материй, которые доставлялись царю из семивратных Фив. Итак, царь прибыл в город Мелангии. Но хотя жители этого города провозгласили его своим императором, однако он не нашел в них сильных помощников себе для борьбы со своим противником Алексеем. Сочувствуя ему, как римскому императору, они в то же время не отказывали в расположении Лже-Алексею и, даря взгляды то тому, то другому, колебались в выборе между ними, отнюдь не обнаруживая, к кому имеют действительное расположение. Словом сказать, мелангийцы давали понять всякому, что, колеблясь на обе стороны, они не склонятся теперь ни в одну, но впоследствии присоединятся к стороне победителя. Даже в разговорах с царем они никогда не упускали случая сказать что-нибудь в похвалу Лже-Алексея. Не раз они говорили: «Государь император, ты сам бы полюбил этого

* *Паракимомен* — по переводу слова *подле спящий* или *при спящем* — был одним из самых первых сановников государства, наряду с протовестиарием или протостратором. Как показывает самое производство слова, он заведовал царской спальней и был главным начальником всего штата чиновников по этому ведомству.

человека, если бы поглядел на него. Его длинные огненные волосы так прелестны, как будто усыпаны были блестками золота; он отличного роста и такой превосходный наездник, что как будто прикован к седлу». Однажды царь отвечал на подобные речи, что сын императора Мануила давно погиб насильственной смертью от Андроника и что в настоящее время выдающий себя за него есть обманщик, совершенно чуждый роду Комниных,— да если бы он и действительно был жив и был этот самый, кто теперь нападает на него, то и тогда он, царь, очевидно, имеет большее право на их повиновение, потому что он в настоящее время держит в своих руках скипетр римского государства. Ухватившись за эти последние слова и делая из них противоположное заключение, мелангийцы возразили: «Вот видишь ли, царь, что ты и сам колеблешься в понятиях об этом юноше и считаешь предполагаемую смерть его сомнительной! Не осуждай же людей, которые питают сострадание к молодому человеку, имеющему право на царство по преемству от трех предшествовавших поколений своего рода, а между тем несправедливо лишенному не только власти, но и отечества». Не видя никакой пользы от собственного управления ходом дела и сознавая, что его личное присутствие не приносит никакой выгоды, царь обошел все пограничные укрепления — одни из них отклонил от Алексея, другие предал огню за привязанность к мятежнику — и потом воротился назад, в Константинополь, покончив весь свой поход в два месяца и поручив наблюдение за Алексеем Киликийцем Мануилу Кантакузину. Впрочем, Мануил не решался вести против него открытой войны, хотя он успевал все более и более при помощи со стороны персиянина и брал подать со всех или с большей части укрепленных городов, пограничных с Анкирой. Таким образом, этот человек, может быть, долго был бы не-

одолимым злом для римлян, если бы Бог и здесь новым образом не показал к нашему бедственному положению своего милосердия. Во время пребывания в крепости Цунгре Алексей пал ночью под ударом кинжала от неизвестной руки. Так исчез и этот самозванец, блеснув и скрывшись с быстротой молнии или вырвавшись, как сильный вихрь из киликийского ущелья, приведши в смятение часть римского государства и потом мгновенно стихнувши и потерявши силу!

Вслед за этим злом родилось или, лучше, после совершенного, по-видимому, исчезновения на некоторое время опять появилось, подобно убийственному болиголову, другое зло, еще худшее. В одной из предшествующих книг я говорил об Исааке Комнине, бывшем властителе и вместе губителе Кипрского острова, что он был взят в плен английским королем, завоевавшим по дороге в Палестину остров Кипр, и, как негодный раб, подарен им одному из своих соплеменников. Потом разнеслась везде молва, что злой человек зло и жизнь свою кончил. Но, как оказалось впоследствии, он кончил свою жизнь только по уверениям молвы, а на самом деле избавился от уз, вышел, к сожалению, из темницы на свободу и уже питал прежние властолюбивые замыслы. Несколько раз царь Алексей звал его к себе своими грамотами, уступая в этом случае влиянию царицы Евфросинии, приходившейся в близком родстве Исааку. Но он с презрением отвергал все царские предложения и приходил в негодование при одном намеке на них, говоря, что привык царствовать, а не покоряться и повелевать другими, а не подчиняться другим. Итак, он вел постоянную переписку с правительственными лицами Малой Азии, на все решаясь, всем жертвуя и все обещая в награду за помощь, если только успеет достигнуть царской власти. Но, как прежде, он стремился к тому, чего ему не суждено было достигнуть, и напрасно

домогался неугодного Богу, так и теперь все его усилия достигнуть недостижимого оказались совершенно напрасными. Ни персиянин не давал согласия на то, чего он добивался (а Исаак желал, чтобы он со всем своим войском пошел за ним на войну с римлянами, беспрекословно следуя всем его указаниям), ни все другие, с кем он переписывался тайно, не принимали его предложений, подобно аспидам затыкая уши от его напевов. И в самом деле, кому приятно пойти за кровожадным зверем, который спустя немного может обернуться и растерзать? Согласится ли кто-нибудь завести дружбу с ядовитой змеей, которая изрыгает убийственный яд даже на того, кто ее обнимает, и смертельно жалит человека, который пригревает ее у своего сердца? К счастью, спустя короткое время, по воле Божией он изверг свою преступную душу и присоединился к прочим тиранам, которых истребила рука Господня, разумеется, большей частью не непосредственно сама исполняя то, что часто совершает для блага людей. Говорили, что злодей умер не естественной смертью, но погиб от яда, подмешанного ему в питье одним человеком, которого сам царь склонил на это дело великими дарами.

4. Более всего Алексей после своего воцарения старался о заключении мира с валахами. С этой целью он отправил послов к Петру и Асану, однако не успел заключить ни мира, ни договора, так как эти люди дали безмерно гордый ответ и предложили такие условия для мира, которые были совершенно невозможны и бесчестны для римлян. Между тем, когда царь находился на востоке, они напали на болгарские округи поблизости Серр*, разбили стоявший здесь римский отряд, истребили большую его часть и самого Алексея Аспиета, который командовал римским войском, взяли в плен.

* Нынешний город Серес.

Потом они овладели большой частью тамошних крепостей и, укрепив их еще сильнее, возвратились домой, унеся с собой неисчислимую добычу. Опасаясь, чтобы со временем не повторилось опять чего-нибудь подобного, царь выслал против них со значительным войском своего зятя, севастократора Исаака. Со своей стороны валахи по этому поводу также представили Асану, что при нападениях на римлян опасно увлекаться всегда внушениями одной пылкости, но должно вспомнить, наконец, о законах правильного ведения войны (так как в настоящее время властвует над римлянами, сколько они знают по слухам, человек воинственный, далеко превосходящий своего брата). Но Асан с гордой самоуверенностью отвечал на эти представления подобного рода речью: «Не всякому слуху верь: доносит ли молва, что известный человек мужествен — не робей сейчас, как будто он и в самом деле был таков; говорит ли о ком, что он малодушный трус — не рискуй и не зевай прежде дела; хотя, конечно, не надобно и ушей затыкать совсем, потому что и слух не всегда лжет, особенно когда говорит наибольшая часть народа. Надобно, вроде пробного камня, считать дела людей, которых молва хулит или превозносит, а по большей части необходимо свой глаз поставить судьей молвы и тогда уже принимать ее как справедливую или подмазать маслицем как ложную, да пусть себе и летит она куда хочет. В самом деле, уши не видят дела, но, набравшись всякого шума, хранят только чужие и часто противоположные толки; а глаз есть точно надежный проводник в дороге и безобманный свидетель того, что видел, потому что не со стороны слышит, как уши, а прямо сам видит. Поэтому вам не следует смущаться тем, что молва прославляет нынешнего римского царя храбрым, а надобно посмотреть, таков ли он на самом деле, каким его величают. Пусть будет вам вождем и верным руко-

водителем в этом деле прежняя жизнь человека. Но если вы внимательно исследуете ее, то увидите, что этот человек ничем не заслужил своей славы: он вовсе не принимал участия в войне, никогда не подвергался опасностям, сражаясь или помогая брату в его битвах за римское владычество, что я очень хорошо сам знаю, постоянно грабивши и опустошавши неприятельскую землю, получавши победы за победами, скоплявши трофеи к трофеям, и не в награду за труды получил багряницу и царский венец, но, как видно из дела, овладел скипетром по игре слепого счастья. Оттого я, правду сказать, и понять не могу, каким бы образом этот человек, который ни разу не показывался мне в сражении и который ни рукой, ни советом, ни речью никогда не мешал нашим делам, вдруг переменился совсем напротив. Я постараюсь объяснить вам, сколько возможно, мою мысль об этом человеке и обо всем его роде примером. Видите вы ткани, которые висят и развеваются по ветру на моем копье? По цветам они различны; а как по пряже? — Все они сделаны из одной пряжи, и один ткач их ткал. Различаясь цветами, они как будто различаются и по материи. Но этого нет и нет. Так и братья Исаак с Алексеем, из которых один уже лишен царства, а другой еще носит порфиру и украшается властительским венцом, имели одного отца, вылетели из одного гнезда, одна земля их родила, и всего поровну они получили, кроме того, что второй из них, Алексей, летами будет постарше. От этого, как мне кажется и как все мы дознаем опытом, и на войне между ними не должно быть большого различия. Говорю, то есть, что нам по-прежнему, опять так же, как прежде, следует вести войну, зная, что и теперь мы станем против тех же самых людей, которых прежде побеждали, чтобы не сказать, что они сделались еще хуже, так как, с одной стороны, видно, что римляне уже ослабели и упали духом после того, как мы их столько раз гоняли с позором, а они ни разу не могли поправить своих дел, а с другой стороны, надобно взять в толк, не наказал бы их Господь за то, что они незаконно лишили царской власти Исаака, который освободил их от тяжкого рабства тирану! Люди, так вооружающиеся против своих спасителей, не должны ли при первом удобном случае быть истреблены врагами, как клятвопреступники?» Возбудив такими мыслями умы своих подчиненных, варвар еще с большей против прежнего самоуверенностью напал на области, лежащие около Стримона и Амфиполя. Когда до севастократора Исаака дошел слух, что валахи вторглись уже в пределы серрского округа, то он, увлекаясь молодостью и надмеваясь одним недавним поражением, нанесенным валахам, не разведав наперед о силе противников, устремился против них по первому известию. В одно мгновение условным звуком трубы он поставил на ноги свое войско, первый сел на боевого коня и, с торопливой поспешностью надев панцирь, немедленно, потрясая копьем, полетел на битву с противниками, как будто ему заранее устроили охоту на оленей или подготовили там потешную ловлю дичи. Промчавшись таким образом во весь опор около тридцати стадий*, он так истомил конницу, что во время битвы она была совершенно бесполезна; измученная быстрым движением, пехота также сделалась впоследствии ни к чему не годной. Скоро он приблизился к тому месту, где расположился неприятель. Между тем Асан большую и лучшую часть своего войска разместил по разным частям в засады. Не предвидя этой стратегической тонкости и хитрости, Исаак с таким неистовым пылом устремился на врагов, как будто несомненно должен был победить и обратить

* То есть около шести верст.

их в бегство. Поэтому, когда наконец вошли в дело отряды, бывшие в засадах, он, как бы накрытый со всех сторон сетями, потерял большую часть своего войска и в заключение сам был взят в плен скифами. После этого неприятель, подобно льву в своих владениях, безбоязненно бросился на добычу и грабеж, так как римляне уже не сопротивлялись, но все, кто еще не пал в битве жертвой меча, со страхом обратились в бегство и, сколько можно было поспешнее, укрылись в городе Серрах. Взявший севастократора в плен скиф всячески старался укрыть его от взоров Асана, соблазняясь корыстной надеждой, что если ему удастся увести его от валахов в свою сторону, то римский царь заплатит за него большой выкуп. Но так как разнеслась молва, что взят в плен полководец, то после тщательного розыска севастократор был найден и представлен Асану.

5. Так кончилась эта битва. Тогда же один священник, захваченный в добычу и уводимый пленником в Эм, просил Асана отпустить его, умоляя оказать ему эту милость ради одноязычия, так как он знал валашский язык. Но Асан отказал ему, сказавши, что дал слово никогда не отпускать римлян, а отправлять их на тот свет, потому что так Богу угодно. Глубоко вздохнув и омочив глаза слезами, священник, говорят, ответил на это, что как Асан не хотел сделать милость бедному человеку, близкому к Богу по священству, так Бог не окажет милости ему самому, что ему близко предстоит конец жизни и конец этот наступит не естественной смертью, как в тихом сне, но — как обыкновенно большей частью умирают люди, извлекающие меч на погибель других. Предсказание служителя Божия исполнилось в точности: действительно, спустя немного времени по возвращении в Мизию Асан был убит одним из своих соплеменников. Вот как это произошло. Один человек, походивший на него и видом и нравом и пользовавшийся его большой благосклонностью, по имени Иванко (это то же значит, что Иоанн), имел тайную связь с сестрой его жены. Узнав об этой связи, Асан сперва позвал в ответ свою жену и пригрозил ей смертью за молчание о том, что делалось. Жена разными речами смягчила его убийственные взгляды и порывы и наконец прибавила, что он напрасно сердится на нее, так как и сам мог ясно заметить эту связь. Тогда он перенес гнев с супруги на Иванко и послал за ним поздно ночью, ни на минуту не сдерживая своей нетерпеливости. Тот, догадываясь, что его безвременно требуют не без причины и не без вины с его стороны, ответил, что придет завтра поутру. Но Асан опять настоятельно повторил свое требование, принимая его медлительность за пренебрежение к себе. После этого Иванко понял уже причину зова и обратился к своим родственникам и друзьям за советом, что ему делать. Они присоветовали ему идти, но на всякий случай опоясаться длинным мечом, скрыв его под одеждой и, если Асан после спокойных упреков ограничит свой гнев против него бранью или вообще положит наказание безвредное для жизни, мужественно перенести и просить прощения в нанесенном оскорблении, а если он возьмется против него за меч, то также мгновенно вооружиться, постараться предупредить то, чего немедленно можно будет ждать с его стороны, нанести смерть кровожадному и беспощадному человеку и отправить его в ад. Так он и сделал. Так как варвар вовсе не думал поступить с ним умеренно, но тотчас же при первом взгляде озлился на него, как зверь, и протянул руку к своему убийственному копью, то Иванко, предупредивши его, поразил его в пах и умертвил. Затем он убежал, явился немедленно к своим соумышленникам, рассказал все происшедшее и согласился вместе с ними поднять восстание в том предположении, что

братья, родичи и друзья убитого также не останутся в покое. В случае достижения цели соумышленники обещали управлять своей стороной, равно как всей Мизией, справедливее и согласнее с обычаями народа, нежели Асан, не решая всего самовластной силой меча и не действуя единственно по внушениям личного чувства, как поступал убитый; в случае же неисполнения своих замыслов и совершенной неудачи предположений положили пересесть на другую лодку и довериться тем, кто правит делами римлян. В ту же самую ночь они успели уже не только утвердить это решение, но возбудить многих к пламенному участию в своих намерениях. Овладев, таким образом, Терновом (это самый крепкий и красивый город из всех городов на Эме, обведенный прочными стенами, пересекаемый быстрой рекой и построенный на вершине горы), они противостали приверженцам Петра. Молва о смерти Асана вместе с зарей прогремела не только на верху стен терновских, но далеко за ними. Однако так как, с одной стороны, Петр не надеялся легко подавить восстание Иванки, с другой — этот последний не в состоянии был один противостать Петру, то оба они, избегая столкновения, старались протянуть время, первый — в уверенности, что выжидание есть единственно хорошее средство для преодоления его соперника Иванки, а второй — в сознании необходимости прибегнуть к римскому царю и воспользоваться его помощью для успешной борьбы с противником. Говорили также, будто Иванко убил Асана по внушению севастократора Исаака, который, сверх весьма многих других предложений, склонил его к этому будто бы особенно обещанием выдать за него в замужество собственную свою дочь Феодору. Впрочем, севастократор испустил душу в оковах еще прежде, нежели совершилось убийство. **6.** Между тем Иванко, известив царя о всем происшедшем, действительно убеждал

его послать кого-нибудь с войском, чтобы занять Тернов и вместе с ним вступить в борьбу за владычество над всей Мизией. И быть может, в самом деле вышло бы из этого что-нибудь хорошее для римлян, если бы царь по первому известию немедленно с усердием решился сам приняться за дело; потому что, если бы он точно взял Тернов, то уже легко и без труда овладел бы всей Мизией. Но он со своей вялой изнеженностью закрылся опять во дворце, подобно червяку, забившемуся под скорлупу, и послал вместо себя протостратора Мануила Камица, поручивши ему начальство над войском. Этот последний двинулся со своими силами из Филиппополя и уже совсем приблизился к пределам Мизии, как вдруг неожиданно должен был воротиться назад. Против него возмутилось все войско. «Куда ты ведешь нас,— говорили солдаты,— и с кем мы должны сражаться? Не много ли раз ходили мы по этим горным дорогам и не только не достигли никогда ничего доброго, но едва не погибли все? Итак, возвратись, немедленно возвратись и веди нас в свою сторону». Мало того, будучи приведены в смятение безосновательными опасениями, они в беспорядке обратились после этого в бегство, как будто кто-нибудь преследовал их с тылу и разил всякого рода орудиями. Почти то же самое повторилось затем и с царем, когда он выступил с большим против прежнего войском. Все попытки остались, таким образом, безуспешны, потому что никто не решался для вспомоществования Иванке соединиться с варварами и отдаться в их руки. Итак, Иванко, истомившись в напрасной борьбе и будучи приведен в отчаяние положением дел в Тернове, где приверженцы Петра между тем постоянно усиливались и умножались вместе с накоплением войска, тайно ушел из Тернова и прибег под покровительство царя. Таким образом владычество над мизийцами опять вполне перешло к Петру.

Впрочем, и Петр не скончался естественной смертью, но спустя немного жалким образом кончил жизнь, быв пронзен мечом рукой одного из своих соплеменников, и тогда власть над валахами перешла к третьему брату — Иоанну. В настоящее же время Петр сделал своего брата Иоанна товарищем в трудах и участником в правлении. Иоанн довольно долгое время находился заложником у римлян, бывши взят царем Исааком в один из его походов против мизийцев, но потом убежал и по возвращении домой так же жестоко опустошал и грабил римские области, как и умерший брат его Асан, потому что природа не вложила и в него никакого чувства снисходительности к нам. Никто из нас не сопротивлялся Петру; никто не мог сопротивляться, и во все продолжение этой многолетней войны, между тем как наши противники одерживали такие важные и такие многочисленные успехи в борьбе с нами, между тем как эта несчастная борьба постоянно приводила в беспорядок все дела римского государства, никогда ни одна самая малая победа не улыбнулась римлянам и ни разу не выпало на нашу долю ничего похожего на торжество. В то же время никто ни из высокотронных архипастырей, пожинающих плоды почетнейших отличий, ни из бородатых иноков, надвигающих на самый нос свою головную шерстянку*, не помышлял об этом забвении, об этом почти совершенном оставлении нас Богом, никто не вразумлял, как устранить его, никто дерзновенно свободной речью перед царем не постарался помочь бедственному положению римлян; но, как будто *вси уклонишася и вкупе неключими*

* Вариант на слова: *никто ни из высокотронных архипастырей... головную шерстянку.* Никто ни из архиереев, пользующихся почетнейшими отличиями и любящих знатнейшие кафедры, сколько высокие, столько же и прибыльные, ни из монахов, надвигающих камилавку на самые глаза или еще ниже и имеющих большие бороды, не помышлял и т. д.

быша (Псал. 13, 3), все, не примечая того, что делалось, как бы прямо шли наперекор ударам бича Божия. Когда эллинов постигла моровая язва, они стали искать причины, и как скоро вещий прорицатель Калхант указал на нее, то немедленно уврачевали зло, нисколько не задумавшись над тем, что при этом должен был понести жестокую утрату самый первый и лучший человек в войске*. Итак, Иванко, отдавшись под покровительство царя, был благосклонно им принят и впоследствии принес римлянам немало пользы. Он был высокого роста, обладал необыкновенным присутствием духа и замечательной крепостью телесных сил; но раздражительное лицо и крутой характер явно обличали в нем *мужа кровей*, и, живя с римлянами, он нисколько не сделался по своему складу мыслей мягче и податливее. Считая его при всем том не недостойным сделанных ему (севастократором) предложений касательно супружества, царь, хотя отложил свадьбу до законного времени (потому что невеста лепетала еще, как ребенок), тем не менее включил его в ряд своих вельможных родственников**, сравнявши с ними как по власти, так и по богатству. Со своей стороны он, указывая на малолетство обрученной ему царской внуки и устремляя жадные взоры на цветущую красоту ее матери Анны, бывшей еще вдовой, говаривал, мечтая о браке с ней: «Что мне в ягненке, который кормится молоком, когда мне нужна настоящая овца или коза хорошая?» Действительно, этот человек очень много потрудился в окрестностях Филиппополя; он был драгоценной оградой для римлян против своих родичей, которые в союзе со скифами производили постоянные вторжения в римские области, опустошая все на пути,

* Автор намекает на известные события, описанные в «Илиаде».

** *Вариант*: Невеста не могла еще твердо говорить, будучи четырех лет от роду; но он пользовался уже честью и местом царского зятя.

и самым деятельнейшим помощником царю в тех редких случаях, когда царь решался сам выступить в поле. Но кто в состоянии исчислить все набеги скифов и валахов в каждую пору года или рассказать, какие ужасные злодейства они производили? Пустынность всей страны поблизости к Эму и разорение Македонии и Фракии, конечно, лучше всяких памятников с надписями и яснее всякой истории свидетельствуют о том, что там совершалось.

7. Не только северные варвары, воюя с нами, всегда одерживали над нами верх, так что мы не смели уже взглянуть на них, но точно так же и на востоке римские области были беззащитной жертвой персов. Не заключив мира с персиянином, владевшим Анкирой Галатийской*, и, с одной стороны, не ценя союза с ним, как будто бы он не в состоянии был вредить римлянам, с другой — скупясь дать ту сумму денег, которой он требовал за мирный договор, царь поддерживал враждебные отношения к нему год и шесть месяцев. Следствием этого, кроме всего, что сделал, как мы уже рассказали, Алексей Киликиец, будучи поддерживаем владетелем Анкиры, было то, что пал и подчинился персам город Дадивра. Именно, двинувшись со всеми своими силами и ставши лагерем около этого города, персиянин деятельно занялся его осадой. Время шло, осада продолжалась уже четыре месяца; между тем к дадиврянам ниоткуда не приходило помощи извне, потому что царь, хотя уговаривал их через посольство держаться крепко и обещал прислать помощь, но все медлил и откладывал, а соседи, пафлагонцы, решительно не смели подойти поближе и сколько-нибудь пособить. Осажденные в отчаянии потеряли уже всякую надежду на какую бы ни было помощь и, очевидно, изнемогали под бре-

* Это был султан Масут.

менем голода, равно как страшного вреда, который наносили камнеметные машины осаждавших,— так как неприятели посредством их не только разрушали дома, бросая камни с загородных холмов в самую середину города, но уничтожали водоемы и делали негодными к употреблению тамошние воды, лишенные всякого течения, засыпая их известью и засаривая разными другими вредными для человека веществами. Наконец спустя еще немного времени прибыло царское вспомогательное войско и остановилось на горе Ваван; им начальствовали трое юношей: известный Феодор Врана, Андроник Катакалоп и Феодор Казан. Получив известие о его приближении, персы предварительно устроили засады и еще прежде, чем успело проглянуть солнце, напав на него как спереди, так и с тылу, частью истребили его, частью взяли в плен. В числе захваченных в плен были два римских полководца. Персиянин приказал связать им на спине руки и водить их кругом города. В то же время, указывая на них осажденным, с высоты стен смотревшим на эту жалкую картину, он убеждал их передать ему кормило управления городом не дожидаясь того, когда буря войны совершенно погребет его под своими волнами, так как, с одной стороны, им не оставалось уже никакой надежды на спасение, с другой — он ни на один день не отступит от города, пока не сделается его обладателем. Окончательно сраженные горестным зрелищем и сопровождавшими его уверениями, дадивряне склонились на предложенные условия, само собой разумеется невыгодные, предписываемые критическим, крайне стеснительным положением, и согласились совершенно оставить город с тем, чтобы каждый мог беспрепятственно взять с собой все, что для него дорого, и со всем своим имуществом отправиться куда хочет, потому что варвар ни под каким условием не дозволял им оставаться в своей родной

стране, хотя они обещали платить ему такие подати, какие только он назначит. По утверждении договора клятвой персиянин занял город и отдал его для населения своим соплеменникам, а дадивряне, выселившись отсюда, рассеялись по другим селениям и городам; впрочем, многие, в сердцах которых любовь к отчизне была запечатлена неизгладимо сладкими воспоминаниями, с соизволения персиянина построили себе хижинки поблизости к своему отечественному городу и остались здесь жить, подвергшись игу рабства. Итак, вот какой конец постиг город Дадивру! После этого царь, заключивши мир с персиянином, охотно выдал ему ту сумму денег, которой он требовал до взятия Дадивры, как будто с его глаз упала прежняя повязка и он вдруг увидел, что в подобной покупке мира не было никакого стыда.

Еще не оправилось, не опомнилось совершенно, не отдохнуло Римское государство от этой горечи, как было потрясено слухом о новых ужаснейших вестях. Ожидаемые бедствия были гораздо более тягостны, чем настоящие: эти последние, причиняя отчасти боль, в то же время льстили некоторыми остатками свободы; но то, чем грозили западные народы, наводило на мысль о неизбежном наступлении общего государственного рабства. Аллеманский король Генрих[8]— сын того Фридерика, который во время похода в Палестину утонул в реке, последний раз омывшись ее роковыми волнами, как я сказал об этом в книгах о царствовании Исаака Ангела,— наследовал царство своего отца, покорил Италию и затем, по завоевании Сицилии, устремился против римлян, будучи не в силах по своему характеру довольствоваться существующим порядком дел и постоянно поднимая новые беды. Впрочем, он не вдруг и не прямо напал на римлян, частью предвидя затруднения в подобном предприятии и имея еще в свежей памяти отпор, который

римляне недавно оказали сицилийцам, неприязненно вторгшимся перед тем в нашу страну, а частью будучи не менее того отвлекаем от своего намерения папой древнего Рима. Итак, он отправил прежде к императору Исааку (тогда еще не лишенному престола) послов с целью изложить причины явно беспричинного раздора. Во-первых, в качестве государя Сицилии он отделял и присваивал себе все римские области от Епидамна* до знаменитого города Фессалоники, как недавно силой оружия покоренные сицилийским войском; а что сицилийцы были наконец побеждены и изгнаны, так это, говорил он, не хуже кого другого умея приискивать выражения в свою пользу, произошло вследствие коварной хитрости со стороны римлян. Затем он исчислял, с увеличением надлежащего веса, все огорчения своего отца, не только недавние, но и те, с которыми боролся его отец давно, когда ловкой политикой царя Мануила был оттолкнут от древнего Рима и вместе изгнан из всей Италии. Бесцеремонно поднимая эти доэвклидовские события, он хотел, чтобы римляне или купили у него мир за огромную сумму денег, или не жаловались, если он немедленно начнет с ними войну. Сверх того, он требовал, распоряжаясь как государь государей или повелевая как царь царей, чтобы мы помогли его соплеменникам в Палестине высылкой морского войска. Царь ответил письменно на все эти требования и отправил к королю посланником одного из знатных людей. После того оттуда опять прибыли послы, из которых один безмерно и грубо гордился тем, что был воспитателем короля. Предметом их посольства было требование огромных сумм, хвастовство, похвальба и перечни отечественных подвигов, без войны покоряющие слушателей. **8.** Не имея возможности отпустить

* Древнее название города Диррахия, **нынешнего Дураццо.**

послов без всякого успеха, царь (а царем был уже тот, которого историю мы теперь излагаем) согласился купить мир за деньги, чего, однако, не было еще в то же время исполнено. Между тем, пожелавши блеснуть перед послами к чести Римского государства его богатством, царь Алексей придумал дело, не только не гармонировавшее с обстоятельствами, но весьма далекое от требований достоинства или даже приличия и навлекшее почти посмеяние на римлян. В наступивший день Рождества Христова он облекся в багряницу, усеянную драгоценными камнями, приказав в то же время всем прочим одеться в златотканые с широкими обшивками одежды. Но аллеманы не только не обнаружили никакого боязливого благоговения при этом зрелище, напротив — разожгли в себе еще более страсть, подогреваемую в них ярким блеском римского великолепия, и почувствовали желание как можно скорее овладеть этими греками, ничтожными на войне и все свое старание употребляющими на презренную роскошь в нарядах. Когда рядом стоявшие с ними римляне приглашали их посмотреть на цвет камней, которыми, подобно разноцветному лугу, блистала царская одежда, и среди зимы полюбоваться и усладить взор прелестями лета, они отвечали: «Аллеманы не понимают наслаждения в подобных зрелищах и не умеют с благоговением смотреть на наряды и накидки, годные только для женщин, которые так страстно любят румяны, головные уборы и блестящие серьги, чтобы нравиться мужчинам». Потом, пугая римлян, они прибавили, что «теперь наступает время сбросить женоподобные наметки и нарядиться в железо вместо золота, потому что если цель их посольства не будет достигнута и римляне не согласятся выполнить желание государя, их императора, то неизбежно и необходимо придется им вступить в борьбу с людьми, которые не блестят, подобно разноцветному лугу, драгоценными камнями, не гордятся в чувстве воинского превосходства шаровидными жемчужинами, белизной затмевающими луну, и не приходят в упоение от нарядных камешков, блестящих в золоте или на порфире, подобно перьям тщеславной мидийской птицы*, но, будучи питомцами Арея, горят отвагой, которая в их глазах сияет лучезарнее всех драгоценных камней, и, от напряженных трудов обливаясь каждый день каплями пота, кажутся в них красивее, чем в блестящих жемчужинах». Аллеманы требовали за мир ежегодной платы пятидесяти центенариев золота. Не соглашаясь на такую сумму, царь отправил к королю послом Евмафия Филокала, епарха** города Константинополя. Изобилуя непомерным богатством, Филокал охотно принял на себя звание посла; он только просил царя, чтобы ему дозволено было совершить посольство с епаршескими знаками отличия, принимая все издержки, за исключением казенного переезда, на собственный счет, и царь, охотно согласившись на представление, разрешил ему поступить согласно с его желанием. Но, явившись, таким образом, в новом и необычайном виде, наш настоящий посланник не только не был принят почетнее прежних послов, а напротив — возбудил смех необычайностью костюма. Сумма, которую следовало уплатить за мир, была, впрочем, ограничена шестнадцатью центенариями золота, и Филокал, дожидаясь высылки их в Сицилию, остался там в свите короля. В это время царь, жалуясь на недостаток денег, решился обложить все области так называемой аллеманской податью, никогда не бывалой прежде, требуя, чтобы все городское население, члены сената,

* То есть павлина.

** Епарх, собственно, начальник епархии, то есть префект или генерал-губернатор известной области. Но столичный город всегда имел своего особого епарха.

все духовенство, все различные классы ремесленников, художников и ученых составили одну складчину и чтобы каждый отделил для нее известную часть из своего имущества. Но он скоро уверился, что это средство не могло привести к цели, что он напрасно взялся за него и что его нововведение было крайне неудачно. Множество людей всякого рода начали громко говорить и распространять возмутительную мысль, что подобные налоги и поборы необычайные решительно невыносимы; некоторые стали даже высчитывать расходы самого царя, утверждая, что он разорил государство своей расточительностью, раздав притом управление епархиями своим родственникам, людям совершенно неспособным и лишенным чувства зрения. Вследствие всего этого царь с такой поспешностью отказался от своего предложения, как будто бы не он даже придумал и составил тогда этот план, и затем обратился к другому средству. Именно, он потребовал, чтобы ему выданы были все золотые и серебряные церковные вклады, кроме тех, которые помещаются в алтаре, и кроме сосудов, назначенных для приятия божественного тела и крови Христовой. Так как многие воспротивились и этой мере, говоря, что это будет осквернением святыни, то царь увидел себя в необходимости напасть на немые и глухие царские гробницы, которые уже не имели ни одного защитника. Итак, гробницы были ограблены, и у людей, некогда владычествовавших над римлянами и знаменитых своими деяниями, остались одни каменные хитоны — скудный и последний покров, лишенный всякого драгоценного украшения. Даже гроб Константина Великого не остался бы нетронутым и неограбленным, если бы воры, предупредив указ царя, не похитили его золотых украшений. Собрав таким образом отсюда более семидесяти центенариев серебра и некоторую часть золота, царь бросил все это, как бы какое-

нибудь нечестивое вещество, в плавильную печь. Двух царедворцев, на которых было возложено собрание этого серебра и золота, спустя немного постигла также соответственная участь: один умер, будучи разожжен огнем горячки; другой* скончался, расплывшись от подкожной водяной.

* Заметка на поле манускрипта, с которого сделано боннское издание: «Это был епиканиклий (т. е. хранитель пурпуровых чернил, которыми подписывались императоры, скреплявший своей рукой царскую подпись на всех государственных документах) Андроник Алиятт, скопец и варвар».

Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела

Книга 2

1. Между тем — но *кто достойно возвестит силы Господни, или слышаны сотворит хвалы Его?* — смерть короля Аллемании предупредила отправку денег. Его смерть была приятна не одним римлянам. Еще несравненно более желали ее западные народы, как те, которые он привлек к себе скорее насилием, чем доброй волей, так и те, на которые думал сделать нападение. Этот государь отказывал себе во всех удовольствиях и постоянно был поглощен заботой восстановить всемирную монархию и сделаться властелином всех окрестных владений, имея перед своим умственным взором Антониев и Августов кесарей, стремясь сравняться с ними в пределах власти и едва не говоря подобно Александру: «И то и это — все мое!» Всегда казался он бледен и погружен в думу, принимал пищу в конце дня и, когда решался кто-нибудь заметить ему, что от такого употребления пищи можно опасаться расстройства в здоровье, отвечал за-

мечательным изречением, что частному человеку всякое время удобно для вкушения пищи, особенно же то, в которое он привык кушать, а царю, который обременен делами и не хочет быть ниже своего звания, хорошо, если он и под вечер найдет время для успокоения тела. Всем народам, сказал я, было радостно услышать о смерти короля Аллемании; но особенно, как никто другой, приветствовали его кончину сицилийцы, так как, по завоевании им острова, они должны были под его владычеством бороться с неисчислимым множеством бедствий, которое нелегко даже описать. Мало того что отдельные лица незаслуженно подвергались смертной казни, грабительски лишаемы были имущества, терпели изгнание из отечества и множество других превышающих человеческое терпение стеснений, которые приводят к решимости лучше умереть, чем жить; многие города Сицилии всецело обращены были в развалины и все сколько-нибудь годные укрепления срыты до основания. Король всякую минуту боялся восстания и, чтобы подавить в сицилийцах последнюю мысль о свободе, отнимал у них все средства к успешной борьбе за нее, то есть как деньги, колесницы и коней, так равно прочные городские стены, доблестных защитников и крепкие твердыни. При всем том, пока он предупреждал будущие опасности, как будто уже наступившие, и боролся с тем, чего еще не было, некоторые лица составили против него заговор; однако он узнал об их намерении, но не казнил своих врагов прямо смертью под ударом меча, а предал их наперед разного рода жесточайшим истязаниям и уже после того лишил жизни: одного сварил в кипящем котле и, уложив в плетенную из камыша корзину, как будто что съестное, послал в подарок его родным; того сжег на седмикратно разожженном костре, другого посадил в мешок и бросил в глубину морскую. Самого же виновника заговора,

который был предызбран в правители острова, король подверг еще более мучительной казни, чем прочих. Он приказал сделать медную корону с четырьмя противоположными скважинами, по одной с каждого бока, возложил ее на мученика, напрасно силившегося отклонить ее своими руками, потом прибил этот венец к его голове четырьмя огромными, прошедшими насквозь гвоздями и затем велел ему идти, сказавши: «Любезный, ты имеешь теперь венец, которого домогался; прочь всякая зависть — наслаждайся тем, что тебе так дорого и вожделенно!» В страшном затмении головы несчастный упал лицом вниз и спустя немного умер, испустив душу вследствие этого кровавого увенчания. По завоевании Сицилии вместе с другими взята была в плен дочь императора Исаака, по имени Ирина, и выдана за Филиппа, незаконнорожденного брата короля Аллемании, так как смерть похитила ее первого супруга, взявшего ее девицей, который владел Сицилией по смерти отца своего Танкреда.

Когда волей Божией устранено было это зло — зло величайшее, от которого вся римская страна с трепетом ожидала ужаснейших последствий, новое страшное бедствие приплыло с моря. Именно, один генуэзец, по имени Кафур, снарядив несколько катеров в два и три ряда весел и запасшись круглыми купеческими кораблями, начал опустошать приморские города и своими нападениями привел в бедственное положение острова, лежащие на Эгейском море. Между прочим, он напал даже на Атрамиттий*, захватил там разного рода добычу и награбил неисчислимое богатство. Когда те, кому следовало за этим смотреть, с величайшим трудом пробудились от глубокого сна и кое-как пришли на-

* Приморский город малоазийской провинции Мизии, находившийся против острова Лесбоса.

конец в себя, послан был против Кафура с тридцатью кораблями Иоанн Стирион, уроженец калабрийский, бывший некогда пиратом, и притом — злейшим из пиратов, но потом, при царе Исааке, за большие подарки перешедший на нашу сторону и многократно оказавший пользу римлянам своими подвигами на море. Сверх ожидания, выступив против Кафура, он потерпел несчастье и, стараясь хитростью взять перевес над своим противником, который превосходил его силой, был побежден им, подвергшись сам тому, что постоянно искал случая нанести своему врагу. Кафур коварно напал на римские корабли, лавировавшие около Систа, в полуденное время, когда вся команда вышла на берег, оставив суда в реке Сиге совершенно пустыми, и все забрал их — с оружием и со всеми съестными припасами, какие на них находились. После того он стал опять, уже без всякого опасения, нападать на острова и грабить приморские области, требуя и собирая с них такие подати, какие ему было угодно. В этих крайних обстоятельствах царь по необходимости решился вступить в переговоры с пиратом. Он послал к нему с мирными предложениями несколько знакомых ему генуэзцев (так как Кафур по делам торговли часто приезжал к нам в Византию и все то, что теперь делал против нас, делал в отмщение за денежный налог, взятый с него тогдашним дуксом флота Михаилом Стрифном); тем не менее, однако, в то же время готовился к войне: снарядил другие трииры и поручил их опять Стириону. Положены были условия, что царь уплатит Кафуру шесть центенариев золота и сверх того выделит такой участок земли в римских владениях, который мог бы прокормить в семь раз большее число соплеменных ему ратников, чем сколько их было у него в настоящее время, а он будет повиноваться царю. Но между тем, пока мир не был еще утвержден, Стирион при содействии пизанского

флота неожиданно завязал сражение с Кафуром, взял его в плен, лишил жизни и овладел всеми его кораблями, исключая четырех, которыми командовал его двоюродный брат.

2. Когда и это бедствие было устранено, во дворце восстала буря, покрывшая величайшим позором царское семейство и произведшая в нем сильные потрясения. Намереваясь рассказать об этом, я нахожу нужным для ясности предмета обратиться на несколько времени как бы опять к началу моей речи. Прежде вступления царя Алексея на престол почти все думали, как я стороной упомянул об этом выше, что он не мирного, а напротив — весьма воинственного характера, и поэтому все ожидали, что, сделавшись царем, он не только поднимет копье на врагов римского государства, но будет строг и в отношении к своим подданным. Однако, получив власть, он оказался совершенно другим и доказал самим делом, что все судили о нем неверно. Многое я опущу, чтобы не показалось, что я выбираю только дурное и из истории делаю пасквиль. Немедленно по вступлении на престол царь объявил, что должности не продаются за деньги, но даются даром и по достоинству,— истинно либеральная и в высшей степени изумительная мысль, составляющая начало, опору и основание прекрасного царствования, хотя в наши времена не было ни одного примера, чтобы кто-нибудь решился подняться или, по крайней мере, приблизиться к этому идеалу! Тем не менее родственники царя, люди без исключения корыстолюбивые и, благодаря частым переменам государей, научившиеся заботиться единственно о том, чтобы красть, грабить, обращать в свою пользу казенные доходы и скапливать себе огромные богатства, беспощадно обирали всякого, кто обращался к ним, как к лицам, имеющим большую силу у царя, с какой-нибудь просьбой, и присваивали себе такие денежные сборы, которые своими

размерами далеко превышали состояние частных лиц. Поэтому, как в других отношениях были вообще допущены такие погрешности, каких не было ни в какое другое царствование, и дела римского государства пришли в совершенное расстройство, так, в частности, и должностные места предлагались в продажу желающим еще хуже прежнего. Всякий, кто только хотел, мог приобрести управление любой областью и получить самое высшее звание у римлян. Таким образом, не только люди с перекрестков и с рынка, менялы и продавцы полотен честились севастами, но даже скифы и сирийцы покупали себе за деньги высочайшие титулы*, не желая более кланяться своим прежним владельцам. Причиной всего этого было, как я сказал, во-первых, легкомыслие царя и неспособность его к управлению делами, а затем, не в меньшей мере, роскошная жизнь его приближенных, равно как безмерное и ненасытное корыстолюбие их, вследствие чего придворные дамы** и близкие любимцы царя обратили все государственные дела в свою игру. При своем полном неведении царь так был далек от всего, что делалось, как далеки от римлян обитатели крайних пределов Фулы***.

* То есть титул севастов, сто лет назад принадлежавший, как мы имели случай заметить, исключительно одним императорам.

** Собственно, гинекей, *γυναιχωνῖτις*.

*** Фула — страна, по мнению древних римлян и греков находившаяся на крайнем севере, но так далеко, что там едва ли кто бывал когда. Прокопий (Gothicorum lib. 2) думал, что это полуостров Скандия. По описанию Марина и Птолемея, это должен быть один из Оркадских островов поблизости к Шотландии. Наконец, Пифий Массилийский приписывает Фуле такое расстояние от Британии и такие климатические условия, что по его описанию надобно считать ее островом Исландией. Вообще, по понятиям древних, это самая отдаленная страна севера, где бывают дни без ночей, ночи без дней, где все бывает не так, как в странах Греции и Рима; так что Антоний Диоген, древнейший писатель, по свидетельству Фотия (Biblioth. cap. 166) живший

Между тем все громко осуждали его за дурное управление кормилом власти, осыпая в то же время самыми тяжелыми проклятьями людей, которых он посадил у руля и у весел. В этих обстоятельствах царица, считая невозможным терпеть долее подобный порядок вещей, так как он не мог укрыться от ее наблюдательности и сребролюбия, решилась положить ему конец и до тех пор не давать себе покоя, пока или все производства не будут делаться бесплатно, по указу ее супруга, или собираемая за них плата будет поступать в царскую казну. Прежде всего она взяла себе в помощники Константина Месопотамского — того самого, который имел огромную силу при Исааке Ангеле, как мы это заметили в истории его царствования. Потом она примирила его с мужем, который и до вступления на престол был неприязненно расположен к нему, и после своего воцарения также всегда удалял его от себя, как человека, который привел в брожение спокойный старинный порядок значительной части дел Римского государства и постоянно производил в течение их всякого рода замешательства и неурядицы. Когда таким образом управление общественными делами перешло опять к Месопотамскому, сила других уже угасла, блеск правительственной власти царских наперсников затмился, и тот, кого прежде царь считал ненужным, стал для него теперь незаменимым, своего рода амальфеиным* рогом, полной чашей всевозможных благ, всепроизрастающей землей Иова**; единственным человеком, способным удовлетворить всякого

около времен Александра Македонского, написал 24 книги «о невероятных особенностях Фулы» — *τῶν ὑπὲρ Θούλην ἀπίςων*. Ioh. Iacobi Hofmanni lexicon.

* Амальфея — коза, вскормившая Зевса, рога которой текли нектаром и амброзией; отсюда амальфеин рог, рог изобилия — значит изобильный источник всякого рода благ.

** См. Иова 28, 1—6.

и угодить всем; необходимым, как свет для зрения или воздух для дыхания и жизни; истинно перозской жемчужиной, которой следует постоянно висеть на ушах царя и которая одна стоит всего царства; неутомимым Артемоном*; многооким Аргусом** и сторуким Вриареем***. Тяжело было перенести эту неожиданную новость вообще всем, кто прежде имел силу, а теперь утратил ее и подобно светляку сделался незаметен с рассветом дня; но кровные родственники государыни: Андроник Контостефан, супруг ее дочери Ирины, и ее родной брат Василий Каматир — едва не задохлись с досады от такой перемены дел. Оставив до времени в стороне брошенный в них и легший поперек их дороги камень (то есть самого Константина Месопотамского), они направили все усилия и устремили всю желчь против того, кто его бросил, то есть против государыни, изыскивая средство жестоко отомстить. Наконец, после продолжительного перебора всех мер, со всевозможной внимательностью обсудив и рассмотрев со всех сторон избранный план, они явились к царю перед самым отправлением его в западные области и, выждав случай быть с ним наедине, обратились к нему со следующими словами: «Хотя по закону природы своя кровь дорога и мила, но пусть все знают, что царь для нас всего дороже и что, если мы любим Евфросинию, то еще более любим Алек-

* *Артемон*, по описанию Атенея, один ремесленник, благодаря своей неутомимой деятельности сделавшийся из бедняка богачом и проводивший затем роскошную жизнь богатых людей, вообще — идеал трудолюбия.

** *Аргус* — неусыпный страж, поставленный Юноной к дочери Инаха для защиты ее от покушений Юпитера. Когда одна половина глаз его закрывалась во время сна, другая бодрствовала и смотрела зорко. Однако Меркурий по приказанию Юпитера убил его. *Овидий*.

*** Исполин, спасший Зевса, когда восстали на него Гера, Посейдон и другие боги, сражавшийся против титанов и вообще олицетворяющий собой силу, содержащую в порядке все стихии природы.

сея. В самом деле, твоя безопасность есть необходимое условие благосостояния вообще всех твоих подданных, и, спасая в твоем лице государство, мы в то же время устраиваем таким образом свое собственное благополучие; напротив, если неожиданно обрушится на тебя какое-нибудь роковое бедствие, то сверх того, что необходимо будет потерпеть нам вместе со всем обществом, мы должны будем лично подвергнуться особенному несчастью и невозвратно утратить все то, чем обязаны твоему царствованию». Сделав подобного рода вступление, ловкой игрой слов затрагивающее все чувства, они представили затем сущность дела в таком виде, как будто хотели совершенно свести царя с ума, и действительно привели его в такое яростное исступление, что даже игра Тимофея в древности не пробуждала в Александре до такой степени страшного воинственного одушевления. Именно, они сказали: «Твоя невинная супруга, государь, открыто дозволяет себе самое гнусное поведение, и мы опасаемся, чтобы она, оскорбляя, как блудница, твое супружеское ложе, в скором времени не вздумала произвести какого-нибудь нового переворота, потому что, без сомнения, она захочет и употребит все старания, чтобы тот был и царем, с кем она постоянно любезничает и бесстыдно разделяет ложе. Поэтому необходимо положить конец ее всемогуществу и остановить стечение к ней отовсюду огромных сумм. Ее любовника, которого ты усыновил, а она беззаконно сделала своим наложником, должно безотлагательно, теперь же уничтожить, чтобы пресечь на будущее время такой ужасный позор. Суд же над преступной женой лучше отложить до того времени, когда ты, с Божией помощью совершив предстоящий путь, возвратишься опять в Константинополь». Доносчики и советники заслужили себе славу людей беспримерных, редких, несравненных; в то же время, в сильном негодовании против

Ватаца за то, что он ответил такой платой на все благодеяния, ему оказанные, царь немедленно послал одного оруженосца, именем Вастралит, с повелением лишить его жизни. Ватац находился в пределах Вифинии, так как восстание Алексея Киликийца тогда еще не было закончено. Явившись к нему и вызвав его из лагеря под предлогом тайно сообщить секретные повеления, присланные ему царем, Вастралит неожиданно обнажил меч, то же сделали подготовленные им его помощники, и в одну минуту молодой человек был изрублен в куски, как животное. С неудовольствием и с огорчением смотрело на это убийство все войско, перед глазами которого оно совершилось. Между тем Вастралит положил голову Ватаца в мешок и поспешно возвратился к царю. Поправши брошенный к ногам череп несчастного юноши и пристально взглянув на него, царь произнес одно изречение, которого, впрочем, никак нельзя с соблюдением приличия поместить в «Истории».

3. После того, отправившись в предстоявший путь, царь уехал в Кипселлы, имея в виду сделать что-нибудь для блага городов фракийской области, приведенных в бедственное положение нашествиями валахов и скифов, и, сверх того, предполагая поймать Хриса или, по крайней мере, положить конец его воровским опустошительным набегам на окрестности Серр. Этот Хрис был валах низенького роста, не только не участвовавший в восстании против римлян Петра и Асана, но напротив, в качестве союзника римского, сначала поднявший даже оружие на них с подчиненными себе пятью сотнями своих соплеменников. Скоро, однако, сделалось заметно, что, потворствуя постоянно более и более своим соплеменникам, он задумал приобрести себе независимую правительственную власть, и потому он был взят и заключен под стражу. Потом его освободили и послали охранять

Струмницу*, но он обманул надежды царя, который послал его туда, и, злоупотребляя своим положением, сделался неумолимым врагом соседственных римлян. Поэтому царь отправился теперь наказать его, собрав с этой целью значительное войско в Кипселлах; впрочем, он скоро оставил это намерение и решился воротиться назад, так что и войско даром собиралось в Кипселлы, и сам он напрасно предпринимал сюда путешествие. Итак, оставив западные области в том бедственном положении, которое они перед тем несли и терпели, царь воротился в Византию, не могши даже двух месяцев пробыть вне дома. Сперва он остановился в афамейском дворце, потом занял филопатионский**. Между тем царица Евфросиния, сметив и сообразив, какая буря готова разразиться над ней, в трепете перед своим супругом, с жалобным и угасшим взором простирала ко всем руки с просьбой о помощи и обращалась ко всякому, кто пользовался доверенностью царя, с мольбой ходатайствовать за нее и, сколько возможно, защитить ее перед царем, так как ей грозит опасность не только быть бесчестно изгнанной из дворца, но даже лишиться жизни. Действительно, весьма многие сжалились над ней. Вследствие того одни убеждали царя пренебречь взведенными на супругу обвинениями, осуждая ее обвинителей и называя их колючими и лукавыми сплетниками, вечно всех оговаривающими и никогда не довольными своей участью. Другие советовали ему действовать в настоящем случае со всей возможной осмотрительностью, чтобы не пришлось впоследствии опять принять в свой дом ту, кого теперь прогонит, как блудницу, и чтобы таким об-

* *Вариант*: «Потом его выпустили из темницы и послали комендантом Струбицы».

** Дворцы, находящиеся в предместьях Константинополя.

разом не сделаться тогда самому виновником своего позора, напрасно выставив себя на весь свет предметом пересудов и во мнении общества уподобившись тем животным, у которых растут на лбу орудия мести, но которые тем не менее нисколько не обижаются и не вооружаются рогами на своих совместников, когда они на глазах у них совокупляются с их самками. Вступив после того во влахернский дворец, царь не вдруг излил свою ярость. Он допустил один раз супругу к своему столу; впрочем, даже при этом случае по его мрачному лицу и по его взорам, постоянно обращавшимся куда-нибудь в сторону, можно было заметить, что в нем кипела буря; но затем, горя гневом, хотя без воспламенения, или, лучше, тайно воспламеняясь и также невидимо опять угасая, он не хотел более быть с ней в одном обществе и вместе кушать. Со своей стороны она настоятельно требовала суда по взводимым на нее обвинениям и говорила, что безропотно готова будет подвергнуться всякому наказанию, как скоро взведенное на нее преступление будет доказано следствием. Она умоляла царя обратить внимание не на сладкоречие и родственную близость обвинивших ее лиц, но на самое дело в его истинном и точном виде. При всем том не вняв ее просьбе,— подвергнув, однако, строгому допросу некоторых спальничных женщин и отобрав подробные показания о деле от состоявших при женских покоях евнухов,— царь приказал спустя немного времени удалить ее из дворца с лишением всех царственных украшений и отличий знатного сана. Итак, вывели ее из дворца тайным, почти никому не известным ходом, в бедном хитончике, какие обыкновенно носят женщины, трудами рук своих добывающие себе пропитание, в сопровождении двух служанок варварского происхождения, плохо понимавших эллинский язык, бросили в двухвесельную лодку и отвезли в один женский монастырь,

построенный около устьев Понта, именно ниматарейский. После того как государыня была удалена таким образом, оговорившие ее почувствовали некоторого рода сожаление к ее судьбе, потому что они оговорили царицу перед императором, желая только ограничить ее слишком большую силу, но отнюдь не имея цели совершенно лишить ее всякого значения или низвергнуть окончательно. Зная слабость царя и его способность легко увлекаться всем и также легко все забывать, они совсем не думали, чтобы он когда-нибудь мог поступить с ней так. С одной стороны, они жалели, что опозорили свой род, и раскаивались в этом сами, хотя не столько, сколько следовало бы; с другой — их подавляли падавшие на них порицания и укоризны народа. Прошло шесть месяцев после того, как царица Евфросиния была изгнана из дворца. Конечно, она была бы и совершенно забыта, если бы нанесшие ей рану сами же не уврачевали ее, не по тому побуждению, по которому Ахиллес уврачевал Тилефа, но они нашли для ее восстановления своего рода всеисцеляющее средство вследствие всеобщего и отовсюду поражавшего их презрения за то, что без всякой нужды они обесславили женщину, которая была виновницей их собственной славы. Все родственники царя составили союз между собой в этом общем деле; в то же время Константин Месопотамский выставил со своей стороны и, как говорится, пустил в ход все машины, и таким образом царица была опять призвана, принята и в заключение всего получила силу более прежней. Она не мстила явно своим врагам, не строила в отмщение по их примеру даже тайных козней и вообще не неистовствовала против них в пылу гнева, подобно Медее*, до

* Медея — дочь колхидского царя, вышедшая в замужество за Язона. Бывши отвергнута им по истечении десяти лет замужества, когда Язон решился взять себе в супруги дочь коринфского царя Креонта Главку, она в самый день свадьбы своей соперницы отравила ее и всех ее родных и убила всех своих детей, которых имела от Язона, за исключением одного, именно Фессала, спасшегося бегством. Вообще вся ее история есть олицетворение мести, доходящей до неистового самозабвения.

самозабвения; но, ухаживая за своим супругом, который и прежде не любил ее, а теперь отдалился от нее окончательно и совершенно прервал с ней все супружеские отношения, подчинила его себе хитрым обращением, делала из него с помощью искусной лести, зная его характер, все что хотела и забрала в свои руки почти все отрасли государственного управления. Так это шло своим порядком.

4. Между тем Константин Месопотамский (надобно, в самом деле, рассказать еще историю этого Протея нашего времени, неуловимо переменчивого и разнообразнейшего человека), вследствие возвращения государыни, высоко поднял нос и чрезвычайно занесся. По этой, вероятно, причине, считая недостаточным для своей чести свое всемогущество у царя, он отказался от должности епиканиклия*, которую имел в царствование Исаака и которая теперь опять была ему предложена, как не соответствующей величию его силы, и изъявил желание быть рукоположенным из чтецов в дьяконы, чувствуя совершенно невыносимым для себя ограничение, воспрещающее непосвященным прикасаться к священным скрижалям Церкви. Действительно, желание немедленно было приведено в исполнение; царь послал его в знаменитый влахернский храм; сам патриарх тотчас же рукоположил его из чтецов во дьяконы, и в то же время ему дано было право стояния и восхождения по чину первым. Достигнув этого, он притворно объявил, что теперь стал уже свободен от своих прежних обязанностей, не будет более

* *См.* выше примечание на стр. 141.

являться во дворец и совершенно отрекается от служения царю, потому что церковные каноны никаким образом не дозволяют в одно и то же время быть служителем Божиим и заниматься мирскими делами, так как оба эти служения далеки друг от друга и ни в каком случае не соединимы, как и вообще работа Богу и работа мамоне диаметрально противоположны между собой. Поэтому царь, цепляясь и обвиваясь около него, как плющ, вынудил патриарха Ксифилина немедленно издать определение о том, что Месопотамскому дозволяется соединять в своем лице служение Богу и царю, или храму и двору, без опасения какого бы то ни было наказания по канонам, которые осуждают и строго преследуют подобных амфибий. Итак, эта статья была обделана, а спустя немного он был рукоположен уже в архиереи знаменитого города Фессалоники. По всей вероятности, сподобившись получить такой почтенный сан, он никогда не потерял бы уважения и не подверг бы себя тем бедствиям, которые впоследствии принужден был испытать, если бы теперь совершенно удалился от двора, положив наконец предел своему любостяжанию, и сколько-нибудь обуздал свою страсть вмешиваться во все дела. Но безумная и беспредельная страсть к разнообразным высшим почестям, и притом почестям, не соединенным между собой, лишила его самых низших; так что управляющий делами людей промысел показал на этом человеке пример необычайного возвышения и вместе безмерного падения. В самом деле, восшедши до небес, вследствие житейской превратности вещей он низошел до ада. Считая для себя невыносимым не иметь в левой руке церковных дел и в то же время в правую не забрать дел придворных, захватив, таким образом, обе власти и сосредоточив их на своем лице, как на краеугольном камне, служащем основной связью разных стен здания, в новом своем сане он хотел вести все дела

неизменно по-прежнему. В намерении ничего не пропускать без своего соизволения, он вбил в состав правительства своих братьев, как какие-нибудь клинья и гвозди, или, как будто серьги, привесил их с обеих сторон к ушам царя, чтобы, когда по церковным делам он будет присутствовать в синоде, ни одно дело или даже ни одно слово во дворце не ускользнуло от его внимания и чтобы кто-нибудь незаметно не прокрался в его область. Прибыв в Фессалонику и показавшись там на самое короткое время, сколько нужно было для того, чтобы только вступить на кафедру, он немедленно, с быстротой птицы возвратился опять в Византию, не оглядываясь назад и не останавливаясь нигде по дороге. Подобным образом он презирал все именно потому, что мог одним пальцем все изменить и перевернуть, особенно после вторичного царского похода против Хриса, когда, состоя при царе советником и управляя всеми его действиями против мятежника, он доказал свою способность к тактическим соображениям. В это время его особа действительно представляла собой наглядное соединение царственности и священства. Поэтому тот закон, который кооский гений* заметил в разных состояниях телесного здоровья, именно, что, достигши самого цветущего состояния, оно непременно начинает постепенно клониться к упадку и идти опять назад, так как по непрерывности вечного движения не может оставаться в одном неподвижном положении, в точности сбылся и на Месопотамском. Постоянно усиливаясь идти вверх и не зная никакого предела своему честолюбию, он, как комар в басне, сражавшийся со львом, попавши в тонкую паутину, вдруг неожиданным бесславием уничтожил всю славу, которой прежде слишком скоро возгордился, или, говоря слова-

* То есть Иппократ, уроженец острова **Кооса**.

ми псалмов Давидовых, «пошатнулся и упал в то время, как хотел возобладать убогими* разумом». Люди, по головам которых он скакал, подобно блохе в комедии, и которых едва не бил по щекам, как рабов, составили значительную партию, соединились вместе, собрали против него несколько пустых и бессвязных обвинений, наконец явились к царю и, нашедши в податливости царя и в его способности легко увлекаться всяким словом вспомоществование своей ненависти к общему врагу, мужественно восстали против него. Таким образом, он не только был выброшен из дворца, как какой-нибудь небольшой шарик, пущенный действием сильной машины, но лишен и архиерейского сана. При этом со стороны обвинителей отличался впереди в качестве оратора от лица всех вообще один толстый пузан, именно тогдашний дукс флота Михаил Стрифн, которому, как человеку более всех корыстолюбивому, с ненасытной жадностью обкрадывавшему казну и пожиравшему деньги, особенно противодействовал Месопотамский. Впрочем, это еще не так дурно,— хотя во всяком случае дурно,— что иных удаляют от известной должности или даже отрешают от самого высокого служения — престолу Господню, без исследования обвинений, по одному только наговору лживого языка. Но вот что совершенно неизвинительно и обличает крайнюю испорченность своих виновников! Когда уже решено было избрать в Фессалонику другого архиерея, дело о низвержении Месопотамского было предложено на рассмотрение заочно, в отсутствие обвиненного. Некоторые пункты в нем были, очевидно, с изъяном, и вообще все они были недостаточны для извержения из архиерейского сана. Тогда патриарх, или повинуясь царскому повелению, или по личной вражде к Месопотамскому не имея сил противостоять искушению, или, наконец, будучи сбит с пути долга какой-нибудь другой причиной, которой я не знаю, собрал и посадил с собой судьями несколько таких архиереев, которые, проводя время в предосудительной праздности, изо всех сил и с живейшей ревностью гонялись за благорасположением царя, сделал перемены в акте низвержения и дополнил его разными обвинениями, которых в нем не было и которые совершенно бесспорно лишали всякой степени священнослужения того, кто был бы уличен в них. Затем он сдал этот акт в хартофилакию*, велев в то же время выдать с него копию Хрисанфу, которому после Месопотамского вверено было управление фессалоникской церковью. Между тем как следовало стыдиться подобного поступка, некоторые из участников в нем ликовали, как будто одержали победу над враждебными народами, сокрушили сильного, постоянно меняющего свои цвета ливийского зверя, опустошавшего города и истреблявшего жителей,— неодолимого дракона, который описан в книге Иова, льва-муравьеда или как будто скрылась в хаос и исчезла висевшая над ними косматая, наводящая ужас эгида**. Таким

* *Преклонится и падет внегда ему обладати убогими* (Псал. 9, ст. 31).

* То есть в архив церковных дел, которым заведовал великий хартофилакс — одно из высших должностных лиц великой церкви, в сане дьякона заведовавшее церковным судом и некоторыми другими отраслями церковного управления. Впрочем, в описываемое время должность великого хартофилакса уже утратила значение, которое имела прежде, когда хартофилакс был первым лицом после патриарха, занимал место выше всех архиереев и за отсутствием патриарха обыкновенно председательствовал в синоде. Теперь хартофилаксы сидели уже ниже епископов, не носили золотых митр и по месту заседания в синоде, равно как по правам власти, соперничали с протекдиками.

** Эгида — страшный щит, скованный богом Гефестом для Зевса, поражающий громом, молнией и мраком. Им пользовались также Аполлон и Афина.

образом, Константин Месопотамский и его два брата были устранены от управления общественными делами, и на их место в государственном управлении поступил человек старательный, любезного характера, изысканно красноречивый и умевший ко всякому снизойти и примениться. Это был Феодор Ириник. Ему был дан в помощники и сотрудники еще один порядочный сребролюбец, одержимый постоянным кашлем. Итак, оба они заведовали всеми правительственными делами. Пользуясь поучительным примером Месопотамского, они постоянно имели его падение перед глазами и, зная изменчивый образ мыслей государя, не неслись гордо и неуклонно, как непотрясаемо крепкие на седле всадники, по рвам и крутизнам, но, как бы скрывая принадлежавшее им правительственное могущество, всегда сдерживали и умеряли свою силу; так что, опасаясь потери своих мест, избегали даже много такого, что следовало бы делать.

5. В таких и подобных этим делах прошло три года после воцарения Алексея Комнина над римлянами. Дальнейшее время его царствования не представляет ничего особенно нового сравнительно с прежним: те же порядки, та же распущенность в образе жизни и непременно то же самое беспредельное высокомерие! В это время пренебрежен и нарушен был мирный договор, существовавший между царем и иконийским султаном Кайхозроем. Именно, иконийский варвар овладел двумя арабскими конями, которые были посланы царю султаном Александрии Египетской. Он пустил их в бег, и на бегу один из них вывихнул ногу. После этого через посольство Кайхозрой просил у царя извинения в том, что он осмелился уже совершенно присвоить препровождавшихся к царю коней, так как по негодности одного из них не решается послать и другого; при этом он уверял, что употребит все меры, чтобы его державный друг не остался

в убытке и недолго был без коней. Таким образом, он представлял весьма благовидное оправдание в своем поступке. Но царь не хотел быть великодушным, не умел нужду обратить в щедрость, не взял в расчет обстоятельств времени, которые, как мощный враг, постоянно его давили или даже готовы были совершенно задушить, и мгновенно, как подожженный, крепкий, вечнозеленый дуб, загремел трескотней гнева. Конечно, он не в состоянии был как-нибудь успешно отомстить персиянину, а только безрассудно навлек на свое государство войну и обнажил против самого себя меч, до той поры спокойно лежавший в ножнах. Именно, он приказал заключить в темницу и лишить имущества всех купцов как турецкого, так и римского происхождения, которые по делам торговли прибыли из Иконии в Византию. Притом, отнявши у них все их товары и весь вьючный скот их, он ничего не взял, как следовало бы ожидать, и в свою казну; напротив, все было только разбросано в разные стороны и истреблено. Узнав об этом, варвар отложил уже в сторону свои мысли о вознаграждении и не послал вторичного посольства к царю; но поднял против римлян оружие, напал неожиданно на пригороды, лежащие по течению реки Меандра, взял в плен поголовно всех жителей Карии и Тантала и, ограбив очень много других городов, решился наконец подступить даже к Антиохии Фригийской. По всей вероятности, он опустошил бы и ее, как недавно — Карию и Тантал, если бы сверх ожидания не удержало его от жестокого грабежа одно случайное обстоятельство, происшедшее не по какому-нибудь человеческому умыслу, но как бы само собой или по воле Божией. Поднявшись в ночь, Кайхозрой быстро двинулся в Антиохию с намерением в раннее утро напасть на город и опустошить его. Между тем в тот же самый день случилось одному из вельмож города праздновать свадьбу

своей дочери. По этому поводу, как обыкновенно бывает при таких торжествах, собрание было огромное: гости шумели, кимвалы бряцали во всю эту ночь, тимпаны гремели, плясуны топали ногами и хоры женщин пели свойственные свадебному торжеству песни. Таким образом, когда Кайхозрой приблизился к городу, то, услышав игру инструментов, равно как долетавшие издали громкие звуки песен, и не угадав, в чем дело, он предположил, что это были военные клики, которыми граждане, без сомнения предуведомленные о его нападении, выражали свою готовность к битве, и вследствие того поспешно отступил к Лампе. Прибыв сюда, он приказал составить список всех пленников, узнать, откуда каждый, как его зовут, и расспросить, кто взял его в плен, какого он лишился имущества и не скрывает ли кто-нибудь из персиян его сына, дочь или жену. Сделав такой разбор, он возвратил римским пленникам все, что было у них взято, разделил их по родам и семьям и затем пошел далее. Всех пленников оказалось пять тысяч человек. Варвар позаботился, чтобы во все продолжение пути они не чувствовали недостатка в жизненном продовольствии. Мало того, обеспечив их пропитание, он не упустил из внимания и стоявшей по времени года жестокой стужи. Однажды он взял в руки топор, вышел из лагеря и начал сам собственноручно рубить в поленья одно попавшееся на пути старое, свалившееся от времени дерево. Множество персиян сбежалось на это зрелище. Продолжая свою работу, варвар предложил и им взяться за нее; в то же время он указал и дал им понять ее причину, прибавив в поощрение их следующие слова: «Персиянам всегда можно выходить из лагеря за рубкой дров, потому что никто им не мешает; но римлянам нет возможности, так как они вынуждены остерегаться, чтобы не навлечь на себя подозрение в покушении к побегу и по подозрению в умыслах

на бегство не подвергнуться заключению в оковы». Достигнув Филомилия, он дал всем пленникам помещение, отделил им большой участок удобной для обработки земли, раздал опять всякому хлеб и дал нужное количество семян для посева. В довершение всего Кайхозрой обнадежил их добрыми обещаниями, объявив им наконец, что если он и царь опять заключат между собой дружбу и возобновят прежний мирный договор, то они будут иметь полную свободу без всякого выкупа возвратиться на родину; если же царь иначе порешит дело, то первые пять лет они будут жить без всяких податей, не платя никому никаких повинностей, а потом будут обложены необременительной податью, которую он тогда назначит им и которая уже не будет увеличиваться выше однажды определенной меры, как это бывает обыкновенно в Римском государстве, тем более не будет увеличена в несколько раз против прежнего. Устроив все это в таком виде, султан возвратился в Иконию. Между тем его человеколюбивые обещания не только заставили всех пленников забыть о своем отечестве, но привлекли в Филомилий множество римлян, которые не были пленены персами, а только слышали, как поступил персиянин с их родственниками и соотечественниками. Так в нашем поколении римского народа не только *оскудел преподобный* и умалилась истина, но *от умножения беззакония* охладела и любовь во многих; так что целые эллинские города колониями переселялись к варварам и по доброй воле оставляли отечество: потому что в самом деле частые мятежи развратили политическую нравственность народа и постоянное грабительство правительственных лиц подавило в большинстве надлежащую привязанность к родине и готовность деятельно служить благу соотечественников! Но посмотрим, как со своей стороны распорядился царь по поводу этих событий. Он послал во-

евать с султаном Андроника Дуку, молодого человека, у которого только что начинала пробиваться борода. Когда-то Андроник со своим войском выступил против турок! Наконец он напал ночью на стада быков, которых стерегли пастухи одного эмира, именно Арсана, и затем поспешил воротиться назад. После этого царь, с трудом оторвавшись от прелестной Пропонтиды, как будто от лотоса* или от пения сирен, отправился сам в Никею и Прузу не для того, чтобы возмерить или воздать такое же воздаяние персам, какое они нам возмерили и воздали, но со скромной целью защитить тамошние города и села от их опустошительного вторжения со стороны Вафа, где они в значительном числе стояли тогда в сборе. Однако, пробыв здесь один месяц, и он со всей поспешностью возвратился в Византию. С наступлением весны начались опять сборы и сосредоточения войск — с такой суетливой и напряженной торопливостью, что даже описать трудно; надобно, впрочем, заметить, что эти ни к чему не ведшие частые сборы и постоянные смотры в течение каждого года, при своей беспрерывности, до такой степени надоели войску, что солдаты шли на них с крайней неохотой и с живейшим сожалением оставляли свои покойные домашние кровли. Как бы через силу преодолевая себя, солдаты шли теперь на сбор, с нетерпением желая или победить врагов, или, по крайней мере, со славой умереть за отечество. Итак, войска собрались в один лагерь — в Кипселлы.

6. В это время царь, по собственному соображению, отважно решился на одно дело, о котором следует теперь рассказать. Он периодически, через известные промежутки времени, всегда был болен разными членами тела, но особенно страдал ногами. К ним приливала дурная материя и порож-

* Египетское растение, имеющее самые нежные плоды.

дала невыносимые мучения, к чему, при усиленном страдании, присоединялась потеря способности к движению и, сверх того, часто появлялась страшная лихорадка. В один день, заперев двери спальни и не сказав наперед никому, кроме спальной прислуги, о своем секрете, он наложил себе, таким образом, на ноги раскаленное железо. Долго прикладывая к ногам разожженный металл, царь сначала философически выдерживал боль, происходившую от прижигания, и с бранью ругал всех врачей, говоря, что у них всегда в употреблении одни только чистительные и что они никогда не придумают и не дадут больным какого-нибудь лекарства подействительнее слабительных. Потом, разумеется, воспаление в местах, подвергнутых прижиганию, и боль сделались сильнее прежнего. Тогда уже были призваны врачи, и не так, чтобы кто-нибудь один или другой, но все вдруг. Между тем родственников царя крайне смущало опасение, чтобы прилив материи, лишившись исхода в ногах, не бросился в какую-нибудь более опасную часть тела; так что царь может тогда мгновенно лишиться жизни, и правительственная власть, сверх ожидания, должна будет перейти к кому-нибудь другому. Однако врачи сумели его вылечить: брожение и накопление материи было остановлено слабительными, приемы лекарств со дня на день значительно уменьшались и целительная их сила была очевидна. Во все это время царица Евфросиния заботилась, конечно, сколько следовало и о здоровье своего супруга; но гораздо более занимала ее с приближенными, которым она сообщала свои секретные предположения и открывала свои сердечные тайны, мысль о том, кто будет преемником царской власти, и заботливость, чтобы это был человек не неприязненный и не враждебный, а расположенный к ней. У царя не было сына, который, разумеется, был бы наследником престола, но были две доче-

ри, и притом обе они недавно лишились супругов. Старшая по возрасту, Ирина, была в замужестве за Андроником Контостефаном, который умер спокойной смертью; а Анна, вторая по старшинству, но первая по красоте, была замужем за Исааком Комниным, который скончался в оковах в Мизии, как мы сказали об этом в предшествующих книгах. Разные лица указывали и избирали разных людей на престол, и при этом все руководствовались единственно своей личной выгодой. На то, чтобы избранный мог достойно царствовать над римлянами и надлежащим образом управлять общественными делами, никто не обращал ни малейшего внимания; так что более неразумные из избирателей присуждали царскую власть даже младенцам, которые еще кормились грудью и повивались в пеленки. Из людей знаменитых родом и богатством протостратор Мануил Камиц противодействовал своему дяде по матери севастократору Иоанну; в свою очередь этот последний мешал ему. Три царских брата, ослепленные Андроником, равно как зять их по сестре Иоанн Кантакузин, также лишенный зрения, прочили на престол своих детей. Были люди, которые вчера или, словом сказать, недавно грызли желуди и еще жевали во рту понтийскую свинину, а теперь совершенно открыто изъявляли свои виды и притязания на царское достоинство, устремляя на него свои бесстыдные глаза и употребляя в качестве сватов или, лучше, сводников продажных и раболепствующих чреву общественных крикунов; так что выборы общественные были вообще гораздо хуже тех выборов, которые делались известными лицами! О знаменитая Римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, кто не овладевал тобой насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Каких неистово буйных любовников у тебя не было? Кого ты не заключала в свои объятья,

с кем не разделяла ложа, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемой и не обувала в красные сандалии? Истинно, твои страдания были гораздо прискорбнее тех, которые должна была перенести Пенелопа*. Тебя можно сравнить с царственной женщиной, наделенной всеми счастливыми дарами природы, внушающей почтение строгой красотой, величественной осанкой и благородным взглядом, но увлеченной бесстыдными развратниками, которые не стоят обола**, по понятиям людей благомыслящих, которые не в состоянии понять ее достоинство, уважить ее величие, почтить ее благородство, между тем через известные промежутки времени увлекают и уводят ее на беззаконное ложе. О позор! Чего ты не вытерпела, чего не нагляделась? При всей своей славе, при всей знаменитости ты получила наружность блудницы. Исчезло то скромное выражение в лице, та безыскусственная красота, то целомудренное и сдержанное обращение, которые отличали тебя прежде. Твое лицо подделано и исписано разными втираниями и снадобьями, ты сделалась сладострастной и предалась распутству. Обесчестившие тебя, прежде безыскусственно прекрасную, чистую и непорочную, приучили тебя к манерам прелестницы. Когда же ты бросишь это безобразное благообразие, эту отвратительную прелесть, дерзкую походку, искусственный взгляд? Или кто, хотя насильно, вырвет тебя из этих тиранических объятий и возвратит к прежнему ес-

* Пенелопа — одно из главных лиц «Одиссеи», знаменитая супруга царя Одиссея, которая в течение двадцатилетнего отсутствия своего супруга твердо боролась против всех брачных предложений со стороны сватавшихся за нее лиц и, несмотря на все искушения, осталась верна своему мужу, вообще — древнегреческий идеал женского достоинства и целомудрия.

** Овол — мелкая монета, составляющая собой шестую часть драхмы, т. е. несколько менее немецкого гроша.

тественному и независимому образу жизни? А теперь, вместо того чтобы жалеть тебя, мы скорее готовы смеяться над тобой, замечая твои предосудительные связи, и, видя позор твой, боимся, чтобы ты окончательно не погибла и не подверглась такому падению, после которого уже нет восстания. Но пойдем далее.

Не успев совершенно оправиться от болезни и еще не имея силы стоять на ногах, царь выступил в поход и отправился в Кипселлы со всеми необходимыми запасами для войны. Между тем, пока он был болен, скифы с частью валахов, придя из-за Истра во Фракию, в самый день ежегодного воспоминания мученика Христова Георгия произвели опустошительное нападение на беззащитные окрестности городов Месины и Чурула. Как известно было, варвары хотели и условились с проводниками напасть прежде всего на Куперий (местечко, лежащее по соседству с Чурулом, где совершался в это время праздник в честь мученика и обыкновенно собиралось огромное стечение народа). Но так как с утра лежал на земле густой туман, то большая часть варваров, потеряв настоящую дорогу, сбилась совсем в другую сторону и ушла на взморье к самому Рэдесту; так что только небольшой отряд их вторгся в Куперий. Поэтому они не успели проникнуть в храм и принадлежавшие к нему пристройки. Собравшийся на празднество в честь мученика народ, видя, что лучше взять поскорее какие-нибудь меры, нежели обречь себя на страдание, ничего не делая, собрал наскоро телеги, огородил ими храм и таким образом укрыл себя от прямого, непосредственного нападения варваров, а известно, что скифы и доселе избегают непривычной для них осады укреплений, полевых ли то или городских, что они одним натиском, подобно бурному вихрю, бросаются лицом к лицу на противников и потом обыкновенно отступают к себе назад.

Что же касается тех, которые, оставив храм, хотели спастись бегством в город Чурул, то все они поголовно были пленены варварами, не успев достигнуть чурульской крепости. Между тем, без всякого сомнения, никто из них не попался бы в плен, если бы один негодный лохмотник*, пришедший сюда из Антигонова монастыря за сбором во время праздника подаяний, доставил по назначению предписание, которое послал с ним начальник здешней местности Феодор Врана. Запрещая стечение народа в Куперий, Врана уведомлял о предположенном вторжении сюда скифов и предлагал богомольцам на выбор одно из двух: или послушаться его приказаний и избегнуть всякой опасности, или не слушать их и идти навстречу верной смерти. Но его доверенный посол — человек, совершенно отрекшийся от мира, прервавший все связи со светом и добровольно облекшийся в рубище Христово,— опасаясь в случае, если народ рассеется, не досчитаться в своем сборе статира меди, заложил письмо за пазуху и спрятал его, как будто во тьме, под своим черным платьем; в то же время он уверял всех,— как будто корысть, любостяжание и пройдошество особенно изощряют дар пророческого предвидения,— что бояться нечего и что слухи вообще, часто искажая истину, не дают верных известий. Таким образом, скифы собрали большую добычу и возвращались назад. Узнав о возвращении их, римское войско, составлявшее гарнизон Визии**, пересекло им дорогу. Оба войска встретились, и наше одержало верх; скифы, потеряв многих убитыми, были обращены в бегство; значительнейшая часть их добычи отнята обратно. К сожалению, наше торжество продолжалось недолго, потому что природная, безумная и

* *Вариант*: Один негодный и нечестивый монах Антигонова монастыря, пришедший сюда за сбором...

** Нынешний город Виза.

неудержимая никакими обстоятельствами жадность римлян уничтожила победу. Совершенно предавшись грабежу и расхищению того, что везли скифы, ограбив римские селения, римское войско дало возможность пораженному и обращенному в бегство неприятелю снова начать битву и затем принуждено было, в свою очередь, само спасаться бегством.

Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела

Книга 3

1. Так кончилось это дело. Между тем царь, выехав из Кипселл, прибыл в Фессалонику и затем, выступив отсюда, двинулся против Хриса. Это был тот самый валах, который владел Струммицей. Захватив впоследствии одну крепость, именно Просак, он обратил ее в свое местопребывание и, сколько было возможно, еще увеличил ее оборонительные средства. Уже сама природа образовала и устроила здесь грозную твердыню. Крутые, на двое рассеченные скалы с обеих сторон так тесно примкнули друг к другу, что для входа в окружаемую ими местность осталась одна узенькая, обрывистая и окруженная глубокими пропастями тропинка; вся же прочая окружность скал по своей крутизне недоступна даже для коз и совершенно непроходима. Глубокопучинная река Аксий, обтекая самые скалы кругом со всех сторон, составляет для них собой, сверх того, новую, необычайную

ограду*. Ко всему этому присоединилось, наконец, искусство. Соперничая с природой, оно сделало из Просака действительно почти неодолимую крепость; несокрушимая стена, загородив единственный доступный вход, довершила это необыкновенное, сверхъестественное укрепление. Удивительно, однако, что даже такую твердыню, как Просак, римляне упускали прежде из виду и оставляли незанятой: так мало заботились мы о болгарах! Между тем Хрис собрал сюда самых закаленных в бою солдат, обставил кругом всю крепость метательными орудиями, наполнил ее в изобилии всякого рода жизненными припасами, пустил целые стада быков и овец пастись по ее вершинам и вообще устроил себе здесь, наперекор римлянам, совершенно неприступное убежище. Крепость заключает в себе немало места. Занимаемое ею пространство весьма значительно как в широту, так и в длину, покрыто растительностью, поддерживаемой дождями, и изобилует лесом. Одного только блага — правда, самого необходимого, самого лучшего и прекраснейшего — недостает ей: во всей крепости нет нигде ни малейшего источника, который давал бы хоть одну каплю воды, и нельзя вырыть ни одного колодца, но необходимо спускаться к реке и носить воду ведрами. Владея подобной крепостью, Хрис поэтому нисколько не испугался царского похода против него, но приготовился к сопротивлению. Со своей стороны опытные в военном деле римляне, если только в это время еще были такие, достаточно зная здешнее местоположение, также считали необходимым и советовали царю сначала обойти мимо Просак, напасть на другие подвластные Хрису города и селения и уже по взятии их подступить к Просаку, потому что

* *Вариант*: Глубокая и непереходимая вброд река Аксий, или, по нынешнему названию, Вардар, обтекает вокруг скал.

при таком порядке, говорили они, и войско будет бодрее, одержав наперед легкие победы и обогатившись вследствие того добычей, и Хрис, будучи поставлен в тесные обстоятельства, сделается уступчивее, оставит свою заносчивость или даже совсем покорится; если же с первого раза прямо напасть на неприступную крепость и вступить в борьбу с горными утесами, то это будет значить напрасно истощать усилия, обрекать себя на кровавый пот, на нескончаемые труды и воображать, что у голов несчастных тружеников нет шей. Так думали опытные люди. К сожалению, спальничные евнухи, между которыми первенствовал Георгий Инэот, и состоявшие при царе безбородые мальчики* решительно воспротивились их мнению. Эти в своем роде тоже заслуженные и сведущие наперсники царя убедили его повести войско прямо в Просак и направить оружие непосредственно против самого Хриса; так как, «если Просак взят, то уже никто не будет более противиться. Сверх того,— говорили они,— зачем подступать к врагу обходами и кругами, когда ничто не препятствует поразить его немедленно в самое сердце? Притом же кто в состоянии пробыть долго без всякой или пусть для какой-нибудь ничтожной пользы в этой совершенно варварской и неприветной стороне, когда наступает время зрелости смокв, дынь и других плодов земных, которыми изобилует Пропонтида, как рай, насажденный рукой Божией? Ах, когда-то мы ступим на ригийскую равнину**, увидим Афамею***, встретим заветный Константинополь и оттуда поплывем в прелестные местечки Пропонтиды, где

* *Вариант*: Его комнатные мальчики.

** Перед воротами Константинополя. Du Cange, Const. Christ. Lib. 1. Pag. 48 et 49.

*** Загородный дворец за ригийскими воротами. Du Cange. Lib. IV. Pag. 121.

постоянно веет тихий, освежающий северный ветерок, играют молодые рыбки, забавно выскакивают дельфины, на каждом шагу встречаешь соблазнительные купальни, где серебристые воды нежными струйками тешат взор зрителя, между тем обворожительно щебечут ласточки, выводят трели соловьи, и разные другие пернатые музыканты, то там, то здесь воркуя и чирикая в тени кустарников, услаждают очарованный слух гуляющих взад и вперед?» Царю так живо представились подобного рода речи, как будто все это было уже перед его глазами, и потому он со всей поспешностью понесся прямо к Просаку. По дороге было разрушено, впрочем, несколько крепостей, пожжены хлеба и склады плодов, и персами, которых прислал царю на помощь сатрап города Анкиры, взято было в плен несколько валахов. Люди истинно верующие и подлинно православные настойчиво просили царя не допускать того, чтобы турки действительно увели к себе в свою сторону людей, чтущих того же Бога, которому поклоняемся мы, дабы впоследствии невольная перемена ими веры не низвела божественного мщения на тех, кто их выдал, и умоляли его распорядиться так, чтобы валахские пленники отданы были в рабство римлянам, а персы, которые взяли их в плен, удовлетворены другими знаками царской милости; но он решительно не согласился на это. Достигнув Просака, царь остановился вблизи его и немедленно приказал начать нападение на крепость. Дела, совершенные тогда римским войском, были достойны почтения и удивления. В самом деле римляне так мужественно боролись с врагами, что превзошли все надежды. Кто со щитом и обнаженным мечом в руках, кто с луком и стрелами, они взобрались на утесистые высоты крепости и вступили в сомкнутый бой с неприятелем, занимавшим стены и вершину горы. После неимоверных трудов и большого кровопролития они выбили

неприятелей из шанцев, которые только что построены были перед стеной для защиты бывших здесь ворот. Иные даже, поднявшись вверх на высоту утесов по веревкам и вскарабкавшись на них, как серны, пытались проникнуть за стены и ворваться внутрь самого замка. Но когда, таким образом, пробудилась надежда, что римляне, обратив защищавших стены в бегство и заставив их укрыться внутри крепости, успеют привести к желанному концу свой прекрасный и доблестный подвиг, вдруг оказалось, что все труды их были напрасны. Для разрушения оград понадобились заступы и ломы, напрасно раздавались просьбы о доставке этих орудий: их не было и неоткуда было их взять! Однако солдаты не бросили дела. Проклиная царских оружейных приставников, они вместо ломов начали разбивать каменную кладь и разрушать брустверы собственными руками и мечами. Работа, разумеется, двигалась медленно, и нападавшие терпели жестокий урон со стороны осажденных, деятельно защищавшихся с высоты укреплений, когда наконец поздно уже и спустя долгое время явился оружейный пристав-евнух с заступами в руках, перевязанными бечевкой в один пук. Следовало сейчас же утопить этого негодяя, или, по крайней мере, надобно было государю выразить строгое негодование на допущенные им беспорядки, чтобы хотя сколько-нибудь оживить таким образом бодрость в солдатах, измученных битвой, жаждой и удушьем от солнечного зноя; вместо того царь ограничился одним выговором, приправленным жеманной любезностью, и произнесением губного звука, выражавшего какое-то поддельное неудовольствие; так что подобным безучастием со своей стороны совершенно отнял дух у наших храбрых молодцов. Когда понадобились затем лестницы, чтобы взобраться по ним на вершину стен, то и их не отыскалось вдруг. Не желая после того даром истощать еще бо-

лее свои усилия на достижение недостижимого, наши поневоле должны были отступить. Неоспоримо, как утверждали потом и бывшие в осаде валахи, что крепость была бы взята, Хрис отдался бы пленником и римляне совершили бы славный подвиг, который освободил бы их от больших неприятностей в будущем, если бы были вовремя заготовлены и, как скоро оказалась надобность, немедленно доставлены необходимые для разрушения стен орудия. Таким образом, одно нерадение к самым настоятельным обязанностям помешало теперь успеху, или уже сам Бог (да простит Он нам, что мы дерзновенно испытываем суды Его), не благоволя к тогдашним людям, воспротивился их усилиям. Итак, римляне в этот день были отражены и принуждены были отступить; когда же на следующий день они опять возобновили битву, то противники, ободренные одержанным накануне перевесом, встретили их уже с неустрашимостью и самоуверенностью. Камнеметные машины, которыми пользовались варвары, произвели значительный урон в наших рядах, действуя чрезвычайно метко и с удвоенной от падения с высоты силой, потому что распоряжался метанием камней, отпускал винт и наводил пращу превосходнейший машинист, прежде служивший на жалованье у римлян, но потом перешедший к Хрису, так как у нас ему не выдавали жалованья. Не говоря о закругленных камнях, бросаемых действием машин, камни, просто скатываемые сверху вниз по крутизне, наносили также немалый вред римлянам; весьма часто машинами брошенные камни, даже не попадая прямо в цель, тем не менее разливали всюду смерть вокруг себя: ударившись о встречавшиеся на пути падения скалы, они разбивались от силы удара на множество осколков, которые потом с быстротой пущенной стрелы разлетались туда и сюда в разные стороны и всюду разносили с собой гибель. Между тем с наступлением ночи варвары, неожиданно сделавши вылазку из крепости, разрушили машины, расставленные римлянами на окрестных холмах, и, бросившись на отряд, державший ночной караул, победоносно настигли его, когда он в своем бегстве приближался к палатке протовестиария Иоанна; так что этот последний, перепугавшись, быстро вскочил с постели, в которой наслаждался покойным сном, и, не помня себя, в смертельном ужасе бросился в бегство. Разграбив и разделив между собой все, что было в палатке протовестиария, в том числе и темно-зеленые сандалии — отличие его сана, они всю эту ночь смеялись и издевались над предприятием римлян. Так, например, они бросали с горы пустые винные бочки, которые, катясь сверху вниз, приводили в трепет все наше войско, потому что оно впотьмах не могло догадаться о настоящей причине производимого их падением страшного треска и грохота. После этого царь, видя, что не в состоянии будет достигнуть своей цели, к тому же не располагая тратить здесь много времени, обратился к мирным переговорам. Таким образом он уступил Хрису Просак и Струммицу с их окрестностями. При этом также положено было между ними, что Хрис, хотя у него была жена, возьмет за себя в замужество одну из царских родственниц. Вследствие того, по возвращении в Византию, царь развел дочь протостратора* с ее мужем и отослал ее к Хрису, назначив ее проводником и распорядителем ее нового брачного союза севаста Константина Радина. По совершении брака был устроен свадебный пир, за которым Хрис ел и пил без всякой умеренности и воздержания, напротив, молодая жена его, соблюдая обычай невест, почти не прикасалась к предложенным яствам. Когда молодой супруг пригласил ее принять вместе с ним участие

* Мануила Камица.

в угощении, она не довольно скоро исполнила его желание и этим раздражила его до такой степени, что он, пробормотав много разных ругательств на своем варварском языке, с презрением сказал наконец по-эллински*: «Не ешь и не пей, пожалуй».

2. В это время вторглись скифы**. Настоящее нашествие их было огромнее и ужаснее всех прежних. Разделившись на четыре отряда, они прошли всю Македонию, нападая даже на укрепленные города и гористые местности; так что проникли в гору Ган, разграбили многие монастыри и перебили монахов. В общем ужасе никто не решался оказать им сопротивления, потому что на их стороне было большинство и приходилось сражаться, не щадя своей жизни.

Между тем царь, зная желание своих дочерей вступить во второй брак, весьма естественное при их молодости и красоте, озаботился выбором для них супругов. Его предпочтение в этом случае первоначально склонялось в пользу тех владетельных особ христианского мира, вражды которых он особенно опасался; но потом, устранив подобные расчеты, он отдал их за римлян, именно: Ирину выдал за Алексея Палеолога, который поэтому должен был развестись наперед со своей законной красавицей женой, а Анну сочетал браком с Феодором Ласкарисом, смелым и страстным к военному делу юношей. Время, в которое совершились эти браки, было близко к Масленице, царственный тесть предположил поэтому немедленно устроить конские скачки, напро-

* То есть *по-гречески*; но мы не употребляем этого слова, потому что, согласно со словоупотреблением нашего автора, слова «грек» и «греческий» были ругательными, вроде того как названия «москаль» или «хохол» — для русских и малороссов. Если русские в древности звали наших римлян греками, то и римляне звали их тавроскифами.

** То есть команы.

тив, новобрачные более желали видеть театральные представления. Чтобы угодить и себе и зятьям, царь не поехал ни в большой дворец*, ни в стадион**, но велел перевезти круги беговой арены во влахернский дворец*** и здесь на скорую руку устроить временный театр. Все это было приведено в исполнение: музыкальные инструменты (духовые многотрубчатые органы) размещены в уступах переднего зала; роль епарха столицы**** должен был играть один евнух — я не скажу его имени, но замечу только, что это был чрезвычайно богатый человек, один из самых высших сановников по занимаемым им должностям, состоявший в числе сенаторов. Приспособив к себе известного рода делаемую из гибких ветвей плетушку (которую обыкновенно зовут деревянным ослом), покрытую толстой златотканой, расписанной по всей поверхности изображением животного материей, мнимый епарх въехал на ней в импровизированный театр, так что в одно и то же время представлял собой великолепного всадника и покорного его воле, со ржанием подвигавшегося вперед коня. Вскоре после того, подобно древним драматическим актерам, он оставил роль приехавшего на коне епарха и взял на себя другую, именно роль герольда*****, обязанного подавать сигнал на бегах. Молодые люди, взявшие на себя роли действующих лиц в этом гимнастичес-

* Поблизости к большому дворцу, в первой части города, находился большой театр. Du Cange. Lib. 2. Pag. 87 et 88.

** Место, где происходили бега. Стадион находился в четвертой части города. Ibid. Pag. 89.

*** Обыкновенное местопребывание этого государя.

**** То есть, в настоящем случае, роль главного распорядителя общенародных увеселений.

***** Собственно, *μαπταρίȣ* или *μαππαρίȣ*, т. е. по производству слова роль лица, которое обязано было в стадионе подавать знак к началу бега, бросая круглый *мячик*, *μάπαν στρογγυλην*.

ком состязании, были также не из простого народа и не какие-нибудь лавочники, но принадлежали к юному поколению самых знатных фамилий; равным образом зрителями их сценических и потешных игр были только царь, царица, несколько особ знатнейших фамилий и высшие сановники государства, всем же другим вход был решительно закрыт. Когда пришло время состязателям на гимнастической арене начинать бег, игравший роль герольда евнух, заняв середину арены, с обнаженными по локти руками и кругловидной серебряной покрышкой на голове, три раза повторил вызов юношам к состязанию в беге; между тем в то же время один благородный молодой человек, облеченный высоким саном, стоя задом к нему, всякий раз как он садился, давая этим сигнал к началу бега, громко ударял себя подошвой своей ноги по сиденью — так, чтобы удар мог быть слышен.

Но еще не совсем кончились эти юношеские потехи, как доставленное ими удовольствие омрачилось печальной новостью. Это было известие об отпадении Иванки в Филиппополе. Выше мы сказали, что он, вместе с данным ему новым именем Алексей, в качестве царского зятя по внуке, получив у царя силу более, чем какую следовало ему давать, наконец сделан был главой и начальником войск, расположенных в филиппопольской епархии для действования против соплеменных ему валахов. Пользуясь своим положением, он скоро стал полным господином всей области и совершенно подчинил ее управление своим видам, как человек хитрый и ловкий в исполнении зародившихся в душе планов и намерений. Так, он постоянно обучал преданных ему своих соплеменников военному делу, привлекая их к себе щедрыми наградами и снабжая оружием, воздвигал в пограничных с горой Эмом местах такие сильные укрепления, что сделал их почти совершенно неприступными. Получая об этом сведе-

ния, царь все это одобрял, хвалил Алексея, осыпал его частыми и чрезвычайно большими наградами, охотно выслушивал его советы и с удовольствием исполнял его желания. Правда, приближенные к государю лица, разбирая все действия этого человека, хотя находили их похвальными и прекрасными, тем не менее сомневались, чтобы он приводил их в исполнение в видах, благоприятствующих римскому правительству, и поэтому неоднократно убеждали императора отрешить Алексея от должности. «Едва ли,— говорили они,— иностранец, еще так недавно питавший непримиримую вражду к римлянам, мог мгновенно до такой степени перемениться, чтобы по искренней дружбе к ним стал строить для них в опасных местах крепости и укрепленные городки, увеличивать численность отрядов, сформированных из его соплеменников, и уменьшать состав римского войска, а в иных случаях даже совсем обходиться без его пособия под предлогом его склонности к неповиновению требованиям дисциплины! По всей вероятности, действуя таким образом, он, напротив, питает в душе замысел достигнуть тиранической независимости в обладании страной; потому что, хотя иные люди не любят высказывать своих мыслей и подчас крепко держат язык за зубами, при всем том действия их большей частью яснее всяких слов обнаруживают то, что затаено у них на уме». Но все подобного рода добрые внушения были говорены глухому. Считая (предположенный) брак Алексея со своей внукой Феодорой самым несомненным ручательством, царь ни под каким видом не хотел допустить сомнения в его верности и бескорыстии, как будто, говорю, какая-нибудь злая сила, постоянно влекшая Римское государство к падению, очаровала нашего венценосца в настоящем случае. Поэтому, когда вскоре затем опасения подтвердились самим делом, весть об этом поразила его, как громом,

и, не зная, за что взяться в столь неожиданно разразившемся бедствии, тем более что набор войска был затруднителен, он на первых порах послал к бунтовщику одного из его прежних близких друзей, именно одного евнуха, напомнить ему о заключенных с ним условиях и о том, что с самого того времени, как передался он на сторону римлян, он ни разу не видел от царя никакой немилости, ничего, что было бы несообразно с открытыми ему надеждами в будущем, и всегда пользовался неизменным царским благоволением. Вслед за евнухом двинулись молодые царские зятья со всей свитой придворных сановников, родственников царских, и со всеми солдатами, сколько их нашлось тогда во дворце. Между тем негодный скопец, прибыв к Алексею, не только ничего не сделал для достижения предположенной цели, но своим приездом заставил его еще решительнее взяться за начатое дело, безрассудно предупредив насчет немедленного нападения со стороны римлян и таким образом подав ему мысль оставить равнины, броситься в горы и там искать спасения себе и своей соплеменной мятежнической дружине. Правда, царские зятья и протостратор Мануил Камиц далеко преследовали мятежника своими отрядами; общее взаимное соревнование одушевляло их войска изумительной энергией, но так как благоприятное время было уже потеряно и добыча ускользнула, то одушевление скоро исчезло. Хотя самые горячие предлагали преследовать Алексея далее и искать его среди самых гор, но более благоразумные считали лучшим вместо того, чтобы гоняться за орлом по скалам и утесам, искать след змеи в горных ущельях или дразнить в логовище свирепого вепря, неоднократно встречавшего грудью нападения своих противников, обойти укрепления, которые построил и соорудил Алексей, и привести их к покорности царю. Это последнее мнение взяло перевес и было признано

лучшим, поэтому римляне подступили теперь к крепости, построенной Алексеем при самой подошве горы в так называемом месте Кричимском. После весьма больших трудов и геройских подвигов со стороны всего нашего войска отряжено было несколько отборных солдат поставить лестницы к крепостной стене. Во главе отряда первым впереди всех двинулся храбрый Георгий Палеолог. Наконец крепость была взята, а вслед за ней сдались и некоторые другие укрепления, частью с боя, частью на капитуляцию. Со своей стороны Алексей, человек находчивый и неистощимо изобретательный в делах воинских, показал при этом в настоящей борьбе с римлянами также множество доказательств своей стратегической опытности. Наконец одним подобного рода весьма искусным маневром ему удалось взять в плен в числе других римлян самого протостратора. Именно, он выгнал из гор на равнину огромное стадо быков и поручил своим соплеменникам провожать его вместе с толпой пленных римлян по направлению к Эму, как будто бы в виде добычи, следующей на часть обладателя Загорья, Иоанна, или в виде подарка ему за дружеский договор и союз, заключенный им с Алексеем против Римского государства; между тем сам сел в засаду, надеясь заманить римлян на эту приманку, потому что он знал жадность и страсть их к корысти, знал также, что как скоро они увидят при этом еще близких своему сердцу пленников, положивших за них душу, то увлекутся и не примут никаких мер предосторожности для своего собственного обезопасения. Действительно, как он рассчитывал, так точно в скором времени римляне и поступили. Едва только услышал протостратор о мнимой отправке транспорта — немедленно выступил из Ватрахокастра, где стоял лагерем, и прибыл в Вактунье. Обольстившись видимостью и не догадавшись об Алексеевом замысле, он приказал войску

грабить все, что было на глазах, а сам вроде постороннего зрителя, разъезжая на невооруженном коне, любовался этой картиной. Тогда Алексей, нагрянув из засады, окружил протостратора со всех сторон и таким образом, накрыв нашего полководца своим войском, как будто неводом или сетями, взял его в плен. Эта ловкая выдумка и хитрость мятежника окончательно обескуражила остальное римское войско и, напротив, одушевила новой бодростью мятежную сторону. Римляне уже не думали о победе, или даже не осмеливались более стать лицом к лицу с Алексеем и померяться с ним силами; держась около Филиппополя, они желали только, чтобы Алексей, по крайней мере, этот город оставил в покое. Со своей стороны мятежник, прочно утвердив свою власть во всех замках и крепостях, лежащих на горных возвышенностях по смежности с Эмом и почти неприступных как по высоте своего положения, так и по неудобности путей, ведущих к ним, распространил свое влияние и на другие части области. Так, он возмутил и отторг от римлян всю местность от Мосинополя до самой Ксанфии и от горы Пангэя до Авдир*. Затем, склонив на свою сторону округ смолян**, он опустошил все сопредельные с ним места, подобно моровой язве: римлян брал в плен и предавал смерти или иногда отпускал, взявши выкуп, а своих соплеменников, которые передавались ему добровольно, оставлял в покое на их местах. Постоянно распространяя таким образом более и более свое влияние, Алексей сделался гораздо опаснее всех преж-

* Горой Пангэй называлась западная часть южного хребта Балканских гор, из которой вытекает река Стримон. Авдиры, или по латинскому произношению Абдеры,— город, лежавший на берегу Эгейского моря, то есть Архипелага, против острова Тазоса, на восток от реки Неста.

** *Вариант*: Равным образом ему покорился и подчинился округ смолян, а также вся местность по реке Панаксу.

них мятежников и дошел до такой лютости (которую варвары большей частью считают мужеством), что за своими пирами резал на куски взятых на войне в плен римлян. Между тем царь, как оказалось из его распоряжений, счел плен протостратора выгодной, счастливой и прекрасной находкой для себя. Он немедленно присвоил себе его непомерное и истинно царственное имущество, разыскав и отобрав в свою пользу все до последней мелочи, жену же его и сына по неизвестной причине осудил на заключение в темницу и под исход весны двинулся наконец сам в поход, отправившись в Кипселлы **3.** в то самое время, когда обратило на себя общее внимание новое учение о святых и божественных тайнах. Учение это произвело тогда между христианами разделение на противные партии; так что и на улицах и площадях всякий по-своему толковал о предмете, долженствовавшем возбуждать благоговейное молчание.

После Георгия Ксифилина, который управлял церковью семь лет, вступил на патриарший престол Иоанн Каматир. Новый патриарх сознавал свой долг исторгнуть с корнем упомянутое новое учение, родившееся и созревшее во дни Ксифилина, предать анафеме виновника его, лжемонаха Сикидита, как ересиарха, вводящего новые догматы, и положить конец превратным толкам, так чтобы по его примеру каждый опять смотрел на таинство, как на таинство. Прибегая для достижения предположенной цели к пособию логических выводов и доказательств, он направлял их поэтому к возбуждению в противнике того убеждения, что предмет поднятого вопроса по своей вышеестественности устраняет все искусственные и хитросплетенные соображения. Точно так же в своих катехизических поучениях, предвозвещавших наступление узаконенных дней поста и имевших целью возбудить подвижников духовной борьбы к предстоявшему

подвигу, коснувшись отчасти нового догматического вопроса, он прошел молчанием, как этот вопрос был поднят, как он сам его решает и что говорят противники,— конечно, чтобы таким образом отнять у них всякий повод к спору,— и, разбирая поднятый вопрос, указывал на ту особенность в нем, что его предмета они не могли ни понять всецело, ни даже обнять когда-либо своим умом. Вопрос состоял именно в следующем: «Святое тело Христово, которого мы приобщаемся, так ли нетленно, каким оно стало после страданий и Воскресения, или тленно, каким оно было до страданий?» Одни утверждали, что оно нетленно, так как приобщение божественных тайн, по словам великого в богословии Кирилла, есть некоторого рода исповедание и воспоминание того, что Господь ради нас умер и воскрес, так как каждый из нас, принимая частицу, приемлет всецелого Христа, осязанного Фомой, и, наконец, так как оно снедается после Воскресения. В самом деле, например, Иоанн Златоуст говорит касательно этого: «О чудо! Восседающий одесную Отца приемлется нашими грешными руками» — или еще: «Он расцвел в законе, возрос в пророках, созрел на кресте, снедается по воскресении!» Притом же снедается не иное какое-либо тело, но именно то самое, которое одержало победу над смертью и стало предначатком нашей жизни. Подобно тому как небольшое количество закваски, по словам апостола, проникает и уподобляет себе все тесто, так и бессмертное тело Господа, быв воспринимаемо нашим телом, переделывает и изменяет его наподобие себе. В подтверждение изложенных мыслей иные указывали также на следующее место из творений светильника церкви Евтихия: «Итак, приобщающийся, принимая часть даров, принимает всецело все святое тело и всю честную кровь Господа; ибо (тело Христово) в таинстве приобщения разделяется всем неразделимо, подобно тому, как какая-нибудь печать, оставивши на разных предметах множество оттисков и отпечатков своей формы, остается по отпечатании их одна и та же, не уменьшаясь и не изменяясь от числа оттисков, сколько бы их ни было, или как звук голоса, быв произнесен кем-нибудь и разлившись в воздухе, всецело весь остается в устах того, кто его произнес, и в то же время, по мере своего разлития в воздухе, всецело весь достигает слуха разных лиц, так что никто из слушателей не воспринимает его более или менее в известной части, но все одинаково усваивают в совершенно полной и нераздельной целости, сколько бы тысяч или десятков тысяч их ни было, хотя он также есть тело, потому что звук есть не что иное, как сотрясающийся воздух. Равным образом никто не должен допускать сомнения, чтобы нетленная по совершении таинственного священнодействия и после святого Воскресения, бессмертная, святая и животворящая кровь Господня, содержащаяся в наружно представляющих ее веществах (τοῖς ἀντιτύποις), вследствие многократных совершений таинственного священнодействия могла утрачивать полноту своих сил, а не пребывала, еще действительнее, чем это могут выразить вышеприведенные уподобления, одинаково всецелой во всех». Но между тем как одни, представляя изложенные доказательства, приводили также много других свидетельств Церкви (в подтверждение своего мнения), принадлежащие к другой партии утверждали, что таинство евхаристии не есть исповедание воскресения, а есть только жертвоприношение, что, следовательно, (тело Христово в таинстве) тленно, безжизненно и бездушно, и приступающий к приобщению приемлет не всего Христа, но только часть Его, так как части только и приобщается. В самом деле, рассуждали они, если бы оно было нетленно, жизненно и одушевлено, то вместе с этим оно было бы неосязаемо

и невидимо,— его невозможно было бы тогда раскусывать и разжевывать зубами, и при подобном раздроблении его на части не чувствовалось бы никакого усилия или напряжения, потому что, говорили они, как бы отвергая таким образом воскресение тел (знали ли только, что говорили!), и мы по воскресении отнюдь не будем подлежать осязанию, зрению или какой-нибудь определенной человекообразной форме, но будем носиться подобно бестелесным теням. В связи с этой последней мыслью они настаивали, что вшествие Господа к ученикам, когда двери (горницы, в которой собрались ученики) были заперты*, было не чудом, но естественным и свойственным всякому воскресшему из мертвых вшествием**. Само собой очевидно, однако, что в действительности для их мнения нельзя найти ни малейшего основания в слове Божием и оно представляет собой не более как дерзкое и бездоказательное поругание над образом мыслей тех, которые, веруя, что человек Божий через единение и общение

* Иоанн. XX, 19.

** Здесь, вероятно, надобно поместить следующего рода вариант, или добавление речи, по другому кодексу, которого варианты неоднократно были приводимы нами прежде: «И все это они дерзали утверждать, когда сам Совершитель таинства говорит: *как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем; так и ядущий Меня жить будет Мною* (Иоанн. 6, 57),— как будто бы решившись намеренно, с какой-нибудь злой мыслью или целью, не знать и не понимать всех подобного рода мест Священного Писания. В самом деле, если крещение, как подобие смерти со Христом, заключает в себе не только погружение, или погребение, но и возникновение, или воскресение,— *елицы бо во Христа крестихомся, во Христа облекохомся... и в смерть Его крестихомся,*— то, конечно, это же (двойственное) действие (жертвенной смерти и воскресения, а не одной только смерти) совмещается и в таинстве причащения по силе молитвы к Богу, призывания и наития благодати свыше. При всем том, говорю, они осмеливались, кроме вышеприведенных доказательств, неразумно подкреплять свое мнение и другими хитросплетенными соображениями, но все эти соображения, как пустые и бесполезные, мы опускаем».

(со Христом в таинстве причащения) сподобляется нетления и начатков божественной жизни, согласно с этим признают нетленным и то, чего он приобщается.

4. Итак, император, заявив свой голос в поднятом богословском вопросе в пользу более справедливого мнения, прибыл, как я сказал, в Кипселлы и, приняв под свое начальство собравшиеся там войска, отступил в Орестиаду*. Здесь он провел довольно много времени в нерешимости, не зная, за что взяться. Неприятель был силен и страшен, а его собственное войско, напротив, трепетало при одной мысли о встрече с врагом. Многим казалось уже, что прибытием к войску царь только уронил свое имя, что он не только не принес никакой пользы делу, но своим отступлением внушил варвару еще более дерзкой самоуверенности. Время показало, однако, что царь употреблял между тем все усилия как-нибудь выскользнуть и вывернуться из своих тесных и безвыходных обстоятельств. Он послал к Алексею самых приближеннейших к себе людей с предложением мирных условий; с другой стороны, замышлял план коварного умерщвления его; а в то же время не отказывался совсем и от войны. Так именно, двинувшись с войском и вступив в филиппопольскую епархию, он стал лагерем под крепостью Стенимахом, в которую стеклось, с надеждой найти убежище, множество варваров, окружил ее со всех сторон войсками, взял силой и обратил в рабство всех, кто в ней был. Между тем мятежник ни под каким видом не соглашался лично явиться к царю и даже слышать не хотел о мирных переговорах иначе, как под условием, чтобы император письменным актом уступил ему все покоренные им области и города и с царскими почестями прислал к нему обрученную

* *Вариант*: в Адрианополь.

его невесту Феодору. Когда наконец мирные условия, каких требовал Алексей, были приняты, утверждены и подтверждены с обеих сторон клятвами, император в заключение дозволил себе поступок, по моему мнению, едва ли сообразный с достоинством военачальников и царей, которым более всех и прежде всего другого для собственной выгоды необходимо уважать святость клятв. После клятвенного, как я сказал, подтверждения с обеих сторон мирных условий, он упросил прибыть к себе Алексея через старшего* зятя своего, Алексея же, которого посылал к нему с божественным Евангелием в поручительство святости своих обещаний, и, таким образом заманив его к себе, приказал связать его и заключить в оковы, в превратном смысле приводя в свое оправдание известное место из псалмов Давидовых: *с преподобным преподобен будеши и со строптивым развратишися*. Затем он без труда возвратил под свою власть все города и крепости, которыми владел Алексей, заставил брата его Митю бежать в изгнание и по совершении всего этого возвратился в Византию.

Здесь он нашел, что супруга его Евфросиния сидела дома также не без дела, но мужественно выдержала в его отсутствие борьбу с бунтовщиками и народными возмутителями, распутав, как Пенелопа — свою ткань, замыслы, хитросплетенные одним из Контостефанов. Все это было бы прекрасно и тем более заслуживало бы удивления, что

* *Вариант*: «После клятвенного подтверждения мирных условий царь послал к Иванке одного своего священника со святым и божественным Евангелием пригласить его к себе как будто затем, чтобы благословить к выходу в замужество за него свою внуку, и, когда Иванко прибыл, задержал его и заключил под стражу». Вариант основан на совершенно неуместной замене слова *πρεσβυτέρȣ* словом *ἱερέως*. Затем ясный смысл других слов подлинника в нем, очевидно, извращен произвольным перетолкованием.

было делом слабой женской руки, если бы ее свобода знала меру и не выступала из границ. К сожалению, беспредельная необузданность и безудержность государыни портила и затмевала даже то, что в ее жизни, по-видимому, совершенно согласовалось с требованиями долга и благоприличия, омрачая ее светлую сторону возмутительными выходками, как солнце облаками. Увлекаясь страстью проникнуть в будущее, она вдавалась в разные постыдные гадания и прорицания и вообще дозволяла себе множество непристойных вещей. Так, она отрубила нос «Калидонскому вепрю», медной статуе в ипподроме*, представлявшей зверя с поднятой щетиной и оскаленными клыками бросающимся на льва; жестоко высекла по спине знаменитого «Геркулеса», дивное произведение Лизимаха**, представлявшее героя лежащим на разостланной львиной коже, оперши́сь головой на руку, и оплакивающим свою судьбу. Увы, бедный Геркулес, какому бесчестию, какому позору публично подвергся ты, отважный и неустрашимый герой! Мог ли когда-нибудь Еврисфей предложить тебе подобное испытание? В состоянии ли была Омфала, эта опытная прелестница и хитрая бабенка, поступить с тобой так презрительно? Но бесстыдные выходки государыни простирались еще далее. Иным статуям, изображавшим мужчин, она поотбила половые органы; другие обезглавила ударами молота по голове. Зато в каких непристойных выражениях не отзывались о ней в городе и какой поносной бранью не ругал ее народ за такие деяния? Некоторые лавочники выучили даже способных подражать человеческому голосу певчих птиц, постоянно повторяя при них одно и то же самое общеупотребительное в то вре-

* О статуях в ипподроме *см.* Дюканжа Const. Christ. Lib. 2. Pag. 87.

** *Вариант*: «прекраснейшее произведение Лизиппа».

мя выражение*, распевать по улицам и перекресткам слова: «Справедливости, граждане!» Не обращая внимания на все подобные толки, государыня в мужском наряде, с ловчей птицей в руке, в сопровождении свиты охотников и ловчих отправлялась на охоту и предавалась всем наслаждениям натравливанья, подуськиванья и разных охотничьих криков.

Около этого времени представлялся императору сатрап Иконии Кайхозрой; он был в остроконечном персидском тюрбане на голове и в одежде, усеянной по ткани множеством разных золотых цветов. Желая сказать несколько слов о роде этого персиянина, я сделаю теперь небольшое отступление, но затем снова немедленно ворочусь к порядку моего рассказа. У Клич-Асфлана, султана иконийского, который в прежние времена был очень силен, несколько раз воевал с царем Мануилом и неоднократно увенчивался лаврами побед, было много сыновей. Он оставил Амасию, Анкиру, Дорилей и другие богатые понтийские города в удел Масуту; Мелитина, Кесария и с ней Колония, что ныне называется Таксары, достались Коппатину; Аминс, Докию и другие приморские города получил во власть Рукратин; наконец, Кайхозрой, о котором я сейчас упомянул, княжил в Иконии, владея Ликаонией, Памфилией и всей той стороной до самого Котиаия. По смерти Коппатина из-за его сатрапии начался спор между Рукратином, владетелем Докии, и Масутом, правителем Анкиры. Один из них, именно Рукратин, будучи более даровит от природы и более опытен в военном деле, пересилил соперничавшего с собой брата и одержал над ним верх. Сделавшись вследствие этой победы еще сильнее, Рукратин отнял, однако, у Масута, который между тем изъявил

* *Вариант*: «Некоторые лавочники, держа при своих лавках в клетках птиц, способных говорить по-человечески, выучили их произносить слова: „Справедливости, граждане"!»

покорность и обратился к его родственным чувствам, только часть его собственной области, предоставив ему по-прежнему владеть остальной частью удела. Но зато он воспылал неукротимой злобой против Кайхозроя, давно уже питая страсть овладеть Иконией, как отцовским престолом, и вообще ненавидя его, как христианина по матери. С этой целью он послал к нему послов с требованием, чтобы Кайхозрой уступил ему Иконию и отказался от всей своей области, если только желает добра себе и не хочет напрасно подвергать свои города с их жителями и народонаселением всем ужасам войны: так напыщен и обуян был гордостью этот варвар, заносясь выше облаков и, как тлетворный яд, далеко распространяя и разливая вокруг себя свое губительное влияние! В таких обстоятельствах Кайхозрой, пользуясь перемирием, явился к императору, подражая в этом отношении примеру своего родителя, который также во время взаимных распрей со своими родственниками, по смерти отца своего Масута, прибегал к покровительству царя Мануила, как к несокрушимому якорю и спасительному пристанищу. Но между тем как Клич-Асфлан не только не обманулся в своих надеждах, но получил такое великолепное пособие, какого даже не ожидал, Кайхозрой встретил самое слабое сочувствие, в высшей степени не удовлетворившее его ожиданий, и возвратился домой, не получив никакой помощи для борьбы с братом. Еще не успел он вступить собственно в Иконию, как Рукратин напал на него, выгнал его из его владений и принудил бежать в Армению к Левуну*. Этот че-

* *Левун*, Леон, или Лев II, был владетелем армянского царства в Киликии. Вследствие своих отношений с папой Целестином III и императором Генрихом VI он получил королевский венец, который был прислан ему папой с кардиналом Конрадом, архиепископом Маинцким. Коронация торжественно совершена была кардиналом в Тарсе 6 января 1198 года.

ловек принял Кайхозроя с почетом, любезно и даже дружески, хотя им часто случалось вести между собой войну, потому что естественное чувство внушает людям сострадание не только к родственникам и единоплеменникам, когда они в несчастье, но и к чужестранцам, неизвестным и часто даже к врагам, когда они прибегают к защите и умоляют о человеколюбии. Однако, когда он стал просить о деятельном участии в своей судьбе и возвращении себя на свой прежний престол, Левун решительно отказался, говоря, что связан союзом с Рукратином и не видит возможности подать ему помощь без кровопролития. Вследствие этого Кайхозрой опять отправился к царю, надеясь при его помощи как-нибудь возвратить свою власть, но и опять ошибся в расчете и жил теперь между римлянами, далеко не пользуясь тем почетом, который соответствовал бы знатности его происхождения.

5. В следующий год валахи вместе с команами опять произвели нашествие на римские владения и, опустошив самые лучшие области, возвратились обратно, не встретив нигде сопротивления. Может быть, они подступили бы даже к земляным воротам Константинополя и устремились против самой столицы, если бы христианнейший народ русский и стоящие во главе его князья, частью по собственному побуждению, частью уступая мольбам своего архипастыря, не показали в высшей степени замечательной и искренней готовности помочь римлянам, приняв участие в них, как народе христианском, каждый год несколько раз подвергающемся нашествию варваров, пленению и продаже в рабство народам нехристианским. Именно, Роман, князь галицкий, быстро приготовившись, собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее. Повторив несколько раз такое нападение во славу и величие святой христианской веры, ко-

торой самая малейшая частица, каково, например, зерно горчичное, способна переставлять горы и передвигать утесы, он остановил набеги коман и прекратил те ужасные бедствия, которые терпели от них римляне, подавши таким образом единоверному народу неожиданную помощь, непредвиденное заступление и, так сказать, самим Богом ниспосланную защиту. Сверх того, загорелись тогда распри между самими этими тавроскифами; именно, этот же самый Роман и правитель Киева Рюрик обагрили мечи в крови своих единоплеменников. Из них Роман, как более крепкий силой и более славный искусством, одержал победу, причем также истребил множество коман, которые помогали в борьбе Рюрику, составляя сильнейшую и могущественнейшую часть его войска.

Не лишено исторического интереса и следующее происшествие. Был один банкир*, по прозванию Каломодий. Много раз предпринимавши трудные и далекие путешествия по торговым делам, он накопил своей оборотливостью огромные деньги. При всем том это был скряга, готовый умереть на своих мешках, для которого не было ничего выше барыша. Часто возбуждал он своим непомерным богатством разные покушения против себя со стороны корыстолюбивых правительственных особ; несмотря на то, постоянно богател и разрастался, как Алкиноев сад или золотая весна, прибавляя и приращая не грушу к груше и фигу к фиге, но золото к золоту и серебро к серебру. Одним словом, это было настоящее древо познания добра и зла, процветавшее среди рынка и торговых площадей города, как некогда среди Эдема. И как тогда красивый вид плодов заповедного дерева пленил наших прародителей, так и теперь золотистый их блеск соблазнил царских казначеев на попытку обобрать его

* *Вариант*: купец.

начисто. Но едва только они наложили руки на Каломодия, как это произвело ужасное смятение во всем городе, и таким образом, можно сказать, они потерпели еще большую неудачу, чем прародители. Те, по крайней мере, успели сорвать и вкусить плод, не ограничившись грешным наслаждением одного только его созерцания, и уже после того подверглись праведному наказанию, а этим не удалось даже взглянуть в своих руках на деньги, и они, напрасно обнаружив свою алчность, испытали участь Тантала. Источник был подле, но напиться из него не было возможности, и как они не порывались зачерпнуть, золото решительно утекло из их рук. Все лавочники, услышав с вечера об аресте Каломодия и зная его настоящую причину, поутру собрались толпой, бросились в храм Божий, окружили патриарха (это был Иоанн Каматир) и почти грозили разорвать его и выбросить за окно вниз головой, если он, немедленно отправив к царю послание, не возвратит им при помощи этой духовной свирели Каломодия, как унесенную и погибшую овцу. С трудом успокоив народное движение своим красноречием и живым сочувствием его цели, патриарх действительно возвратил им Каломодия, как *овча обретенное*, и притом так, что похитившие его волчата не успели ни содрать с него золотой шкурки, ни даже остричь серебряную шерстку.

Таким образом, это волнение обошлось без крови и из трагического и печального поначалу превратилось в комическое и забавное. Но спустя несколько времени возникло другое бедствие, которое дошло и до пролития крови. Некто Иоанн, по прозванию Лагос, получив от царя под свое начальство преторианскую тюрьму*, вздумал извлекать отсюда для

* Претор города Константинополя имел обязанности, соответствующие нынешней должности обер-полицеймейстера. Управление его называлось преторией (полицией), а находящаяся при нем тюрьма — преторианской.

себя и для прикосновенных делу лиц деньги — идея до такой степени гадкая, что я, по долгу историка, не в состоянии найти для нее более приличного эпитета! Не довольствуясь обращением в свою пользу подаяний, приносимых людьми благочестивыми узникам на помин души, он по ночам выпускал из тюрьмы и из заключения самых отъявленных воров, и они, произведши по домам секретные поиски, приносили ему добычу. Затем часть награбленного он разделял между ворами в награду за их нечестивые подвиги, а прочее присоединял куда не следовало, с виду разыгрывая, при всей дерзости своего беззакония перед Богом, роль верного исполнителя службы. Многие уже доносили царю о преступных действиях этого Лагоса, но он, обещая исправить зло, постоянно откладывал свое решение, как будто его непреодолимо что-нибудь удерживало. Поэтому Лагос нисколько не трусил за свои проделки и даже совершенно открыто продолжал по-прежнему злодействовать, как будто отправляя самую невинную должность. Раз он взял под арест одного ремесленника, дал ему хорошее число палок в спину и присудил обрить ему голову. Это произвело мятеж между более горячими горожанами, и особенно между товарищами по ремеслу с пострадавшим. Смятение обняло весь город, и значительная толпа ремесленников бросилась в преторию с намерением поймать Лагоса, но он убежал быстрее зайца и исчез оттуда. В то же время новые толпы народа устремились в Великую церковь с целью провозгласить другого царя. Оказалось, впрочем, что храм уже был занят отряженными для его охранения секироносцами. Между тем, не оставляя претории, народ осыпал государя разного рода неприличными шутками. Царь, которого в это время не было в городе и который находился тогда в Хрисополе*, по-

* Древнее название нынешнего Скутари, константинопольского предместья, находящегося на азиатской стороне пролива.

слал отряд лейб-гвардии занять преторию. Но едва только появился с этим отрядом епарх* столицы Константин Торник, как чернь, раздраженная одним видом епарха, встретила его камнями, рассеяла весь отряд лейб-гвардейцев, потом выломала ворота претории, выпустила на волю всех заключенных, разграбила устроенный там христианский храм и до основания разрушила сарацинскую молельню. Сделав все это без всякого смысла, мятежники подступили к так называемой медной** тюрьме с целью и там распорядиться подобным же образом. Однако когда один из зятьев царя (то был Алексей Палеолог) привел с собой царское войско, волнение начало утихать, хотя отнюдь не прекратилось совершенно. Нисколько не вооруженные, с одними кулаками, и только впоследствии отчасти вооружившись кое-как, мятежники напали на царские войска, все закованные в латы, обрекая себя на смерть без всякой цели и без славы. Иные взобрались на крыши и оттуда бросали черепицами; другие прямо швыряли камни; наконец, некоторые стреляли из луков. Словом сказать, весь этот день раздражение было в разгаре. К вечеру мятежники разошлись по домам, а на другой день не было уже ни ропота, ни попыток к вторичной битве.

6. Едва миновало это бедствие, как восстал против императора некто из рода Комниных, по имени Иоанн. У этого человека было огромное брюхо, и по структуре тела он очень походил на бочку, почему и прозван был Толстым. Неожиданно ворвавшись в Великую церковь, Иоанн возложил на себя один из венцов, висящих вокруг святой трапезы, и в таком виде представился народу. С толпой соумышленников (а их было весьма много, и притом почти все из знатного рода), в сопровождении народа, собравшегося в значительной массе по слуху о совершавшемся происшествии, он беспрепятственно вступил потом в большой дворец, сел на раззолоченный трон и занялся назначением разных лиц на высшие должности; между тем чернь вместе с некоторыми соучастниками восстания, бродя по улицам и площадям и заняв береговые части города, провозглашала его римским императором и грабила богатые дома. С наступлением ночи Иоанн не позаботился как следовало бы ни поставить стражу при дворце, ни даже восстановить его выломанные ворота; но, как будто не предстояло более никакой опасности и не оставалось уже ни одного противника, отдувался подобно дельфину, истреблял целые кувшины воды, страдая, как все толстяки, непомерной жаждой и отирал лившиеся ручьями капли пота и горячей испарины. Войско его, блуждая около ипподрома, бродило туда и сюда; а чернь с закатом солнца рассеялась, как стая птиц, нетерпеливо желая дождаться скорее утра, чтобы потом, собравшись, опять ломать лучшие дома и грабить, что в них есть. В это время царь послал свою свиту и бывших при себе родственников с приказанием под покровом ночи напасть на Иоанна, рассчитывая, что по наступлении дня городская чернь не захочет остаться праздной, но с раннего утра соберется к бунтовщику еще гораздо в большем количестве и с более неукротимым характером, чем накануне, чтобы принять участие в его деле и всеми мерами противостать им. Севши на суда, царский отряд пристал к берегу Одигийского монастыря и здесь соединился с тяжеловооруженными царскими секироносцами (потому что в вооружении неудобно было пробираться им среди города). Затем, нечаянно столкнувшись близ театра с партией соучастников Иоанна, царские посланные лег-

* Генерал-губернатор.

** Об этой тюрьме и о причине названия ее медной автор говорил выше *см.* Царствование Исаака Ангела. Кн. 3, § 6; по нашему переводу том 2, стр. 98.

ко рассеяли их, без всякого труда проникли к Иоанну, убили его, как животное, нанесши ему ужасные раны, и его отрубленную голову принесли к царю. Голова мятежника, еще истекая кровью, со страшно оскаленным ртом и моргающими глазами, была на петле поднята среди торговой площади напоказ всем, а труп на носилках был выставлен под открытым небом у южных ворот влахернского дворца. Глядя вниз с высоты царского жилья, надстроенного над этими воротами, царь любовался на труп бедного Иоанна, раздувшийся толще быка, торжествовал от радости и хвастал счастливым окончанием всего дела. Впоследствии тело было взято отсюда и брошено на съедение собакам и птицам, что показалось, однако, всем в некоторой степени уже зверством и бесчеловечием! Соучастники Иоанна были арестованы, подвергнуты пыткам для дознания всех его соумышленников, закованы и заключены в темницы.

Но вот какого рода дело возбудил уже сам император! Поручив под команду одному человеку, по имени и прозванию Константин Франгопул, шесть военных судов, царь послал его в Евксинский Понт, по-видимому, для того, чтобы разыскать груз одного корабля, плывшего из Фазиса в Византию и потерпевшего крушение около Керасуня*, в сущности же затем, чтобы напасть на купеческие корабли, шедшие с грузом в город Аминс, и разграбить их товары. Отправившись по царскому повелению в Евксин, Франгопул без всякой пощады ограбил все без исключения корабли, какие только шли с грузом товаров в Византию или возвращались из нее обратно, сдавши свои товары и нагрузившись другими, и через два месяца воротился назад, часть купцов,

* *Вариант*: «послал его в так называемое Черное море, по-видимому, для поисков за грузом одного корабля, шедшего из Тана к Константинополю и потерпевшего крушение около Керасуни».

которых деньги обратил в свою собственную пользу, предавши смерти и потопивши в море, а другую часть пустив на волю, как говорится, голее песта. Эти последние по прибытии в Константинополь много раз жаловались на беззаконно нанесенную им обиду, обращались с мольбой и в судебные места, и во дворец, и в патриаршие палаты*, но не могли склонить царя к милосердию, так как их товары были уже обращены в деньги и в этом виде, раз навсегда, поступили в царскую казну. Тогда те из них, которые были из Иконии, принесли жалобу Рукратину. Рукратин через послов обратился к царю с требованием возврата их имущества; между прочим, тогда шли переговоры о заключении дружественного союза, но царь, назвав Франгопула своим ослушником, снова отклонил от себя всякую ответственность за его злодеяния, надеясь таким образом защититься ложью и споря против очевидности. Однако при заключении договора Рукратин, кроме других платежей, получил от царя еще пятьдесят мин** серебра, особенно в вознаграждение убытков, понесенных ограбленными купцами; за то царь со своей стороны почти в то же самое время был пойман Рукратином в покушении на его жизнь. Огромными обещаниями царь склонил на свое предложение одного хасисийца*** и, вручив ему собственноручное письмо к Рукратину как знак искренней дружбы к своему союзнику, послал его умертвить султана. Но хасисиец был пойман, письмо открыто, все дело

* *Вариант*: «обращались с мольбой и к патриарху, и к монашествующему духовенству...»

** Вес и монета, равняющаяся ста драхмам, что составляет около 28 лотов. Десять мин серебра равняются одной мине золота, шестьдесят мин составляют один талант.

*** О шайке хасисийцев автор говорил выше *см.* Царствование Исаака Ангела. Кн. 2, § 1, по нашему переводу том 2, стр. 45 и 46.

обнаружилось; таким образом, договор был нарушен, и турки начали опять свои опустошительные набеги на восточные города империи. Между тем в это время, по молодости и по самоуправству, поднял возмущение против императора незаконнорожденный сын севастократора Иоанна Михаил, которому поручено было собрать подати в миласситской епархии. Он был разбит в сражении с царским войском, но спасся бегством и прибег под покровительство Рукратина, который по ненависти к царю принял его самым ласковым образом. Получив от Рукратина войско, Михаил также вторгся в примеандрские города и свирепствовал в них жесточе, неумолимее и кровожаднее всех иноплеменников. Если что было самой главной причиной упадка Римской империи, опустошения ее областей, разрушения ее городов, а наконец и совершенного ее падения, то это были мятежники и искатели престола из рода Комниных. Убегая к народам, враждебным римлянам, они становились смертельной язвой своего отечества, тогда как, живя среди нас, были самыми бесполезными, самыми пустыми людьми, совершенно неспособными руководить, распоряжать или управлять делами*.

По случаю возмущения Михаилова царь около месяца листопада ездил на восток и на возвратном пути заехал в Пифии, желая купаться в тамошних теплых водах. Насладившись вдоволь ваннами и питьем воды, он захотел пока-

* *Вариант* на слова: *Если что было... управлять делами.* «Если Римская империя имела несчастье видеть упадок и изнеможение своего могущества, опустошение своих городов и областей, а наконец и совершенное свое падение, то всему этому виной цари из ангеловской отрасли рода Комниных. Поступая ненадлежащим образом с дружественными народами, они становились губителями своего отечества, при всем том что имели полную возможность действовать, не унижая царского сана, и в то же время в делах внутреннего государственного управления показывали себя людьми неспособными, слабыми и неблагонамеренными».

таться по морю еще, потому что прелести суши и прелести моря постоянно соперничали и спорили между собой за превосходство в душе этого государя, одерживая блестящую победу попеременно: то те, то другие. Итак, севши на императорский корабль, он мимо Астакинского залива* направился прямо к островкам, лежащим почти подле самого Константинополя. Вдруг поднялась буря, высоко вздымались волны, корабль начало опрокидывать носом на корму, и, залитый со всех сторон водой, он готов был совершенно погрузиться в море. Корабельщики пришли в ужас и истощили все усилия; отовсюду раздавались крики, воззвания к Богу, отчаянные стоны и вопли пассажиров, а ехали с царем все люди знатные обоего пола, которым особенно мила земля, когда они на ней, и теперь еще была милее при неизвестности, удастся ли кому ее увидеть. Впрочем, натерпевшись страха и разных бед, наши путники с отрадой в душе кое-как пристали наконец к острову Принкипу и, когда волна утихла, переехали отсюда в Халкидон; здесь отдохнули от головной боли, оправились после морской пирушки, забыли все свои беды, опасности и беспокойства и затем перебрались отсюда в большой дворец, так как решено было устроить конские скачки и потешить народ театральными представлениями. Когда и это все благополучно кончилось, царь хотел немедленно отправиться во Влахерны**, но тут наступило несчастное для римлян время (известно, что наши императоры и шагу не смеют ступить, не посоветовавшись наперед с положением звезд), и, таким образом, первую неделю поста он поневоле провел в большом дворце. Наконец шестой день этой недели оказался счастливым для переезда,

* *Вариант*: «мимо Никомидийского залива».

** То есть во влахернский дворец, свое обыкновенное местопребывание.

особенно тому, кто поднимется в путь с раннего утра*, поэтому царь решился двинуться до свету, чтобы прибыть во Влахерны еще до солнечного восхода. Триира была уже готова и в ожидании отъезда слегка качалась на волнах у дворцового берега; все царские родственники с факелами собрались к царю, чтобы вместе с ним отправиться в дорогу, но Бог восхотел показать теперь, что Он один есть Владыка часов и времен и что от Него единственно зависит счастье или неблагоприятность путей наших. Перед тем самым местом, где стояло в покоях царское ложе, вдруг сам собою провалился пол и под ним образовалась довольно значительная расселина**. Между тем как царь чудесным образом спасся от опасности, зять его Алексей Палеолог и несколько других человек были увлечены падением и потерпели сильные ушибы, а один евнух убился совсем до смерти, упавши на самое дно провала. Что почувствовал, или почувствовал ли государь при этом раскаяние в своем суеверии, не могу сказать; но что было далее затем, то и буду рассказывать.

7. У царя Алексея была третья дочь, по имени Евдокия, которую еще в то время, когда ее родитель, бегая от Андроника, скитался по Палестине между измаильтянами, дядя ее Исаак выдал за Стефана, одного из сыновей Неемана. Это был трибалльский*** князь; но, недолго правив после того своим народом, он удалился на Папикийскую гору и посвятил себя монашеской жизни. Сын его Стефан долгое время

* Вариант на слова: *поневоле провел... с раннего утра*. «Провел не по своему желанию, но в надежде дождаться счастливого часа. Наконец, когда пятница прошла, астрологи решили, что утром в субботу можно переехать из одного дворца в другой».

** *Вариант*: «В той комнате, где находилась царская спальня, вдруг открылась бездна, в которую упал и провалился пол комнаты».

*** То есть сербский.

держал Евдокию в чести, как вместе с собой наследницу отцовского престола, и прижил от нее детей*; но все изменяющее и все извращающее время расстроило их единодушие и прежнюю любовь, не дав дожить им до последнего вздоха жизни в том искреннем и задушевном согласии, которое умными супругами считается верхом человеческого благополучия. Муж упрекал жену в неумеренном сладострастии; жена укоряла мужа за то, что с ранней зари он принимался за пьянство, забывал свой сосуд и пресыщался запретными

* Неверный перевод этого места послужил для Лебо источником нелепой истории. Отнесши слова: *«Это был трибалльский князь; но, недолго правив после того своим народом, он... посвятил себя монашеской жизни»* — не к лицу Неемана, как ближайшему, на которое указывает слово «это» (*οὗτος*), а к лицу Стефана, переводчик, которому следовал Лебо, поставил себя в необходимость продолжать потом перевод следующим образом, с добавлением из собственного воображения тех слов, которые мы обозначим курсивом. Именно, переводчик продолжал так: «Сын его (т. е. Стефана quasi первого), *по имени также* (eodem nomine) Стефан, долгое время держал Евдокию в чести... и прижил от нее детей». Таким образом переводчик создал, кроме одного действительного князя Стефана, еще другого князя Стефана, никогда не существовавшего, и дал Лебо повод всю историю представить в таком виде, «будто бы Евдокия, быв выдана за Стефана первого, постригшегося в монахи, и овдовев, по смерти его вышла замуж за Стефана второго, сына Стефана первого, *следовательно* (!) за своего пасынка, который, *само собой разумеется* (!), был страстно влюблен в свою прекрасную мачеху, *без сомнения* (!) разделявшую его страсть и за это, по судьбам провидения, дожившую до своего беспримерного позора, так как браки по страсти не прочны». (Lebeau. 1. XCIII, ch. XXXIV). Округлив так поэтично и назидательно никогда не существовавшую историю, Лебо изумился ее безнравственности и указал на нее как на образчик невежества и варварства сербского народа того времени. Но оставляя в стороне то обстоятельство, что подобного рода брак мачехи с пасынком, по законам греческой церкви, был невозможен для Евдокии, допуская также, что Никита Хониат, так горячо осуждавший брак двоюродных и между тем в настоящей истории Евдокии не заметивший никакого нарушения церковных канонов, остался к нему равнодушен *странным* образом, мы не можем не указать в опровержение всей этой выдумки на продолжение текста «Истории» Никиты Хониата. Рассказав, что против намерения Стефа-

плодами*. Взаимное несогласие постоянно, таким образом, росло более и более и наконец выразилось со стороны Стефана самым варварским поступком против его супруги. Выдумал ли он или и правду говорил, будто застал Евдокию в прелюбодеянии, во всяком случае, он снял с нее все женские одежды, оставил на ней одну последнюю тоненькую рубашку, обрезав и ту со всех сторон, так что она едва прикрывала обнаженные члены, и в этом бесчестном виде прогнал ее от себя и пустил на все стороны. Брат Стефана Волк, возмущаясь таким в высшей степени скандальным, грубым и взбалмошным поступком с Евдокией своего единокровного, упре-

на (quasi второго) опозорить свою супругу сильно восставал родной брат его Волк, Никита Хониат продолжает: «Потом названные нами сыновья Неемана, забыв братскую любовь, поссорились и сами между собой...» Итак, очевидно, что Стефан, опозоривший Евдокию, был сын Неемана, а не внук, что вообще за одним только Стефаном, сыном Неемана, и была Евдокия в замужестве, который был прежде только сыном сербского князя, а потом сам сделался сербским князем! Что же делают против такой очевидности латинский переводчик и латинский историк? Первый, не осмеливаясь заменить в тексте слово *сыновья* следующим для связи его перевода словом *внуки*, ограничился выражением своего недоумения в замечании, робко написав: «*Как же так — сыновья? Неужели сыновья?*» А второй рассек гордиев узел, употребив вместо слов «названные нами сыновья Неемана» общее выражение «названные нами *сербские князья*». Поучительный пример уважать букву текста! Лебо ссылается еще на авторитет Дюканжа *см.* Famil. byz., dalmat. etc., edit. Paris. Pag. 286 et 287.—edit. Venet. Pag. 229. Пределы замечания не дозволяют нам входить в разбор указаний этого почтенного ученого, тем более что нам не сподручны некоторые источники, бывшие в его руках; однако должно сказать, во-первых, что Дюканж сам многого не решает окончательно в этой истории и передает ее под сомнением, указывая на существование другого мнения, хотя также несостоятельного, и нашего Стефана quasi первого называя, по другим источникам, Симеоном, а во-вторых, что и он, собственно, в истории о браке Евдокии, впоследствии еще два раза выходившей замуж, основывается также только на неверном переводе настоящего места нашего автора.

* То есть, кроме пьянства, укоряла в равнодушии к себе и непозволительных связях с другими женщинами.

кал его в бесчеловечии и умолял подавить безумный гнев, смягчиться сколько-нибудь, вспомнить о величии рода Евдокии, пожалеть, наконец, самого себя, потому что подобного рода срамное дело не принесет чести и ему; но, не успевши отклонить его упрямого и безжалостного решения, по необходимости должен был ограничиться тем, что оказал Евдокии со своей стороны всякое содействие и с подобающей честью отправил ее в Диррахий. Узнав о всем происшествии, отец выслал дочери двуглавые носилки, монисты, ожерелья, равно как разные другие принадлежности царственного женского наряда, и взял ее к себе в дом. Потом названные нами сыновья Неемана, забыв братскую любовь, поссорились и сами между собой и, начав междоусобную распрю, вошли в один разряд с теми братьями, о которых мы не так давно сказали, что властолюбие и испорченность нравов подавили в них все естественные чувства природы: Волк, одержав перевес, лишил Стефана престола и изгнал из отечества. Так, пример братоубийства, показанный в Царьграде, сделался как бы образцом, моделью или даже общим правилом для всех концов земли; так что не только персидские, тавроскифские, далматские, как теперь, или несколько позже паннонские государи, но и владетельные лица разных других народов, обнажив мечи против единокровных родственников, наполнили свои отечества убийствами и мятежами!

Около этого времени выступил из Мизии Иоанн с огромным и страшно вооруженным войском и, окружив Констанцию, знатный город в пределах родопских, взял ее почти без всякого сопротивления. Разрушив стены Констанции, он двинулся отсюда далее, подступил к Варне, осадил ее и мужественно взял приступом на шестой день страстной недели*.

* *Вариант*: в великую субботу.

Так как осажденные, большей частью храбрейшие люди нашего войска, или латиняне, оказали ему сильное сопротивление, то он построил четырехугольную машину, равную по длине широте рва, а по высоте стенам города, придвинул эту машину на колесах к самому рву и, опрокинув ее в ров, одновременно достиг двух целей; так что одна и та же машина послужила ему мостом через ров и вместе лестницей, достигавшей до высоты городских стен. Таким образом, на третий день Варна была в его руках. Не побоявшись и не постыдившись ни святости дня (это было в ту преблагословенную субботу, в которую Христос плотью почил во гробе), ни Христова имени, которое он только произносил устами, как бы подстрекаемый кровожадными демонами, варвар всех, кого взял в плен, живыми бросил в ров и, засыпав в уровень землей, заживо похоронил в нем, как в одной общей могиле. После этого он разрушил самые стены Варны и возвратился в Мизию, ознаменовав священнейшую субботу и царственнейший день в году такой кровавой тризной и такими адскими жертвоприношениями!

Между тем как все это происходило, протостратор Мануил Камиц, долгое время томившийся пленником в Мизии, обратился к царю, своему двоюродному брату, с просьбой выкупить его на его же собственные деньги и не оставлять так долго, как будто какого-нибудь злодея, в плену у варваров. Не успев склонить царя своими мольбами, в отчаянии он обратился с той же просьбой о выкупе к своему зятю Хрису, и так как Хрис исполнил его желание, то он из Мизии прибыл в Просак. Отсюда он снова обратился к царю с неотступной мольбой уплатить за него Хрису выкуп, простиравшийся до двух центенариев золота*, выставляя на вид,

* То есть около 200 фунтов золота *см.* выше на стр. 62, прим. *

что одни деньги, конфискованные у него императором, составляли гораздо более значительную сумму, не говоря уже об огромном количестве серебряных и золотых сосудов, о шелковых тканях и разных дорогих одеждах, изобилие которых делало его богатейшим человеком в мире. Однако император, положив на одну чашку умственных весов свое родственное чувство к протостратору, а на другую — его деньги и взвесив их обе, нашел, что вторая чашка гораздо тяжелее, и вследствие того по-прежнему не обращал ни малейшего внимания на его послания. Тогда Камиц, с отчаянием в душе, решился вместе с Хрисом напасть на сопредельные с Просаком римские области. Действительно, они без труда овладели Пелагонией, легко покорили Прилап и, быстро двинувшись вперед, подчинили себе дальнейшие области, проникли через Темпейскую долину Фессалии*, заняли равнины, подняли Элладу и возмутили Пелопоннес. В то же время появился подобно древним гигантам, рождавшимся из земли, другой мятежник. То был некто Иоанн Спиридонаки, родом с острова Кипра, человек ничтожной наружности и еще более ничтожного роста, косой, некогда жалкий и грязный чернорабочий. Находясь на царской службе, он после непостижимых повышений и производств достиг должности хранителя так называемых внутренних кладовых и наконец был послан управлять смоленским округом. Рассчитывая теперь, с одной стороны, на неприступность местности, с другой — на умственную ограниченность и простоту государя, он с безумной дерзостью восстал против него, как сатана, как язва или какое-нибудь отвратительное и неожиданное привидение. Ко всему этому, царь страдал тогда еще от

* Темпейская долина находится в Фессалии между горами Олимпом и Оссой.

третьего горя — своей обыкновенной болезни, отнимавшей движение в членах тела*, и потому вдвойне терзался раскаянием, которое его гнело, давило и душило, сожалея, что и брата двоюродного не выкупил, и такому презреннейшему существу, как Спиридонаки, доверил на беду себе управление таким количеством укрепленнейших городов. Разделив собранное войско на две части, царь отдал одну часть своему зятю Алексею Палеологу с приказанием наказать негодяя Спиридонаки, а другую послал в подкрепление Иоанну Инуполиту**, боровшемуся против протостратора. Зять царя Алексей при своем обыкновенном мужестве и благоразумной смелости после небольшого усилия скоро одолел Спиридонаки и заставил бежать этого пигмееподобного человечишку в Мизию, но борьба с протостратором продолжалась значительное время, однако и она кончилась благополучно. Со своей стороны император употреблял разные хитрые приемы как-нибудь склонить Хриса на свою сторону и наконец просватал за него в супруги свою внуку Феодору, которая прежде была обручена с Иванкой, вызвав ее из Византии. Таким образом, ему удалось возвратить Пелагонию и Прилап и вытеснить Камица из Фессалии, который частью должен был уступить силе войны, частью — добровольно покориться обстоятельствам. Наконец царь принудил протостратора оставить даже самый Стан, куда тот укрылся, как в последнее, несокрушимое убежище. Увенчавшись подобными подвигами после долгого бездействия и покоя, царь возвратился в Византию. Тогда же он овладел Струммицей, обманув и в этом случае Хриса хитростью, и утвердил мирный договор с Иоанном***.

* *Вариант*: «Третьей бедой государя была подагра».

** *Вариант*: «Іонополиту».

*** *Вариант*: «и заключил мир с валахами».

8. До сих пор моя речь шла успешно и текла путем ровным; но как управлюсь с ней далее, не знаю. В самом деле, чья душа в состоянии остаться непотрясенной при воспоминании о тех страшных бедствиях, которые поразили самый Царьград в царствование этих земных Ангелов? Я желал бы изложить вполне все ужасы и всю невообразимую жестокость этих бедствий, но так как это невозможно, то опишу их вкоротке, надеясь, что самая краткость рассказа, может быть, принесет пользу нашим потомкам, смягчит нашу горькую повесть и вследствие того умерит их безотрадную печаль.

Царь Алексей сверг с престола брата своего Исаака и потом, вместо того чтобы позаботиться о присмотре за ним, оставил его жить на полной воле близ Двух Колонн*, стоящих на самом берегу пролива, и даже не запретил никому посещать его, забывши о том, что огорчения большей частью раздражают людей и долго помнятся, что мщение никогда не дремлет, но всегда готово воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы недуманно и негаданно всей тяжестью пасть на оскорбителей. Таким образом, всякий желающий имел свободный доступ к Исааку, и между прочим, ходили к нему особенно латиняне. С ними он держал тайные совещания о том, как бы отплатить за обиды и низвергнуть Алексея, посылал письма к дочери своей Ирине, супруге Филиппа[9], тогдашнего правителя аллеманов, с мольбой, чтобы она заступилась за отца, и в свою очередь сам получал оттуда ответы с наставлениями о том, как поступать ему. Равным образом сыну Исаака Алексею, по освобождении его из заключения, царь предоставил полную свободу и даже сам,

* Перифраз и объяснение названия той же самой местности, которую выше (стр. 109) автор назвал Диплокионом.

отправляясь в поход против протостратора, позволил ему сопровождать себя в Дамокранию. Между тем Алексей, без сомнения по мысли своего отца, условился бежать с одним пизанцем, который командовал большим купеческим кораблем, и только ожидал удобного времени ускользнуть морем и закрыть свой след водой. Когда удобное к отплытию время наступило, корабль распустил паруса и с попутным ветром благополучно прибыл в Авлонию на Геллеспонте. Отсюда с корабля отправлена была для принятия Алексея шлюпка в Афиру, по прибытии в которую матросы, чтобы скрыть свое настоящее намерение, начали нагружать песок, как будто бы нужный кораблю, по выгрузке с него товаров, для балласта. Убежав сюда из Дамокрании, Алексей сел на шлюпку и переехал на корабль. Бегство его скоро было замечено, и император приказал немедленно обыскать корабль; но посланные не могли узнать Алексея: он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпой и таким образом укрылся от сыщиков. Приехав в Сицилию, Алексей уведомил о своем прибытии сестру. Она выслала навстречу ему значительную свиту телохранителей, приняла брата с распростертыми объятиями и неотступно стала просить своего мужа Филиппа, чтобы он, сколько возможно, помог ее отцу, лишенному своими родными не только власти, но и зрения, и приютил брата ее, который без крова и отечества странствует подобно звезде блуждающей, ничего не имея с собой, кроме своей собственной особы.

При этом я должен объяснить еще следующее весьма важное обстоятельство. Братья Ангелы, как уже было нами показано, во многих отношениях недобросовестно пользовались властью, но особенно они страдали корыстолюбием, не упуская случаев извлекать деньги даже из неправедных источников, и притом не берегли собираемых богатств,

но сыпали их обеими руками на пышную придворную обстановку и драгоценные костюмы, более же всего разорялись на любовниц и на родню, совершенно бесполезную в делах общественного управления. Таким образом, они не только притесняли и опустошали римские города, налагая на них новые, небывалые подати, но, сколько представлялось возможности, обирали и латинян. Между прочим, нарушая мирные договоры с Венецией, они часто налагали на венецианцев разные денежные поборы, брали с их кораблей контрибуции и ссорили их с пизанцами, так что нередко можно было видеть, как среди самого Константинополя или в открытом море граждане обеих республик схватывались между собой в отчаянной битве, попеременно побеждали или были побеждаемы и вследствие того грабили своих соперников или подвергались их грабежу. **9.** Помня свои старинные договоры с Римской империей и с крайним прискорбием замечая предпочтение, какое римские императоры оказывали теперь пизанцам, венецианцы явно были недовольны римлянами и выискивали удобный случай отомстить им, особенно с того времени, когда Алексей по скряжничеству отказался уплатить им двести мин золота, следовавших в остальную уплату всего долга в пятнадцать центенариев золота, которые обязался уплатить Венецианской республике царь Мануил в вознаграждение за имущества, конфискованные им у венецианцев*. К крайнему нашему бедствию, дожем Венеции в это время был Генрих Дандуло, правда человек уже слепой и преклонный старик, но в высшей степени вооруженный и озлобленный против римлян. Отличаясь беспримерным пройдошеством, гордясь умом и сгорая безумной жаждой

* *См.* Царствование Мануила. Кн. 5, § 9, по нашему переводу том 1, стр. 187.

славы, он не хотел умереть — и был как будто недоступен смерти — до тех пор, пока не отомстит римлянам за все обиды, нанесенные ими его народу. Постоянно он взвешивал и пересчитывал в уме, сколько зла причинили венецианцам царствовавшие братья Ангелы, и еще прежде их — Андроник, и еще прежде Андроника — Мануил в продолжение своего управления Римской империей. Но так как он знал, что не снесет своей головы, если пойдет против римлян с одними своими силами, то высматривал союзников и входил в тайные сношения с теми народами, о которых знал, что они питают непримиримую ненависть к римлянам и смотрят с завистью и жадностью на их богатства. Благодаря обстоятельствам времени, он действительно успел склонить на свое предложение и привлечь в союз с собой против римлян несколько благородных топархов, которые стремились попасть в Палестину. То были: Бонифатий, маркиз монферратский; Балдуин, граф фландрский; Генрих, граф Сен-Поль; Людовик, граф блуасский[10], и значительное число других отважных воинов и богатырей, равнявшихся ростом с громадной длиной своих копий. В течение трех лет было построено в Венеции сто десять дромонов* для перевоза конницы, шестьдесят долгих** кораблей, и сверх того, собрано более семидесяти кораблей круглых***, из которых один, превосходивший все другие величиной, назывался «Космос». Немедленно по изготовлении всех судов посажены были на них тысяча

* Особенное название известных мореходных судов, по всей вероятности соответствующее быстроте их хода, потому что слово *дромон* по переводу значит «бегун».

** То есть военных, называемых долгими по форме своей постройки.

*** То есть галер или купеческих кораблей, которые служили для перевоза грузов и назывались так равным образом по своей наружности. Этого рода корабли играли весьма значительную роль в морских битвах того времени.

человек тяжелой, закованной в железо конницы и тридцать тысяч человек пехоты, разнообразно вооруженной, преимущественно же так называемых чагротоксотов[11]. Едва только флот приготовился совсем выступить, как к одной беде для римлян присоединилась другая, по пословице: беда за бедой, как волна за волной. Перед самым отплытием флота явился в Венецию сын Исаака Ангела Алексей, снабженный грамотами папы древнего Рима и Филиппа, короля аллеманского, которые обещали величайшие выгоды всем членам этой разбойнической шайки, если они примут Алексея под свое покровительство и возведут его на отцовский трон. Само собой разумеется, что они с величайшей охотой весьма скоро приняли его на флот, рассчитывая таким образом не только прикрыть благонамеренностью свое разбойническое предприятие против римлян и дать ему благовидную наружность, но и вполне удовлетворить свою алчность и свое корыстолюбие несметными грудами денег. Приняв к себе Алексея, этого юношу столько же и по уму, сколько по летам, все эти опытные и искусившиеся в делах мужи заставили его клятвенно согласиться на такие условия, которых он никогда не в состоянии был исполнить. В самом деле, ребенок, по их требованию, обещал не только дать им целый океан денег, но и отправиться вместе с ними на войну против сарацинов с римскими пехотными войсками и пятьюдесятью трехгребными кораблями. Мало того,— что особенно важно и вместе особенно нелепо,— он обещал принять латинские уклонения в вере, признать все папские привилегии и неразрывно с этим отменить и изменить древние римские обычаи.

Отправившись в путь, флот остановился у Ядары* и повел осаду против этого города, по настоянию венецианского

* Нынешний город Зара на восточном берегу Адриатического моря.

дожа Дандуло, за то, что он будто бы также нарушил древние договоры с венецианцами. Римский император Алексей, хотя уже давно слышал о движении латинян, однако не предпринимал никаких мер для обороны себя и своих подданных, потому что чрезмерная изнеженность отняла у него всякую возможность заняться требованиями долга и общественной пользы*. Его евнухи, блюстители лесов, назначенных для царской охоты, берегли их, как какие-нибудь заповедные рощи или, так сказать, богонасажденный рай, и готовы были стереть с лица земли всякого, кто пожелал бы вырубить из них несколько дерев для постройки кораблей. Впрочем, дукс флота** Михаил Стрифн, женатый на сестре государыни, поступал еще лучше: он не только менял на золото якори и гвозди, но продавал даже паруса и канаты и таким образом не оставил в римских гаванях решительно ни одного военного корабля. Со своей стороны царь, вместо того чтобы казнить подобных негодяев, более преступных, чем всякие другие злодеи, показывал к ним особенное расположение! Наслаждаясь спокойствием домашней жизни, он срывал пригорки, засыпал ямы, садил деревья и изредка после обеда подсмеивался над экспедицией латинского флота, обращая в шутку все справедливые предположения и слухи о предстоявшей опасности. Между тем латиняне, овладев Ядарой, пристали к Епидамну***, и граждане Епидамна провозгласили ехавшего с ними Алексея римским

* В одном из манускриптов подлинника здесь прибавлено еще следующее *замечание*: «Когда ему говорили, что надобно заготовить оружие, корабли и военные припасы для лагеря, чтобы иметь все в готовности, оказывалось, что ему говорили, как глухому: он не спорил против этого, но сидел и посмеивался».

** Главный начальник морского ведомства.

*** Нынешний Диррахий, или Дураццо.

царем. Тогда только царь, подобно рыбаку известной пословицы*,— как его уже ударили по голове, взялся за ум,— поправил кое-как на скорую руку до двадцати прогнивших и изъеденных червями суденышек, обошел стены города и приказал разрушить построенные вне их здания. В это время латинский флот, отплывши из Епидамна, пристал к Корцире** и, потратив здесь около двадцати дней, потому что корцирская крепость не вдруг сдалась, на всех парусах полетел прямо к Константинополю, так как западные давно уже знали, что Римская держава занималась единственно только пьянством или похмельем и что Византия в совершенстве представляла собой знаменитый негой город Сибарис. Таким образом, благодаря необыкновенно счастливой погоде (потому что во все продолжение их плавания на море дули тихие и самые благоприятные для их кораблей ветры), латиняне явились под стенами Константинополя так неожиданно, что в городе никто почти и не знал об их приезде. Они остановились сначала в Халкидоне. Вскоре затем военные корабли их на веслах, а грузовые на парусах перешли оттуда в перейскую гавань, лежащую против восточного берега пролива, несколько ниже Диплокиона, и стали на якорях в таком расстоянии от города, чтобы быть вне выстрелов; дромоны же причалили к Скутари***. Правда, римляне с прибрежных возвышенностей и с самого берега стреляли против кораблей, но выстрелы их были совершенно бесполезны и большей частью, не долетая до цели, падали в море. Стояла также римская фаланга выше,

* Автор применяет пословицу: piscator ictus sapit — *'ασπαλιεὺς πληγεὶς κομίζεται νοῦν*.

** Древнее название острова и находящегося на нем города Корфу.

*** Здесь, кажется, в первый раз встречается это новое название прежнего города Хрисополя.

близ Даматрия*, чтобы воспрепятствовать высадке неприятельской конницы, но и она равным образом не принесла никакой пользы, потому что римляне не только не осмелились сколько-нибудь сами подойти к неприятелю, но, обратив тыл против его атаки, частью пали, частью едва ускользнули от смерти, вообще бросились бежать во весь опор, и преимущественно начальники, оказавшиеся более боязливыми, чем робкие лани. Да и как было им осмелиться на борьбу с этими людьми, которых они в страхе называли смертоносными ангелами или неуязвимыми медными статуями и при одном виде которых готовы были умереть от ужаса?

10. Через несколько дней латиняне убедились, что на сухом пути никто не решится им противостать, и потому приблизились к заливу**. Затем конница их двинулась вдоль по берегу, а военные корабли, дромоны и вместе с ними грузовые корабли, сопровождая ее, вошли в самый залив. Когда таким образом сухопутные и морские силы неприятеля сошлись к укреплению***, к которому римляне обыкновенно привязывали тяжеловесную железную цепь, служившую для воспрепятствования входу во внутренность гавани неприятельских кораблей, немедленно началось нападение на крепость. И вот открылось ужасное зрелище! Одни из римлян, защищавших укрепление, после непродолжительного сопротивления были обращены в бегство; другие убиты или взяты

* Загородный императорский дворец на самом берегу моря. Du Cange, Const. Christ. Lib. IV. Pag. 123.

** Разумеется Золотой Рог, разделяющий Константинополь на две неравные части.

*** Очевидно, что здесь речь идет о том из двух укреплений этого рода, которое находилось на стороне Перы, или Галаты. Так говорит и Алберик в своей хронике ad annum MCCII: primo turrim Galatas ceperunt, ubi catena portus pendebat, et ipsam catenam ruperunt, quae postea apud Acram fuit missa. Vid. Du Cange. Lib. 1. Pag. 17.

в плен; некоторые по цепи, как будто по канату, кинулись и укрылись на стоявшие здесь наши трииры*; многие, не успев ухватиться за цепь, стремглав бросились просто в море. Наконец самая цепь была прорвана, и весь неприятельский флот ворвался внутрь нее. Одни из наших триир поступили немедленно во владение неприятеля; другие, наткнувшись на городской берег после бегства с них всего экипажа, получили сильные повреждения. Это было невообразимое бедствие, какого никогда никому и на сердце не приходило. Оно совершилось в июле месяце шесть тысяч семьсот одиннадцатого года**. После небольшого отдыха, продолжавшегося не долее того, сколько нужно было времени, чтобы сообразить, что делать далее, латиняне, как с моря на кораблях, так и с сухого пути со всей конницей, следовавшей в арьергарде пехоты, подступили к Козьмидию***, встретив от римлян незначительное сопротивление только около тамошнего моста**** и так называемого Просверленного Камня. Грузовые суда, военные корабли и дромоны пристали здесь к берегу, а предводитель сухопутных войск устроил лагерь, обведенный отчасти рвами и частоколами, около холма, с которого видны лежащие оттуда к западу здания влахернского дворца. Уже близ самой подошвы этого холма стояло одно дворцо-

* Трииры — то же, что долгие, или военные, или по переводу слова трехгребные, то есть снабженные тремя ярусами весел корабли.

** От создания мира, т. е. 1203-го года от Рождества Христова.

*** То есть к Козьмо-Демьянскому монастырю, который латиняне называли башней Боемунда, потому что во время первого крестового похода здесь несколько времени жил граф Боемунд. Этот загородный монастырь (Du Cange, Const. Christ. Lib. IV. Pag. 127) надобно отличать от церквей Козьмы и Дамиана, находившихся внутри города (ibid. pag. 83). Доселе все битвы римлян с латинянами происходили еще вне стен самого Константинополя.

**** Очевидно, разумеется мост через реку Варвиз почти при самом впадении ее в вершину Золотого Рога.

вое здание, к югу опиравшееся на стену, которую для обороны дворца построил царь Мануил, а с севера примыкавшее к морю; так что, стоя на стене, можно было видеть высокие неприятельские шатры и даже почти разговаривать с теми из неприятелей, которые были расположены близ гиролимнских ворот*. Не было совсем ни вала, ни других каких-либо оборонительных сооружений, и только одни стены города отделяли нас от осаждающих. Император Алексей, уже давно затаивший в душе своей мысль о бегстве и всецело преданный ей, вовсе не надевал вооружения и не показывался неприятелям лицом к лицу, но сложа руки сидел и смотрел на то, что делалось, с верху высоких теремов, которые назывались теремами аллеманки-царицы**. Его близкие сановники и его родственники с горстью конницы и небольшим отрядом пехоты появлялись из-за стен как бы затем только, чтобы показать, что город еще не совсем пуст. С той и другой стороны по несколько раз в день происходили, таким образом, отдельные неожиданные кавалерийские сшибки, причем несколько всадников с обеих сторон перебрасывались между собой копьями в доказательство своей личной храбрости и неустрашимости, и наши в этих случаях вели себя недурно, особенно когда управлял схваткой царский зять Феодор Ласкарис. Своими страшными ударами он доказал латинянам самим делом, что и между римлянами есть храбрые люди.

* Ворота города, в ряду других ворот с сухого пути ближайшие к воротам Влахернским.

** То есть Ирининскими, по имени первой супруги императора Мануила Ирины, или, как она называлась прежде, Берты, дочери баварского графа Беренгара фон Зульцбах и родной сестры Гертруды, жены немецкого императора Конрада. О высоких личных достоинствах этой государыни и о глубоком уважении, которым она пользовалась у царя Мануила, наш автор говорил выше *см.* Царствование Мануила. Кн. 1, § 2, по нашему переводу том 1, стр. 67.

Равным образом выходили иногда на вылазку, особенно через то дворцовое здание, о котором мы сейчас отдельно упомянули, отряды пехоты и завязывали с неприятелем непродолжительную битву. Изредка также неприятели стреляли во дворец из камнеметных машин и в свою очередь со стен города летели в них тяжелые камни, бросаемые также машинами. Наконец семнадцатого числа месяца июля неприятели положили и с суши и с моря произвести решительное нападение, по-видимому, с намерением, достигнут ли своей цели или не достигнут, вступить после того в переговоры, потому что во всяком случае выигрыш должен был быть на их стороне. И вот одни стали со своими кораблями против Петриона*, укрыв их воловьими кожами, чтобы защитить от огня, и увешав по реям веревочными лестницами, которые посредством блоков, прикрепленных к мачтам, легко опускались и опять поднимались вверх. Другие установили стеноломный таран и расставили по местам чагротоксотов. Таким образом, по данному знаку одновременно начался общий приступ, и страшная битва заревела повсюду. Латиняне, действовавшие тараном, пробив стену, упирающуюся в море близ того места, которое называется Царские Сходни, открыли доступ внутрь, однако союзными римлянам пизанцами и секироносными варварами были мужественно отражены и должны были отступить, большей частью получивши сильные раны. Между тем осаждавшие с моря, подъехав плотно к городским стенам около Петриона и при помощи шлюпок кинув корабельные якоря на самой береговой земле, начали потом со своих лестниц битву с римлянами, защищавшими башни, и легко обратили их в бегство, пользуясь весьма важным

* *Вариант*: «Против так называемого петрионского лагеря» *см.* Дюканжа Const. Christ. Lib. 1. Pag. 43.

для стрельбы преимуществом в битве и занимая позицию не только выше, но даже почти над головой римлян, потому что корабельные лестницы, быв вздернуты канатами вверх, поднимались гораздо выше городских стен. Овладев после того этой частью стенных укреплений, неприятели бросились в разные стороны и подожгли прилегавшие к стенам городские здания. Открылось жалкое зрелище, извлекшее целые реки слез в соответственность громадности пожара. На протяжении от влахернского холма до Евергетского монастыря все пылало, и пламя пожара разливалось за Девтер*. При виде такого горестного бедствия, поразившего столицу, и под влиянием страха, возбужденного отчаянием, распространившимся в народе, царь наконец кое-как надел оружие. В особенности на него подействовало, когда он узнал, как велико было число недовольных, которые в гневном озлоблении осыпали его поносными и оскорбительными речами, утверждая, что единственно его бездействие внушило врагам дерзкую мысль напасть на самый город, что единственно он сам, не приготовив благовременно никакой защиты осажденному городу, довел до того, что война разразилась под его стенами,— дело небывалое до тех пор,— как будто не было в городе людей, умеющих владеть оружием, или не знал никто, что лучше было предупредить врага, нежели ждать, пока он предупредит, и добровольно поставить себя в то положение умирающего, когда болезнь в последней степени развития не уступает более силе лекарств. Двинувшись, таким образом, из дворца, царь собрал вокруг себя большой отряд конницы и сосредоточил значительную пехотную фалангу, в состав которой поступил весь цвет городского народона-

* Девтер — название местности, находившейся в двенадцатой части города *см.* Дюканжа Constantinopol. Chr. Lib. 2. Edit. Venet. 1729. Pag. 133.

селения, так что сухопутное неприятельское войско, увидав вдруг такое огромное ополчение, вздрогнуло от ужаса. И действительно, быть может, дело приняло бы спасительный оборот, если бы царь или сам сразился с неприятелем, или дозволил вступить в бой своему зятю Ласкарису, неотступно рвавшемуся на борьбу с латинянами. Но мысль о бегстве, неотвязчиво преследовавшая Алексея, и непобедимая робость его ближайших советников помешали ему сделать то, что было должно сделать. Едва только, построив войско, он выступил за стены города, сопровождаемый благословениями всего народа, по-видимому, с намерением крепко стать против латинян, как немедленно с крайним стыдом и позором отступил назад, придав своей попыткой сопротивления еще более надменности и дерзости неприятелю, который, потрясая копьями, горделиво шел по пятам отступавших римлян. Воротившись во дворец, Алексей начал тотчас же готовиться к побегу, как будто хлопоча о том, чтобы город, быстро клонившийся к гибельному падению, пал ранее предназначенного срока, и желая ускорить грозившую ему его ужасную участь. Сообщив о своем решении некоторым из своих наперсниц и родственников, взяв также с собой дочь Ирину, десять центенариев золота и разные царские украшения, сделанные из драгоценных камней и яркого жемчуга, царь около первой смены ночной стражи со всей возможной поспешностью полетел в Девельт, где уже наперед приготовил себе убежище. Трусливейший из людей! Его не остановило нежное родительское чувство к детям; его не удержала любовь к жене; его не тронула судьба великого города, и ничего подобного ему не пришло на ум; но в малодушии, в трусости он променял благо всех городов, областей и всего народа на свое личное спасение, и то — сомнительное! Алексей царствовал восемь лет, три месяца и десять

дней. Мы видели, каков он был на войне; можно прибавить также, что не очень отличался он — чтобы не сказать, что совсем никуда не годился,— и в делах внутреннего управления. Но за всем тем в нем были хорошие стороны. Он имел любезный характер, счастливую наружность и высокий рост. Не было человека добродушнее его. Всякому был открыт свободный доступ к нему, и он никого не отталкивал, ни у кого не отнимал языка суровой встречей или высокомерным взглядом; напротив, всякий желающий мог прийти, свободно просить его о своем деле и даже иногда возражать прямо и открыто. Правда, вокруг него всегда было также множество клеветников и льстецов. Чувствуя угрызение совести за свое преступное дело против брата, он боялся судьбы и постоянно трепетал руки, карающей все темные дела смертных, оттого часто бывал беспокоен и, стараясь казаться беспечным, на самом деле грустил, тревожился и хандрил. Если для царей великое и трудное дело не подрезать в уровень с другими выдающихся из ряда колосьев и не мстить жестоко своим обидчикам, то и в этом отношении нельзя не отдать чести Алексею: он не выкалывал глаз для распространения тьмы, не обрезал ни рук, ни ног, как гроздья с винограда, и не мясничал над людьми. Во все время, пока он облекался в свою печальную порфиру, ни одна жена не надевала черного платья в траур по мужу, которого отняла бы у нее черная смерть. Не горели гневом его глаза, как вечно блестящие камни его короны, и никого не заставил он узнать на опыте, как можно проливать слезы такие же крупные, как его жемчуга.

Вторичное царствование Исаака Ангела вместе с сыном своим Алексеем

1. Итак, Алексей со всей поспешностью летел в Девельт, хотя никто не гнался за ним. Не из-за женщин только бывают беды и не одна любовь к жене может иногда принести более вреда, чем пользы, как глубокомысленно заметил в древности один мудрец, когда, следуя советам жены, наделал бед в своем государстве, но последнее и самое худое дело, когда сам муж — баба. Какого несчастья или какой крайности не придется тогда испытать тем, кто от него зависит? Вот это именно и выпало на долю римлян, которым, к несчастью, судьба посылала императоров беспечных, слабых, преданных удовольствиям, не хотевших принять на себя никакого труда и личную безопасность считавших выше всего. Между тем как Алексей спешил туда, куда поехал, собравшийся в то время во влахернском дворце народ под влиянием того смущения и беспокойства, которое внушали предстоявшие опасности, чрезвычайно горячо принял к сердцу его побег. Всем казалось несомненно, что латиняне, быв так близко распо-

ложены лагерем к городу и не видя более сопротивления, мгновенно с оружием в руках нахлынут на город и ворвутся внутрь стен. Устранив от управления всех свойственников и приверженцев Алексея, равно как императрицу Евфросинию, потому что все они держали сторону изменника, народ в своем крайнем стеснительном положении обратил взоры на Алексеева брата Исаака, томившегося в заключении внутри дворца, подобно тому, как обуреваемые неукротимыми волнами хватаются наконец за так называемый последний священный якорь. Начальник царской казны евнух Константин позвал секироносцев, сказал им приличную речь, между тем собралось общество лиц, которые давно с нетерпением желали вторичного воцарения Исаака, и вот царицу Евфросинию взяли под арест, всех ее родных заключили в темницу, Исаака провозгласили императором, взяли за руку, как слепого,— того, кто теперь должен был смотреть за всем,— и возвели на царский трон! Немедленно Исаак послал вестников к своему сыну Алексею и к вождям латинского войска с уведомлением о бегстве своего царственного брата. Правда, латиняне не воспользовались этим обстоятельством, чтобы, как многие опасались, произвести новое нападение на город; однако, с другой стороны, они не прежде отпустили от себя, по просьбе Исаака, его сына, как уже тогда, когда Исаак изъявил и от своего лица согласие на выполнение тех обещаний, которые сделал им сын его Алексей. А эти обещания, как выше сказано, были такого рода, что латинянам не оставалось желать ничего более ни для своей славы, ни для своих выгод. Соглашаясь на все для восстановления отцовского престола, Алексей, легкомысленное и неопытное дитя, не взвесил и не взял нисколько во внимание ни надлежащего значения некоторых предъявлявшихся ему требований, ни той ненависти, которую латиняне питали к римлянам. Купив,

таким образом, возможность свободно вступить в Константинополь крайним унижением величия царского сана, Алексей в награду за свой подвиг сел в качестве соправителя рядом с отцом на царский трон. Все население города потекло ко дворцу, чтобы посмотреть на отца и сына вместе и обоим воздать поклонение. Спустя несколько дней прибыли во дворец также военачальники латинян, и притом не одни, но в сопровождении знатных между ними лиц. Поданы были им стулья, и все они сели рядом с царями, слушали, как их называли благодетелями, спасителями, разными другими в таком же роде наименованиями, и с самодовольством принимали все подобные величания, едва не отвечая спесиво, что — да, точно, мы наказали властолюбивого Алексея за его шалости и помогли этим несчастным*. Но, не говоря об этом, вообще им расточали всевозможные почести, услуги, внимательность, предупредительность: все, что застал Исаак в царской казне, все, что собрал сам, заключив под арест царицу Евфросинию и всех ее родственников, все начисто, без счета, обеими руками он выпорожнил и перелил в них. Все это, однако, показалось им каплей, потому что нет народа более корыстолюбивого, расточительного и роскошного, как они, и, чтобы залить их жажду денег, нужно было золота целое море Тирренское**. Тогда Исаак святотатственно протянул руку к неприкосновенному, чем, как мне кажется, и разорил вконец и погубил наше дело. Когда не стало у него денег, он пошел за ними в Божии храмы. Началось печальное зрелище. Мало того что отбивали топорами и повергали на пол святые иконы Христовы, что драгоценные оклады

* *Вариант*: «Едва не высказывая прямо, что, действительно, мы возвели на престол Исаакова сына Алексея, испытавшего столько бед с ранней молодости».

** То есть Адриатическое, на берегу которого стоит Венеция.

сдирались с них на переливку не с бережью, а как попало; с такой же точно безбоязненностью похищали из церквей честные и священные сосуды, переплавляли их и отдавали неприятельским войскам в виде обыкновенного серебра и золота. Ни сам государь не почувствовал, как преступно было такое поругание святыни, ни кто-нибудь другой не стал тогда перед ним крепко за благочестие; но все мы, по бессловесию ли или, точнее сказать, по бесчувственности, спокойно допустили эти неистовства совершиться перед нашими глазами, за что, как виноватые, и осуждены были увидеть и перенести ужаснейшее наказание.

Грубая городская чернь, которая никогда ни сама не придумает чего-нибудь доброго, ни другого никого не послушает, кто стал бы учить ее добру, в то время, когда неприятели вторглись уже в римские области, неожиданно бросилась на стоявшие близ моря дома западных иноплеменников, не разбирая ни друга ни недруга и разрушила их до основания. Подобного рода безрассудное и нелепое буйство чрезвычайно вооружило против себя не только амольфийцев, издавна живших между римлянами*, но и поселившихся в Константинополе пизанцев. Притом же царь Алексей прежде своего бегства умел ладить с этими иностранцами, обольщая их добрыми надеждами, и тем много уменьшал горя. Но после его бегства царь Исаак, нарушив, к нашему вреду, прежние условия, променял пизанцев на венецианцев и этим произвел только то, что бывшие наши союзники, отправившись к

* *Вариант*: «...не только венецианцев, явных и всегдашних врагов, но и...». Можно заметить, впрочем, что это чтение вовсе не идет к контексту; автор, очевидно, говорит об оскорблении тех иностранцев, которые доселе были союзниками римлян и помогали им в борьбе с неприятелями, каковы именно были пизанцы и амольфийцы, или, что, по всей вероятности, одно и то же, амальфийцы.

Перее*, где стояли наши враги, с которыми они прежде соперничали, теперь соединились с ними, помирились, подружились и стали во всем действовать заодно. Итак, девятнадцатого числа месяца августа шестого индикта шесть тысяч семьсот одиннадцатого года, 2. несколько французов (так называвшихся в древности фламионов**, пизанцев и венецианцев, составив шайку, отправились в свою очередь грабить имущества сарацинов, как легкую и верную добычу. Переехав*** на лодках в город (потому что решительно ничто не мешало им теперь подъезжать к городу или уезжать обратно), это нечестивое скопище незаметно пробралось к мо-лельне сынов Агари, на простонародном языке называемой Митатом****, и с оружием в руках разграбило все, что в ней было. Злодейство произведено было совершенно неожиданно и сверх всякого чаяния. Однако сарацины, вооружившись чем попало, напали на грабителей; к ним присоединились на помощь и римляне, сбежавшиеся сюда по первому слуху о злодеянии. К сожалению, обиженные не успели достигнуть всего, чего следовало, так как помощники их в скором времени их оставили. Тогда, бросив оружие в сторону, сарацины обратили свою месть против самого города и после недавнего пожара задумали произвести другой, зная по опыту, что ничем нельзя так ужасно отомстить городу и так жестоко наказать его, как огнем. И вот, рассыпавшись в разные места, они подожгли вдруг несколько домов. Разлившись не-

* Переей назывался берег Перы, то есть той части Константинополя, которая одна, отдельно от всех других частей города, находилась по другую сторону Рога.

** *Вариант*: «флавионов».

*** То есть со стороны Перы через Золотой Рог.

**** *μιτάτον*. Рассуждение о том, откуда могло произойти это простонародное название мечети *см.* у Дюканжа, Const. Chr. Lib. 2. Pag. 128.

вообразимо и поедая все, пламя свирепствовало всю эту ночь, весь следующий день и весь заступивший его вечер. Зрелище было невиданное и превосходило всякое описание. Много бывало прежде пожаров в городе, невыразимо ужасных и огромных, но все они в сравнении с настоящим были небольшими вспышками. Часто разбрасываясь и раскидываясь в разные стороны, пламя опять соединялось вместе и представляло собой как бы одно нераздельное течение огненной реки. Портики падали, украшения площадей низвергались, величественные колонны исчезали, как будто что-нибудь удобосгораемое. Ничто не выдерживало силы жара. К общему изумлению, клубы огня, оторвавшись от всепожирающей и несокрушимой среды пламени, проносились по воздуху и зажигали отдаленнейшие здания, перелетая промежуточное пространство подобно брошенным машиной камням или светилам, быстро несущимся по тверди небесной, и оставляя до времени занимавшие обойденное место, строения целыми и неприкосновенными, но потом скоро возвращаясь назад и наряду со всем поедая их дотла. Часто огонь шел прямо по направлению северного ветра, но потом повертывал, как будто встретившись с ветром южным, поворачивал обратно и истреблял назади у себя то, за что, по-видимому, вовсе нельзя было опасаться. Пожар доходил до самой Великой церкви (св. Софии). Все, что было около Милиона*, что примыкало к Макронскому портику** и так называемой местности Синодам,— все это обратилось в прах. Не устоял обожженный кирпич, не выдержали глубокие фундаменты — все уступило силе огня и истлело, как све-

* Милион — обширное общественное здание со сводами и арками *см.* примечание на стр. 249 первого тома Никиты Хониата по нашему переводу, *также* Du Cange. Lib. 1. Pag. 62 et 63.

** Du Cange. Lib. 2. Pag. 114.

тильня! Первая вспышка началась от сарацинской молельни (то есть с приморской северной части города, поблизости к церкви* святой Ирины), отсюда по направлению на восток пожар остановился только уже у великой церкви св. Софии, на запад дошел до самой так называемой Перамы** и в этих пределах разлился потом*** во всю ширину города. Мало того, перебрасываясь с какой-то чудовищной силой, пожар, чего никогда не бывало, истреблял даже загородные здания и сыпавшимися сверху угольями воспламенил и сжег плывший мимо корабль. Таким образом обращены были в пепел и так называемые Домниновские портики****, двойные крытые проходы*****, начинавшиеся от Милиона, из которых один доходил до самого Филадельфия******, и вместе с ними Константиновский рынок и все, что в указанных от востока к западу пределах находилось между северной и южной гра-

* Ibidem. Lib. 4. Pag. 102 et 103. Следовательно, приморской стороной автор называет здесь сторону, омываемую водами Золотого Рога.

** Перамой назывался иногда самый Золотой Рог, то есть тот залив, который отделяет Перу от прочих частей города; но мне кажется вероятнее, что здесь под этим названием разумеется какая-либо известная часть набережной Золотого Рога со стороны города, где была устроена пристань для переезда через Рог на сторону Перы. *См.* Du Cange. Lib. 1. Pag. 16 et 17.

*** По направлению к югу.

**** Так в то время назывались два примыкавшие к Милиону портика, построенные самим Константином на Константиновской площади. Они и прежде горели, но были возобновляемы. Du Cange, Const. Christ. Lib. 2. Pag. 89 et 90.

***** *Вариант*: «и двойные крытые ходы...»

****** *Филадельфием*, то есть Братолюбием, называлось место, где стояли две статуи, поставленные друг другу двумя братьями императорами, детьми Константина, Констансом и Констанцием, в память их первой встречи на этом месте при взаимном свидании по прибытии после смерти своего отца в Константинополь Констанция — с востока и Константа — с запада. Du Cange. Ibidem. Lib. 2. Pag. 136 et 137.

ницей города. Не уцелел и ипподром*: вся западная часть его сгорела совершенно, равно как все, что было по направлению от нее к Софии**, что тянулось по Викану*** и далее — до самой Елевфериевской пристани****. Так как пожар, следовательно, перепоясал город от моря до моря*****, представляя собой как бы одну огромную всепожирающую пасть или одно непрерывное течение огненной реки, то невозможно было без значительной опасности подать помощь родным или знакомым иначе, как подъезжая на лодке. Большей частью городские жители просто бросали тогда свое имущество, потому что огонь появлялся и там, где его нисколько не ожидали; а если иные и переносили свои пожитки на другие места, то также не успевали спасти их, потому что разными изгибами, поворотами, уклонениями с прямого пути или даже обратной дорогой, огонь добирался до них и на их новых местах. Увы, где теперь все эти изящные и великолепнейшие терема с их разнообразной роскошью, несметными богатствами и всем, что так пленяло в них всякого******!

* Ипподром находился в третьей части города. Ibid. Lib. 1. Pag. 56; Lib. 2. Pag. 83 et 84.

** То есть к Софийской пристани со стороны Пропонтиды. Ibid. Lib. 1. Pag. 52.

*** Так назывались семь башен городской стены со стороны Пропонтиды, взаимно защищавших друг друга и находившихся, как можно заключать из настоящего указания нашего автора, на протяжении от Софийской пристани до Елевфериевской; а по ним, вероятно, так же называлась и местность внутри города, соприкасавшаяся с ними. Ibid. Lib. 1. Pag. 19 et 20.

**** Елевфериевская пристань, как уже сказано, находилась также на стороне города, обращенной к Пропонтиде. Подробнее о ней *см.* Du Cange. Lib. 1. Pag. 53 et 54.

***** То есть: «Так как пожар охватил город во всю ширину его от Золотого Рога, где начался, до самой Пропонтиды...»

****** *Вариант*: «Увы, где теперь мои изящные и великолепнейшие дома, полные всякой благодати, где моя богатая и при всем том никого не оскорблявшая жизнь?»

При виде таких ужасных бедствий царь Исаак, во всяком случае, скорбел, хотя не столько, сколько следовало; но сын его Алексей не только не выказывал ни малейшей скорби, а, по-видимому, желал даже, чтобы за один раз истреблено было все окончательно. И в самом деле, мог ли желать чего-нибудь доброго этот выродок отечества, своим огненным лицом напоминавший того злого ангела-истребителя, о котором говорит Писание! Еще не совсем остановился пожар, как уже начали опять собирать и переплавлять церковные драгоценности усерднее прежнего. Со своей стороны латинские солдаты употребляли доставляемое им таким образом серебро и золото на свои телесные нужды, как совершенно обыкновенную ценность, и предлагали их на рынке в продажу желающим, говоря, что им в этом нет греха, так как они получают свое жалованье, не зная, откуда собраны следующие им суммы, но что римляне должны будут дать ответ перед судом Божиим, если свое берегут, а Божие отчуждают!

3. Хотя латинские войска обязаны были оказывать содействие Алексею, однако (когда дядя его, прежний царь Алексей, оставив Девельт, занял Адрианополь в надежде снова возвратить себе царский престол, от которого убежал, предав его в жертву безумным соискателям) маркиз Бонифатий не иначе согласился ему помочь и пособить, как под условием, чтобы он заплатил за это еще шестнадцать центенариев золота. Выступив, таким образом, в поход, Алексей заставил своего дядю Алексея бежать еще гораздо быстрее и гораздо далее, чем прежде. Затем он обошел города Фракии, устроил их управление или, лучше сказать, обобрал их начисто (потому что сопровождавшее его войско старалось всячески черпать струи золотого потока и пило подобно ужаленным жаждотворной змеей, не зная насыще-

ния), спустился к Кипселлам и оттуда возвратился опять в Константинополь, весь преданный партии, которая помогла дяде его Алексею ослепить и низвергнуть с престола его отца. В крайнем негодовании на это Исаак, выжидавший только удобного времени, чтобы обнаружить давно затаенную в душе своей ярость против тех, которые поступили с ним так жестоко и неумолимо, постоянно осуждал поведение своего сына, тем более что не мог не замечать, как принадлежавшее ему значение постепенно слабело, уменьшалось и мало-помалу переходило к сыну. В особенности его мучила перемена в порядке провозглашения царских имен: имя его сына возглашалось теперь первым и так громогласно, что от шума готовы были треснуть стены дворца; его же собственное имя провозглашалось низшим тоном и раздавалось, как будто эхо, после громогласнейших провозглашений сыновнего. Не будучи, однако, в состоянии сделать что-нибудь против того, что делалось, Исаак только ворчал про себя и перед теми, кому открывал доступ к заветным тайнам своего сердца, жаловался на сына, говоря, что не осталось в нем ничего доброго, что он нисколько не думает исправиться, но становится похож на человека совершенно потерянного, обращается в кругу людей испорченных и подражает их нравам. Впрочем, Исаак не напрасно и не несправедливо отзывался так о своем сыне; в Алексее было действительно много разных и несравненно важнейших пороков, которыми он запятнал высокую и именитую славу римского трона. Уезжая в сопровождении небольшого числа спутников в палатки к варварам, он пьянствовал там и целые дни проигрывал с ними в кости. Товарищи его забав снимали с его головы золотую, усыпанную каменьями диадему и надевали на себя, а на него нахлобучивали косматую шерстяную шапку латинского из-

делия*. Но пусть Алексей своим безрассудным поведением подобного рода возбуждал отвращение к себе в благонамереннейших из латинян и благомысленнейших из римлян; отец его Исаак был не более привлекателен. Он снова принялся за свои уродливые предположения и начал опять постоянно заниматься оракулами и предвещаниями, еще более нелепыми, чем в первое царствование. Тогда он мечтал о всемирной монархии и был совершенно убежден, что, соединив под своей властью восток и запад, достигнет всемирного владычества; теперь сверх этого ожидал еще, что слепота его пройдет, что его увечье сойдет с него, как кожа со змеи, и он явится совершенно новым, вполне богоподобным человеком. Несколько нечестивейших и богоненавистных иноков, отрастивших на своей глубокой почве длиннейшую бороду, единственно в посмеяние над собой облекшихся в боголюбезный иноческий образ и только гонявшихся за царскими трапезами, обедая вместе с Исааком, поглощая разного рода самую свежую, самую жирную рыбу и попивая цельнейшее старинное душистое винцо, обыкновенно устраивали вместе с ним на словах его будущую всемирную монархию, а иногда, подняв кривые руки** и коснувшись ими его глаз, предсказывали, что вот уже скоро они обновятся и окрепнут. При подобных речах царь таял от удовольствия и восторгался этой пошлой лестью блюдолизов, как будто непреложными обетованиями Божиими. Равным образом он был также очень расположен к астрологам и часто руководствовался в своих распоряжениях их внушениями. Так, по их совету он приказал снять с пьедестала и перенести из ипподрома в большой дворец Калидонского Кабана[12], который был пред-

* *Вариант*: «шапку латинского изделия, называемую капуцином».

** *Вариант*: «его вывихнутые руки».

ставлен яростно бросающимся (на льва), с поднявшейся от злости щетиной,— в полной уверенности, что после этого он всегда будет в состоянии укротить кабанье свирепство и грубое буйство городской черни. Однако спустя самое небольшое время пьянейшие из городских пьяниц бросились на статую Афины[13], стоявшую на колонне среди Константиновской площади, и раздробили ее в мелкие осколки, потому что этой безумной сволочи пришло в голову, будто она сделана для западных войск. Статуя величиной возвышалась до тридцати футов*. На ней была одежда из меди, из которой она была вся отлита. Одежда ее спускалась до самых ног и во многих местах была собрана в складки, чтобы не обнаруживать того, что природа назначила скрывать. Пояс Арея, охватывая ее стан, стягивал его довольно сильно. Крепкие груди прикрывала доходившая до плеч испещренная эгида с изображением головы Горгоны. Обнаженная и несколько длинноватая шея имела дивно прелестную форму. Медь была так послушна художнику, что уста статуи, казалось, каждую минуту готовы были издать мелодический голос. Можно было даже различать направления жил под кожей, и сгибы тела, где им следовало быть, складывались так естественно, как будто бы все оно было одушевлено; так что бездушное изваяние, по-видимому, блистало всей свежестью жизни, очаровывая взоры упоительной красотой. Шлем с конским хвостом на голове придавал, однако, красавице некоторого рода грозный вид. Зато волосы, заплетенные и завязанные назад, несколько спускаясь по сторонам лба, приятно нежили глаз, так как не были совершенно собраны под шлем, но выдавались несколькими прядями. Левая рука поддерживала складки платья, а правая была протянута, указы-

* Фут заключал в себе четыре пяди, или около 12 дюймов.

вая на юг; голова слегка склонялась в указываемую сторону, и туда же устремлены были взоры, вследствие чего невежи, нисколько не понимавшие даже положения стран, ошибочно судя и превратно толкуя, вообразили, будто статуя смотрит на запад и как бы зовет рукой с запада войска.

И вот эта мысль заставила их разбить статую Афины или, лучше сказать, постоянно унижаясь более и более и поднимая оружие против себя, они наконец не в силах были выносить даже изображения мужества и мудрости! Между тем наши императоры занимались по-прежнему единственно только сбором денег, потому что жадность тех, кому они отдавали их, была неудовлетворима, и чем более им давали, тем более в них разгоралась страсть к золоту. Предположено было поэтому произвести сбор податей даже с константинопольских граждан, но так как подобная мера не могла обойтись без большой тревоги (потому что народ, раздраженный ненавистным требованием, взволновался, как безграничное и вольное море при сильном ветре, угрожая бунтом), то, оставив это предположение, цари принялись для удовлетворения латинской ненасытности обирать, в частности, людей более богатых. В свою очередь вся тяжеловесная золотая утварь Великой церкви, с присоединением к ней даже серебряных подсвечников, была теперь также отобрана, переплавлена и в виде смеси, святотатственно составленной из несмесимого, брошена, просто сказать, на съедение собакам*.

4. Однако и такого рода подвиги, доходившие до явного беззакония, отнюдь не достигали цели. Западные золото-

* Вариант на слова: *В свою очередь… на съедение собакам.* «Золотые пелены и священные покровы Великой церкви, дорогие, сделанные из нитей золота, равно как ручники и кадила, были теперь также перелиты, переплавлены и употреблены на пищу и питье грабителей».

промышленники, пользуясь простотой римлян и играя неразумием их государей, требовали, чтобы одни доставляли им грузы дорогих веществ, а другие стояли при выгрузке и таскали им эти тяжести, одни привозили золото, а другие готовились везти, и чтобы так делалось постоянно. Вследствие своего недовольства римлянами они под предводительством попеременно то одного, то другого из своих вождей нападали поэтому на загородные увеселительные места, на святые церкви Пропонтиды, на великолепные загородные царские дворцы, грабили все, что находили там, и предавали их огню, так что не оставили в целости ни одного прибрежного здания, как истинные варвары, неспособные понимать ничего изящного и созданные единственно для того, чтобы все разрушать. Часто они подплывали даже к берегам самого города и затевали войну. Впрочем, победа иногда оставалась при этом на стороне римлян и вообще недаром доставалась противникам, так что жители города, ободрившись в некоторой степени, приступили к царю с просьбой, чтобы он с войском помог им, верным сынам отечества, в отражении неприятелей, если только он не на одних словах привержен к римлянам и не сердечно предан латинянам. Однако их просьба не повела ни к чему, потому что и самому Алексею казалось неестественно или даже пагубно в его положении восставать против латинян, и отец его Исаак советовал ему не обращать ни малейшего внимания на требования толпы, а напротив, оказывать как можно более уважения людям, которые возвратили его в отечество*. Того же мнения держалось

* Вариант на слова: *потому что и самому Алексею... в отечество.* «Потому что Алексею невозможно было воевать с франками после того, как он дал им все возможные клятвы и обещания. С другой стороны, отец в то же время говорил ему: „Оставь их — пусть они кричат; ты должен оказывать всякое уважение требованиям латинян, потому что они возвратили тебя в твое отечество“».

молодое поколение царского рода, по юности сочувствуя юному Алексею. Иные под веселый час назвались даже латинянам в задушевные друзья* и теперь отвергали желания граждан, как пустые речи, потому что боялись войны с латинянами более, чем стадо оленей боится рыканья льва. Один только Алексей Дука, прозванный своими сверстниками Мурцуфлом за то, что у него брови сходились и как бы висели над глазами,— увлекаясь притом главным образом жаждой царской власти и поэтому заискивая благосклонности граждан,— не боялся войны с латинянами и представил прекрасный образец своего мужества, сразившись с неприятелями близ так называемого Просверленного Камня и находящейся там арки. Но так как никто из бывших при этом прочих отечественных военачальников, повинуясь воле царя, не решился оказать ему в то время своего содействия, то он едва не попал в плен, потому что конь, на котором он сидел, упал на колена, причем вся масса противников бросилась на одного нашего вождя, и только новобранский отряд стрелков, составившийся из жителей города, выручил его из беды. После этого народ, не найдя в правительстве никакого сочувствия и никакой помощи себе тогда, когда был извлечен меч против латинян, начал подготавливать восстание, кипятиться подобно котлу на огне, обдавать государей паром горячих порицаний и выводить наружу мысли, которые уже давно в нем пригревались и таились. Наконец двадцать пятого января седьмого индикта шесть тысяч семьсот двенадцатого года** в Великой церкви составилось чрезвычайно огромное собрание. Силой заставили явиться сюда также сенат, собор архиереев и почетное духовенство для общего

* *Вариант*: «Иные заключили с франками дружбу **и побратимство»**.

** То есть 1204-го года от Рождества Христова.

рассуждения об избрании нового царя. Когда потребовали моего личного мнения о том, что следовало делать в настоящих обстоятельствах, я решительно не согласился подчиниться приговору людей, которые предлагали немедленно низложить царствующих государей и на их место поставить нового царя, потому что я очень хорошо понимал, что, по меньшей мере, новоизбранный будет устранен как по разным другим причинам, так особенно потому, что латинские полководцы опять всеми силами ухватятся и станут за Алексея. Но народ, эта масса, не останавливающаяся ни перед чем, бурная, ничего не способная понять, кроме того, чего упрямо захочет, твердил, что не хочет более царствования Ангелов и что собрание не иначе разойдется, как по избрании угодного им правителя. Зная по опыту, что его упорства нельзя переломить, я сложил руки и, жалуясь на нашу несчастную судьбу залился слезами, обильно струившимися по моим щекам, потому что, разумеется, наперед предвидел, что будет. Между тем заправители собрания горячо занялись приисканием желанного государя и без всяких предварительных соображений предлагали в императоры то одного, то другого из круга высшей знати. Забраковав всю знать, они начали потом выбирать в цари коноводов черни, народных льстецов, даже некоторых из нашего сословия*: схватят за руку, вытащат на середину и с обнаженными мечами в руках начнут убеждать идти в венценосцы! Ох-ох-ох, что могло быть прискорбнее и тяжелее подобной пытки или что можно представить себе смешнее и бестолковее дурачества тогдашнего сборища? «*Ризу имаши: началовождь нам буди*» (Исаии 3, 6) — вот как просто решали тогда дело! 5. В заключение всего через три дня взяли одного молодого чело-

* То есть из сословия сенаторов.

века, по имени и прозванию Николай Канавос, и против его воли помазали его в цари. Когда дошло это до сведения царя Алексея (Исаак лежал при последнем издыхании*, таким образом, многочисленные предсказания о его всемирном владычестве с его смертью кончились ничем и улетели, как грезы больного), он пригласил к себе маркиза Бонифатия, и, рассудив вдвоем о существовавших обстоятельствах, оба они положили, что нужно ввести во дворец латинское войско, чтобы таким образом низложить новопоставленного царя и поставивший его народ. Едва только их намерение сделалось известным**, Дука Мурцуфл решился воспользоваться этим отлично удобным случаем для замышленного им переворота и кроме большого числа своих родственников склонил на свою сторону евнуха, управлявшего царским казнохранилищем,— человечка очень слабого перед приманкой почестей и весьма податливого на взятку. Тот, собрав секироносцев и сообщив им намерение императора, предложил им обсудить, угодно ли им будет то, чего желают все римляне***; само собой разумеется, что он склонил их на свою сторону весьма скоро. После этого низложение императора было разыграно как будто на сцене. В глубокую ночь Дука вошел к государю (так как был к нему ближе всех, имея сан протовестиария и

* *Вариант*: «Исаак в это время кончался и испускал последний вздох».

** Должно заметить, что оно сделалось известным через самого же Дуку Мурцуфла, которого посылал Алексей секретно пригласить к себе маркиза Бонифатия и который до последней минуты царствования Алексея пользовался его полнейшим доверием, потому что казался его усердным и преданнейшим слугой.

*** Вариант на слова: *Тот, собрав... чего желают все римляне.* «Имея, между прочим, в виду также грозившую впереди опасность, он созвал варягов и начал толковать с ними как будто от имени царя. Вот что, сказал он, думает царь! Хорошо и справедливо будет то, чего хотят и чего нетерпеливо желают теперь все».

право носить разноцветные* сандалии) и с тревожным участием сказал ему, что его родственники, множество неизвестных людей и впереди всех секироносный отряд варваров бешено рвутся в дверь с целью собственноручно разорвать его за очевидное единодушие и дружескую связь с латинянами. Пришедши в ужас при таком известии и почти не владея сознанием, император обратился к нему с мольбой дать совет, что ему делать. Дука окутал его на скорую руку широкой, спускавшейся до ног домашней одеждой, схватил за руку и торопливо, как будто с целью скорее спасти, повел его через потайную дверь в секретную комнату**, находившуюся внутри дворца. Император почти благодарил его за все его участие при этом и как бы говорил ему словами Давида: «*Скры мя в селении своем в день зол моих, покры мя в тайне селения своего*» (Псал. 26, ст. 5); тогда как он на самом деле действовал согласно с изречениями других псалмопений Давидовых, в которых говорится: «*Устне льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая* (Псал. 11, ст. 3),— *яко мне убо мирная глаголаху, и на гневе лести помышляху* (Псал. 34, ст. 20)». Немедленно затем император был закован по ногам в железные цепи, брошен в самую ужаснейшую тюрьму и исчез под покровом мрака, а Дука возложил на себя отличия царского сана. После того одни явились к Дуке и ему принесли обычные при восшествии императоров на престол поздравления, а другие собрались к державшемуся при Великой церкви Канавосу, человеку вообще добродушному, благонамеренному и не лишенному военных дарований. Но так как у константинопольцев (правда должна быть выше любви к соотечественникам) всегда получало перевес то, что

* *Вариант*: «...носил зеленые полусапожки...».

** *Вариант*: «...в тайную, самую сокровеннейшую комнату дворца...».

хуже, то Дука брал верх и усиливался, а Канавос постепенно терял свой блеск, подобно склоняющейся к ущербу луне. Наконец, спустя немного, оруженосцы Дуки арестовали его и заключили под стражу; так что из всего собрания, венчавшего его на царство, ни одного человека не явилось к нему на защиту, и все, провозгласивши его царем, затем рассыпались в разные стороны. Что же касается императора Алексея, то Дука два раза подносил ему чашу с отравой, но так как юная натура крепко противилась действию яда, к тому же молодой человек тайно принимал противоядия, то он пресек нить его жизни петлей или, так сказать, выгнал и препроводил в ад его душу тесным и прискорбным путем, после акробатического царствования, продолжавшегося шесть месяцев и восемь дней.

Царствование Алексея Дуки Мурцуфла

1. Окончательно утвердившись на престоле, Дука задумал много перемен и надеялся все перевернуть по-своему. Это был человек хитрый и в то же время весьма самонадеянный, полагавший всю правительственную мудрость в скрытности и рассчитывающий при помощи ее, к общему изумлению, вдруг явиться со временем, в веках отдаленной будущности, благодетелем своего отечества, в силу того правила, что, как он говорил, царю следует действовать не опрометчиво и безрасчетно, но осмотрительно и неторопливо. Такого образа мыслей он держался как по своему собственному убеждению, полагая, что он сам знает все, что нужно, и что его одного станет на все дела, так равным образом по советам своего призрачного сотрудника, тестя своего Филокалия. Желая поставить этого человека во главе сената, Дука без всякой благовидной причины отставил меня от должности секретологофета* и определил его на мое место. Со сво-

* О значении этой должности сделано замечание выше, на стр. 91.

ей стороны Филокалий, человек, совершенно отвыкший от всякой близости с другими, между тем по необыкновенному честолюбию робко простиравший свои притязания за пределы должного, чтобы не сидеть рядом с некоторыми другими сановниками, притворился больным подагрой, как будто вместе с ногами потерял мозг и вследствие того за утратой умственных способностей получил право пренебрегать приличиями*. Царские сокровищницы Дука нашел не только не переполненными через край или даже не только убавившимися наполовину, но совершенно пустыми и потому немедленно по воцарении начал жать, где не сеял, и собирать, где не расточал. Он обложил тяжелыми взысканиями все лица в сане кесарей и севастократоров, занимавшие прежде, в правление Ангелов, высшие правительственные должности, и вырученные отсюда деньги обратил на государственные расходы. Прежде всего и нетерпеливее всех желал он окончательно отразить латинян, считая это дело легким, поэтому увеличил бревенчатыми надстройками высоту прибрежных стен города, огородил земляные** ворота укреплениями

* Вариант на слова: *Со своей стороны Филокалий... пренебрегать приличиями.* «Не зная порядков управления, Филокалий много делал не так, как следовало, и распоряжался нерешительно. Между тем никому из приходивших к нему лиц он не хотел уступить первого места при входе или при выходе и поэтому притворился больным подагрой, как будто все люди были дураки и ум у всех ушел в пятки».

** Земляными воротами, в противоположность прибрежным, назывались все ворота той стороны константинопольских стен, которой они обращены были к материку, так как прочие стороны города омываются морем. Всех их было восемнадцать, и они следовали, начиная от Золотого Рога, по направлению к Пропонтиде в следующем порядке: 1) Ксилокеркские, 2) Керкопортские, 3) Влахернские, 4) Гиролимнские, 5) Иоанна Крестителя, 6) Бестелесных сил, 7) Каллиниковские, 8) Харсийские, 9) Романовские, 10) Полиандрийские, 11) Новые, 12) Пемптские, 13) Атталовские, 14) Карейские, 15) Меландизийские, 16) Золотые, 17) Ригийские и 18) Древние.

и собственным примером одушевил войско. Много раз, опоясавшись мечом, с медной булавой в руках, он собственноручно то отражал неприятельские нападения, то сам храбро и неожиданно нападал на неприятелей, когда они разрозненно бродили за поиском продовольствия. Этим он очень нравился горожанам, хотя в то же время часто возбуждал ропот и неудовольствие против себя со стороны своих родственников. Воспитанные в неге и избалованные роскошью, они упорно отворачивали голову и отклонялись от него, как одержимые болезнью от неприятного лекарства, когда он заставлял их держать себя строго и вести жизнь добропорядочную. Слушать его упреки и брань (а надобно заметить, что голос у него был чрезвычайно сильный и резкий и горло широкое) было им так же противно, как отведать полипа, покушать чемерицы или напиться бычьей крови*, и они желали его погибели, как милости божеской. Однажды, когда Балдуин, граф фландрский, опустошал окрестности Филея и собирал там подати, выступил против него царь. Войска их встретились и завязали между собой битву, но римляне скоро оробели и бросились в поспешное бегство, так что царь, оставшись один, едва не погиб, и икона Богоматери, которую римские цари обыкновенно брали с собой в сражение, досталась противникам. Впрочем, если уже это было ужасно, то впереди следовало ожидать бед гораздо более худших и ужаснейших, потому что на больших кораблях опять устраивались страшные лестницы, готовились всякого рода машины, развевались флаги, и латиняне предлагали необыкновен-

* Автор, приводя эти сравнения, продолжает свое сопоставление изнеженных родственников Дуки с больными. Чемерицу, равно как, вероятно, и другие называемые им противные вещества, древние употребляли как лекарство против разных душевных болезней: сумасшествия, слабоумия и под... (далее неразборчиво. — *А. И. Цепков*).

но большое жалованье тем, кто изъявит желание поступить на их корабли для битвы.

2. Таким образом, беда шла за бедой: одна приходила, другая вслед за ней виднелась впереди. О заключении мира не было даже речи, и все переговоры были совершенно прерваны или, лучше сказать, всякий раз решительно прерываемы какой-то злой силой. Так, дож Венеции Генрих Дандуло, решившись вступить в переговоры с царем о заключении мира, сел однажды на трехгребный корабль и подъехал к берегу у Козьмодемьянского монастыря; сюда же на коне приехал царь. Оставив в стороне все поводы к неудовольствиям, они повели речь о мире. Венецианский дож вместе с прочими латинскими вождями требовал немедленно, не сходя с места, отсчитать им пятьдесят центенариев золота, прибавляя к тому еще несколько других подобных условий, обидных и унизительных для людей, которые всегда наслаждались свободой и привыкли не повиноваться, а повелевать, стоивших по своей тяжести хороших лакедемонских плетей, хотя для тех, кому, в противном случае, предстояла, во-первых, опасность общего плена, а затем, во-вторых, само собой разумеется, грозила общенародная погибель, конечно, более или менее сносных и, во всяком случае, не самых ужасных. Но в то время, как шла речь о мире, вдруг на возвышении показались латинские всадники, несшиеся во весь опор на царя, так что он, быстро поворотив коня назад, едва избежал опасности, а из его свиты некоторые были взяты в плен. Непомерная ненависть к нам латинян и крайнее несогласие наше с ними не допускали между нами ни на одну минуту мысли о дружелюбии. Между тем большие неприятельские суда, на которых приготовлены были испробованные уже лестницы и все необходимые для осады орудия, отплыли от берегов (Перы), выстроились в ряд по протяжению го-

родских стен и, ставши в известном расстоянии друг от друга, заняли параллель всего пространства, которое по прямой линии простирается от Евергетского монастыря до влахернского дворца и которое после пожара представляло собой выгоревшую, изрытую, полную развалин и совершенно запустевшую местность. Сделав со своей стороны также соответственные распоряжения против врагов, Дука приказал поставить царскую палатку на кургане Пантепоптского монастыря, откуда можно было видеть неприятельские корабли и даже различать, что на них делалось. Наконец утром девятого числа месяца апреля седьмого индикта шесть тысяч семьсот двенадцатого года корабли вместе с дромонами подплыли к самым стенам, отважнейшие из неприятельских солдат взобрались на лестницы, и всякого рода выстрелы посыпались на римлян, засевших в башни городских стен. Весь этот день продолжалась таким образом жестокая битва, и, по-видимому, римляне взяли верх, потому что корабли с осадными лестницами и конновозные дромоны принуждены были отступить от стен, ничего не сделавши, а бросанием камней из города было истреблено весьма значительное количество неприятелей. Переждав следующий день и наступившее затем воскресенье, неприятели снова подплыли потом к городу и стали подле самого берега; это было двенадцатого числа месяца апреля, в понедельник шестой недели Великого поста. До полудня наши все еще одолевали, хотя страшная битва была сильнее и ужаснее, чем третьего дня. Но так как царю всех городов суждено уже было подпасть под иго рабства и Бог определил укротить и обуздать нас, ибо все мы, от пастыря до простолюдина, забылись, как рьяные и неукротимые кони, то вот два человека, отдавшись на произвол судьбы, первые из союзного войска соскакивают с одной лестницы, находившейся близ самого Петриона и

действовавшей против царя, бросаются на ближайшую башню городской стены и приводят в трепет защищавший ее отряд римлян! Потрясая над головой руками в знак радости и ободрения, они увлекли потом вслед за собой других более храбрых своих соплеменников. Почти одновременно с ними вторгся в башню через бывшие в ней ворота один всадник, по имени Петр, который, по-видимому, один в состоянии был обратить в бегство целые фаланги: это был великан, своим громадным ростом напоминавший девятисаженных гигантов, так что каска, которую он носил на своей голове, казалась укрепленной башней какого-нибудь города. Будучи не в силах взглянуть на высокое чело одного этого рыцаря поразительной наружности и необыкновенной величины, благородные люди, составлявшие царскую свиту, а за ними и все войско почли лучшим средством спасения обычное бегство, соединившись и слившись все как бы в одну неблагородную душу. В робости оставив неприятелям укрепленные позиции (на высоких холмах), римские войска тысячами бежали от одного, быв задерживаемы в своем бегстве через золотые земляные ворота города новопостроенной вокруг них прочной оградой, они проломили ее, бросились далее и рассеялись в разные стороны, стремясь, куда им и следовало, в бездну и совершенную погибель. Между тем неприятели, не встречая никакого сопротивления, рассыпались по всему городу и обратили меч против людей всякого возраста и пола. Они не заботились более о сохранении между собой воинского порядка и строя, но разбрелись отдельными беспорядочными толпами, как победители, внушавшие уже непреодолимый страх побежденным. Вечером латиняне произвели в восточной части города, несколько впереди Евергетского монастыря, пожар, который и истребил всю эту сторону, начиная отсюда по направлению к морю до самого друнгарие-

ва дома*. Затем они собрались опять и стали лагерем около Пантепоптского монастыря, разграбив царскую палатку и овладев даже самым влахернским дворцом без всякого усилия и без сопротивления. В это время царь, появляясь то там, то здесь, в разных улицах города, старался вооружить и соединить в стройное ополчение скитавшийся там народ; но ни убеждения ни на кого не действовали и не воодушевляли никого, ни укоризн никто не слушал, и на всех налегла эгида отчаяния. Словом сказать, кончился день, наступила ночь, и каждый из жителей города спешил куда-нибудь унести и спрятать свое имущество, иные совсем оставляли город, и все принялись спасаться кто как мог.

3. Видя, что все усилия безуспешны, а с другой стороны, опасаясь сам быть схваченным и попасть своего рода лакомым кушаньем или десертом в зубы латинян, Дука бросился в большой дворец и, посадив с собой на шлюпку супругу царя Алексея царицу Евфросинию и дочь ее Евдокию, в которую был влюблен,— с ранних лет бесстыдный развратник и сластолюбец, без всякой справедливости разведшийся уже с двумя законными супругами,— оставил город, царствовав два месяца и шестнадцать дней. Когда таким образом царь покинул столицу, двое скромных и известных военными дарованиями юношей (Дука и Ласкарис, именами же оба они

* Друнгариевым домом называлось здание, в котором помещалось главное судебное место морского ведомства, или адмиралтейство, называвшееся обыкновенно *секретом* или *дикастерией великого друнгария*. Впрочем, потому ли, что морское ведомство было в правление Ангелов вообще крайне запущено, как это читатель мог видеть из предшествовавшей истории, или потому, что, может быть, секрет великого друнгария был переведен в другое помещение, чего, однако, ниоткуда не видно, во всяком случае, в так называвшемся друнгариевом доме вместо адмиралтейства была устроена благотворительностью царя Исаака Ангела общественная больница. *См.* Царствование Исаака Ангела. Кн. 3, § 7, стр. 100.

напоминают верховного начальника веры*), видя, что Римская империя, это обширнейшее и вместе знаменитейшее государство, предоставлена распоряжению случая и игре слепой судьбы, начали спорить между собой о верховной власти, как о корабле, разбиваемом бурей. Они пришли оба в Великую церковь, и каждый из них стал доказывать свои права на престол, стараясь пересилить и преодолеть один другого, но в существе дела не имея сравнительно с другим ни преимущества, ни недостатка, потому что оба были одинаково достойны и никто по справедливости не мог ни укорить, ни исключительно поддержать того или другого. Наконец клир отдал предпочтение Ласкарису, который, впрочем, не возложил на себя знаков императорского достоинства**. Вышедши вместе с патриархом из церкви в Милион, Ласкарис начал неотступно увещевать и поощрять собравшийся сюда народ к сопротивлению неприятелям. Равным образом он возбуждал идти на предстоявшую битву и секироносцев с их бранными железными оружиями на плечах, говоря, что им также надобно не менее римлян страшиться бедствий, если управление Римской империей перейдет к чужеземцам, потому что они не будут уже тогда получать такой богатой платы за службу и не удержат почтенного звания охранной царской стражи, но будут зачислены в неприятельское войско даром наряду со всеми. Однако, несмотря на все его усилия, никто из народа не отозвался на его голос и даже секироносцы обещали содействие только за деньги, бесчестно и

* Вариант на слова: *именами же... веры*. «По имени тот и другой Феодор». Следовательно, употребляемая автором фраза указывает на производство этого имени от слов: *Θεὸς* — «Бог» и *δῶρον* — «дар».

** То есть, видя падение империи, Ласкарис до времени восстановления ее принял вместо высокого императорского титула более скромный титул деспота.

воровски считая крайнюю опасность положения удобнейшим временем торговаться; между тем появлялись уже латинские фаланги латников, поэтому он должен был наконец удалиться отсюда и решился спасаться бегством.

Со своей стороны неприятели, видя, сверх ожидания, что никто не выходит на битву, никто не противится им и никто не поднимает против них оружия, но везде открыта свободная дорога без всяких признаков сопротивления, улицы не защищены, перекрестки оставлены, война кончена и бывшие противники беспрекословно покорились; что между тем какая-то счастливая звезда вызвала и собрала всех жителей покоренного города им навстречу с крестными знамениями и досточтимыми иконами Христа Спасителя, как обыкновенно устраиваются подобные церемонии в праздничных и торжественных случаях,— видя, говорю, все это, неприятели не изменили своего душевного настроения, не вызвали на свои уста улыбки, не озарились при таком неожиданном зрелище светлой радостью в лице и взорах, но с тем же мрачным и свирепым видом, в полном вооружении, а некоторые даже на своих закованных в плотные панцири и движущихся по звуку трубы конях бесстыдно бросились грабить, начав с возов, как частные, так равно и посвященные Богу имущества. Что же, во-первых, что потом и что наконец рассказать мне об ужасах, совершенных тогда этими *мужами крови*? Увы, вот бесчестно повержены достопоклоняемые иконы! Вот разметаны по нечистым местам останки мучеников, пострадавших за Христа! О чем и слышать страшно, можно было видеть тогда, как божественное тело и кровь Христова повергались и проливались на землю. Расхищая драгоценные вместилища их, латиняне одни из них разбивали, пряча за пазуху бывшие на них украшения, а другие обращали в обыкновенное употребление за своим столом

вместо корзинок для хлеба и кубков для вина, как истинные предтечи антихриста, или предшественники и провозвестники его нечестивых деяний! Что претерпел в древности некогда от этого народа Христос, быв обнажен и поруган, то же самое претерпел от него и теперь: так же точно одежды Его снова делились теперь латинскими воинами на части, по жребиям, и только недоставало того, чтобы Он, быв прободен в ребро, опять источил на землю токи божественной крови. О нечестиях, совершенных тогда в Великой церкви, тяжело даже рассказывать. Жертвенная трапеза, составленная из разных драгоценных веществ, сплавленных посредством огня и размещенных между собой так, что все они искусным подбором своих самородных цветов представляли верх совершеннейшей красоты, неоценимой ничем и достойной по своей художественности удивления всех народов, была разбита на части и разделена грабителями наравне со всем другим церковным имуществом, огромным по количеству и беспримерным по изящности. Вместо того чтобы выносить из церкви на руках, как своего рода военную добычу, священные сосуды и церковную утварь, несравненную по изящной отделке и редкую по материи, равно как чистейшее серебро, которым обложены были решетка алтаря, поразительной красоты амвон и двери* и которое употреблено было в разных многочисленных орнаментах, везде под позолотой,— они вводили в церковь лошаков и вообще вьючных животных до самого неприкосновеннейшего места храма**, и так как некоторые из них поскальзывались и не могли затем подняться на ноги по гладкости полировки каменного пола, то здесь же и закалывали их кинжалами, та-

* *Вариант*: «красные двери».

** *Вариант*: «Для вывоза тяжестей они вводили животных до самого амвона...»

ким образом оскверняя их пометом и разливавшейся кровью священный церковный помост. 4. Вот какая-то бабенка, преисполненная грехами, жрица нечестия, дьявольская слуга, гудок неприличных, соблазнительных и срамных напевов, хулительница Христова, уселась на сопрестолии, распевая свою визгливую мелодию, и потом бросилась в пляску, быстро кружась и потрясая ногой! И не эти только беззакония совершались именно, а другие — нет, или эти — более, а другие — менее; но всякого рода преступления с одинаковым рвением совершались всеми. Предаваясь до такой степени неистовству против всего священного, латиняне, конечно уже, не щадили честных женщин и девиц, ожидавших брака или посвятивших себя Богу и избравших девство. Притом же трудно и невозможно было смягчить мольбами или преклонить какими-либо жалобами и умилостивить этот варварский народ, до того раздражительный, до того вспыльчивый решительно при каждом противном слове, что все разжигало его гнев и казалось ему нелепым и смешным. Как попадал в беду тот, кто не удерживал перед ними своего языка, так равным образом часто они извлекали меч и против того, кто говорил мало или уклонялся от того, что им доставляло удовольствие. Поэтому всякий должен был опасаться за свою жизнь; на улицах плач, вопли и сетования; на перекрестках рыдания; в храмах жалобные стоны; мужья изнывают от горя; жены кричат: их тащат, порабощают, отрывают от тех, с кем они прежде были соединены телесно, и насилуют! Знатные родом бродили опозоренными, почтенные старцы — плачущими, богатые — нищими. Так — на площадях; так — в закоулках; так — в открытых общественных местах; так и в тайных убежищах! Не было места, которого бы не отыскали или которое могло бы доставить защиту старавшимся как-нибудь спастись, но везде и все было

исполнено всякого рода зол. Христе Царю, что за скорбь, что за теснота была тогда людям! Гласы морские, затмение и помрачение солнца, превращение луны в кровь, звезды, подвигшиеся со своих мест, как и почему не предзнаменовали вы, признаки преставления света, этих бедствий, свойственных кончине мира? По крайней мере, мы уже видели *мерзость запустения, стоявшую на месте святе* (Матф. 24, 15) и изрыгавшую блудные речи, видели и много другого в этом роде, что, хотя не вполне выражало царствование антихриста, однако совершенно противоположно было тому, что у именующихся христианами называется благочестивым и сообразным со словом веры!

Таким-то образом, говорю, из многого малое передавая на память истории, беззаконничали западные войска против наследия Христова, не оказывая решительно никому ни малейшего снисхождения, но всех лишая денег и имуществ, жилищ и одежд и совершенно ничего не оставляя тем, кто имел что-нибудь! Вот он, этот народ с медной шеей, надменным выражением лица, поднятыми вверх бровями, всегда бритыми и как бы юношескими ланитами, кровожадной рукой, раздутыми ноздрями, гордым взглядом, ненасытной пастью, бесчувственной душой, обрубленной и быстрой речью, как будто пляшущей в губах,— или, лучше, вот эти люди, которых они величают разумными и мудрыми, верными клятве, любящими справедливость и ненавидящими лукавство, гораздо более благочестивыми и правдивыми, гораздо более точными блюстителями Христовых заповедей, чем мы, греки,— еще более, вот эти ревнители, подъявшие на рамена крест и многократно клявшиеся им и словом Божиим проходить христианские страны без кровопролития, не сбиваясь и не уклоняясь ни направо, ни налево, вооружить свои руки против сарацинов и обагрить мечи кровью опустошителей

Иерусалима, не соединяться с женщинами, даже не входить с ними в беседу во все время, пока будут нести на плечах крест, как чистая жертва Богу, как шествующие путем Божиим! Все они оказались полнейшими лицемерами: вместо отмщения за гроб Господень явно неистовствовали против Христа; с крестом на раменах беззаконно посягали на разрушение креста; нося его на спине, не страшились попирать его ногами за небольшое количество золота или серебра. Забирая жемчуга, они отвергли единственную многоценную жемчужину — Христа, повергая пречистого самым нечистым животным! Не так в подобном случае поступили потомки Измаила: овладев Сионом, они оказали их соплеменникам самую человеколюбивую снисходительность и благосклонность. Они не разжигали своих взоров на женщин-латинянок, не обращали гробницы Христовой в кладбище падали, входа к живоносному гробу — в путь к аду, жизни — в смерть, воскресения — в падение, но, предоставив всем без исключения свободный выход, назначили определенный выкуп по несколько золотых с человека, оставляя владельцам все прочее имущество их, хотя бы оно было бесчисленно, как песок. И так поступило войско христоборцев с латинянами, в которых видело враждебных себе иноверцев, великодушно не простирая на них ни меча, ни огня, ни голода, ни преследования, ни обнажения, ни сокрушения, ни угнетения, а христолюбивое и единоверное нам воинство поступило с нами так, как мы рассказали в немногих словах, не имея намерения порицать за обиду!

5. О город, город, око всех городов, предмет рассказов во всем мире, зрелище превышемирное, кормитель церквей, вождь веры, путеводитель православия, попечитель просвещения, вместилище всякого блага! И ты испил чашу гнева от руки Господней, и ты сделался жертвой огня, еще более

лютого, чем огонь, ниспавший древле на пять городов! Что скажу о тебе? Чему уподоблю тебя? Преисполнился сосуд *погубления твоего*, как говорил Иеремия, проливая слезы и сокрушаясь печалью о древнем Сионе (Пл. Иер. 1, 13). Какие злотворные силы постигли тебя и обратили в свою забаву? Какие безбожные злодеи, завистливые и безжалостные демоны разгулялись над тобой своим диким разгулом? Итак, непримиримые и беснующиеся завистники не убрали для тебя спальни и не засветили брачного подсвечника, а разожгли истребительные угли? Увы, ты был многочаден, облекался в виссон и царскую порфиру, а теперь столько же грязен, растрепан, обречен на всякие беды и лишен собственных своих детей! Увы, ты прежде был высокотронен, шагал далеко и высоко; ты был величествен по виду, достоин удивления по красоте, а теперь низринут: изорваны твои роскошные хитоны и пышные царственные уборы головные, померк веселый взгляд, и похож ты на старую кухарку, покрывшись сажей от пожаров, со своим лицом, когда-то светлым и радостным, а теперь изборожденным дряхлыми морщинами! Я умалчиваю уже, что есть люди, которые настраивают лиру и воспевают твои несчастья, твою трагедию превращают в комедию за винным столом и пользуются, как ремеслом в жизни, комическим повествованием о твоих бедствиях: пощечинах, пинках, толчках и синяках, достающихся тебе ежечасно. По соизволению свыше в неразумных народах возбудилась зависть к тебе, или, вернее сказать, не в народах, а в темных и бродячих племенах, из которых большую часть если не родил ты, то вырастил и наделил живительным светом,— и кто спасет тебя? Кто утешит тебя? Кто сжалится над тобой? Или кто посетует о тебе? Кто обратится *вопросити яже о мире твоем* (говоря опять словами многослезного Иеремии) или кто облечет тебя в прежнюю одежду? Когда

услышишь ты свыше: «Воскресни, восстани, пиющий сосуд гнева Моего и чашу погибели; облекись в силу твою, облекись в твою славу; отряси прах и воспрянь; свергни узы с выи твоей; распространи место твоей скинии и жилищ твоих; не бойся, что ты посрамлен, и не стыдись, что ты поруган, что *восплескаша рукама о тебе вси минующии путем, позвиздаша и покиваша главами своими, и реша: сей ли град, венец славы и веселие всея земли* (Пл. Иерем. 2, 15)? *И како седе яко вдовица, град умноженный людьми, и владяй странами бысть под данию* (Пл. Иерем. 1, 2)? *Рече бо Господь твой: мало время оставих тя и с милостию великою ущедрю тя. Во гневе мале отвратих лице Мое от тебе, и в милости вечной помилую тя!*» И воспоешь ли ты когда-нибудь Богу, как Давид: *По множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, ст. 19)? Кто восстанет для тебя Моисеем, чтобы воссоздать тебя, или кто явится Зоровавелем, чтобы извести тебя? Когда можно будет тебе *собрать чада свои от четырех ветров*, в которых мы рассеяны, как чадолюбивые птицы собирают под свои крылья птенцов своих? А теперь мы не можем ни взглянуть на тебя свободно, ни броситься в твои объятия радостно, как в объятия матери, и как должно выплакать над тобой слезы, сколько глаз хочет или может; но, боязливо летая вокруг тебя, как воробьи, у которых поймана мать и разорено гнездо, мы жалобно и скорбно чирикаем, быв отогнаны куда-то далеко от твоих объятий, терзаясь голодом и жаждой, зноем и холодом, страдая часто от нечистоты, истаивая душой в бедах, не находя ни дороги, ни прежних жилищ своих в городе, и носимся, блуждая, как птицы перелетные или кометы безорбитные. Еще точнее сказать, мы составляем с тобой одно, несмотря на то, что разрознены; мы связаны с тобой при всем видимом отдалении; мы неразрывны по душе, хотя

разделены по телу, и инстинктивно страдаем вместе с тобой, как некоторые животные разделяют страдания однородных себе животных, пойманных в сети охотниками и заключенных в прозрачные стеклянные клетки. Видя, как в зеркале, в прозрачной клетке однородного себе животного, они не могут соединиться и быть с ним совершенно вместе, поэтому с напрасной мукой вертятся вокруг клетки, будучи смутно поражены новостью его положения, противоположной прежнему обыкновенному состоянию. Так точно и мы можем обращать свои взоры и близко подходить к тебе, но совсем обняться с тобой по-родственному и прижаться к тебе так же смело, как прежде, никаким образом не в состоянии, будучи отделены от тебя варварским войском, как бы какимнибудь твердым телом, гораздо более плотным, чем стекло.

6. Зачем поразил Ты нас, Господи, и нет нам избавления? Знаем, Господи, грехи наши, неправды отцов наших. Престань же, по милости Твоей; не погуби престола славы Твоей. Накажи нас, Господи, да не отступит душа наша от Тебя, накажи по правде, но не в гневе, так, чтобы не уничтожить нас. Излей гнев Твой на языки, не ведающие Тебя, и на народы, *иже не призваша имене Твоего*, Господи! Господи, Ты — Отец наш, мы — перст; Ты наш Творец, и все мы дело рук Твоих. *Воззри, и виждь поношения наша.* Наследие наше перешло к иноплеменникам, дома наши — к чужеземцам. Обрати нас к Себе, и обратимся. Обнови дни наши, как прежде. Право, при подобных обстоятельствах иной раз невольно говоришь такими изречениями Писания!

Но вот уже и самое слово изменяет мне, как будто бы тело слова, сродное душе и живущее ею, истомилось и умерло вместе с тобой, о город, душа слова! Итак, покроем множество жалоб безмолвными слезами и молчаливыми вздохами и оставим дальнейшее продолжение истории! Решится

ли, в самом деле, кто-нибудь заниматься музами в стране, ставшей уже чуждой искусству красноречия и сделавшейся совершенно варварской? По крайней мере, я лично вовсе не желаю воспевать дела варваров и нисколько не имею ревности передавать потомкам повествования о военных действиях, в которых эллины не были победителями. Если Иппократ Коосский, получив приглашение за большие деньги отправиться к современному себе персидскому царю, чтобы навестить его города, сильно страдавшие телесными болезнями, не хотел даже слышать громадных обещаний и оставил варваров гибнуть и горевать, то могу ли я историю, самую прекрасную вещь на свете и самое лучшее изобретение эллинов, посвятить варварским деяниям против эллинов? Пусть все эти варвары пропадают без вести и слуха подобно тому, кто сжег ефесский храм Артемиды, не быв удостаиваемы нами ни одного слова, по крайней мере, до тех пор, *дондеже прейдет беззаконие* и Господь умилостивится над рабами своими. *Ибо несть, несть Бог наш, забывший нас до конца, или удерживающий во гневе Своем щедроты Своя и не прилагающий благоволити к тому*; но, поражая, Он исцеляет и, мертвя, животворит. Хотя Он посылает зубы зверей, злобно неистовствующих на земле, но Он же заключает челюсти львов и сокрушает главу змия. Хотя преломляет, как трость; но и *запрещает зверем тростным* (Пс. 67, ст. 31). *Хотя сии на колесницах, и сии на конех* (Пс. 19, ст. 8): *но ложь конь во спасение и несть благоволения в крепостех мужа**. Хотя показывает своему народу жестокую десницу и растворяет вино скорбью, но и уготавливает *трапезу сопротив стужающим* и простирает чашу человеколюбия и веселия, *упоявающую, яко*

* То есть, хотя враги наши имеют множество военных колесниц и броненосных коней, но кони не принесут им спасения и крепость собственных их сил не защитит их, если Богу будет угодно их наказать.

державна (Пс. 22, 5). Хотя Он изводит наказующих *от конец земли и сущих в мори делече* и через Пророка взывает велегласно: *исполини текут исполнити гнев Мой, радуясь вкупе и веселясь, освящени суть, и Аз веду* их; но Он же поражает их жесточайшими ударами и казнит злейшими бедствиями, не оказывая ни в каком случае ни малейшего благоволения к ним: ни тогда, когда пользуется ими, как орудиями к погублению городов или бичами народов и немилосердными палачами людей, ни тогда, когда они в большей части случаев употребляются Им, врачом душ, как болезни и лекарства, а какова природа и участь подобного рода вещей, известно людям знающим. Болезни или перестают действовать, исчезая вместе с выздоровлением больного, или умирают вместе с больным, а употреблявшиеся в болезнях лекарства, некогда действительно приносившие пользу и врачевавшие недуг, потом становятся ненужными наряду с самыми негодными веществами. Итак, говорю, настоящие бедствия должно считать не разводной книгой, данной нам от Бога, или не совершенным привитием *дивиих* варваров к нашей плодоносной лозе, но кратким наказанием, какое посылает Бог по известным ему причинам, поражая крепко, однако не предавая вполне искусителям, но в известной мере щадя искушаемых, особенно если искуситель, не зная пресыщения в беззакониях, вооружается в своем нечестии даже против Того, от Кого получил силу наказывать, как военачальник Навузардан, предавший огню град Божий и расхитивший священные сосуды храма, или как Валтасар, упивавшийся из них, оскорблявший жертвенники и издевавшийся над божественными таинствами, а искушаемый, при рассмотрении своих бедствий обвиняя в них самого себя, тем усерднее молится о примирении с собой наказавшего его Бога. Следовательно, должно ожидать человеколюбия Божия и воспе-

вать вместе с Давидом: *помяни нас, Господи, во благоволении людей твоих,— посети нас спасением Твоим: видети во благости избранныя твоя, возвеселитися в веселии языка твоего, хвалитися с достоянием твоим* (Пс. 105, ст. 4 и 5),— в той благой уверенности, что нечестивых ожидает предание вконец и поражение, а надеющимся на Господа вместе с их исправлением придет утешение и восстановление.

О событиях по взятии Константинополя

Сочинение того же Никиты Хониата

1. Доблестнейший афинянин Солон[14], видя, как постепенно упрочивался новый, тиранический образ правления, введенный Пизистратом[15], много раз обращался по этому предмету к афинянам со своими речами, пытаясь подавить тиранию, так как он очень хорошо понимал, что гораздо легче вначале остановить возникающее зло и воспрепятствовать его возрастанию, когда оно только принялось, чем искоренить и уничтожить его, когда оно уже возросло и усилилось. Но его речи ни в ком не возбудили внимания к его предложению и не убедили никого. Тогда он взял оружие и стал с ним при входе в место народного собрания, надеясь своим примером увлечь других и возбудить в ком-нибудь из народа подобную же ревность. Однако это также никого не тронуло и не подвигло на низвержение тирана. После того он, говорят, сказал: «Я сколько мог содействовал благу отечества» — и затем оставался спокойным, писал стихи и осмеивал беспечность афинян. Вот несколько его стихов, не унесенных течением времени в забвение:

«Если вы по своей ничтожности терпите уже беды; то, по крайней мере, не приписывайте их воле богов. Вы сами дали силу тиранам, принося им хвалебные жертвы, и за то находитесь теперь в тяжком рабстве. Порознь каждый из вас хитрее лисицы; но во всех вас вместе — самый пустой ум. Вы смотрите только на слова и льстивую речь человека; а на самое дело нисколько не обращаете внимания».

Если уже Солон, потомок знаменитого Кодра, мудростью своей сделавшийся славным почти во всей вселенной,— если Солон, говоривший и действовавший среди народа, внимательного к наставлениям, как оказалось, напрасно употреблял и слово и дело, то может ли кто-нибудь из подобных мне людей помочь нашим общественным делам, когда цари наши с детства воспитываются в праздности, спят приятнее Ендимиона*, спешат к столу как можно ранее и так далеко уклоняются от естественного порядка вещей при своем во всех отношениях дурном направлении, что зимой ищут цветов, а весной хотят собирать плоды, между тем граждане в то же время помышляют единственно о купеческих оборотах и торгашестве и не только не намерены вставать с постели по голосу военной трубы, но не пробуждаются даже на пение птиц, как вообще все, что почивает приятно и не знает никогда войны? Осталось писать стихи и ими обличать заблуждающихся. Но с другой стороны, и эта мера имела смысл в отношении к величавой личности Солона, равно как в приложении к тогдашнему афинскому обществу, кото-

* *Ендимион* — красавец пастушок, так сладко почивавший, что даже девственная Диана не могла победить в себе искушения поцеловать его во время сна.

рое было внимательно к полезным наставлениям и мало-помалу подчинялось указаниям лучших людей, так как вообще людям добропорядочным обличительные песни приносят более удовольствия, чем оскорбления, и воспоминание о прошедших ошибках, как своего рода мех, раздувая оставшуюся в их душе и еще тлеющую искру добра до степени живого огненного пламени, предостерегает их в будущем от подобных прежних заблуждений. А в наше время для жителей Константинополя, да и для обитателей прочих мест, обличения — сущие бичи! У многих даже уши так устроены, что не способны слушать вразумлений, и прелесть свободы, как она ни стеснена теперь у нас, так же малопонятна им, как не вкушавшим меда не понятна сладость меда. Поэтому, так как наши времена не походят на времена Солона, я оставлю строгие обличения, потому что они не возбудят ничего другого, кроме ненависти ко мне со стороны большей части моих соотечественников (а есть, есть такие, у которых сено торчит на рогах), и буду продолжать историю по порядку. Правда, я отказался было воспевать и дела варваров, но так как *Уничиживший премудрых в премудрости их* во множестве поразил гордых, исполнил лица их бесчестия и предал их в погибель народам, которые жесточе их самих, то надобно положить конец молчанию* и воспользоваться словом к исповеданию чудес Бога, сказавшего: *живу Аз во век, и воздам суд врагом Моим, и ненавидящим Мя отмщение*, и в другом месте — к Аврааму: *языку же, ему же поработают, сужду Аз* (Быт. 15, 14).

Итак, прекрасный город Константина, предмет всеобщих похвал и повсюдных разговоров, был истреблен огнем, уни-

* Наш автор разумеет, что победители римлян, латиняне, сами были наконец побеждены болгарским царем Иоанном, и этим оправдывает собственную решимость продолжать свой исторический рассказ.

жен, разграблен и лишен всего имущества, как общественного, так принадлежавшего частным лицам и посвященного Богу, бродяжническими западными племенами, большей частью мелкими и безвестными, соединившимися между собой для разбойнических морских наездов и двинувшимися против нас под благовидным предлогом небольшого уклонения от предпринятого будто бы пути на помощь Исааку Ангелу и сыну, которого он, к несчастью, родил на погибель отечества и которого они привезли с собой как самого отличного и самого дорогого своего спутника. Сонливость и беспечность управлявших тогда Римским государством сделали ничтожных разбойников нашими судьями и карателями! 2. О всех этих событиях с царственным городом не было предуказано никаким знамением, ни небесным, ни земным, какие прежде во множестве являлись, предвещая людям бедствия и смертоносные наваждения зол. Ни кровавый дождь не шел с неба, ни солнце не обагрялось кровью, ни огненные камни не падали из воздуха, ни другого чего-либо необыкновенного в каком-нибудь отношении не было заметно. Многоногая и многорукая правда, не шевельнув пальцем, подкралась к нам совершенно беззвучными шагами и, напавши на город и на нас, как неутомимая карательница, сделала нас злосчастнейшими из людей. В тот день, когда город был взят, грабители, врываясь в обывательские дома, расхищали все, что находили в них, и затем пытали домовладетелей, не скрыто ли у них чего-нибудь еще, иной раз прибегая к побоям, нередко уговаривая лаской и вообще всегда действуя угрозами. Но так как жители, разумеется, одно имели, а другое показывали,— одно выставляли на глаза и отдавали, как свое имение, а другое сами грабители отыскивали,— так как, с другой стороны, латинские солдаты не давали поэтому пощады никому и ничего не оставляли тем, у кого что-нибудь

было; так как они не хотели иметь с покоренными общения даже в пище и содержании, но держали себя в отношении к ним высокомерно, несообщительно,— не говоря о других обидах, обращали их в рабство или выгоняли из дому,— то вследствие всего этого полководцы их решили предоставить городским обывателям свободу по желанию удалиться из города. Собравшись обществами, жители потянулись, таким образом, из города — в изорванных рубищах, изможденные невкушением пищи, с изменившимся цветом тела, с мертвенными лицами и глазами, обливавшимися кровью, потому что в то время плакали более кровью, чем слезами. А поводом к плачу для одних была потеря имущества; другие, не принимая в расчет потерю его, как еще невеликую беду, оплакивали похищение красивой дочери-невесты и растление ее или сокрушались потерей супруги, и вообще всякий, идя по дороге за город, имел довольно причин к горести.

Кстати, я расскажу здесь и то, что касалось собственно меня. Многие из моих знакомых с наступлением этого печального и истинно несчастного дня собрались в мой скромный домик, вход в который был прикрыт галереей и потому не виден в темноте и труден для доступа (отлично красивый и огромный по обширности дом мой, находившийся в Сфоракии*, погиб во время второго пожара). Притом же, в случае надобности, удобно было из этого домика пробраться в Великую церковь, так как он был смежен

* Сфоракий — название улицы или местности города, произошедшее от имени Сфоракия, знаменитого вельможи, бывшего в царствование императора Маркиана консулом вместе с Геркуланом, как это видно из Пасхальной Александрийской Хроники (по венец. изд. Corp. Script. Hist. Byzant. стр. 740). В Сфоракии известны нам церкви: св. Кира, св. Иоанна Крестителя и, наконец, преподобного Феодора Тирона, которая находилась недалеко от великой церкви св. Софии. Du Cange, Const. Chr. Lib. 2. Pag. 138.

с ней. Впрочем, для полчищ варваров не было ничего заветного, и ни святость, ни недоступность места не в состоянии были доставить безопасности или защиты людям, искавшим в нем убежища, но где бы кто ни скрывался, везде его находили проникавшие туда неприятели и уводили оттуда, куда им было угодно. Видя такое беззаконие, мы стали придумывать какое-нибудь средство избавиться от беды, сколько это возможно было в наших обстоятельствах. Был у меня один знакомый и близкий приятель, происходивший из рода венецианцев, за которого я прежде много хлопотал и о безопасности которого, равно как его имущества и жены, заботливо старался. В настоящее время он сделался нам очень полезен. Надевши латы и из купца преобразившись в воина, до некоторой поры он весьма успешно прогонял врывавшихся в наш дом грабителей, делая вид, будто он их соратник, и давая знать, что он уже прежде их занял дом, в то же время обращаясь с ними согласно с их варварскими обычаями и говоря их языком. Но когда неприятелей собралось много и наш защитник не в состоянии был долее удерживать их, в особенности французов, которые не походят на других ни душой, ни телом и хвастаются, что одного только они боятся: как бы небо не обрушилось на них; тогда он предложил нам удалиться отсюда, чтобы в противном случае, попавшись варварам, мы, мужчины, не были заключены в оковы из-за денег, а женщины — поруганы и обесчещены. Таким образом, вслед за своим благодетелем, прежде приживальщиком и клиентом, а в ту пору — добрым помощником и бесценным защитником, поведшим нас в другой дом, в котором жили знакомые нам венециане, мы помаленьку выбрались из своего убежища, представляя собой как будто бы приобретенную им добычу, влекомые за руки, унылые, в худой одежде и потому не задерживаемые ни-

кем. 3. Когда же эта часть города, куда мы перебрались, досталась в удел французам, то мы опять стали переселяться, и так как бывшие у нас в услужении рассеялись по разным местам и все бесчеловечно оставили нас, поэтому мы принуждены были сами, на своих руках, нести маленьких детей, которые еще не умели ходить, а грудного мальчика хоронить под мышкой и так идти по улицам. Таким образом, пробыв в городе пять дней после его взятия, и мы отправились из него. Была же тогда, конечно, по Божьему смотрению, а не по случайному совпадению или неразумному, простому стечению обстоятельств, суббота и зима, к тому же супруга моя была близка к родам: так что совершенно в точности исполнилось над нами пророчество Христово, которое заповедует молиться, *да не будет бегство наше в зиме или в субботу* (Матф. 24, 20), и предрекает *горе имущим во утробе в тыя дни* (Лук. 21, 23), как будто бы именно о нас оно и было предсказано. Когда мы вместе с порядочным числом знакомых, родственников и значительным количеством постороннего народа, примкнувшего к нашему обществу, шли, таким образом, своей дорогой, тащась по улицам, подобно кучке муравьев, с нами встречались группы солдат, не вполне вооруженных, однако с висевшими по бокам коней длинными саблями и с заложенными за пояс кинжалами. Одни из них везли добычу, другие обыскивали попавшихся пленников, не надета ли на ком светлая одежда, скрытая под разодранным рубищем, или не таят ли они за пазухой серебра и золота; иные внимательно и упорно вонзались своими взорами в женщин, отличавшихся красотой, так, как будто намерены были тотчас же схватить их и изнасиловать. Поэтому, опасаясь за своих жен, мы поместили их среди самих себя, как будто посреди ограды, а молодым девицам приказали вымарать лица грязью вместо прежних прикрас и уничтожить та-

ким образом яркий румянец ланит, чтобы им, как ночью сигнальным сторожевым огнем, не привлекать к себе прохожих — сперва зрителями, потом любовниками, а в заключение похитителями, не знающими никакого ограничения своей воли. Вместе с тем мы с сокрушенным сердцем били себя в перси, орошали очи слезами и воздевали руки с молитвой к Богу, чтобы Он сподобил всех нас, и мужчин и женщин, пробраться невредимыми мимо этих плотоядных зверей. А выходить из города нам нужно было Золотыми воротами. Но едва только мы поравнялись с храмом великомученика Мокия, вдруг один наглый и бесчестный варвар похитил из среды нас, как волк — агницу, прекраснокудрявую молодую девицу, дочку одного судьи. Встревоженное таким жалким зрелищем, все собрание наше вскрикнуло. Отец девицы, и без того удрученный старостью и болезнью, а в это время страдавший еще подагрой, зарыдал, повалился на землю и лег поперек дороги, бросая отчаянные взоры на меня, как на последнюю, слабую защиту, называя меня по имени и умоляя предпринять все возможное для освобождения его дитяти. Итак, я должен был воротиться и побежал назад как только мог скорее, по следам похитителя, плакал, кричал по дороге, стараясь выражениями горьких жалоб приобрести заступничество тех из проходивших мимо латинских солдат, которые сколько-нибудь понимали наш язык, брал иных даже за руки и действительно успел кое-как в некоторых пробудить такое сожаление, что они пошли со мной искать того бесстыдника и сластолюбца, причем я шел вперед, они — за мной. Наконец мы достигли места, где похититель остановился: прослав девицу вовнутрь дома, он стал у ворот с намерением отражать противников; со своей стороны я, указав на него пальцем, сказал: «Вот тот, кто среди белого дня нечестиво нарушил постановления лучших между вами

людей! Вы постановили не иметь сожительства с женщинами как замужними, так равно не познавшими мужа и тем более посвятившими себя Богу, даже, ежели то возможно, не смотреть на них с похотением, и обязали себя относительно этого страшными клятвами; а он, презрев ваши установления, не побоялся ввиду всех броситься на девиц с неистовством животного. Заступитесь же за свои законы и за нас, ваших пленников, смягчившись этими слезами, которые сам Бог принимает и которыми природа одарила наши глаза, как величайшим пособием к умилостивлению других. Если же вы и сами отцы, то, заклинаю вас именами ваших жен и милых детей, подайте помощь вашим несчастным просителям, заклинаю вас живоносным гробом и завещанием Господа нашего Иисуса Христа, Который вообще всем званым своим заповедал делать другим людям то, чего они сами хотели бы получить от них». Подобного рода речью, сказанной с увлечением, я возбудил одушевление в своих заступниках, и они потребовали непременного возвращения девицы. Снедаемый любовью и гневом, двумя жесточайшими страстями, похититель сначала презирал их требования, однако, когда увидал, что они рассердились не в шутку, услыхал от них угрозу посадить его на кол, как бесстыдного нечестивца, и вообще заметил, что с ним повели речь не устами только, но и от сердца, то наконец уступил и выдал девицу. Надобно было видеть, как обрадовался отец, увидев опять свое дитя! Пролив перед Богом слезы о неповенчанных и не вкусивших брака невестах, он встал опять и пошел с нами далее.

4. Когда, таким образом, мы вышли из города, то все начали воссылать благодарение Богу, в то же время оплакивая свое положение. Я также, бросившись, как стоял, лицом на землю, излил свое сердце в горьких жалобах, исключив из предметов своего сочувствия одни только стены го-

рода, так как только они одни не страдали и не проливали слез, возвышаясь по-прежнему и не быв еще сровнены с землей. «Если то,— сказал я,— для чего вы воздвигнуты, уже погибло вконец, быв истреблено огнем и оружием, то зачем и вам стоять долее? Кого вы будете ограждать и охранять после этого? Ужели вы не обрушитесь на врагов погибелью даже в тот день гнева, когда восстанет Господь сокрушить доведших нас до такого положения, *возшедши* таким образом, если только мы правильно понимаем предсказание Давидово, *на запады* (Пс. 67, 5)? А ты, град царев,— сказал я,— град ограждения, град Царя великого, жилище Вышнего, слава и похвала служащих Ему, гостеприимное пристанище, царь городов царствующих, песнь песней, светлость светлостей и из всех редких явлений в мире редчайшее зрелище,— кто разлучил нас с тобой, как с милой матерью чад возлюбленных? Что из нас будет? Куда мы обратимся? В чем найдем мы утешение, нагие, оторванные от твоих объятий, как от груди матери, ставши для всех народов предметом песен и рассказов, вечно жалуясь, подобно сиренам, нигде не имея приюта, как воробьи, питаясь нуждой и утоляя жажду горем? Когда мы увидим тебя не таким, как теперь,— равниной ничтожества и долиной плача,— попираемым войсками, утратившим значение и стертым в прах, но вознесенным и прославленным, благоговейно чтимым смирившими тебя и озлобившими тебя, иссасывающим *млеко народов* и поедающим по-прежнему богатства царей? Когда и сами мы сбросим с себя, как смоковные листья или одежды кожаные (Быт. 3, 7 и 21), эти скорченные рубища, не вполне достаточные даже для прикрытия тела, в которые облекли нас постоянные наветники наши, как *змеи* своего рода,— живущее среди нас зло, коварство и непримиримое соперничество, и облечемся опять в роскошные хитоны из блистательнейшей

ткани, какие носили прежде? Умилостиви Бога, град святейший, представь в свою защиту храмы, останки мучеников, самые свои бедствия, громадность разбойнических грабежей, в пищу которых ты достался, быв предан людям нечестивым на сожжение. Ибо, *призови Мя*, говорит Он, *в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.* Неужели мне никогда уже не придется взглянуть опять и на тебя, величественнейший и божественнейший храм, небо земное, престол славы Божией, колесница херувимская, твердь вторая, возвещающая творение рук Божиих, зрелище и произведение в своем роде единственное, *благопотребное радование всея земли*? В самом деле, кто может поручиться в этом, если не один только тот, Кто, *в немже пострада, сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. 2, 18), Кто *исхищает нищего из руки сильнейших его, и нищего и убогого от расхищающих его*, Кто творит все и все устраивает всегда к лучшему?»

5. Излив подобным образом свои жалобы из переполненной скорбями души, мы отправились далее, с рыданием рассеивая по дороге слезы, как семена, и радостно хватаясь за соломинки надежды на изменение нашего положения к лучшему в том случае, если дойдем до цели своего пути, чего молили, как дара, от Бога, *утешающего малодушных*, облекающего *в ризу спасения* и одевающего *одеждою веселия.* Впереди нас ехал вселенский архипастырь*, не имея ни дорожной котомки, ни денег в кармане, без жезла и без сандалий, в одном хитончике,— совершенный евангельский апостол или, лучше, представитель самого Иисуса Христа, с той только разницей, что он, восседая на нищенском осленке, удалялся из нового Сиона, а не совершал наскоро торжественный вход в него. Итак, положив тогда целью своего пути

* *Вариант*: «патриарх».

Силиврию*, мы окончили свое странствование, всем домом не потерпев никакой обиды по великому Божию о нас попечению, приснопамятному и совершенному дару, не испытав ни ломания членов, ни скручиванья веревками, ни ударов по лицу суставчатым кнутом, что приходилось многим из наших испробовать при насильственном вымогании у них денег, и быв питаемы одним Господом, уготавливающим пищу *всем во благовремении*, насыщающим *независтно птенцов врановых, призывающих Его*, и даже украшающим попечительно *крины сельные, иже ни жнут, ни сеют*. Земледельцы и поселяне вместо того чтобы вразумляться бедствиями своих ближних, напротив, жестоко издевались над нами, византийцами, неразумно считая наше злополучие в бедности и наготе равенством с собой в гражданском положении. Многие из них, беззаконно покупая за бесценок продаваемые их соотечественниками вещи, были в восторге от этого и говорили: «Слава Богу, вот и мы обогатились!» К ним еще не приходили латиняне, не поели их быков, и им еще не было известно, как умеют они осушать запасы цельного и чистейшего вина, в то же время изливая обильные потоки бешеной желчи, и как высокомерно и презрительно они обращаются с римлянами.

В таком-то положении находились мы и подобные нам по общественному положению и степени образованности; люди же низшего сословия и рыночные торгаши спокойно занимались своими делами, в свою очередь снова профанируя священные вещи, которые им продавали латиняне, и торгуя ими, как обыкновенным серебром, как будто они, быв отняты у церквей, уже перестали принадлежать Богу. Между тем неприятели проводили время в непотребствах, за-

* *Вариант*: «Силимврию».

бавах, притом в забавах преимущественно бесчестных, и в посмеяниях над римскими обычаями. Так, одни расхаживали по улицам, окутавшись в дорогие, с широкими обшивками плащи — не ради нужды, но ради смеха, или разъезжали туда и сюда по городу, обернув среброткаными из тонкого полотна головными покрывалами макушки своих возниц и обвязав их лошадиные морды спускаемыми по спине белольняными перевязями. Другие носили писчие тростинки и чернильницы, держа притом в руке книги и осмеивая нас таким образом как грамотеев. Многие возили на лошадях изнасилованных ими женщин, окутав некоторых из них в широкие пеплумы* и связав перепутанные их локоны и растрепанные волосы в один пучок назади, женскими же тимпаниками** и наушными привесками из скрученных белых волос украсив лошадей. Каждый день они пьянствовали и объедались: одни — пресыщаясь изысканно приготовленными кушаньями, другие — употребляя пищу отцов своих, которую составляли развариваемые в котлах хребты бычьего мяса, окорока ветчины, приправленные мучнистыми бобами, также соус из чеснока и состав из других раздражающих вкус жидкостей. Разделив добычу, они не наблюдали никакого различия между утварью и сосудами обыкновенными и священными; но как те, так и другие одинаково употребляли для своих телесных потреб без всякого внимания к Богу и закону. Равным образом божественные изображения Христа Спасителя и святых Его они обращали в сиденья и подножные скамейки. **6.** Стоило посмотреть и надобно было в высшей степени удивляться непомерному слепоумию или,

* Пеплум — широкое верхнее платье вроде мантии, составлявшее принадлежность богатого женского наряда.

** Женский головной убор, имевший круглую форму, вроде ручного тимпана или бубна.

точнее сказать, безумию этих отуманенных гордостью людей, когда они начали бросать между собой жребий, кому владеть какими городами и странами. Как будто уже сделавшись царями царей и имея в своих руках всю земную поверхность, они, что касается раздела собственно Римской империи, по крайней мере, назначили прежде во все ее пределы чиновников для описи, чтобы сначала узнать годовые доходы разных областей и уже потом разделить их по жребиям, но государства и владения всех других народов и царей разделили между собой немедленно. Таким образом, подпали их дележу счастливейший в мире, лежащий на реке Нил город Александрия, за ним — Ливия, области, простирающиеся от Ливии до Нумидии и Гадира, Парфия, Персия, далее — восточная Иверия, Ассирия, Гиркания и все страны, которые окружены водами больших восточных рек. Мало этого, они не упустили из виду даже стран, склоняющихся к северу, но разделили и их по жребиям. Потом один выхвалял доставшиеся ему по разделу владения, находя, что они очень изобильны конями и доставляют большие подати, и превознося свое счастье; другой с бесконечной плодовитостью и удивлением рассказывал о необыкновенном богатстве своих владений разными благами. Те спорили из-за раздела каких-нибудь городов; другие менялись своими уделами и брали вместо них другие города и пределы. Особенно домогались некоторые получить в удел привлекательную своей славой Иконию. Ворота города Константинополя и часть цепи, которая была протянута через залив для ограждения гавани от неприятельских нападений, они отослали вместе с большей частью судов к своим соплеменникам в Сирию и вместе с тем разослали повсюду вестников с объявлением о взятии города. Когда надобно было им избрать себе императора, они собрались в большой храм споспешников Христовых —

обыкновенное место своих собраний для общего рассуждения о делах — и сначала решили сообразно с одним из своих отечественных обычаев поставить рядом четыре чаши, из которых одна должна была содержать в себе бескровную жертву, и потом предоставить священнослужителям при поименовании каждого из избираемых на престол брать по одной чаше и подносить ему так, чтобы тот, кто получит сосуд, вмещавший божественное тело и кровь Христову, предпочтительно перед другими был избран на престол*. Но венецианский дож Дандуло положил разрешить вопрос подачей голосов. Поэтому выбрано было со стороны французов и лонгобардов пять человек избирателей из числа знатнейших между ними людей и со стороны венецианцев равным образом других пять человек. После этого по большинству голосов жребий на престол выпал Балдуину, графу фландрскому[16], благодаря, как все говорили, коварству и ловкости венецианского дожа Дандуло. Будучи слеп глазами и поэтому отказавшись включить себя в число избираемых по жребию на престол, он решился облечь царской властью человека с характером кротким и незаносчивым, наблюдая прежде всего то условие, чтобы собственные владения избранного сколько возможно далее отстояли от границ Венеции, так чтобы в случае, если когда-нибудь между императором и венецианцами возникнут взаимные несогласия, императору нелегко было посылать в значительном количестве свои войска

* Вариант на слова: *поставить рядом четыре чаши... на престол.* «По числу лиц, избираемых в императоры, взять такое же количество чаш или сосудов, в один из сосудов положить бескровную жертву, то есть хлеб Господень, все же другие оставить пустыми, наконец каждую чашу дать особому священнику, затем избранные должны будут подойти, каждый из них возьмет из рук одного какого-либо священника святую чашу, и того, кто возьмет чашу, заключавшую в себе тело Господне, они изберут на престол, как получившего в свои руки часть Божию».

в пределы Венеции; другими словами, неудобно было вторгаться в них, опустошать их и грабить, что все, как само собой разумеется, было весьма удобно делать маркизу Бонифатию, которого родина находилась в Лонгобардии; так как Лонгобардия лежит при море, переезд оттуда в римские владения легок, Венеция ей погранична, и по соседству из нее можно наносить венецианцам множество неприятностей и бедствий. По всем таким весьма небезосновательным соображениям Дандуло, этот слепец телесными глазами, ясно понимавший очами своего ума то, что оставалось темно и для большей части зрячих, обошел маркиза Бонифатия и решил дело тем, что венецианцы, согласившись с мнением французов, дали перевес Балдуину, имея в виду, что Балдуин происходил из отдаленных пределов Галлии, а пределы Галлии настолько же отстоят от Венеции, насколько Венеция отстоит от римских пределов, что вместе с тем Балдуин расположен к нему всей душой*, с искренней почтительностью, как к отцу, и что он еще не искусился в делах от долговременного опыта, подобно маркизу, так как Балдуину не было еще и тридцати двух лет. С другой стороны, граф фландрский в самом деле был, как говорили все, человек богобоязненный и воздержанный в образе жизни. Даже взором не пожелал он женщины в продолжение всего времени, которое был в разлуке с собственной супругой. Он проводил время в священных песнопениях, помогал нуждающимся и благодушно выслушивал противоречия себе. Особенно замечательно было, что он два раза каждую неделю приказывал вечером провозглашать, чтобы внутри его дворца никто не дерзал прикасаться к незаконной жене.

* *Вариант*: «...что вместе с тем Балдуин готов всецело повиноваться ему...»

7. Воцарившись таким образом, Балдуин отправился в западные области империи — не с тем, чтобы покорять их (потому что считал уже все их своей жертвой, хвастливее и самоувереннее Евклида*[17] говоря: «Где бы только стать мне, и я поверну тогда копьем всю Землю!»), но чтобы просто посетить их, как страны дружественные, и каждой из них доставить случай в его присутствии провозгласить его римским императором. Поэтому он даже не удостоил обратить никакого внимания на некоторое число римлян военного и гражданского ведомства, предлагавших ему свою службу, и отказал им всем без исключения. Точно так же поступали, впрочем, и другие военные начальники и графы, потому что все они, отделяя мужество от прочих достоинств и усваивая его себе одним, как прирожденное и исключительное свое качество, не допускали ни одного другого народа ни до какого сопоставления с собой в военном деле. Ни грации, ни музы не имели пристанища у этих варваров, потому-то, я думаю, они коснели в своей природной грубости, и побуждения животные предупреждали в них внушения разума! Итак, обошедши города Фракии, Балдуин поставил гарнизон в Орестиаде**; то же сделал он в Дидимотихе и городе, получившем название от имени Филиппа. Когда он вступал в Ксанфию, тамошние жители, устроив засаду, неожиданно напали было на его войско под предводительством какого-то Сенахерима, но, появившись на минуту, опять скрылись, воротившись полными трусами туда, откуда вышли отважными храбрецами. Отсюда, не встречая сопротивления, Балдуин направил путь к митрополии фессалоникийцев. Его сопровождал также маркиз Бонифатий вместе с

* Следовало бы сказать: «Архимеда».

** *Вариант*: «в Адрианополе».

Марией Паннонской*, бывшей супругой Исаака Ангела, которая по смерти своего первого мужа и уже после взятия Константинополя вышла за него замуж. Когда Балдуин достиг Мосинополя, вдруг маркиз с разных сторон получил известие, что Балдуин вовсе не намерен уступать ему знаменитой Фессалоники, как было условлено между ними, но с тем идет и для того делает усиленные переходы, чтобы овладеть городом в свою пользу. Долгое время он был ошеломлен этой вестью, как будто пораженный громом. Наконец, с явно потрясенным присутствием духа, он поспешно отступил назад, обзывая Балдуина льстивым более греков, криводушным, вероломным и изменчивым хуже марки и игорной кости. Не взирая ни на что, он захватил Дидимотих, сильно укрепил его, двинулся на города Фракии, исключая Орестиаду (которую миновал потому, что она была занята многочисленным гарнизоном Балдуина), обложил их податью, собрал вокруг себя римлян и поклялся им всеми страшными и священными для людей клятвами отстать от договоров и прежнего сообщничества со своими единоплеменниками и открыто перейти на сторону римлян. Одновременно с этими обещаниями и клятвами маркиз употребил средство, делавшее его слова вероятными: именно, он провозгласил римским императором первородного сына своей супруги Марии, по имени Мануил**, предоставив ему вместе с титулом все принадлежности царского облачения; так что эта выставка или маска толпами привлекла к нему римлян. Между тем, пока он занимался подобного рода хитростями, не имевшими в себе ни малейшей частицы правды, как показали последствия, Балдуин приблизился к Фессалонике. Весь народ высыпал к нему навстречу и с громкими криками радости вручил ему свою судьбу и судьбу города. Жители умоляли только, чтобы Балдуин ни сам не входил в город, ни своему войску не дозволял вступать в него, так как они опасались, чтобы это войско, подчинявшееся не одному начальнику, но скопившееся из многих племен и повиновавшееся еще большему числу вождей, отбросив в стороны его приказы, не разграбило города. Частью сознавая основательность их просьбы, частью склоняясь на нее вследствие не обещавшего никаких добрых последствий гневного отступления маркиза, а главным образом тревожась распространявшейся молвой о его действиях, Балдуин уступил желанию фессалоникийцев и дал им писанную киноварью грамоту, подтверждавшую все старинные привилегии их города. Несмотря на то, он провел еще несколько дней под стенами Фессалоники, пользуясь всеми знаками должного благорасположения со стороны жителей, и затем пошел обратно в Византию, потому что получил уже от венецианского дожа Дандуло и графов, оставшихся в Константинополе, уведомление, настоятельно требовавшее этого. Когда Балдуин, таким образом, возвратился, прибыл в Византию вследствие приглашения и маркиз после того, как некто Жоффруа*[18], человек, пользовавшийся большим значением в латинском войске (саном маршал — то же, что протостратор у эллинов), ездил к нему и поручился, что прибытие в Константинополь не подвергнет его никакой опасности. Примирившись с Балдуином во время этого свидания, маркиз оставил Дидимотих и, отправившись в Фессалонику, занял ее без всякого сопротивления.

* *Вариант*: «Венгерской».

** То есть сына Исаака Ангела.

* Жоффруа Виллардуин, маршал Шампанский (de Champagne et de Romanie), известный современный писатель сочинения «О завоевании Константинополя (De La conquête de Constantinople), изданного Corp. Script. Hist. Byz. Tom. XXVII, à Venise, 1729.

В управлении Фессалоникой некоторое время он применялся к обстоятельствам, скрывая свое лукавство и криводушие, однако недолго медлил в этом первоначально принятом образе действий. Скоро, подобно кошке, истинный характер которой немедленно изобличился, когда упал кусок жира, он бросился на деньги фессалоникийцев, как только ознакомился с цветущим положением их имуществ. Потом он отнял у владельцев самые лучшие дома в городе и раздал их на жительство своим всадникам. Затем, оставив в Фессалонике супругу свою Марию с частью войска, он выступил из нее и устремился на города, принадлежащие к серрскому округу, равно как лежащие в области веррийской и по направлению к Темпейской долине Фессалии. Овладев ими сверх всякого ожидания, он решился двинуться на самую Лариссу, пройти Елладу, покорить Пелопоннес, всегда считая малым то, что уже было захвачено, и горя нетерпением идти все вперед и вперед по пути, пролагаемому римским простосердечием. Его сопровождало несколько человек римлян, преимущественно из знатных фамилий, привлекая расположение областей и уравнивая дорогу, по обманчивой и коварной видимости, первородному сыну Марии (потому что собственно этого отрока, облеченного в царскую порфиру и торжественно провозглашаемого царем, с радостью принимали, как фракийцы прежде, так теперь македоняне, фессалийцы и все жители Эллады), в действительности же служа проводниками и руководителями в действиях маркизу и латинянам, следовательно, являясь предателями отечества. Таким образом, маркиз без всякого сопротивления овладел доблестнейшими народами и могущественнейшими городами, и притом таким множеством городов, что оно, без сомнения, превышало численность его войска, если даже на каждого человека класть по городу. Со своей стороны Балдуин, возвратившись в Византию, также не хотел сидеть без дела и подчиненное себе войско держать напрасно дома без употребления для войны, но решился переправить его в Азию и попытать счастья против тамошних городов, быв подстрекаем на это предприятие геллеспонтскими латинянами, населяющими город Пиги, и троянскими армянами, которые старались всеми мерами склонить Балдуина и подстрекнуть других графов к нападению на восточные города, как на легкую и несомненную добычу.

8. Таким образом, около листопада месяца брат Балдуина Генрих[19] и Петр де Плашес*[20], воин, отличавшийся могучей силой времен героических, выступили** из Константинополя и, достигши приморского города Каллиполя***, переправились на восток. Соединившись в Трое с армянами и подкрепив здесь свой отряд их вспомогательными дружинами, Генрих разграбил и разорил несколько городов, которые не изъявили ему покорности. Наконец, овладев горой Идой и проникнув через ее теснины, он подступил к Атрамиттию****. В то же время Петр де Плашес, двинувшись из города Пиг*****, пошел на Лопадий. Около Пиманинона он встретился с весьма значительными силами римлян под предводительством Феодора Ласкариса. Однако римляне, не выдержав натиска на них латинян, обратились в бегство.

* *Вариант*: «Прашес», то есть Pierre de Bracheux или Pierre de Braiecuel, envoyé par le comte de Blois, — voyez Ville-Hard. de la conqu. de Const. nom. 162 et 170.

** *Вариант*: «Таким образом, около октября месяца брат Балдуина Эрик выступил...»

*** Нынешний город Галлиполи.

**** По нынешнему произношению — Адрамити, город Малой Азии, лежащий против острова Митилене, называвшегося в древности Лесбосом. *Сравн.* примечание на стр. 144.

***** Нынешний город Бига.

После этого Петр вступил в Лопадий без всякого сопротивления. Мало того, все жители города встретили его с крестными знамениями и святым Евангелием, вследствие чего не потерпели от неприятелей никакой беды. Также невредимы остались все прочие города, которые не решались вступать в борьбу с латинянами, хотя трудно было угодить латинянину, человеку по речи чужому для эллинов, с характером корыстолюбивым, очами нескромными, чревом ненасытным, душой раздражительной и суровой, рукой, хватающейся за меч при всяком случае. Желая подобным же образом овладеть Прусой*, латиняне положили произвести попытку и против нее, так как прусцы не только не изъявили им покорности, но, заготовив продовольствие в количестве, достаточном для долговременной осады, и полагаясь на неприступность местности, надеялись, что едва ли могут быть когда-нибудь покорены силой, потому что Пруса лежит на холме и, сверх того, обведена крепкой стеной. Итак, двинувшись из Лопадия, латиняне подступили к Прусе. Осадив городские стены с южной стороны, где гора Олимп отступает несколько от города и где перерывается утесистый холм, окружающий город и опоясывающий все его пространство, они предложили осажденным сдаться, изъявляя согласие в таком случае на все угодные жителям условия и, конечно, не обещая ничего подобного тогда, когда возьмут город силой и разобьют стены осадными машинами. Но осажденные нисколько не думали уступать предложенному требованию; напротив, часть их отважилась на вылазку и меткой стрельбой лишила неприятельское войско значительного числа храбрейших воинов, павших ранеными или убитыми. Как только оказалось, что город нелегко взять, особенно с

* Нынешняя Брусса.

первого нападения, немедленно латиняне отступили. Одушевившись отступлением их еще более, прусцы решились преследовать их уже в большем количестве. Их примеру последовали римляне, занявшие возвышенности, через которые неприятельское войско должно было проходить. Наконец некоторые из покорившихся прежде латинянам теперь отступили от них, вооружились против них одинаково с непокорившимися и также истребили их немало. Несмотря на то, латиняне опять получили перевес и нанесли римлянам множество поражений в разных битвах, из которых более других замечательна была битва под городом Кесарией*. Желая отомстить им равным же поражением, выступил против Генриха, стоявшего под Атрамиттием, Феодор Филаделфийский. Правда, напавши на Генриха неожиданно, он успел на первый раз стеснить его многочисленностью своего войска; при всем том, когда Генрих был, по-видимому, в крайней опасности, латинская конница мгновенно построилась в боевой порядок и, подняв копья вверх, приготовилась бодро встретить нападение римлян. Со своей стороны римляне совсем не думали сами начинать сражение, в ожидании атаки выгнувши ряды своих войск наподобие кольцеобразных извивов огненного дракона, блестя чешуей панцирей и развернутыми краями обоих флангов представляя как бы открытую пасть страшного рта, но для наступательного движения построившись, таким образом, до крайней степени растянуто и

* После слов *под городом Кесарией* у Вольфа помещено следующее добавление: «Здесь римляне убили знаменосца и захватили знамя, за которым следовало латинское войско. Поставив захваченное знамя на возвышении, они привлекли им к себе следовавшие за ним отряды, которые шли, собственно, к путеводному знамени, но, увидав, что оно в руках римлян, обратились против них и живейшим образом в самое скорое время обратили их в бегство и разбили наголову».

мешковато. Тогда латиняне, как бы по одному условленному знаку, направив копья, с обычными криками, вслед за Генрихом, который несся впереди других и смело ворвался на своем коне в ряды римского войска, бросились на римлян, смяли их, обратили в бегство и вдобавок, преследуя бегущих, положили большую часть их на месте, так как римские всадники, при первом же натиске латинян и взмахе копий ускакали во весь опор и предоставили пешие отряды в жертву и добычу неприятелям.

Так шли дела в Азии. Между тем маркиз, выбравшись при помощи римлян, служивших проводниками, из фессалийской Темпейской долины, провел свое войско равнинами с необыкновенной быстротой, так что овладел полями Лариссы прежде, чем это узнали римляне, занявшие горные вершины и неусыпно стерегшие ущелья, которые совершенно сдавливают реку Пеней* в ложе до того узкое, что она во многих местах клокочет с оглушительным ревом, повторяющимся в скалистых берегах через отражение гула эхом, и оставляют около горных подошв одну тропинку, совершенно стиснутую между отвесными скалами и течением реки и до такой степени сжатую и трудную для прохода, что в ином месте на ней нельзя развернуться войску даже по четыре человека в ряд. Выступив из Лариссы, маркиз двинулся вперед, не встречая нигде ни малейшего сопротивления. Очень поздно уже и только у Термопил устроил против него засаду Лев Сгур; но и тот, не ознаменовав себя никаким мужественным подвигом, при первом появлении латинской конницы струсил, убежал оттуда и укрылся в Акрокоринфе. Этот Сгур был родом из Навплия и некоторое время владел своими согражданами более силой, чем доброй волей, управляя ими подобно своему отцу и получив от отца наследство, облитое кровью. Потом, пользуясь всякий раз беспорядком дел и усиливаясь в смутные времена, он из малого сделался великим, подобно ручью — от проливных дождей или волнам — от сильных ветров, захватил обманом многоконный Аргос, овладел разбойнически Коринфом и затем, простираясь постоянно далее и далее по избранному пути разбоев, нагрянул на самые Афины с военными кораблями и сухопутным войском, перешедшим Истм*. Сгур обольщал себя надеждой овладеть Акрополем** без всякого труда или поставить только осадные машины и этим уже заставить осажденных, как людей не воинственных, сдаться от страха. Но он ошибся в расчете и напрасно воображал так, потому что случилось совсем иначе. Афинский архипастырь Михаил Хониат, родной брат мой (я упоминаю, что он брат мне, потому что горжусь таким родством и радуюсь кровной связи с подобным человеком, хотя по добродетелям и образованию стою далеко ниже его), сознавая неотъемлемую обязанность пастырей содействовать общему благу своими советами и молитвами, немедленно, как только Сгур расположил войско, решился, в надежде отклонить его от предпринятого намерения, боголюбезно обратиться к нему с мирными внушениями, как к человеку, который не только знал его вообще, но даже часто разделял с ним беседу. И вот он мечет в него, как будто с высот города, стрелы увещаний, бросает пастырской пращей, с силой каменометных машин, богоглаголевые речи и в то же время старается сокрушить его гордость отеческими угрозами, как своего рода осадными орудиями. «Не

* Автор описывает здесь ущелья Темпейской долины, которая орошается рекой Пенеем.

* То есть истмийский перешеек.

** То есть крепостью города Афин.

следует ему,— говорил он,— христианину по вере и римлянину по отечеству, идти войной против римлян, если только он не исповедует христианства одними устами, так как бы по одежде и языку принадлежал к числу римлян, сердцем же далеко отстоял от украшающихся именем Христовым. В самом деле, в чем он может обвинить афинян, чтобы с правом ополчиться против Аттики? На пограничных аргосцев он мог еще, как на соседей, возводить какую-нибудь жалобу, которая делала бы его нападение на них в некоторой степени извинительным; равным образом коринфянам недавно он мог поставить в обвинение частые наветы против себя коринфского архипастыря, вследствие которых Навплий подвергался нашествию римского войска и подступлению к своим берегам военных кораблей. Но афиняне и он как отдалены друг от друга местностью, так равно далеки от всяких поводов к столкновению и взаимному соперничеству в чем бы то ни было. В частности, между ним и их священнослужителем не было ничего, кроме отношений самых боголюбезных и духовных: он никогда не переставал называть их молитвенника своим отцом и пастырем и с таким же наслаждением внимал изречениям его уст, с каким вкушают сладостный сок пчелиных сотов; а тот включал его в число своих духовных детей». Итак, пользуясь подобными представлениями, Михаил умолял Сгура оставить Афины в покое. Со своей стороны Сгур, выставляя на вид, что успех насилия есть непременное и прямое оправдание его, и, ссылаясь на обстоятельства времени, по которым будто бы всякий вправе был брать что можно силой, так как первоверховный город ниспал в крайнюю глубину бедствий, твердо стоял на своем намерении, требуя выдачи на смерть одного юноши. Правда, этого молодого человека иной и без требования с радостью выдал бы ему, как семя нечестивое и без-

законное, потому что он для многих был причиной погибели и замышлял словом и делом против своего отечества, Аттики, все, что есть самого худшего, но архипастырь, евангельски включая в число возлюбленных чад и охраняя в неприкосновенности даже явного гонителя, преследователя и наветника церкви, своей духовной матери и воспитательницы (несколько раз поднимавшего руку против него самого), как скоро он прибег под ее защиту, отверг требование Сгура. Когда, таким образом, он не убедил этого зверя своими мудрыми вразумлениями; когда увидел, что, напротив, Сгур, как аспид бесчувственный, упорно заткнул от них свои уши; когда посыпались всякого рода выстрелы на заключившихся в Акрополе, тогда, принесши моление Богу, чтобы все страшные последствия начавшихся бедствий обратились на главу нечестивого виновника их, он сам расставил против него орудия на верху стен и разместил по стенам пращников и стрелков. Да и чего не в состоянии был сделать для отражения врагов этот муж, исчерпавший всякую мудрость, все светские и духовные науки, и каждую из них изучивший так, как другой не в состоянии изучить одной какой бы то ни было? Если бы захотел, он мог бы низвести на дерзких безумцев огненный дождь, наслать на их лагерь ядовитых ос или испросить свыше и получить какого-нибудь другого рода погибель им, потому что божественное правосудие, конечно, не замедлило бы своим мщением, если бы воздвиглись его чистые руки или отверзлись священные уста с молитвой о том к Богу. Но его отклонил от подобных помышлений и действий тот, Кто запретил сынам громовым (Марк. 3, 17) низвести с неба огонь, сказав им: «*Не весте, коего духа есте вы*» (Лук. 9, 55). **9.** Отчаявшись в победе над противником, столько сведущим в военном деле, до такой степени многоученым, так недосягаемо высоким по доброде-

тели, и почувствовав, как бесполезно бодаться с утесами Акрополя, Сгур в бессильной злобе против города, крепости которого не мог одолеть, зажег подгородные здания и взял в добычу стада животных, годных для работы и пищи. Двинувшись отсюда, по прошествии нескольких дней он подступил к седмивратным Фивам, овладел ими без всякого сопротивления и бодро пошел далее. Наконец, пройдя Термопилы и перешедши гору Эту, он вступил в Лариссу, соединился с царем Алексеем (который, быв оттеснен от северных пределов государства, в удалении от царственного города приютился в Темпейских ущельях Фессалии) и женился на дочери его Евдокии. Сначала Евдокия была в замужестве за трибалльским князем Стефаном, который с бесчестием прогнал ее от себя; потом, прибыв в Византию, после уже взятия города и бегства из него, вышла в другой раз замуж за Алексея Дуку Мурцуфла, последнего римского императора. Но и Дука не дожил с ней до старости и почтенных лет, потому что отец ее Алексей, не знаю, по какой именно причине, коварно схватил его и лишил зрения,— должно быть, просто потому, что бродяга ненавидит бродягу и беглецу с престола противен изгнанник с престола. Спустя немного времени после ослепления Дука попался в руки латинянам, был отведен ими в Византию и подвергнут там суду за то, что заключил в темницу и насильственно лишил жизни своего повелителя и царя*. Он говорил в свое оправдание, что названный царь был изменником отечества и понес заслуженное наказание за это, что не один только он распорядился поступить с ним так, что в этом деле принимали участие и другие, члены его собственного рода и дома. Но судьи, не выслушав того, что он сказал, и нисколько не желая слушать того, что он хотел еще говорить, приговорили ему новый и ужаснейший род смерти. Его втащили на высокую Таврскую колонну* и оттуда столкнули вниз; несколько мгновений несчастный летел в прямом положении, потом перевернулся вниз головой и затем, разбившись вдребезги, самым жалким образом испустил дух. Итак, Сгур, вступив в супружество с Евдокией, в то время как маркиз приближался к Элладе, стерег, как я несколько выше сказал, термопильский проход, господствующую над Термопилами, лесистую, высоковершинную гору и все позиции, заграждающие с этой стороны вторжение в Элладу. При всем том, однако, и здесь все без сопротивления покорились маркизу, привыкши всегда с постыдным раболепством, трусливо преклоняться перед силой, и покорились предводителю не многочисленного и единодушного, но набранного из разных мест и большей частью руководимого совершенно различными целями войска. Когда маркиз вступил затем в самую Беотию, кадмейцы приняли его с такой неудержимой радостью, с какой иной раз не встречают даже родного при возвращении его домой из долговременного путешествия. Потом он овладел Аттикой и поставил в Акрополе свой гарнизон. Хотя священноначальник афинский мог бы тогда отразить и маркиза так же, как прежде Сгура, но, рассудив, что не время уже противиться, когда Царьград взят и все, как западные, так и восточные области римского государства преклоняются перед тенью латинского копья, уступил крепость без боя. Наконец и Евбея не оказала ничего достойного страны мужественной и свободной; вот и она дружественно протягивает руку, изменяется скорее волнистого моря, устраивает переправу

* Императора Алексея IV, сына Исаака **Ангела**.

* То есть колонну, которая в память побед над скифами и варварами была воздвигнута в Константинополе императором Феодосием на Таврской или Феодосиевской площади. *См.* Дюканжа Const. Christ. Lib. 1. Pag. 65—68.

войску, несущемуся быстрее Еврипа*, и равнодушно смотрит, как на берегу ее пролива строится крепость и внутри крепости становится войско, предназначенное, конечно, для обуздания изменчивых решений и предотвращения непостоянства евбейцев! Но что это? Варварское войско опередило мои слова и несется быстрее моей истории, нигде не встречая себе задержки! История повествует еще, что оно только разграбило Фивы, овладело Афинами, дошло до Евбеи; между тем оно, как будто не пешее, а крылатое и воздушное, облетев историю, подошло уже к Истму, прогнало защищавшее Истм римское ополчение, вступило в лежащий на Истме и богатый в древности город Коринф, двинулось к Аргосу, пролетело Лаконию, отсюда вторглось в Ахаию, затем прошло через Метону и устремилось к Пилосу, отечеству Нестора**. Я надеюсь, однако, что, достигши Алфея, оно зачерпнет водицы из этого потока, помоется ею, припомнит милую старинную басенку и, узнав, что эта река наполнена любовью Арефузы, источника сицилийского, поящего детей Италии, испугается, по крайней мере, того, чтобы тираническая*** вода ее не написала на своих волнах и не перенесла по течению Алфея тамошним народам весть о его насилиях против эллинов. Впрочем, ты, Алфей, дорогая река эллинская, текущая пресным потоком среди соленых вод самого моря, поразительное явление в мире, огонь любовной страсти, не говори, пожалуйста, сицилийским варварам о неудачах эллинских и не распространяй вести, какими великими делами против эллинов прославили себя вышедшие из среды их

* Еврипом назывался морской пролив, отделяющий Евбею от твердой земли и отличающийся замечательной быстротой течения.

** Одного из героев «Илиады».

*** То есть, по смыслу мифологического сказания, с тиранической неотразимостью против воли пробуждающая взаимность нежной страсти.

герои, воевавшие с эллинами, чтобы не начались восхваления этих подвигов, не появились хвалебные песни о них и не поднялось против нас множество новых искателей славы! Погоди немного: изменчива война, шахматная игра — дела человеческие, и переменчива победа! Даже Александру, говорят, встречались иногда неприятные неожиданности, и Кесарю не всегда верно служило счастье! Заклинаю тебя неприкосновенной для моря склонностью к тебе и любовным течением самой Арефузы! Но я уверен, что ты исполнишь мою просьбу. Между тем Сгур, растерявшись совершенно при таких успехах неприятелей, видя, что Аргос занят и соседственные с ним города тоже взяты, как зверь косматый в пещеру или как пресмыкающийся змей в свою нору, скрылся в Акрокоринф — крепость древнего города Коринфа, лежащую на крутой горе и почти неприступную. Быв отражен от Акрокоринфа и убедившись, что Навплий также нелегко взять по необоримости укреплений и стойкости его защитников, маркиз решился принудить к сдаче оба эти места долговременной осадой, против же Акрокоринфа, сверх того, построил укрепление, выбрав для него местность, которая представляла более выгод для успеха военных действий.

Может быть, таким образом, все азиатские и западные области Римского государства еще до истечения полного года были бы совершенно порабощены разнородными латинскими племенами (потому что по вступлении на императорский престол Балдуин готовился уже обратить копье против самой Никеи и Прусы), если бы Господь, низлагающий советы и рассеивающий *языки, хотящие брани*, не принял нас, оскудевших до конца, под кров свой. Царь-беглец*, явившись к маркизу, променял знаки своего царского

* Автор говорит о царе Алексее III, брате Исаака Ангела.

достоинства на паек хлеба с чаркой вина и вместе с супругой своей Евфросинией был отослан оканчивать последние дни жизни в местечко, соответствующее своим именем горькой его доле и называемое Алмиром*. **10.** Поэтому римляне, сопровождавшие царя (то были большей частью люди знатного происхождения, известные военным искусством и по месту своей родины граждане городов Фракии), решились также обратиться к маркизу и предложить ему свои посильные услуги; но он, сказав, что не имеет нужды в римских солдатах, отказал им всем в службе у себя. Потом они подали прошение о принятии на службу императору Балдуину, но так как и здесь, по пословице, опять «даром пели», то обратились к Иоанну, воспитаннику и урожденцу Эмских гор, который опустошил и сокрушил своими враждебными вторжениями почти все западные области Римской державы, разорил их скифскими набегами и изнурил всякого рода бедствиями. Он охотно принял их. Иоанн подозревал высокомерные замыслы латинян и опасался их копья, как меча огненного, потому что в ответ на его дружеское посольство они повелевали ему относиться к ним в своих грамотах не как царю к равным себе друзьям, но как слуге к господам своим, грозя в противном случае поднять против него оружие, опустошить и испепелить всю Мизию, которой он владел не по праву, изгнав из нее римлян, ее законных владетелей, и обратить его в прежнее состояние**. Вследствие

* То есть, по филологическому производству слова «Алмир», горько-соленым.

** Вариант на слова: *Иоанн подозревал... прежнее состояние.* «Иоанн постоянно опасался франков и боялся их копий как страшного огня. Поэтому он отправил к ним послов с предложением мира и дружбы. Но они в своей грамоте отвечали ему не как дружественному себе государю, а как владелец — своему рабу, и требовали, чтобы он положил оружие и отказался от престола,

того он приказал перебегшим к нему римлянам воротиться в свои отечественные города, постепенно подготовить их к восстанию и вредить латинянам, сколько будет возможно, пока он сам не придет к ним на помощь. Воротившись на родину, они действительно, при помощи валахов, успели возмутить города Фракии и Македонии. Следствием этого было то что латиняне, занимавшие здешние города, большей частью были истреблены или принуждены спасаться бегством в Византию. Так они были избиты, между прочим, в Дидимотихе и изгнаны из Орестиады*. Такой оборот дел, сверх всякого ожидания, освободил восток от латинян, развлекшихся войной на западе, сбил их высокомерие и сделал обладателей Эллады и Пелопоннеса несколько скромнее. Впрочем, надобно рассказать в порядке, как все это произошло. В то время как римляне, заняв Адрианополь и Дидимотих, держались в этой стороне, пользуясь значительным подкреплением валахов, Иоанн привел собственные полки и почти бесчисленное вспомогательное войско из скифов**, стараясь всеми мерами скрыть от латинян многочисленность своего ополчения. Между тем император Балдуин и трое других главных вождей (так как граф Сен Поль уже скончался и погребен был в Манганском монастыре в склепе севасты*** Склирены), получив известие о восстании римлян, немедленно выслали войско для возвращения восставших городов к повиновению. Таким образом, Визия и Чурул смирились и возврати-

грозя в противном случае выступить против него с войском и вместо царского сана обратить его в рабское состояние, в каком он был прежде».

* То есть из Адрианополя.

** Вариант на слова *вспомогательное войско из скифов*: «союзное войско команн».

*** Сан севасты в первый раз был придуман императором Константином Мономахом для своей наложницы Склирены *см.* Glossar. Du Cange. Pag. 1339, под словом *σεβαςή*.

лись к прежней покорности. Но город Аркадиополь оказал сопротивление. При приближении латинского войска все зажиточные и порядочные обыватели выбрались из него; между тем ночью вступили в него римляне, для которых он был родиной, со своими союзниками. Приблизившись к городу, латиняне сначала сделали роздых, оставаясь в вооружении и отдельными отрядами производя наблюдение над городскими стенами, но на рассвете, увидев, что римляне не держатся ни строя, ни каких бы то ни было правил военного порядка, что они даже не вполне достаточно вооружены, построились и приготовились к битве, несколько отступив от стен. Смело выступили против них римляне, приписывая робости их осторожное отступление, бросились за городские ворота и завязали с неприятелем битву; к сожалению, после недолговременной борьбы они принуждены были обратиться в бегство. Тогда открылось печальное и жалкое зрелище: не давая пощады никому и рубя все мечом, латиняне упоили землю кровью, и никто из павших не удостоился погребения. Впрочем, этим только и ограничилось в своих действиях передовое латинское войско, не смея простираться далее, потому что со всех сторон окружали его римляне и валахи с частью скифов, занимавшие также город Адрианополь, куда все стекались, как в спасительное убежище. В марте месяце выступил сам император Балдуин с графом Людовиком де Блуа и вслед за ними — венецианский дож Генрих Дандуло, каждый со своими собственными отрядами. Подступив к Андрианополю и расположившись около него лагерем вне выстрелов, на следующий день они приблизили войска к стене и поставили орудия. Так как, однако, осажденные защищались крепко, то в продолжение значительного времени латиняне, при несокрушимой прочности стен, ничего более не успели сделать, как только стреляли, и в свою очередь сами были об-

стреливаемы. Наконец они придумали поднять основы стен рычагами и таким образом неожиданно вдруг потрясти самые стены. С этой целью они начали подкапываться под них, сколько было возможно, издали: земля незаметно выносилась из подкопов, самые подкопы подпирались подставками из сухого леса, и работа шла быстро при множестве рук. Со своей стороны римляне против них также вымышляли средства к спасению города. Но не прошло еще достаточного числа дней в этой подземной борьбе, как подоспел Иоанн. Немедленно, отрядив часть скифского войска, он приказал сделать нападение на стада скота для продовольствия и табуны лошадей, которые паслись на лугах около латинского лагеря, желая такого рода стратегическим опытом изведать характер неприятелей и приемы их военных действий. Едва только появился скифский отряд, как латиняне, с неистовой быстротой взявшись за коней и копья, неудержимо бросились на скифов, которые в свою очередь, поворотив тыл, пустились в соответственно быстрое отступление, стреляя назад и в то же время не забывая бежать вперед. Латиняне сильно гнались за ними, желая их настигнуть, но, разумеется, ничего не могли сделать, гоняясь за войском легковооруженным и быстролетным. Тем и кончилось тогда это дело. После того Иоанн расположился со своим войском в оврагах, засел в ущелья, прикрылся холмистыми возвышенностями, стараясь, чтобы противники не заметили его присутствия, и выслал еще более значительный отряд скифской дружины, бывшей под предводительством Коцы, для вторичного нападения на латинский лагерь, приказав ему действовать по-прежнему и возвращаться назад к месту, где было расположено войско, той же дорогой, какой возвращался прежде. Как только латиняне опять увидели скифов, поспешно и мгновенно вооружившись, они бросились на них, потрясая

копьями, еще с большей стремительностью, чем недавно перед тем, и преследовали их еще далее. А так как скифы, почти нисколько не стреляя назад, подвигались вперед чрезвычайно скоро,— потому что при всей легкости вооружения неслись на конях, отличавшихся особенной быстротой бега,— то латиняне не заметили, как далеко увлеклись своим преследованием, и по неведению попали на те места, где были устроены силки, засады, западни. Сами усталые от усиленного преследования, с явно уже обессилевшими своими конями, они очнулись среди свежих скифских войск и были сдавлены со всех сторон, потому что скифы обступили их совершенно кругом. Бой сделался рукопашным. Подавляя их своей многочисленностью,— так как каждого обступило несколько человек,— скифы стаскивали их с седел, рубили шеи им, жестоковыйным, косами, душили их арканами, рвали на части их коней. Налегши своей массой подобно черной и густой туче, они не оставили латинянам ни малейшей возможности ни продолжать сражение в боевом порядке, ни отступить. Так пала самая отборная часть латинского войска, знаменитая силой своих копий. Пал и граф Людовик де Блуа. Балдуин был взят в плен и отправлен в Мизию, там его привели в Тернов, заключили в темницу и заковали в цепи до самой шеи. Между тем главный источник всех зол и первовиновник всех бедствий римского народа, венецианский дож Дандуло, собравшийся на битву после всех, узнав от беглецов о поражении войска, немедленно поворотил коня и понесся в лагерь. Как только наступила ночь (сражение происходило вечером), он приказал осветить палатки и развести как можно более огней, чтобы показать, что не все еще войско истреблено и что латиняне не боятся сражения, но в первую же перемену ночной стражи поднялся и ускакал в приморский город Рэдест. Соединившись там с Генрихом,

родным братом Балдуина, только что возвратившимся из Атрамиттия с троянскими армянами, помогавшими ему в войне, оттуда он возвратился в Византию, страдая животом и половыми членами от быстрой верховой езды на протяжении многих парасанг*.

11. В это время римляне, остававшиеся в Константинополе, дрожали от страха, еще чувствуя подле своей груди присутствие обнаженных латинских сабель и видя разграбление своих имуществ, которому без всякой достаточной причины подверглись они, по удалении Балдуина из города, двадцать пятого числа месяца марта восьмого индикта шесть тысяч семьсот тринадцатого года. Мы сами, живя тогда еще в Силиврии, думали также, что наступают уже последние времена, только что не собственными своими глазами видевши совершившееся по соседству с нами избиение жителей Даония и смотря на следы убийц, которые с мечами в руках вторглись в Силиврию, чтобы расхитить наши котомки и рубища. Итак, двенадцатого числа месяца апреля седьмого индикта шесть тысяч семьсот двенадцатого года Царьград был взят латинянами, а пятнадцатого числа того же месяца восьмого индикта латиняне были побеждены скифами. Но что же далее? Другой бич, гораздо более тяжелый и многобедственный заблистал теперь над римлянами. Мстя за римлян и в то же время, по-видимому, враждуя против них, Иоанн мизийский отдал на разграбление скифам все близкие к Византии пригороды, платившие дань латинянам. Тогда открылось нового рода ужасное бедствие, необычайное и превосходившее всякое наказание Божие. Одну и ту же землю, одних и тех же людей изможд али два народа, нападая

* То есть персидских миль, о величине которых сделано замечание выше *см.* том 2, стр. 46.

то оба вместе, то один после другого. Скифы при нападениях опустошали все что ни попадалось и иногда после бичевания вешали отличавшихся красотой пленников, принося их в жертву своим демонам; латиняне также, ожесточенные восстанием против себя римлян и поражением, понесенным от скифов, свирепствовали против римлян нисколько не менее. Наконец не осталось ни одного места, где бы можно было найти спасение и убежище. Твердая земля была исполнена беспредельных зол и казалась гибельнее самой погибели, а на море повсюду разъезжали однопалубные* латинские суда, разбойничая и грабя все, что ни шло, куда бы то ни было. Между тем Иоанн, не медля долго в городах Фракии, пошел на Фессалонику с целью утвердить в ней свою власть, отнять города этой митрополии у латинян и подчинить их себе. Приблизившись к Серрам, он вступил в бой с находившимися там латинянами, хотя кровопролитие было ужасно; однако он и здесь остался победителем. Встретив Иоанна с обычным своим искусством в военном деле и готовностью к отражению, латиняне сначала нанесли ему чувствительную потерю, но спустя немного войско латинское окончательно было поражено и, спасаясь бегством в город Серры, не успело запереть за собой городских ворот, так что вместе с бежавшими ворвались внутрь города преследовавшие их валахи и римляне. Таким образом город был взят; потом он был сожжен, городские стены разрушены, пленники заключены в оковы и отправлены по назначению. Уцелевший после поражения остаток латинского войска частью рассеялся в разные стороны, спасаясь бегством, частью утвердился внутри крепости**, которую успел захватить. На следующий день

* То есть имевшие один ярус скамей для гребцов.

** *Вариант*: «...внутри укрепления, называемого Кула...»

Иоанн, осадив крепость, предложил заключившимся в ней латинянам сдаться и получить свободный выход, но, ожидая помощи от маркиза, они не хотели слышать ни о какой уступке. Поэтому Иоанн заготовил лестницы и, поставив на возвышенности, лежавшей против крепости, огромную осадную машину, начал громить стены. Со своей стороны латиняне защищались упорно, употребляя все бывшие в их распоряжении средства для обороны стен. Наконец они увидели, что Иоанн, окружив крепость всем своим войском, как непрерывной огненной стеной, заградил им всякий выход из нее, так что нельзя было даже ноги высунуть, чтобы тайно пробраться к маркизу, и решились сдать крепость на том условии, чтобы им дозволено было свободно выйти из нее со всем оружием и лошадьми. Но теперь уже он не хотел слышать ни о каком договоре на подобных условиях. Тогда они стали просить о дозволении им возвратиться на свою родину, под присмотром проводников до границ Паннонии. На этом условии договор состоялся и Иоанн получил крепость, а они — беспрепятственный выход.

Что же во все это время делал маркиз, их глава? Расскажем теперь о его действиях. Устраивая дела в Пелопоннесе и воюя со Сгуром, он получил от жены письмо, извещавшее, что фессалоникийцы подняли бунт, что сама она вытеснена из города и принуждена была укрыться в городской крепости, где уже несколько дней находится в осаде, между тем городом овладел один валах, по прозванию Ецисмен, правитель Просака и его окрестностей, подвластных Иоанну. Узнав об этом, маркиз счел необходимым поспешить к ней на помощь и отправился в обратный путь. Еще не дошел он до Фессалоники, как встретил послов от своей жены с уведомлением, что враги побеждены и прогнаны и в городе восстановлено спокойствие. Обрадовавшись этому извес-

тию и объявив его своим приближенным, маркиз своротил с дороги и пошел прямо на Скопии с целью отомстить Иоанну за его неприязненные действия против себя. Но не успел он начать задуманного предприятия, как явился другой посол с известием о смерти графа де Блуа и взятии в плен императора Балдуина. Тогда он опять поворотил на прежний путь и прибыл в Фессалонику. Расследовав здесь обстоятельства восстания, о котором был извещен письменно, маркиз излил всю свою злобу на жителей города и окончательно истребил все, что еще было пощажено губительной войной, происходившей до его прибытия: кого подверг изгнанию, лишив имущества и ообобрав начисто, кому отсек голову, кого повесил, не только из простого народа, но даже из лиц, облеченных священным саном, а несчастного императора Алексея и его супругу Евфросинию (небывалое, неслыханное в Римском государстве дело и невиданное доселе явление!) отправил за море к королю аллеманскому. Между тем, получив известие о нападении Иоанна на Серры и еще не зная об окончании происходившей там битвы, он послал в Серры своим соплеменникам вспомогательное войско, которое узнало по дороге о положении дел, тем не менее, однако, не могло уже уклониться от сражения, попав в самый центр военных действий, хотя видело, что будет иметь дело с неприятелем гораздо превосходнейшим. Произошла новая битва. Войско маркиза было опять разбито наголову и обращено в бегство, потому что скифы со всех сторон напали на него неоглядным роем в необыкновенном множестве, как пчелы, выбившиеся из ульев, или осы, вылетевшие из придорожных расщелин. Потерпев, таким образом, поражение в обеих этих битвах, маркиз заключился после того в стенах Фессалоники, а Иоанн с полной беспрепятственностью вступил в Веррею и подчинил себе прочие города, принадлежавшие маркизу.

Получив известие о всех этих неудачах, латиняне, владевшие Константинополем, составили совет для определения дальнейшего образа своих действий. Совещание происходило в присутствии Генриха, родного брата императора Балдуина, и венецианского дожа* Марина, так как Дандуло уже умер. Все единогласно решили продолжать войну и послать войско против отложившихся от латинян городов Фракии, пользуясь господствовавшим еще в большей части войска одушевлением и тем обстоятельством, что Иоанн бросил римлян, занявшись другими войнами и посвятив им все свое внимание. Вследствие того немедленно выслана была вперед часть войска, составлявшая по их названию роту**, с полномочием безнаказанно подвергать отложившиеся города всем мерам жестокости; и отряд этот на своем пути действительно ознаменовал себя неимоверными злодействами и насилиями. В то же время венецианцы, выслав в море свои военные корабли, разбойнически ограбили прибрежные части восточных провинций, затем пристали к Панию и Каллиполю и разразились против них самыми неистовыми и недостойными христиан свирепостями. Разнообразны, тяжки и невыносимы были бедствия, нанесенные ими! **12.** Наконец выступил сам Генрих. Миновав Аркадиополь, так как в нем остался жить один ветер, он вторгся в Апрос и беспощадно напал на его жителей, истребляя их скорее как стадо овец

---

* Автор ошибочно называет Марина дожем Венеции. По смерти Дандуло Марин, как бывший его помощник, был выбран венецианцами, находившимися в Константинополе, для безостановочного ведения дел в должность байла или подесты, то есть старосты или наместника, и притом под условием, что он немедленно сдаст свое место тому, кого назначит и пришлет на эту должность республика. Венецианское правительство утвердило, однако, его самого в должности байла.

** *Вариант*: «Вследствие этого сформирован был отряд охотников, вызвавшихся идти вперед на поиск добычи...»

или быков, нежели христианское общество, при всем том, что они переходили на сторону валахов не столько по доброй воле, сколько по необходимости и по невозможности сопротивления. Участь тех из них, которые в качестве пленников остались живыми, была не менее печальна. С веревкой на шее латиняне водили их по селам и городам для сбора подаяний на выкуп из плена, а если несчастные изнемогали в этом невольном странничестве по болезненному состоянию здоровья или теряли все свои силы от продолжительности пути, то, хотя снималась с их шеи веревка, тем не менее ни в каком случае не дозволялось им умереть по-христиански и отдать душу Богу естественной смертью, но или отрубалась голова, или глубоко пронзались мечом внутренности. Достигнув Орестиады, Генрих расположился подле нее лагерем, огородился палисадником, окружил весь лагерь глубоким рвом (так как латиняне смотрели на взятие Орестиады, как на главную цель, венец и конец своих подвигов) и объявил жителям города, что он отступит не иначе, как после добровольной сдачи их на условиях договора или покорения их силой оружия. Не допуская ни малейшей речи о мирных условиях, осажденные отвечали, что отныне не может быть искреннего договора между римлянами и латинянами, потому что латиняне раз и навсегда показали себя в глазах римлян людьми вероломными, жестокими к покоряющимся добровольно и бесчеловечными к покоряемым силой оружия. Получив такой ответ, Генрих приступил к делу. Оказалось, что город был окружен двумя широкими и глубокими рвами; городские башни, на верху которых надстроены были высоко уносившиеся в воздух дощатые подмостки, были укрыты воловьими шкурами и кожами как для предохранения их от огненосных выстрелов, так равно для прикрытия их защитников. Поверх тех деревянных надстроек утвержде-

ны были еще мачтовые деревья, снабженные орудиями, посредством которых обыкновенно воспламеняется и бросается на далекое расстояние разливающийся по пути падения огонь. Кое-где выставлялись на них построенные для сражающихся лавочки, вроде тех настилок, с высоты которых рыбаки, смотря вглубь, наблюдают за ходом рыбы. К некоторым привешены были на цепях огромные камни, при пособии известного механизма быстро падавшие вниз и затем поднимавшиеся опять вверх, вообще подчинявшиеся в направлении своего движения произволу машиниста. Кроме того, на башнях стояло четырнадцать камнеметных орудий. По совещании с войском Генрих решил взять внешний ров приступом, потом второй ров засыпать и затем придвинуть осадные машины к стенам. Первый ров действительно был взят. Второй нелегко было завалить, и отрубленные головы вместе с обезглавленными трупами павших с обеих сторон составили значительную долю массы, наполнившей его пустоту. Когда, однако, после продолжительных работ и большого кровопролития он был кое-как наконец засыпан, латиняне двинули к стенам башнеобразные осадные лестницы; но одна из них засела во рву и легла набок от недостатка твердости в рыхлой и недавно наваленной засыпи, а другая, хотя была придвинута к стенам в прямом положении, но еще не успели положить с нее сходней на городские стены, как она была разбита брошенными с мачтовых деревьев, утвержденных на верху башен тяжелыми камнями, изломана действием камнеметных орудий и сделалась также ни к чему не годной. Мало того, сражавшиеся на ней понесли весьма значительную потерю, и в том числе Петр де Плашес[21], самый могущественный и знаменитейший между всеми латинянами своим мужеством воин, был тяжело ранен камнем в голову. Таким образом, все замыслы латинян на этот раз ру-

шились. На следующий день латиняне опять придвинули к стенам свои осадные башни с другой стороны города; их занимал отборный цвет латинского войска. Видя, что неприятели подступили почти со всей массой своих машин и готовы были уже перебросить на стены города мост, устроенный для перехода на них осаждающих с придвинутых к стенам осадных орудий, осажденные отворили ворота и выступили вперед с оружием и с запасом разных удобовозгораемых и воспламеняющихся снарядов. Завязалась битва, гораздо более жестокая, чем все прежние. Латиняне снова были отбиты и принуждены были опять отступить, потеряв все свои орудия, которые на их глазах были сожжены римлянами. Между тем совне валахские и скифские войска, окружая отовсюду латинский лагерь, не допускали к нему подвоза съестных припасов. Почувствовав себя, таким образом, в затруднительном положении и лишившись бодрости духа, латиняне послали в Византию просить на помощь себе других свежих войск. Новое войско отправилось к ним, однако, не столько по доброй воле, сколько по принуждению, вследствие церковного отлучения и анафемы, которые произнесены были на непокорных кардиналом Мартином и Фомой, недавно прибывшим из Венеции патриархом константинопольским*. Этот последний одевался в свою отечественную одежду, которая казалась как будто пришитой к телу, плотно облегая каждую его часть до самых ручных кистей, между тем оставляя грудь открытой, и стриг бороду чище серпа, так что поверхность его щек, лишенная малейшего всхода волос, представляла собой совершенно скошенную и опустошенную ниву**. Но прежде, нежели пришла помощь, в лагере сделалась зараза от валявшихся в палатках трупов* и от употребления многими или даже всеми неупотребительной пищи. Вследствие того, сняв лагерь, латиняне ночью отступили от Орестиады и затем расположились на полях памфильских, чтобы отдохнуть от безуспешных и продолжительных трудов своих. Между тем пока они под стенами Орестиады переносили столько бедствий, вспомогательное войско, решившееся отправиться для соединения с ними, выступив из Константинополя, встретилось по дороге с валахскими и скифскими отрядами и почти все было истреблено**. После этого латиняне решились соорудить новые машины. Для постройки их они собрали из приморских городов мачты двухпалубных кораблей, и чего затем недоставало, то вырубили в лесах, покрывающих горные возвышенности Пропонтиды, послав туда распорядителем работ графа Конона де Петуня***[22]. Наконец они запаслись вдоволь всякого рода осадными машинами, большей частью даже оковав их железом для предохранения от огня, и приготовились опять к войне. Оставив Орестиаду, которую считали теперь неприступной, судя по тому, чего стоила им ее осада, они решились произвести нападение на Дидимотих, расположились подле него лагерем, повели осаду против крепости и хотели уже двинуть к ее стенам грозные орудия, рассчитывая на приступ. Но еще не зашло солнце в этот день реши-

* То есть латинским патриархом в Константинополе.

** Вариант на слова: *этот последний и проч.* «Патриарх Фома носил одежду, плотно облегавшую и, так сказать, обвязывавшую все тело, за исключением только отчасти груди и ручных кистей, и брил бороду, не оставляя на ней ни одного совершенно волоса, так что казался как будто безбородым юношей».

* *Вариант*: «...от зловония и гниения мертвых тел...»

** Вариант на слова *между тем пока и проч.*: «Между тем как болезнь свирепствовала в лагере, то же бедствие постигло отправившийся для соединения с ним отряд. Кроме того, отряд этот встретился по дороге с валахами и понес от них большую потерю убитыми».

*** То есть Conon de Béthune. *Вариант*: «...назначить главным мастером и строителем машин графа Конона де Петроня».

тельного приступа, предположенного латинянами, как небо покрылось облаками, страшный дождь полился из атмосферы на окрестности Дидимотиха и протекающая близ крепости река Эвр, вышедши из берегов, своим разливом затопила поля на огромное расстояние. Внезапное наводнение, охватившее латинский лагерь, унесло оружие, машины, разбросало в разные стороны кавалерийских лошадей и увлекло множество народа на волны Ахеронта*. Если бы еще солнце не проливало своего света и случилось это несчастье ночью, то, без сомнения, погибла бы большая часть войска. Быв поражены необычайностью совершившегося события, более благоразумные и менее кровожадные из латинян решились после этого оставить Дидимотих, советуя то же самое и другим. Действительно, все войско, принимая постигшее его бедствие за чудо, скоро отступило отсюда: одна часть его вместе с Генрихом возвратилась в Константинополь, а другая осталась охранять сухопутные и приморские города, признававшие власть латинян.

Впрочем, бедствия не прекратились и дела римлян не стали от этого лучше. Пренебрежение, недоверчивость и непримиримая враждебность латинян к римлянам продолжались совершенно в прежнем виде, и чего латиняне не могли сделать с отложившимися, против которых постоянно острили копья, то делали с бывшими еще в их руках, точа на них свои зубы. С другой стороны, невыносимо больно было видеть равнодушие, бесчувственность и полнейшее безучастие к судьбе страждущих одноплеменников со стороны римлян, населявших восточные** провинции, которые ни деньгами,

* Ахеронт — мифологическая река, через которую умершие переправляются из страны земной жизни в ад.

** То есть азиатские провинции Римской империи, называемые так в противоположность европейским, или западным.

ни войском нисколько не думали помочь городам западным.

13. Оставив в покое Азию, латиняне всеми своими силами налегли на Фракию, которая, таким образом, одна понесла на себе всю тяжесть борьбы за свободу римского народа. Наши полководцы между тем, неожиданно избавившись от грозившей им опасности, ни на волос не сделались от того лучше. Вместо того чтобы предпринять какие-нибудь меры для спасения и обороны себя и своих соотечественников, они, предавшись *превратному уму* и забыв о Боге, чтобы *делать непотребства* (Рим. 1, 28) и никогда не приходить в чувство, разделились на разные партии и отдельные общины, волновали города и вооружались друг против друга, попирая все узы родства. Народ раздробился на части, как некогда Израиль и Иуда, к великому прискорбию пророка; одна часть держалась одного вождя, признавая его своим царем, другая — склонялась на сторону другого, так что людям мыслящим эта множимость и этот разрыв уз одноплеменности казались проклятием, тяготевшим над народом. Даже когда пробуждалось в народе чувство некоторого рода дружественной связи, то оно выражалось не тем, чтобы все одушевились одной мыслью или, соревнуя друг другу в мужественной обороне отечества, с общего согласия решились оказать деятельное пособие городам западным, но единственно одними толками об избрании новых царей, причем известная часть народа, подобно стае птиц, поднималась и улетала вслед за одним вождем, а другая часть избирала себе другого, вроде какого-нибудь тернового куста*. Таким образом, охватило весь восток многоначалие, раски-

* Вариант на слова: *причем известная часть народа... тернового куста.* «Причем одни избирали действительно достойных — благородные отрасли плодовитых дерев, а другие предоставляли над собой царскую власть кустам терновника (Суд. 9, 8—15)».

нувшееся по его областям благодаря народной испорченности, как трехголовый зверь. С одной стороны, Мануил Маврозом[23], пользуясь содействием Кайхозроя, который недавно перед тем женился на его дочери и опять овладел утраченным прежде престолом иконийским, употреблял все усилия достигнуть при его помощи царского сана и с этой целью, приведши с собой турецкое войско, грабил и опустошал области, орошаемые рекой Меандром. С другой — выставлял свое право Феодор Ласкарис[24], опираясь на знатность рода и свойство с царским домом. Отразив Маврозома, Ласкарис надел красные сандалии и был провозглашен римским императором всеми городами восточных провинций. В то же самое время Давид Комнин, собрав войско в Пафлагонии, равно как в Ираклии Понтийской, и наняв отряд иверийцев, населяющих берега реки Фазиса, старался подчинить своей власти разные города и селения, провозглашая государем своего родного брата, по имени Алексей, и называя себя его предтечей и провозвестником, тогда как сам Алексей, брат его, по-видимому, дал обещание никогда не выходить из трапезунтской области и походил на Иласа, которого, по поговорке, все зовут, а никто не видит. Наконец Давид простер свои виды даже на Никомидию, послав туда войско под предводительством одного молодого человека, по фамилии Синадин. Вследствие того Ласкарис также собрал войско и выступил против него. Давая вид, что идет по гладкой и проезжей дороге, он перешел между тем на другую дорогу, пролегавшую по гористой и неудобопроходимой местности, и таким образом неожиданно напал на Синадина. Успех его стратегического маневра был самый удачный: Ласкарис взял юного полководца в плен, рассеял его войско и принудил Давида не простираться далее Ираклии Понтийской. Спустя немного после этого он сразился опять с Маврозомом, обра-

тил его в бегство и, разбив турецкое войско наголову, частью истребил его, частью взял в плен, сделав это последнее исключение преимущественно для лиц, занимавших начальственные должности в войске и знатных родом.

Пока дела шли таким образом на востоке, Иоанн мизийский, осадив Филиппополь, взял его, разграбил, разрушил и истребил большую часть его жителей. Давно уже он злобился против этого города и выжидал случая овладеть им, чтобы отомстить за непокорность его жителям, которые, питая отвращение к нему, как к *мужу кровей*, не соглашались признать его своим царем, но его злоба и его варварское ожесточение достигли крайних размеров, когда филиппопольцы провозгласили своим государем Алексея Аспиета и под начальством своего нового вождя несколько раз отразили его неприязненные нападения. Впрочем, может быть, Филиппополь, попеременно склоняясь то к союзу с латинянами, то на сторону Иоанна мизийского и избежал бы своей несчастной участи, если бы зло коснулось только его одного, но когда пала столица и сокрушилась мощная опора всех городов, то и он вслед за ней, как дочь за матерью, по необходимости уже должен был подвергнуться той же или даже еще более горькой доле. Испытав все ужасы грабежа и убийств, он был разрушен до основания и обращен в обширное поле развалин, среди которых только одна мрачная картина поражала утомленный запустением взор печального путника — высокий шест, на котором головой вниз висел Аспиет, повешенный за ноги на веревке, продетой сквозь надлодыжечные жилы. Все сторонники Аспиета, способствовавшие возвышению его на высоту царской власти, боясь со стороны Иоанна, который не мог не знать их, казни за свое переметничество, решились после этого открыто разорвать с ним всякую связь. Одни из них перешли к Феодору Лас-

карису, правителю городов восточных; другие, сосредоточившись частью в Орестиаде, частью — в Дидимотихе, вступили в переговоры с латинянами и отправили к ним послов с просьбой назначить их полководцем Феодора Врану[25]. Между тем Иоанн воротился в Мизию для устройства своих дел и через небольшой промежуток времени, наказав там изменников страшными казнями и новоизобретенными родами смерти, решился начать непримиримую, убийственную и беспощадную войну с римлянами, говоря, что он не в силах долее выносить их коварство, вероломство и ежеминутную переменчивость. В неукротимой злобе он выслал поэтому необозримые рои скифских войск, соперничавшие своей многочисленностью с количеством весенних цветов. Одни из них в необыкновенном множестве окружили Адрианополь. Другие подступили к Рузию, вызывая на битву латинский гарнизон этого города. То был отборный отряд латинского войска, состоявший из великанов ростом и героев военного ремесла, под начальством Тьерри*[26], весьма знаменитого и уважаемого вельможи**. Как только латиняне узнали от лазутчиков о месте расположения скифского войска, немедленно они двинулись туда со всей поспешностью, но скифы, предупредив их нападение, скрытно заняли другое место, лежавшее ближе к Рузию, и, когда латиняне после своих поисков возвращались уже назад, неожиданно сами напали на них. Внезапность их появления привела в трепет латинское войско, и их многочисленность грозила ему самыми гибельными последствиями; при всем том завязалась упорная битва. Обе стороны сражались с одинаковым мужеством;

* Автор говорит о «Thierri de Tenremonde, connétable de Romanie».

** Вариант на слова: *То был отборный отряд... вельможи.* «То было сильное и весьма прочное укрепление, окруженное высокими деревянными башнями, построенными по всем правилам искусства».

наконец, после отчаянного сопротивления, латиняне почти все поголовно были истреблены[27]. Пока здесь происходило это сражение, другие многочисленные и воинственные отряды скифов нахлынули на Апрос. Быстро или, лучше сказать, без сопротивления овладев несчастным городом, скифы разрушили его до основания; народонаселение же его частью истребили, частью увели на продажу в рабство, закрутив пленникам руки за спину, частью предали сожжению. На их стороне была победа, это правда, но бесчеловечно было пользоваться так своими победами!

14. После описанного жаркого сражения скифы, двинувшись по направлению к морю на Рэдест, встретили по дороге Феодора Врану, который вел в Орестиаду посланный туда отряд латинян, и обратили его в бегство вместе со следовавшим за ним войском. Затем они взяли Рэдест приступом, жителей обратили в рабство, а самый город сровняли с землей, переняв от валахов непримиримую вражду к нам и передавая ее от детей к детям, из века в век. Отсюда с тем же неудержимым жаром они пошли на Перинф, из Перинфа — в Даоний, уничтожая страшной силой своего напора всякую мысль о сопротивлении, взяли в плен поголовно все народонаселение этих городов и стены их разрушили до основания. Но не одно только взморье испытало на себе действие бурной храбрости скифских дружин и сопровождавшего их отряда валахов, которые с заступами и лопатами в руках нападали преимущественно на стены городов. Все местности, удаленные от моря, сделались теперь в равной степени жертвой тех же или еще больших бедствий без всякой пощады со стороны победителей; так как вообще люди, вырвавшиеся из долговременного рабства на непривычную свободу, не знают никаких границ в своих действиях и никогда не думают о том, что в свою очередь и они могут опять попасть

в беду, возносясь без меры случайными удачами и оборотом счастья в их сторону, они совершенно забывают прежнее и надменно, нагло, буйно увлекаются настоящим. Таким образом, Аркадиополь, Месина, Чурул бедственно кончили свое существование, и все деревни, села, все, что некогда подлежало управлению этих городов, равно как все, что принадлежит к округу самого города Константинополя,— все это попало на переделку в скифские руки. Наконец гибельный ураган разразился и над жителями города Афиры. Сначала афирцы согласились со скифами на денежный окуп, и уже прибыли к ним со стороны скифов сборщики золотой монеты. Но вечером того же дня подошла к городу часть латинского отряда, бывшего с Враной под Рэдестом. Жители с радостью немедленно приняли эту горсть войска, надеясь, что она останется в городе и вступит в битву со скифами, однако около первой перемены ночной стражи латиняне выступили отсюда далее, стараясь укрыться и убежать от скифов, хотя при всем том не достигли цели, потому что под самым Ригием наткнулись на другие, шедшие впереди них скифские отряды, и в самом непродолжительном времени после того поголовно все были истреблены. По удалении латинян скифы, без ведома своих сборщиков денежного окупа, среди ночи перебрались через городские стены, овладели воротами и с обнаженными мечами, со страшным криком бросились на жителей, которые большей частью еще спали и потому не имели достаточно времени, чтобы найти спасение в бегстве. Век надобно оплакивать целыми потоками слез то, что совершилось потом в продолжение этой ночи. Не только все взрослые без различия пола были истреблены или в качестве пленников обращены в рабство; даже грудным младенцам не было пощады: как юную травку или как нежный цветок, скосили их эти безжалостные люди, нисколь-

ко не чувствуя, до какой степени оскорбляет природу и попирает законы человечности тот, кто простирает свою злобу за пределы победы и власти над врагами. Еще более жалко тех несчастных, которые надеялись спастись, бросившись к пристани: овладев берегом и не внимая ничьим мольбам, победители частью изрубили их мечами, частью увели к себе назад, частью заставили пуститься вплавь по воде и утонуть в ее волнах. Немногие только спаслись, успев сесть на корабли. Иные, не попав на сходни, поскользнулись о нижние части бортов и также погибали в море. Так ужасен и так безысходно губителен был этот погром, кончившийся почти совершенным истреблением всех жителей города! После того, рассыпавшись по всей стороне толпами и отдельными отрядами, варварское войско, подобно страшной буре или лесному пожару, развеяло и испепелило все, что встречало на своем пути. Не осталось решительно ни одного места, которое было бы не отыскано и не разграблено. Из городов же сколько-нибудь более важных и по своей значительности могших рассчитывать на сопротивление, только Визия и Силиврия уцелели от разорения и разрушения скифами, да и они избежали общей участи только потому, что, при всей неприступности своего местоположения, были обнесены еще чрезвычайно крепкими стенами и, кроме того, оберегаемы латинским гарнизоном. Совершенно упав духом при таких успехах неприятелей, итальянцы забились в Константинополь, как в пещеру, и все свое внимание обратили на приготовление средств для выдерживания осады, разделив с этой целью между собой городские стены со стороны материка на участки и предоставив римлянам полную свободу выселяться из города куда угодно. Между тем скифы довольно долго еще оставались в окрестностях Константинополя, часто они подступали к самым стенам, завязывали битву, иногда даже,

для показания своего мужества и, можно прибавить, счастья, которое им сопутствовало в этих случаях, в самом небольшом числе врывались в так называемые Романовские* ворота и истребляли оберегавшую их стражу, но затем немедленно отступали назад. Наконец они опять всем войском ушли обратно в свою сторону, гоня перед собой пленников целыми стадами, как каких-нибудь животных, а лошадей и разного другого домашнего скота такое неисчислимое множество, как неисчислимы звезды небесные.

После того Иоанн с прекрасным и многочисленным войском выступил сам в поход. Прежде и более всего желал он покорить Адрианополь и овладеть Дидимотихом, считая завоевание этих городов достойной наградой за всю войну и в то же время видя в нем осуществление своего желания совершенно выгнать римлян из Фракии и обратить ее в жилище одних диких зверей. Итак, он стал лагерем близ Дидимотиха. Находя, что возвышенное местоположение города представляет непреодолимые трудности для его завоевания, Иоанн решился отвести в сторону реку Эвр, которая, огибая крепость, посредством тайных водопроводов снабжала водой жителей. В то же время, установив орудия, он старался пробить ту часть стены, где, по его соображению, она не могла быть совершенно недоступна усилиям осаждающих и куда расстояние позволяло долетать бросаемым орудиями тяжелым камням. Со своей стороны осажденные, желая умилостивить Иоанна, приносили ему различные извинения, уверения в преданности, изъявления покорности; мало того, с высоты своих укреплений провозглашали его своим царем,

* Романовские, или святого Романа, ворота занимали девятое место в ряду восемнадцати земляных ворот города Константинополя, считая от Золотого Рога по направлению к Пропонтиде. *См.* выше, том 2, стр. 245, примеч. **.

обещали платить подати и давали согласие усердно исполнять все, что он ни прикажет, умоляя только избавить их от необходимости видеть его в своем городе. Но все это еще более разжигало его неистовство и злобу. Он решительно отвергал все предложения и, упорно настаивая на сдаче крепости, как на единственном условии примирения, с прежним ожесточением продолжал осаду, страшной силой огромного размера камнеметных орудий разрушая стены, пробивая углы башен и ниспровергая их вершины. Между тем осажденные обнесли стены загородками и палисадником, укрыли их крепкими кожами, чтобы выстрелы из орудий, падая на них, теряли в их упругости силу своего действия. Таким образом, когда Иоанн на время прекращал битву, тогда они со смиренным видом и кроткими речами играли роль преданных и представлялись покорными; а когда он, спешив с коней храбрейшую часть войска, приказывал своим с головы до ног закованным в железо латникам идти на приступ в проломленные бреши стены или готовился придвинуть к стенам всходные машины и повсюду расставлял в боевом порядке остальное войско, тогда и они, сбросив маску покорности, принимали храбрую воинскую осанку и, сколько доставало сил, отражали нападение, полагая в защите стен всю свою надежду и не щадя ничего для их обороны, наносили неприятелю под влиянием отчаяния и одушевления столько же вреда, сколько терпели от него сами, и ознаменовывали себя подвигами отваги и мужества. Долго тянул варвар эту осаду, но наконец ушел назад в Мизию. С одной стороны, безуспешность охладила его порывы, как недостаток горючего вещества укрощает силу пламени; с другой — встревожила его переходившая из уст в уста и распространившаяся повсюду весть, что скоро должен был прийти на помощь осажденным отлично обученный военному делу от-

ряд латинского войска. В это самое время скончался мирной смертью патриарх Иоанн Каматир, после бесприютного странничества поселившийся в Дидимотихе.

15. Действительно, итальянцы без всякой враждебности охотно приняли приглашение римлян, которые звали их в Орестиаду и Дидимотих. Они надеялись таким образом поправить свои обстоятельства, потому что прежде считали все свои надежды на эти города окончательно разрушенными. Выступив из Константинополя, они сначала расположились близ Афиры, потом вступили в Силиврию, где пробыли несколько дней, и оттуда, запасшись съестными припасами, прибыли в Адрианополь.

Справедливо можно сказать, что никогда *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9), что совершили скифы и валахи во время этих нашествий. Обширные, знаменитые и многолюдные до той поры города, красивые подгородные села, отлично обработанные поля и луга, цветущие сады, изобиловавшие плодородием от орошения постоянными ручьями, высокие дворцы, великолепные, артистически отстроенные и расписанные разноцветными красками терема, бани с удобствами всякого рода, обремененные плодами виноградники, обильные жатвы хлебов и тысячи других предметов, произращаемых разными временами года, которые радуют землю и делают нашу жизнь на ней приятной, сладкой и многожеланной,— все это, по истреблении народонаселения, сделалось теперь жилищем одних ежей и диких животных. Если бы кто-нибудь мог окинуть это одним взглядом, то, конечно, проникшись величайшей скорбью и ударяя себя в грудь, со слезами на глазах сказал бы, что видит разрушение вселенной или, по крайней мере, возобновление того состояния мира, когда Бог повелел произрасти из недр земли зелени, траве и всякому растению,

сеющему семя по роду своему и по подобию, а человека, чтобы пользоваться всем этим, еще не было. Где найти мне для своего языка такое богатство выражений, чтобы их достаточно было для подробного и полного перечисления стольких бедствий? Или откуда взять голос довольно громкий, чтобы передать описываемое в слух отдаленных потомков? Как несчастен писатель, который, подобно мне, принужден говорить о таком бесчисленном ряде несчастий и переполнять свою речь описаниями страданий своих и — своих соотечественников! В состоянии ли кто-нибудь с совершенным равнодушием смотреть на памятники побед, подобные тем, которые воздвигнуты нашими неприятелями? В древности победители, по чувству человечности и нежеланию хранить воспоминание о вражде навек, устраивали победные памятники из дерева или из небольших камней, с той целью, чтобы они, простояв несколько времени, исчезли потом как свидетельства и залоги не дружбы, но вражды и кровопролития. А варвары, которым нас теперь предал Бог в наказание, оставили следом своих побед над нами развалины городов и повсюдное запустение. Но им этого было мало. Они непременно хотели достигнуть самого крайнего верха жестокости, упиться кровавой свирепостью; и вот, когда кто-нибудь из них умирал, естественной ли смертью или на войне, то, закапывая вместе с умершими боевых коней, на которых те ездили, луки с тетивами, обоюдоострые мечи, в те же могилы зарывали они живыми и пленных римлян. Кто мог тут выкупить, кто мог спасти несчастных? Так, варвары не знают ни меры, ни границ бесчеловечия! Когда обрушились на нас все эти страсти, все эти невиданные и неслыханные ужасы, были пасхальные дни девятого индикта*

* *Вариант*: «...девятого числа апреля». Поводом к этому несообразному с контекстом варианту, очевидно, послужило то, что автор вместо общепонятного латинского слова *индикт* употребил здесь менее определенное

шесть тысяч семьсот четырнадцатого года. Таким образом, всякое место, куда приходил какой-нибудь скифский отряд, одновременно с пением победных гимнов Церкви оглашалось горьким стенанием побежденных; вопли, крики и рыдания заглушали гул праздничный, и между тем как верные воспевали опустение гробов, разрушение ада, восстание из мертвых, целые города сонмами погружались *в преисподняя земли*, или в страшные и мрачные селения ада. А тут влекут в плен, в другом месте грабят, здесь брошены на улице малые дети, там режут дряхлых стариков — но у кого найдется столько сил для горя и рыданий, чтобы достаточно оплакать все это и оросить слезами? Недаром же и, уж конечно, не случайно перед нашествием скифским налетели на поля Фракии огромные стада воронов и грачей — одни с севера, другие с юга*,— встретились между собой в одном месте, сразились, и вороны, взяв верх, прогнали прилетевших с юга грачей**.

Впрочем, не одна Фракия подверглась такой сокрушительной участи, такому неоглядному морю искушений, непроходимому водовороту бедствий, грозному урагану страшных несчастий; области, лежащие на запад от нее, страдали не менее. Афины, Фивы, Евбею, окрестности Метоны и Патраса небольшой отряд кампанцев и латинян разделил между собой, как отцовское наследство. Что же касается прежних владельцев этих мест, то в своем презренном ничтожестве, в раболепной низости они согласились лучше покориться неприятелю, чем воспрянуть душой и крепко стать против

греческое слово ἐπινέμησις, т. е. *отдел* или *особый круг*. Впрочем, Пасха 6714, или 1206, года была действительно в апреле, именно 2 апреля.

* *Вариант*: «одни с запада, другие с востока».

** Таким образом, наш просвещенный автор и сам отчасти отдает дань суеверию своего времени.

него за себя и за своих детей. Как в начале грозы чувство свободы спало в них беспробудным сном, так и после они не опомнились. Есть также между подобного рода мелкодушными людьми, развращенными негой и всякими бесчинствами, несколько тупоумных честолюбцев, которые, к вреду своего отечества, имея в своих руках крепости и неприступные твердыни или даже захватив сильно укрепленные города, объявили себя независимыми правителями своих злосчастных владений и, вместо того чтобы дружно противостать латинянам, возобновив с латинянами мирные договоры, враждуют друг против друга. Так, Лев Сгур, как я и прежде сказал, владел Коринфом и Навплием; Лев Хамарет, управляя Лакедемоном, провозгласил себя независимым владетелем Лаконии; Этолия, окрестности Никополя и округ епидамнский составили особое владение под управлением Михаила, незаконнорожденного сына севастократора Иоанна. В то же время маркиз Бонифатий, владея Фессалоникой, управлял всем прибрежьем, составляющим округ Алмира, господствовал над ларисской равниной и получал подати, собиравшиеся с Эллады и Пелопоннеса. Кроме всех поименованных лиц, еще кто-то, заняв возвышенности Фессалии, называемые ныне Великой Валахией, объявил себя независимым топархом этой местности. При таком разделении запада на множество отдельных владений чего не истреблено там доброго и чего не водворилось злого? Конфискации имуществ, ссылки, смертные казни, изгнание и тысячи других подобных бедствий составляют обыкновенные явления тамошней жизни. Всем этим преимущественно отличаются владельцы римского происхождения, и более всех — Лев Сгур. Этот последний не щадил даже своего родного города. Что же касается его отношений к архипастырю коринфской митрополии Николаю, то сначала он помирился с ним

и, забыв все прежние несогласия, принимал его даже к своему столу, но потом оказалось, что внешняя дружба служила ему только прикрытием неизменной и непримиримой ненависти, вследствие которой он спустя несколько времени лишил его зрения и затем сверг со скалы.

16. На востоке Пруса, Никея, Лидия, Филомолп, Смирна, Ефес и все места, лежащие в этих границах, признавали над собой власть Феодора Ласкариса. Построив военные корабли, Ласкарис подчинил себе также большую часть островов. Но по договору с Кайхозроем, султаном иконийским, он уступил часть своих владений в пользу тестя его, Мануила Маврозома; в эту часть вошли: отечественный город писателя настоящей «Истории» Никиты Хоны, пограничный с Хонами город Лаодикия Фригийская и вся местность по извилистому течению реки Меандра до самого впадения ее в море. Из детей Мануила, сына того самого Андроника, который так деспотически царствовал над римлянами, Давид владел Ираклией Понтийской и всей Пафлагонией, а Алексей в качестве особого государя правил областью, в состав которой входили города: Инэй, Синоп и самый Трапезунт. Атталия составляла также отдельное владение под управлением Алдебрандина, итальянца родом, но по воспитанию и по понятиям совершенного римлянина. Островом Родосом владел опять особый государь. И все они, вместо того чтобы с общего согласия принять возможные меры и сделать что-нибудь для обороны еще не пострадавших частей отечества или для возвращения завоеванных уже городов, увлекаясь честолюбием и желая называться независимыми владетелями, вооружались друг против друга, своими распрями и взаимным несогласием подавая врагам римского народа отвагу, силу,— можно сказать, даже непобедимость и несомненный успех без всяких пожертвований; так что каждое

из многочисленных латинских племен, снаряжаясь на войну против римлян, могло с полнейшей самоуверенностью распевать словами священного писания: *погонюсь, настигну, разделю добычу; насытится ими душа моя; обнажу меч мой, истребит их рука моя* (Исх. 15, 9). Действительно, организовав какую-нибудь горсть войска и собрав крошечный отряд конницы, неприятели часто нападали на принадлежавшие римлянам острова, зная, что не встретят там ни малейшего сопротивления. Так, между прочим, какие-то генуэзские пираты, изверги и отребье человечества, негодяи в высшей степени во всех возможных отношениях, постоянные разбойники, злодеи, достав себе откуда-то пять круглых купеческих кораблей и снарядив двадцать четыре трииры, пристали к Криту; сначала они выдали себя за купцов, а потом оказались неприятелями и без всякого труда захватили в свои руки весь остров. В это самое время султан иконийский Кайхозрой выступил в поход против Атталии, воображая, что город не в состоянии оказать ему достаточного сопротивления, и надеясь взять его без труда при одном своем появлении. Между тем владетель города Алдебрандин, узнав о замыслах Кайхозроя, по совету со своими помощниками в управлении, заблаговременно послал на Кипр просить помощи и получил оттуда двести человек латинской пехоты. Когда началось сражение и персидское войско обступило город, латиняне, сомкнувшись в фалангу, неожиданно ударили на персов в помощь атталийцам. Таким образом варвары приведены были в смятение, войско их понесло большой урон убитыми, и Кайхозрой принужден был отступить, простояв под Атталией лагерем не более шестнадцати дней. В то же время Феодор Ласкарис, собрав войско против Давида понтийского, занял Плусиаду и отклонил этот город, изобилующий опытными стрелками и привычными к воен-

ному ремеслу людьми, от покорности Давиду. По всей вероятности, Ласкарис взял бы потом и самую Ираклию и совершенно выгнал бы оттуда Давида, если бы не был поставлен в затруднение известием о нападении латинян, с которыми Давид заключил союз, в помощь Давиду, на город Никомидию. Отвага и желание сразиться с латинянами влекли его в одну сторону; вероятная надежда на полный успех начатого предприятия — так как он рассчитывал овладеть Ираклией и прочно утвердиться в этом городе — удерживала в другой. Наконец, после продолжительного и тяжелого колебания, он решил, что гораздо менее риска и гораздо полезнее будет идти на союзников Давида, и поэтому, оставив дорогу, по которой уже шел, поворотил на них. Со своей стороны, латиняне, узнав об этом и вовсе не желая встретиться со своим противником лицом к лицу, ночью отступили от Никомидии и возвратились в Византию. Таким образом, Давид, недуманно и негаданно избавившись от опасности, которая была к нему так близко и почти уже висела у него на носу, опять крепко засел в Ираклии. В благодарность латинянам за их содействие он послал в Византию несколько кораблей с грузом хлебных припасов и ветчины и при этом, прося у них вторичного вспоможения, умолял их, чтобы в своих условиях и договорах с Ласкарисом они включали и его в число своих подданных, считая всю подвластную ему страну подвластной себе. Мало того, получив в ответ изъявление их согласия на его предложения и узнав, что Ласкарис из Никеи перебрался в Прусу, он, слепо полагаясь на союзное войско, которое ему снова выслано было теперь из Византии, и подвергая как это войско, так и себя самого новым испытаниям и искушениям, в свою очередь выступил из Ираклии сам в поход и, перейдя реку Сангарий, начал опустошать подвластные Ласкарису пригороды. Через несколько времени Давид

воротился, однако, отсюда назад, взяв из Плусиады заложников и заключив несколько человек из жителей этого города в узы за их преданность Ласкарису. Напротив, итальянцы, в числе около трехсот человек, решились идти далее и из равнин вступили в горы. Но здесь, близ никомидийских горных трущоб, неожиданно настиг их Андроник Гид*. Произошло сражение. Много раз победа попеременно склонялась то в ту, то в другую сторону. Наконец латиняне были разбиты наголову и частью даже взяты в плен, попав на римский отряд, защищавший горы, и на устроенные этим отрядом засады; так что из всех них не осталось почти ни одного человека, чтобы отнести Давиду известие о таком несчастии. Вдобавок ко всем этим неурядицам Петр де Плашес, о котором мы упоминали выше и который при своем удивительном росте отличался не менее изумительной храбростью, также домогался овладеть городом Пигами. Утверждая, что он имеет будто бы право на этот город, так как владел им прежде, когда латиняне вели на востоке войну против римлян, он пробовал взять его и открытой силой; однако жители, оставаясь верными Ласкарису, отразили его. Тогда он, повидимому, отказался от своих притязаний, но на самом деле решился тайными путями достигнуть того, чего не мог взять явным насилием. Перехватив и лишив жизни несколько человек из враждебных себе жителей города, он тайно и небольшими партиями ввел в Пиги своих сподвижников при помощи одного славянина Варина и его соумышленников; а затем и сам, выждав удобный случай, также незаметно пробрался в город. Немедленно после того он напал ночью на своих противников, прогнал их без всякого труда и овладел всем городом.

* Один из полководцев Ласкариса.

Пока здесь шли таким образом все эти дела, латиняне, прибывши в Адрианополь, расположились сначала подле него лагерем; так что для их потребностей устроился и рынок вне города. Потом, утвердив военный союз с римлянами, они обошли несколько городов, пострадавших от нашествия скифов, восстановили их, сколько позволяло время, и, простираясь постепенно далее и далее, проникли в пределы гор Родопских*. Не встречая нигде никакого сопротивления и даже совершенно не видя неприятелей, они вступили в крепость Стенимах, освободили оттуда своих соплеменников, которые составляли остаток гарнизона, занимавшего прежде город Филиппополь, и затем пришли опять в Орестиаду. Наконец, поручив Феодору Вране отряд своего войска, латиняне оставили его здесь главнокомандующим, а сами возвратились в Византию и провозгласили своим императором Генриха — родного брата Балдуина, первого константинопольского императора из рода латинян. Таким образом, целый год и четыре месяца они оставались в своем общественном управлении без царя и не прежде согласились вручить царскую власть кому-либо другому из своих соплеменников, как получив точное удостоверение о смерти Балдуина. Пусть послушают это римляне, которые каждую минуту готовы возвести на престол нового царя и при самом возведении обдумывают уже, каким бы образом его низвергнуть, справедливо слывя за это у всех народов матереубийственными ехиднами, людьми, потерявшими всякий смысл,

* Родопой, или Родопскими горами, называлась в древности отрасль гор Балканских по реке Несту, или Карасу, известная теперь под названием Деспоти-Дага. По мифологическим сказаниям, Родопа, дочь реки Стримона, была выдана замуж за фракийского царя Эма, но впоследствии она и гордый муж ее за желание сравняться с богами и присвоение себе божеских почестей были превращены в горы. Ovidii Metamorph. Lib. VI, fab. 2.

чадами проклятия и сынами беззакония, вооружающимися против самих же себя! Смерть Балдуина произошла следующим образом. Быв взят, как выше сказано, во время сражения со скифами в плен и закован в цепи, он довольно долго содержался в заключении в Тернове. Наконец, когда поднял знамя восстания Аспиет, то это жестоко раздражило Иоанна против латинян, так что, распаляясь в своей злобе постоянно более и более, он дошел наконец почти до бешенства. В таком состоянии он приказал вывести Балдуина из темницы, отсечь ему топором ноги по колена и руки от кистей по самые плечи и потом бросить его головой в мусорную яму на съедение птицам, где уже на третий день несчастный мучительно расстался с жизнью. Впрочем, не его только одного Иоанн так бесчеловечно лишил жизни. С такой же немилосердной жестокостью он истребил всех пленников римских, не внимая ни жалобам, ни мольбам их. В том числе погиб и дромологофет Константин Торникий. После взятия Константинополя латинянами Торникий почти поневоле поступил на службу к императору Балдуину и, убежав из плена, в который взят был на войне со скифами, прибыл потом к Иоанну. Он надеялся найти у Иоанна покровительство и даже получить большое значение, так как в былое время часто приезжал к нему послом от Римского государства, но встретил такой ласковый прием, что, быв весь изрублен мечами, не сподобился даже и погребения после своей злосчастной смерти.

Между тем латиняне решились разрушить старинные пророчественные талисманы города Константинополя*, изобретенные в древности (правда ли это, не могу вер-

* В Константинополе было несколько старинных памятников, с судьбой которых народ суеверно связывал судьбу самого города Константинополя и

но сказать) для ограждения и обороны его от всяких явных и тайных вражеских нападений, и преимущественно те из них, которые, по народной молве, были воздвигнуты против их племени. Таким образом, низринув с пьедесталов и растопив на огне несколько других медных статуй, они обратили внимание также на переднее левое копыто медного коня, который стоял посреди Таврской площади* на четырехугольном пьедестале из белого мрамора, держа на своем хребте какого-то необыкновенной силы и поразительной наружности всадника. Впрочем, и сам конь, покрытый весь чешуйчатой сбруей и представленный изгибающимся, с поднятыми вверх, как бы при звуке трубы, ушами, изум-

даже всей константинопольской империи. Некоторые из них были украшены барельефами, представлявшими разные исторические или поэтически вымышленные события и картины. Утратив подлинную мысль, которую в свое время соединяли с этими памятниками и барельефными изображениями поставившие и соорудившие их лица, народ в благоговении к древности во времена упадка искусств и общего суеверия придал им мистическое значение рода амулетов (*φυλακτηρίων*) или талисманов, которые будто бы при самом основании города поставлены были по указаниям сивилл в обережение и охранение его от всяких вражеских покушений и действительно оберегали вернее всех стен, рвов и других средств обороны. Народ был убежден, что пока эти памятники целы, до тех пор торжество его над врагами будет несомненно, хотя бы временно враги и получали некоторый перевес,— что все, изображаемое ими, с течением времени должно непременно исполниться, как непреложное слово Божие. Поэтому он считал их также не только оборонительными, но вместе *пророчественными*, или *предвещательными талисманами города* (*στοιχειώδη τῆς πόλεως φυλακτήρια*). Так называли эти памятники и так смотрели на них не только простые люди, но и люди по своему времени ученые, воображавшие стоять выше народных суеверий и предрассудков. Так называет их и наш автор, нисколько не отвергая возможности их мистической силы и, во всяком случае, признавая в политическом отношении весьма серьезным существование подобного понятия о них в народе. Об этих собственно памятниках он и говорит в настоящем месте.

* О Таврской площади и местоположении на ней описываемого теперь автором памятника *см.* Дюканжа Const. Christ. Lib. 1. Pag. 65—68.

лял не менее всадника тщательностью художественной отделки во всех подробностях. Одни говорят, что это был Пегас*, а всадник — Веллерофонт**; другие, напротив, думают, что группа изображала Иисуса Навина верхом на каком-нибудь коне, и точно — поза всадника представляла человека, который правую руку простирал к течению солнца и движению луны, как бы повелевая им остановиться, а в ладони левой руки держал медный круглый шар. Отбив молотками копыто коня, латиняне нашли под ним пробитую насквозь гвоздем и облитую свинцом со всех сторон статую человека, похожего более на какого-нибудь болгара, чем на латинянина, как прежде все думали. Найденная статуя была немедленно отдана литейным мастерам на расплавку, и латиняне сделали все это совсем не из робости, как может кто-нибудь подумать в упрек им, но потому, что, употребляя все средства и пробуя все способы никогда не выпускать из своих рук раз завоеванного города, они не хотели оставить без внимания даже толков в подобном роде, которые, конечно, недаром всеми повторялись,— мало того, они придали этим толкам серьезное значение и, не пренебрегая для своей цели ничем, нашли нужным уничтожить их в самом основании. 17. В самом деле, кто не знает, что, овладев каким-нибудь городом или местом, латиняне так крепко держатся за него, как будто бы это была их родина, и для того чтобы прочно утвердиться в нем, не останавливаются ни перед какими затруд-

* Мифологический конь, родившийся из крови свирепой Медузы, обезглавленной Персеем.

** Веллерофонт — одно из лиц, упоминаемых в «Илиаде» (*см.* Песнь VI, ст. 155—220), оклеветанный и коварно подвергаемый своими противниками всем возможным опасностям, но невинный, не знающий даже всех своих врагов и при всем том всегда торжествующий, непобедимый и счастливый герой. Константинопольцы, конечно, желали видеть в его изображении олицетворение своего собственного города или государства.

нениями, по-видимому забывая даже о своей действительно родной стороне? Не так поступают римляне, которые готовы предоставить желающим свои последние одежонки! Покидая отечественные города, они охотно *оттрясают прах от ног своих* (Матф. 10, 14) не как евангельские ученики, но как ничтожные и низкие трусы, робеющие на войне хуже женщин и при виде неприятеля точь-в-точь испытывающие то, что в следующих стихах описано Гомером:

«Цветом сменяется цвет на лице
боязливого мужа;
Твердо держаться ему не дают
малодушные чувства:
То припадет на одно, то на оба
колена садится;
Сердце в груди у него, беспокойное,
же́стоко бьется;
Смерти единой он ждет, и зубами
стучит, содрогаясь»*.

Глядя на этих людей, можно подивиться, как с течением времени они сами собой не извели друг друга: до такой степени они всегда уступчивы, слабы, бессильны в отношении к врагам и наглы, дерзки, заносчивы со своими соплеменниками! Между прочим, они приписывают потерю Константинополя нам, членам сената, и не страшатся всевидящего ока Правосудия, не стыдятся такой громадной лжи, выдав сами и нас и город! Слез достойно помешательство или горестное ослепление этого бесчувственного народа, который не

* «Илиады» песнь XIII, ст. 279—283. Мы привели это место по безукоризненно точному переводу Н. Гнедича.

только не желает возвращения Константинополя, напротив, укоряет Бога, почему Он давно, почему еще жесточе не поразил Он как его, так и нас вместе с ним, но отлагал казнь доселе, щадил, терпел человеколюбиво. И вместо того чтобы выразить сочувствие людям, которые подобно нам как всякому известно, некогда пользовались огромным богатством и блестящим положением в обществе, а теперь не имеют ни прав гражданства, ни своего очага, ни средств к жизни, они еще осыпают нас насмешками и, как ремнем, бичуют упреками. Не того, совсем не того ожидал я сначала, иначе я никогда не перебрался бы на восток, никогда моя нога не ступила бы на землю этого народа, и я предпочел бы убежать куда-нибудь в пустыню, как некогда Веллерофонт, или на край света, подобно Иеремии. Впрочем, мы никому не были в тягость, возлагая всю надежду на единого, всем подающего пропитание человеколюбивого Бога и Спаса нашего, который в древности через пророка Елисея насытил небольшим числом смокв и ячменных хлебов сто человек (4 Цар. 4, 42—44), а впоследствии Сам еще меньшим количеством пищи удовлетворил целые тысячи алчущих и притом, сопровождая одно изумительное чудо другим чудом, еще более изумительным, сделал то, что посвященные в таинство распорядители угощения, накормив всех, собрали более остатков пищи, чем сколько ее всей было предложено (Марк. 8, 19—21). Таким образом, с той самой поры, как мы поселились при Асканийском озере в Никеи, главном городе Вифинии, мы, вроде каких-нибудь пленников, не имеем ничего общего с этим народом, кроме земли, по которой ходим, и Божиих храмов, которые вместе посещаем, оставаясь во всем прочем вне всякого соприкосновения. Но к чему прерывать историю подобными рассказами и останавливаться на этом, когда все вообще настоящее положение Римского государст-

ва тяжело и горько, как неразбавленная чаша или поддонки испорченного вина? Повернем опять речь к предположенной цели и докончим остальное.

Так шли дела. Между тем Генрих, вступив на престол, получил известие от своих соплеменников, оставшихся в Орестиаде, о новом нашествии валахских и скифских войск, которые, разорив Дидимотих, подступили к самому Адрианополю с намерением овладеть им если не силой, то коварством. Он не побоялся многочисленности врагов, не остановился при мысли о прежних неудачах в войне с ними, но смело выступил опять в поход, дав себе слово выручить из беды оставленных под начальством Враны своих соплеменников и защитить остаток римлян, которые теперь снова сбежались в близкие к Константинополю пригороды. Когда он подступил к Адрианополю, валахи пришли в трепет при одном виде латинян, хотя латиняне не стали и не сделались ни ростом выше, ни душой храбрее против прежнего, но сохранили только среди всех неудач свое обыкновенное мужество и искусство в военном деле. Узнав о бегстве неприятелей, Генрих преследовал их до Крина и Вореи*, потом, пройдя через Агафополь, расположился лагерем в Анхиале и после многих подвигов, которые доставили ему и деньги, и людей, и целые стада скота, не потерпев никакой потери, без всякого урона воротился назад и прибыл в Константинополь.

* Города Фракии.

Из константинопольской истории известного Никиты Хониата*

1. Когда в нашей империи гражданская власть, по неисповедимым судьбам Господа, правителя и распорядителя всех дел человеческих, досталась в удел французам, а власть

* Под этим неопределенным заглавием помещается известная так называемая *«Книга о статуях города Константинополя»*. Эта маленькая книга, или статейка, признана боннскими издателями «Истории» Н. Хониата принадлежащей его же перу; но мы не решаемся разделять их мнение. Значительная часть ее объема, именно все, что заключается в § 1 и второй половине четвертого, представляет собой извлечение из «Истории» Н. Хониата с вариантами, совершенно похожими на те, которые при переводе его «Истории» помещены нами между подстрочными примечаниями. Сверх того, в других параграфах встречаются также выражения и заметки, целиком вырванные из того же источника. Уже это обстоятельство указывает на ее постороннее происхождение, потому что вся «История» Н. Хониата так старательно отделана до последних подробностей, что автор не позволил себе ни разу ни малейших повторений. Между тем язык, которым написана статья, при тожестве некоторых отдельных слов и выражений, исключительно свойственных «Истории» Хониата, в целом далеко не представляет ни того искусственного изящества, ни той безукоризненной правильности в словосочетании, которыми всегда неизменно отличается язык истории. Мы ни разу не заметили, чтобы Н. Хониат дозволил себе употребить, например, такие выражения:

духовная выпала на долю* венецианцев; прибыл из Венеции в Константинополь в качестве константинопольского патриарха некто Томас**. Он был среднего роста, но такого тучного сложения, что казался жирнее откормленной свиньи. Лицо он брил, как все прочие его соплеменники, и бороду свою жал бритвой чище серпа, одевался в платье, как будто пришитое к телу и плотно облегавшее обе руки, носил на руке перстень и иногда надевал на руки кожаные перчатки, обтягивавшие каждый палец. Вместе с ним приехала свита монахов и священнослужителей — одинаковой смазки, совершенно схожая со своим начальником и по одежде, и по образу жизни, и по жнитью бороды.

(*Θωμάσιος*) *ἦν δὲ καὶ λεῖος ξυρῷ τὸ τοῦ προσώπȣ ἔδαφος* или (*ἔθνη*) *φονῶντα κατ' ἀλλήλων* и тому подобные. Наконец, легкий тон статьи и резкая непочтительность в выражениях насчет наружности лиц латинского духовенства также не в его духе, потому что он серьезен даже в своих поэтических отступлениях и, привыкши уважать достоинство во врагах, скорее дозволяет себе употребить резкое выражение о чем-нибудь своем, родном, отечественном, нежели тупо глумиться над иноземным, которое ему чуждо и самые недостатки которого поэтому не затрагивают его душевной боли. Таким образом, независимо от обстоятельств, бывших причиной долгой неизвестности этой статьи, по признакам, которые она носит сама в себе, мы думаем, что она принадлежит тому же времени, когда получила свое начало большая часть вариантов «Истории» Н. Хониата,— если только не все они такого же происхождения, т. е. когда Греческая империя сделалась жертвой врагов, налетевших не с севера и юга, как говорит Н. Хониат, а с запада и востока, как замечает его комментатор (*см.* примеч. * на стр. 320, 2-го тома),— и написана каким-нибудь греком, получившим школьное латинское воспитание.

* Французы и венецианцы предварительно условились между собой, что если император константинопольский будет избран из французов, то патриарший престол должен остаться в пользу венецианцев, и обратно. Итак, когда императорский престол выпал по жребию французу Балдуину, графу фландрскому, то этот жребий решил уже участь и патриаршего константинопольского престола. *Примеч. Вилькена.*

** *Вариант*: «Фома».

2. С первого же, как говорится, шага выказывая в себе языческое сребролюбие, они придумали новый вид разбоя, не приходивший на ум никому из прежних грабителей Царьграда. Именно, они вскрыли гробницы царей, стоявшие в погребальном приделе, пристроенном к главному храму учеников Христовых, и среди ночи ограбили их все, святотатственно похитив все золотые украшения, жемчуга и блестящие драгоценные камни, которые доселе лежали в них сохранно. Тело царя Юстиниана оказалось после столь многих столетий неповрежденным. Хотя это явление поразило их, как чудо, однако не удержало от святотатственного грабежа. Таким образом, западные пришельцы не щадили, можно сказать, ни живых ни мертвых, но с одинаковым безразличием и нечестием относились ко всему, начиная с Бога и угодников Божиих. Спустя немного времени они сняли даже завесу большого храма*, ценимую в несколько тысяч мин** чистого серебра и по всей поверхности испещренную золотом.

3. Но так как и после этого они нуждались в деньгах (потому что сребролюбие варваров никогда не знает пресыщения), то обратили свои взоры на медные статуи и обрекли их на расплавку. Так, была расплавлена и превращена в монету стоявшая на Константиновской площади медная статуя Геры***, одну голову которой едва могли перевезти на колесах в большой дворец четыре запряжки волов. Вслед за ней снят был с пьедестала Парис Александр, стоявший рядом с Афродитой**** и подававший ей рукой золотое яблоко богини раздора.

* То есть храм св. Софии.

** О стоимости мины *см.* выше, том 2, стр. 201, примеч. **.

*** То есть Юноны.

**** Венерой.

4. Кто не изумлялся разнообразию художественных украшений, любуясь на известный высокий четырехугольный медный столп, почти равнявшийся высотой с самыми большими колоннами, рассеянными по всем частям города? Среди разных изображений, представленных на нем, можно было видеть всякого рода певчих птиц, воспевающих весну, труды земледельцев, пастухов с флейтами, доение коров, блеющих овец, прыгающих баранов — там разливалось широкое море и виднелись стада рыб, из которых одни бились в неводе, а другие, прорвав сети, опять свободно неслись в глубину; здесь по два и по три стояли друг против друга нагие эроты* и перекидывались яблоками, заливаясь громким сладостным смехом. На верху этого четырехугольного столпа, оканчивавшегося остроконечно, пирамидой, красовалась статуя женщины, поворачивавшаяся при каждой перемене ветра и потому названная ветроуказательницей**. Латиняне отдали, однако, это прекраснейшее произведение искусства на расплавку, равно как стоявшего среди Таврской площади на столообразном пьедестале всадника необыкновенной силы и поразительной наружности. Некоторые говорили, что этот всадник был Иисус Навин, заключая из того, что он протяжением руки к солнцу, склоняющемуся на запад, как бы повелевал ему остановиться над Гаваоном; но большей частью думали, что это был родившийся и воспитавшийся в Пелопоннесе Веллерофонт, верхом на Пегасе. В самом деле, конь

* Купидоны.

** Ἀνεμοδούλιον. Об этой ветроуказательнице, или анемодулии, Никита Хониат упомянул в истории царствования императора Андроника, кн. 2, § 6, по нашему переводу том 1, стр. 341. *См.* Anonymi de antiquitatibus Const. in Bandurii Jmper. Orient. Tom. 1. Parte 3. Pag. 17; Codinum de antiquitatibus Constantinopolit. Edit. Paris. Pag. 54; Du Cange Const. Christ. Edit. Venet. Lib. 2. Pag. 130. Все описание этой колонны автор настоящей статьи мог заимствовать из Кодина.

был без узды, как и Пегас по преданию, который свободно носился по полям и летал на своих крыльях и быстрых ногах, не слушая никакого всадника. Кроме того, все говорили по исстари дошедшей до нас молве, что в переднем левом копыте этого коня заключена статуя человека, представлявшая, по словам одних, венецианца, а по уверению других — какого-нибудь другого иноземца из западных, не бывших в союзе с римлянами народов или даже болгара. В прежнее время несколько раз укрепляли это копыто, чтобы нельзя было похитить того, что, по общему мнению, скрывалось внутри него. Когда конь вместе со всадником был разбит на куски и расплавлен, то найдена была и похороненная в копыте коня медная статуя, одетая в сермягу, делаемую из овечьей шерсти*. Мало заботясь о том, что было на ней изображено, латиняне и ее бросили в огонь.

5. Не ценя изящества, варвары не пощадили также статуй и разного рода других дивных произведений искусства, стоявших в ипподроме**. Наравне с упомянутыми они перелили их в монету, обменяв, таким образом, крупные вещи на мелочь и то, что в свое время стоило величайших издержек, променяв на несколько ничтожных кусков меди. Так ниспро-

* Вместо слов *делаемую из овечьей шерсти* автор выразился собственно так: «...какую плетет шерсть овечья». Предоставляя самому читателю судить, в какой степени весь этот рассказ о статуе коня со всадником несообразен с рассказом о том же предмете Никиты Хониата, заметим только, что Хониат никогда не позволяет себе таких неправильных выражений, как указанное нами теперь. Никогда также он не сказал бы, что статуя в копыте коня найдена уже тогда, когда конь со всадником был не только разбит на куски, но и расплавлен, или что эта статуя была одета в известного рода одежду, сделанную из шерсти, тогда как, очевидно, нужно было сказать, что она была представлена художником одетой в такую-то одежду.

** Перечень статуй, бывших в ипподроме, с указанием источников более подробных сведений о них *см.* у Дюканжа, Const. Christ. Lib. 2. Pag. 87.

вергнута была огромная статуя Геркулеса Тригеспера*, покоившаяся на такой же огромной корзине**. Поверх корзины была представлена разостланная львиная кожа, голова которой, хотя и медная, смотрела так страшно, что, по-видимому, каждую минуту готова была зарычать и не в шутку пугала глупых зевак. На этой коже сидел Геркулес — не с колчаном или луком в руках и не с поднятой вверх булавой, но просто без всего,— правую ногу и правую руку протянув во всю длину, левую ногу согнув в колене и опершись на локоть левой руки, а остальную часть ее выдвинув вперед и на ее ладонь слегка склонив голову с выражением грусти. Таким образом, он как будто оплакивал свою судьбу и с горестью думал о тяжести поручений, исполнение которых возлагал на него разгордевший от счастья Еврисфей*** не столько по нужде, сколько по злобе. Статуя имела крепкую высокую грудь, широкие плечи, кудрявые густые волосы, тучные бедра, могучие мышцы и такую громадную величину, каким, я

* *Τριέσπερος* — одно из прозваний Геркулеса, указывающее на подвиг похищения им золотых яблок из сада *Гесперид, трех сестер*, дочерей Геспера, т. е. Запада, брата Атлантова. Сад этот находился на Гесперидских островах, которые назывались также Касситерскими, Счастливыми или Благополучными. По всей вероятности, это были Канарские острова Атлантического океана, отличающиеся необыкновенным плодородием и счастливым климатом. Геркулес прославил себя при этом подвиге убиением дракона, который неусыпно стерег заповедный сад трех сестер. Сравн. *Ovidii* Metamorph. Lib. IX. Fab. 3. Edit. Lyon., ann. 1697. Pag. 370.

** *Κοφινῷ*. Называя так пьедестал, на котором была утверждена статуя Геркулеса, автор, по всей вероятности, хочет сказать этим, что он своей наружной формой напоминал ту огромную корзину, которой пользовался Геркулес при чистке конюшен элидского царя Авгея — одном из величайших своих подвигов, вошедшем в народную пословицу для выражения непреодолимой трудности дела: *καθαίρειν τὴν κόπρον τοῦ Αὐγείου*.

*** Еврисфей, сын Сфенела и внук Персея, сына Зевса, был царем микенским. Подвиги, на которые по повелению супруги Зевса Геры осуждал он Геркулеса, перечисляются у Овидия (Metamorph. Lib. IX. Fab. 3).

думаю, воображал себе настоящего Геркулеса Лизимах*, создавая из меди в первый и вместе в последний раз это дивное произведение своих рук. В самом деле она была так велика, что шнурок, обертывающий большой палец ее руки, достаточен был на пояс обыкновенному человеку, а обертывающий голень ноги был в рост человека. Но и такой бесценной статуи не пожалели эти люди, отделявшие мужество от прочих достоинств и усвоившие его себе одним как самое высокое качество.

6. Вместе с ней уничтожили они равным образом статую навьюченного, с мычанием выступавшего вперед Осла и следовавшего за ним Погонщика, которую поставил Август Кесарь[28] в Акциуме, то есть в элладском городе Никополе, по тому случаю, что когда он, отправившись ночью осмотреть войско Антония[29], встретился с неизвестным человеком, гнавшим осла, и, испытывая судьбу, спросил его, как его зовут и куда он идет, то получил такой ответ: «Меня зовут Никоном**, осла моего — Никандром***, а иду я к войску Кесаря».

7. После того они наложили руки на Гиену и Волчицу, которые выкормили Ромула и Рема, и также отдали их на расплавку, выгадав из такого почтенного памятника народной древности несколько пригоршней медной монеты****. Той же участи подверглись затем: Человек, сражающийся со львом; Нильская лошадь, которой задняя часть тела окончи-

* Должно быть: «Лизипп». Никита Хониат сделал краткое описание этой статуи в 3-й книге царствования Алексея, брата Исаака Ангела, § 4, по нашему переводу том 2, стр. 191, назвав ее также произведением Лизимаха. Очевидно, что автор настоящей статьи имел перед глазами его описание.

** То есть побеждающим.

*** То есть победителем людей.

**** Об этой статуе Никита Хониат говорил в истории царствования Андроника. Кн. 2, гл. 12, по нашему переводу том 1, стр. 358.

валась хвостом, покрытым чешуей; Слон, потрясающий хоботом; Сфинксы, представленные спереди красивыми женщинами, а сзади страшными чудовищами необыкновенного рода, способными ходить по земле и в то же время легко носиться по воздуху, соперничая с самыми быстролетными птицами; Невзнузданный Конь, с поднятыми вверх ушами и со ржанием величаво и свободно выступающий вперед; древнее страшилище — Сцилла, которая до поясницы имела вид высокой, полногрудой и свирепой женщины, а далее разветвлялась на множество диких чудовищ, представленных нападающими на корабль Одиссея и пожирающими значительное число его спутников*.

8. Был еще в ипподроме медный орел — изобретение Аполлония Тианского[30] и великолепное создание его волшебства. Некогда византийцы, пользуясь приездом к ним этого волшебника, обратились к нему с просьбой унять змей, от укусов которых они жестоко страдали. Вследствие того, совершив разные заклинания, придуманные демонами и нечестивыми служителями их, он поставил на столпе изображение орла — восхитительное произведение художественного искусства, любуясь которым нельзя было оторвать глаз и поневоле приходилось остаться прикованным к месту, подобно тому, кто, начав слушать пение сирен, хотел бы уйти от них прочь. Орел расширил крылья, как будто желая взлететь; между тем под его ногами лежал свившийся в кольца Змей, который не пускал его подняться вверх и, уткнув голову в его крыло, по-видимому, хотел его ужалить. Но усилия ядовитого животного были напрасны. Стиснутый острыми когтями, Змей потерял свою силу и, казалось, скорее

* Это представление Сциллы несколько расходится с описанием ее в «Одиссее» *см.* «Одиссея», песнь XII, ст. 85—100 и 118—126.

готов был заснуть или испустить дух, чем впиться жалом в крыло победоносной птицы. Таким образом, умирая, он уносил с собой и свой смертоносный яд. Со своей стороны Орел, с гордо величавым взором и только что не раздающимся криком победы, решился поднять его и вместе с ним унестись в воздушное пространство, как это легко было заметить по его торжествующему взгляду. Невольно представлялось затем само собой, что омертвевший в его когтях Змей, лишившись силы своих сокрушительных колец и своего губительного жала, как будто хотел своим безнадежным положением внушить всем прочим византийским змеям, чтобы они ужаснулись его примера, собрались в кучу и убежали в норы. Сверх того, что мы описали, это изображение орла было замечательно еще в том отношении, что в светлую погоду, когда лучи солнца не закрывались облаками, оно весьма ясно показывало людям, которые смотрели на него с разумением дела, часы дня посредством нарезанных на крыльях Орла двенадцати линий.

9. А что лилейнораменная, дивнопрелестная, стройная станом Елена, восстановившая всех эллинов против Приамова града, разорительница Трои, из Трои прибывшая к водам священного Нила и оттуда, уже после продолжительного отсутствия, возвратившаяся опять в отчизну лаконян,— смягчила ли она несмягчимых? Поколебала ли она их железное сердце? Увы, ничего подобного не могла сделать даже та, красота которой невольно порабощала всякого, хотя со своим пышным убранством она и в медном изображении казалась обворожительна! Все в ней располагало к любви: и ее хитон, более тонкий, чем паутина, и изящно наброшенное чудной работы покрывало, и облегавший чело венец, представлявшийся сделанным из золота и блестящих драгоценных камней, и пышные, распущенные, слегка развеваемые

ветром волосы, стянутые сзади головы перевязью, но потом свободно спускавшиеся косой до самых колен. Ее полураскрытые, как почка розы, уста, казалось, что-то говорили; приятная улыбка, игравшая на них, вливала радость в сердце зрителя. Ее веселый взор, ее дугообразные брови, все прочие члены ее тела были так прелестны, что напрасна всякая попытка изобразить их словом и передать потомству. Где же прекрасная дочь Тиндара[31], блаженство эротов, любимица Афродиты, украшение природы, предмет соревнования троянцев и эллинов, где было, Елена, твое

«Гореусладное, миротворящее, сердцу забвение
Бедствий дающее»*,

благотворное питье, которым в Египте щедро тебя наделила супруга Фоона**? Где были твои непобедимые обольщения? Почему не воспользовалась ты ими теперь по-прежнему? Впрочем, вероятно, уже судьбой определено было тебе испытать силу огня, который сама ты, даже своим изображением, постоянно возжигала в крови твоих поклонников***. Кому-нибудь, может быть, придет на мысль, что потомки Энея****[32] осудили тебя на сожжение в отплату за тот огонь, жестоко разожженный твоими прелестями, от которого погибла Троя; но я не могу этого ни сказать, ни подумать, зная,

* «Одиссеи» песнь IV, ст. 221 и 222.

** Настоящие слова составляют также перифраз 228 и 229 стихов четвертой песни «Одиссеи», где описывается напиток, данный Елене Полидамной, супругой Фоона, царя египетского.

*** Натянутая острота, сопровождаемая в подлиннике грамматической ошибкой!

**** То есть латиняне, или итальянцы; так как троянец Эней, сын Анхиза и Афродиты, по мифологическим преданиям, считается основателем колонии, давшей начало Риму.

что только одна безумная страсть к золоту побудила их обречь на совершенное уничтожение все эти редкие и прекраснейшие произведения искусства, что они часто готовы бывают продать и отдать за несколько оволов* даже своих собственных жен, особенно когда увлекутся игрой в кости, сидят по целым дням за шахматной доской или когда, надев воинские доспехи, одушевятся не разумным мужеством, но какой-то безумной, слепой страстью друг против друга, предлагая при этом в награду победителю все свое имение, своих законных супруг, которые доставили им счастье называться отцами, и, что всего важнее, даже свою душу, о сохранении которой заботится всякий человек. Притом же могли ли эти необразованные и совершенно безграмотные варвары знать и прочитать то, что сказано о тебе в следующих стихах известной рапсодии?

«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотою подобна!»**

10. Расскажу еще кое-что. Стояла на колонне*** статуя Молодой Женщины в самом цвете лет, с волосами, зачесанными по обеим сторонам лба и подобранными сзади головы в связку, не очень высокая, но так, что можно было достать рукой. Правая рука этой Женщины без всякой подпоры дер-

* Овол — название известного рода мелкой монеты, составлявшей шестую часть драхмы, или около двух копеек серебром.

** «Илиады» песнь III, ст. 156—158.

*** Вероятно, в ипподроме.

жала на своей ладони статую Всадника за одну ногу коня с такой легкостью, с какой иной не в состоянии держать бокала с вином. Всадник был крепкого сложения, в латах, обут в поножи* и имел самую воинственную позу. Конь поднял уши, как будто слыша звук трубы, вытянул вверх шею, навострил глаза и, по-видимому, неудержимо несся, взметая ноги в воздух, как бы в пылу военной сшибки.

11. Позади этой статуи, подле восточного, так называемого рузийского, поворота бегового круга, стояла на пьедестале статуя Возниц — образчик кучерской ловкости. Медные наездники позой своих рук только что не вслух учили состязавшихся живых соперников, что, подъезжая к оборотному столпу, надобно не распускать вожжи, но круче поворачивать лошадей и дружно, сильнее погонять, чтобы, проехав ближе к черте поворота, заставить своего противника сделать объезд и таким образом прийти после, хотя бы его лошади были быстрее и он был мастер кучерского искусства.

12. Я не намерен описывать всего, но вот еще несколько слов — об одном весьма красивом и по художественной отделке почти самом лучшем произведении искусства. На мраморном пьедестале стояла медная статуя животного, представлявшая, вероятно, быка, сколько можно судить по короткому хвосту и не очень отвислой шее, какая обыкновенно бывает у египетских быков, однако без раздвоенных копыт. Это животное немилосердно душило и грызло своими челюстями какое-то другое животное, которое по всему телу было покрыто такой острой чешуей, что даже легкое прикосновение к его медной статуе сопровождалось ощутительной болью. Большей частью говорили, что пер-

* Поножи — особого рода вооружение, которое делали из железа, меди или кожи; оно служило для ног своего рода латами.

вое животное представляло Василиска[33], а второе, которого оно грызло,— Аспида[34]; иные, напротив, думали, что первое было нильский бык, а второе — крокодил. Но меня не интересует это различие мнений; замечательна, собственно говоря, странная, дикая борьба того и другого животного, в которой каждое из них и подвергалось нападению и само нападало, и гибло и губило, и одерживало верх и уступало силе, и побеждало и в то же время само было побеждаемо другим. Первое — положим, что Василиск,— раздулось все от головы до пят, покрылось какой-то ржавчиной и страшно позеленело, потому что яд проник весь его организм и придал ему совершенно мертвенную наружность: колена подкосились, глаза угасли, вся жизненная сила поблекла. Взглянув на него, можно было подумать, что оно давно уже упало бы замертво, если бы крепкие ноги выше колен не подпирали и не поддерживали его в стоячем положении сами собой, механически. Второе также, которое было стиснуто его челюстями, уже едва дрыгало хвостом и сильно разинуло рот, не имея возможности перевести дух в страшных тисках: по-видимому, оно покушалось и употребляло все усилия вырваться из мощных зубов и убежать от роковой пасти, но никак не могло, потому что завязло и закрепло в челюстях всем своим телом, начиная от шеи и передних ног до самого хвоста. Так оба они взаимно умерщвляли друг друга; оба бились, оба истощали все усилия, оба побеждали и оба умирали в то же время. Я хочу сказать, что подобного рода взаимное самоистребление, взаимную, беспощадную, губительную и смертоносную борьбу можно видеть не только в статуях или в действительной жизни диких животных, но и в жизни народов, поработивших наше Римское государство, взаимно истребляющих друг друга и истребляемых силой Христа, который, рассеивая *языки, хотящие брани*, и не благоволя

к кровопролитию, дает праведному своему благодатное обетование *на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия* (Псал. 90, ст. 13).

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА

Примечания А. И. Цепкова

[1] *Мирмидоняне* — племя, жившее во Фтиотиде, в Фессалии, во владениях Пелея и Ахиллеса. Согласно мифу, Эак, дед Ахиллеса, потерял во время мора, насланного Герой, весь свой народ. По его просьбе отец его Зевс превратил в людей муравьев, и потому новый народ стал называться мирмидоны («мирмекс» по-гречески «муравей»).

[2] *Арей* (*Арес*) — сын Зевса и Геры, бог войны.

[3] *Стримон* — река, другое название Струма. Впадает в залив Стримоникос Эгейского моря.

[4] *...возмутителями всего народа были... Петр и Асан.* — В 1185 г. население Болгарии восстало против Византийской власти. Возглавили восставших два брата: Асень (болгарский царь в 1186—1196 гг.) и Петр (болгарский царь в 1196—1197 гг.). Борьба шла долго. В 1187 г. Византия признала Второе болгарское царство. В 1196 г. в результате интриг византийцев был убит Асень, вскоре последовало убийство его старшего брата Петра. Власть

перешла к их третьему брату болгарскому царю Калояну (1197—1207). Калоян превратил Болгарию в одно из сильнейших государств на Балканах.

[5] *Финикс* — Феникс — воспитатель и старший друг Ахилла, последовавший за ним под Трою.

[6] *Король аллеманский Фридерик* — имеется в виду Фридрих Барбаросса. В период подготовки Третьего крестового похода в Нюрнберге было составлено соглашение между Византией и Германской империей о беспрепятственном проходе крестоносцев через территорию Ромейской империи. Византийцы должны были продавать им продовольствие и переправить в Малую Азию.

[7] *...воевали против... сарацин не только аллеманы, но также король французский и глава британских секироносцев...* — После отвоевания Иерусалима Саладином в 1187 г. проповедуется крестовый поход «трех кесарей». По настоянию папы Григория VIII, повелевшего ввиду чрезвычайных обстоятельств взимать налог — Саладинову десятину. Короли Англии и Франции Ричард и Филипп Август заключили мир и подняли крест вслед за германским императором Фридрихом Барбароссой, который первым отправился на Восток. Барбаросса двинулся сухопутным путем через Среднюю Европу, Византию, Анатолию, но утонул в горном потоке Тавра в 1190 г. Ричард и Филипп отплыли морем из Генуи и Марселя. Из-за того что Ричард захотел по пути овладеть о. Кипр, отношения между королями испортились. Добравшись до Святой Земли, они освободили Сен-Жан-д'Акр. Однако Иерусалим им вернуть не удалось. Филипп Август вскоре вернулся во Францию. Ричард за отвагу и храбрость именно в Святой Земле получил прозвище Львиное Сердце. На обратном пути Ричарда захватили в плен в Австрии. В 1194 г. он был выпущен за большой выкуп.

[8] *Аллеманский король Генрих* — имеется в виду германский король Генрих VI из династии Гогенштауфенов. Умер в разгар подготовки к очередному крестовому походу в 1197 г. Был королем с 1190 по 1197 гг. и императором Священной Римской империи с 1191 по 1197 гг.

[9] *Филипп* — герцог швабский, потом король германский (1198 — 21 июня 1208). Из династии Гогенштауфенов, четвертый сын Фридриха Барбароссы. Родился 26 июля 1187 г. Был женат на дочери Исаака II Ангела Ирине.

[10] *Бонифатий, маркиз монферратский* — Бонифаций монферратский — предводитель Четвертого крестового похода, король фессалоникийский (1204—1207). *Балдуин, граф фландрский* — Балдуин I фландрский — впоследствии латинский император (1204—1205). *Людовик, граф блуасский.* — Видимо, речь идет об одном из предводителей Четвертого крестового похода Луи, графе блуаском и шартрском (1171—1205), который после взятия Константинополя стал герцогом никейским.

[11] *...тысяча человек конницы... и тридцать тысяч человек пехоты...* — По тексту договора крестоносцев с Венецией от 1201 г. республика обязывалась поставить флот для перевозки 4500 рыцарей, 9000 щитоносцев и 20 000 пеших воинов.

[12] *Калидонский Кабан.* — Царь Калидона Ойней, отец героя Мелеагра, навлек на себя гнев великой богини Артемиды: однажды, празднуя сбор плодов в своих садах и виноградниках, Ойней приносил богатые жертвы богам-олимпийцам, и только одной богине Артемиде не принес он жертвы. Богиня Артемида послала покарать земли царя огромного свирепого кабана, который стал опустошать окрестности Калидона. Кабан не щадил и людей, если они попадались ему навстречу. Сын Ойнея Мелеагр собрал на облаву и убийство кабана многих героев Греции. В результате охоты герои убили Калидонского кабана, но богиня Артемида в отместку перессорила героев, разразилась война, принесшая много горя.

[13] *Афина* — Афина-Паллада, богиня-воительница, рожденная из головы Зевса, богиня мудрости и знаний. Богиня родилась от богини разума Метис, была голубоглаза, величава, прекрасна, с небесной мощной красотой. Афина покровительствовала героям Греции.

[14] *Солон* — афинский государственный деятель (между 640 и 635 — ок. 559 гг. до н. э.), афинский архонт 594 г. до н. э. Провел реформы, ускорившие ликвидацию пережитков родового строя, по которым все граждане были разделены на 4 разряда в соответствии с имущественным цензом. Античные предания причисляли Солона к семи греческим мудрецам.

[15] *Пизистрат* — Писистрат — афинский тиран (560—527 гг. до н. э. с перерывами). Провел реформы в интересах землевладельцев и торгово-ремесленных слоев (раздача сельской бедноте земель, конфискованных у евпатридов, чеканка государственной монеты и др.). Создал наемное войско, организовал общественное строительство (за время правления были построены рынок, водопровод, храмы, гавань Пирей и др.).

[16] *Балдуин, граф фландрский* — латинский император Балдуин I (1204—1205). Балдуин (Бодуэн) IX — граф Фландрии и Эно, один из главных вождей крестоносцев. Сын Балдуина (Бодуэна) V д'Эно и Маргариты Эльзасской, унаследовавшей Фландрию. Вассал германского короля (по Эно) и французского короля (по Фландрии). Принял крестовый обет в Брюгге 23 февраля 1200 г. При разделе византийских земель императору достались Восточная Фракия и ряд районов в Малой Азии, где он учредил герцогство Никейское, пожаловав его в феод Луи, графу блуаскому.

[17] *Евклид* — древнегреческий математик. Работал в III в. до н. э. в Александрии. Главный труд — «Начала» в 15 книгах, содержащий основы античной математики, элементарной геометрии, теории чисел, общей теории отношений и метода определения площадей и объемов. Как все великие люди, разносторонен: занимался астрономией, оптикой, теорией музыки. Оказал огромное влияние на развитие математики.

[18] *Жоффруа* — Жоффруа де Виллардуэн — маршал Шампани. По рождению и связям был близок ко многим видным феодальным домам Шампани и соседних областей. Участвовал в Третьем крестовом походе. 24 ноября 1190 г. попал в плен к мусульманам, на родину вернулся в 1194 г. Участник Четвертого крестового похода, где играл заметную роль. Около 1210 г. написал труд «Завоевание Константинополя», который является первоклассным источником фактических сведений по истории Четвертого крестового похода 1198—1204 гг. См. подробнее: Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М., 1993.

[19] *...брат Балдуина Генрих...* — Генрих Генегауский — латинский император (1206—1216).

[20] *Петр де Плашес* — Пьер де Брашэ (у Виллардуэна — Брасье) — вассал Луи, графа блуаского из Клермонского графства. Взял крест участвовать в Четвертом крестовом походе. Один из самых воинственных участников похода, снискал славу храброго рыцаря. В дальнейшем попал в плен к Феодору Ласкарю, который, судя по письму Анри д'Эно к Иннокентию III, приказал живьем содрать с пленника кожу.

[21] *Петр де Плашес.* — Речь идет о Пьере де Брашэ (Брасье) (1170—1209), рыцаре-крестоносце из Бовези, вассале Луи, графа блуаского.

[22] *Конон де Петунь* — Конон де Бетюн (Бетюнский) (1150—1219/20), видам Шартра и шателен де Кюси, французский рыцарь-трувер, участник Третьего и Четвертого крестовых походов.

[23] *Мануил Маврозом* — правитель области на Меандре.

[24] *Феодор Ласкарис* — Феодор I Ласкарь — византийский вельможа, супруг Анны, дочери Алексея III, император Никейский (1204—1222).

[25] *Феодор Врана* — кесарь, владел при крестоносцах Адрианополем как леном. Со своих владений он должен был выставлять 500 всадников.

[26] *Тьерри* — Тьерри де Тандремонд — старший сын Готье II де Тандремонда, фламандский рыцарь-крестоносец.

[27] *...латиняне почти все... были истреблены.* — Вместе с Тьерри де Тандремондом погибли и другие рыцари: Орри де Лиль, Жан де Помпонн, Андрэ Дюрбуаз, Жан де Шуази, Гюи де Конфлан, Шарль де Френ, Вилэн, брат Тьерри сенешаля.

[28] *Август Кесарь* — Август (до 27 г. до н. э. Октавиан) (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — римский император с 27 г. до н. э. Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. Победой в 31 г. до н. э. при Акциуме над римским полководцем Марком Антонием и египетской царицей Клеопатрой завершил гражданские войны (43—31 гг. до н. э.), начавшиеся после смерти Цезаря.

[29] *Антоний* — Антоний Марк (ок. 83—30 гг. до н. э.) — римский полководец. Сторонник Цезаря. В 43 г. до н. э. вместе с Октавианом и Лепидом образовал 2-й триумвират, разбив войска Брута и Кассия в 42 г. до н. э. Управлял восточными областями Римской державы. Сблизился с египетской царицей Клеопатрой. После объявления сенатом войны Клеопатре и поражения египетского флота у мыса Акций (в 31 г. до н. э.) покончил жизнь самоубийством.

[30] *Аполлоний Тианский* — философ-пифагореец.

[31] *Тиндар (Тиндарей)* — муж божественной Леды, царь Спарты. У Тиндара и Леды было четверо детей: Прекрасная Елена и Полидевк (Леда родила их от Зевса); Клитемнестра и Кастор (родились от Тиндара).

[32] *Эней* — в античной мифологии один из главных защитников Трои во время Троянской войны; легендарный родоначальник Рима и римлян. Из всех героев Трои спаслись лишь Эней, вынесший на руках из города своего отца Анхиза и маленького сына Аскания, а также Антенор. Героя Антенора греки пощадили за то, что он всегда советовал троянцам выдать грекам прекраснокудрую Елену и похищенные Парисом сокровища Менелая.

[33] *Василиск* — мифический чудовищный змей. По описанию Плиния Старшего, Василиск наделялся сверхъестественной способностью убивать не только ядом, но и взглядом, дыханием, от которого сохла трава и растрескивались скалы. Можно было спастись от Василиска, показав ему зеркало — змей погибал от собственного отражения; смертельным для Василиска считался также взгляд или крик петуха.

[34] *Аспид* — ядовитая змея.

Хронологическая таблица

главнейших событий,
описываемых в «Истории» Никиты Хониата,
с означением лет царствования восточных
и западных императоров

Составлена Карлом Анн. Фабротом

Перечень событий с указанием страниц, на которых они изложены в «Истории» Н. Хониата	Годы от Рождества Христова	Годы царствования императоров	
		восточных	западных
(«Истории» том первый) Смерть Императора Алексея I Комнина, царствовавшего 37 лет и $4^1/_2$ месяца, последовавшая 15 августа,— *с. 21.* Восшествие на престол сына его Иоанна Комнина; заговор родственников против Иоанна; милостивое прощение им заговорщиков,— *с. 23—25.*	1117 (*)	Иоанн Комнин 1	Генрих Пятый 11
Походы его против персов,— *с. 26—27.*	1118 1120	2—4	12—14
Поход против скифов,— *с. 27—29.*	1121	5	15

(*) Во всей хронологии автор таблицы против принятого нами летоисчисления отступает двумя годами назад. Вообще, указания его не отличаются строгой точностью и только приблизительно определяют время событий.

Поход против триваллов, или сербов; возведение царем Иоанном своих детей, в том числе и младшего своего сына Мануила, в высшие государственные звания,— *с. 30.*	1122	6	16
Война с гуннами,— *с. 30—31.*	1123	7	17
Первый поход против персо-армян; победы над ними,— *с. 31—32.*	1124	8	18
Второй поход против персо-армян; завоевание Гангры и вторичная утрата ее римлянами,— *с. 33—34.*	1125	9	19 Смерть Генриха
Поход в Киликию; завоевание крепости Вака и города Анаварзы,— *с. 34—39.*	1126	10	Лотарь Саксон 1
Поход в Келесирию; ленное подчинение Иоанну Раймунда, князя антиохийского, а вместе с ним и графа трипольского; завоевание Пизы в пользу графа эдесского и Ферепа в пользу одного из графов антиохийского княжества,— *с. 39—41.*	1127	11	2
Разорение Истрия; осада Сезера; возвращение царя Иоанна в Антиохию; поражение иконийских персов и возвращение в Константинополь,— *с. 41—44.*	1128	12	3
Возвращение брата царя, севастократора Исаака Комнина; ласковый прием его царем; новые походы против персов,— *с. 44—45.*	1129	13	4
Поход против Константина Гавра, тирана трапезунтского,— *с. 46.*	1130	14	5
Поражение персов,— *с. 47—48.*	1131	15	6
Переход во время осады города Неокесарии племянника царского Иоанна Комнина, сына севастократора Исаака, на сторону персов,— *с. 48—49.*	1132	16	7
Новый поход против персов,— *с. 49.*	1133	17	8

Устроение порядка в смежных с Атталией городах и местностях; усмирение мятежников,— *с. 50—51.*	1134	18	9
Смерть старших сыновей императора Иоанна Комнина, Алексея и Андроника, во время приготовлений к дальнейшим походам,— *с. 51.*	1135	19	10
Прибытие императора в Исаврию; устроение им дел исаврийской области,— *с. 51.*	1136	20	11
Поход в Сирию с целью изгнания из Антиохии латинян,— *с. 51.*	1137	21	12 Смерть Лотаря
Замедление на пути; дипломатические сношения с латинянами, сирианами и киликийцами с той же целью,— *с. 51—52.*	1138	22	Конрад Третий 1
Непокорность Антиохии; разорение царем ее предместий; возвращение в Киликию,— *с. 52.*	1139	23	2
Получение императором Иоанном раны на охоте против кабана; умирая от этой раны, царь назначает своим преемником бывшего при нем младшего сына своего Мануила,— *с. 52—60.*	1140	24 Смерть Иоанна Комнина	3
По повелению Мануила великий доместик Иоанн Аксух заключает старшего Мануилова брата, севастократора Исаака, в монастырь; прибытие Мануила в Константинополь и радостный прием, сделанный ему константинопольцами,— *с. 61—64.*	1141	Мануил Комнин 1	4
Коронование Мануила патриархом Михаилом; примирение его с братом Исааком; поход против персов,— *с. 64—65.*	1142	2	5
Новый поход против персов с переменным успехом,— *с. 66—67.*	1143	3	6
Брак Мануила с графиней из рода аллеманского; внимательность царя к делам государственного управления; назначение Иоанна Пуцинского главным казначеем и контролером; назначение Иоанна Агиофеодорита постоянным посредником всех царских распоряжений,— *с. 67—69.*	1144	4	7
Придворные интриги; возвышение Феодора Стиппиота,— *с. 69—71.*	1145	5	8
Прекрасное управление и царственные доблести императора Мануила,— *с. 71.*	1146	6	9
Перемена в царе; его самовластие и скупость в делах благотворительности,— *с. 72.*	1147	7	10
Поход аллеманов в Палестину; неоднократные нападения римлян на их войско; отражение нападений императором Конрадом,— *с. 72—75.*	1148	8	11
Наводнение аллеманского лагеря; старание римлян истребить аллеманское войско какими бы то ни было средствами; подмешивание известки в продаваемый аллеманам хлеб; чеканка фальшивой монеты для расплаты с аллеманами,— *с. 76—79.*	1149	9	12
Жестокое сражение аллеманов с турками; знаменитая победа, одержанная Конрадом,— *с. 79—83.*	1150	10	13
Успехи Рожера, короля сицилийского, в войне с римлянами,— *с. 84—88.*	1151	11	14 Смерть Конрада
Поход Мануила против сицилийцев; осада Керкиры, или Корфу, и наконец взятие ее; враждебное столкновение между римлянами и венецианами,— *с. 89—101.*	1152	12	Фридрих I Барбаросса 1

Неудачное продолжение Мануилом военных действий против Сицилии; поход Мануила в Сербию; блистательные победы Михаила Палеолога над сицилийцами,— *с. 101—104.*	1153	13	2
Новый счастливый поход Мануила против сербов и венгров, закончившийся триумфом императора; неудачи полководцев Мануила в войнах со скифами и сицилийцами,— *с. 104—108.*	1154	14	3
Заключение Мануилом мира с Рожером, королем сицилийским, и возникновение между ними новых неприязненных отношений,— *с. 108—111.*	1155	15	4
Венгерский поход Мануила; успехи венгерцев и мир с ними; поход в Нижнюю Армению; кровосмесничество Мануила и Андроника; заключение Андроника в темницу, бегство и новое заключение; потешные битвы, устроенные Мануилом в Антиохии,— *с. 112—121.*	1156	16	5
Поражение турками войск Мануила; ослепление Феодора Стиппиота; второй брак Мануила,— *с. 121—127.*	1157	17	6
Набеги турков; приезд иконийского султана к Мануилу и его великолепный прием,— *с. 127—133.*	1158	18	7
Вероломство иконийского султана в отношениях с Мануилом; набеги и опустошения с той и другой стороны,— *с. 133—137.*	1159	19	8
Объявление войны венграм; возвращение Андроника после вторичного бегства из заключения и примирение его с императором,— *с. 138—144.*	1160	20	9
Венгерская война; завоевание Мануилом города Зевгмина,— *с. 145—148.*	1161	21	10

Усмирение Сербии; Андроник в Киликии; его неудачная война с Торусом, главой армян,— *с. 148—151.*	1162	22	11
Непозволительные связи Андроника; бегство его и разные странствования,— *с. 151—155.*	1163	23	12
Печальные события при дворе Мануила; устроение Мануилом новых крепостей в Азии,— *с. 155—163.*	1164	24	13
Венгерский поход под начальством Андроника Контостефана; победа Андроника и триумф Мануила,— *с. 164—172.*	1165	25	14
Поход в Сербию; влияние Мануила на дела Сербии,— *с. 172—173.*	1166	26	15
Египетская экспедиция под начальством Андроника Контостефана; осада Тамиафа, или Дамиетты; отступление и крушение римского флота на обратном пути в Константинополь,— *с. 173—182.*	1167	27	16
Заключение мира с сарацинами; назначение Мануилом сына своего Алексея наследником престола; нареченный зять Мануила Алексей делается королем венгерским,— *с. 182—184.*	1168	28	17
Брак Марии, дочери Мануила, с сыном маркиза монферратского; конфискование имущества венециан, проживавших в Константинополе,— *с. 184—186.*	1169	29	18
Война и заключение мира с венецианами,— *с. 186—187.*	1170	30	19
Восстановление городов Дорилея и Сувлея и приготовление Мануила к войне против персов,— *с. 188—192.*	1171	31	20

Пренебрежение посольством персидского султана, который просил мира; страшное поражение римлян персами; опасности, которым подвергался лично царь Мануил; предложение султаном мира под условием разрушения крепостей Дорилея и Сувлея; спасение остатков римского войска,— *с. 192—204.*	1172	**32**	**21**
Нападение персов на римлян по заключении мира; объявление султаном войны за несоблюдение Мануилом мирных условий; вторжение персов в римские области,— *с. 204—206.*	1173	33	22
Поражение и истребление римлянами персидского войска при его возвращении с добычей,— *с. 206—208.*	1174	34	23
Новый неудачный поход Мануила против персов; безуспешная осада турками города Клавдиополя,— *с. 208—212.*	1175	35	24
Двоедушные отношения Мануила к императору Фридриху Барбароссе; осада Фридрихом Анконы; отражение ее анконцами,— *с. 213—217.*	1176	36	25
Приведши государство своими военными походами, упущениями в гражданском управлении и придворными беспорядками в крайнее расстройство, Мануил также несчастно вмешивается в дела церковные; его богословские занятия,— *с. 217—228.*	**1177**	37	**26**
Его неразумный указ об учении магометанском; его болезнь, борьба со смертью, пострижение в монашество и смерть после царствования, продолжавшегося 38 лет без трех месяцев,— *с. 229—237.*	**1178**	38 Смерть Мануила	**27**

Воцарение Мануилова сына Алексея; гражданские беспорядки и кровавый мятеж в Константинополе; восстановление мира патриархом Феодосием; удаление в монастырь и возвращение патриарха,— *с. 238—257.*	1179	Алексей Второй 1	**28**
Открытое стремление Андроника захватить царскую власть; он распоряжается всеми государственными делами; его жестокости и убийства; удаление Феодосия от патриаршества и избрание на его место Василия Каматира,— *с. 258—275.*	1180	**2**	**29**
Неприязненные действия султана иконийского против римлян; восстание Иоанна Ватаца против Андроника; смерть Ватаца; коронование императора Алексея; заговор против Андроника; убиение императрицы, матери императора Алексея; провозглашение Андроника императором; предпочтение его императору Алексею, которого спустя немного Андроник лишает и царства, и жизни,— *с. 275—286.*	1181	3 Смерть Алексея Второго	**30**
Брак императора Андроника с Агнесой, вдовой императора Алексея II; поход против Никеи и Прусы; казнь вельмож; занятие Исааком Комниным острова Кипра; казнь приближенных Андроника; завоевание сицилийцами Диррахия и Фессалоники; бедствия фессалоникийцев; новые жестокости Андроника; ослепление Константина Трипсиха, усерднейшего исполнителя его жестокостей,— *с. 287—325.*	1182	Андроник Комнин 1	**31**

Неудачное противодействие Андроника сицилийцам; его приготовления к защите Константинополя; несколько добрых распоряжений, клонившихся к упрочению общественного благосостояния; новые жестокости и доверие к магии; убиение Агиохристофорита при его покушении схватить Исаака Ангела; бегство Исаака Ангела в большой храм; народный мятеж и напрасные усилия Андроника остановить его; провозглашение Исаака Ангела императором; бегство Андроника, захват его и мучительная смерть после царствования, продолжавшегося два года,— *с. 326—361.*	1183	2 Смерть Андроника	32
(«Истории» том второй) Благоприятное начало царствования Исаака Ангела; успешное ведение войны против сицилийцев, окончившееся взятием их полководцев в плен и истреблением всего войска; ослепление сыновей императора Андроника; ослепление Алексея Комнина, виновника сицилийской войны; гибель сицилийского флота; неисполнимые обещания императора Исаака Ангела,— *с. 5—17.*	1184	Исаак Ангел 1	33
Война с иконийскими турками и прекращение ее; отпадение валахов; несчастная экспедиция на Кипр против Исаака Комнина; упрочение дела отпадения валахов нерадением императора; неудачное ведение войны против валахов,— *с. 17—25.*	1185	2	34
Покушение Алексея Враны захватить царский престол; смерть его во время сражения; прощение мятежников; грабеж константинопольских предместий; столкновение между римлянами и латинянами в Константинополе,— *с. 25—43.*	1186	3	35

Неудачный поход Исаака против валахов; восстание Феодора Манкафы; бегство его к иконийскому султану Кайхозрою, выдача султаном римскому правительству и заключение в темнице,— *с. 44—51.*	1187	4	36
Поход императора Фридриха Барбароссы в Палестину; возникновение между Фридрихом и Исааком недоразумений вследствие недобросовестности римских уполномоченных посредников; предосудительное вмешательство Исаака в церковные дела и подчинение его влиянию патриарха Досифея; поражение римского войска аллеманами; переправа аллеманского войска на восток; победы его над турками в битвах при Филомилии, Гинкларии и Иконии; смерть Фридриха при переправе через реку; смерть сына его при осаде Акры и обратное возвращение морем остатков аллеманского войска; крестовый поход в Палестину королей французского и английского; завоевание англичанами острова Кипра,— *с. 51—69.*	1188	5	37 Смерть Фридриха Барбароссы
Уверенность Исаака в продолжительности своего царствования; появление самозванцев Лже-Алексеев и война с ними; усмирение мятежа, поднятого Василием Хотзою; ослепление Андроника Комнина, внука Анны Комниной; ослепление его сына; насильственное пострижение в иночество Алексея, сына Феодоры Комниной,— *с. 70—80.*	1189	6	Генрих Шестой 1
Несчастный поход Исаака против валахов; страшное поражение римского войска; грезы Исаака о всемирной монархии,— *с. 81—86.*	1190	7	2

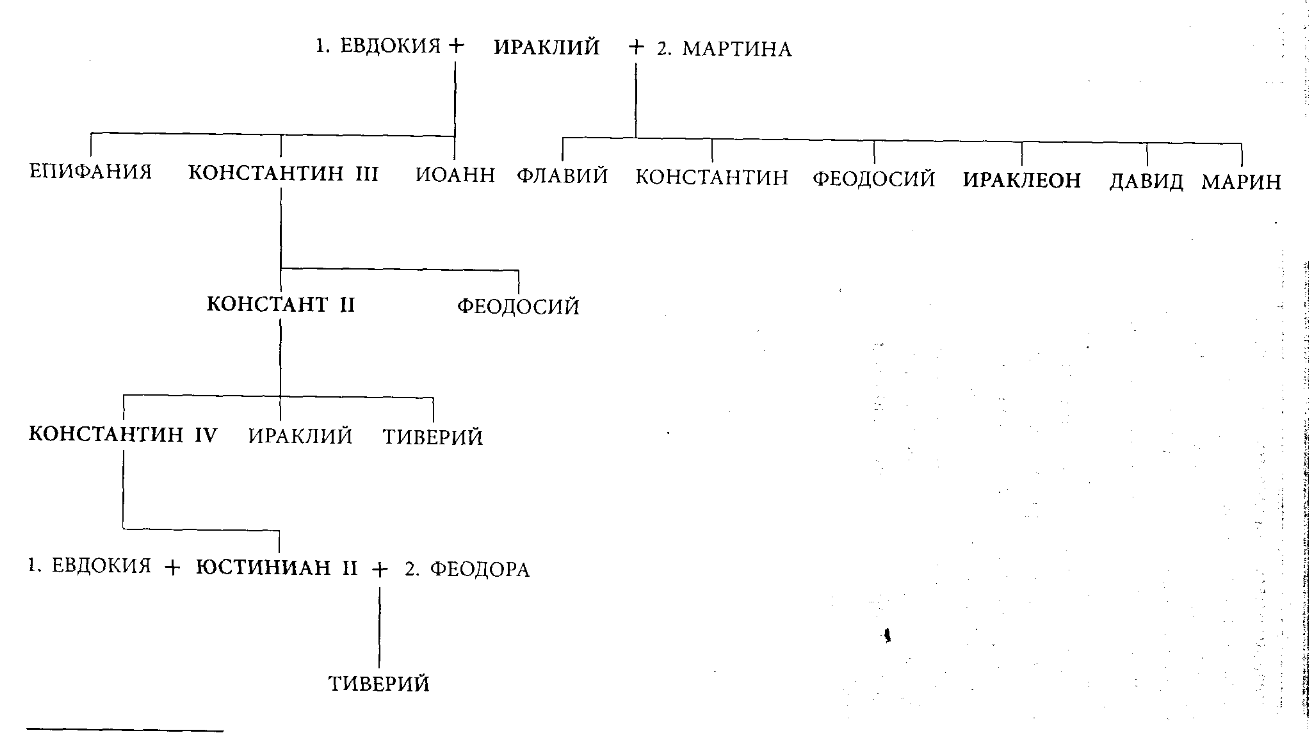
Успехи валахов; поражение, нанесенное римлянами сербам; подвиги против валахов Константина Ангела; покушение его на царскую власть; ослепление его; новые успехи валахов,— *с. 86—90.*	1191	8	3
Возвышение Феодора Кастамонита; смерть его; появление других временщиков; распущенность государственного управления и придворной жизни,— *с. 90—102.*	1192	9	4
Поражение римлян валахами близ Аркадиополя; сборы Исаака в поход против валахов; невнимание царя к доносам о замыслах родного брата его Алексея; ослепление его братом, свержение с престола и заключение в темницу,— *с. 102—110.*	1193	10 Низвержение Исаака Ангела	5
Воцарение Алексея III Комнина, брата Исаака Ангела; расточительность его; подавление мятежа в Константинополе; коронование императора; война с самозванцем Лже-Алексеем III; враждебные попытки Исаака Комнина, бывшего владетеля острова Кипра,— *с. 111—124.*	1194	Алексей Третий, брат Исаака 1	6
Победы валахов над римлянами; смерть Асана; мятеж в Тернове; бегство Иванки к римскому императору Алексею; смерть брата Асанова Петра; опустошение римских областей валахами,— *с. 124—134.*	1195	2	7
Вторжение в римские области султана анкирского; падение города Дадивры; требование Генрихом VI, сыном Фридриха Барбароссы, ежегодной дани от императора Алексея; лишение царских гробниц всех драгоценных украшений,— *с. 134—141.*	1196	3	8

Война с генуэзцем Кафуром; продажа родственниками императора Алексея всех государственных должностей; заключение в монастырь и обратный вызов императрицы Евфросинии; падение временщика Константина Месопотамского,— *с. 142—160.*	1197	4	9
Война с иконийским султаном Кайхозроем; болезнь императора Алексея; вторжение скифов и валахов во Фракию,— *с. 160—170.*	1198	5	10 Смерть Генриха Шестого
Поход Алексея против Хриса; нашествие скифов; вторичное замужество дочерей императора Ирины и Анны; мятеж Иванки; прения о таинстве евхаристии; увлечение императрицы Евфросинии магией,— *с. 171—192.*	1199	6	Филипп и Оттон 1
Приезд Кайхозроя к императору Алексею; новое нашествие на римские области валахов вместе с команами, остановленное Романом, князем галицким; попытки ограбить Каломодия; мятеж, вызванный преступными действиями Иоанна Лагоса; покушение на престол Иоанна Комнина Толстого; пиратство Алексея; возмущение, поднятое Михаилом, сыном севастократора Иоанна Дуки; изгнание трибалльским князем Стефаном супруги своей Евдокии, старшей дочери императора Алексея; вторжение в римские области Иоанна мизийского; разрушение городов Констанции и Варны; восстание Мануила Камица; мятеж Иоанна Спиридонаки,— *с. 192—210.*	1200	7	2

Бегство Алексея, сына Исаака Ангела, в Сицилию; соединение его с венецианами, приготовившимися к войне против римлян; отправление венецианского флота в поход; взятие им Ядары, или Зары; осада Константинополя; пожар в Константинополе; бегство императора Алексея в Девельт,— *с. 211—224.*	1201	8 Бегство императора Алексея Третьего	3
Вторичное царствование Исаака Ангела вместе с сыном своим Алексеем IV; второй пожар в Константинополе; ожесточение народа против латинян; заговор Алексея Дуки Мурцуфла; смерть императора Исаака Ангела; заключение в темницу и насильственная смерть императора Алексея IV; вступление на престол Алексея V Дуки Мурцуфла; поражение римлян латинянами; взятие латинянами Константинополя; бегство императора Алексея Дуки Мурцуфла; избрание латинянами на императорский константинопольский престол Балдуина, графа Фландрского; поход Балдуина в Фессалонику; примирение его с Бонифатием, маркизом монферратским,— *с. 225—283.*	1202	Исаак Ангел вместе с сыном своим Алексеем Четвертым. 6 месяцев и 8 дней. Алексей V Дука Мурцуфл. 2 месяца и 16 дней. Балдуин, граф Фландрский	4
Подвиги Генриха, брата Балдуинова, в Азии и маркиза Бонифатия в Элладе; ослепление и смерть низверженного императора Алексея V Дуки Мурцуфла; поражение латинян Иоанном мизийским; плен императора Балдуина; прибытие в Константинополь латинского патриарха Фомы; безуспешная осада латинянами Адрианополя и Дидимотиха; разделение азиатских и европейских областей Римской империи на несколько отде-			

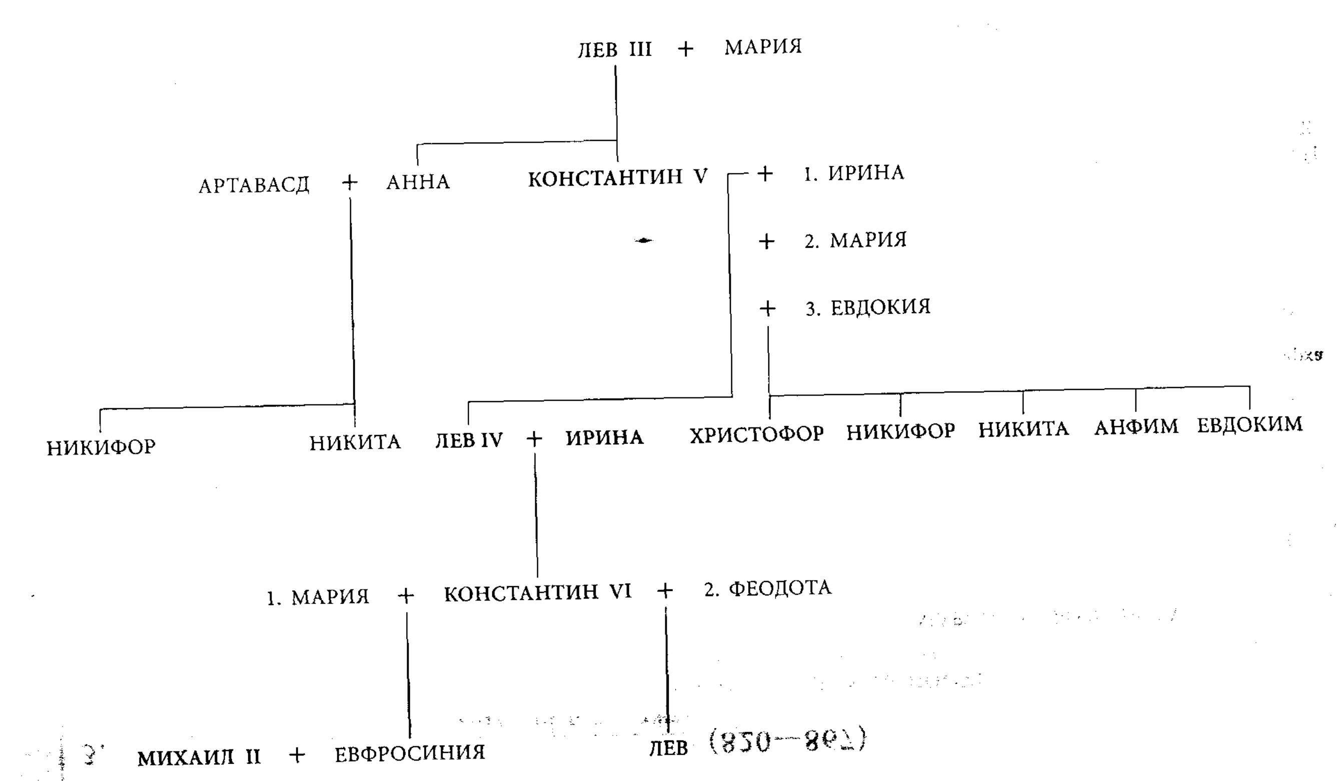
льных независимых владений; взаимная борьба между ними; падение Филиппополя; разрушительное нашествие скифов; безуспешная осада Иоанном мизийским Дидимотиха; мирная смерть патриарха Иоанна Каматира,— *с. 283—318.*	1203	Балдуин 1 Смерть Балдуина	5
Поход латинян в Адрианополь; восстановление ими некоторых городов, разоренных скифами; разрушение статуй в Константинополе; вступление на константинопольский престол, по смерти императора Балдуина, брата его Генриха; успешный поход императора Генриха против валахов,— *с. 318—332.*	1204	Генрих 1	6

1. Династия Ираклия (610—711) *

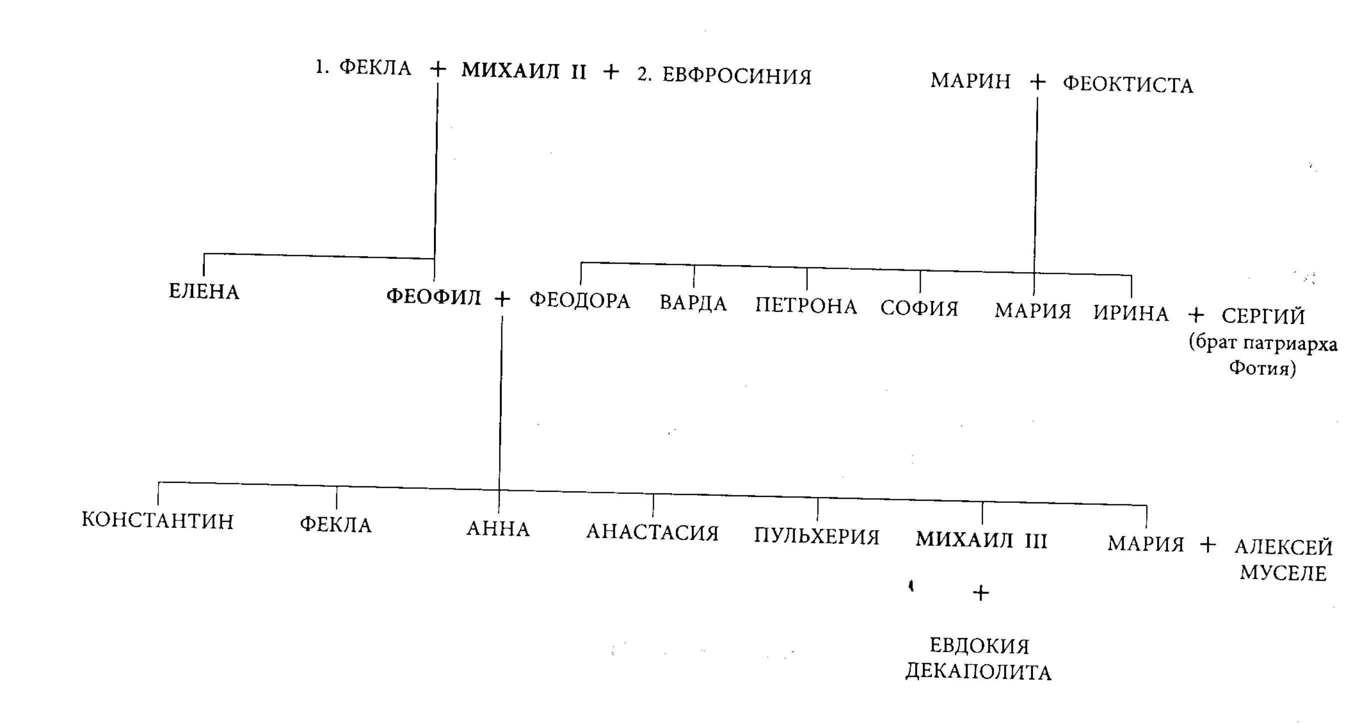

* Здесь и далее таблицы даны по: История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 377—381. Таблицы ни в коей мере не являются полными. Имена императоров выделены полужирным.

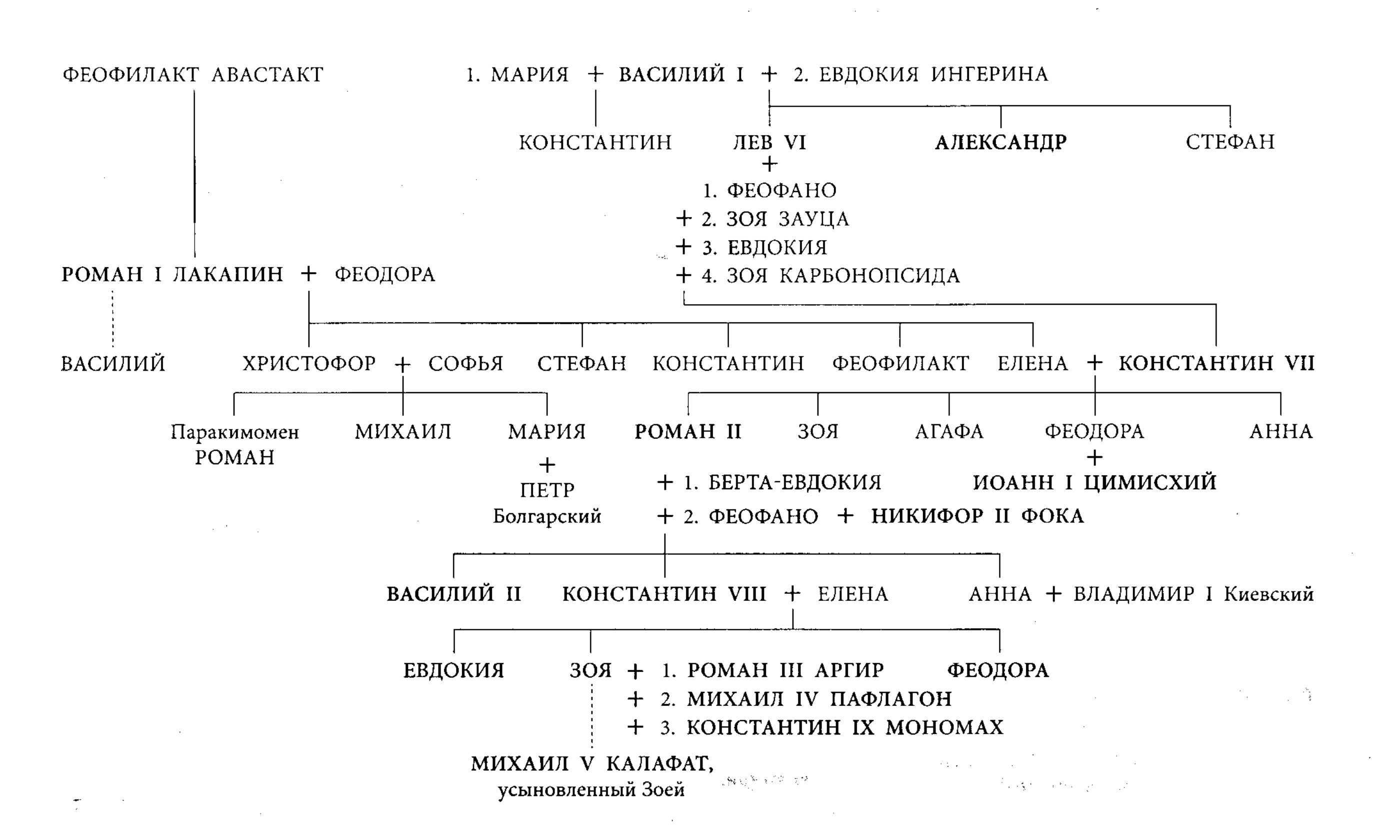
2. Сирийская (исаврийская) династия (717—802)

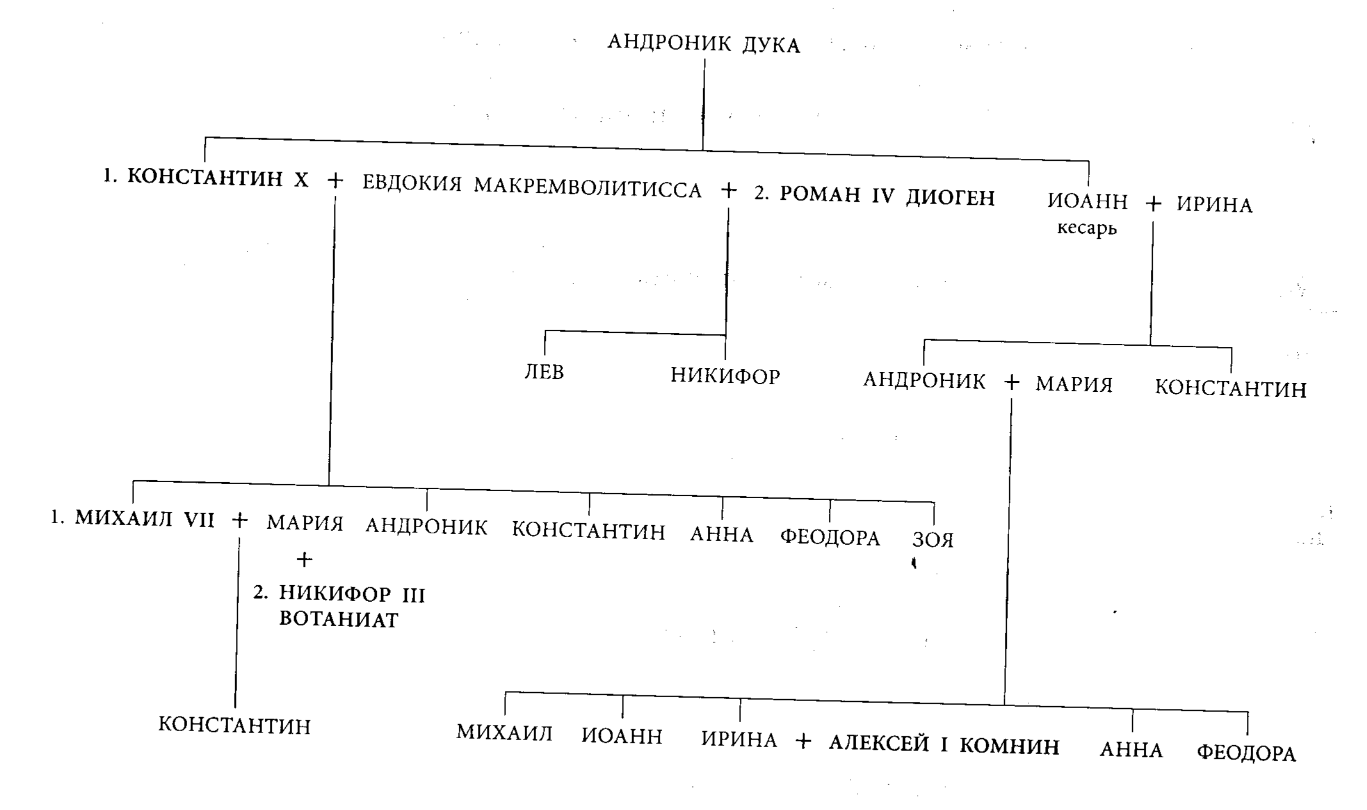
3. Аморийская (фригийская) династия (820—867)

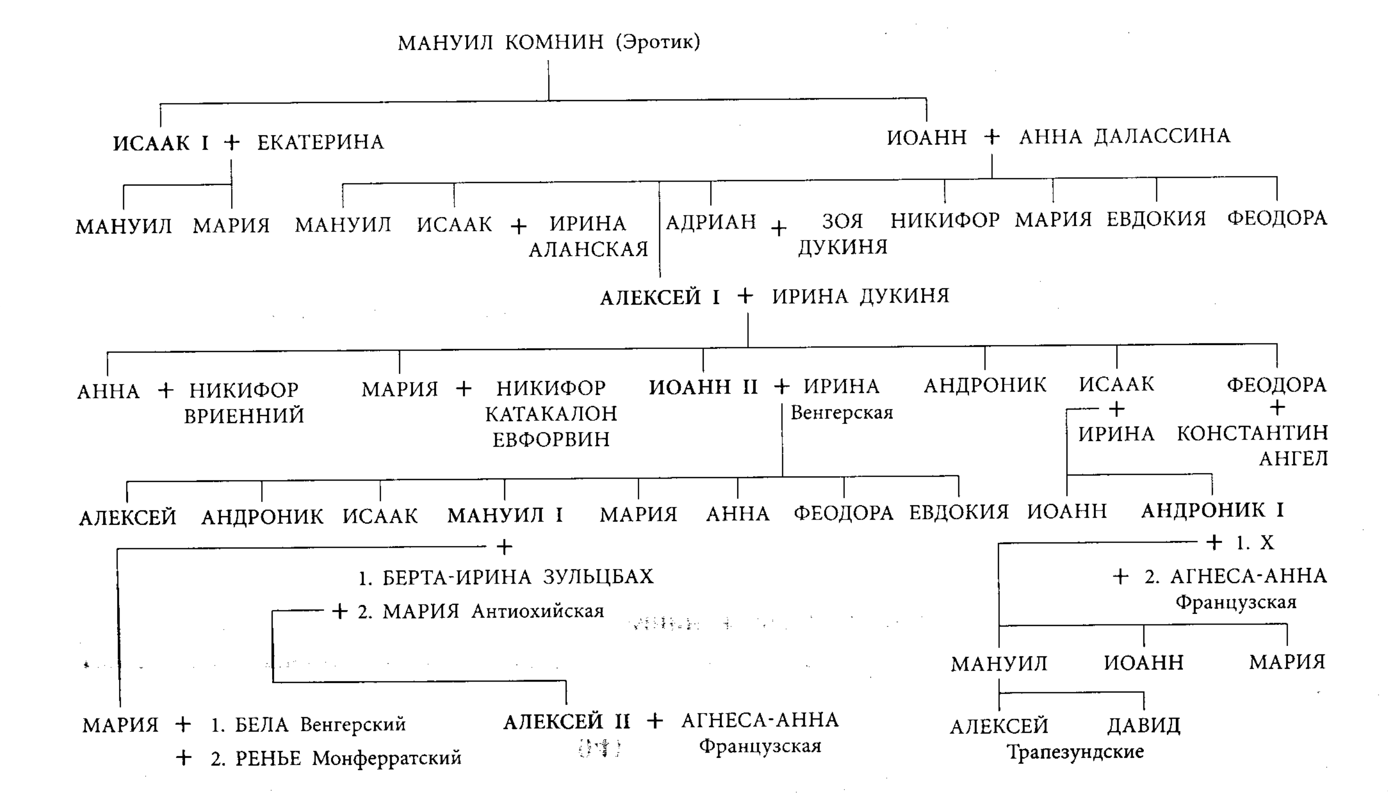
4. Македонская династия (867—1056)

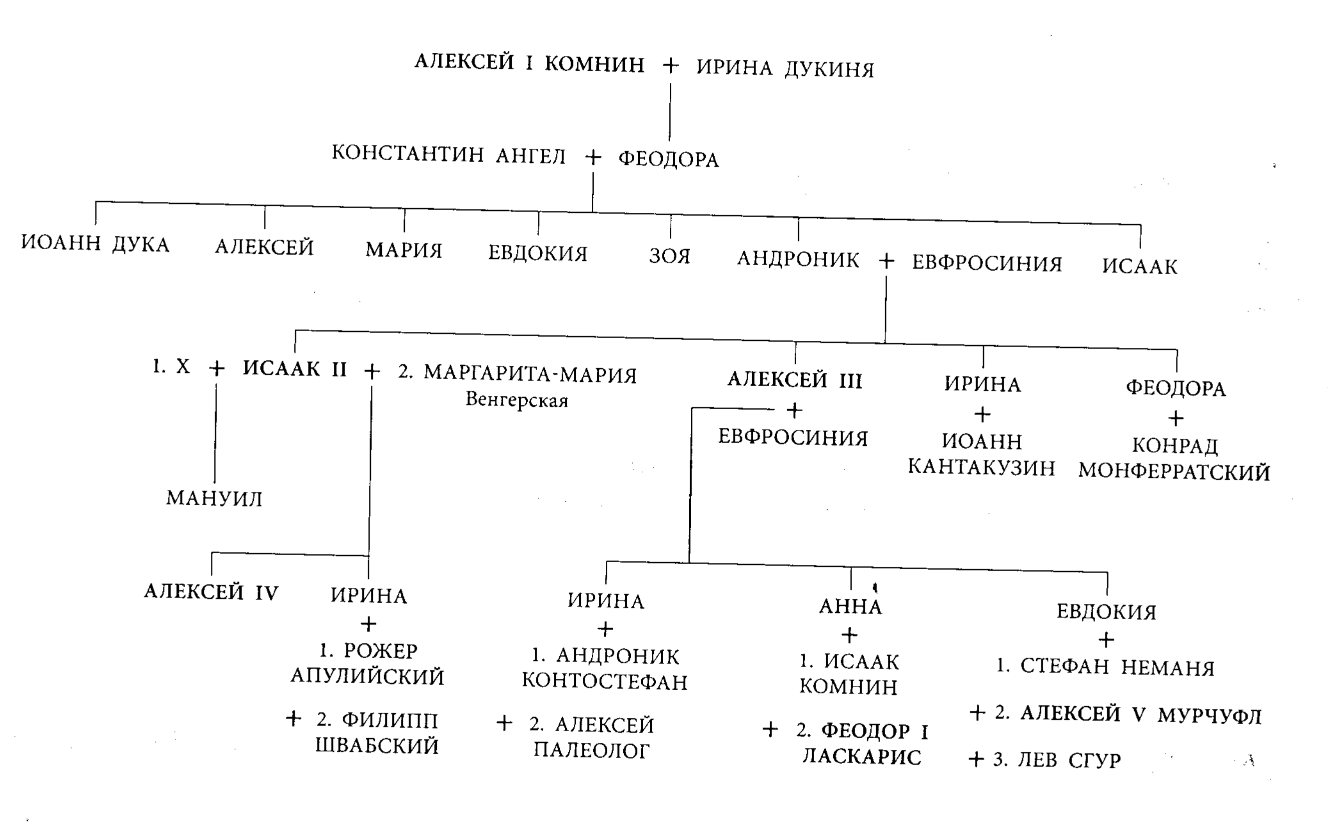
5. Династия Дук (1059—1078)

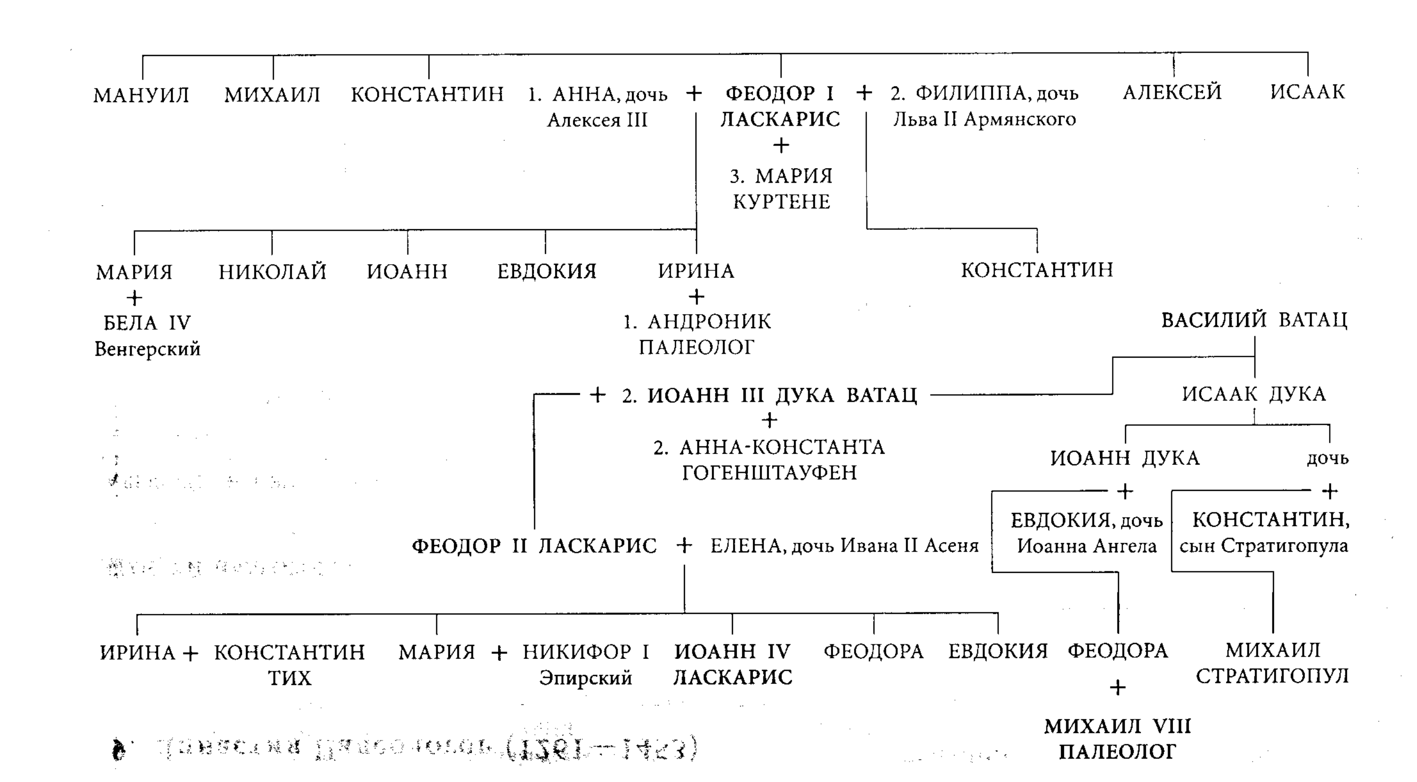
6. Династия Комнинов (1081—1185)

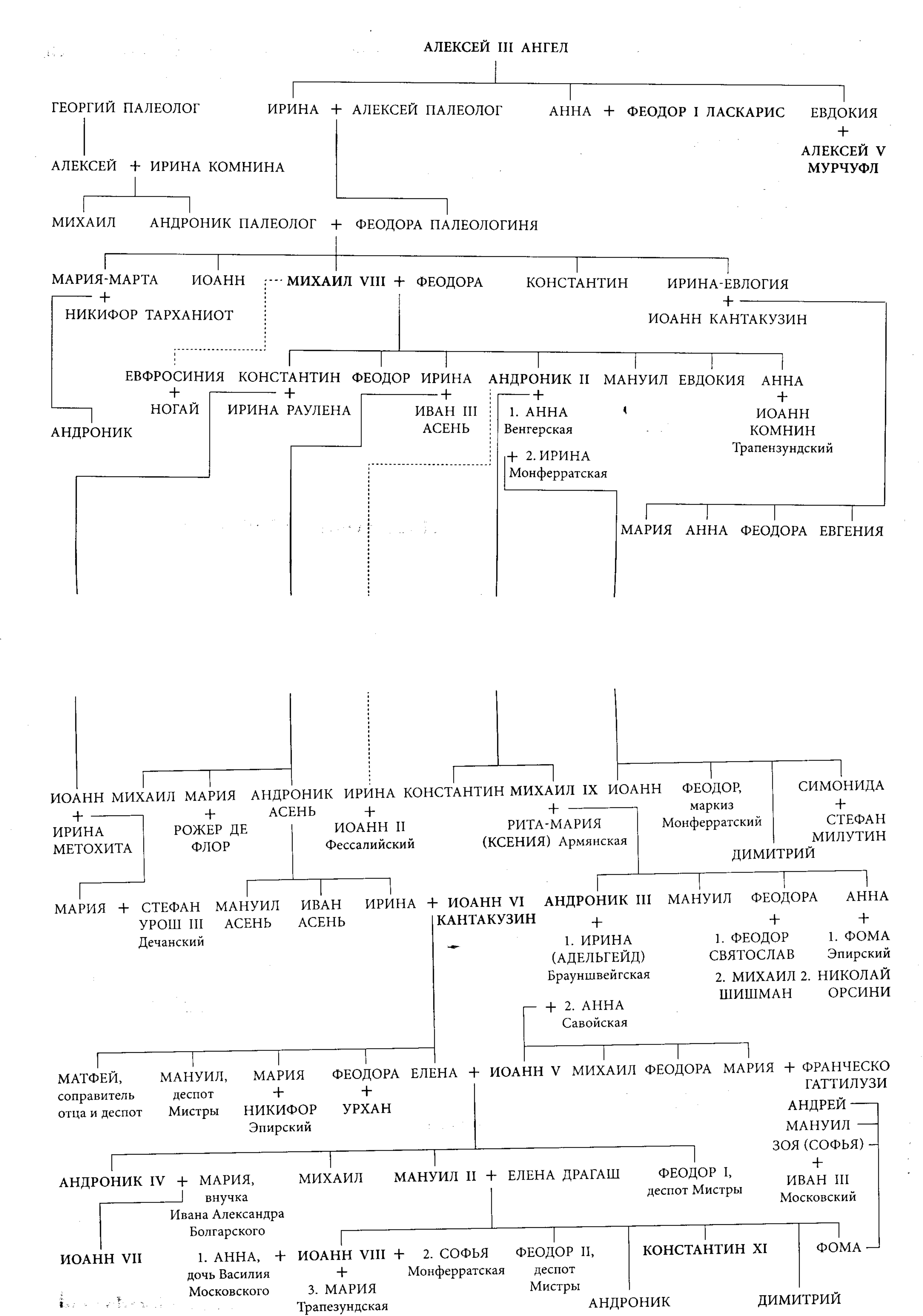
7. Династия Ангелов (1185—1204)

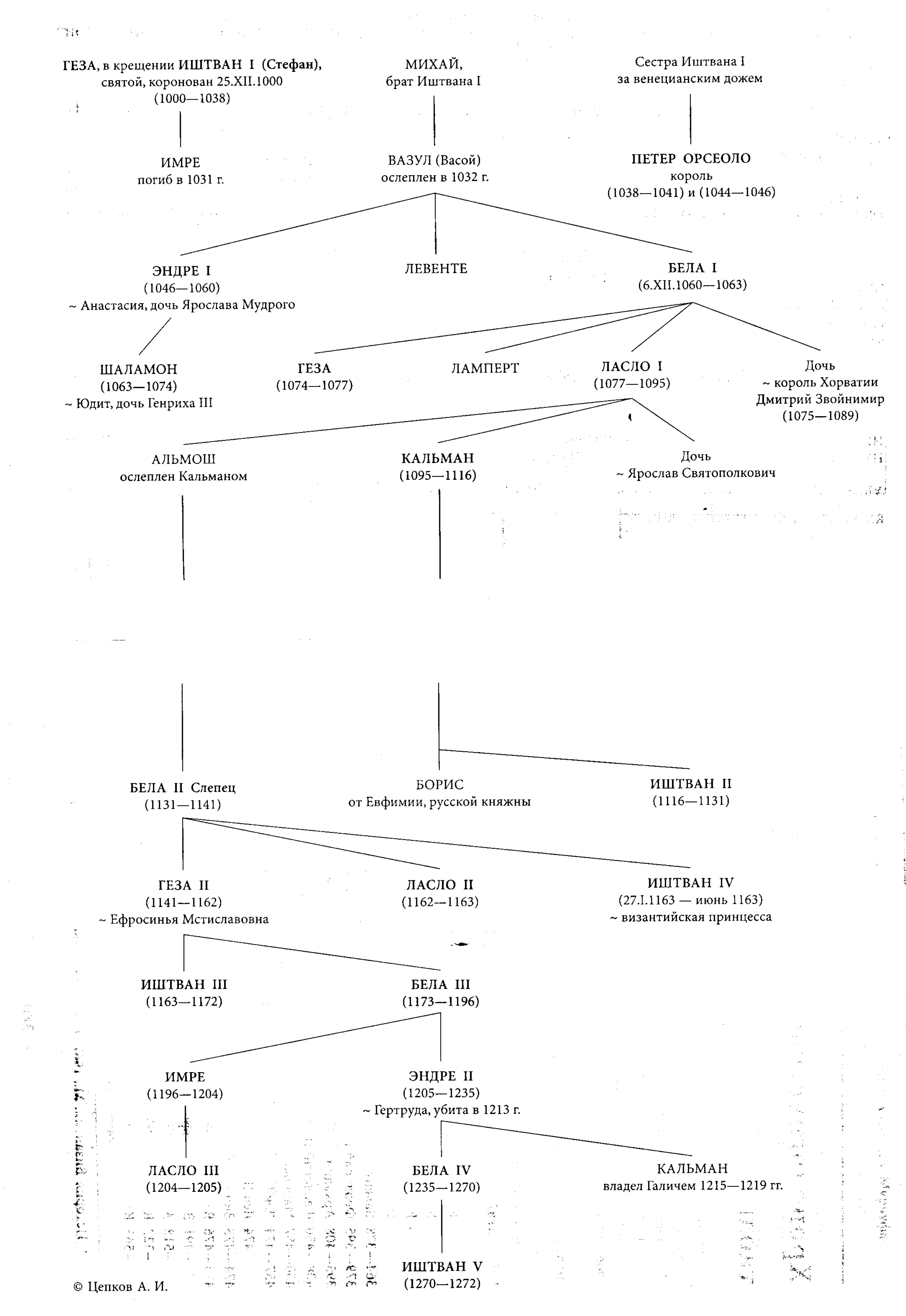
8. Династия Ласкарисов (1204—1261)

9. Династия Палеологов (1261—1453)

Венгерский королевский дом

Хронологическая таблица *

I. Византийские императоры

324—337	Константин I
337—361	Констанций
361—363	Юлиан
363—364	Иовиан
364—378	Валент
379—395	Феодосий I
395—408	Аркадий
408—450	Феодосий II
450—457	Маркиан
457—474	Лев I
474	Лев II
474—475	Зинон
475—476	Василиск
476—491	Зинон (повторно)
491—518	Анастасий I
518—527	Юстин I
527—565	Юстиниан I
565—578	Юстин II
578—582	Тиверий I Константин
582—602	Маврикий
602—610	Фока
610—641	Ираклий
641	Константин III и Ираклеон
641	Ираклеон
641—668	Констант II
668—685	Константин IV
685—695	Юстиниан II
695—698	Леонтий
698—705	Тиверий II (III)
705—711	Юстиниан II (повторно)
711—713	Филиппик
713—715	Анастасий II
715—717	Феодосий III
717—741	Лев III
741—775	Константин V
775—780	Лев IV
780—797	Константин VI
797—802	Ирина
802—811	Никифор I
811	Ставракий
811—813	Михаил I Рангаве
813—820	Лев V
820—829	Михаил II
829—842	Феофил
842—867	Михаил III
867—886	Василий I
886—912	Лев VI
912—913	Александр
913—959	Константин VII
920—944	Роман I Лакапин
959—963	Роман II
963—969	Никифор II Фока
969—976	Иоанн I Цимисхий
976—1025	Василий II
1025—1028	Константин VIII
1028—1034	Роман III Аргир
1034—1041	Михаил IV
1041—1042	Михаил V
1042	Зоя и Феодора
1042—1055	Константин IX Мономах
1055—1056	Феодора (повторно)
1056—1057	Михаил VI
1057—1059	Исаак I Комнин
1059—1067	Константин X Дука
1068—1071	Роман IV Диоген
1071—1078	Михаил VII Дука
1078—1081	Никифор III Вотаниат
1081—1118	Алексей I Комнин
1118—1143	Иоанн II Комнин
1143—1180	Мануил I Комнин
1180—1183	Алексей II Комнин
1183—1185	Андроник I Комнин
1185—1195	Исаак II Ангел
1195—1203	Алексей III Ангел
1203—1204	Исаак II (повторно) и Алексей IV Ангелы
1204	Алексей V Мурчуфл
1208—1222	Феодор I Ласкарис
1222—1254	Иоанн III Дука Ватац
1254—1258	Феодор II Ласкарис
1258—1261	Иоанн IV Ласкарис
1259—1282	Михаил VIII Палеолог
1282—1328	Андроник II Палеолог
1328—1341	Андроник III Палеолог
1341—1391	Иоанн V Палеолог
1347—1354	Иоанн VI Кантакузин
1376—1379	Андроник IV Палеолог
1390	Иоанн VII Палеолог
1391—1425	Мануил II Палеолог
1425—1448	Иоанн VIII Палеолог
1449—1453	Константин XI Палеолог

* История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 382—386.

II. Правители мусульманских стран

1. *Непосредственные преемники Мехмеда*

632—634	Абу Бекр
634—644	Омар I
644—656	Осман
656—661	Али

2. *Омейяды*

661—680	Моавия I
680—683	Йазид I
683—684 (?)	Моавия II
684—685	Мерван I
685—705	Абд-ал-Малик
705—715	Валид I
715—717	Сулейман
717—720	Омар II
720—724	Йазид II
724—743	Хишам
743—744	Валид II
744	Йазид III
744	Ибрахим
744—750	Мерван II

3. *Аббасиды*
750—754 ас-Саффах
754—775 ал-Мансур
775—785 ал-Махди
785—786 ал-Хади
786—809 Харун ар-Рашид
809—813 ал-Амин
813—833 ал-Мамун
833—842 ал-Мутасим
842—847 ал-Васик
847—861 ал-Мутаваккиль
861—862 ал-Мунтасир
862—866 ал-Мустаин
866—869 ал-Мутазз
869—870 ал-Мухтади
870—892 ал-Мутамид
892—902 ал-Мутадид
902—908 ал-Муктафи
908—932 ал-Муктадир
932—934 ал-Кахир
934—940 ал-Ради
940—944 ал-Муттаки
944—946 ал-Мустакфи
946—974 ал-Мути
974—991 ал-Таи
991—1031 ал-Кадир
1031—1075 ал-Каим
Упоминание об остальных аббасидских калифах (до 1258 г.) не имеет существенного значения для истории Византии.

4. *Сельджукские султаны Иконийского султаната (Рум)*
1077/8—1086 Сулейман I
1092—1107 Кылич Арслан I
1107—1116 Мелик-шах
1116—1156 Масуд I
1156—1192 Кылич Арслан II
1192—1196 Кей-Хюсрев I
1196—1204 Сулейман II
1204 Кылич Арслан III
1204—1210 Кей-Хюсрев I (повторно)
1210—1220 Кей-Каус I
1220—1237 Кей-Кубад I
1237—1245 Кей-Хюсрев II
1246—1257 Кей-Каус II
1248—1256 Кылич Арслан IV
1249—1257 Кей-Кубад II
1265—1282 Кей-Хюсрев III
1282—1304 Масуд II
1284—1307 Кей-Кубад III
1307—1308 Масуд III

5. *Османские султаны (до завоевания Константинополя)*
1288—1326 Осман
1326—1362 Урхан
1362—1389 Мурад I
1389—1402 Баязид I
1402—1421 Мехмед I (с 1413 единовластен)
1402—1410 Сулейман
1411—1413 Муса
1421—1451 Мурад II
1451—1481 Мехмед II Завоеватель

III. Эпирское царство

1204—1215 Михаил I
1215—1224 Феодор (осенью 1224 захватил Фессалонику и вскоре стал императором)

Фессалоника
1224—1230 Феодор (император)
1230 — ок. 1237 Мануил
ок. 1237—1244 Иоанн
1244—1246 Димитрий

(В 1246 г. Фессалоника подчинена Иоанном III Ватацем)

Эпир
ок. 1231—1268 Михаил II
до 1268—1296 Никифор I
1296—1318 Фома (регентша Анна Палеологиня-Кантакузина, примерно до 1313 г.)
1318—1323 Николай Орсини
1323—1335 Иоанн Орсини
1335—1340 Никифор II (регентша Анна Палеологиня)
(В 1340 г. Эпир был подчинен Андроником III Палеологом, в 1348 — Стефаном Душаном)

Фессалия
1271—1296 севастократор Иоанн I
1296—1303 Константин
1303—1318 Иоанн II
(В 1318 г. Фессалийское царство распалось, в 1348 г. было подчинено Стефаном Душаном)

IV. Латинская империя (Константинополь)

1204—1205 Балдуин I Фландрский
1206—1216 Генрих Фландрский
1217 Петр де Куртене
1217—1219 Иоланта
1219—1228 Роберт де Куртене
1228—1261 Балдуин II
(1231—1237 Иоанн де Бриень)

V. Морея

1348—1380 Мануил Кантакузин, сын Иоанна VI
1380—1383 Матфей Кантакузин, сын Иоанна VI
1383 Димитрий Кантакузин, сын Матфея
1383—1407 Феодор I Палеолог, сын Иоанна V
1407—1428 Феодор II Палеолог, сын Мануила II — один
1428—1443 с братьями Константином и Фомой
1443—1449 Константин и Фома (Константин в 1449 стал императором)
1449—1460 Фома с братом Димитрием

VI. Болгария

681—702 Аспарух
702—718 Тервель
718—725 неизвестный
725—740 Севар
740—756 Кормисош
756—762 Винех
762—765 Телец
765—767 Сабин
767 Умар
767—772 Токту
772 Паган
ок. 772—777 Телериг
777 — ок. 803 Кардам
ок. 803—814 Крум
814 Докум, Дицевг
814—831 Омортаг
831—836 Маломир
836—852 Пресиан (возможно, идентичен Маломиру)
852—889 Борис I Михаил
889—893 Владимир
893—927 Симеон

927—969 Петр
969—971 Борис II
976—1014 Самуил
1014—1015 Гавриил Радомир
1015—1018 Иван Владислав
1186—1196 Асень I
1196—1197 Петр
1197—1207 Калоян
1207—1218 Борил
1218—1241 Иван II Асень
1241—1246 Коломан Асень
1246—1256 Михаил Асень
1257—1277 Константин Тих
1277—1279 Ивайло
1279—1280 Иван III Асень
1280—1292 Георгий I Тертер
1292—1298 Смилец
1299 Чака
1300—1322 Феодор Святослав
1322—1323 Георгий II Тертер
1323—1330 Михаил Шишман
1330—1331 Иван Стефан
1331—1371 Иван Александр
1371—1393 Иван Шишман
(ок. 1360—1396 в Видине: Иван Страцимир)

VII. Сербия

Середина IX в. *Властимир*
до 891 Мутимир
891—892 Провослав
892—917 Петр Гойникович
917—920 Павел Бранович
920 — ок. 924 Захарий Првославьевич
927 — после 950 Часлав Клонимирович

Зета
конец X в. — 1016 Иоанн Владимир
ок. 1040 — ок. 1052 Стефан Воислав
ок. 1052—1081 Михаил, с 1077 — король
1081 — ок. 1101 Константин Бодин

Рашка
ок. 1083 — ок. 1114 Вуткан

Время правления следующих великих жупанов точно не установлено.

Важнейшие из них:

Урош I, Урош II, Деша, Тихомир (брат Немани)
ок. 1168—1196 Стефан Неманя
1196 — ок. 1228 Стефан Первовенчанный, с 1217 — король
ок. 1228 — ок. 1234 Стефан Радослав
ок. 1234—1243 Стефан Владислав
1243—1276 Стефан Урош I
1276—1282 Стефан Драгутин
1282—1321 Стефан Урош II Милутин
1321—1331 Стефан Урош III Дечанский
1331—1355 Стефан Душан, с 1345 — царь
1355—1371 царь Стефан Урош
(1365—1371 король Вукашин)
1371—1389 князь Лазарь
1389—1427 Стефан Лазаревич, с 1402 — деспот
1427—1456 Георгий Бранкович, с 1429 — деспот
1456—1458 Лазарь Бранкович — деспот

Патриархи Константинополя (381—1456 гг.) *

381—397 Нектарий
398—404 Иоанн I Хрисостом
404—405 Арсасий
406—425 Аттик
426—427 Сисиний I
428—431 Несторий
431—434 Максимиан
434—446 Прокл
446—449 Флавиан
449—458 Анатолий
458—471 Геннадий I
472—489 Акакий
489—490 Фравита
490—496 Евфемий
496—511 Македоний II
511—518 Тимофей I
518—520 Иоанн II Каппадокийский
520—535 Епифаний
535—536 Анфим I
536—552 Мена
552—565 Евтихий
565—577 Иоанн III Схоластик
577—582 Евтихий (повторно)
582—595 Иоанн IV
595—606 Кириак
607—610 Фома I
610—638 Сергий I
638—641 Пирр
641—653 Павел II
654 Пирр (повторно)
654—666 Петр
667—669 Фома II
669—675 Иоанн V
675—677 Константин I
677—679 Феодор I
679—686 Георгий I
686—687 Феодор I (повторно)
688—694 Павел III
694—706 Каллиник I
706—712 Кир

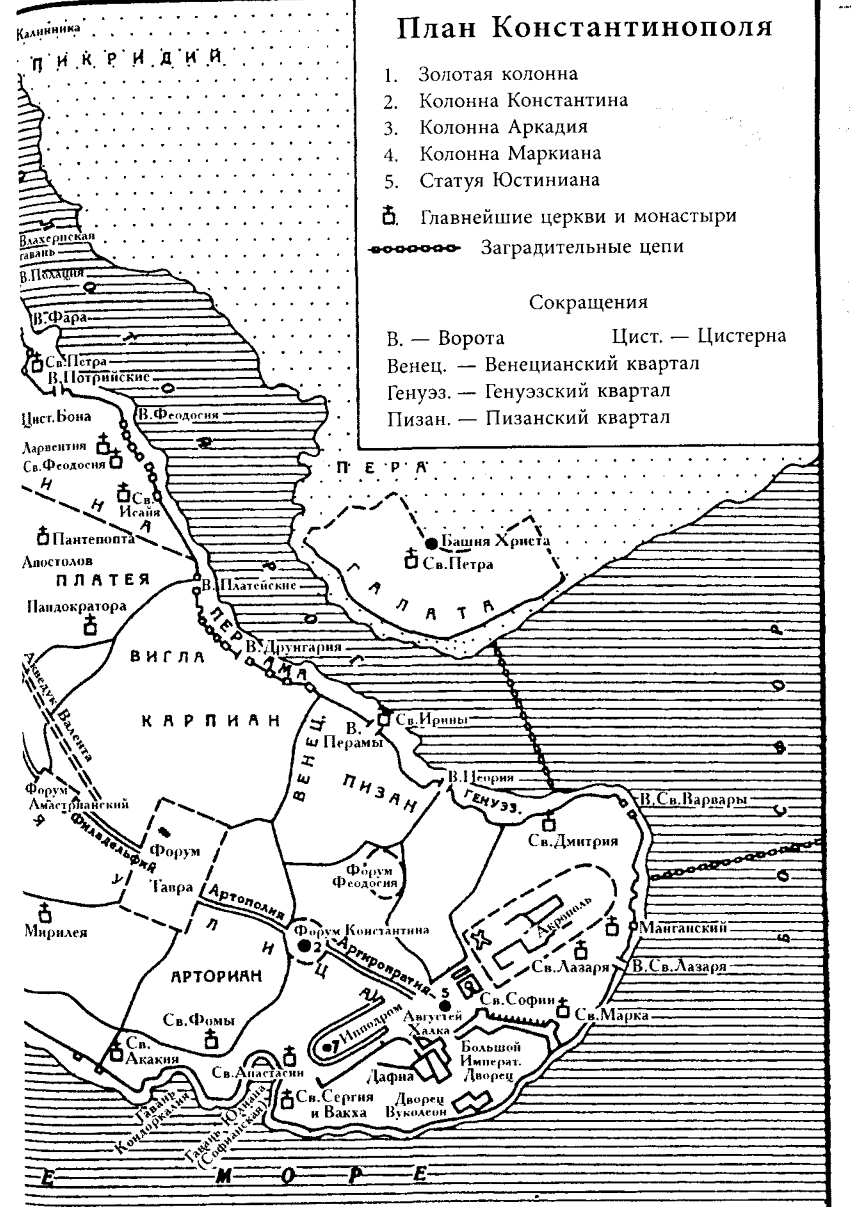
* История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 387—388.

712—715 Иоанн VI
715—730 Герман I
730—754 Анастасий
754—766 Константин II
766—780 Никита I
780—784 Павел IV
784—806 Тарасий
806—815 Никифор I
815—821 Феодот Мелиссин Касситера
821—837 Антоний I Кассимат
837—843 Иоанн VII Грамматик
843—847 Мефодий I
847—858 Игнатий
858—867 Фотий
867—877 Игнатий (повторно)
877—886 Фотий (повторно)
886—893 Стефан I
893—901 Антоний II Кавлеа
901—907 Николай I Мистик
907—912 Евфимий I
912—925 Николай I Мистик (повторно)
925—927 Стефан II
927—931 Трифон
933—956 Феофилакт
956—970 Полиевкт
970—974 Василий I Скамандрин
974—979 Антоний III Студит
979—991 Николай III Хрисоверг
991—996 вакантен
996—998 Сисиний II
1001—1019 Сергий II
1019—1025 Евстафий
1025—1043 Алексей Студит
1043—1058 Михаил I Кируларий
1059—1063 Константин III Лихуд
1064—1075 Иоанн VIII Ксифилин
1075—1081 Косьма I
1081—1084 Евстратий Гарида
1084—1111 Николай III Кирдиниат Грамматик
1111—1134 Иоанн IX Агапет
1134—1143 Лев Стип
1143—1146 Михаил II Куркуас
1146—1147 Косьма II Аттик
1147—1151 Николай IV Музалон
1151—1154 Феодот II
(1153—1154 Неофит I)
1154—1157 Константин IV Хлиарин
1157—1170 Лука Хрисоверг
1170—1178 Михаил III Анхиальский
1178—1179 Харитон Евгениот
1179—1183 Феодосий Ворадиот
1183—1186 Василий II Каматир
1186—1189 Никита II Мунтан
1189 Досифей Иерусалимский
1189 Леонтий Феотокит
1189—1191 Досифей Иерусалимский (повторно)
1191—1198 Георгий II Ксифилин
1198—1206 Иоанн X Каматир
1208—1214 Михаил IV Авториан
1214—1216 Феодор II Ириник
1216 Максимин II
1217—1222 Мануил I Сарантин
1222—1240 Герман II
1240 Мефодий
1244—1254 Мануил II
1255—1259 Арсений Авториан
1260 Никифор II
1261—1264 Арсений Авториан (повторно)
1265—1266 Герман III
1266—1275 Иосиф I
1275—1282 Иоанн XI Векк
1282—1283 Иосиф I (повторно)
1283—1289 Григорий III (Георгий Кипрский)
1289—1293 Афанасий I

1294—1303 Иоанн XII Косьма
1303—1309 Афанасий I (повторно)
1310—1314 Нифон I
1315—1319 Иоанн XIII Глика
1320—1321 Герасим I
1323—1332 Исайа
1334—1347 Иоанн XIV Калека
1347—1350 Исидор I
1350—1353 Каллист I
1353—1354 Филофей Коккин
1355—1363 Каллист I (повторно)
1364—1376 Филофей Коккин (повторно)
1376—1379 Макарий
1379—1388 Нил
1389—1390 Антоний IV
1390—1391 Макарий (повторно)
1391—1397 Антоний IV (повторно)
1397 Каллист II Ксанфопул
1397—1410 Матфей I
1410—1416 Евфимий II
1416—1439 Иосиф II
1440—1443 Митрофан II
1443—1450 Григорий III Мамм (в 1450 покинул Константинополь, умер в 1459 г.)
1454—1456 Геннадий II Схоларий (первый патриарх в завоеванном турками Константинополе)

КОСМИДИЙ
Мост
В. Деревянные
Башня Анемы
В. Калигарийские
Влахернский дворец
Керкопорта
В. Харисийские (Адрианопольские)
Дворец Константина Багрянородного
Хора
Св. Георгия
Цист. Аспара
Девы
Паммакаристы
Св. Иоанна
В. Романа
ПЕМПТОН
ЛИВАДИЯ
В. Маландийские
Св. Мокия
КОНСТАНТИНИАНА
Цист. Мокия
ТРИТОН
Оливрий
Ликос
В. Пиги
Св. Анны
АВРЕЛИАНА
ЛЕОМАКЕЛИЯ
ДЕВТЕР
ЕЛЕНИАНА
Форум Аркадия
Форум Быка
Перивлепты
ЕЛЕФЕРИЙ
Св. Георгия
В. Емельяна
Гавань Феодосия
Св. Николая
В. Псамафийские
В. Св. Иоанна
Св. Иоанна Студига
В. Золотые
Via Egnatia
КИКЛОВИЯ
СТЕНА ФЕОДОСИЯ
МРАМОРНО

План Константинополя
1. Золотая колонна
2. Колонна Константина
3. Колонна Аркадия
4. Колонна Маркиана
5. Статуя Юстиниана
Главнейшие церкви и монастыри
Заградительные цепи
Сокращения
В. — Ворота
Цист. — Цистерна
Венец. — Венецианский квартал
Генуэз. — Генуэзский квартал
Пизан. — Пизанский квартал
Калинника
ПИКРИДИЙ
Влахернская гавань
В. Фара
Св. Петра
В. Потрийские
Цист. Бона
В. Феодосия
Св. Феодосия
Св. Исайя
Пантепопта
Апостолов
ПЛАТЕЯ
В. Платейские
Пандократора
ПЕРА
Башня Христа
Св. Петра
ГАЛАТА
ВИГЛА
В. Друнгария
КАРПИАН
Акведук Валента
Св. Ирины
В. Перамы
ВЕНЕЦ.
ПИЗАН
В. Неория
ГЕНУЭЗ.
В. Св. Варвары
Св. Дмитрия
Форум Амастрианский
Филадельфий
Форум Тавра
Форум Феодосия
Артополия
Форум Константина
Акрополь
Манганский
Мирилея
Аргиропратия
Св. Лазаря
В. Св. Лазаря
АРТОРИАН
Ипподром
Августей
Халка
Св. Софии
Св. Марка
Св. Фомы
Св. Акакия
Св. Анастасии
Большой Императ. Дворец
Дафна
Св. Сергия и Вакха
Дворец Вуколеон
Гавань Кондоскалия
Гавань Юлиана (Софийская)
Е МОРЕ
БОСФОР

Административное деление империи на рубеже IV—V вв.

Префектура Иллирик

Диоцез Дакия
Провинции:
1. Мизия (Верхняя)
2. Дакия Прибрежная
3. Дакия Внутренняя
4. Дардания
5. Превалитания

Диоцез Македония
6. Эпир Новый
7. Эпир Старый
8. Македония I
9. Македония II
10. Фессалия
11. Ахайя (Эллада)
12. Крит

Префектура Восток

Диоцез Фракия
Провинции:
13. Мизия II (Нижняя)
14. Скифия
15. Эмимонт
16. Фракия
17. Родопа
18. Европа

Диоцез Понт
Провинции:
19. Вифиния
20. Пафлагония
21. Еленопонт
22. Понт Полемона
23. Галатия I
24. Галатия II
25. Каппадокия I
26. Каппадокия II
27. Армения I
28. Армения II

Диоцез Азия
Провинции:
29. Геллеспонт
30. Азия
31. Острова
32. Лидия
33. Фригия I
34. Фригия II
35. Писидия
36. Ликаония
37. Памфилия
38. Кария

Диоцез Восток
Провинции:
39. Исаврия
40. Киликия I
41. Киликия II
42. Евфратисия
43. Месопотамия
44. Осроена
45. Сирия
46. Кипр
47. Финикия
48. Финикия Ливанская
49. Палестина II
50. Аравия
51. Палестина I
52. Палестина III

Диоцез Египет
Провинции:
53. Августамника
54. Египет
55. Аркадия
56. Фиваида
57. Ливия Нижняя
58. Ливия Верхняя

Византия в XI—XII вв.

Лидия — исторические провинции Византии в XI в.

(сплошная линия) — границы Византийской империи в первой половине XI в.

(пунктирная линия) — границы Византийской империи в первой половине XII в.

(точечная линия) — границы Армянского царства

+++++++ — государства крестоносцев, возникшие в результате I Крестового похода

Дунай
Болгария
Доростол
Тырново
София (Средец)
Преслав
Варна
Загорье
Марица
Месемврия
Ямполь
Созополь
Филипполь
Констанца
Андрианополь
Димотика
Аркадиополь
Черное море
Амастрида
Родостно
Силиври
Экос
Константинополь
Хрисополь
Ираклия
Кастамон
Сест
Абидос
Никомедия
Вифиния
Пафлагония
Киос
Никея
Троада
Мизия
Лопадий
Галис
Анкира
Эгейское море
Аттолия
Дорилей
Галатия
Пергам
Лидия
Симав
Котиней
Иконийский султанат
Фригия
Герм
Ликаония
Филадельфия
Микрокефал
Траллы
Триполис
Созополь
Колония
Меандр
Лаодикия
Иконня
Хони
Кария
Писидия
Памфилия
Армения
Ликия
Аттолия
Патара
о. Родос
Селевкия
Средиземное море
Солия
Никозия
Лимасол
Пафос
о. Кипр
Синоп
Амис
Трапезунт
Ирис
Неокесария
Амасия
Колония
Севастия
Феодосиополь
Месопотамия
Тарон
Манцикерт
оз. Ван
Кесария
Каппадокия
Мелитина
Армянское царство
Сис
Аназарб
Пирам
Сарус
Адана
Тарс
Киликия
Монсуестия
Телух
Эдесса
Тигр
Алеппо
Антиохия
Месопотамия
Евфрат
Сирия
Лаодикия
Эмеса
Триполи

60 0 60 120

Греция в XI—XII вв.

Охрид
Битоля
Девол
Девол
Вардар
Стримон
Серры
Хризополь
Авлон
Орик
Лос
Костур
Македония
Солунь
Верия
Халкидика
Галиакмон
Сервия
Эпир
Платамон
м. Канастрон
Бутринто
Янина
Трикалла
Ларисса
о. Корфу
Фессалия
Алмир
Никополь
Ахелой
Ионическое море
о. Левкас
Акарнания
Этолия
Водоница
Солона
Халкида
Фивы
о. Кефаллиния
Патры
Пелопоннес
Калаврия
Коринф
Афины
о. Закинф
Скорта
Коритена
Аргос
Велигост
Эврот
Мистра
Медон
Корон
Гераки
м. Акритас
Монемвасия
м. Малея
м. Тенарон (Матапас)
о. Котира
Кався
о. Крит
Ксанти
Месинополь
Ганос
Кивот
Энос
Киос
Никея
о. Фасос
о. Самофракия
Кизик
о. Имброс
Лопадий
м. Нимфеон
Троада
Скамандр
Мизия
о. Лемнос
Адрамиттий
Эгейское море
Пергам
о. Лесбос
Лидия
Герм
Магнесия
Филадельфия
Каистр
м. Кафирефс
о. Хиос
Траллы
Меандр
о. Андрос
о. Самос
о. Тинос
о. Кеос
о. Икария
Кария
о. Парос
о. Наксос
о. Родос
Ретимно
Кандия
Гиерапсетра
35 0 35 70

Алфавитный указатель

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

Т

Ф

Х

Ц

Ч

Э

Ю

Я

Оглавление

Царствование Исаака Ангела

Книга 1

Книга 2

Книга 2

Книга 3

Вторичное царствование Исаака Ангела вместе с сыном своим Алексеем

Книга 1

Царствование Алексея Дуки Мурцуфла

О событиях по взятии Константинополя

Из константинопольской истории

Книга о статуях города Константинополя

НИКИТА ХОНИАТ

История со времени
царствования Иоанна Комнина
Том 2
(1186—1206)

Верстка *Панкратов К. В.*
Корректоры *Овсянникова Н. Е.*, *Панкратова Л. С.*

Издательство «Александрия»
Изд. лиц. ИД № 03820 от 25.1.2001 г.
390000, г. Рязань, ул. Новослободская, д. 36, кв. 2
Телефон (0912) 31-27-73